

Степан, ДАНИЭЛЬ.

1848

Нроч. 17 нов.

История
Революции

1848 г.

томъ I и II

с. 53

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія Н.Н. КЛОБУКОВА

1907

248851/

7-2

Ф-318/04р

Генерал
Митавский

Предисловіе ко второму изданію.

Не безъ волненія проглядываю я снова, для второго изданія, спустя десять лѣтъ, мою „Исторію Революціи 1848 года“. Нужно сказать, что для меня это и не книга и больше, чѣмъ книга. Она не была спокойно обдуманна, я не писала ее на досугѣ, какъ подобаетъ всякому, дѣйствительно литературному, произведенію. Я писала ее подъ живымъ впечатлѣніемъ событій, среди страшнаго политическаго возбужденія. Часто я бралась за перо, вернувшись съ засѣданій парламента, гдѣ бурныя пренія нарушали ясность моихъ мыслей; иной разъ я писала — а на улицахъ гремѣло возстаніе; не разъ прерывала я работу подъ звукъ оружія. Чувство ужаса и потрясающія жестокости нашихъ гражданскихъ войнъ мѣшали мнѣ работать. Живое эхо времени, уже канувшаго въ вѣчность, книга эта носитъ отпечатокъ страстности. Мнѣ кажется, я еще чувствую, пробѣгая ее, то электричество, которымъ тогда была насыщена атмосфера, и которое передавалось даже самымъ холоднымъ душамъ. Я нахожу въ ней слова, смыслъ которыхъ мы уже утратили. Любовь къ отечеству и любовь къ свободѣ говорятъ въ ней такимъ языкомъ, какого мы больше не слышимъ.

Поэтому, я долго колебалась, прежде чѣмъ рѣшиться напечатать эту исторію во второй разъ, и я получила не одинъ разумный совѣтъ, отговаривавшій меня отъ этого. „Что вы хотите дѣлать, говорили мнѣ, вы глубоко ошибаетесь, если надѣетесь насъ заинтересовать, снова вызывая тягостныя воспоминанія и погибшія чувства, напоминая не совершенныя дѣла и людей - неудачниковъ! Говорить еще о неудавшейся революціи? Къ чему хорошему это поведетъ! Развѣ вы не видите, въ какомъ замѣшательствѣ находятся тѣ, кто ее дѣлалъ, и какъ они въ своихъ апологіяхъ обвиняютъ другъ друга, каждый стараясь взвалить на другого ту долю въ общей неудачѣ, которая приходится ему самому? Предайте лучше забвенію

эту бесполезную книгу, которая появится совѣмъ не во время. Слишкомъ далекая, или слишкомъ близкая къ событіямъ, она заплатится за этотъ двойной недостатокъ. Воодушевленная идеями, никого уже больше не воодушевляющими; лишенная интереса для соперниковъ заднимъ числомъ, которые ищутъ панегиристовъ, но не судей; она оживитъ уколы самолюбія и едва улегшійся гнѣвъ, но ей не удастся ни воскресить умершія убѣжденія, ни приподнять грузъ общественнаго индифферентизма“.

Къ этимъ печальнымъ предсказаніямъ присоединился и мой личный опытъ, который мнѣ говорилъ о томъ, что значить писать исторію современныхъ событій, когда хочешь это сдѣлать свободно, не подчиняясь партійнымъ законамъ.

Правда, когда въ 1851 году появился первый томъ этой исторіи, то было обнаружено большое желаніе воздать должное моимъ справедливымъ намѣреніямъ. Доходили до того, что говорили, будто я обладаю „героизмомъ безпартійности“; однако, меня принудили быть болѣе героической, чѣмъ я хотѣла того сама — одни, нападая съ крайнимъ ожесточеніемъ, другіе, не защищая меня, или защищая очень холодно. Изъ всего этого можно было придти къ заключенію, что книга моя встрѣтила всеобщее неодобреніе. Однако знаки симпатіи, приходившіе издалека, одинъ за другимъ, но изъ года въ годъ все болѣе живые и болѣе многочисленные, давали мнѣ чувствовать, что я, на самомъ дѣлѣ, не такъ ужъ одинока, какъ это могло казаться.

Такой пріемъ, и такой медленный и сомнительный успѣхъ, который книга завоевывала почти десять лѣтъ, не могли мнѣ дать серьезныхъ поводовъ надѣяться на успѣхъ новаго изданія. Написанная безпокойно, въ моментъ самой напряженной борьбы, „Исторія Революціи 1848 года“ не отвѣчаетъ, кромѣ того, моимъ собственнымъ требованіямъ и не удовлетворяетъ больше мою писательскую совѣсть, ставшую съ годами суровѣй и строже. Зачѣмъ же тогда хотѣть или разрѣшать снова издавать ее? А поводъ есть! только многимъ онъ покажется смѣшнымъ: это долгъ! Тотъ долгъ, тѣмъ болѣе повелительный, чѣмъ онъ дѣлается болѣе труднымъ, который заставляетъ каждого изъ насъ направлять всѣми средствами, не считаясь со своими собственными силами, направлять общественное вниманіе на изслѣдованіе спорныхъ истинъ, который заставляетъ протестовать, возможно громче, противъ индифферентизма въ общественныхъ дѣлахъ, и заявлять рѣшительно о томъ, что ты считаешь справедливымъ, заявлять даже тѣмъ, которые дѣлаютъ своей

профессіей цѣнить лишь то, что они сами считаютъ полезнымъ. Кромѣ того я увѣрена, что ни одно сочиненіе участниковъ или зрителей революціи 1848 года не могло быть написано при обстоятельствахъ, болѣе благопріятныхъ для полной независимости взглядовъ и сужденій. Но это требуетъ объясненія.

Когда вспыхнула февральская революція, мое вниманіе, мои стремленія уже давно были обращены къ прогрессу демократическихъ идей. Я живо интересовалась общественными дѣлами, но въ этомъ интересѣ не было ничего личнаго. Каковъ бы ни былъ исходъ близкой революціи, мнѣ совершенно нечего было бояться и абсолютно нечего было ждать для себя. При всякомъ режимѣ, мой полъ сталъ бы поперекъ дороги моему политическому честолюбію. Чисто женская жажда власти для своихъ друзей была для меня невозможна: если я была чужая для партіи, которую готовилась смести революція, то тѣмъ болѣе я не принадлежала и къ той, которой она готовила триумфъ. Убаюкиваемая въ дѣтствѣ легендами о вандейскихъ войнахъ, я была связана семейными узами съ младшей вѣтвью Бурбоновъ, но о принцахъ орлеанскаго дома сохранила лишь пріятное воспоминаніе отъ любезнаго пріема. Благодаря изученію, спокойному изученію идей, а не изъ-за ненависти къ отдѣльнымъ личностямъ, я выработала себѣ взгляды, совершенно противоположные взглядамъ моей семьи. Подъ влияніемъ глубоко-христіанскаго воспитанія, я стремилась къ униженнымъ, къ тѣмъ, кто страдаетъ, но мнѣ никогда не разъясняли формулъ социализма. Я благоговѣла, изучая исторію, предъ духомъ итальянскихъ республикъ, передъ героической свободой Батавской республики, но я имѣла слабое представленіе о современной демократіи, и я не знала ея великихъ людей. За исключеніемъ Ламеннэ и Ламартина я не встрѣчалась ни съ республиканцами, образовавшими временное правительство, ни съ республиканцами, стремившимися его свергнуть. Соперничество „National“ и „Réforme“ трогали меня такъ же мало, какъ и соперничество „Constitutionnel“ и „Siècle“. И только послѣ избранія Людовика принца Наполеона Бонапарта мои историческія работы привели меня къ постояннымъ сношеніямъ съ побѣжденной партіей.

Поэтому, описывая послѣдующія событія, я не находилась подъ влияніемъ какихъ бы то ни было заранѣе сложившихся взглядовъ, мнѣ не въ чемъ было себя оправдывать, и не за что было мстить. Такое состояніе ума наиболѣе благопріятно для дѣйствительнаго и простаго изслѣдованія истины; вотъ почему я считала своимъ долгомъ предпринять его, и вотъ почему, спустя столько лѣтъ, я чув-

ствую себя въ правѣ снова предложить публикѣ книгу, надѣленную, на иной взглядъ, столькими недостатками.

Я могла бы, я, безъ сомнѣнія, должна была бы изъ желанія, чтобы ее приняли благосклонно, передѣлать ее цѣликомъ, распредѣливъ матеріалъ въ лучшемъ порядкѣ, обработавъ его болѣе научно. Я этого не захотѣла. Мнѣ казалось, что если при этой передѣлкѣ книга и пріобрѣтетъ нѣсколько достоинствъ, за то она утратитъ свою главную цѣнность—свой характеръ непринужденной искренности и живого свидѣтельства. Я, поэтому, ограничилась исправленіемъ неточностей въ деталяхъ; я выпустила нѣсколько спорныхъ анекдотовъ, которые не стоили новой провѣрки; вычеркнула эпитеты, вырвавшіеся у меня въ пылу импровизации; постаралась сгладить нѣкоторыя преувеличенія въ относительной важности разныхъ личностей, изъ которыхъ однѣ рисовались въ блескѣ ихъ собственныхъ рассказовъ, другія являлись въ зеркалѣ слишкомъ снисходительной дружбы, инья, наконецъ, въ слишкомъ благопріятномъ освѣщеніи, вызываемомъ моимъ собственнымъ пристрастіемъ къ смѣлости ума и характера.

Такой, какая она есть, со всѣми ея недостатками, я представляю читателю въ 1862 году эту „Исторію Революціи 1848 года“. При этомъ, я имѣю въ виду, что читатель теперь не тотъ, что былъ 10 лѣтъ тому назадъ. Уже больше не къ тѣмъ людямъ, что создавали республику или страдали за нее, обращаюсь я со своей книгой. Я полагаю, что это было бы для нихъ или бесполезно, или обидно. Это поколѣніе почти все, за рѣдкимъ исключеніемъ, устало; оно, повидимому, нуждается въ отдыхѣ. Нѣкоторые, наиболѣе стойкіе, ищутъ его въ одиночествѣ; другіе сумѣли найти его въ нѣдрахъ семьи; многихъ развлекли или утѣшили наука, искусство, промышленность. Приглашать эти души, печально смирившіяся, приносящія по своему пользу, къ покорности судьбѣ которыхъ я отношусь съ уваженіемъ, приглашать ихъ изучать вмѣстѣ со мной причины прошлыхъ поражений или средства для подготовки лучшаго будущаго, это значило бы безъ всякаго повода снова приводить ихъ въ смущеніе: мое намѣреніе не таково. Другому классу читателей хотѣлось бы мнѣ предложить свою книгу, въ надеждѣ, что для него она можетъ быть нѣсколько полезной. Послѣ паденія республики выросло новое поколѣніе. Едва вступивъ въ общественную жизнь, оно уже призвано, въ свою очередь, принимать участіе въ дѣлахъ, подавать голоса, какъ избиратели, засѣдать на собраніяхъ, вступать въ либеральныя профессіи и пользоваться своими гражданскими правами.

Это поколѣніе, нѣсколько смущенное противорѣчіями нашихъ частыхъ политическихъ переменъ, теперь спрашиваетъ себя, что нужно у насъ понимать подъ свободой и правомъ. На глазахъ этой молодежи, тогда еще не имѣвшей чести, благодаря своему возрасту, стоять подъ однимъ изъ знаменъ, происходилъ рѣзкій переходъ отъ королевства къ республикѣ, и отъ республики къ имперіи. Молодежь, безъ предвзятыхъ мнѣній, безъ увлеченій, но также и безъ предразсудковъ ищетъ въ немъ практическихъ свѣдѣній. Ничѣмъ неskomпрометтированная въ своемъ прошломъ, она прислушивается къ урокамъ исторіи. Она вопрошаетъ людей и событія.

Отъ этого поколѣнія, любознательнаго и безпартійнаго, я и ожидаю окончательной оцѣнки „Исторіи Революціи 1848 года“.

Если,—и этому, кажется, вѣрятъ,—наши тогдашнія надежды заставятъ его разсмѣяться; если обманутое великодушіе народа, готово положить свою жизнь за свободу, дастъ ему только матеріалъ для шутокъ; если оно захочетъ, изъ нашихъ революціонныхъ кризисовъ, извлечь лишь урокъ эгоистическаго благоразумія, если великія туманныя или ясныя предчувствія этого бурнаго времени не вызовутъ въ немъ никакого волненія, тогда моя цѣль не достигнута: но я, признаюсь откровенно, совѣмъ не боюсь подобнаго разочаранія.

Несмотря на очень замѣтную разницу въ настроеніи и въ воспитаніи умовъ, они на закатѣ XIX вѣка, не менѣе революціонны, чѣмъ при его началѣ: только на другой манеръ. Революція ушла изъ подпольнаго міра заговоровъ и тайныхъ обществъ; она уже не возбуждаетъ народъ на площадяхъ. Она не волнуетъ воображенія; сна не говоритъ больше голосомъ сивилль и пророковъ; треножникъ опрокинутъ; оракуль молчитъ; мракъ и тайна исчезли. И при яркомъ свѣтѣ общественнаго разума, обдуманными шагами идетъ впередъ революція съ открытымъ лицомъ. Въ реальной дѣйствительности, въ наукѣ, въ промышленности, въ математической точности положительныхъ истинъ нашла она свою силу, и на нихъ она основала свое могущество.

Наука XIX вѣка глубоко революціонна—она основала въ безконечности міровъ царство закона; и, мстя за Галилея, она изгнала изъ плана вѣчной премудрости нахальныхъ угнетателей человѣческаго разума.

Какъ и науку, революція охватила промышленность, интересы которой требуютъ свободы: лишь при свободѣ возможно соревнованіе въ трудѣ, а отсюда вытекаетъ заботливость о жизни рабочаго и уваженіе къ народному генію.

Политика, это древнее право людей, также преобразовывается подь волшебнымъ дыханіемъ революціи; она ссылается на желанія народовъ; она торжественными договорами подтверждаетъ факты, свершившіеся по волѣ народовъ и противъ воли королей.

Революція, наконецъ, занимаетъ высоты, она является госпожею стратегическихъ позицій цивилизаци. Спокойная и суровая, она присутствуетъ въ совѣтѣ королей; произноситъ рѣчи на международныхъ конгрессахъ; въ свою очередь говоритъ увѣреннымъ голосомъ: „Государство это я. Виѣ меня нѣтъ спасенія“. Ее чувствуютъ ее начинаютъ понимать, —эту революцію, которая въ 1792 году была героическимъ взмахомъ націи, въ 1830 году смѣлымъ расчетомъ буржуазіи, порывомъ народныхъ массъ въ 1848 году, а въ 1862 вытекаетъ изъ самой необходимости вещей. Нравственные устои стараго общества пошатнулись, исправить ихъ нельзя. Въ самыхъ нѣдрахъ видимаго порядка, изо дня въ день, осложняется смятеніе умовъ. Нѣтъ больше связей, нѣтъ больше традицій; между вчера и сегодня, между сегодня и завтра существуетъ лишь несогласіе и неувѣренность; между слѣдующими одно за другимъ поколѣніями царствуютъ лишь недоразумѣнія, да взаимное непониманіе. Юношество, которое упрекаютъ въ индифферентизмѣ, само страдаетъ отъ этого недостатка, и гораздо больше, чѣмъ это себѣ представляютъ. Оно переноситъ его съ тѣмъ большимъ нетерпѣніемъ, что оно совершенно противорѣчитъ его инстинктамъ. Изолированное, вступившее въ тотъ возрастъ, когда больше всего хочется быть откровеннымъ, охваченное, не приобрѣтя никакого опыта, преждевременнымъ разочарованіемъ, юношество само приходитъ въ уныніе, и гораздо большее, чѣмъ мы это думаемъ, отъ того духа критики, которымъ оно одержимо. Глубоко несправедливо ставить ему это въ упрекъ, такъ какъ, такимъ образомъ, создается наказаніе за проступки, которые и не были совершены.

Что касается меня, то признаться, я не только не считаю зломъ теперешнее настроеніе молодежи, но скорѣй готова его одобрить. Это серьезное и искреннее недовѣріе, съ которымъ молодежь подходит ко всему, придаетъ мнѣ бодрость, не внушая никакого безпокойства. Оно кажется мнѣ не врагомъ, но сотрудникомъ революціи. Я вижу въ немъ, и съ большей увѣренностью, чѣмъ въ разныхъ энтузіамахъ, гарантію противъ длительности той крайней реакціи, которая, обыкновенно, слѣдуетъ за нашими мощными политическими порывами. Мнѣ кажется, въ немъ видна невозможность возвращенія къ старому режиму, къ тѣмъ правамъ таинственнаго происхожденія,

на которыя, въ своемъ презрѣніи къ прогрессу человѣческаго разума, еще указываютъ шепотомъ мнимо вѣрующіе. Духъ критики и изслѣдованія! Развѣ, на самомъ дѣлѣ, это не та революціонная необходимость, которая отъ Декарта до Кондорсэ, отъ Кальвина до Вольтера, безпрестанно, на разстояніи трехъ вѣковъ, возбуждала и толкала впередъ французскую мысль.

Поэтому, вамъ, молодые скептическіе умы, я осмѣливаюсь посвятить эту книгу, полную вѣры. Я убѣждена, что вы не погнушаетесь прочесть въ ней исторію революціи, которой вы обязаны тѣмъ полнымъ освобожденіемъ, тѣмъ исключительнымъ преобладаніемъ разума, которое, въ данную минуту, вамъ кажется въ тягость, какъ богатство, лежащее безъ употребленія. Но наступитъ зрѣлость, и, незамѣтно для васъ самихъ, оно увеличитъ ваше пониманіе истиннаго и стремленіе къ добру.

Я увѣрена, что вы отнесетесь съ почтеніемъ къ чуждымъ вамъ страстямъ вашихъ предшественниковъ, хотя, можетъ быть, вы и сожалѣете о томъ, что онѣ вамъ незнакомы. Пусть отечество и честь не такъ волнуютъ ваши души, но я убѣждена, что если имъ будетъ грозить опасность, они найдутъ васъ не менѣе вѣрными, и, если вамъ будетъ предстоять выборъ, вы также воскликнете вмѣстѣ съ моралистомъ: „пусть свобода влечетъ за собой всѣ опасности, а рабство—полное спокойствіе, я, всетаки, предпочту свободу; свобода—это жизнь; а рабство—смерть!“

Парижъ.
1-го апрѣля, 1862 г.

lierei: perche io giudico che sia impossibile, senza offendere molti, descrivere le cose de'tempi suoi" (т. е. „я старался въ этихъ описаніяхъ, не искажая истины, удовлетворить каждаго, и, можетъ быть, не удовлетворю никого. И если бы это было такъ, то я не удивился бы: ибо я полагаю, что невозможно, не оскорбляя многихъ, описывать событія своего времени“),—сказалъ Маккіавель.

Предисловіе къ первому тому перваго изданія.

Этотъ томъ, предлагаемый мною теперь читателю, охватываетъ лишь часть событій, всю цѣль которыхъ я собиралась описать подъ заглавіемъ „Исторія Революціи 1848 года“. Рѣшивъ, по нѣкоторымъ частнымъ соображеніямъ, отложить печатаніе моего труда цѣликомъ, я полагаю, что могу выдѣлить изъ него вполнѣ самостоятельную часть.

Она заканчивается возглашеніемъ республики въ ратушѣ, прекратившемъ борьбу трехъ февральскихъ дней.

Партія, такъ низко сгибавшаяся передъ народной революціей, теперь съ высокомеріемъ и ожесточеніемъ нападаетъ на нее. Это обязываетъ меня напечатать безъ замедленія мое добросовѣстное изслѣдованіе, которое, какъ я думаю, можетъ пролить истинный свѣтъ на столь необычайно искаженныхъ людей и факты. Я вложила въ свои изысканія, вмѣстѣ съ самой тщательной добросовѣстностью, искреннее желаніе безпартійности. Если, что весьма вѣроятно, изъ подъ моего пера и проскользнули ошибки, я, по крайней мѣрѣ, могу утверждать, что въ нихъ не было ничего систематическаго, и я буду считать себя счастливой исправлять ихъ, по мѣрѣ того, какъ онѣ будутъ обнаруживаться.

Вотъ все, что я могу сказать о своей книгѣ, которая, по всѣмъ признакамъ, пробудитъ ко мнѣ не мало непріязни. Вѣдь совершенно невозможно писать современную исторію, не раздражая многія самолюбія, или даже не рая многія деликатныя души, которымъ голая истина кажется непристойностью, всегда оскорбительной и нерѣдко даже скандализирующей ихъ. Одинъ великій мастеръ въ искусствѣ исторіи, зналъ это хорошо: „Io mi sono, ingegnato, in queste mie descrizioni, non maculando la verità, di sodisfare a siazenzo, e forse non avro sodisfatto a persona. Nè quando questo fusse mene maravig-

Введение.

I.

Жизнь народовъ, какъ и жизнь земного шара, на которомъ вершится ихъ судьба, представляетъ собой лишь вѣчную метаморфозу. Никогда не останавливаясь, эта неуловимая сила, которую мы называемъ жизнью, производитъ въ обществѣ, какъ это она дѣлаетъ и во всей природѣ, работу одновременно творческую и разрушительную, подчиненную, несмотря на свою видимую случайность, вносимую вмѣшательствомъ свободной воли человѣка, таинственнымъ законамъ неизмѣннаго въ своей сущности порядка. Жестокіе кризисы социальнаго характера—революціи—лишь ускоряютъ то работу разрушенія, т. е. паденія народа, то творческую дѣятельность, т. е. прогрессъ того же самаго народа въ своей собственной ему цивилизаціи.

Революція 1848 года, о которой я собираюсь разсказать здѣсь, только что показала намъ, въ одно и то же время, это двойное дѣйствіе двухъ противоположныхъ силъ. Будучи преобразовывающей по преимуществу, она стремится разбивать и соединять, разрушать и строить; критикуя и созидая, она,—чтобы употребить термины, въ которыхъ народный инстинктъ, съ первыхъ дней, вполне выразилъ ея характеръ въ его истинномъ значеніи,—она представляетъ собой революцію *политическую и социальную*. Ея конвульсии одновременно возвѣщаютъ агонію умирающей силы и выступленіе силы новой, которую современное общество безсознательно хранитъ въ своихъ нѣдрахъ. Отсюда тотъ безпредѣльный ужасъ и еще болѣе безпредѣльныя надежды, которые породила въ умахъ революція 1848 года.

И сообразно съ тѣмъ, были ли умы болѣе или менѣ захвачены однимъ или другимъ изъ этихъ чувствъ, сообразно съ тѣмъ, примыкали ли они болѣе или менѣ тѣсно къ прошлому или къ будущему, къ тому, что только что начинало существовать, они

охваченные чрезвычайнымъ смущеніемъ, обнаруживавшимся въ самыхъ мельчайшихъ фактахъ, или видѣли ужасающіе симптомы полного разрушенія, или были полны необманывающего предчувствія совершеннаго обновленія социальнаго порядка. Теперь, когда страна, повидимому, совсѣмъ забыла этотъ странный моментъ своей исторіи, не очень то легко отдать себѣ точный отчетъ въ такомъ смѣшеніи идей. Вотъ почему, прежде чѣмъ приступить къ изложенію событій, раньше чѣмъ послѣдовать за ходомъ революціи, такъ различно понятой, я считаю полезнымъ вернуться къ ея началу, чтобы лучше отмѣтить ея природу и сдѣлать болѣе осязательнымъ это двойное дѣйствіе—политическое и социальное. Не нужно ни на минуту терять его изъ виду, если хочешь обнять во всей полнотѣ и судить, по правиламъ здоровой и спокойной критики, ту метаморфозу, что свершилась во Франціи въ теченіе одного вѣка. Революція 1848 года, хотя ея непосредственные результаты, повидимому, совсѣмъ не соотвѣтствуютъ ея обѣщаніямъ, представляется мнѣ однимъ изъ самыхъ важныхъ и самыхъ рѣшительныхъ фазисовъ этой метаморфозы.

Республиканско-демократическое правленіе, объявленное 24-го февраля по добровольному и, нѣкоторымъ образомъ, невольному соглашенію народа и буржуазіи¹⁾, вовсе не было, какъ это слишкомъ часто говорятъ, результатомъ нечаяннаго и быстрого насильственнаго переворота, которымъ удачно воспользовался случай. Оно было естественнымъ слѣдствіемъ того двойного стремленія XVIII вѣка, которое одновременно завоевало свободу мысли для образованныхъ классовъ и свободу дѣйствій для классовъ рабочихъ. Оно было предѣломъ, къ которому должно было привести философское, критическое, рациональное, либеральное или революціонное движеніе, назовите его, какъ хотите, которое, начавшись съ высотъ общества, поколебало одно за другими всѣ вѣрованія, бывшія въ феодальномъ католическомъ и монархическомъ государствѣ опорами власти, основанной на божественномъ правѣ. Его въ то же время можно разсматривать, какъ наиболѣе полное, до настоящаго времени, проявленія того инстинктивнаго движенія, которое, глухо возбуждая народныя массы, стремится съ 1789 года заставить ихъ демократизироваться, добыть себѣ посредствомъ свободной ассоціаціи гражданъ порядокъ, опирающійся на равенство, способный замѣнить старую феодальную иерархію; создать посредствомъ всеобщей подачи голосовъ власть,

¹⁾ Я, съ сожалѣніемъ, пользуюсь этими двумя терминами въ томъ узкомъ и неточномъ смыслѣ, какой былъ имъ приданъ въ 1848 г., такъ какъ нахожу, что невозможно замѣнить ихъ терминами болѣе подходящими, не лишая то время, когда они были у всѣхъ на устахъ, нѣкотораго присущаго ему оттѣнка.

отвѣчающую общественнымъ интересамъ; замѣнить божественное право—правомъ человѣческимъ, — однимъ словомъ, организовать демократію.

Моя работа слишкомъ бы растянулась и увлекла бы меня за предѣлы моего предмета, если бы я начала изслѣдовать, благодаря какимъ тайнымъ соотношеніямъ и черезъ какую скрытую необходимость, не разъ повторявшіяся нападенія философіи восемнадцатаго вѣка на институты христіанской церкви поражали, противъ своей воли, политическія учрежденія; какимъ образомъ отрицаніе откровенія, первороднаго грѣха, очищенія, искупленія черезъ божественныя страданія влекло къ отрицаніямъ такого же рода въ строе социальномъ, и должно было поколебать, вплоть до самого принципа его собственнаго существованія, то общество, которое нельзя даже было представить себѣ безъ страданія и покорности громаднаго большинства его членовъ.

Было бы, конечно, интересно показать, какъ съ высотъ метафизическихъ умозрѣній духъ энциклопедистовъ спустился въ реальную жизнь, проникъ въ наши политическія собранія, а затѣмъ и во всѣ классы французскаго общества; но и не связывая такъ движеніе 1848 года съ его наиболѣе отдаленными причинами, вполне будетъ достаточно для того, чтобы составить о немъ вѣрное представленіе, выяснить его ближайшія причины и напомнить общій характеръ царствованія короля Лудовика-Филиппа.

II.

Восшествіе на престолъ младшей вѣтви Бурбоновъ, которое въ политическомъ отношеніи имѣло очень простой смыслъ, понятный всѣмъ; возвращеніе либеральнаго духа и преобладаніе вліянія средняго класса на управленіе политическими дѣлами,—эти событія и явленія застали Францію въ такомъ социальномъ положеніи, которое не такъ легко поддается опредѣленію, и которое еще ускользнуло отъ взглядовъ очень большого числа людей. Это, еще очень недавно, положеніе, уже внушающее, однако, безпокойство внимательнымъ умамъ, создалось, благодаря чрезвычайному росту одной, очень значительной части народныхъ массъ, которая, благодаря почти фатальному стеченію обстоятельствъ, сложилась какъ бы въ отдѣльный классъ, какъ бы въ націю среди націи, и которую начали обозначать новымъ именемъ промышленнаго пролетаріата. Существованіе этого пролетаріата совсѣмъ не продолжительно; онъ родился у насъ вмѣстѣ со свободой торговли и промышленности. Въ теченіе долгихъ лѣтъ, его развитіе было почти незамѣтно,

и тѣ декреты Учредительнаго собранія, которые, уничтожая цехи, цеховыхъ присяжныхъ и мастеровъ, разрушали организацію, несовмѣстимую съ новымъ социальнымъ строемъ, давали себя чувствовать лишь своими благоприятными результатами. Во время войнъ республики, консульства и имперіи, скорѣй не хватало рукъ для работы, чѣмъ работы для рукъ. Ничто не вызывало антагонизма между хозяиномъ и рабочимъ, такъ какъ, благодаря достаточному барышу и заработку, не нарушалась естественная справедливость отношеній. Но съ водвореніемъ континентальнаго мира положеніе вещей мѣняется. Промышленная жизнь, благодаря общественной безопасности и увеличенію народонаселенія, пошла ускореннымъ темпомъ. Открываются обширныя мастерскія, огромныя фабрики, въ которыхъ, при помощи новыхъ процессовъ и чудесныхъ машинъ, производится громадное количество продуктовъ, съ неизвѣстной до тѣхъ поръ быстротой, экономіей и совершенствомъ. Быстрое обогащеніе фабрикантовъ приводитъ въ изумленіе, ослѣпляетъ, вызываетъ беспорядочное соревнованіе. Заработная плата рабочихъ, поднятая до необычайной высоты, благодаря этой конкуренціи фабрикантовъ, привлекала въ большіе мануфактурные центры населеніе деревень и, все больше и больше, вела къ чрезмѣрному производству. Потребленіе вскорѣ уже не соответствовало такому возрастанію продуктовъ; несоответствіе между предложеніемъ и спросомъ дѣлалось все чувствительнѣе; произошло перепроизводство; равновѣсіе было нарушено. Конкуренція заграничная и внутренняя конкуренція между предпринимателями, хозяевами мастерскихъ и рабочими сопровождали сокращеніе производства и, въ то же время, необходимо вели къ пониженію заработной платы. Завязалась отчаянная борьба, и въ результатѣ этой борьбы явилась нужда, совершенно новаго рода, которая, поражая очень дѣятельный, очень интеллигентный и очень энергичный классъ населенія, конвульсивно толкала его отъ страданій къ возстанію, и отъ возстанія къ еще большимъ страданіямъ, и заставила его, такимъ образомъ, дойти до совершенно непоправимой нищеты. «Нѣтъ никакого просвѣта въ существованіи этихъ несчастныхъ классовъ: голодь, страданія тушатъ въ нихъ всѣ нравственныя чувства. Когда ежечасно приходится бороться, чтобы жить, всѣ страсти сосредоточиваются въ эгоизмъ, каждый забываетъ горе другихъ изъ-за своего собственнаго, природныя чувства притупляются. Трудъ упорный, постоянный, однообразный притупляетъ всѣ способности. *Становится стыдно за человеческое существо, когда видишь, до какой степени униженія оно можетъ дойти, и на какую жизнь, болѣе низкую, чѣмъ жизнь животныхъ, оно можетъ согласиться*». Въ такихъ выраженіяхъ говорилъ о рабочемъ классѣ

одинъ изъ наиболѣе авторитетныхъ писателей того вѣка С. де-Сисмонди ¹⁾). И эта жизнь, *болѣе низкая, чѣмъ жизнь животныхъ*, и это исключительное и, въ нѣкоторомъ родѣ, *подъ-человѣческое* еостояніе промышленнаго пролетаріата становилось, изо-дня-въ-день, все болѣе ненавистнымъ, такъ какъ, изо-дня-въ-день, оно представляло все болѣе чувствительный контрастъ съ повышающимся уровнемъ общаго благосостоянія и съ принципомъ равенства, нарисоваго повсюду во французскомъ законѣ.

Права на трудъ, торжественно провозглашенныя на нашихъ собраніяхъ, признаніе народа сувереномъ, не позволяли, между тѣмъ, больше пролетаріату говорить о покорности или объ униженіи. Иронія законнаго равенства, въ нѣдрахъ реальныхъ неравенствъ, и еще болѣе острая иронія сувереннаго народа, распростертаго на ложѣ нищеты и воюющаго отъ голода, предстали во всемъ своемъ печальномъ освѣщеніи. Прошли тѣ времена, когда несчастный, задавленный несправедливостью судьбы, молча, повергнувшись во прахъ, взывалъ къ божественному милосердію и уповалъ на будущую жизнь. Выпрямившись во весь ростъ, нетерпѣливый, онъ требуетъ отъ общества объясненій причины его страданій. Здѣсь — внизу — онъ тоже хочетъ своей доли! Онъ не вымаливаетъ ее больше во имя жалости, онъ требуетъ ее во имя справедливости. Становится понятнымъ, что эти новыя нужды промышленнаго пролетаріата, слишкомъ законныя и слишкомъ повелительныя, чтобы можно было ими пренебрегать до безконечности, обладаютъ, однако, такими свойствами, что еще менѣе возможно удовлетворить ихъ немедленно, и въ этомъ то для всякаго правительства, — какова бы ни была его политическая форма, — заключается помѣха, затрудненіе, дѣйствительная опасность. Но въ тотъ моментъ, когда Лудовикъ-Филиппъ вззошелъ на тронъ, эту опасность съ трудомъ можно было предвидѣть, и ни одинъ изъ государственныхъ людей, которымъ революція 1830 года вручила власть, не имѣлъ о ней, можно навѣрно сказать, ни малѣйшаго представленія.

Однако, уже въ теченіе многихъ лѣтъ, два великихъ ума, которые дали свои имена двумъ, ставшимъ знаменитыми, системамъ

¹⁾ Если кто-нибудь пожелаетъ получить нѣкоторое представленіе о положеніи рабочаго класса, вся безвыходность котораго не можетъ быть изображена достаточно ярко никакой картиной, пусть онъ просмотритъ слѣдующія сочиненія написанныя по официальнымъ документамъ:

Willermé, *Tableau de l'état physique et moral des ouvriers.*

Buret, *De la Misère des classes laborieuses.*

Frégier, *Des Classes dangereuses.*

Blanqui, *Rapport à l'Académie des Sciences morales et politiques.*

De Morogues, *Du Paupérisme.*

Dupont-White, *Essai sur les relations du travail avec le capital.*

соціальной экономіи, сосредоточили свое вниманіе на этомъ глухомъ конфликтѣ между высшими и низшими классами. И оба они, хотя и не знали одинъ другого и были совершенно различны по происхожденію, по воспитанію и по гению, предприняли аналогичную работу: радикальную критику всѣхъ существующихъ теперь соціальныхъ отношеній и полное преобразованіе этихъ отношеній по новымъ законамъ, гармонирующимъ съ той степенью цивилизаціи, которой достигло челоуѣчество.

Возстановить на развалинахъ католическаго авторитета религіозную власть, которая весь прогрессъ промышленности, науки и искусства направила бы къ этой высшей цѣли: улучшить, какъ можно быстрѣй, участь самаго многочисленнаго и самаго бѣднаго класса, такова была сущность ученія Сэнъ-Симона.

Печатаая свой «Новый промышленный и соціетарный міръ», Шарль Фурье болѣе спеціально нападалъ на «фальшивую промышленность» и на «лживую торговлю»; но онъ не сомнѣвался, какъ и Сэнъ-Симонъ, въ необходимости полного обновленія общества и преобразованія цѣликомъ всей нашей ложной цивилизаціи, которую онъ признавалъ позорной и варварски гнусной. Эти два челоуѣка встрѣчали при своей жизни насмѣшки и издѣвательства. Умы созерцательные, независимые, съ эксцентричностью, которую гордость довела до галлюцинацій, постоянно смѣшивавшіе міръ реальностей съ міромъ химеръ, находясь слишкомъ внѣ соціальной среды, чтобы имѣть возможность быть тамъ понятыми, Сэнъ-Симонъ и Фурье умерли въ одиночествѣ; но идеи ихъ не умерли съ ними. Онѣ были восприняты ревностными учениками. Онѣ распространялись сначала очень медленно, затѣмъ со все возрастающей быстротой. Изъ нихъ создались разные документы, теории, системы, часто противорѣчащія, повидимому, одна другой, но, тѣмъ не менѣе, согласныя въ существенныхъ пунктахъ. Всѣ эти доктрины протестуютъ противъ излишества свободы и противъ злоупотребленій индивидуальнымъ правомъ, которымъ онѣ противопоставляютъ принципъ ассоціаціи, солидарности индивидуумовъ, классовъ и народовъ. Усвоенныя двадцать лѣтъ спустя, подъ общимъ именемъ социализма, онѣ требовали всяческаго вмѣшательства государства въ торговыя и промышленныя отношенія; онѣ, съ ужасающей смѣлостью, выдвинули проблему, которую философы XVIII вѣка, разрушая въ сознаніяхъ моральные устои христіанскаго міра, завѣщали современной наукѣ и политикѣ, сами того не зная, а можетъ быть, и даже не желая. Эта проблема была по существу ничѣмъ инымъ, какъ проблемой демократической организаціи, и нужно было изрядно времени, чтобы ее изучить, разработать, освободить

часть I.

дять отъ неясностей, чтобы заставить ее перейти отъ расплывчатыхъ теорій къ практическимъ рѣшеніямъ.

На долю Людовика-Филиппа долженъ былъ бы выпасть трудъ и слава способствовать этой работѣ во время его длиннаго царствованія. Все, повидимому, побуждало его къ столь благоразумной работѣ. Независимость его ума, гуманность его чувствъ, его воспитаніе, опытность, личныя свѣдѣнія, пріобрѣтенныя во время испытаній его измѣнчивой судьбы, сношенія съ разными классами и народами, самый случай и способъ его восшествія на престоль, затруднительныя сношенія съ иностранными монархами, — немало краснорѣчивыхъ голосовъ и не одна угроза, — все въ немъ и вокругъ него обращало его вниманіе на это громадное недоразумѣніе между свободой и равенствомъ, на эти разногласія между перво- и послѣдне-рожденными революціи, которыя дѣлали непрочною его власть и сомнительнымъ утверженіе его династіи. Принадлежа къ королевской фамиліи, одинъ изъ представителей которой былъ казненъ, воспитанный на вдохновенной философіи девятнадцатаго вѣка, въ нѣдрахъ исполненнаго страсти поколѣнія, создатъ республики, Людовикъ-Филиппъ долженъ былъ чувствовать, какъ въ его жилахъ вмѣстѣ съ кровью текутъ надежды и чаянія его времени и его народа. Какое сомнѣніе могло отклонить его отъ соціальной реформы, не встрѣчавшей въ немъ ни одного вѣрованія, ни одной традиции и ни одного предразсудка, которые были бы противъ?

Положить единственно прочное основаніе истиннаго равенства, проводя въ жизнь систему національнаго воспитанія, планъ котораго былъ намѣченъ Конвентомъ; улучшить, поднять существованіе рабочихъ классовъ, обезпечить имъ болѣе широкое участіе въ благодѣяніяхъ цивилизаціи, для которой они такъ дѣятельно работали; посвятить ихъ, мало по малу, въ политическую жизнь; умножить и упрочить связи Франціи съ другими народами; предупредить, посредствомъ незамѣтныхъ экономическихъ преобразованій, внезапную ярость политическихъ революцій; заинтересовать этимъ важнымъ дѣломъ гордость высшихъ классовъ; привлечь къ нему государственныхъ людей; наконецъ, объединить, — вмѣсто того, чтобы противопоставлять ихъ одну другой, — живыя силы націи, которыя такимъ образомъ были бы спасены отъ скуки продолжительнаго мира и получили бы утѣшеніе за потерянный престижъ военной славы: право, такая задача была довольно велика и вполне достаточна, чтобы удовлетворить по истинѣ королевское самолюбіе. Людовикъ-Филиппъ, повидимому, проглядѣлъ ее ¹⁾. Онъ поставилъ себѣ

¹⁾ Правительство Людовика-Филиппа даже не постаралось ввести во Францію и приспособить къ нашимъ нравамъ великолѣпныя учрежденія.

другую задачу, болѣе низкую, неблагодарную, невозможную, которая, будучи для него слишкомъ легка по внѣшности, принесла ему въ исторіи одинъ позоръ. Онъ хотѣлъ удержать націю, обладающую могучей душой, на уровнѣ буржуазіи выскочки, самыя узкія и самыя эгонистическія стороны которой послужили, такъ сказать, матеріаломъ для его царствованія и стали его типическими признаками. Этого принца упрекаютъ въ недостатокъ величія; но этого мало: суровая исторія должна его обвинить также и въ отсутствіи любви. Не то, конечно, чтобы у него въ натурѣ не было стремленія къ добру, къ терпимости, къ той мягкости, которая всегда склоняется къ прощенію; но эта мягкость и доброта не приносили никакого плода, потому что ихъ не воодушевлялъ тотъ великодушный пылъ, который дѣлаетъ королей отцами народа. Людовикъ-Филиппъ совсѣмъ не любилъ трудящіяся классы. Онъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на слѣпую силу, отъ которой можно ждать лишь безпорядка.

И буржуазію, которой онъ старался угождать, онъ тоже не любилъ, онъ унижалъ ее и непрерывно стремился поработить; ему доставляло удовольствіе обманывать старый парламентскій и муниципальный духъ, который еще въ ней сохранился, маскируя, подъ аппаратомъ представительныхъ формъ и за республиканскимъ языкомъ, свое желаніе создать исключительно династическое и личное правительство.

Равнодушный къ религіи, чуждый философіи, онъ пассивно

бывшія въ полномъ ходу у другихъ народовъ: бесплатное судопроизводство для бѣдныхъ, введенное въ Пьемонтѣ, земледѣльческіе банки Германіи, рабочіе города и т. д. Констатировано, что съ 1830 до 1848 года всѣ усилія правительства рѣшить вопросы соціального улучшенія ограничились тремя циркулярами по поводу нищенства, которые были обращены министромъ внутреннихъ дѣлъ къ префектамъ, да такъ и остались подъ сукномъ у администраціи.

Что же касается до закона о первоначальномъ образованіи, изданномъ во время министерства Гизо и столь превознесенномъ при его появленіи, то онъ покажется очень робкимъ и очень неудовлетворительнымъ, если его поставить рядомъ съ сочиненіями Кондорсе и съ тѣми идеями, которыя были высказаны въ самомъ Конвентѣ (см. докладъ Лаканала 26 іюня 1793 года). Не давая его бесплатно, и не дѣлая его обязательнымъ, Гизо фактически свелъ на нѣтъ то народное образованіе, принципъ котораго онъ столь торжественно провозгласилъ.

Учителя начальныхъ школъ, отброшенные за предѣлы университетской іерархіи, плохо оплачиваемые, безъ всякой надежды на повышеніе, безъ обезпеченной пенсіи, очутились въ столь неблагоприятныхъ условіяхъ, что имъ было совершенно невозможно оказывать то вліяніе и выполнять ту миссію, къ какимъ они были повидимому призваны. Во время преній въ палатѣ депутатовъ Сальвертъ подчеркнулъ и другой недостатокъ этого закона, потребовавъ, чтобы въ программу начальнаго обученія было включено ознакомленіе съ правилами и обязанностями гражданина.

присутствовалъ при борьбѣ церкви и университета, и беззаботно предоставилъ пришедшій въ замѣнительство духъ французской молодежи противоположнымъ направленіямъ двухъ враждебныхъ силъ. Упорно стремясь поддержать миръ и не извлекая изъ него ничего, кромѣ мнимаго благосостоянія и спокойствія; увлекаясь все сильнѣй посредственностью своихъ мыслей по мѣрѣ того, какъ онъ видѣлъ, что она получаетъ все болѣе широкое распространеніе; поздравляя себя за свою проникаемость по мѣрѣ того, какъ власть и опытъ ему подтверждали, что людей подкупать чрезвычайно легко; смѣясь надъ всѣми совѣтами и становясь одинокимъ въ своей преувеличенной страсти къ власти, которую старость сдѣлала ревнивой,—этотъ несчастный принцъ кончилъ тѣмъ, что сталъ совершенно чуждымъ и своему вѣку, и своей странѣ. Посуровой прони судьбы, онъ долженъ былъ найти свою гибель въ томъ, что было предметомъ его удовольствія. Та самая буржуазія, которую онъ создавалъ на свой ладъ, ея низменные интересы, ея эгоизмъ, которыми онъ пользовался для своихъ цѣлей, ея низкія страсти, изъ которыхъ онъ извлекъ столько выгоды,—все это, дѣлая очень легкимъ его правленіе, не дали его царствованію никакого прочнаго основанія. И когда наступилъ день борьбы, когда ему пришлось воззвать къ самоотверженности, къ смѣлости, къ безкорыстнымъ убѣжденіямъ, онъ почувствовалъ по тому необычайному равнодушію и несказанной вялости, что были разлиты въ нравственной атмосферѣ, почувствовалъ, какое слабое эхо можетъ разбудить этотъ призывъ. Онъ разслабилъ характеры, онъ сдѣлалъ добродѣтели смѣшными, онъ принудилъ спрятаться, онъ загасилъ въ душахъ тѣ возвышенныя чувства, тѣ благородныя страсти, которымъ удалось спастись, или которыя, по крайней мѣрѣ, славно защищались. Презирая людей, онъ ихъ сдѣлалъ достойными этого презрѣнія. Выражаясь языкомъ библейскимъ, онъ сѣялъ испорченность и пожалъ развратъ.

Между главными обстоятельствами, способствовавшими возникновенію того чрезвычайнаго довѣрія, которое поддерживало Людовика Филиппа въ его собственномъ блескѣ, на первомъ мѣстѣ нужно поставить сотрудничество многихъ людей, надѣленныхъ рѣдкими способностями, которыхъ ему удалось сдѣлать своими орудіями, очень разнообразными, но почти одинаково послушными. Послѣ смерти Казимира Перье, сломленнаго въ борьбѣ, которую онъ осмѣлился начать противъ личнаго правленія короля, Гизо, Тьеръ, Моле, де-Бройль, призываемые одновременно или поочереды въ совѣтъ, сообразно съ тѣмъ, требовало ли положеніе вещей непреклонности или уступчивости, оказывали только очень слабое сопротивление королевскимъ желаніямъ, и едва расходились съ нимъ во взгля-

дахъ. Они единственно были заняты своекорыстной заботой удерживать или сосредоточить въ своихъ рукахъ нити парламентской интриги; они, впрочемъ, были убѣждены, раньше всякихъ изслѣдованій, въ опасности или въ невозможности самой незначительной соціальной реформы. Между этими четырьмя фигурами, которыя представляютъ съ различныхъ сторонъ монархію 1830 года, одну намъ особенно важно узнать поближе, потому что она, полнѣе чѣмъ другія, воплощаетъ въ себѣ самый духъ іюльскаго правительства. За то ее и гораздо труднѣе воспроизвести съ точностью: настолько ея характерныя черты противорѣчатъ одна другой, или даже исключаютъ другъ друга. Я говорю о Франсуа Гизо.

Видя эту огромную голову, слишкомъ тяжелую для такихъ худыхъ плечъ и откидывавшуюся съ усиленіемъ назадъ, какъ бы съ цѣлью снова пріобрѣсти терявшееся самообладаніе; смотря на это блѣдное и строгое лицо, большой изборожденный лобъ, этотъ тонкій и гордый ротъ, желтоватые оттѣнки худыхъ висковъ, эти глаза, гдѣ горитъ постоянный огонь,—можно было вообразить, что послѣ долгой борьбы принципъ добра остался побѣдителемъ въ этой гордой душѣ и одинъ царитъ надъ покоренными дурными страстями. Но стоило Гизо открыть ротъ, какъ сразу выдавалъ себя человекъ, лишенный всякихъ убѣжденій. Сквозь его повелительныя формулы проглядываетъ закоренѣлый скептицизмъ, который сообщается и вамъ. Вы колеблетесь, вы въ недоумѣніи; вы испытываете непреодолимое смущеніе: не то выразить оратору чувство невольнаго презрѣнія, не то проникнуться къ нему крайнимъ восхищеніемъ.

Благородный умъ въ цѣняхъ низкаго самолюбія; простота, правдивость и даже величіе въ частной жизни, останавливающая у порога домашняго очага все негодованіе, которое закипало противъ развращающаго духа государственнаго человѣка; захватывающее краснорѣчіе, защищающее позорныя вещи; презрительная и вызывающая непоколебимость на словахъ, постоянно опровергаемая слабостью воли; строгая дисциплина, скрывающая отъ другихъ, а можетъ быть, и отъ себя отсутствіе всякой религіозной или соціальной доктрины,—таковы тѣ угловатые и противорѣчивыя черты, подъ которыми рисуется намъ эта надменная, повелительная и страстная личность государственнаго человѣка, отъ чьихъ рукъ погибла королевская власть, о паденіи которой я собираюсь рассказывать.

Такой человекъ, благодаря своимъ недостаткамъ и достоинствамъ, по самой натурѣ своего честолюбія и талантовъ, казалось, былъ предназначенъ для того, чтобы погубить монархію. Буржуа по рожденію, онъ легко усвоилъ систему, извѣстную подъ названіемъ «золотой середины», по которой и выбралъ своей точкой опоры тотъ самый классъ, откуда происходилъ самъ. Но чтобы эта

система могла его поддержать, необходимо было опираться на добродѣтели буржуазіи, а не на ея пороки, какъ дѣлалъ онъ. Въ-сто того, чтобы будить въ ея груди патриотизмъ и любовь къ обществу благу, онъ возбуждалъ въ ней личный интересъ и интересъ классовой, думая создать, такимъ образомъ, болѣе прочный барьеръ прогрессу народныхъ классовъ въ политической жизни.

Въ полную противоположность истиннымъ государственнымъ людямъ, которые заботятся объ интересахъ цѣлой націи, какъ таковой, Гизо разсматривалъ власть, какъ совершенно независимую силу, самодовлѣющую и живущую отдѣльной жизнью, постоянно угрожаемую со стороны врага, которымъ, по его мнѣнію, былъ никто иной, какъ народныя массы. Не поддаваться, постоянно сопротивляться, въ этомъ, по его, заключался весь долгъ, весь смыслъ хорошаго правительства. Парламентская система правилась Гизо, потому что это нѣсколько искусственное равновѣсіе, казалось, одобряло тѣ интриги, въ которыхъ онъ превзошелъ себя, и потому что при ней былъ необходимъ тотъ ораторскій талантъ, который у него мало кто могъ оспаривать.

Потребность господства, въ связи со стремленіемъ къ свободному обсужденію, вотъ что служить объясненіемъ аномалій той политики, характеристику которой, съ отгнѣнкомъ неподражаемаго осужденія, Гизо далъ самъ, правда, приписывая ее кабинету Моле въ 1838 году: «Политика безъ принципа, безъ знамени, всѣми способами, къ которымъ она прибѣгаетъ, поддерживаетъ и усугубляетъ то слабодушіе, тотъ недостатокъ вѣры, твердости, настойчивости и энергіи, который въ тягость странѣ и который ослабляетъ власть». Его противники въ 1847 году не могли бы подобрать другихъ выраженій.

Историческіе и литературные труды Гизо многочисленны и пользуются заслуженнымъ уваженіемъ, но они меркнутъ предъ его славой, какъ оратора. На трибунѣ Гизо не имѣлъ соперниковъ. Трезвая и ясная полнота его философскихъ импровизаций, его столь рѣдкое искусство излагать предметъ обширными группами разсужденій, обобщать идеи и находить красоту въ отвлеченности, не прибѣгая къ помощи образовъ, спокойная презрительность его интонаціи, мощь, сосредоточенная въ его жестахъ и въ его взглядѣ, побуждавшая самые рѣзкіе протесты,—все это дѣлало его почти непреодолимымъ въ парламентской борьбѣ.

Однако, странная вещь, этотъ человѣкъ, бывший такъ долго у власти по волѣ короля и при поддержкѣ «легальной» страны, былъ антипатиченъ имъ обоимъ. Въ Людовикъ-Филиппъ было еще слишкомъ много крови Бурбоновъ подъ его буржуазной внѣшностью, чтобы дворянскія манеры не были милы его сердцу; а Гизо никогда не

удавалось освободиться отъ внѣшности профессора, женева, кальвиниста. Его манеры, его походка, сама улыбка—все, вплоть до его снисходительности, постоянно носило отпечатокъ нѣкоторой напускной важности, книжной спѣси, все это было глубоко противно и-принцу, которому онъ служилъ, и самой странѣ, управление которой было ему вручено. Все въ этомъ упорномъ сторонникѣ мира и союза съ Англійей коробило французскій духъ. Находясь подъ его управленіемъ, Франція, нѣкоторымъ образомъ, подчинялась иностранному игу. И во время долгой борьбы Тьера съ Гизо, все превосходство и счастье перваго заключалось въ томъ, что онъ былъ вполне французъ по уму, по сердцу, по инстинктамъ и по волѣ. Свобода и гибкость его движеній, его развитія и его таланта составляли поражающій контрастъ съ догматизмомъ и неподвижностью Гизо.

На трибунѣ, какъ и въ засѣданіяхъ, Тьеръ не прибѣгалъ къ силѣ своего авторитета, онъ осторожно проводилъ свои взгляды. Въ линіяхъ его четырехугольнаго лица проглядывала сильная воля, но совсѣмъ не чувствовалось власти. Открытый лобъ, живой и ласковый взглядъ, тонкія линіи рта, съ котораго при малѣйшемъ поводѣ срывалась добродушно-насмѣшливая улыбка; выразительная подвижность располагающей къ себѣ фізіономіи; воодушевленная рѣчь, ясныя фразы, естественное и постоянное воодушевленіе—производили очаровательное впечатлѣніе выдающейся натуры, но не пробуждали къ ней ни удивленія, ни уваженія. У Тьера былъ такой открытый умъ, что каждый, думая совсѣмъ просто проникнуть въ его душу, позволялъ ему, безъ всякаго недобрія, проникать въ свою собственную. Чудесный даръ, порою замѣняющій гений, отдавалъ въ его распоряженіе—чужую мысль: онъ ею овладѣвалъ, усваивалъ ее и дѣлалъ своей. Его неустанная дѣятельность и быстрота, съ которой онъ все схватывалъ, позволили ему пройти почти цѣликомъ весь циклъ знаній, приобрѣтенныхъ нашей эпохой.

Вліяніе Таллейрана, подъ которымъ Тьеръ находился въ своей юности, конечно, сильнѣе всего другого направило его еще не опредѣлившуюся жизнь по дорогѣ политическаго честолюбія. Дойдя совершенно инстинктивно до какого-то безпечнаго фатализма, Тьеръ очень легко проникся тѣмъ преклоненіемъ предъ успѣхомъ, которое у его славнаго патрона занимало мѣсто принциповъ и сознанія. Уваженіе къ праву у него находилось въ большой зависимости отъ важности дѣла. Онъ съ болѣею охотой оцѣнивалъ людей и факты по ихъ отношенію къ нуждамъ момента, чѣмъ по незыблемымъ законамъ справедливости и несправедливости. Благодаря этому важному пороку, который сразу обезцѣниваетъ его историческія сужденія и политическія конценціи, нѣкоторые суровые умы отказываютъ Тьеру одинаково какъ въ славѣ государственнаго

человѣка, такъ и въ славѣ великаго историка, признавая, однако, что его можно привѣтствовать, какъ наилучше освѣдомленнаго, наиболѣе ловкаго, необычайно прозорливаго и самаго краснорѣчиваго журналиста. Апологія Конвенту, похвальное слово Дантону, смѣлый протестъ противъ различныхъ взглядовъ, господствовавшихъ въ эту эпоху, создали успѣхъ «Исторіи Французской Революціи», этой книгѣ, написанной съ вдохновеніемъ, въ которой огонекъ молодости еще согрѣваетъ скрытый скептицизмъ. Благодаря доходамъ отъ изданій, число которыхъ все увеличивалось, Тьеръ вмѣстѣ съ Минье и Арманомъ Каррелемъ основалъ «National», рѣзкая критика котораго, направленная противъ правительства старшей вѣтви, необычайно способствовала возвышенію Орлеанскаго дома.

Заброшенный въ сферы власти іюльской революціей, становясь послѣдовательно надворнымъ совѣтникомъ, депутатомъ, старшимъ секретаремъ министерства финансовъ, министромъ внутреннихъ дѣлъ и общественныхъ работъ, Тьеръ положилъ конецъ гражданской войнѣ въ Вандеѣ, подкупивъ одного измѣнника, и доведя до общаго свѣдѣнія о слабостяхъ одной дамы. Этотъ человѣкъ, безъ желчи и ненависти, довелъ репрессіи до крайности и создалъ конституціонный терроризмъ, скорѣй изъ тщеславія и энергіи, чѣмъ по жестокости натуры, или изъ-за систематической строгости. Неудачи его министерства, прозваннаго министерствомъ 1-го марта, тѣмъ не менѣе привлекли къ нему, и надолго, довѣріе консервативной партіи.

Если, повидимому, Тьеръ и очень различенъ отъ Гизо по нѣкоторымъ частнымъ мнѣніямъ, по внѣшней сторонѣ таланта и по особенностямъ стіля, то онъ ему совершенно подобенъ по принципамъ и по цѣли политической науки. Одинаково искусный въ интригахъ, находя въ нихъ удовольствіе, какъ въ полезномъ упражненіи для своей эластичной совѣсти, лишенный, такъ же какъ и Гизо, стремленія къ общественному благу, хотя легче поддаваясь, если не величію, то блестящей сторонѣ дѣла, министр 1-го марта имѣлъ передъ своимъ соперникомъ преимущество обладать болѣе революціонной жилкой и, въ нѣкоторомъ родѣ, постоянной молодостью при своихъ сѣдѣющихъ волосахъ, что часто плѣняетъ и нерѣдко обезоруживаетъ противниковъ. Онъ негодуетъ и возмущается, вспоминая Ватерлоо; договоры 1815 г. всегда находили въ немъ горячаго противника. Благодаря этому, онъ часто попадалъ въ немилость у короля, но за то этимъ же онъ побуждалъ и привлекалъ на свою сторону общественное мнѣніе.

Когда Тьеръ разбогатѣлъ, онъ сейчасъ же началъ пользоваться плодами своего богатства, какъ человѣкъ, который много натерпѣлся. Это даетъ возможность критикѣ коснуться и его частной

жизни, тогда какъ простота нравовъ Гизо постоянно умѣла держать ее на почтительномъ разстояніи. Но главная вина его сердца, ставшая ошибкой его ума, заключалась въ томъ, что, забывъ очень скоро свое происхожденіе, онъ не помнилъ, руководя властью, о томъ народѣ, изъ котораго самъ вышелъ. Улучшеніе участи бѣдныхъ классовъ совершенно его не занимало. Прогрессъ, приведшій его къ почестямъ, казался ему окончательнымъ прогрессомъ человѣческаго разума. Свобода и равенство, сдѣлавшія его могущественнымъ и богатымъ, казались ему вполне достаточными для благосостоянія всего міра.

На этихъ-то двухъ министрахъ, Гизо и Тьерѣ, и лежитъ большая часть отвѣтственности за то, что происходило въ законодательствѣ, и даже, до нѣкоторой степени, за то, что господствовало въ общественныхъ нравахъ, и что придало царствованію Людовика-Филиппа такой печальный историческій смыслъ. Ни Моле, ни де-Бройль далеко не имѣли подобнаго вліянія. Первый, бывший министръ Наполеона Бонапарта, передъ гениемъ котораго онъ совершенно благоговѣлъ, горячій сторонникъ власти, никогда поэтому не отказывавшійся принимать участіе въ любомъ правительствѣ, устроилъ себѣ со времени іюльской революціи довольно счастливую политическую карьеру. Но его неоднократное пребываніе у власти не носило очень опредѣленнаго характера и диктовалось почти единственно вопросами личной выгоды. Моле, человѣкъ старыхъ правилъ, не могъ и не хотѣлъ понять духа новаго времени; за нимъ совсѣмъ нѣтъ серьезныхъ мѣропріятій, и, если мы встрѣчаемся съ нимъ въ послѣднія минуты королевской власти, то это является только лишнимъ подтвержденіемъ того, что она была поражена неизлѣчимой слабостью.

Что касается до роли де-Бройля, то она была еще менѣе дѣятельна. Ученикъ Войе д'Аржансона, либераль, по тогдашнему представленію, онъ проповѣдывалъ ненависть къ деспотизму, что ему совершенно не мѣшало состоять у него на службѣ. При Реставраціи онъ, однако, обнаружилъ политическую смѣлость. Въ палатѣ пэровъ, куда онъ вступилъ въ 1814 году, онъ одинъ настаивалъ на некомпетентности двора въ процессѣ маршала Нэя; и въ слѣдующіе годы онъ, также одиноко, поддерживалъ тѣ рѣдкія предложенія, съ которыми осмѣливались выступать въ защиту свободы. Не будучи сторонникомъ короля, котораго онъ совершенно не любилъ, онъ, тѣмъ не менѣе, благодаря отвращенію къ демократіи, упорно защищалъ консервативную политику и многократно старался, хотя и безъ успѣха, сблизить Гизо и Тьера, считая ихъ союзъ очень важнымъ для спасенія конституціонной монархіи. Въ послѣдніе годы цар-

ствования Людовика-Филиппа, де-Бройль, повидимому, совершенно отказался от всякаго честолюбія и жилъ не у дѣль, обливая все систематическимъ презрѣніемъ, съ высоты своего ума.

Пренебрегая или забывая народъ, относясь къ нему съ презрѣніемъ или сомнѣваясь въ немъ, эти крупные во многихъ отношеніяхъ люди, которыхъ такое отношеніе къ народу, сближало съ намѣреніями и видами Людовика-Филиппа, прилагали свои способности къ тому, чтобы создать въ великой французской націи маленькую націю *золотой середины*, которая одна была допущена, благодаря закону о выборномъ цензѣ, къ политической жизни, и которую они называли *легальной страной*. Эта легальная страна объявляла свое мнѣніе и проявляла свою волю посредствомъ избирательнаго корпуса, двухъ законодательныхъ палатъ, прессы, суда присяжныхъ и магистратуры. Подъ этими различными формами, несмотря на нѣкоторыя вызывающія фразы и нѣкоторыя временныя разногласія, выражая иногда неудовольствіе противъ того или иного министра, или, болѣе охотно, особенно за послѣднее время, противъ самого короля, она оказывала поддержку смѣнявшимся одинъ за другимъ кабинетамъ, которымъ она поручала веденіе дѣлъ, поддержку, повидимому, очень солидную, въ которой была заинтересована и она сама.

Буржуазія преобладала въ избирательномъ корпусѣ. Разслабленная благосостояніемъ и постояннымъ вліяніемъ правительства, стремившагося ее подчинить, безсильная, она уже не обнаруживала больше никакихъ слѣдовъ той политической доблести, которая толкнула ее въ славную революцію 1789 года. Завоевывая власть, почести, богатство, она утратила чувство права. По достиженіи своей цѣли, ея первой заботой было создать барьеры, которые сдѣлали бы эту цѣль недостижимой для остальныхъ людей. Средній классъ, такой, повидимому, разумный, предпринялъ совершенно безмысленную работу: онъ захотѣлъ остановить на себѣ движеніе свободы. Онъ видѣлъ въ народѣ лишь неудобнаго соискателя, противника, котораго необходимо, во что бы то ни стало, отодвинуть на самые низы общества, пока онъ не посягнулъ на тѣ блага, которыми нераздѣльно хотѣла обладать буржуазія.

Обѣ законодательныя палаты способствовали, изъ своихъ собственныхъ выгодъ, этимъ эгоистическимъ инстинктамъ. Лишенная однимъ рѣзкимъ ударомъ независимости, благодаря уничтоженію наслѣдственности, составляемая сообразно нуждамъ министерства то изъ присоединившихся къ новому режиму легитимистовъ, то изъ знати имперіи, то изъ революціонеровъ 1830 года, палата пэровъ, тѣмъ не менѣе, несмотря на такіе противоположные элементы, всегда пред-

ставляла громадное консервативное¹⁾ большинство. Нужно признаться, къ стыду человѣческой природы, что личный интересъ и страхъ объединили это большинство плотнѣе, чѣмъ, иной разъ, сплачиваютъ людей добра общественные интересы и любовь къ родинѣ. Въ Люксамбургскомъ дворцѣ, подъ предсѣдательствомъ чловѣка, единственнымъ политическимъ принципомъ котораго было: не имѣть ихъ ни одного, можно было видѣть торжественное зрѣлище всѣхъ низменныхъ страстей и фальши всякаго рода. Защищая подъ достойными уваженія словами: религія, семья, порядокъ и нравственность—самую презрѣнную алчность, безъ благородныхъ порывовъ, безъ гордости, безъ политической честности, палата пэровъ пребывала непоколебимой въ своей инертности; и если случалось, что одинокое, великодушное слово срывалось въ этой залѣ, оно встрѣчалось со стороны наиболѣе расположенныхъ лишь улыбку состраданія.

Въ Бурбанкомъ дворцѣ власть часто встрѣчала оппозицію, но это была безхарактерная оппозиція. Тьеръ, когда онъ переходилъ со скамей министровъ на свое мѣсто въ центрѣ палаты, и даже Одилонъ Барро, глава оппозиціи, названной династической, заботились лишь о своихъ успѣхахъ на трибунѣ. Поглощенные сложной игрой парламентской тактики, ни тотъ, ни другой не нашли времени, чтобы изучить превращенія, которыя произошли послѣ 1830 года въ нѣдрахъ народныхъ массъ. Они почти не думали о народѣ, или, по крайней мѣрѣ, если и думали, то скорѣе какъ о солдатѣ, котораго, при первой необходимости, можно будетъ направить на Рейнъ, чтобы позволить тамъ себя убить, или какъ о нищемъ, котораго можно легко успокоить какой-нибудь ничтожной милостыней. Народный духъ былъ имъ чуждъ. Это было ихъ гибелью въ день борьбы; это будетъ ихъ осужденіемъ въ исторіи.

Идеи демократическія, радикальныя, революціонныя были представлены въ палатѣ депутатовъ очень незначительнымъ числомъ людей, между которыми, съ 1841 года, главную роль игралъ Ледрю-Роллэнъ. Правительство не особенно боялось этой оппозиціи, дискредитировавшей себя въ глазахъ страны рѣзкимъ тономъ своихъ угрозъ, такъ долго остававшихся невыполненными, и своими плохо продуманными нападками. Привыкнувъ къ своей подчиненной роли, большинство, впрочемъ, и не хотѣло вникать въ суть дѣла. Оно вотиловало одинъ за другимъ всѣ репрессивные законы, которыхъ

¹⁾ Никогда еще, кажется, слово не примѣнялось такъ превратно. Консервативная партія охраняла только по внѣшности. Принципы ее вовсе не беспокоили; традиціи она давно забыла; она совсѣмъ не знала, откуда ей достать іерархію. Она защищала лишь *свершившійся фактъ*, а, конечно, уже не въ этомъ состоитъ принципъ, благодаря которому общество можетъ „консервироваться“.

желало правительство, не подумавъ даже обратить вниманіе на всю странность этого исключительно отрицательнаго законодательства ¹⁾ для народа, судя по всей его исторіи, постоянно горящаго нетерпѣніемъ дѣйствовать, двигаясь скорѣй бѣгомъ, чѣмъ шагомъ во главѣ европейской цивилизаціи.

Журналы, субсидируемые правительствомъ, служили съ усердіемъ то сокровеннымъ замысламъ короля, то его официальной политикѣ, но всегда интересамъ легальной страны. *Journal des Débats*, основанный во времена консульства братьями Бертэнъ и пользовавшийся большимъ значеніемъ, благодаря превосходному въ литературномъ отношеніи составу редакціи; *Revue des Deux Mondes*, гдѣ упражнялись въ полемику молодые писатели, которымъ было поручено расхваливать въ кредитъ разную посредственность и развѣнчивать людей съ незапятнанной славой, — таковы были два довѣренныхъ органа консервативной политики, либеральнаго и академическаго духа. У перваго было больше опыта и авторитета, тогда какъ второй отличался большимъ пыломъ и фантазіей. Писать въ *Journal des Débats* или въ *Revue des Deux Mondes*, это значило создать себѣ право на получение всякихъ милостей, открыть себѣ путь ко всякой карьерѣ. *Constitutionnel* и *Presse* также имѣли свою долю, хотя и въ гораздо меньшей степени, въ щедротяхъ министерства. Что касается *Siècle*, то, находясь подъ влияніемъ, такъ называемой, лѣвой династической, онъ пребывалъ въ умѣренной оппозиціи, которая доставляла власти мало затрудненій и мало вреда.

Журналы, защищавшіе народные интересы и революціонный духъ, появлялись въ очень ограниченномъ количествѣ; они могли существовать лишь при большихъ денежныхъ жертвахъ, а пожелавшій принимать въ нихъ участіе своимъ перомъ долженъ былъ отказаться отъ всякаго самаго законнаго честолюбія.

Такимъ образомъ легальная страна и правительство, повидимому, задались цѣлью предохранить себя отъ всякой справедливости. Король назначалъ въ палату пэровъ лишь своихъ креатуръ; Избирательный корпусъ, по доброй волѣ, посылалъ въ палату депутатовъ — государственныхъ чиновниковъ; суды раззоряли свободную

¹⁾ Послѣ 1830 года насчитываютъ семь репрессивныхъ законовъ, восторженныхъ значительнымъ большинствомъ: законъ 29-го ноября, преслѣдующій за оскорбленіе короля и палаты; законъ 8 апрѣля 1831 года, по поводу проступковъ прессы; законъ 10 апрѣля 1831 года противъ скопницъ; законъ 16 февраля 1834 года противъ газетчиковъ, выкрикивавшихъ названіе статей; законъ 10 апрѣля 1834 противъ союзовъ; законъ 24 мая 1834 года противъ обладателей оружія; законъ 9 сентября 1835 года противъ прессы и суда присяжныхъ.

прессы процессами и штрафами; національная гвардія больше уже никогда не созывалась за то, что обнаружила нѣкоторое недовольство ¹⁾ тѣмъ, какъ Гизо управлялъ дѣлами.

Дошло до того, что никто больше, въ высшихъ слояхъ общества, не зналъ истиннаго положенія страны. Нѣкоторые слышали глухіе разговоры о какихъ-то новыхъ школахъ и сектахъ, но совсѣмъ не знали, о чемъ идетъ рѣчь. Съ трудомъ задерживалось въ памяти одно или два имени ихъ смѣшныхъ приверженцевъ. И хотя многіе уже испытали нѣкоторую боязнь передъ коммунизмомъ, гроза котораго гремѣла въ отдаленіи, но вмѣсто того, чтобы подойти къ народу, изучить значеніе и величину опасности и предотвратить ее, они сочли болѣе благоразумнымъ избѣгать размышленій о вещахъ, для нихъ неприятныхъ. Можно было думать, что духовенство, ближе соприкасавшееся со страдающими классами, черезъ школы и другія учрежденія христіанской благотворительности глубже проникало въ народную душу. Далекое не такъ! Священники и ихъ присные питали въ этомъ отношеніи странную иллюзію. Они все время стояли на узкой точкѣ зрѣнія милостыни; и такъ какъ у нихъ подъ руками находился неисчерпаемый фондъ, доставляемый благотворительностью вѣрующихъ, то они льстили себя надеждой оказывать на народъ все возрастающее влияніе. Одни ограничивались проповѣдью покорности воли Божіей; другіе, болѣе ловкіе, съ аббатомъ де-Жанудъ во главѣ, требовали въ своихъ журналахъ свободы обученія и всеобщаго избирательнаго права, какъ два вѣрныхъ средства, чтобы обнаружить, предъ глазами всѣхъ, католическій и легитимистскій духъ націи.

Правда, одна школа знаменитыхъ экономистовъ, дѣятельная, отзывчивая, богатая точными свѣдѣніями и подробными наблюденіями, занималась изученіемъ средствъ улучшенія условій жизни вообще, но она также, безъ метода, безъ единаго цѣльнаго плана, вращалась въ кругѣ безсильныхъ доктринъ. Гизо, въ своихъ лекціяхъ о современной цивилизаціи, явился самымъ краснорѣчивымъ выразителемъ этого научнаго либерализма. По его мнѣнію, необразованный и лишенный политическаго смысла народъ нужно вести, черезъ рядъ строго отмѣренныхъ послѣдовательныхъ улучшеній, но совсѣмъ не къ тому, чтобы онъ самъ устранялъ свои собственныя дѣла, это было бы верхомъ безумія ²⁾, а къ тому, чтобы онъ могъ

¹⁾ Въ 1840 году, во время смотра національной гвардіи, произведеннаго въ честь возвращенія останковъ Наполеона, по рядамъ раздавался крикъ: *Долой Гизо!* Послѣ этого Людовикъ-Филиппъ уже не дѣлалъ большихъ смотровъ и значительно увеличилъ наличность полковъ, расквартированныхъ въ Парижѣ.

²⁾ „Не наступитъ никогда дня для всеобщаго голосованія, сказалъ Гизо—

пользоваться нѣкоторымъ досугомъ и, слѣдовательно, получить нѣкоторую умственную культуру, что съ своей стороны способствовало бы развитію земледѣлія и промышленности.

Главные экономисты этой школы, по большей части люди науки и добрыхъ намѣреній, отдались вопросамъ, которыми раньше занимались ихъ предшественники, совершенно не считаясь ни съ разницей во времени, ни съ движеніемъ впередъ человѣческаго ума. Поглощенные своими статистическими вычислениями и изысканіями въ области производства и потребленія, они совершенно пренебрегли одной существенной частью соціальной науки, въ которой они хотѣли видѣть только матеріальную сторону; они не уловили той связи, которая, въ современномъ обществѣ, соединяетъ благосостояніе трудящихся классовъ съ самыми высшими интересами общей цивилизаціи. Враждебные принципиально всякому вмѣшательству государства въ коммерческія сдѣлки и въ промышленное законодательство, допуская его, однако, по необходимости, въ извѣстныхъ случаяхъ, они не предлагали никакого дѣйствительнаго средства для устраненія опасностей безграничной свободы. Повидимому, они не въбрили, что можно развить соціальную дѣятельность, независимую отъ политической власти, въ которой приняли бы участіе всѣ и на пользу всѣхъ, ослабляя свободу — солидарностью, соперничество — ассоціаціями и злоупотребленіе правомъ — высшей справедливостью ¹⁾.

Ослѣпленіе было повсюду. Сухая наука, презрительное невѣжество, идущая вспядь мудрость, вызывающія насмѣшки, — вотъ изъ чего состоялъ громкій потокъ словъ на поверхности страны, въ правительственныхъ кругахъ, въ салонахъ, на биржѣ, въ судѣ, за обѣдомъ у богачей. Перенесемся въ другое мѣсто; оставимъ на минуту эту Францію съ отупѣвшимъ разумомъ, съ огрубѣвшимъ сердцемъ, въ вихрѣ ея удовольствій и дѣлъ. Здѣсь только ложь жизни.

Въ другихъ областяхъ мы найдемъ истинную жизнь, страсть во всѣхъ ея формахъ, любовь и ненависть, чувство права и инстинктъ мести, дикое вождельніе и благородное самоотверженіе, вѣру въ принципы, энтузіазмъ идей и предчувствіе будущаго.

для этой нелѣпой системы, призывающей всѣ живыя существа къ пользованію политическими правами*.

¹⁾ Можно составить себѣ представленіе о духѣ этой школы по одной фразѣ, сорвавшейся у Бланки по поводу бѣдствій народа: „о нихъ говорилось гораздо меньше, когда ихъ было во многу разъ больше“, говоритъ онъ въ своемъ Докладѣ академіи о положеніи рабочихъ классовъ въ 1848 году. Своими словами онъ обнаружилъ незнаніе того, что само человѣческое чувство прогрессируетъ и не желаетъ больше сносить зло, а хочетъ его исправить, — при чемъ косвенно кинулъ упрекъ свободѣ слова, доводящей до всеобщаго свѣдѣнія всякую жалобу, которая раньше молчаливо заглашалась.

Этотъ народъ, котораго правительство и высшіе классы совершенно не желали призвать къ національной жизни, котораго не хотѣли даже подготовить къ ней; эти рабочіе, которые почувствовали, что ихъ и не любятъ, и не уважаютъ; эти бѣдняки, ставшіе способными размышлять о причинахъ своей бѣдности; эти сердечные и интеллигентные люди, возбужденные лихорадочной атмосферой мастерской, приведенные въ отчаяніе растущей изо дня въ день нищетой своей семьи, искали жадно за предѣлами официальныхъ вліяній, внѣ правительственнаго просвѣщенія и частной благотворительности, которыя были такъ недостаточны, жадно искали средства противъ своихъ бѣдъ и пищи для своего безпокойнаго ума. На такихъ людей было не трудно пріобрѣсти вліяніе. Одинаково лишеныя хлѣба физическаго и духовнаго, они бросались навстрѣчу рукѣ, приносящей имъ это, или шли даже только на голосъ, который обѣщалъ имъ то или другое. Изумленные, взволнованные, признательные, лишь только они замѣчали сочувствіе къ своей нищетѣ; склонные къ легковѣрной любознательности, которую еще увеличиваетъ система поверхностнаго обученія; расположенные, по условіямъ самого своего нездороваго существованія, къ постоянному нервному возбужденію, — городскіе рабочіе, забытые государствомъ, были принуждены цѣликомъ отдаваться людямъ или партіямъ, понявшимъ первыми, что именно здѣсь заключается сила современнаго общества, и что будущее принадлежитъ тому или тѣмъ, кто сумѣетъ ею овладѣть. Соціализмъ и радикализмъ задались этой цѣлью. Революція 1830 года облегчила имъ ее, внеся большую пертурбацію въ политическій міръ. Она расширила поприще для свободныхъ споровъ и, такимъ образомъ, благопріятствовала проповѣди и пропагандѣ новыхъ ученій. Поэтому, моментально выступило на свѣтъ Божій множество разныхъ доктринъ и системъ религіозныхъ и соціальныхъ, которыя до того скрывались въ тѣни, изложенныя въ небольшомъ количествѣ книгъ и исповѣдуемыя въ молчаніи немногими людьми. Это было настоящее нашествіе идей, за которымъ послѣдовало полемическое движеніе, взбудоражившее умы, какъ во время реформаціи, и захватившее въ своемъ теченіи весь цвѣтъ интеллигенціи. Первый толчокъ этому движенію былъ данъ, какъ мы уже видѣли, Сэнъ-Симономъ и Фурье. Но его реальное и энергичное дѣйствіе, то дѣйствіе, которое взволновало все общество до самыхъ низшихъ слоевъ его, и которое, позже, навело ужасъ на высшіе классы, подъ именемъ соціализма ¹⁾, развернулось во всей своей силѣ и съ полной сво-

¹⁾ Общее имя *соціализма* было дано совокупности различныхъ системъ соціальнаго преобразованія только послѣ революціи 1848 года. До

бодой лишь въ царствованіе Людовика-Филиппа. Мы попытаемся послѣдовать за ней въ ея различныхъ направленіяхъ.

Первой, по времени и по блеску, изъ всѣхъ социалистическихъ школъ, была школа Сэнъ-Симона. Руководимая, послѣ смерти своего основателя, въ 1825 году, Базаромъ и Анфантэномъ, состоящая изъ восторженной трудолюбивой и дисциплинированной молодежи, она разработала, нѣсколько преувеличивъ ихъ, идеи, выраженные въ «Новомъ Христіанствѣ»¹⁾. Она выработала теократическую конституцію, которая беретъ точкой своего отправленія очень возвышенное представленіе о человѣческой природѣ и вмѣстѣ съ восемнадцатымъ вѣкомъ разсматриваетъ ее, какъ способную къ безконечному совершенствованію. По этой конституціи, новая власть, въ одно и то же время духовная и свѣтская, опѣнивающая заслуги и распредѣляющая награды, организующая трудъ и промышленность, какъ старая власть организовывала войну,—эта новая власть получить миссію поддерживать въ обществѣ самый совершенный порядокъ, основанный на самой совершенной справедливости и дѣликомъ вылившейся въ эту знаменитую формулу: *всякому по его способностямъ, всякой способности по ея дѣламъ*.

Надѣливъ женщинъ политическими и гражданскими правами, сэнъ-симонизмъ совершенно равнялъ ихъ съ мужчинами, не только въ семьѣ, но и въ государствѣ. Женщина-священникъ и законодатель должна принимать дѣятельное участіе въ преобразованіи общества. Впрочемъ, семья, какъ и собственность, подвергались глубокому измѣненію, вслѣдствіе уничтоженія наслѣдства и нерасторжимаго брака.

Въ продолженіе нѣкотораго времени, проповѣди сэнъ-симонистовъ привлекали толпу и приобрѣтали доктринѣ многочисленныхъ сторонниковъ. Краснорѣчивыя и проникнутыя захватывающей троган-

тѣхъ поръ различныя социалистическія школы и ученія разсматривались отдѣльно подъ названіемъ бабуизма, сэнсимонизма, фурьеризма и т. д., и ихъ не относили къ тому общему принципу, который впоследствии заставилъ назвать ихъ общимъ именемъ социализма.

¹⁾ Главный трудъ Сэнъ-Симона. Самое заглавіе этой книги и проповѣдь большей части реформаторовъ показываютъ, что социализмъ очень охотно выступаетъ, какъ выполненіе христіанскаго закона: идея, по моему, совершенно ошибочная. Если, правда, и можно сказать, что социализмъ на первый взглядъ представляется расширеніемъ принципа братства, принесеннаго въ міръ Иисусомъ Христомъ, то въ то же время онъ является по преимуществу реакціей противъ существенной догмы христіанства: грѣхотпаденія и искушенія. Я думаю, что социализмъ, въ его главномъ принципѣ, можно бы было, съ большей справедливостью, разсматривать, какъ попытку *материализировать и устроить немедленно* духовный рай и будущую жизнь, о которой мечтаютъ христіане. Можетъ быть, это и есть *исполненіе закона*, но такое исполненіе закона уничтожаетъ самый законъ.

тельностью, онѣ зывали къ наукѣ, къ промышленности, къ искусству, къ красотѣ во всѣхъ ея формахъ, общія наиболѣе сильно *любящими* и наиболѣе *способными* безграничное и неоспоримое царство надъ душами, постоянно совершенствующимися въ самоотверженіи. Въ то же время, многочисленныя работы, носящія характеръ историческихъ изслѣдованій, или сурово нападающія на политическую экономію либерализма, продолжая, и даже далеко превзойдя, протестъ, поднятый де-Сисмонди въ его «Трактатѣ политической экономіи», дѣлали честь школѣ и привлекали къ ней уваженіе серьезныхъ людей¹⁾.

Пожертвованія текли въ изобиліи, и пропаганда удвоила свою дѣятельность. Уже стали принимать, для воспитанія въ сэнъ-симонистской вѣрѣ, дѣтей пролетаріевъ, будущихъ миссіонеровъ новаго ученія, какъ вдругъ вспыхнуло, заглушаемое въ теченіе долгаго времени общими усиліями учениковъ, разногласіе между двумя вождями сэнъ-симонизма и нанесло смертельный ударъ ихъ апостольству. Анфантэнъ, магнитическое вліяніе котораго на тѣхъ, кто къ нему приближался, было всемогуще, открыто стремился къ роли прорицателя и хотѣлъ основать религію, главный догматъ которой, *реабилитация плоти*, привелъ бы на практикѣ къ мистическому сенсуализму, что наводило страхъ и не на очень робкихъ. Полный разрывъ произошелъ между людьми, до сихъ поръ очень близкими. Происходили небывалыя вещи, возвращавшія насъ къ анабаптизму: изступленія, экстазы, припадки, которые тревожили общественную нравственность, такъ какъ о нихъ ходили лишь очень неопредѣленные слухи. Преслѣдуемая полиціей и судами, презираемая толпой *семья*²⁾ разсыпалась; проповѣдничество было запрещено; религія сэнъ-симонизма прекратилась почти прежде, чѣмъ успѣла проявить свое существованіе. Но критическія идеи школы уже проникли въ мозгъ общества; каждый находилъ что-нибудь для себя въ ея многочисленныхъ трудахъ; слова сэнъ-симонистовъ, какъ *реабилитация, эмансипация, организация науки и промышленности, солидарность* и проч., проникли въ языкъ ежедневной прессы, вліяя

¹⁾ См. коллекцію Globe, журнала, который находился въ рукахъ теоретиковъ школы подъ редакціей Мишеля Шевалье, Пьера Леру и Жана Рэйно, и работы Бюше, Карне, Шарля-Дюверрье, Эмиля Барро, Шартона, Маржерэна, Родрига, Абеля Трансона и т. д., и т. д.

²⁾ Между учениками Сэнъ-Симона, ставшими совершенно независимыми, нужно указать на первомъ мѣстѣ на Огюста Конта, который, въ своемъ сочиненіи о *позитивной философіи*, изложилъ новый методъ классификаціи наукъ и теорію историческаго развитія человѣчества, на которой онъ старался создать социальную науку, или *соціологію*.

противъ ихъ воли даже на тѣхъ, которые считали и заявляли себя противниками ученія ¹⁾).

Почти та же судьба выпала на долю фурьеризма. Здравый французскій смыслъ отказался отъ сумасбродной космогоніи Фурье; онъ подсмѣивался надъ *фаланстеріемъ* и *гармоническимъ государствомъ*; но онъ вынесъ изъ этой системы очень справедливые и очень практическіе взгляды на ассоціацію, на земледѣліе, на воспитаніе; онъ даже дошелъ, вмѣстѣ съ фурьеристами, до осужденія того социальнаго устройства, которое, чтобы продолжать существовать, нуждается въ обожествленіи и, значитъ, въ сохраненіи на всегда, страданій громаднаго числа людей.

Первые ученики Фурье, Жюстъ Мюронъ и Викторъ Консидеранъ, выдающійся ученикъ политехнической школы, начали дѣло пропаганды въ 1825 году. Послѣ смерти учителя, въ 1837 году, Консидерану окончательно удалось создать школу, сгруппировавъ вокругъ себя людей науки и таланта: Кантагреля, Видала, Туссенеля, Лавердана и другихъ. Подъ руководствомъ этихъ людей, не такихъ энтузіастовъ и мистиковъ, какъ сэнъ-симонисты, болѣе искусныхъ и, слѣдовательно, болѣе склонныхъ къ уступкамъ, школа фурьеристовъ, не обладая блескомъ школы Сэнъ-Симона, сложилась на основахъ, болѣе прочныхъ. Вмѣсто того, чтобы преувеличивать идеи учителя, по примѣру учениковъ Сэнъ-Симона, она старалась даже ихъ нѣсколько сузить и представить съ той стороны, съ какой онѣ были приемлемы.

Фурье, среди галлюцинацій своего одиночества, дошелъ до мысли, что человѣчскій родъ, въ одинъ прекрасный день, сможетъ окончательно подчинить себѣ все элементы, и, измѣняя по своей волѣ атмосферныя условія, заставить природу производить болѣе совершенныхъ животныхъ и растений. Школа фурьеристовъ ограничивалась утвержденіемъ, что человѣкъ можетъ и долженъ измѣнять социальную среду, и что, такъ какъ жизненный принципъ современнаго общества заключается въ промышленности, важнѣе всего преобразовать эту самую промышленность. Для этого необходимо замѣнять въ земледѣльческихъ и фабричныхъ работахъ *антагонизмъ—ассоціаціей*, замѣщать *раздробленныя* и *разъединенныя общины—фаланстеріемъ*, который сложился бы, по очень хорошо разработанному плану, въ обширную коммуну, управляемую выборнымъ совѣтомъ, на которомъ лежала бы обязанность распределять продукты сообразно внесенному каждымъ капиталу, труду и таланту.

¹⁾ Подъ такимъ именемъ была извѣстна небольшая, но страстная группа, сплотившаяся вокругъ *отца Амбантена* въ Менильмонтанѣ.

По ученію фурьеристовъ, трудъ, являясь естественнымъ закономъ, котораго никто не можетъ нарушить безъ страданія, долженъ былъ бы всегда быть *привлекательнымъ* и *производительнымъ*, если бы наше воспитаніе и наша социальная жизнь не сдѣлали бы насъ непокорными въ глазахъ Бога. Изъ этой основной концепціи, въ разныя области мысли, въ науку, въ искусство, громадной массой истекали очень остроумныя комбинаціи. Что же касается взглядовъ Фурье объ отношеніи половъ, то ихъ оставили въ тѣни, такъ какъ они должны были шокировать всехъ такъ же, а, можетъ быть, и больше, чѣмъ теорія сэнъ-симонистовъ; они обсуждались только въ кругу посвященныхъ,—и перешли въ разрядъ *отложенныхъ* вопросовъ. Однако занимая, вмѣстѣ съ сэнъ-симонизмомъ, очень значительное мѣсто въ литературѣ и жизни, фурьеризмъ никогда не былъ народнымъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Теократическая іерархія Сэнъ-Симона и сложныя математическія комбинаціи фурьеризма совершенно не могли захватить духъ массъ. Въ нихъ было слишкомъ много доктринальной стороны и эрудиціи. Отголоски ученій этихъ двухъ школъ говорили трудящимся, что философы серьезно занимаются улучшеніемъ ихъ участи; но простой, народный умъ не могъ быть затронутъ теоріями, которыя говорили языкомъ абстракцій и науки.

Наконецъ, выступаетъ коммунизмъ, который, взывая къ чувству и инстинкту, оставивъ въ сторонѣ всякія философскія и научныя понятія, долженъ легко овладѣвать простыми душами,—тѣмъ болѣе, что онъ выбралъ девизомъ трогательное, всемъ понятное и скромное слово: «братство» и употреблялъ его даже въ тотъ моментъ, когда всего менѣе скрывалъ свои планы экспропріаціи.

Коммунизмъ не родился только теперь. Онъ появляется уже при образованіи первыхъ обществъ, и никогда не перестаетъ занимать свое мѣсто въ исторіи цивилизаціи, то подъ видомъ какой-нибудь секты, то даже какъ установленіе въ законодательствѣ народовъ. Его слѣды можно найти въ нѣкоторыхъ государствахъ античной Греціи, въ ученіи Платона, у первыхъ христіанъ, у анабаптистовъ, въ моравскихъ братствахъ, у *левеллеровъ*, между спутниками Пэнна въ Америкѣ, въ іезуитскихъ миссіяхъ Парагвая, организаціи русской деревни, въ сочиненіяхъ Мора, Кампанеллы, Тоуерса, Филанджіери, Мабли, Морелли и др. Раздѣленные пятнадцать вѣками, императоръ Галліи и второй Бурбонъ неаполитанскій, пытались осуществить, почти въ одномъ и томъ же мѣстѣ, коммунистическія утопіи Платона и Филанджіери. Въ 1795 году заговоръ Бабѣфа мелькомъ показалъ Франціи страшный призракъ кроваваго коммунизма. Коммунизмъ нашихъ дней отличается отъ своихъ старшихъ братьевъ въ исторіи лишь по болѣе полной не-

совмѣстности его съ тѣмъ состояніемъ научной цивилизаціи, которымъ начинаетъ проникаться общество, и къ которому оно все болѣе и болѣе приближается. Авторъ «Путешествія въ Икарію» Кабэ, современный апостолъ инстинктивнаго и общественнаго коммунизма, а съ нимъ и его ученики, приобрѣли славу тѣмъ, что совершенно не считались съ той цивилизаціей, среди которой они выдѣлялись, какъ какое-то странное явленіе. Опираясь на практику первобытной церкви, они стремились вернуть чистоту евангельской нравственности, возобновить подражаніе Христу, возстановить добровольное отреченіе отъ личнаго имущества. Они возвели въ принципъ государственное управленіе общественнымъ достояніемъ, распредѣленнымъ между отдѣльными членами общества, но уже не *по ихъ способностямъ*, а *по ихъ нуждамъ*; это разрушаетъ до основанія послѣднее изъ неравенствъ, то, которое являлось результатомъ разнообразія способностей и ихъ развитія, и, кромѣ того, соотвѣтствуетъ уже не только законамъ общества, но и законамъ природы.

Проповѣдничество Кабэ, въ высшей степени мирное, стремящееся дѣйствовать только посредствомъ внушенія и охотно довѣряющее будущему, отличается отъ матеріалистическаго коммунизма сектантовъ Бабѣфа. Эти хотѣли немедленно, безъ мирныхъ соглашеній и переговоровъ, если придется, то и силой, уничтожить частную собственность, — что въ «Икаріи» Кабэ происходитъ посредствомъ медленныхъ преобразованій, по мѣрѣ того, какъ общественное мнѣніе будетъ давать на это свое согласіе. Неопредѣленные стремленія экзальтированной чувствительности, робкіе опыты химерическаго общества, икарійскія теоріи не имѣли бы никакого значенія, если бы онѣ не представляли изъ себя симптоматическаго характера нравственной болѣзни, которая снѣдаетъ современное общество.

Всякій, самый, повидимому; слѣпой протестъ направляется противъ какого-либо дѣйствительнаго порока. Порокъ выскочки - буржуазіи, какъ мы уже это констатировали, заключался въ черствомъ сердцѣ, въ забвеніи права, въ религиозномъ и политическомъ безразличіи. Этотъ закоренѣлый порокъ долженъ былъ вызвать страшное противодѣйствіе. Всякая крайность неизбѣжно вызываетъ другую крайность, прямо противоположную. Въ тотъ день, когда восторжествовала эгоистическая индифферентность буржуазіи, олицетворенная въ Людовикѣ-Филиппѣ, фанатизмъ коммунистическаго братства получилъ полное право на свое возникновеніе.

Не оказывая большого вліянія на сельское населеніе, среди котораго собственность, ставшая послѣ 1789 года почти всеобщимъ фактомъ, была недоступна нападка, коммунистическія доктрины съ

жадностью воспринимались городскими рабочими. Наболѣе интеллигентные изъ нихъ тратили свой досугъ на изученіе и обсужденіе социальныхъ законовъ. Ободренные извѣстными писателями, присоединившимися къ нимъ, они основывали періодическія изданія, гдѣ въ первый разъ они сами излагали свои принципы, развивали свои идеи, рисовали въ литературныхъ опытахъ, подражая современнымъ поэтамъ, свои физическія и нравственныя страданія ¹⁾. «Le Bon Sens», подъ редакціей Кошуа-Лемэра и Родда, предоставилъ съ той поры на своихъ столбцахъ большое мѣсто литературнымъ произведеніямъ рабочихъ.

«La Fraternité» и «Populaire», въ 1833 году, обсуждали вопросы будущаго съ коммунистической точки зрѣнія. Другія газетки, тоже народныя, но нѣсколько иного направленія, полемизировали съ ними ²⁾. Завязался правильный споръ, во время котораго законы промышленности и политики подвергались разрушительной критикѣ. Съ тѣхъ поръ было легко понять, что въ странѣ растетъ новая сила, что руководство духомъ народа уже не принадлежитъ больше официальной власти, и что будущія судьбы Франціи рано или поздно выскользнутъ изъ рукъ тѣхъ, которые хотѣли бы удержать ее на половинѣ ея революціонной карьеры. Кромѣ коммунизма въ собственномъ смыслѣ, въ ту же эпоху появилось, подъ различными именами, много системъ, имѣвшихъ коммунизмъ своей скрытой цѣлью. Между ними скоро выдѣлилась система Бюше. Одинъ изъ основателей карбонаризма въ 1821 году, Бюше, пройдя сквозь сэнъ-симонизмъ и возвратившись къ христіанству, стремился примирить его въ восемнадцатомъ вѣкѣ съ Конвентомъ, съ современнымъ коммунизмомъ. Работящій, настойчивый, проникнутый идеей долга и жертвы, онъ, при помощи Ру-Лаверня, создалъ «конвенто-католическую» школу. Исходя изъ Христа, чтобы дойти до Робеспьера, эта школа одинаково оправдывала инквизицію и комитетъ общественнаго спасенія и идеаломъ для общества избрала монастырское общежитіе, соблазнительное въ рядахъ народа нѣсколько религиозныхъ и расположенныхъ къ суровой нравственной дисциплинѣ людей. «L'Histoire parlementaire», «Européen» и, въ особен-

¹⁾ Одна изъ ихъ первыхъ попытокъ имѣла цѣлью нѣсколько поднять нравственной уровень воскресныхъ собраній въ загородныхъ кабачкахъ, замѣняя неприличныя шансонетки, которыми тамъ развлекались, болѣе пристойными куплетами съ социалистической тенденціей. Общество „Адскихъ Жителей“ работало надъ этимъ очень энергично. Венсаръ, Тьеръ Лашамбоди, Карль Сюперманъ, Элиза Флѣри, были любимыми поэтами обновленныхъ такимъ образомъ кабачковъ.

²⁾ См. „Ruche populaire“, „Atelier“ подъ редакціей Пепэна, Корбона, Данги, Паскаля и др., за 1839 годъ.

ности, «Atelier», органы школы Бюше, редактируемые съ большимъ талантомъ, были очень серьезнымъ орудіемъ пропаганды социалистическихъ идей; что же касается особенной системы промышленной организации, предложенной Бюше, то она приобрѣла лишь очень не многихъ сторонниковъ ¹⁾.

Въ рядахъ реформаторовъ занялъ мѣсто и другой создатель школы, Пьеръ Леру, также вышедшій изъ сѣнь-симонизма въ ту эпоху, когда возникли несогласія между Базаромъ и Анфантаномъ. Склонный по природѣ съ синтетическому мышленію, надѣленный мощной интуиціей, Пьеръ Леру погрузился въ нѣкотораго рода пантеизмъ, заимствованный изъ Индіи и Германіи. У философовъ первыхъ вѣковъ культуры онъ взялъ символику, у Пифагора его ученіе о переселеніи душъ, у католицизма его представленіе о троичности и, изъ этого разнороднаго матеріала, пытался создать религіозную философію человѣчества ²⁾. Сначала эти идеи были изложены въ туманной и мало понятной формѣ. Но, мало по малу, въ брошюрахъ и книгахъ, написанныхъ съ краснорѣчіемъ, за которымъ чувствовалась широкая и нѣжная душа ³⁾, Пьеръ Леру выяснялъ свои взгляды и стремился создать изъ нихъ систему социальной и политической организаци; но ему это вполнѣ не удалось никогда, даже тогда, когда, оставленный своими первыми учениками, онъ почувствовалъ себя свободнымъ и единственно отвѣтственнымъ за смѣлость своей мысли.

Живой и блестящій умъ, рано заслужившій славу историка и журналиста, Луи-Бланъ, придавъ своимъ талантомъ яркій блескъ социалистической идеи, собралъ вокругъ своей собственной системы и увлекъ своей личностью наиболѣе развитую часть городскихъ рабочихъ. Въ своей книгѣ «Объ организаци труда» онъ изложилъ цѣликомъ всю свою доктрину, зачатки которой уже проглядываютъ кое-гдѣ и въ «Исторіи десяти лѣтъ». Доктрина эта очень проста на первый взглядъ, такъ какъ дѣло идетъ не больше, какъ объ уничтоженіи дурныхъ результатовъ промышленной конкуренціи, посредствомъ передачи въ руки государства всей промышленности, организованной въ національныхъ мастерскихъ, управляемой выборными совѣтами, при установленіи равенства заработной платы. Стремленіе къ общей пользѣ, замѣняющее стремленіе къ личной выгодѣ, постоянная готовность къ самоотвер-

¹⁾ Попытки реализовать эту систему тоже не были удачны. Смори докладъ Делесеера въ „Revue rétrospective“ № 6 объ „обществѣ соединенныхъ промышленностей“ и „Великомъ Св. Иосифѣ“.

²⁾ См. „L'Encyclopédie nouvelle“ и „Revue sociale“.

³⁾ См. „De l'égalité, 1838; „Réfutation de l'électisme“, 1839; Malthus et les économistes; De l'humanité, 1840; De la Ploutocratie, 1848.

женію и братское чувство должны служить нравственными основами такого положенія промышленности; это даетъ возможность сказать, что придуманная Луи-Бланомъ организациа есть благородная химера. Самоотверженіе, этотъ великолѣпный цвѣтокъ души, никогда, ни въ какое время, какъ бы человѣчество ни стало совершенно, не можетъ быть внесено въ социальную конституцію; никогда оно не можетъ быть предписано закономъ. Однако, приходится согласиться, что подобная теорія, нарисованная съ юношескимъ пыломъ и легкостью, прельститъ воображеніе народа скорѣе, чѣмъ всякая другая. Поэтому мы скоро ее встрѣтимъ, въ лицѣ ея автора, поднятою революціонной волной къ самому правительству. Мы тогда и вернемся къ ней, чтобы изслѣдовать ее не столько въ ея собственномъ значеніи, сколько въ ея дѣйствіи на массы.

Стоя болѣе одиноко по природѣ своего ума, по своему характеру и по своимъ работамъ, Распайль также посвятилъ себя съ упорной настойчивостью пропагандѣ социалистическихъ идей. Хорошо извѣстный народу своей политической борьбой и своей благотворительной дѣятельностью въ предмѣстьяхъ Парижа, гдѣ онъ оказывалъ безплатно медицинскую помощь; обладая громадными знаніями, пользуясь репутацией ученаго, онъ выказывалъ себя постояннымъ защитникомъ принциповъ Французской революціи и преслѣдовалъ, какъ высшую цѣль своихъ трудовъ, улучшение участи страдающихъ классовъ. По его мнѣнію, уничтоженіе смертной казни и всеобщее избирательное право должны обязательно открыть дорогу всякому прогрессу данного времени, земледѣльчeskія ассоціаци и свобода слова также имѣли въ немъ самага смѣлаго апостола. Его стремленія шли къ коммунизму, но онъ не имѣлъ обработанной системы, годной для немедленнаго примѣненія. Никто изъ посвятившихъ себя народному дѣлу не подвергался большимъ оскорбленіямъ и большимъ преслѣдованіямъ. Смѣлостью своихъ мнѣній, непогрѣшимостью своей жизни, проницаніемъ своего языка, онъ возстановилъ противъ себя двѣ силы, неумолимыя въ своей злобѣ: схоластическую медицину и консервативную политику.

Одинокій, и одинокій еще болѣе потому, что у него не было ни кліентовъ, ни соревнователей, Прудонъ такъ смѣло выступилъ на социалистическую арену и заговорилъ такъ необычайно, что тотчасъ поразилъ всѣ умы и обратилъ, когда обстоятельства сложились въ его пользу, все вниманіе общества на свою личность и свои произведенія. Родившійся въ одномъ изъ городковъ Франшъ-Конте, онъ съ большимъ трудомъ, цѣной громадныхъ жертвъ, получилъ очень недостаточное образованіе. Съ страшнымъ упорствомъ, свойственнымъ его землякамъ, онъ сначала на-

правиль свой умъ на религіозные вопросы и занялся изслѣдованіемъ происхожденія христіанства. Но вскорѣ его работы приняла другое направленіе, и въ 1810 году онъ представилъ въ Академію моральныхъ наукъ, мемуаръ, въ которомъ, *выбравъ*, по его собственному выраженію, въ качествѣ темъ для изслѣдованія, то, что онъ нашелъ наиболее древнимъ, наиболее уважаемымъ, наиболее всеобщимъ и наименѣе оспариваемымъ,—а именно собственность,—онъ пришелъ къ ея полному отрицанію, ставшему знаменитымъ по своей формулѣ: «Собственность есть кража». За этимъ первымъ отрицаніемъ послѣдовалъ, въ его различныхъ сочиненіяхъ, цѣлый рядъ новыхъ, заключающихъ полное отрицаніе всякой власти, а слѣдовательно, и высшей власти Бога.

Смѣлость предположеній Прудона блестящихъ по силѣ и остротѣ его необычайнаго стиля, этотъ вызовъ, брошенный всѣмъ вѣрованіямъ, всѣмъ установившимся мнѣніямъ, вызвали бурное негодованіе. Понять Прудона было трудно, невозможно было привести его въ согласіе съ самимъ собой. Но искусно обращаясь съ софизмами, въ совершенствѣ постигнувъ искусство парадоксовъ и ироніи, онъ быстро завоевалъ сначала въ узкомъ, а затѣмъ все болѣе расширявшемся кругу людей громкую извѣстность. Въ ней было больше отвращенія, чѣмъ симпатіи, и она слагалась скорѣй изъ шума скандала, чѣмъ изъ ропота изумленія. Его имя окружалъ какъ бы ореолъ террора, и это придавало ему мощь. Неразвитые люди, пораженные необычайной формой, неспособные проникнуть глубже, вѣрили въ глубокую оригинальность идей Прудона. При поверхностномъ чтеніи его произведеній даже нѣкоторые серьезные умы впадали въ заблужденіе по этому поводу. Его обыкновенно считаютъ философомъ, тогда какъ онъ только лишь софистъ. Его боятся, какъ самое воплощеніе социализма, тогда какъ онъ лишь причудливый недоношенный плодъ революціоннаго движенія¹⁾. И въ самомъ дѣлѣ, впечатлѣніе, получаемое послѣ внимательнаго изученія сочиненій Прудона, совершенно противоположно тому, что мы видѣли до сихъ поръ; полное отсутствіе всякой твор-

¹⁾ Нѣкогда славное, но затѣмъ забытое выраженіе Бриссо-де-Варвиля очень способствовало созданію того блеска эксцентричности, которому Прудонъ послѣ того, какъ февральская революція привела его въ соприкосновеніе съ народными массами, былъ обязанъ извѣстностью своего имени: „Собственность есть кража! Въ теченіе тысячи лѣтъ не было произнесено подобнаго слова! У меня нѣтъ другого имуществъ на землѣ, кромѣ этого опредѣленія собственности, но она для меня дороже, чѣмъ милліоны Ротшильда“. Такъ выражался Прудонъ. Возстановимъ эту аксіому въ устахъ ея законнаго владѣльца. Бриссо-де-Варвиль сказалъ въ 1780 г. „Исключительная собственность это кража въ природѣ. Воръ, въ естественномъ состояніи общества, это богатый“.

ческой оригинальности, несмотря на наличность обдуманной эксцентричности, или, по крайней мѣрѣ, добровольное уничтоженіе собственности, которая была, бытъ можетъ, и не безъ геніальности, но гнула подъ тяжелымъ грузомъ схоластической эрудиціи. Умъ чисто галльскаго образца, сатирическій талантъ, часто напоминающій вдохновеніе Монтэня, Раблэ, иногда Вольтера; выбитый изъ своей колеи и, какъ бы, околдованный глубинами нѣмецкой метафизики, Прудонъ доходилъ почти до опьянѣнія въ своемъ увлеченіи абстракціями Гегеля, Штрауса, Фейербаха¹⁾ и загромождалъ въ то же время, свою память смѣшными гипотезами и алгебраическими формулами, заимствованными у своего соотечественника Фурье. Въ суровомъ уединеніи, гдѣ онъ лишалъ свое воображеніе и свою душу всякой радости, враждебный поэзіи, искусству, сосредоточивая всѣ свои способности въ туманныхъ изслѣдованіяхъ, онъ много читалъ, читалъ съ фанатизмомъ и такъ хорошо сливался съ своимъ чтеніемъ, что самымъ добросовѣтнымъ образомъ считалъ за свои тѣ новыя мысли, которыя онъ открывалъ у своихъ любимыхъ авторовъ.

Видя болѣе ясно, чѣмъ обыкновенный социалистъ, нужды современной цивилизаціи, Прудонъ не уставалъ повторять, что только наука въ состояніи исцѣлить социальныя язвы. Но какъ мы это увидимъ позже, наука Прудона безъ связи и безъ метода, сваливая все въ одну кучу, вопросъ о заработной платѣ и теодицеи, даровой кредитъ и библейскія видѣнія, алгебру и печной горшокъ, не желая представлять себѣ вселенную иначе, какъ въ грубомъ видѣ *производства и потребленія*, такая наука должна была повести лишь къ фіаско послѣ напряженныхъ трудовъ и къ торжеству ироніи²⁾.

Рядомъ съ этими сектантами и апостолами, блестящіе писатели, романисты, полные вдохновенія, употребляли свой талантъ на то, чтобы популяризировать среди грамотнаго класса народа идеи, или скорѣе тенденціи, социализма. Одинъ изъ наиболее знаменитыхъ, Эжень Сю, заставлялъ своихъ героевъ говорить языкомъ фаланстеріевъ, въ то время какъ Жоржъ Зандъ, увлеченная чистымъ коммунизмомъ, который она называла *великой и грозной цѣлью раздѣленія имуществъ*, облекала утопіи Пьера Леру во все великолѣпіе магическаго стиля. Другая женщина, Флора Тристанъ, посѣтивъ самыя ужасныя притоны народной нищеты, стала, не безъ успѣха, проповѣдовать рабочимъ начала ассоціаціи и взаимопомощи.

¹⁾ *Антиноміи, становленіе, вещь въ себѣ и по себѣ*, вся эта терминологія иностраннаго происхожденія, антипатичная духу французскаго языка, которую Прудонъ съ удовольствіемъ затемнялъ свой стиль, служила, для французскихъ читателей, плохо знакомыхъ съ нѣмецкой метафизикой, вѣрнымъ признакомъ громадной изобрѣтательности и глубокаго знанія.

²⁾ Смотри уставъ народнаго банка и „Исповѣдь революціонера“, 1849.

Какъ можно было убѣдиться изъ этого краткаго изложенія, совокупность учений, извѣстныхъ подъ именемъ социализма, черпала свою силу не въ духѣ изобрѣтательности и не въ организующей наукѣ. Социализмъ родился изъ истинной и глубокой нужды, красно-рѣчиво отражалъ то нравственное и физическое состояніе, терпѣть которое дольше было бы преступленіемъ, но которое съ каждымъ днемъ ухудшалось по винѣ правительства, даже и не старавшагося отыскать противъ него хотя какой-нибудь палліативъ. Народъ, не имѣющій ни времени, ни знаній, необходимыхъ для того, чтобы анализировать и критиковать людей и принципы, шелъ къ новымъ апостоламъ и группировался вокругъ нихъ сначала изъ любопытства, а затѣмъ съ энтузіазмомъ и признательностью. Онъ привѣтствовалъ радостными криками вождей социализма, уважалъ ихъ и слушался. Такимъ образомъ, они, безъ всякаго отношенія къ ихъ гегнію, обладали значительной властью надъ мнѣніемъ массъ.

Радикализмъ, или исключительный республиканизмъ, который, съ 1793 года, не прекращалъ своихъ сношеній съ народомъ, и который, какъ и социализмъ, искалъ себѣ точку опоры въ массахъ, терялъ подъ собой почву по мѣрѣ того, какъ ее приобреталъ социализмъ. Съ 1839 года, самые энергичные люди этой партіи были обезкуражены постоянными пораженіями ихъ вооруженныхъ попытокъ. Барбэсъ и Бланки, два самыхъ дѣятельныхъ организатора заговоровъ, были въ тюрьмѣ. Тайныя общества, постоянно скрываясь отъ полиціи, были принуждены такъ измѣнить свою организацію, что становились съ каждымъ днемъ все слабѣй и не оказывали уже болѣе существеннаго вліянія. Они ограничивались, за послѣдніе годы, обширными проектами заговоровъ и подпольной пропагандой. Газета «National», нѣкогда бывшая живымъ выраженіемъ республиканизма, редактируемая, послѣ смерти Армана Карреля, Марра, Тома, Жюль Бастидомъ ¹⁾ и Трэла, хотя все еще очень задорная по формѣ, замѣтно склонялась къ соглашенію съ династической оппозиціей. Ярые республиканцы относились съ большимъ подозрѣніемъ къ этой фракціи буржуазныхъ республиканцевъ (какъ ихъ называли), обвиняя ихъ въ интригахъ и въ эгоистическомъ честолюбіи. Единственнымъ очагомъ пылкаго монтаньярскаго республиканизма осталась газета «Réforme». Основанная въ 1843 году Флокономъ, Бономъ и Гранмэнилемъ, съ опредѣленнымъ намѣреніемъ низвергнуть орлеанскую династію, «Ре-

¹⁾ Бастидъ черезъ нѣкоторое время вышелъ изъ „National“ и сталъ сотрудникомъ Бюше въ „Revue Nationale“; но тѣмъ не менѣе добрыя отношенія между вольтеранствомъ Марра и католицизмомъ его стараго сотрудника не прерывались никогда.

форма», въ числѣ редакторовъ которой были Гodefруа Кавэньякъ, Ледрю-Роллэнъ, Луи-Бланъ, Рибейроль, Етьеннъ Араго, Шельшеръ ¹⁾ — лучше, чѣмъ «National», поняла новыя стремленія народа, и, хотя якобинскія традиціи лежали въ основаніи ея политики, она не отталкивала и не высмѣивала, какъ газета Марра, социалистическія идеи. Часто даже она допускала изложеніе ихъ на своихъ столбцахъ. Она даже отдала имъ свою дань въ лицѣ Луи-Блана ²⁾. Поэтому «Реформа» въ очень короткое время стала гораздо популярнѣй «National'я», который съ досадой почувствовалъ, что руководство демократическимъ движеніемъ ускользаетъ отъ него. Очень скоро результатомъ этого явилась язвительная полемика между двумя газетами, переполненная личными намеками. Раздоръ раздѣлил ихъ на два враждебныхъ лагеря; интересъ защиты общаго дѣла померкъ передъ соревнованіемъ честолюбія ³⁾. Мы встрѣтимся съ этимъ отчаяннымъ соперничествомъ въ самый моментъ дѣйствій и, особенно, на другой день послѣ побѣды.

Партія легитимистовъ и партія, оставшаяся вѣрной имени Бонапарта, тоже принимали участіе въ борьбѣ съ правительствомъ, — первая открытой полемикой, а вторая разными происками, заговорами и интригами.

Къ этой соединенной работѣ сектъ, школъ и партій социалистическихъ и радикальныхъ, нужно прибавить вліяніе отдѣльных лицъ, стремившихся одни возбудить народъ, а другія просвѣтить его. Безупречныя статистическія изслѣдованія, появлявшіяся въ большомъ количествѣ, доводили до всеобщаго свѣдѣнія поражающія данныя о состояніи каторги, тюремъ, публичныхъ домовъ и больницъ, и заставляли проклинать правительство, не умѣющее излѣчить эти язвы. И надъ этимъ, еще сдавленнымъ, хоромъ народныхъ проклятій звучали, чрезъ все болѣе короткіе интервалы, пророческіе голоса. Слова *взврующаго* произвели въ 1833 году громадное впечатлѣніе. Торжественно выйдя изъ Римской церкви, но оставаясь истиннымъ христіаниномъ въ сердцѣ своемъ, аббатъ Ламеннэ искалъ въ Евангеліи осужденіе фарисейской расы, управлявшей Франціей, и возвѣщалъ отъ имени Христа и возрож-

¹⁾ Начало „Réforme“ было положено комитетомъ, состоявшимъ изъ Франсуа и Етьенна Араго, Бона, Дюпоти, Флоксона, Гинара, Жоли, Лессерэ, Лемассона, Луи-Блана, Паскаля Дюпра, Рекюра, Шельшера, Феликса Авриля и Валлье.

²⁾ Луи-Блану удалось въ послѣднее время заставить комитетъ „Реформы“ принять вполне социалистическую программу (См. текстъ историческихъ документовъ, № 1).

³⁾ „Я меньше боюсь несогласія вашихъ мнѣній, чѣмъ сходства вашихъ честолюбій“, сказалъ по этому поводу Беранже Марра на другой день послѣ февральской революціи.

денной демократіи близкое наступленіе правды и справедливости. Пламенное милосердіе его великой истерзанной души, его одинокая жизнь, его простая гордость среди бѣдности, которую онъ предпочелъ пурпурной мантии, наконецъ, самъ авторитетъ священнослужителя, отражавшійся на его фигурѣ и въ оборотахъ его рѣчи,—все это вызвало къ нему громадное уваженіе. Въ Collège de France лекціи Мишле ¹⁾, Кинэ и Мицкевича оживляли революціонныя традиціи школы, внушали юношеству чувство любви къ народу и презрѣнія къ официальной церкви и обществу и подготавливали такимъ образомъ ту связь студентовъ съ пролетаріями, которая обнаружилась на баррикадахъ. Такимъ образомъ волей или неволей, медленно или быстро, неосмысленнымъ сопротивленіемъ такъ же, какъ и страстнымъ натискомъ, всѣ принимали участіе въ революціонной работѣ, еще скрывавшейся отъ невнимательныхъ умовъ, но уже проявлявшейся время отъ времени тревожными признаками ²⁾.

При первомъ удобномъ случаѣ, она должна была предстать во всей своей грозной величинѣ передъ глазами потрясеннаго общества ³⁾.

Ясно, что французское общество, подъ внѣшнимъ благосостояніемъ, таило въ себѣ много элементовъ возмущенія. Правительство Людовика-Филиппа, вмѣсто того, чтобы поддержать его инстинктивное стремленіе къ высшему порядку, толкнуло общество, изъ самаго низменнаго разсчета, къ нравственному разрушенію. Продлился послѣднее, оно неминуемо повело бы, вмѣстѣ съ пониженіемъ французскаго харак-

¹⁾ Мишле и Ламеннэ были явными противниками коммунизма. И тотъ, и другой съ блескомъ и энергіей защищали семью и собственность во время самыхъ страшныхъ революціонныхъ бурь (см. Le Peuple Constituant №№ отъ 28 и 29 мая 1848 года и 3-й томъ „Исторіи Французской революціи“), когда тѣ, кто обвинялъ ихъ теперь въ анархическихъ тенденціяхъ, молчали, опустивъ голову. Въ этомъ отношеніи общественное мнѣніе было очень несправедливо. Да и къ кому оно справедливо теперь, когда я пишу эти строки!

²⁾ Между прочимъ, большая стачка въ 1840 г., стачка плотниковъ въ 1845 г., безпорядки въ Бюзассѣ и пр.

³⁾ Въ докладѣ префекта полиціи, Делессера, президенту совѣта, отъ 19 января 1847 года, констатируется, что въ 1846 году социалистическія изданія были еще болѣе многочисленны, чѣмъ въ предыдущіе годы, что стремленіе къ идеямъ социальнаго обновленія болѣе сильно, чѣмъ когда либо, и заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Указывается, какъ на опасныя сочиненія, на Евангеліе съ примѣчаніями и разсужденіями Ламеннэ, на „Систему экономическихъ противорѣчій“ Прудона, на „Опытъ о свободѣ“ Даніэля Стерна и пр., и пр. Докладъ заканчивается такими словами: „Въ этомъ заключается истинное бѣдствіе нашего времени, и нужно снова признать, что съ каждымъ годомъ оно дѣлаетъ все новые успѣхи. Подобное положеніе вещей вполне заслуживаетъ, по моему мнѣнію, особенной заботливости со стороны правительства“.

тера и чести, къ быстрому и непоправимому паденію европейскаго вліянія Франціи, такъ какъ политика іюльскаго правительства была настолько же недаленовидна въ сношеніяхъ съ иностранными державами, насколько она показала себя слѣпой въ веденіи внутреннихъ дѣлъ. Робость самаго обыденнаго эгоизма наложила печать молчанія на смѣлыя традиціи и мощный инстинктъ Франціи. Охваченное ложнымъ династическимъ самолюбіемъ и дѣтскимъ желаніемъ заслужить дружбу наслѣдственныхъ монарховъ, quasi-наслѣдственное правительство, такъ прозвали королевскую власть, сложившуюся на баррикадахъ, признало фактически и юридически европейское равновѣсіе, созданное торжественной несправедливостью трактатовъ 1815 года.

Оно лишилось симпатіи, оно обмануло надежды національностей, принесенныхъ въ жертву на Вѣнскомъ конгрессѣ, и отдалило отъ себя, то своимъ языкомъ, то своимъ двусмысленнымъ поведеніемъ, своихъ естественныхъ союзниковъ—и все для того, чтобы самодержавные государи простили ему его революціонное происхожденіе. Въ теченіе семи лѣтъ, когда Гизо былъ министромъ-президентомъ, все болѣе и болѣе проявлялось стремленіе консервативной политики сближаться съ абсолютными державами и отказываться, изъ-за сомнительныхъ милостей Австріи и Россіи, отъ принциповъ и традицій 89 года, отъ историческихъ и политическихъ выгодъ Франціи. Такимъ образомъ, какъ по своимъ дипломатическимъ дѣйствіямъ, такъ и по административнымъ мѣрамъ, правительство Людовика-Филиппа открыто шло въ разрѣзъ желаніямъ страны и ея дѣйствительнымъ интересамъ.

Богатые классы, у которыхъ національная гордость легко слабѣетъ и превращается въ сибаритствующій космополитизмъ очень сложной цивилизаціи, слѣдовали безъ особаго отвращенія за анти-французской политикой младшей вѣтви Бурбоновъ. Но народный инстинктъ былъ еще не совсѣмъ задавленъ, и часть неуспѣвшей разбогатѣть буржуазіи, выражая своей парламентской оппозиціей смутныя чувства массъ, придавала имъ совсѣмъ неожиданную силу. Ретроградныя тенденціи правительства, его все болѣе вызывающій образъ дѣйствій, приблизили часъ столкновенія. Въ завязавшей борьбѣ инстинктъ взялъ верхъ надъ наукой, и народное чувство оказалось сильнѣй искусства политики. Демократическая Франція, въ порывѣ негодованія, свергла правительство Франціи буржуазной и объявила себя свободной подъ республиканскимъ правленіемъ. Это было справедливымъ наказаніемъ за ошибки династической буржуазіи. Однако, скоро стало ясно, что обстоятельства привели къ развязкѣ, къ которой общество не было достаточно подготовлено.

Преждевременно ставшая республиканской, по винѣ непонимаю-

шей власти, недостаточно посвященная въ политическую жизнь, революціонная демократія вдругъ увидѣла себя лицомъ къ лицу со всевозможными затрудненіями, которыя она едва предвидѣла. Она сама не разбиралась хорошо въ своихъ собственныхъ сложныхъ элементахъ. Но, самое главное, у нея еще не составилось точнаго представленія о томъ социальномъ положеніи, въ одно и то же время очень новымъ и чрезвычайно старомъ, въ которомъ находились Европа и Франція. Отсюда вытекають недоумѣнія и неувѣренность людей, которыхъ любовь народа призвала къ власти. Отсюда же колебанія политики и скорая потеря ею довѣрія. Пренебрегая возможными реформами, прислушиваясь къ утопіямъ, привѣтствуя отзвуки революціи въ Европѣ и успокаивая монарховъ общаніями мира, она, въ одно и то же время, казалась, какъ внутри, такъ и извнѣ, благоразумной до слабости и смѣлой до дерзости.

Благодаря этимъ колебаніямъ, восторженное довѣріе массъ отшатнулось отъ правительства, которое не знало, что дѣлать. Ихъ разочарованіе скоро превратилось въ раздраженіе. Матеріальныя страданія, неразлучныя съ революціей, безпокоющей богатыхъ и останавливающей работу, были использованы побѣжденными партіями и нѣкоторыми сектантами, и довели до разрыва той связи, что соединяла городской пролетаріатъ съ республиканскимъ правительствомъ. Народъ требовалъ немедленнаго исполненія обѣщаній, данныхъ во время революціи, организаціи работы. Это требованіе ему казалось очень простымъ, но, на самомъ дѣлѣ, оно было ужасно въ данное время, когда ни одно изъ дѣлъ и ни одна изъ идей не могли быть еще удовлетворены: положеніе было очень тяжелое и полно неизвѣстности.

Ничего нельзя было отсрочить, и, въ то же время, казалось, что ничего невозможно исполнить немедленно. Къ кому лучше примкнуть, когда одни находили все выполнимымъ, а другіе не видѣли ничего, что можно было бы сдѣлать? Какъ, среди полнаго замѣшательства умовъ и желаній, произнести рѣшительное слово? Однако, время шло, каждый день, каждый часъ замедленія увеличивали опасность требованій пролетаріата. Съ своей стороны, буржуазія, боясь за свои богатства, дошла до того, въ своемъ, такъ сказать, героизмѣ страха, что предпочла ихъ самой жизни. Она была готова скорѣе всемъ рискнуть, чѣмъ согласиться хоть что-нибудь уступить. Страсти, сдерживаемыя нѣкоторое время надеждой у однихъ, страхомъ у другихъ, скоро должны были столкнуться. Произошелъ взрывъ. Раздѣлившись внутренне, революція приобѣгла къ оружію: республиканское правительство, въ 1848 году, какъ и королевское въ 1830, сражалось съ возставшимъ пролетаріатомъ;

оно навело свои пушки и направило свои штыки противъ народнаго отчаянія, и социальная революція была побѣждена. Но революція политическая была тоже поражена. Она медленно умирала, послѣ позорныхъ іюньскихъ дней. Ослабѣвшая отъ потери крови, неувѣренная въ своихъ дѣйствіяхъ; оставленная народомъ, убѣжденнымъ, что ему измѣнили; покинутая, какъ это было и съ королевской властью, буржуазіей, неблагодарной и не понимающей, кому ей нужно отдавать свои силы, и съ кого требовать; одинокая въ своей нерѣшительной политикѣ, которая привлекла къ ней симпатію народовъ, но не дала дружбы государей,—политическая революція быстро катилась по наклонной плоскости и существовала уже почти лишь по имени, когда Бонапартъ Второй занялъ ея мѣсто. Въ томъ же самомъ дворцѣ, откуда народъ, забавляясь, выбросилъ, какъ ненужную мебель, кресло короля-гражданина, Наполеонъ III приказалъ возстановить, съ военной церемоніей и съ придворной торжественностью, императорскій тронъ. Теперь отъ революціи 1848 года осталось только одно учрежденіе, и именно это учрежденіе и послужило ея разрушенію: всеобщее избирательное право. Такимъ образомъ, громадное число людей разсматривало февральскую революцію, какъ безразсудную попытку, какъ случайность, какъ историческую безсмыслицу, уничтоженіе послѣднихъ слѣдовъ которой можно только привѣтствовать.

Не къ такому заключенію приводитъ насъ, спустя четырнадцать лѣтъ, новое изслѣдованіе послѣдующихъ событій. Здѣсь не мѣсто догадкамъ и пророчествамъ. Однако, можно думать, хотя внѣшніе признаки говорятъ какъ разъ обратное, что революція 1848 года не была окончательно побѣждена ни во Франціи, ни въ Европѣ. Мы видимъ зарожденныя ею надежды, можетъ быть, еще болѣе пылкими, а во всякомъ случаѣ болѣе глубокими и болѣе близкими къ осуществленію; мы видимъ ихъ въ Италіи, въ Венгріи, въ Польшѣ, у всѣхъ народовъ, еще не завоевавшихъ національной независимости, полной свободы совѣсти и совершеннаго демократическаго равенства. Повсюду, повидимому, возросла ненависть народовъ къ самодержавнымъ правительствамъ, которымъ болѣе, чѣмъ когда-либо, угрожаетъ духъ французской революціи. Никогда еще будущность нашей страны не была такъ явственно связана съ прогрессомъ демократіи. Эта будущность, благодаря всеобщему избирательному праву, находится теперь въ рукахъ народа. Она цѣликомъ зависитъ отъ разумнаго пользованія этимъ новымъ правомъ, данномъ ему революціей 1848 г.; и это право, хотя оно не принесло съ перваго шага тѣхъ благъ, которыхъ должны были отъ него ожидать, и хотя, повидимому, оно обратилось именно противъ тѣхъ, кто его создали, тѣмъ не менѣе является истин-

ной основой современной демократіи. Оно содержитъ въ себѣ, оно дѣлаетъ необходимымъ, неизбежнымъ и даже приближаетъ *то улучшение участи самаго многочисленнаго и самаго бѣднаго класса*, то облагораживаніе народа путемъ обученія и благосостоянія, которое было мечтой первыхъ реформаторовъ и стало серьезной дѣйствительностью, къ которой сквозь тысячи химеръ, стремится современный социализмъ. И если теперь народъ не выполнилъ бы мирно того великаго социальнаго преобразованія, пути котораго ему намѣтили философы XVIII вѣка и законодатели Учредительнаго собранія, то въ этомъ можно винить лишь его самого, такъ какъ онъ сталъ теперь хозяиномъ своей судьбы.

Революція 1848 года и республиканскія учрежденія не должны были имѣть иного немедленнаго результата, какъ лишь снабдить народъ законными средствами для его эмансипации. Ихъ нужно привѣтствовать отъ всей души и отъ всего сердца, какъ извѣстное проявленіе работы providѣнія, того постояннаго совершенствованія, которое происходитъ въ мірѣ, наперекоръ слабостямъ, ошибкамъ, преступленіямъ и, въ особенности, вопреки ослѣпленію людей.

ЧАСТЬ I.

I.

Консерваторы и реформисты.

Выборы 1846 г. принесли значительное большинство консервативному министерству, извѣстному между современниками подъ именемъ «кабинета 29 октября». Это большинство состояло почти цѣликомъ изъ правительственныхъ чиновниковъ. Ихъ было въ палатѣ не меньше двухъ сотъ!

Фактъ не бывалый, не вмѣющийся себѣ примѣра за все время существованія парламентскаго режима, за то ясно подчеркивающей все зло разлагающаго вліянія правительства на избирателей.

Никогда еще Гизо, предсѣдательствовавшій въ совѣтѣ, и Дюшатель, которому въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ было спеціально поручено привести выборное предпріятіе къ хорошему концу, никогда они еще не одерживали такой легкой и такой полной побѣды. Никогда имъ еще не приходилось наталкиваться въ правахъ общества на такое небольшое количество независимости и политической доблести. Страсть къ мѣстечкамъ да состязаніе въ рабскомъ усердіи, казалось, стали единственными двигателями въ этой «легальной странѣ», съ которой только они и имѣли дѣло

и которая закрывала отъ нихъ — другую. У этихъ двухъ министровъ не зародилось даже сомнѣнія въ счастливомъ исходѣ только что открывшейся сессіи, и все обличало въ нихъ, вмѣстѣ съ полной самонадѣянностью, необычайное презрѣніе, внушаемое имъ почти одинаково какъ услужливостью друзей, такъ и явной неспособностью противниковъ. И на самомъ дѣлѣ, если считать только съ «легальной страной» ¹⁾, чувство удовлетворенія у министровъ имѣло полное основаніе.

Блестящій братъ герцога де-Монпансье съ испанской инфантой — этотъ личный успѣхъ королевскаго честолюбія — былъ представленъ консервативной прессой, какъ дипломатическая побѣда, одержанная надъ Англійей. «Мы возвращаемся къ политикѣ Людовика XIV», говорили льстецы; «Франція оправляется отъ своихъ униженій», повторяли легковѣрные. Кромѣ того, оппозиція предыдущей сессіи была такъ слаба и такъ плохо вела себя, что, еще уменьшенная новыми выборами, она не могла и думать о серьезной борьбѣ. Все давало возможность предсказать, что парламентское сраженіе ограничится легкими стычками, отъ которыхъ не трудно будетъ защититься краснорѣчіемъ Гизо и искусными маневрами Дюшателя. Такъ думалъ Людовикъ-Филиппъ и его окружающіе. А на самомъ дѣлѣ, очень серьезные безпорядки, вызванные дороговизной хлѣба во многихъ департаментахъ, нарушили было на минуту прочность кабинета. Возмущеніе крестьянъ въ Бюзансѣ и послѣдовавшія за этимъ экзекуціи, напоминая собой аналогичныя сцены, предвѣщавшія начало революціи, заронили въ нѣкоторые умы боязнь и тяжелое предчувствіе. Но бунтъ подавленъ войсками, не выказавшими никакого колебанія при исполненіи воинскаго долга, опасность голода предотвращена обильнымъ ввозомъ — и мрачныя мысли забыты. Дебаты по этому предмету послужили для кабинета только поводомъ къ блестящему успѣху.

Однако, нѣсколько добросовѣстныхъ консерваторовъ, принявъ въ серьезъ обѣщанія ²⁾ министра избирателямъ, подняли голосъ, требуя ихъ исполненія. Такая дерзость не понравилась Гизо. Загордившись отъ всевозрастающаго успѣха своей политики, онъ не скрывалъ своего презрѣнія къ этимъ честнымъ простакамъ и забылся до того, что открыто предложилъ имъ отдѣлиться. «Недовольные направленіемъ кабинета, — заявилъ онъ во время дебатовъ по поводу предложенія Дюверье-де Горанна о пониженіи избира-

¹⁾ Такъ, на парламентскомъ языкѣ, обозначалась совокупность гражданъ, удовлетворяющихъ требованіямъ избирательнаго ценза.

²⁾ „Всѣ партіи обѣщаютъ вамъ прогрессъ, — сказалъ Гизо на банкетѣ избирателей Лизьё 2 августа 1846 г., — одна консервативная партія его вамъ дастъ“.

тельного ценза, — могут переходить въ лагерь оппозиціи». Это тяжкое оскорбленіе, направленное противъ наиболѣе покладистой части большинства, повело къ созданію фракціи диссидентовъ. Хотя она была очень незначительна по своей численности и по нравственнымъ силамъ, такъ какъ кромѣ ничтожныхъ и добросовѣстныхъ людей, о которыхъ я уже упоминалъ, состояла почти только изъ самодовольныхъ и поверхностныхъ критиковъ правительства, однако ей удалось приобрести нѣкоторое значеніе, благодаря не совсѣмъ обычной энергіи, дѣятельности и ловкости одного человѣка, — де-Жирардэна, отъ сотрудничества котораго она наполовину отказывалась. Главный редакторъ «Прессы» («La Presse»), какъ и многіе другіе, не разъ былъ затронутъ при личныхъ сношеніяхъ съ Гизо; человѣкъ мстительный и, кромѣ того, имѣя большую возможность удовлетворить свою жажду мести, онъ сосредоточилъ всѣ силы своего ума на этой цѣли. Быстро сообразивъ, что обѣщанія на банкетъ въ Лизьё были лишь приманкой, онъ выставилъ ихъ въ видѣ эпитафіи на первой страницѣ своей газеты и напоминалъ о нихъ своимъ многочисленнымъ читателямъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Въ тотъ день, когда Гизо обратился къ консерваторамъ съ своей неблагоприятной фразой, де-Жирардэнъ, чтобы подчеркнуть все негодованіе такъ неожиданно обманутаго довѣрія, стеръ эпитафію «Прессы» и замѣнилъ его другимъ, взятымъ изъ рѣчи Демуссо-де-Живрэ въ засѣданіи 27 апрѣля. «Что сдѣлано за семь лѣтъ? — воскликнулъ этотъ консерваторъ, доведенный до крайности: — *ничего, ничего, ничего!*» Эти три слова стали прощическимъ девизомъ «Прессы». Съ этого дня она обратилась въ обвинителя министерства и не спускала ему ничего. Прибѣгая то къ хитрости, то къ наглости, де-Жирардэнъ былъ самымъ опаснымъ врагомъ для Гизо, такъ какъ, служа очень долго его политикѣ, онъ зналъ ее прекрасно и безъ стѣсненія раскрывалъ всѣ ея тайныя пружины.

Безъ вліянія на массы, безъ значенія въ палатѣ, де-Жирардэнъ былъ тѣмъ не менѣе серьезнымъ противникомъ, благодаря силѣ своей діалектики, благодаря своему неумѣю строить ловушки, благодаря своему близкому знакомству съ различными видами утопій, благодаря знанію разныхъ эффектовъ, удивительно приспособленныхъ къ состоянію нашихъ нравовъ, наконецъ, благодаря рѣдкой правильности своего критическаго смысла. Раны, нанесенныя имъ консервативному министерству за эту сессію, были смертельны. Но ни въ комъ еще не возникало серьезнаго безпокойства; наоборотъ, все, повидимому, оправдывало крайнюю самоувѣренность министровъ.

Потерпѣвъ пораженіе въ вопросѣ объ испанскихъ бракахъ, ослабѣвъ послѣ отпаденія Билло и Дюфора, двухъ наиболѣе вліятельныхъ

членовъ палаты, за которыми тотчасъ послѣдовали еще тридцать депутатовъ, оппозиція, униженная и обезкураженная, схватилась слабой рукой за свое старое притупившееся оружіе реформы. Это, конечно, не было очень страшно. Дюшатель совершенно не беспокоился; Гизо пожималъ плечами; король посмѣивался исподтишка надъ этимъ наивнымъ вздоромъ честныхъ простаковъ. Никто во всей Франціи, конечно, никто не могъ подозрѣвать необычнаго оборота, который, черезъ небольшой промежутокъ времени, должно было принять обсужденіе этого вопроса, заранѣе осужденное за свое однообразіе. Уже въ теченіе 15 лѣтъ этотъ вопросъ объ избирательной и парламентской реформахъ возрождался неизмѣнно въ каждую сессію. Оппозиція повторяла, что страна не имѣетъ дѣйствительныхъ представителей, и что независимость палаты не достаточно гарантирована. Она подтверждала свои слова соображеніями и цримѣрами, справедливость которыхъ была неоспорима. Но, указывая на внѣшнюю сторону зла, оппозиція остерегалась спускаться слишкомъ глубоко, вплоть до существеннаго порска конституціи, до безнравственнаго принципа ценза, подчинявшаго политическую правоспособность грубой привилегіи богатства. Иногда съ трудомъ понимаешь, какъ могло случиться, чтобы самая благородная и наиболѣе тонко чувствующая нація современнаго міра могла позволить такъ исказить свое мнѣніе по этому поводу, могла допустить, чтобы богатство, такъ часто добываемое за счетъ честности, являлось не только самой вѣрной, но и единственной гарантіей политической правоспособности. Приходится удивляться тому, что народъ, воспитанный на религіи и философіи вполне спиритуалистической, принялъ за образецъ правленія систему, въ основаніи которой лежитъ матеріализмъ, и измѣнилъ самому себѣ вплоть до языка. Эта несчастная идея создала для будущаго цѣлое поколѣніе, быстро привыкнувшее разсматривать государство какъ *машину*, имѣющую свой *ходъ*, свои *систему равновѣсія*, свои *колеса*; говорить о себѣ, какъ о выборномъ *матеріалѣ*, наконецъ, говорить о томъ, что есть наиболѣе идеальнаго въ мірѣ, говорить о гениі народа, отраженномъ въ его учрежденіяхъ, исключительно терминами, заимствованными изъ механики! Я увѣрена, что я высказываю не ребяческія замѣчанія. Ничего нѣтъ ребяческаго въ томъ, что заключаетъ сущность жизни цѣлой націи; случай не играетъ роли въ созданіи языковъ; языкъ народа это самъ народъ.

Но виды оппозиціи не простирались такъ далеко. Мы увидимъ скоро, что она не была особенно пропитана логикой. Барро и его партія, не желая совершенно понять, что отравленъ самый источникъ общественной нравственности, безпокоились лишь о томъ, что замутилась ея поверхность, и, съ дѣтской серьезностью,

старались вернуть ей чистоту, пропуская ее через фильтр реформъ. Что касается Тьера, то нѣкоторая доля любви къ революціоннымъ авантюрамъ, тщеславное удовольствіе противопоставить себя королю, заслужившему извѣстность своею ловкою тактикою, сверхъ всего это о, мятежная неводержанность баловня судьбы, бросили его впередъ навстрѣчу всѣмъ случайностямъ, риску и опасностямъ. Правительство со своей стороны, вслѣдствіе простого отвращенія къ движенію, каково бы оно ни было, не уставало отвѣчать то, что данная мѣра не своевременна, то, что оно находится ее опасной, и что во всякомъ случаѣ министры подадутъ въ отставку, если эта мѣра будетъ принята. Потерявъ надежду добиться какого-нибудь результата парламентской борьбой, радикалы рѣшили, въ 1840 году, попробовать обратиться къ общественному мнѣнію. Имъ удалось собрать до 100 тысячъ подписей подъ петиціей, написанной ясно и рѣшительно; но эта петиція почти и не обсуждалась въ палатѣ: настолько умѣренная оппозиція была противъ такого опаснаго союза. Въ этомъ году два убѣжденныхъ человѣка, одинъ радикалъ не изъ крайнихъ, другой—либеральный приверженецъ династии, попытались, каждый вполнѣ самостоятельно, сблизить политику партій, видя въ этомъ единственное средство заставить упорствующее правительство пойти на нѣкоторыя уступки.

Карно, сынъ знаменитаго члена конвента, признаваясь въ своихъ республиканскихъ симпатіяхъ, въ брошюрѣ подъ названіемъ «Радикалы и Хартія», изъявляетъ полное желаніе считаться съ волей народа, выраженной въ іюльскихъ учрежденіяхъ, и доказываетъ, что реформы вовсе не идутъ имъ въ разрѣзъ. «Только сумасшедшій, говоритъ онъ, будетъ требовать посредствомъ революции того, что онъ можетъ получить простымъ голосованіемъ избирателей». Что касается Дювержье де-Горана ¹⁾, человѣка съ дѣятельнымъ умомъ, безкорыстнаго, съ незапятнанной политической честностью, то онъ заклиналъ всѣхъ вождей оппозиціи объединиться, чтобы вызвать то, что впоследствии получило названіе *давленія извнѣ*, т. е. внѣ-парламентскую агитацію, съ цѣлью убѣдить правительство, что страна осуждаетъ консервативную политику и жаждетъ вступить на путь широкаго и истиннаго прогресса. Эти двѣ брошюры, продиктованныя, независимо другъ отъ друга, яснымъ пониманіемъ положенія вещей, при которомъ, казалось, все было потеряно, если только еще отсрочать принятіе рѣшительныхъ мѣръ, помогли сблизенію радикаловъ и приверженцевъ династии. Въ теченіе нѣкотораго времени центральный избирательный комитетъ

¹⁾ *De la Réforme électorale et parlementaire*

работалъ въ этомъ направленіи. Этотъ комитетъ только что добился значительнаго успѣха на муниципальных выборахъ и на выборахъ національной гвардіи. Маррастъ и Дювержье де-Гораннъ соединились, чтобы начать атаку, которая по мысли перваго должна была пошатнуть династію, а по программѣ втораго только свергнуть министровъ. По ихъ инициативѣ составляютъ петицію, одобренную мѣстными комитетами и парламентскими вожаками и поддержанную всей либеральной прессой. Рѣшено организовать внушительную манифестацію и расшевелить лишившееся чувствительности общественное мнѣніе, создавъ свободную трибуну лицомъ къ лицу противъ трибуны, обслуживающей парламентъ: назначенъ банкетъ.

Въ подобномъ собраніи не было ничего незаконнаго, даже ничего необычнаго. Не только по политическимъ обычаямъ Англии банкеты считаются существенной частью представительнаго правленія, но и въ самой Франціи депутаты не рѣдко принимаютъ отъ своихъ избирателей подобные знаки уваженія. Гизо и Дюшателъ совсѣмъ еще недавно сами дали подобный примѣръ. Однако, министерство смотрѣло съ неудовольствіемъ на приготовленія къ банкету реформистовъ. Къ концу сессіи оно уже не было больше пропитано той гордой самонадѣянностью, которую высказывало въ началѣ. Не испытавъ ни одного значительнаго урона, оно, однако, очень замѣтно ослабѣло, благодаря всей совокупности дебатовъ.

Не внеся ни одного проекта серьезнаго закона; отказывая или пренебрегая самыми простыми и самыми насущными реформами, на которыхъ настаивало общественное мнѣніе: почтовой реформой, предложеніемъ уменьшенія налога на соль; задерживая въ стадіи докладовъ проекты законовъ о тюремномъ режимѣ, о дѣтскомъ трудѣ на фабрикахъ, о рабочихъ книжкахъ и т. д. и т. д., министерство не сумѣло держать большинство наготовѣ. Дисциплина въ послѣднемъ ослабѣла, и время отъ времени оно обнаруживало оппозиціонныя вождельнія. Пренія по поводу экспедиціи въ Кабилию выдали безсиліе правительства предъ диктаторскими замашками маршала Бюжо.

Во время дебатовъ о бюджетѣ были обнаружены злоупотребленія въ управленіи общественными суммами. Завѣдываніе гражданскимъ листомъ, условія новаго займа, новыя привилегіи, данныя желѣзно-дорожнымъ компаніямъ—все это возбуждало всеобщее недовольство. Наконецъ, обвиненія въ подкупахъ, встрѣчавшія раньше лишь высокомѣрныя отрицанія, приняли серьезный характеръ. Выяснились съ точностью и доказывались факты, считавшіяся совершенно невозможными. То продажа въ кабинетѣ министерства внутреннихъ дѣлъ привилегіи на театръ, то взятка за представленіе законопроекта, то протекція проворовавшемуся интендантскому

чиновнику. Скандалъ достигъ своего апогея, когда передъ судомъ перовъ предсталъ бывший министръ Тестъ, председатель кассационной палаты, старшій офицеръ Ордена почетнаго легіона, изобличенный въ полученіи значительной суммы за концессию на соляныя копи. Генераль-лейтенантъ и пэръ Франціи Кюберъ былъ посредникомъ при этой постыдной сдѣлкѣ. Судебныя пренія на этомъ процессѣ взбудоражили всю Францію. Обвинительный приговоръ, вынесенный обвиняемымъ, отозвался въ самыхъ нѣдрахъ страны. Народъ проникся глубокимъ презрѣніемъ къ правительству и обществу, способнымъ на такія гнусности ¹⁾.

Что же, однако, предпринялъ кабинетъ, чтобы отразить или ослабить эти удары? Обвиняемый въ самыхъ грязныхъ сдѣлкахъ, онъ отказалъ въ разслѣдованіи и получилъ отъ палаты формальное изъясненіе довѣрія. Послѣ одного спора, полного личностей, во время котораго Жирарденъ предлагалъ доказать, что Гизо продалъ одно пѣрство, министръ, отважно доходя въ своихъ встрѣчныхъ обвиненіяхъ даже до сообщенія секретныхъ писемъ, коварной и искусной рѣчью вырвалъ у большинства въ 215 голосовъ резолюцію, ставшую знаменитой. Ибо въ ней это большинство, охваченное подавленнымъ наличностью самыхъ позорныхъ фактовъ, осмѣливалось еще пренебречь общественнымъ сознаніемъ и заявляло себя *удовлетвореннымъ*. Затѣмъ кабинетъ попытался нѣсколько увеличить свою жизненность, пожертвовавъ тремя изъ своихъ членовъ: де-Макко, Лакавъ-Лапланемъ и Молинь-Сэнтъ-Йономъ, потерпѣвшими поражение при обсужденіи чрезвычайныхъ кредитовъ, и призвавъ на ихъ мѣста троихъ новыхъ министровъ, такихъ же политическихъ посредственностей: де-Монтебелло, Жѳра, Трэзеля ²⁾.

Наконецъ, кромѣ всего этого, Дюшатель приложилъ всѣ свои старанія, чтобы полицейскими придирками сорвать манифестацию реформистскаго банкета, начавшую внушать беспокойство при подобномъ стеченіи обстоятельствъ. Къ несчастію, не нашлось никакого предлога для официального отказа. Совсѣмъ недавно было очень легко запретить банкетъ Манскихъ избирателей, предложен-

¹⁾ Многие предшествующіе факты подготовили эту потерю высшими классами уваженія въ глазахъ народа: важный баринъ, оказавшійся фабрикантомъ фальшивыхъ жетоновъ; флигель-адъютантъ короля, захваченный на мѣстѣ преступленія при передергиваніи въ игръ; пэръ Франціи, исчезающій послѣ серьезнаго покушенія, потушеннаго стараніями семьи, и т. д., и т. д.

²⁾ Эти назначенія были сдѣланы только послѣ оскорбительнаго отказа многихъ политическихъ дѣятелей не захотѣвшихъ принимать на себя отвѣтственность за дѣйствія кабинета.

ный ими Ледрю-Роллану, мятежный радикализмъ котораго наводилъ ужасъ на буржуазію. Но какъ выказать хотя самый небольшой страхъ по поводу собранія, на которомъ будутъ присутствовать Одилонъ-Барро и Дювержье-де-Гораннь, и характеръ котораго настолько опредѣлился заранѣе, что крайніе радикалы отказались принять въ немъ участіе ¹⁾?

И, на самомъ дѣлѣ, ничего не было разрушительнаго въ намѣреніяхъ 1200 человекъ, собравшихся 9 іюля 1847 г. подъ предѣтельствомъ Ластейри-отца на банкетѣ въ Шато-Ружъ. Тамъ присутствовало и восемьдесятъ депутатовъ, представлявшихъ собой старый либерализмъ. Было рѣшено, вполнѣ опредѣленно, воздерживаться отъ всякихъ личныхъ взглядовъ, «чтобы избѣжать, какъ говорилъ Дювержье де-Гораннь, семейныхъ сценъ изъ-за судьбы новорожденнаго, раньше его появленія на свѣтъ». Съ этими примирительными цѣлями въ составленномъ заранѣе спискѣ тостовъ былъ нарочно пропущенъ тостъ въ честь короля ²⁾; это было самое выдающееся дѣяніе собранія.

Тосты, предлагаемые Одилономъ-Барро, Мари, Густавомъ-де-Бомонъ, Шамболлемъ и Маллевиллемъ, за *іюльскую революцію*, за *прессу*, за *реформы*, за *улучшеніе участи рабочихъ классовъ* и т. д. излагали въ такихъ умѣренныхъ выраженіяхъ столь конституціонныя пожеланія, что республиканцы сожалѣли о томъ, что приняли участіе въ банкетѣ. Однако, вся пресса оппозиціи восхваляла краснорѣчіе ораторовъ въ Шато-Ружъ. Правда «*La Reforme*» высмѣяла ихъ съ горечью, но этого было не достаточно, чтобы успокоить «*Journal des Débats*». На другой же день онъ открылъ противъ банкета перекатный огонь сарказмовъ и угрозъ, не прекращавшійся больше вплоть до кануна катастрофы. Спустя мѣсяць, 9-го августа, сессія кончилась. «Она не была удачной, — писалъ «*Journal des Débats*», — если слѣдующая не будетъ лучше, она будетъ трагичной» ³⁾.

Это было сказано вполнѣ справедливо. Гнѣвъ и презрѣніе на-

¹⁾ Араго, несмотря на то, что по характеру своихъ занятій и по своимъ общественнымъ отношеніемъ былъ умѣренныхъ политическихъ взглядовъ, не захотѣлъ показаться на банкетѣ, осуждая подобный партійный союзъ.

²⁾ Этотъ пропускъ послужилъ поводомъ или предлогомъ для отсутствія Тьера, де-Ремюза, Вивіена и Дюфора.

³⁾ Д'Оссонвилль, зять герцога де-Бройль, ревностный консерваторъ, одинъ изъ 225 *удовлетворенныхъ*, въ статьѣ «О современномъ положеніи», въ «*Revue des Deux-Mondes*» выражался такимъ образомъ: «Не умѣть управлять нмъ, этимъ большинствомъ, такова дѣйствительная вина кабинета. Управлять, это значить хотѣть управлять, это значить дѣйствовать, т. е. дѣлать вещи кетати и подчеркивать ихъ значеніе; это значить умѣть при нуждѣ дѣйствовать на воображеніе народа.

рода стали подниматься на поверхность. При возвращеніи съ одного праздника, даннаго въ Венсеннѣ герцогомъ де-Монпансье, украшенные гербами экипажи приглашенныхъ были ошиканы, когда они проѣзжали фобургъ Сэнтъ-Антуанъ. «Долой воровъ!» кричали имъ по дорогѣ, а камни, легѣвшіе въ окна экипажей, придавали еще болѣе сильное значеніе этой брани. При похоронахъ министра юстиціи Мартэна (изъ Сѣвернаго департамента), въ толпѣ громко раздавались мятежныя восклицанія.

Таковы были предзнаменованія близкаго взрыва. Его ускорило одно событіе, которое совершенно не касалось политики и не имѣло никакого прямого отношенія къ общимъ причинамъ народнаго возбужденія. Одна еще очень красивая женщина, безупречнаго поведенія, дочь маршала Франціи, была убита съ безпримѣрной жестокостью своимъ мужемъ, герцогомъ де-Пралэнъ, котораго только самоубійство спасло отъ осужденія судомъ пэровъ. Это событіе, долгое время совершенно необъяснимое, эта кровавая драма взволновала всю страну. Имя несчастной герцогини де-Пралэнъ переходило изъ устъ въ уста и проникло въ самыя глухія деревни. Люди, совершенно другъ другу незнакомые, останавливались по дорогамъ и въ общественныхъ мѣстахъ, чтобы спросить одинъ у другого разъясненій, чтобы подѣлиться негодованіемъ, которое не въ силахъ были сдержать. Народъ, всегда такъ быстро приходящій въ негодованіе предъ образомъ женщины, которую слабость предаетъ беззащитной въ руки ненависти, народъ началъ вслухъ проклинать то общество, гдѣ совершаются такія злодѣянія. Въ своихъ подозрѣніяхъ онъ преувеличилъ, онъ обобщилъ это частное преступленіе. Семейная трагедія разрослась до размѣровъ національнаго бѣдствія. Во всѣхъ сердцахъ она порождала мрачныя мысли. За нѣсколько времени передъ тѣмъ, одно чисто литературное по внѣшности событіе, одно совпаденіе, которое, казалось, могъ устроить только случай, подѣйствовало на умы, какъ предзнаменованіе: почти одновременное появленіе въ печати трехъ исторій французской революціи, принадлежавшихъ перу трехъ знаменитыхъ писателей, Мишле, Луи Блана и Ламартина, произвело общее волненіе.

Изъ этихъ исторій, написанныхъ всѣ три съ чувствомъ восхищенія передъ этимъ великимъ моментомъ нашей національной жизни, двѣ первыхъ очень усиленно читались въ Парижѣ и разбирались серьезными умами; на третью, почти съ быстротой электрической искры, откликнулась вся Франція. Блестящій стиль, трогательныя описанія, поэтическая нѣжность, переливавшаяся черезъ край въ этой изумительной книгѣ, соединенныя съ строгостью сужды и безпартийностью историка, наконецъ, сама логика и очень часто справедливая — придали ей необычайную силу. Повсюду, во всѣхъ

слояхъ общества, во всѣхъ партіяхъ, читали, пожирали эти страницы, начертанныя слезами и кровью.

Чрезмѣрный энтузіазмъ и шумное негодованіе, сталкиваясь между собою, слились въ неслышанный крикъ, который поднялъ имя Ламартина высоко-высоко надъ именами всѣхъ его современниковъ. Совершенно напрасно было бы стараться спокойно оцѣнивать «Исторію жирондистовъ». Всякая умѣренная похвала, всякая безпартийная критика показались бы тогда подозрительными. Только одна страсть говорила за или противъ этого произведенія поэта. Безъ сомнѣнія, между непосредственными причинами, заставившими вырваться наружу революцію, уже совершившуюся въ сердцахъ, «Исторія жирондистовъ» была одной изъ самыхъ энергичныхъ. Она внезапно оживила, посредствомъ поистинѣ магическаго дара вызванія мертвыхъ, оживила предъ нами тѣни героевъ и мучениковъ 89 и 93 года; ихъ величіе показалось нѣмымъ укоромъ нашей мелочности, жаръ ихъ убѣжденій разбудилъ насъ отъ дремоты и покрылъ позоромъ за нашу инертность.

II.

Банкеты.—Ламартинъ, Одилонъ Барро, Ледрю-Роллэнъ, Луи-Бланъ.

Это возбужденіе умовъ, столь, повидимому, благопріятное для реформистскихъ манифестацій, не было, однако, очень глубоко. Въ провинціяхъ большая часть банкетовъ была скорѣе результатомъ разыгравшагося и протестующаго самолюбія, чѣмъ принциповъ. Каждый городъ хотѣлъ имѣть банкетъ подъ пресѣдательствомъ какого-нибудь извѣстнаго депутата.

Первый по времени банкетъ былъ устроенъ въ честь автора «Исторіи жирондистовъ» его роднымъ городомъ, Макономъ. Этотъ банкетъ носилъ скорѣе частный характеръ. Въ немъ было что-то сближающее, что-то мягкое, какъ во время семейнаго праздника, несмотря на то, что приглашенные и зрители собрались въ такомъ количествѣ, какое удавалось видѣть лишь въ наши лучшіе дни гражданскихъ торжествъ. Было что-то захватывающее воображеніе и пророческое, когда, при послѣднихъ раскатахъ грома, въ виду мрачнаго неба, изборожденнаго молніями, подъ срываемой бурей палаткой раздавался, заглушая трескъ дерева, свистъ вѣтра въ лохмотьяхъ разрывавшейся парусины, стукъ падавшихъ столовъ и скамеекъ, звонъ разбивавшейся посуды, тревогу обезпокоенной толпы, раздавался суровый голосъ поэта, предвѣщающій паденіе трона и низверженіе монархіи.

Намъ время заняться Ламартиномъ. Событія не ждутъ и увлекаютъ насъ съ собой. Воспользуемся минутной отсрочкой, чтобы познакомиться съ этимъ человѣкомъ, который скоро долженъ сыграть такую значительную и такую странную роль. Подойдемъ безъ страха къ нему вплотную, чтобы прочесть на его лицѣ, чтобы заглянуть въ его душу. Если мы и найдемъ у него непослѣдовательность и слабости, тѣмъ не менѣе мы не встрѣтимъ ничего, что не было бы облагорожено его стремленіемъ къ великому, его великодушіемъ, его смѣлостью.

Родившись въ Маконѣ, въ 1790 году, въ одной изъ тѣхъ дворянскихъ провинціальныхъ семей, въ которыхъ сохраняются нетронутыми религіозныя традиціи и старинная простота нравовъ, Альфонсъ де-Ламартинъ провелъ все свое дѣтство на лонѣхъ прирѣды Бургунди, въ деревнѣ, называемой Милли, гдѣ у его родителей былъ скромный домикъ, окруженный виноградниками. Въ 1801 году онъ поступилъ въ коллежъ въ Беллэ и обнаружилъ тамъ рѣдкія способности. За исключеніемъ математики, къ которой онъ чувствовалъ непреодолимое отвращеніе, ему давались всѣ другіе предметы курса, и онъ ихъ схватывалъ съ изумительной легкостью. Его открытый и великодушный характеръ, его мягкость, которая въ немъ мирилась съ ярко выраженной волей, завоевали ему въ Беллэ, какъ и въ Милли, самыя недоступныя сердца. Въ 1814 году онъ поступилъ въ военную школу Людовика XVIII-го. Свѣтская суета и развлеченія, казалось, были заранѣе осуждены имъ, благодаря ихъ рѣзкому контрасту съ его мечтательными наклонностями. Путешествіе въ Италію дало толчокъ его поэтическому пылу. Томъ «Размышлений», вышедшій въ 1820 году, приобрѣлъ неслыханный успѣхъ. Вся молодежь, мужчины и женщины, даже дѣти читали эту книгу и декламировали стихи, писанные у подножія распятія и благоухавшіе неизъяснимой меланхоліей наслажденія.

Со дня появленія «Размышлений», Ламартинъ долженъ былъ почувствовать, что его любятъ вся Франція и Европа, какъ нѣкогда любили Милли и Беллэ. Можно сказать, что слава было первое, что дала эта любовь; вторымъ было могущество, котораго ему было суждено достигнуть. Для довершенія его счастья, со славой пришло къ нему и богатство черезъ женитьбу и большія наслѣдства. Отъ 1820 до 1830 года, продолжая дипломатическую карьеру, Ламартинъ не переставалъ издавать свои стихи; ихъ красота болѣе оспаривалась, но по характеру они стояли въ самой тѣсной связи съ настроеніемъ умовъ того періода. Неясность очертаній, неправильности, несдержанность, не вполне точное соответствіе между мыслями и выраженіями,—все, о недостаткѣ чего можно со-

жалѣть, сдѣлало ихъ еще больше по вкусу молодежи, волнуемой тогда неясными стремленіями, захваченной волной страстей, желавшей убаюкивать себя въ царствѣ мечты и чувствовавшей полное отвращеніе ко всякой строгой дисциплинѣ ума. Но если, по своимъ недостаткамъ, эти стихи принадлежатъ къ переходной эпохѣ, расцвѣтъ которой они видѣли, то по своимъ существеннымъ достоинствамъ они тѣсно связаны съ неумирающими порывами чело-вѣческой природы.

Послѣ іюльской революціи Ламартинъ держался нѣкоторое время въ сторонѣ. Затѣмъ онъ выступаетъ съ политической брошюрой, въ которой, не скрывая удрученнаго состоянія своей души, объясняетъ и оправдываетъ въ глазахъ разума то событіе, которое только что возвело на тронъ младшую вѣтвь. Съ первыхъ страницъ этой брошюры видно, что политика Ламартина, какъ и его поэзія, вытекаетъ изъ христіанскаго источника. Онъ опредѣляетъ это самъ и въ такихъ выраженіяхъ, отъ которыхъ не отказался бы и Фенелонъ: «Политика, изъ которой древніе дѣлали таинство, а современники дѣлаютъ искусство, есть ни то, ни другое: въ ея составъ не входятъ ни ловкость, ни сила, ни хитрость; въ разсудочную эпоху міра, политика, въ истинномъ и божественномъ значеніи этого слова, состоитъ изъ нравственности, разсудка и добродѣтели». И онъ тотчасъ излагаетъ главныя требованія этой политики, которая есть и его собственная: всеобщее избирательное право, бесплатное обученіе всѣхъ за счетъ государства, уничтоженіе всѣхъ наслѣдственныхъ привилегій аристократіи, отмѣна рабства и смертной казни, полное отдѣленіе церкви и государства, европейскій миръ и общественное призрѣніе. Таковы принципы, почерпнутые имъ въ религіозномъ спиритуализмѣ, представляющемъ самую сущность природы Ламартина и остающимся неизмѣннымъ, несмотря на частыя непослѣдовательности, въ которыя онъ видѣлъ вовлеченнымъ себя,— что бываетъ со всѣми людьми воображенія, пока они не придадутъ своимъ непосредственно возникающимъ мнѣніямъ устойчивости вѣсомъ обдуманнаго знанія.

Первый знакъ политической симпатіи былъ оказанъ Ламартину, два года спустя послѣ напечатанія его брошюры, избирателями Берга (Berghes, въ Сѣверномъ департаментѣ), выбравшими его своимъ депутатомъ въ 1833 году. Онъ получилъ эту новость въ Іерусалимѣ. Она заставила его сократить путешествіе по Востоку, предпринятое имъ вмѣстѣ съ женой и единственной дочерью, которую онъ потерялъ въ Бейрутѣ. Ламартинъ хотѣлъ увидѣть во всей живой реальности грандіозную природу, ставшую ему такой близкой въ дѣтствѣ по Библии съ картинками—подарку матери. На вершинѣ Ливанской горы, подъ вѣтвями апельсиновыхъ, фиговыхъ

и лимонныхъ деревьевъ, за зубчатой оградой стариннаго Друскаго монастыря голосъ современной Сибиллы возвѣстилъ ему его высокое назначеніе. «Вы одинъ изъ тѣхъ людей желанія и доброй воли, въ которыхъ Богъ нуждается, какъ въ орудіяхъ для чудесныхъ дѣлъ, что должны скоро совершиться между людьми», — сказала ему леди Стенгопъ ¹⁾. Можно безъ труда повѣрить, что эта странная и поэтическая встрѣча не мало способствовала развитію честолюбія въ человѣкѣ, столь доступномъ оболъщеніямъ поэзіи.

По вступленіи въ палату, Ламартинъ занялъ мѣсто на скамьяхъ консерваторовъ. Съ 1834 года до 1843, онъ разсматривалъ людей и факты съ очень мало справедливой точки зрѣнія, заставлявшей его придавать второстепенное значеніе политическимъ формамъ въ социальномъ прогрессѣ. Этой ошибкѣ и можно, главнымъ образомъ, приписать несогласіе, существующее между его различными вѣтами. То, находя власть слишкомъ слабой и еще не понимая, что ей не хвагаетъ силы потому, что она не исходитъ изъ нѣдра самой націи, онъ голосуетъ за законъ противъ ассоціацій и поддерживаетъ, вмѣстѣ съ министромъ Моле, прерогативы королевской власти; то онъ сражается противъ сентябрьскихъ законовъ, противъ денежныхъ назначеній королевской семьѣ, противъ укрѣпленія Парижа. Эти колебанія, производимыя подвижной природой его ума, надеждами и разочарованіями въ сферѣ его личнаго честолюбія, а также и искреннимъ желаніемъ примирить старинную власть съ современной свободой, внезапно прекращаются и разрѣшаются рѣчью 27 января 1843 года.

Свое голосованіе противъ адреса онъ мотивировалъ слѣдующими суровыми словами, совершенно неожиданными въ его устахъ: «Убѣжденный, что правительство заблуждается все больше и больше, что идея всего царствованія цѣликомъ невѣрна; убѣжденный, что правительство изо дня въ день, начиная съ 1834 года, удаляется отъ своихъ принциповъ и отъ тѣхъ результатовъ, которые они

¹⁾ Какъ извѣстно, леди Естеръ Стенгопъ была племянницей Питта. Долгое время посвященная въ тайны его политики, она не могла послѣ его смерти примириться съ тоской существованія, ставшаго слишкомъ празднымъ для ея пылгаго воображенія, и отправилась на Востокъ въ поискахъ за новыми ощущеніями, за новымъ величіемъ. Рѣдкая прозорливость ея духа, особенно развившаяся, благодаря одиночеству, позволяла ей видѣть будущія событія съ ясностью, напоминающей даръ пророчества. „Аристократія скоро исчезнетъ изъ міра, — сказала она однажды одному французскому путешественнику, Марселлюсу, который совершенно не раздѣлялъ ея мнѣнія, — она уступаетъ мѣсто жалкой и недолговѣчной буржуазіи, безъ корней и безъ энергіи. Лишь народъ, но народъ пахарь, сохраняетъ еще характеръ и нѣкоторую добродѣтель. Трепещите, если только онъ когда-нибудь познаетъ свою силу!“..

должны были дать для внутренняго благосостоянія и внѣшней мощи моей страны; убѣжденный, что Франція, въ теченіи 8 лѣтъ, все время шла назадъ, а не впередъ; убѣжденный, что время снисходительности прошло, и что она была бы гибельна, — я съ глубокимъ сознаніемъ подаю теперь свой голосъ противъ адреса, противъ того духа, въ которомъ онъ составленъ, противъ духа правительства, которое его принимаетъ, и съ которымъ я боролся со скорбью, но съ твердостью въ прошломъ, борюсь въ настоящемъ и, можетъ быть, буду бороться въ будущемъ».

До сихъ поръ, Ламартинъ, воспитанный въ католическихъ и роялистическихъ ¹⁾ традиціяхъ, отдалялся отъ нихъ съ сожалѣніемъ и снова отъ времени до времени возвращался къ нимъ. Но въ этотъ день сталъ разрывъ полнымъ и, казалось, долженъ былъ стать окончательнымъ ²⁾.

«Ламартинъ это комета, орбита которой еще не вычислена», замѣтилъ одинъ знаменитый ученый ³⁾, выходя изъ засѣданія 27 января. Единодушные аплодисменты демократической прессы привѣтствовали рѣчь Ламартина. Консервативная партія, всегда смѣявшаяся надъ нимъ, какъ надъ непостояннымъ мечтателемъ, досадливымъ взглядомъ измѣряла величину своей потери.

А она, дѣйствительно, была велика; на трибунѣ Ламартинъ имѣлъ мало соперниковъ. Его богатая и красочная импровизація, ослѣпляющая своимъ блескомъ; звучная мелодичность его дикціи, сопровождаемой благородными жестами и великолѣпнымъ положеніемъ головы; обработанность его періодовъ, которые росли и гремѣли въ своемъ величавомъ однообразіи, какъ волны у скалистаго берега, дѣлали изъ него мощнаго оратора. Онъ рѣдко выходилъ изъ себя, еще рѣже онъ спускался до обыденнаго тона. Въ пылу возраженій, при отвѣтѣ противнику, допускающемъ законную рѣзкость, никогда не сорвалось у него какого-нибудь личнаго намека, горькаго слова или хотя бы только сарказма. Его мысль обитаетъ въ свѣтлыхъ

¹⁾ Только вліяніемъ этихъ традицій и можно объяснить неполное разрѣшеніе Ламартиномъ многихъ существенныхъ вопросовъ современной жизни. Между прочимъ, его система общественной благотворительности, эта организація милостыни, ни чѣмъ инымъ не можетъ быть объяснена.

²⁾ Путешествіе на Востокъ оказало въ этомъ направленіи значительное вліяніе на душу Ламартина. Онъ вынесъ изъ него, просвѣчивающее съ тѣхъ поръ во всѣхъ его произведеніяхъ, чувство широкаго пантеизма, вполне соответствующаго его генію. Христіанство, даже такое, какимъ онъ его воспринялъ, очищенное отъ всякой догмы, отъ всякой логики, было все еще слишкомъ опредѣленно въ своей морали и въ своихъ рѣшеніяхъ для этой по существу измѣнчивой природы.

³⁾ Гумбольдтъ.

областяхъ. Умъ его, по всей природѣ, чуждъ ироніи ¹⁾. Можно даже сказать, что у него совсѣмъ нѣтъ критическаго смысла, и что онъ почти не чувствуетъ никакой потребности въ достовѣрномъ значеніи. Его гений, лирической по преимуществу, съ трудомъ понимаетъ скептицизмъ и не сумѣлъ бы его обезоружить. То, чего онъ хочетъ, то, чего онъ достигаетъ безъ усилій, это очаровать, привести въ восторгъ красотой своего вдохновенія и волшебными звуками своего голоса.

Вся виѣшность Ламартина вполне гармонируетъ съ тѣми идеями и чувствами, выразителемъ которыхъ онъ явился. Онъ высокаго роста, съ спокойными движеніями, съ профилемъ, носящимъ печать большого благородства. Въ широко развитомъ лбѣ чувствуется властность. Все въ немъ обнаруживаетъ возвышенныя чувства и мужество. Въ немъ чувствуется врожденная близость всему великому.

Надѣленный ясновидѣніемъ, которое больше вытекаетъ изъ интуиціи, чѣмъ изъ наблюденій и разсужденій, это именно онъ произносилъ всѣ тѣ слова, которыя цѣлые годы характеризовали положеніе страны и пророчили будущее. «Франція скучаетъ», сказалъ онъ въ 1839 году. «При вашей системѣ государственный человѣкъ не нуженъ, *только достаточно тупы*». И, наконецъ, на этомъ банкетѣ въ Маконѣ, гдѣ мы только что его видѣли окруженнымъ живой симпатіей, это онъ предалъ июльскую монархію анаѣмѣ, подъ тяжестью которой та погибла шесть мѣсяцевъ спустя.

«Если королевская власть, — говорилъ онъ, употребляя по необходимости условную форму, — обманетъ надежды, возложенныя въ 1830 году благоразуміемъ страны не столько на ея сущность, сколько на ея имя; если она удалится на свою конституціонную высоту; если она цѣликомъ не сольется съ настроеніемъ и съ законными интересами массы; если она, вмѣсто того, чтобы сдѣлаться самымъ народомъ, окружить себя выборной аристократіей; если подъ предлогомъ покровительства религіозному чувству народа, этому самому прекрасному, самому высокому и самому святому изъ человѣческихъ чувствъ, но которое прекрасно и свято только тогда, когда оно свободно, если подъ этимъ предлогомъ она вступитъ въ союзъ съ глухой реакціей вѣрнопопданнаго духовенства съ цѣлью купить изъ его рукъ суевѣрное почитаніе народа;... если она устроитъ себѣ лагерь въ укрѣпленной столицѣ; если она будетъ не довѣрять націи, организованной въ гражданскую милицію, и будетъ обезоруживать ее постепенно, какъ побѣжденную; если она будетъ

¹⁾ Вся эта сторона человѣческой природы и въ частности французскаго духа ему совершенно чужда. Онъ никогда не читалъ Аристофана, онъ презираетъ Раблэ и не понимаетъ ни Монтэня, ни Лафонтэна.

заигрывать съ военнымъ духомъ, который въ одно и то же время такъ необходимъ и такъ опасенъ для свободы въ странѣ континентальной и смѣлой, какъ Франція; если, не прислушиваясь къ волѣ народа, она извратитъ эту волю и приобрѣтетъ подъ именемъ «вліянія» диктатуру, тѣмъ болѣе опасную, что она была приобрѣтена подъ прикрытіемъ конституціи;... если она постарается изъ націи гражданъ создать шайку низкихъ торгашей, лишь для того завоевавшихъ свободу цѣною крови своихъ отцовъ, чтобы перепродать ее съ выгодой за самыя гнусныя одолженія;... если она заставитъ Францію краснѣть за официальные пороки; если она позволитъ намъ пасть, какъ это мы видимъ даже въ данную минуту по прискорбному процессу, если она позволитъ намъ пасть до трагедіи подкупна; если она позволитъ безчестной власти истощать и унижать націю и ея потомство, — она падетъ, эта королевская власть, будьте увѣрены, она падетъ не въ своей крови, какъ въ 89 году, но погибнетъ въ своихъ собственныхъ сѣтяхъ! И послѣ того, какъ вы видѣли революціи свободы и контръ-революціи славы, вы увидите революцію общественнаго сознанія и *революцію презрѣнія!*

Такимъ образомъ Ламартинъ, проникаясь послѣдовательно, благодаря своей чудесной способности ассимиляціи, измѣнчивыми элементами общественнаго мнѣнія, далъ почувствовать въ самой благородной формѣ и до нѣкоторой степени олицетворилъ въ себѣ — всеобщія чаянія ¹⁾. Его голосъ, мощный и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣжный, приучилъ умы къ страшному слову «революція». Революція, появляющаяся въ золотыхъ облачкахъ поэзіи, принимающая въ воображеніи образъ Ламартина, уже не имѣетъ больше ничего страшнаго. Начинаютъ ее рисовать себѣ въ идеальномъ видѣ. Какъ въ произведеніяхъ своей юности, Ламартинъ возродилъ традиціи христіанства, очистивъ ихъ отъ всякой суровости, такъ и въ зрѣлые

¹⁾ По мѣрѣ того, какъ будутъ развертываться событія, увлекающія Ламартина на вершину власти, чтобы почти тотчасъ его оттуда свергнуть, мнѣ придется пополнять этотъ набросокъ все новыми чертами. Мнѣ придется разсматривать, какъ человѣка дѣла, какъ государственнаго человѣка, того, кто до сихъ поръ былъ еще только поэтомъ политики. Собираясь съ методомъ знаменитаго историка, я не побоюсь, какъ самъ Мишле, повидимому, противорѣчить себѣ, *отмывая*, по его выраженію, *время своихъ приговоровъ и хвала времени* людей, которыхъ позже придется порицать. Революціи вызываютъ наружу всѣ противорѣчія человѣческой природы, въ ихъ самыхъ рѣзкихъ контрастахъ; и историкъ революціи, если онъ хочетъ быть безпристрастнымъ, долженъ чаще, чѣмъ кто-либо другой, вспоминать, при оцѣнкѣ личностей, фразу Паскаля: «Если его возвеличиваютъ, я его принимаю. Если его принижаютъ, я его возвеличиваю»...

годы его вдохновеніе оживило революціонныя традиціи, отбросивъ отъ нихъ кровавые призраки.

Банкетъ въ Маконѣ пришелся не по вкусу министерству, но не внушилъ ему никакого безпокойства. Такое же впечатлѣніе произвели и послѣдовавшіе за нимъ банкеты въ Кольмарѣ, въ Реймсѣ, въ Суассонѣ, въ Ла-Шаритѣ, въ Шартрѣ, и т. д. Одилонъ Барро и Дювержье-де-Гораннъ продолжали руководить порядкомъ этихъ банкетовъ; подобающая внѣшность была соблюдена, и этого было вполне достаточно, чтобы правительство не рѣшилось обнаружить серьезнаго неудовольствія. Продолжавшіяся насмѣшки «Journal des Débats», запрещеніе чиновникамъ присутствовать на банкетахъ, отказъ въ предоставленіи реформистамъ муниципальных залъ, осужденіе нѣсколькихъ вожаковъ радикальной прессы, наконецъ, тысячи мелкихъ придирокъ,—все это очень хорошо свидѣтельствовало о дурномъ настроеніи правительства, въ которомъ, по слухамъ, былъ больше всего виноватъ самъ Людовикъ-Филиппъ. Но и съ той, и съ другой стороны были лишь политическія придирки и взаимная досада. Нарушившее законъ выступленіе ультра радикаловъ на банкетѣ въ Лиллѣ тотчасъ измѣнило положеніе дѣлъ.

Какъ я уже говорила, радикальная партія воздерживалась до сихъ поръ отъ участія въ манифестаціяхъ реформистовъ. Она, какъ и само министерство, видѣла въ первыхъ банкетахъ лишь бахвальство пришедшей въ веселое настроеніе оппозиціи. Результатомъ этого потока громкихъ фразъ, думали радикалы, можетъ быть лишь перемѣна въ личномъ составѣ, выступленіе на сцену людей, менѣе затрепанныхъ въ общественномъ мнѣніи, чѣмъ Гизо и Дюшателъ, людей, которые принесутъ правительству нѣсколько больше инициативы, да новую популярность. Однако, видя, что агитация продолжается и распространяется по странѣ, и понимая, что нужно воспользоваться стеченіемъ обстоятельствъ, какое, можетъ быть, очень нескоро представится снова, и сдѣлать по крайней мѣрѣ хотя одну попытку, радикалы, выбравъ очень умѣло мѣсто и время, выступили внезапно на собраніи въ Лиллѣ (7 ноября 1847 г.) въ ту минуту, когда Одилонъ Барро заканчивалъ установленіе церемоніала банкета. Увѣренный заранѣе въ значительномъ большинствѣ, Ледрю-Роллэнъ отказался отъ тоста за реформу въ той редакціи, какая ему была придана Одилономъ Барро ¹⁾. Завязался споръ, борьба была ожесточенная; Барро и его друзья увидали, къ своему великому изумленію, что сила не на ихъ сторонѣ, и отступили.

¹⁾ „За парламентскую и выборную реформу, какъ средство къ укрѣпленію іюльскихъ установленій“. Ледрю-Роллэнъ требовалъ зачеркнуть вторую половину фразы.

Это отступленіе привело въ смятеніе консервативную партію. «Жирондисты уступаютъ мѣсто монтаньярамъ», говорила пресса министерства. Ни отказъ Дюфора, избраннаго въ представители въ Сентѣ ¹⁾, ни выходъ въ отставку Тьера и де-Ремюза, съ которой въ теченіе долгаго времени связывали возможность перемѣны кабинета, не уменьшили эффекта пораженія, столь же полного, сколько и неожиданнаго. Боязнь начала проникать въ душу, и, вглядываясь одинъ въ другого, люди стали задавать себѣ вопросъ, не стоитъ ли на картѣ что-нибудь другое, а уже не министерство? Можно было быть вполне спокойнымъ, пока Одилонъ Барро казался во главѣ движенія. Всѣмъ была извѣстна искренность его династическихъ взглядовъ. Ему охотно спускали его пустыя и звучныя рѣчи; его нахмуренныя брови ни на кого не нагоняли страха своимъ однообразнымъ негодующимъ видомъ. Частое появленіе на каедрѣ оратора подобнаго закала никому не внушало опасенія. Одилонъ Барро былъ драгоценнымъ противникомъ. Объявивъ себя сторонникомъ *монархіи, окруженной республиканскими учрежденіями*, онъ съ 1830 года не отклонился отъ этой извѣстной программы, принятой въ Hôtel de ville, которая вполне соотвѣтствовала природѣ его ума. Никогда, даже въ самый расцвѣтъ его молодости, никакая страсть, никакая эксцентричность, никакой энтузіазмъ не вывели его въ частной жизни за предѣлы строгой благопристойности, а въ жизни политической за границы добросовѣстной законности.

Сынъ неизвѣстнаго члена конвента, прекрасный адвокатъ, Одилонъ Барро любилъ монархическое правленіе и только поневолѣ боролся съ Реставраціей. Это именно онъ въ 1830 году больше всего способствовалъ тому, чтобы отклонить Лафайета отъ учрежденія республики. Послѣ смерти Казимира Перье, на ретроградныя стремленія котораго онъ не уставалъ нападать, Одилонъ Барро составилъ для оппозиціи программу, назвавъ ее «отчетомъ» (Compte rendu), и въ ней открыто объявилъ войну личной политикѣ короля. Но часть его партіи, напуганная возмущеніемъ 5 и 6 июня, отказалась подписаться подъ «отчетомъ» и перешла въ ряды защитниковъ министерства, тогда какъ другая часть, раздраженная этой внезапной измѣной, рѣшительно вступила на путь радикализма. Съ этихъ поръ Одилонъ Барро, съ очень ослабленными силами, находился въ парламентѣ противъ партіи, сомкнутой, сильной своимъ союзомъ съ Тьеромъ и Гизо, особенно сильной, благодаря страху возстанія. И только, послѣ неожиданнаго раздѣленія этихъ двухъ столповъ,

¹⁾ Отказъ Дюфора гласилъ: „Я считаю новую манифестацію, въ предполагаемой формѣ, лишнею и даже вредною для торжества нашихъ принциповъ“.

когда дѣла взялъ въ свои руки Моле, и когда, по прошествіи опасности, начались интриги, чтобы свергнуть кабинетъ 15 апрѣля, лишь тогда Барро, обласканный и превознесенный своими противниками, становится важнымъ лицомъ.

Съ этого времени онъ позволяеть вкрадчивому уму Тьера совершенно опутать себя; и, безсознательно, во вредъ своимъ, служить оружіемъ честолюбія ловкаго министра. Пользуясь всегда вліяніемъ, или непосредственно черезъ Тьера и Дювержье де-Горанна, Одилонъ Барро съ несокрушимымъ апломбомъ продолжалъ играть роль главы оппозиціи. Онъ находилъ удовольствіе въ этой парадной роли, всю пустоту которой онъ совершенно не замѣчалъ. Его глаза, голубые и кроткіе, выражали большое спокойствіе. Его круглое и полное лицо, съ окаменѣлымъ выраженіемъ буржуа, который бьетъ на торжественность, напыщенная рѣчь, его внѣшній видъ, его осанка вплоть до правой, руки, неизмѣнно просунутой между двумя петлицами его голубого сюртука,—все въ этой почтенной особѣ говорило объ удовлетворенности узкаго ума и о тяжеловѣсномъ сознаніи своей важности, не оправдываемой дѣйствительнымъ значеніемъ.

Онъ, должно быть, былъ страшно изумленъ той легкостью, съ какой Ледрю-Роллэнъ, положеніе котораго въ палатѣ до сихъ поръ не внушало никакого опасенія, отобралъ у него на банкетѣ въ Лиллѣ его мирную диктатуру. Дижонское собраніе поставило этотъ вопросъ еще яснѣй. Оно разорвало ту ткань двусмысленностей, въ которой люди путались одно время, и показало странѣ, что существуютъ двѣ непримимыя партіи, болѣе враждебныя одна другой, чѣмъ объ—министерству. Выяснилась наличность двухъ противоположныхъ стремленій: одно изъ нихъ собиралось укрѣпить королевскую власть, просвѣтивъ ее, а другое ожидало права и справедливости только послѣ сверженія монархіи. Начиная съ Лилльскаго банкета, Ледрю-Роллэнъ говорилъ и дѣйствовалъ, какъ глава этой послѣдней партіи, которая больше не скрывала ни своихъ стремленій, ни даже своихъ революціонныхъ плановъ.

Сынъ честнаго буржуа, семья котораго владѣла въ Фонтенэ-о-Розѣ домомъ, гдѣ нѣкогда жилъ Скарронъ, внукъ фокусника, ставшаго знаменитымъ подъ именемъ Комюса и собравшаго своими талантами настолько значительное состояніе, что въ 93 году на него былъ сдѣланъ доносъ, какъ на обладателя денежныхъ суммъ; адвокатъ лѣнивый, но легко вдохновляющійся,—Ледрю-Роллэнъ, выбранный депутатомъ Мана въ 1841 году, занялъ, влѣдствіе одного политическаго процесса, въ радикальной партіи мѣсто Гарнье-Пажеса. Тогда еще хорошо не знали, какъ относиться къ его взглядамъ и его характеру. National заявилъ, что онъ только

наполовину удовлетворенъ этимъ выборомъ. Однако программа Ледрю-Роллэна была очень ясна. «Для насъ, господа, заявилъ онъ, народъ это все. Пройти черезъ политическій вопросъ, чтобы добиться улучшенія соціальнаго, таковъ нашъ путь, который характеризуетъ демократическую партію въ ряду другихъ партій». Съ этого дня до банкета въ Дижонѣ¹⁾, на разстояніи шести лѣтъ парламентской борьбы, Ледрю-Роллэнъ не измѣнилъ своего языка.

Природа, казалось, приготовила его къ роли народнаго вождя. Его высокая и сильная фигура, красивая осанка, черные, живые глаза, мягкая улыбка, вся мощная внѣшность юности, составлявшая такой контрастъ съ усталымъ видомъ ветерановъ радикализма, привлекали къ нему народную симпатію. Его горячая, порою краснорѣчивая рѣчь была естественнымъ выраженіемъ его революціоннаго темперамента, и, вѣроятно, даже еще гораздо въ большей степени, чѣмъ отраженіемъ его республиканскаго характера. Его враги видѣли въ немъ тогда и долго не переставали видѣть въ немъ — террориста. Его друзья обвиняли, напротивъ, его скорѣй въ нѣкоторой вялости. Въ ихъ глазахъ Ледрю-Роллэнъ былъ человѣкомъ легкомысленнымъ, безпечнаго нрава, любящимъ благосостояніе, даже роскошь, съ тѣхъ поръ какъ богатая женитьба предоставила ее въ его распоряженіе, и любящимъ даже нѣсколько больше, чѣмъ это подстать представителямъ демократіи. Они признавали въ немъ умъ, способный къ дѣятельности, но къ дѣятельности порывистой, сердце великодушное, но порывами, и они съ грустью отмѣчали его небрежность и беспорядочность, изъ-за чего не разъ страдала его репутация. Мы не собираемся здѣсь разбирать его поступки. Въ данный моментъ онъ еще лишь произноситъ рѣчи; но рѣчи эти подталкиваютъ, нѣкоторымъ образомъ, событія и ускоряютъ катастрофы.

На банкетѣ въ Дижонѣ отмѣтили появленіе человѣка совсѣмъ маленькаго роста и дѣтской наружности, постоянно смѣющагося и показывающаго свои бѣлые зубы, постоянно говорящаго и жестикулирующаго, все время овидывающаго аудиторію своими громадными черными глазами, сверкающими смѣлостью и умомъ. Это

¹⁾ На банкетѣ въ Дижонѣ, Ледрю-Роллэнъ говорилъ такъ: „Мы — ультра-радикалы, если вы подразумѣваете подъ этими словами партію, которая хочетъ воплотить въ реальную жизнь великій символъ свободы, равенства и братства, не позволяя разнымъ старикамъ и развратникамъ свести его на нѣтъ. О, да, мы всѣ здѣсь — ультра-радикалы. Слова пугаютъ лишь дѣтей. Однажды уже было прославлено имя нищихъ (Гезовъ), которое привело къ побѣдѣ принявшихъ его; какое намъ дѣло, что приведетъ къ ней насъ! И, подобно метателямъ за нидерландскую свободу, мы выставлемъ на знамени брошенное намъ оскорбленіе“.

ство, потому что оно взываетъ къ божественной справедливости по причинѣ несправедливости человѣческой, христіанская покорность была въ немъ больше, чѣмъ поколеблена новымъ толкованіемъ евангелія—соціализмомъ.

Все это медленно готовило городское населеніе къ революціи, грозившей не только политическому строю, но и строю соціальному. Нельзя сказать, чтобы народъ былъ вполне республиканцемъ. Онъ хотѣлъ, и больше, и меньше, чѣмъ республика. Онъ былъ готовъ послѣдовать за всякимъ, кто, воззвавъ къ его чести, пообѣщалъ бы ему существованіе болѣе свободное, болѣе благородное, болѣе отвѣчающее демократическому равенству и братству. Вотъ чего не знали люди «легальной страны». Все ограничивалось для нихъ вопросами личности. *Слѣпныя страсти*, о которыхъ скоро заговорить адресъ, дѣйствительно царствовали въ ихъ сердцахъ. Это были мертвецы, сражавшіеся, — какъ въ одной поэтической картинѣ современнаго художника ¹⁾—съ мертвецами.

Съ точки зрѣнія своей безопасности, министры совершили громадную ошибку, допуская реформистскіе банкеты. Если бы они лучше знали характеръ націи, они должны были бы понять, что ничто не могло придтись ей болѣе по сердцу, ни такъ легко войти въ ея нравы; они должны были понять, что черезъ очень немного времени, эти шумныя собранія, благодаря соревнованію въ популярности, сдѣлаются фрондирующими, наступающими и стѣснятъ движенія правительства. Говорятъ: французскій народъ—солдатъ; это вѣрно, особенно если добавить, что этотъ солдатъ—любитель краснаго словца. Онъ можетъ пожертвовать всѣмъ, но не словомъ. Когда онъ не скрещиваетъ штыки, ему необходимъ перекрестный огонь эпиграммъ. Для кабинета было очень опасно относиться со снисхожденіемъ къ этой словесной любви, которая у насъ такъ быстро обращается въ страсть. Нужно было, чтобы король и министры совершенно утратили чувство политической честности, чтобы не предвидѣть того, что она, эта честность, оживетъ въ агитации банкетовъ. Однако, и я на этомъ настаиваю,—такъ какъ иначе было бы очень легко ошибиться въ истинномъ смыслѣ реформистской кампаніи,—однако, эта возставшая честность угрожала только министерству.

Реформа, совершенная въ началѣ сессіи Тьеромъ, или даже Моле, могла бы безконечно замедлить паденіе престола, опрокинуть который буржуазія не имѣла ни малѣйшаго намѣренія. И только продолженіе конфликта между нею и властью дало народу случай—

¹⁾ Каульбаха, въ его „битвѣ гунновъ“.

выступить на сцену и разрубить, со всей его пламенной логикой, запутанный узелъ парламентской политики.

III.

Внѣшнее положеніе.—Королевская фамилія.

Если такимъ образомъ министерство очутилось почти въ безвыходномъ положеніи, благодаря оппозиціи реформистовъ, внутри страны, то нисколько не лучше было и его внѣшнее положеніе. Союзъ съ Англіей, всегда непрочный и дорого стоившій, сильно поколебленный въ министерство Тьера разногласіями по восточнымъ дѣламъ, прекратилъ свое, даже видимое, существованіе послѣ брака герцога де-Монпансье. Людовикъ-Филиппъ тщетно пытался, пуская въ ходъ маленькія уловки своей личной дипломатіи, подорвать враждебное вліяніе лорда Пальмерстона и снискать вновь расположеніе королевы Викторіи; тщетно старался онъ въ интимныхъ письмахъ выяснить, истолковать, оправдать съ документами въ рукахъ переговоры объ этомъ союзѣ съ Испаніей, такъ оскорбившемъ англійскую гордость; всѣ эти занескиванія остались безрезультатны. Лордъ Пальмерстонъ продолжалъ тѣснить насъ повсюду: въ Италиі, въ Испаніи, на Востокѣ.

Раздраженный этимъ, Гизо обратился къ Австріи и сдѣлалъ князю Меттерниху нѣсколько предложеній, къ которымъ этотъ старый министръ, съ нѣкотораго времени, сталъ прислушиваться очень внимательно. Еще не предвидя непосредственныхъ катастрофъ, князь Меттернихъ меньше, чѣмъ французскій кабинетъ, обманывался въ оцѣнкѣ положенія Европы, потому что зналъ его лучше. Онъ видѣлъ, что сгущаются затрудненія, что событія осложняются; онъ понималъ, что для Австріи важно, въ случаѣ революціоннаго движенія, получить поддержку Франціи ¹⁾. Это и было цѣлью его сближенія; вскорѣ онъ остался имъ очень доволенъ. Въмѣсто того, чтобы поддержать въ Швейцаріи стремленія радикаловъ создать центральную власть, которая давала бы имъ возможность пересмотрѣть самый союзный договоръ,—это нелѣпное созданіе вѣнскаго конгресса,—Гизо началъ, съ непонятнымъ упорствомъ, отстаивать неприкосновенность трактатовъ 1815-го года, которые онъ же самъ еще недавно, передъ палатами, призналъ нарушенными занятіемъ Кракова. Увлекаемая исключительной любовью къ вольностямъ кантоновъ, проте-

¹⁾ Меттернихъ еще тогда предвидѣлъ случайности, которыя могли бы заставить папу покинуть свои владѣнія. А въ такомъ случаѣ онъ допускалъ, что французское вмѣшательство будетъ благоразумнѣе и менѣе неприятно итальянцамъ, чѣмъ австрійское.

стантъ, философъ, онъ съ яростью защищалъ люцернскихъ иезуитовъ и сепаратистскую лигу. Нашъ посланникъ получилъ приказаніе всѣми средствами поддерживать сопротивленіе, пригрозить собранію въ энергичныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ двусмысленныхъ выраженіяхъ, которыя наводили бы на мысль о вмѣшательствѣ, но не дѣлали бы его необходимымъ, такъ какъ у насъ оно считалось невозможнымъ. Политика Луи-Филиппа была направлена къ разжиганію гражданской войны, чтобы выиграть время для созданія вмѣшательства пяти ¹⁾ державъ, которое разрушило бы независимость Швейцаріи. Печальное намѣреніе, неувѣренно задуманное и проведенное, рухнуло въ нѣсколько часовъ, благодаря слабости той партіи, которой хотѣли вдохнуть смѣлость, не предлагая ей другой помощи, кромѣ неопредѣленныхъ обѣщаній и тайной присылки оружія. Намѣреніе это свелось къ нулю, вслѣдствіе твердости собранія, предупрежденнаго англійской дипломатіей, что ему не слѣдуетъ особенно бояться покушеній на угрозы, и окончившаго почти безъ пролитія крови эту бессмысленную борьбу ²⁾.

Въ Пруссіи Фридрихъ-Вильгельмъ, созвавъ по своей фантазіи и изъ жажды популярности всеобщій сеймъ, отказался вручить ему хартію и, разражаясь эпиграммами противъ конституціоннаго режима во Франціи, расточалъ похвалы мудрости, энергіи и способностямъ, съ какими король избѣгалъ прискорбныхъ послѣдствій этого режима. Похвалы эти не могли особенно способствовать примиренію Людовика-Филиппа съ французскими либералами.

Въ Италіи папа Пій IX вводилъ реформы, которымъ сочувствовала вся страна. Святой отецъ, который сначала и не помышлялъ, что мало-по-малу онъ увидитъ себя на пути отъ административныхъ реформъ къ политической эмансипаціи, — съ испугомъ приостановился, но слишкомъ поздно. Духъ свободы возродился вдругъ

¹⁾ Гизо вошелъ въ соглашеніе съ Меттернихомъ ради совмѣстнаго рѣшенія швейцарскаго вопроса. Онъ льстилъ себя надеждою возобновить такимъ путемъ континентальный союзъ и показать Англии, что можно обойтись и безъ нея. Но Людовикъ-Филиппъ, вопреки совѣтамъ герцога де-Бройль, тогдашняго лондонскаго посланника, не могъ рѣшиться на то, чтобы воспользоваться случаемъ для разрыва, и непременно хотѣлъ привлечь лорда Пальмерстона къ этимъ переговорамъ. Отсюда происходятъ тѣ замедленія и та двойственность, которыя не мало способствовали опасенію швейцарскаго привительства.

²⁾ Гизо, въ началѣ января, вмѣстѣ съ Радовицемъ и Коллоредо, прусскимъ и австрійскимъ посланниками, выработалъ текстъ деклараціи къ швейцарскому правительству. Россія ожидала, какъ гласила декларація, принятія болѣе рѣшительныхъ мѣръ, чтобы примкнуть къ этой коалиціи. Что касается лорда Пальмерстона, онъ поддерживалъ скорѣе изъ оппозиціи къ французской политикѣ, чѣмъ изъ симпатіи къ швейцарскому радикализму, независимость Швейцаріи въ ея внутреннемъ управленіи.

въ средѣ этихъ славныхъ итальянскихъ народностей. Неаполитанское королевство, Тоскана, Пьемонтъ требовали конституцій. Ломбардія волновалась. Австрія двигала впередъ войска. Наша дипломатія вела себя нерѣшительно по отношенію къ этому національному воскресенію; она говорила двусмысленнымъ языкомъ; ея отчеты о положеніи дѣлъ Гизо, гораздо болѣе занятому австрійскимъ союзомъ, чѣмъ освободительнымъ движеніемъ въ Италіи, были такъ не точны, что онъ, за сорокъ восемь часовъ до революціи въ Палермо, продолжалъ еще думать о легкости подавленія движенія и о томъ, что дѣло Бурбоновъ—въ опасности.

Чтобы утѣшиться въ своихъ неудачахъ и въ негодованіи, вызванномъ какъ во Франціи, такъ и за границей его политикой, столь противоположной нашимъ интересамъ, традиціямъ, нашей чести,—Гизо убаюкивалъ себя туманной надеждою на сближеніе съ императоромъ русскимъ. Съ нѣкотораго времени отношеніе Николая къ французскому правительству стало не то, чтобы сочувственнѣе, а менѣе оскорбительно. Онъ оставилъ тотъ саркастическій тонъ, въ которомъ немилосердно отзывался, начиная съ 1830-го года, о личности Людовика-Филиппа. Онъ только что купилъ на пятьдесятъ милліоновъ французской ренты... Наконецъ, великій князь Константинъ, уполномоченный провести нѣсколько часовъ въ Тулонѣ на обратномъ пути изъ своей поѣздки въ Африку, обмѣнялся подарками съ герцогомъ Омальскимъ. Вотъ тѣ слабыя указанія добраго расположенія, на которыхъ Гизо, готовый позабыть шестнадцать лѣтъ оскорбленій, пытался построить свою надежду на это химерическое сближеніе. Таково было и внутреннее, и внѣшнее положеніе, усугубленное еще заносчивостью министра, когда онъ открылъ засѣданіе палаты своей рѣчью, заключавшей въ себѣ наиболѣе рѣзкій вызовъ, чѣмъ во всѣхъ произнесенныхъ съ 1830 года.

Однако всѣми умами овладѣла печаль и тоска. Правда, если еще не предвидѣли, то уже предчувствовали какую-то катастрофу. Консерваторы исподтишка роптали, что Людовикъ-Филиппъ устарѣлъ, что онъ сдѣлался менѣе справедливъ и болѣе упоренъ въ своихъ ошибкахъ. Молчаніе Гизо поддерживало это мнѣніе, которое иногда смягчало его собственную тяжелую отвѣтственность. Поговаривали, не особенно стѣсняясь, о случайностяхъ, которыя могли бы ускорить смерть короля ¹⁾. Боялись смуть, которыя повлекъ бы за собой споръ изъ-за регентства. Внезапная смерть Адельиды каждому казалась предзнаменованіемъ несчастныхъ для династіи дней. Всѣмъ было извѣстно значительное участіе, которое принимала всегда эта

¹⁾ „Я менѣе боюсь смерти, чѣмъ дряхлости“, отвѣтилъ одинъ изъ министровъ на безпокойство, выраженное однимъ консерваторомъ.

принцесса въ тронныхъ совѣтахъ. Единственная наперсница сокровенныхъ думъ Людовика-Филиппа, такъ какъ, благодаря своему характеру и воспитанію, она одна, среди окружавшихъ его, обладала такимъ же властолюбіемъ, какъ ея братъ, — Аделаида послѣ июльской революціи играла въ Тюильри выдающуюся роль. Будучи женщиной способной и рѣшительной, она, со времени этой революціи, взяла на себя ту смѣлость инициативы, къ которой не былъ способенъ Людовикъ-Филиппъ. Этотъ государь былъ ей благодаренъ за то, что имѣлъ у трона, такъ сказать, нѣкоторую побуждающую силу. Аделаида была, сверхъ того, для него официальной посредницей, драгоцѣнной въ запутанныхъ и щекотливыхъ сношеніяхъ съ политическими дѣятелями. Своею смертью она освободила мѣсто, которое никто не могъ занять. Такъ какъ она была моложе Людовика-Филиппа всего четырьмя годами, ея кончина казалась своего рода предупрежденіемъ. Жизнь короля въ общественномъ мнѣніи имѣла столько значенія, что всѣ страхи, всѣ надежды ожидали его послѣдняго вздоха. ¹⁾

Съ нѣкотораго времени стали поговаривать о соперничествѣ, вносившемъ несогласія въ королевскую семью. Умиленіе, которое царило въ буржуазіи въ 1830-омъ году при созерцаніи этой интимной жизни, гдѣ было тогда столько казавшагося согласія, уступило мѣсто злобнымъ наблюденіямъ, давшимъ пищу массѣ оскорбительныхъ слуховъ. Говорили, что король слѣдилъ за своими дѣтьми съ крайнимъ недовѣріемъ. Онъ боялся, что они сдѣлаются слишкомъ популярны, и держалъ ихъ, никогда не ослабляя своей строгости, въ невозможной зависимости. Вспоминая о вліяніи, которымъ располагалъ его *салонъ* въ царствованіе Карла X, онъ особенно хотѣлъ избѣжать того, чтобы салоны юныхъ принцевъ не сдѣлались очагами оппозиціи и заговоровъ. Этой цѣли, какъ и многому другому, служила набожность королевы, поддерживая политику ея супруга, предъ которымъ она чувствовала безграничное восхищеніе и котораго страстно и безгранично почитала. Каждый вечеръ суровый этикетъ собиралъ за рабочимъ столомъ Маріи-Амеліи молодыхъ принцессъ, вздыхавшихъ о шумѣ праздниковъ и удовольствій, о далекихъ видѣніяхъ свободной и веселой жизни.

Смертная скука леденила эти собранія, откуда веселіе было

¹⁾ Нѣсколько разъ, при слухахъ о его смерти, на биржѣ наблюдалось пониженіе. Однажды Ротшильдъ послалъ своего сына во дворецъ за справками, что тамъ происходитъ. „Передайте вашему отцу, — сказалъ король, обращаясь къ нему, — что мнѣ не цукали кровь и не давали слабительнаго“. Какъ всѣ старики, Людовикъ-Филиппъ любилъ похвастать своимъ здоровьемъ и охотно шутилъ по поводу регентства, говоря, что рассчитываетъ сильно помѣшать ему, доживъ до совершеннолѣтія графа Парижскаго.

изгнано, какъ что-то неблагопріостойное. Только герцогиня Орлеанская могла иногда на нихъ не присутствовать, благодаря своему привилегированному положенію. Но не пользовавшаяся расположеніемъ короля, находившаго ее слишкомъ умной, и составляя предметъ скрытаго раздраженія со стороны королевы, которая приписывала еретическимъ бракамъ, проклятымъ небомъ, преждевременную смерть своихъ двухъ особенно любимыхъ дѣтей ¹⁾; нелюбимая другими принцессами, благодаря своимъ серьезнымъ вкусамъ и предполагаемому честолюбію, — мать наслѣдника престола держалась въ сторонѣ. Воспитаніе двухъ сыновей занимало самую значительную часть времени ея суроваго вдовства. Благоговѣніе, которымъ она окружила память своего мужа, заполняло часы, не поглощенные материнскими заботами.

Хотя за нею очень наблюдали и относились съ большимъ подозрѣніемъ, герцогиня Орлеанская всетаки осторожно поддерживала кое-какія политическія отношенія и пыталась, насколько возможно, стать извѣстной народу. Молѣ оказывалъ вліяніе на ея умъ, тогда какъ къ Гизо она обнаруживала большую холодность; но послѣдній нисколько этимъ не смущался. Онъ глубоко презиралъ то, что король и онъ самъ называли германской мечтательностью ²⁾, Schwärmerei принцессы, а также предчувствія ея материнскаго сердца, — но держался съ нею съ почтительной осторожностью ³⁾. «Меня зовутъ якобинкою», говорила герцогиня Орлеанская одному изъ своихъ близкихъ друзей за нѣсколько дней до 24-го февраля; и ея опасенія удвоивались съ заботой объ этомъ хиломъ, блѣдномъ, хрупкомъ ребенкѣ, подъ которымъ, какъ она чувствовала, колебалась почва ⁴⁾. Если Людовика-Филиппъ слишкомъ

¹⁾ Супруга принца Вюртембергскаго, принцесса Марія, умершая 26 лѣтъ, такъ же какъ и герцогъ Орлеанскій, своимъ протестантскимъ бракомъ печалили и беспокоили душу пламенной католички Маріи-Амеліи.

²⁾ Слѣдующее мѣсто въ завѣщаніи покойнаго герцога Орлеанскаго, по видимому, указываетъ, что онъ тоже не считалъ умъ принцессы Елены способнымъ къ управленію дѣлами: «Если, по несчастію, власть короля надъ воспитаніемъ моего старшаго сына прекратилась бы до его совершеннолѣтія, Елена должна не согласиться на то, чтобы ея выбрали регентшей. Предоставивъ, какъ требуютъ этого ея долгъ и интересы, всѣ заботы по управленію въ мужскія руки, привычныя владѣть мечемъ, Елена должна всецѣло отдаться воспитанію нашихъ дѣтей».

³⁾ Однажды герцогиня Орлеанская, разговаривая съ Гизо, упрекала его за его противореволюціонную политику. „Ахъ, мадамъ“ — отвѣтилъ ей министр, — когда National или Réforme бросаютъ мнѣ этотъ упрекъ, я готовъ къ этому; но да будетъ мнѣ позволено никогда больше не слышать такого упрека изъ устъ вашего королевскаго высочества“.

⁴⁾ Печальная кончина Брессона, который, добившись неаполитанскаго посольства, покончилъ съ собою, перерѣзавъ горло, произвела на герцо-

уважалъ герцогиню Орлеанскую, чтобы любить ее, онъ, наоборотъ, слишкомъ мало цѣнилъ герцога Немурскаго, чтобы посвящать его въ свою политику. Будущій регентъ былъ чуждъ дѣламъ, благодаря недостатку инициативы, и не сходилъ съ людьми, вслѣдствіе нѣкоторой доли гордой застѣнчивости, которая оставляла его только въ компаніи подчиненныхъ ¹⁾. Несмотря на свою красоту и поистинѣ королевскую осанку, несмотря на свою привлекательность молодости, которая такъ легко плѣняетъ, когда, какъ у герцога Немурскаго, ко всему этому присоединяется превосходное воспитаніе,—этотъ принцъ единственный изъ своихъ братьевъ не снискалъ никакой популярности; болѣе того, антипатія однихъ и безразличное отношеніе другихъ дѣлали его совершенно одинокимъ.

Герцогъ де-Монпансье, младшій сынъ короля, недавно женившійся на инфантѣ Луизѣ, искалъ именно того, чѣмъ, казалось, такъ пренебрегалъ или что такъ презиралъ герцогъ Немурскій. Онъ добивался популярности, безъ особой разборчивости въ средствахъ. Онъ цѣнилъ въ ней блескъ и шумъ болѣе, чѣмъ серьезныя преимущества; онъ оказывалъ скорѣе изъ тщеславія, чѣмъ руководясь художественнымъ вкусомъ, покровительство артистамъ, людямъ науки, а въ особенности журналистамъ, которые преувеличенную

гину Орлеанскую, переговоры о бракосочетаніи которой велъ этотъ искусный дипломатъ, впечатлѣніе дурного предзнаменованія. Оригинально высказывался относительно этого событія принцъ Жуанвилльскій: „Смерть Брессона меня удручаетъ... Брессонъ не былъ боленъ: онъ привелъ въ исполненіе свой планъ съ хладнокровіемъ рѣшительнаго человѣка. Я получилъ письма изъ Неаполя, изъ Монтессюи и изъ другихъ мѣстъ, которыя не оставляютъ въ этомъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Онъ былъ раздраженъ противъ отца. Во Флоренціи дошли до него странные слухи: король непреклоненъ, онъ болѣе не выслушиваетъ ничего мнѣнія, требуетъ, чтобы его воля руководила всѣмъ и т. д., и т. д. Все это не перестанутъ повторять и изъ всего этого выведутъ,—а это я и считаю для насъ большой опасностью,—что отецъ оказываетъ на всѣхъ такое непреодолимое вліяніе, что, если государственный человѣкъ, который скомпрометтировалъ себя съ нами, не можетъ его побѣдить, то ему остается одинъ исходъ—самоубійство“ (Письмо принца Жуанвилльскаго къ герцогу Немурскому 7 ноября 1847 г.)

¹⁾ При жизни герцога Орлеанскаго эту холодность и этотъ недостатокъ инициативы приписывали скромности и похвальной уступчивости. Предполагали, что эти недостатки исчезнутъ, когда онъ будетъ призванъ на высокой постъ. Легитимисты заходили въ своихъ невѣроятныхъ толкованіяхъ еще дальше. Если герцогъ Немурскій являлся столь мало любезнымъ, то это происходило оттого, что его угнетала узурпація престола его отцомъ. Если онъ когда-нибудь, какъ говорили, и вступитъ на тронъ, то это будетъ сдѣлано лишь затѣмъ, чтобы тотчасъ сойти и призвать на него Генриха V.

лестью платили за непривычную простоту, съ какою они были принимаемы въ Венсеннѣ ¹⁾.

Болѣе любознательный, лучше относившійся къ своимъ обязанностямъ, герцогъ Омальскій, мужъ неаполитанской принцессы, женщины очень умной, имѣлъ серьезныхъ сторонниковъ. Что касается до принца Жуанвилльскаго,—то онъ пользовался истинной популярностью, какъ вообще въ странѣ, такъ особенно во флотѣ. Совершенно не подходя къ напускной грубости, которую онъ считалъ необходимою въ роли моряка, его меланхолическое лицо было очень мягкимъ. Въ каждомъ его движеніи просвѣчивали твердость и благородство. Лица, достаточно близко стоявшія къ нему, чтобы распознать его хорошо, утверждали, что принцъ Жуанвилльскій скрываетъ, подъ свободными и простыми манерами, наслѣдственное шарлатанство и желаніе произвести эффектъ, толкавшія его на тысячи недуманныхъ дѣйствій. Но простой народъ, который не пускается въ тонкости, руководился лишь внѣшними признаками. Преждевременная глухота принца дѣлала его интереснымъ. Приятно было и видѣть рядомъ съ нимъ эту красивую бразильянку, на которой онъ такъ дерзко женился, и немного дикія манеры которой очаровали парижанъ. Наконецъ, считалось извѣстнымъ, что принцъ болѣе, чѣмъ братья, ненавидѣлъ внутренней деспотизмъ короля, что онъ осуждалъ его политику, и что за свои запальчивые упреки онъ нѣрѣдко подвергался королевскому гнѣву ²⁾.

Видя въ немъ всѣ общія черты французскаго характера, народъ относилъ на его счетъ, преувеличивая ихъ, всѣ благопріятные слухи. Когда онъ отправился въ Алжиръ для свиданія съ герцогомъ Омальскимъ, назначеннымъ губернаторомъ на мѣсто маршала Бюжо, то говорилось во всеуслышаніе, что онъ отправленъ въ ссылку искупать свои слишкомъ справедливые взгляды и рѣчи, слишкомъ откровенныя, чтобы ихъ можно было выносить. Прибавляли еще, что его пришлось удалить на неопредѣленное время изъ-за ревниваго соперничества съ герцогомъ Немурскимъ, соперничества, которое, несмотря на вмѣшательство мадамъ Аделаиды и принцессы Клементины ³⁾, заставляло его присоединиться къ партіи герцогини Орлеанской ⁴⁾.

¹⁾ Герцогъ де-Монпансье управлялъ Венсенномъ и разъ въ недѣлю принималъ тамъ въ своихъ, реставрированныхъ и разукрашенныхъ съ большимъ вкусомъ, апартаментяхъ.

²⁾ Письмо принца Жуанвилльскаго къ герцогу Немурскому показываетъ, что онъ дѣйствительно приписывалъ королю опасности политическаго положенія и очень ясно опредѣлялъ ихъ (См. въ „Историческіе Документы“ въ концѣ тома, № 2).

³⁾ Третья дочь короля, принцесса Клементина, была замужемъ за принцемъ Кобургскимъ и обыкновенно жила въ Тюильри. Это была женщина любезная, умная и просвѣщенная.

⁴⁾ Можетъ быть, не безынтересно будетъ познакомиться съ мнѣніемъ

Эти поводы къ распрямъ, эти страсти, едва сдерживаемыя депютической королевской рукой, указывали, что странѣ предстоитъ вынести бурное регентство. Уничтоженіе престижа божественнаго права, послѣдовавшее въ 1830-омъ году, обнажило все ничтожество этихъ королевскихъ фамилій.

Разъ рухнулъ этотъ престижъ, со всѣхъ сторонъ нахлынули республиканскія идеи; республика предстала предъ общественнымъ разумомъ, какъ необходимость болѣе или менѣе отдаленная, но неизбѣжная.

IV.

Открытие палаты.—Обсужденіе адреса въ палатѣ пэровъ.

Приближался день открытія палаты. Министерство должно было присоединиться откровенно къ той или другой политикѣ: сопротивленія или уступокъ, либеральнаго прогресса или ложно-консервативной неподвижности. Передъ властью стояла альтернатива: или сообразоваться съ духомъ конституціонныхъ учрежденій, уступая истинному настроенію страны, или твердо держаться буквы парламентарнаго режима, опираясь на фиктивную законность рабскаго голосованія.

Оба лица, стоявшія во главѣ совѣтовъ Людовика-Филиппа, не колебались въ выборѣ. Оба они твердо рѣшили игнорировать явное желаніе Франціи и, противъ ея воли, держать ее въ положеніи застоя и нравственной тревоги, изъ которой этотъ застой мѣшалъ ей выйти. Мотивы, побудившіе Гизо и Дюшателя принять рѣшеніе, столь противоположное доктринамъ, исповѣдывавшимся ими въ теченіе всей ихъ жизни, были различнаго свойства. Утомленный бесплодной борьбой съ общественной честностью, стремясь какъ можно скорѣе воспользоваться, вдали отъ дѣловыхъ хлопотъ, всеми бла-

высказаннымъ въ кругу близкихъ друзей покойнымъ герцогомъ Орлеанскимъ относительно роли, какую сыграли бы его братья въ день народнаго возстанія, которое всегда имѣли въ виду во дворцѣ. «Немуръ—человѣкъ устойчивый и дисциплинированный; онъ прекрасно пойдетъ въ ногу за мной и будетъ слѣдовать съ неослабнымъ вниманіемъ. Онъ никогда не проявитъ личной инициативы, но на него можно возложить защиту Тюильри: онъ скорѣе умретъ, чѣмъ откроетъ ворота. Д'Омаль бравый служака и не останется позади. Жуанвилль страстно жаждетъ опасности; онъ совершитъ тысячу блестящихъ безумствъ и получитъ пулю въ лобъ при штурмѣ баррикады. Что касается меньшого,—прибавилъ онъ, характеризую герцога де-Монпансье,—я не могу себѣ представить, что получится изъ младшихъ отпрысковъ семей, съ тѣхъ поръ какъ они перестали быть аббатами». «Немуръ долженъ былъ бы родиться эрцгерцогомъ», говаривалъ Людовикъ-Филиппъ.

гами своего очень значительнаго состоянія, Дюшатель съ нѣкотораго времени хлопоталъ передъ королемъ объ отставкѣ, но, противъ воли, настоятельными просьбами, которыя больше походили на приказы, задерживался на своемъ посту. Онъ склонялся къ политикѣ упорнаго сопротивленія скорѣе въ силу невыдержаннаго и нетерпѣливо настроеннаго ума, чѣмъ въ силу разумныхъ доводовъ. Гизо, наоборотъ, не могъ даже выносить мысль объ утратѣ власти. Его упрямое властолюбіе¹⁾ не утомлялось, а возбуждалось въ борьбѣ.

Успѣхъ радикаловъ въ теченіе реформистской кампаніи и въ особенности составлявшійся въ средѣ умѣренной оппозиціи планъ новаго министерства, имѣвшаго, какъ по всему казалось, шансы на значительное число голосовъ²⁾, оскорбляли его гордость и вызывали его на бой. Въмѣсто того, чтобы сдерживать Людовика-Филиппа въ его гнѣвныхъ выходкахъ, что было прямою обязанностью Гизо, послѣдній только еще болѣе вызывалъ его гнѣвъ. Чтобы сдѣлаться болѣе необходимымъ, онъ подвергалъ этого осторожнаго и медлительнаго старика всѣмъ случайностямъ провокаторской политики, позабывъ о своемъ прошломъ, противорѣча всему характеру своего правленія.

Вотъ рѣчь, которую, по настоянію Гизо и Дюшателя, король

¹⁾ Это властолюбіе удовлетворялось порою совѣмъ по-ребячески. Кто подумалъ бы, что для государственнаго человѣка, располагающаго реальными преимуществами въ королевскихъ совѣтахъ, можетъ имѣть значеніе какое-нибудь внѣшнее отличіе, бьющее въ глаза? У Гизо оказалась такая слабость. Чтобы добиться отъ маршала Сульта уступки предсѣдательства въ совѣтѣ, Гизо не побоялся подвергнуть Людовика-Филиппа насмѣшкамъ всей страны, заставивъ его, изъ уваженія къ тщеславной дряхлости, воскресить титулъ генеральнаго маршала Франціи. Этотъ титулъ первоначально былъ созданъ для герцога де-Ледигьеръ. Людовикъ XIV возобновилъ его, чтобы наградить Тюренна. Послѣ маршала Виллара и маршала Саксонскаго, его не носилъ никто. Почетныя прерогативы, на которыя онъ давалъ право, до такой степени не соответствовали обычаямъ современнаго общества, что одно уже провозглашеніе такого факта возбуждало всеобщій смѣхъ.

²⁾ Этотъ планъ, душою котораго былъ Жирардэнъ, поставилъ бы у власти подъ предсѣдательствомъ Молэ, де-Ремюза и Дюфора, которые, благодаря своему отказу отъ участія въ банкетахъ, снискали благосклонное вниманіе короля. Де-Ремюза являлся въ совѣтѣ залогомъ для Тьера, который, считая мало жизненнымъ министерство, во главѣ котораго стоялъ бы Молэ, согласился ждать его естественнаго распаденія, не нападая на него въ палатѣ. Тьеръ и Жирардэнъ много разъ вели переговоры между собою у художницы де-Мирбель, писавшей портреты и того, и другаго. Журналистъ не вынесъ изъ этихъ бесѣдъ слишкомъ высокаго мнѣнія о государственномъ человѣкѣ. «Послѣ того, какъ я проговорилъ часть съ Тьеромъ,—замѣтилъ онъ однажды,—меня охватило непреодолимое желаніе пойти и пожать руку Гизо».

сказалъ передъ соединенными палатами 27 декабря 1847-го года:

«Господа пэры, господа депутаты! Я счастливъ, что, находясь среди васъ, не долженъ болѣе оплакивать тѣхъ бѣдствій, которыя обрушились на наше отечество, вслѣдствіе вздорожанія продуктовъ. Франція перенесла ихъ съ мужествомъ, глубоко меня трогающимъ. Никогда еще при подобныхъ обстоятельствахъ порядокъ общественный и свобода сдѣлокъ не сохранялись въ такой полной мѣрѣ. Наши общія усилія поддерживались еще неисчерпаемымъ усердіемъ частной благотворительности. Нашъ торговый міръ, благодаря своей благоразумной дѣятельности, весьма слабо реагировалъ на кризисъ, давшій себя почувствовать даже въ другихъ государствахъ. Мы приближаемся къ концу этихъ испытаній. Небо благословило народные труды, и, благодаря обильнымъ урожаямъ, всюду воцарится благоденствіе и надежное спокойствіе. Я счастливъ подѣлиться съ вами этой радостью.

«Я рассчитываю на ваше содѣйствіе, чтобы довести до конца болшія общественныя работы, которыя, устанавливая во всемъ королевствѣ скорость и легкость сообщеній, должны открыть новые источники благосостоянія. Въ то время, какъ достаточныя средства будутъ по прежнему отпускаться на это плодотворное дѣло,—мы всѣ будемъ соблюдать самую тщательную экономію въ правильномъ расходованіи государственныхъ доходовъ, и я увѣренъ, что поступления превысятъ расходы въ обычномъ государственномъ бюджетѣ, который будетъ вамъ сейчасъ доложенъ. Предложенъ вамъ будетъ и проектъ specialнаго закона, устанавливающего болѣе низкія цѣны на соль и понижающаго почтовую таксу настолько, насколько это соотвѣтствуетъ хорошему состоянію нашихъ финансовъ.

«На ваше разсмотрѣніе уже предоставлены законопроекты, касающіеся народнаго образованія, тюремнаго управленія и нашихъ таможенныхъ тарифовъ. Изъ другихъ проектовъ вашему обсужденію подлежатъ еще касающіеся цѣлаго ряда важныхъ предметовъ, а именно: объ общинныхъ имуществвахъ, объ управленіи ипотеками, о ломбардѣ и о приспособленіи сберегательныхъ кассъ къ улучшенію быта рабочихъ классовъ. Мое постоянное стремленіе это—заставить мое правительство работать при вашемъ содѣйствіи для одновременнаго развитія нравственности и общаго народнаго благосостоянія.

«Мои отношенія съ иностранными державами даютъ мнѣ увѣренность въ томъ, что всеобщій миръ обезпеченъ. Я надѣюсь, что прогрессъ общей цивилизаціи не вызоветъ нигдѣ разногласій между

правительствами и народами, не нарушить внутренняго порядка и не испортить добрыхъ отношеній между государствами.

«Гражданская война омрачила благополучіе Швейцаріи. Мое правительство дѣйствовало совместно съ правительствами англійскимъ, австрійскимъ, прусскимъ и русскимъ, предлагая доброжелательное посредничество этому сосѣднему и дружественному намъ народу. Швейцарія признаетъ, я надѣюсь, что уваженіе къ правамъ всѣхъ и сохраненіе основъ швейцарскаго союза только и могутъ упрочить ей устойчивыя условія счастья и ненарушимаго спокойствія, которыя желала ей гарантировать своими трактатами Европа.

«Мое правительство, въ согласіи съ великобританскимъ, только что приняло мѣры, долженствующія, наконецъ, поправить наши коммерческія отношенія на берегахъ ла-Платы.

«Нашъ славный полководецъ, который долго и достойно управлялъ Алжиромъ, пожелалъ отдохнуть отъ своихъ трудовъ. Я поручилъ своему возлюбленному сыну, герцогу Омальскому, большую и трудную работу управленія этой французской землей. Я льщу себя надеждою, что, подъ руководствомъ моего правительства и благодаря мужеству, трудолюбію и великодушію окружающей его арміи, ея бдительности и преданности, тамъ воцарится спокойствіе, воцарится хорошая администрація и будетъ обезпечено благосостояніе нашей колоніи.

«Господа! Чѣмъ болѣе возрастаетъ число лѣтъ моей жизни, тѣмъ все болѣе беззавѣтно я отдаю Франціи, заботамъ объ ея интересахъ, ея достоинствѣ и счастіи все, что далъ мнѣ Господь въ моей жизни и насколько. Онъ сохранилъ еще мою энергію и силы. Среди тревогъ, возбуждаемыхъ враждебными или слѣпыми страстями, меня воодушевляетъ и поддерживаетъ одно убѣжденіе,—это то, что въ конституціонной монархіи, въ единеніи съ великими государственнымими силами, мы имѣемъ самыя надежныя средства для преодоленія всѣхъ этихъ препятствій и удовлетворенія всѣхъ моральныхъ и матеріальныхъ интересовъ нашего дорогого отечества. Будемъ же твердо охранять, согласно хартіи, общественный порядокъ и его условія. Будемъ вѣрно обезпечивать, согласно хартіи, общественныя свободы и ихъ развитіе. Передадимъ неприкосновеннымъ грядущимъ поколѣніямъ тотъ вкладъ, который намъ довѣренъ, и они благословятъ насъ за постройку и защиту зданія, подъ кровомъ котораго будутъ жить счастливо и свободно».

Эта рѣчь не оставляла мѣста ни для какихъ сомнѣній. Было ясно выражено и дано понять, что министерство не уступило бы ни пяди противникамъ династіи. Манифестаціи на банкетахъ имѣли въ глазахъ министерства характеръ только легкомысленной, почти

преступной, бравады; оно считало своимъ правомъ, своей обязанностью оговаривать и поносить во Франціи тѣхъ, которые не боялись присоединиться къ этимъ манифестаціямъ, т. е. къ внушительному меньшинству палаты и къ благородной партіи, вышедшей изъ класса, наиболѣе вліятельнаго въ странѣ. Это уже было шагомъ отъ самоувѣренности къ безумію.

Изъ боязни быть ложно понятымъ Гизо, впрочемъ, позаботился продиктовать *Journal des Débats* и *Revue des Deux-Mondes*, этимъ почти официальнымъ органамъ, комментаріи еще болѣе вызывающаго характера, чѣмъ тронная рѣчь. «Министерство публично подняло перчатку, которую ему бросили, говорить *Revue* 1-го января. Если оно и сдѣлало это въ формѣ нѣскольکو рѣзкой, не поставимъ этого ему въ упрекъ; напротивъ, мы находимъ странными тѣхъ, которые обвиняютъ правительство за то, что оно сдѣлало изъ короля главу своей партіи, какъ будто бы король, помимо всего прочаго, не имѣетъ права быть главою собственной партіи.

«Если вопросъ поставить такимъ образомъ, кто виноватъ, какъ не тѣ, которые на банкетахъ подняли или допустили подняться свои партіи противъ партіи короля и конституціи? Вотъ уже шесть мѣсяцевъ, какъ мы видимъ, что въ каррикатурахъ возстановляютъ алтари Робеспьера и Марата и приносятъ на нихъ въ жертву законы, пока не могутъ принести еще что-нибудь, и правительство не было бы въ правѣ сказать, что королевская власть имѣетъ враговъ! Вотъ уже шесть мѣсяцевъ какъ вожди династической оппозиціи позволяютъ безнаказанно влачить въ республиканской грязи династію и хартію, и прикрываютъ позорно свое знамя знаменемъ враговъ конституціи, и имъ нельзя сказать, что они *слабы!*» Въ тотъ же самый день *Journal des Débats* говорилъ въ очень презрительной статьѣ, намекая на угрозы радикализма: «Идите навстрѣчу призраку, и онъ разсѣется; побѣгите отъ него, и онъ вырастетъ до небесъ».

Однако тронная рѣчь вызвала пониженіе ренты. Нѣсколько разъ, при своемъ проѣздѣ или подъ своими окнами, Луи-Филиппъ могъ слышать въ рядахъ національной гвардіи: *Долой продажность! Да здравствуетъ реформа!* Трое выборовъ, враждебныхъ министерству, пробили брешь въ консервативномъ большинствѣ. Представленный королю списокъ кандидатовъ для назначенія мэра во второй округъ содержалъ исключительно имена лицъ, извѣстныхъ въ оппозиціи, и такимъ образомъ показывалъ, совсѣмъ недвусмысленно, на протестующее настроеніе одного изъ самыхъ значительныхъ кварталовъ Парижа. Наконецъ, появившійся въ печати рассказъ объ одной безчестной сдѣлкѣ по поводу мѣста, рассказъ, которымъ затрогивалась честь предсѣдателя совѣта, раньше не подвергавшагося

нападкамъ, дополнилъ серію этихъ безчестящихъ кабинетъ нападений, и послѣдній, мало-по-малу, понялъ, что за нимъ не осталось даже и тѣни нравственнаго авторитета ¹⁾). Собственно этого было еще очень мало, чтобы торжествовать; но министры думали иначе. Они находили предлоги радоваться самому напряженію этого кризиса, котораго всякій боялся, потому что, по ихъ глубокому убѣжденію, при первой попыткѣ радикаловъ вызвать возстаніе страна откроетъ глаза и пробудитъ въ себѣ чувство порядка въ виду опасности, т. е. выразитъ полную покорность консервативной политикѣ. Мы увидимъ, какимъ образомъ эти соображенія были опровергнуты событиями.

Въ палатѣ пэроръ почти не было замѣтно, чтобы положеніе кабинета измѣнилось. Проредактированный де-Барантомъ адресъ воспроизводилъ, согласно обычаю, съ легкими измѣненіями въ выраженіяхъ тронную рѣчь. Онъ высказывался неблагопріятно относительно уменьшенія налога на соль и почтовой таксы. Параграфъ, относящійся къ швейцарскимъ дѣламъ, поражалъ своею рассчитанной безцвѣтностью. Все заставляло предполагать неискреннія пренія, только ради формы, лишь бы не разстаться съ фикціей трехъ властей, фикціей, безъ которой, согласно политической философіи доктринерской школы, невозможно управлять народомъ.

Испытанный консерваторъ Мэнаръ, правда, потребовалъ отчета у министерства въ его бездѣйствіи за послѣднюю сессію, настаивая, отъ имени большинства, чтобы законныя нужды прогресса были удовлетворены. Интерпелляціи по такъ называемому дѣлу Пти навлекли также и на голову Гизо, извинявшагося прискорбными обычаями, цѣлый рядъ обвиненій со стороны Моле, Пасси, д'Аргу; но все это были лишь легко проходящія тучки. Когда де-Буасси выразилъ желаніе видѣть въ скоромъ времени министерство *переходящимъ со скамьи, на которой оно засѣдаетъ, на скамью подеудимыхъ*, прибавляя, что *если бы правительство продолжало въ томъ же духѣ, то народъ рѣшился бы на то же, на что онъ рѣшался въ прошломъ*, — поднялась буря негодованія. Когда грубое вмѣшательство де-Бетизи бросало генералу Жакмино

¹⁾ По мотивамъ, которые толковались различнымъ образомъ, Пти, сборщикъ податей въ Корбейлѣ, опубликовалъ, со всеми документами для подтвержденія, скандальную исторію сдѣлки съ Гизо при посредствѣ Жени, главы его кабинета, и Бергэна, пэра Франціи. Изъ этого разказа явствуетъ, что два сбора были уступлены въ замѣнъ за отставку одного чиновника въ контролѣ, должность котораго нужна была министру для награжденія одной изъ своихъ креатуръ. Алемъ-Руссо и Пти устроили эту отставку за 15000 франковъ серебромъ и пожизненную пенсію въ 600 франковъ.

вызовъ собрать національную гвардію, превосходнымъ духомъ которой послѣдній восхищался,—то къ этому прислушивались болѣе или менѣе внимательно; но палата депутатовъ послѣ этихъ тягостныхъ инцидентовъ снова съ легкимъ сердцемъ принялась за свою педантическую серьезность, подъ которой въ дѣйствительности таилось равнодушіе и подобострастіе.

Чтобы вывести ее изъ такого состоянія, нуженъ былъ мощный голосъ, который безъ пощады и жалости раздался бы подъ старыми сводами Люксембурга и, пробудивъ въ этихъ безчувственныхъ душахъ ненависть и страхъ, вывелъ бы ихъ изъ себя и повергъ бы въ состояніе экзальтаціи, доходящей до изступленія. И это произошло по поводу Швейцарскихъ событій. Де-Бройль докладывалъ о нихъ въ наиболѣе благоприятномъ для министерства свѣтѣ, и палата уже была готова присоединиться къ его мнѣнію, когда на трибунѣ появился Монталамберъ. Онъ не хотѣлъ ни опровергать аргументаціи предшествовавшихъ ораторовъ, ни обсуждать во всѣхъ деталяхъ болѣе или менѣе искусно веденные переговоры; онъ не имѣлъ намѣренія ни поддерживать министерство, ни нападать на него. Страстно увлекшись, онъ оставилъ далеко за собой тѣсную арену полемики. Скорѣе похожій на война, бряцающаго оружіемъ, чѣмъ на законодателя, излагающаго свои идеи, Монталамберъ, видя въ парахъ враговъ, заставилъ ихъ поблѣднить передъ картиной угрожавшихъ имъ опасностей.

Радикализмъ, по словамъ Монталамбера, былъ наканунѣ адскаго триумфа; онъ захватилъ весь міръ: ничто не устояло передъ нимъ, ничто не нашло пощады въ его неистовствахъ. И, разгораясь, молодой ораторъ умышленно сѣялъ ужасъ въ умахъ и описывалъ передъ ошеломленными членами собранія и разгромъ ихъ имущества, и потерю всякихъ правъ, и поруганіе ихъ святыни, быть можетъ, новыми варварами, которые принудятъ ихъ выкупить цѣною всего достоинства и право голоса, и личную свободу ¹⁾. Затѣмъ, восходя къ первопричинѣ всѣхъ этихъ бѣдствій, этихъ неизбежныхъ катастрофъ, онъ предалъ анаѣмъ XVIII вѣкъ, французскую революцію, Вольтера, конвентъ и проклялъ даже духъ текущаго времени ²⁾.

¹⁾ Точное выраженіе изъ рѣчи Монталамбера въ засѣданіи 15 января 1848 года.

²⁾ Бывшій послѣдователь аббата де-Ламенэ, Монталамберъ надолго сохранилъ, подъ этимъ сильнымъ вліяніемъ, убѣжденіе, что хорошо понятые принципы и интересы католической церкви находятся въ тѣсной связи съ основаніями и интересами новой свободы. Но потому ли, что опыты и размышленія измѣнили его образъ мыслей, или предъ нимъ явился призракъ 93 года, но онъ вдругъ внутренне отрезался отъ опасныхъ

Какъ описать эффектъ, произведенный въ палатѣ этимъ средневѣковымъ фанатизмомъ? Прерываемый и во время своей рѣчи горячими возгласами, онъ, сходя съ трибуны, былъ совершенно подавленъ бурнымъ восторгомъ. Всѣ встали со своихъ мѣстъ и тѣснились ему навстрѣчу; самъ канцлеръ не могъ сдержать своего энтузіазма; забывъ фамильные традиціи, герцогъ Немурскій, вопреки своему характеру и своей роли, приблизился къ амфитеатру и пожалъ руку Монталамберу. Съ этой минуты, послѣ этого сигнала опасности, палата имѣла лишь одну мысль: поскорѣе устранить всѣ препятствія, которыя могли бы помѣшать министерству въ его борьбѣ съ радикализмомъ. Она вотируетъ, почти не просматривая, параграфы адреса; останавливается на параграфѣ о банкетахъ, какъ разъ настолько, чтобы дать возможность Дюшателю объявить свою резолюцію—не заключать сдѣлки съ оппозиціей; торопливо отклоняетъ поправку де-Буасси, предлагавшаго исключить эпитеты *слѣпые* и *враги*, и вѣнчаетъ свой консервативный порывъ подачей 144 голосовъ противъ 43.

Страна настолько уже привыкла смотрѣть на постановленія палаты пѣровъ, какъ на одну лишь формальность, что она даже не дала себѣ труда разсмотрѣть это постановленіе. Умы были заняты другимъ; всѣ взоры обратились на палату депутатовъ, на нее надѣялись, отъ нея ждали смѣлаго шага. Его требовала и сама опасность положенія; необходимость его вытекала столь же изъ осторожности, сколько и изъ чести, потому что храбрость при такихъ обстоятельствахъ есть не что иное, какъ высшая осторожность.

V.

Обсужденія адреса въ палатѣ депутатовъ.

Палата депутатовъ въ продолженіе 1839 года засѣдала подъ предсѣдательствомъ Созэ, лонскаго адвоката, который приобрѣлъ въ 1830 году нѣкоторую извѣстность при защитѣ де-Шантелоза. Но добившись почестей, Созэ не смогъ укрѣпить за собой того высокаго мнѣнія, которое о немъ составилось. Онъ не сумѣлъ завоевать въ палатѣ никакого авторитета.

Предсѣдательствовалъ онъ въ ней съ мягкостью, но и съ замѣтнымъ пристрастіемъ къ консервативной партіи. Безпечность ума и характера сказывалась у него во всемъ и дѣлала его со-

нововведеній либеральнаго католицизма; онъ не могъ найти въ этотъ день гнѣва ничего, кромѣ брани и сарказма, по отношенію ко всему тому, что вдохновлялось демократическимъ духомъ.

вершено не подходящимъ для выполненія возложенной на него роли, а особенно въ критическіе моменты.

На скамьяхъ слѣва, гдѣ засѣдала династическая оппозиція и нѣсколько республиканцевъ, выдѣлялись гг. Одилонъ Барро, Араго, Гарнье-Пажесъ, Дюпонъ-де-л'Ерь, Карно, де-Куртэ, Бетмонъ, Кремье, Ледрю-Ролланъ. Вопреки мнѣнію, сложившемуся во дворцѣ объ этихъ людяхъ, никто изъ нихъ, исключая Ледрю-Роллана, не только не былъ охваченъ «враждебной страстью», но даже не былъ революціонно настроенъ. Одни были люди разсудительные, обманутые уже однажды революціей 1830 года и не вѣрящіе больше въ замыслы, создаваемые въ городской ратушѣ. Другіе засѣдали здѣсь по семейнымъ традиціямъ, изъ человѣческаго достоинства, изъ чувства совѣсти передъ прошлымъ, наконецъ, просто не желая бросить дѣло, которое, казалось, терпѣло поражение. Старики желали мирно завершить свою безпокойную карьеру, молодые не рѣшались безвозвратно компрометтировать свое будущее, но всѣ сходились на желаніи избавить страну отъ бѣдствій внутренней войны.

Въ другомъ концѣ палаты засѣдали люди, которые казались правительству менѣе опасными, хотя они-то и были истинные враги Орлеанской династіи. Между ними былъ аббатъ де-Женудъ, смѣлый софистъ, съ неуклонной и неустанной настойчивостью; де-Фаллу, честолюбивый, осторожный, слѣдящій за событіями, всегда готовый скрыть свои роялистическія убѣжденія въ формѣ республиканства и примѣнить свои католическія тенденціи къ требованіямъ университета; недалеко отъ него наслѣдникъ рыцарскаго имени ла-Рошжаакланъ, который подъ внѣшностью деревенскаго простодушія таилъ хитрость придворнаго и ловкость дипломата; Бенуа, Ларси, Бешаръ; и затмевающій всѣхъ блескомъ своей славы, великій виртуозъ легитимизма, ораторъ съ мощной грудью, со звучнымъ голосомъ и выразительной мимикой: Берге. Съ ихъ же стороны, но не съ ними, Ламартинъ спокойно и хладнокровно, съ внѣшнимъ равнодушіемъ, слѣдилъ за ходомъ преній, готовясь, въ то же время, бросить въ рѣшительный моментъ и голосъ, и жизнь въ самый жаръ битвы. Недалеко отъ него, но такъ же одиноко, сидѣлъ чловѣкъ презрительный и безстрастный, молчаніе котораго походило на угрозу, а поза—на упрекъ: де-Жирардэнъ.

Между двумя крайними группами палаты, вокругъ массы консерваторовъ размѣстились разномыслящія партіи: Дювержье де-Гораннъ, де-Ремюза, самый безпечный, самый скептическій, но вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе острый умъ Франціи, Жанвье, де-Маллевиля, Бильо, Дюфоръ, единственный, можетъ быть, ораторъ палаты, у котораго основательность аргументаціи, оцѣнка фактовъ, сжатость изложенія дошли до совершенства, столь рѣдкаго, что оно не уступаетъ дару са-

мага блестящаго краснорѣчія; де-Токвиль, Бомонъ, Вивьенъ; Дюпэнъ, рѣзкій и ловкій критикъ династіи, которую онъ любилъ. Еще никому не извѣстно, какихъ политическихъ взглядовъ держится генералъ Ламорисьеръ, впервые появившійся на собраніи, и что созрѣло въ этой головѣ подъ африканскимъ солнцемъ, политическія ли идеи или парламентскія способности? Это еще не извѣстно; все, что знаютъ о молодомъ главнокомандующемъ—это его храбрость; все, что могутъ угадать—это его честолюбіе; все, что могутъ предполагать—это измѣнчивость его характера.

Вверху такъ называемаго праваго центра, доминируя надъ всѣми этими оживленными лицами и этимъ нестройнымъ волненіемъ голосовъ и движеній, притягивала взглядъ сильная фигура и энергическая голова маршала Бюжо. Властностью вѣяло отъ него. Ненавидимый парижскимъ населеніемъ послѣ мятежа 5-го и 6-го іюня, «палачъ улицы Трансонанъ»¹⁾, какъ оно его называло, онъ былъ равно ненавистенъ партіи легитимистовъ, которая помнила о Блэ. Король боялся его неподатливаго характера и былъ ему благодаренъ за его преданность династіи; министры жаловались на его деспотическіе приемы, на его презрѣніе къ парламентскимъ обычаямъ²⁾, и между тѣмъ герцогъ д'Исли, любимый крестьянами за его деревенскій здравый смыслъ, любимый солдатами, которыхъ онъ окружилъ постоянными заботами, съ каждымъ днемъ пріобрѣталъ все большее значеніе и авторитетъ.

На скамьѣ министровъ Гизо, блѣдный, съ искаженнымъ лицомъ, казалось, выдерживалъ съ одинаковымъ раздраженіемъ какъ неразумное пособничество своихъ друзей, такъ и неискусныя нападки своихъ политическихъ враговъ. Дюшатель, озабоченный, усталый, скучающій, сѣлъ рядомъ съ де-Сальванди, высокоомѣрная увѣренность и шумное рвеніе котораго, казалось, не допускали и мысли

¹⁾ Эта клевета, созданная партійнымъ духомъ, не могла быть никогда стертой изъ народнаго воображенія. Однако, сто разъ было доказано, что маршалъ Бюжо былъ не при чемъ въ ужасномъ событіи, въ которомъ его обвиняли. Военныя силы, назначенныя для укрощенія мятежа, были раздѣлены на три бригады; генералъ Бюжо командовалъ одной, но онъ не былъ уполномоченъ распоряжаться двумя другими. Улица Трансонанъ не входила въ предѣлы его команды.

²⁾ Тьеръ, который очень уважалъ его рѣдкую военную способность и его большой здравый смыслъ, не смѣлъ, однако же, воспользоваться его помощью въ бытность свою министромъ, изъ боязни возбудить въ оппозиціи слишкомъ сильныя антипатіи. Гизо былъ смѣлѣе; но въ виду того, что маршалъ, несмотря на формальное запрещеніе правительства, предпринялъ экспедицію въ Кабилію, онъ былъ смѣщенъ и его мѣсто занялъ герцогъ Омальскій. Герцогъ д'Исли имѣлъ возможность, по словамъ Гизо, *насладиться своей славою* и отдохнуть въ своихъ владѣніяхъ, гдѣ онъ съ увлеченіемъ занимался практически и теоретически земледѣліемъ.

объ опасности, хотя бы отдаленной. Около него помѣтился Эберъ съ угрозой на устахъ, наиболѣе ненавистный изъ сторонниковъ репрессій. Трэзель, безупречная честность котораго способствовала, несмотря на посредственныя способности, выбору его въ министерство, которое желало имѣть хоть одно вѣдомство, не дающее повода для клеветы. Де-Монтебелло, послѣдователь эклектической философіи, самъ же первый сильно удивленный внезапнымъ отозваніемъ изъ посольства, гдѣ онъ проявилъ себя крайне неопытнымъ чело-вѣкомъ, и приглашеніемъ въ министерство, которому онъ не въ силахъ былъ создать никакого вліянія. Кюнэнтъ-Гриденъ, дѣльный промышленникъ, но ничтожный ораторъ; Дюмонъ, чело-вѣкъ понимающій дѣло, краснорѣчивый, здравомыслящій, но лишенный инициативы; Жэръ—неизвѣстный публикѣ. Таковы были представители власти въ центрѣ собранія. Среди нихъ было только два талантливыхъ и сильныхъ чело-вѣка, подчинявшихъ себѣ всѣхъ остальныхъ, но, въ свою очередь, находившихся подъ вліяніемъ королевской воли.

Людовикъ-Филиппъ, слишкомъ дорожившій своимъ авторитетомъ, слишкомъ увѣренный въ своемъ гениі, остается совершенно открытымъ за этимъ живымъ механизмомъ правительства, которое не можетъ болѣе внушить къ себѣ уваженія ни нравственнымъ характеромъ, ни политической тактикой и которое Франція готова съ негодованіемъ отшвырнуть отъ себя, какъ ненужный балластъ.

Почти каждый день, во время дебатовъ по поводу адреса, кто-нибудь изъ членовъ королевской семьи присутствуетъ на засѣданіи. Чаще всего герцогиня Орлеанская. Она съ грустнымъ вниманіемъ смотритъ, слушаетъ и съ видимымъ усиліемъ скрываетъ подъ благо-склонной улыбкой затаенное безпокойство. Въ соседней ложѣ вид-нѣются двѣ прелестныя молодыя дѣвушки. Ихъ лица сіяютъ торже-ствомъ, когда раздается властный голосъ ихъ отца, голосъ, за-ставляющій смолкать разгнѣванныхъ враговъ; это дочери Гизо; сегодня онѣ окружены почетомъ, а завтра будутъ принуждены скрывать-ся и бѣжать.

Въ дипломатической ложѣ лордъ Норманби, представитель ро-довитой аристократіи, привыкшей въ теченіе многихъ вѣковъ ру-ководить судьбой страны, наблюдаетъ не безъ нѣкоторой ироніи за колебаніями, непослѣдовательностью и безчисленными ошибками еще неопытной демократіи. Напротивъ, представляя живой контрастъ сдержанному дипломатическому корпусу, журналисты наполняютъ воздухъ горячими спорами, ссорами и вызывающими восклицаніями. Тутъ можно встрѣтить Шамболя, Перэ, Паскаля Дюпра, Эжена Пеллытана. Тутъ же честный, храбрый, съ грубоватой виѣшностью и рѣчью, Флоконъ слѣдитъ недовѣрчивымъ взглядомъ за Марра-

стомъ, «аристократомъ изъ National», вскорѣ получившимъ проз-вище маркиза республики. Когда-то товарищъ по заключенію Год-дефруа Кавеньяка, неустрашимый борецъ республиканскаго лагеря, Маррасть, смѣясь надъ своими юношескими иллюзіями, повиди-мому, отказался отъ честолюбиваго ореола мученика. Какое-то таин-ственное благородствіе, казалось, сдерживало колкость его эпиграммъ. Можно было бы сказать, что онъ завидуетъ Тьеру, нападая на него. Онъ иногда выражаетъ по адресу министра 1-го марта во-сторженное удивленіе, которое его партія вмѣняетъ ему въ пре-ступленіе.

Увы! Со всѣхъ сторонъ, во всѣхъ рядахъ, сверху и до низу, справа и слѣва во всей верхней палатѣ, сколько скептизма, сколько лицемѣрія! Какое нравственное смятеніе! Какое печальное зрѣлище представляетъ собраніе подобныхъ лицъ, взявшихъ на себя судьбу всей націи. На ряду съ нѣсколькими неподкупно честными людьми, сколько стало равнодушныхъ къ добру и злу, къ справедливости и несправедливости, и заботятся лишь о собственномъ благополу-чій, дѣлать лишь свой личный успѣхъ!

Два позорные факта, отмѣченные королевской оппозиціей, открывають самымъ постыднымъ образомъ эту краткую и послѣднюю сес-сію. Деньги, собранныя по благотворительной подпискѣ, не были употреблены по назначенію, а были розданы по произволу пре-фекта въ интересахъ министерскаго кандидата ¹⁾. Начавшіеся де-баты съ удручающей ясностью обрисовываютъ этотъ фактъ фор-меннаго воровства. Но большинство, изъ желанія выразить мини-стерству свою неизмѣнную преданность, закрываетъ глаза и съ прискорбнымъ единодушіемъ голосуетъ за эти, болѣе чѣмъ подо-зрительные, выборы.

Это голосованіе было хорошимъ предзнаменованіемъ для Гизо; къ несчастью, ему не даютъ порадоваться. Со слѣдующаго дня появляется на трибунѣ Барро и интерпеллируетъ его по поводу интересовавшей и тревожившей всѣхъ исторіи, извѣстной подъ названіемъ «дѣла Пти». Факты болѣе чѣмъ доказаны, цифры не-умолимо точны, достовѣрность контрактовъ неоспорима: примѣнить систему горделиваго отрицанія, практиковавшуюся раньше, теперь не мыслимо. Гизо употребляетъ поэтому иной приѣмъ защиты. Въ признаніи, достойномъ Тартюфа, онъ обвиняетъ себя, а вмѣстѣ съ собой всѣхъ предшествовавшихъ ему за тридцать лѣтъ админи-страторовъ въ томъ, что «они не оспаривали сомнительную статью юридическаго узаконенія», что они «допустили достойные сожалѣ-нія приѣмы», которые могутъ быть объяснены «старыми tradi-

¹⁾ Ришона-дэ-Брю, депутата Верхней-Луары!

ціями и отчасти вплинієм дѣйствующихъ законовъ». «Но не думайте, прибавляетъ министр, изловленный на томъ, что онъ назвалъ «нѣкоторой спутанностью обвиненій и инсинуаціи», не думайте, что я хочу этимъ хвастаться. Я упоминаю объ этомъ только для того, чтобы установить и подтвердить самый фактъ. Я не отдѣлываюсь уловками и могу только привѣтствовать развитіе восприимчивости и нравственной требовательности палаты и страны. Я не только не выражу никакого сожалѣнія, а буду радоваться, повторяетъ Гизо, тому, что общественная совѣсть съ каждымъ днемъ становится строже и требовательнѣе». Потомъ онъ начинаетъ увѣрять, что подобные факты уже два года какъ не существуютъ, и объявляетъ, что представленный государственнымъ канцлеромъ на обсужденіе палаты проектъ закона положить рѣшительный предѣлъ такого рода злоупотребленіямъ.

Велѣдъ за этимъ новымъ вызовомъ, брошеннымъ обществу, онъ начинаетъ въ высокопарныхъ выраженіяхъ оправдывать себя, своихъ друзей и ихъ политику, сопровождая свою защитительную рѣчь обычной угрозой выйти въ отставку, если послѣдующее голосованіе укажетъ на малѣйшее ослабленіе въ довѣрїи большинства. На этотъ вызовъ тотчасъ же откликаются Тьеръ и Дюфоръ; они съ негодованіемъ опровергаютъ (какъ уже сдѣлали это Моля, Пасси и д'Аргу) свою прикосновенность къ этимъ дѣянїямъ, которыя предсѣдатель совѣта презрительно называетъ «ничтожными фактами», а Дюпонъ считаетъ «политическимъ подлогомъ и симонїей». «Давно, восклицаетъ Барро среди этого спора, въ которомъ на каждомъ шагѣ задѣваются личности, давно уже я чувствую, что мы совѣмъ не понимаемъ другъ друга въ политикѣ, но я думалъ, что въ дѣлахъ чести мы стоимъ еще на одной точкѣ зрѣнія».

Но партія консервативнаго большинства непоколебима. Она упорно не желаетъ принять двухъ резолюцій, предлагаемыхъ Лербеттомъ и Дарблѣ, чтобы подчеркнуть неудовольствіе палаты. Принявъ резолюцію, предложенную Пейрамономъ, она возобновляетъ постыдный, порабощающій ее договоръ съ Гизо.

Затѣмъ переходятъ къ пренїямъ объ адресѣ ¹⁾.

Подробный докладъ о нашемъ финансовомъ положенїи, въ которомъ Тьеръ съ неумолимой ясностью и точностью указываетъ на угрожающую намъ опасность, подаетъ поводъ къ первымъ дебатамъ ²⁾.

¹⁾ Докладчикомъ въ комиссію, состоящую изъ девяти министерскихъ депутатовъ (вещь, неслыханная со временъ министерства де-Виллеля) былъ выбранъ Витѣ.

²⁾ На слѣдующій день 26-го января можно было прочесть въ National ужасающіе комментарїи къ рѣчи Тьера. „Какое наслѣдіе, говорится тамъ

Цифра неотверженнаго долга болѣе, чѣмъ на двѣсти милліоновъ превышаетъ цифру, которую могли предполагать самые отчаянные пессимисты, и Тьеръ доказываетъ, что нѣтъ никакой возможности избѣжать рокового исхода. Онъ резюмируетъ положеніе дѣлъ въ такихъ выраженїяхъ: «Обыкновенный бюджетъ, сводящійся къ дефициту, ежегодно оплачиваемому изъ суммъ погашенія, которыя должны покрывать чрезвычайный бюджетъ; чрезвычайный бюджетъ покрывается такимъ образомъ будущими суммами погашенія, а въ данную минуту неотверженнымъ долгомъ, наконецъ, неотверженный долгъ, который вы уменьшаете отъ времени до времени займомъ, выходящимъ изъ границъ благоразумія и осторожности».

Палата, всегда относящаяся съ самымъ добросовѣстнымъ вниманіемъ къ словамъ Тьера, казалась пораженной нарисованной имъ картиной. Забота о состоянїи финансовъ—единственное волненіе, доступное большинству. Оно на мгновеніе сливается съ меньшинствомъ, объединенное чувствомъ недоувѣрія къ кабинету. Съ этимъ чувствомъ оно выслушиваетъ Дюмона и Дюшателя. Они къ тому же не могутъ противопоставить обвиненїямъ Тьера ничего, кромѣ туманной картины благоденствія страны, и не убѣждаютъ никого. Удары Тьера попали въ цѣль. Нападки человѣка, знакомаго, благодаря долготѣтней практикѣ, хорошо съ положеніемъ дѣла, сѣютъ смятеніе во всѣхъ партїяхъ и вредятъ консервативному кабинету, уязвляя его въ самое больное мѣсто. Черезъ нѣсколько дней можно было замѣтить, что вотума большинства болѣе недостаточно, чтобы оправдать министерство, и что давленіе общественнаго мнѣнія выражается все съ большей силой, такъ какъ оно побуждаетъ депутатовъ еще разъ вернуться къ этому постыдному «дѣлу Пти», которое Гизо и его сторонники хотѣли замаять во что бы то ни стало. По поводу четвертаго параграфа адреса, который обѣщаетъ королю содѣйствіе палаты для «облегченія участи тѣхъ, у кого работа является единственнымъ источникомъ существованія», де-Токвиль, послѣ длиннаго описанія упадка общественныхъ и частныхъ нравовъ, обвиняетъ въ этомъ упадкѣ правительство и въ особенности Гизо, который утратилъ, по словамъ оратора, «престижъ неподкупно честнаго человѣка», со времени разоблаченія постыдной торговли, которая велась подъ его покровительствомъ. Несмотря на то, что слова де-Токвиля были болѣе, чѣмъ

по адресу министерства, оставите вы странъ? Гдѣ послѣдній предѣлъ примѣняемой вами системы? Приходится произнести это слово. Это—банкротство. Если такъ будетъ продолжаться, то другого выхода нѣтъ: банкротство мирнымъ путемъ, банкротство, какъ почти неминуемый результатъ этой политики общественнаго порядка».

ясны, Билло потому же поводу формулирует обвинительный актъ въ узаконенной формѣ и требуетъ, чтобы министерство призналось въ участіи, которое оно принимало въ этихъ дѣлахъ, или же отрѣшило отъ должности главу кабинета Жени.

Жанвье отвѣчаетъ на это обвиненіе полнымъ оправданіемъ министерства, очень рискованнымъ при данныхъ обстоятельствахъ. Онъ превозноситъ среди смѣха и крайне оскорбительныхъ замѣчаній возвышенность характера Гизо и заявляетъ, что консерваторы будутъ всячески его поддерживать, потому что «нѣсколько недавнихъ ошибокъ» не могутъ заставить забыть его многочисленныя и долготѣнныя заслуги.

За этими похвалами и удостовѣреніями въ доброй нравственности слѣдовала довольно двусмысленная рѣчь Дюфора; онъ принимаетъ поправку Билло, какъ *предостереженіе, не нарушающее уваженія*. Однако, Дюшатель отклоняетъ поправку даже въ смягченной формѣ, и большинство отвергаетъ ее. Когда вопросы чести были такимъ образомъ устранены, палата перешла къ политическимъ дѣламъ.

О положеніи Италіи говорилъ съ трибуны Ламартинъ. Очень сильное броженіе продолжало царить въ Италіи повсемѣстно. Австрія удвоила строгость въ Ломбардіи; тюрьмы были переполнены: при безпрестанныхъ столкновеніяхъ студентовъ съ военной силой Миланъ и Павія обогрелись кровью; солдаты неистовствовали, а звѣрскія прокламаціи маршала Радецкого, казалось, придавали имъ храбрости. Не будучи болѣе въ состояніи мстить непосредственнымъ путемъ, миланцы попробовали уничтожить одинъ изъ источниковъ дохода Австріи, отказавшись отъ употребленія табаку. Станный, но серьезный, не смотря на легкомысленную внѣшнюю форму, заговоръ. Онъ показывалъ грозное единодушіе въ ненависти къ чужой странѣ и предвѣщалъ близкое возстаніе. Въ Генуѣ мятежъ противъ іезуитовъ безпокоилъ правительство Карла Альберта. Такія же манифестаціи имѣли мѣсто въ Римѣ и дали кардиналамъ новыя доказательства противъ свободы, которая очень смущала нерѣшительнаго и слабого характеромъ Пія IX. Наконецъ, вспыхнулъ бунтъ въ Палермо, и послѣ 48 часовой бомбардировки графъ Аквила, отказываясь подавить его военной силой, обратился къ своему брату, неаполитанскому королю, и побудилъ послѣдняго сдѣлать нѣкоторыя уступки.

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ открылись въ палатѣ пренія по вопросу объ Италіи. Народныя симпатіи были на сторонѣ итальянцевъ. Ламартинъ поддержалъ ихъ краснорѣчивыми словами. Онъ обвинялъ правительство за союзъ со всѣми абсолютистскими правительствами, послѣ безразсуднаго разрыва съ Англійей. «Фран-

ція въ вашихъ рукахъ», — говоритъ онъ, обращаясь къ Гизо, — «дѣлается сторонницей гибелиновъ въ Римѣ и Миланѣ, духовенства — въ Бернѣ, Австріи — въ Пьемонтѣ, Россіи — въ Краковѣ». Далѣе онъ въ удачныхъ выраженіяхъ развиваетъ мысль, являющуюся въ сущности мнѣніемъ всей Франціи. Отвѣтъ Гизо былъ неудаченъ. Настаивая на строгомъ выполненіи трактата 1815 г., отвѣщаясь на похвалу князя Меттерниха, онъ этимъ пріемомъ сразу задѣлъ національную щепетильность палаты и вызвалъ на скамьяхъ оппозиціи неистовый шумъ. Но, слѣдуя своему обыкновенію, онъ выждалъ съ пренебрежительнымъ спокойствіемъ, пока утихъ ропотъ, и тогда произнесъ слѣдующія достопамятныя слова: «Дѣло идетъ сейчасъ вовсе не о конституціи итальянскихъ государствъ. Что будетъ черезъ 10-20 лѣтъ, я не знаю. Съ этой трибуны я не обязанъ говорить о вопросахъ, которые будутъ разбирать мои преемники».

Въ тотъ же день Парижъ узналъ, что возставшіе въ Палермо отвергли всѣ уступки неаполитанскаго короля. Слѣдствіемъ отказа было: обнародованіе конституціи не только въ Неаполѣ, но вскорѣ и во Флоренціи, и очень энергичныя, настойчивыя требованія народа въ Туринѣ и Римѣ, направленные къ той же цѣли.

Всегда крайне революціонный по внѣшнему виду и на словахъ, Тьеръ не упустилъ столь удобнаго случая заслужить одобренія слѣва и поставить въ затруднительное положеніе министерство, при этомъ не слишкомъ компрометируя себя. Онъ требуетъ для Франціи чести защищать успѣхъ свободы въ Европѣ. Онъ напоминаетъ, что изъ французской націи вышли наиболѣе великіе *возбудители человѣческой мысли*: Декартъ, Паскаль, Вольтеръ, Монтескье.

Но, даже признавая позорными убійства въ Миланѣ и бомбардировку Палермо, бросая преступнымъ государямъ, виновнымъ въ этихъ злодѣяніяхъ, эпитеты тирановъ и палачей, бывший министръ, какъ человѣкъ, желающій сохранить возможность возвращенія къ власти, признаетъ въ то же время законность Вѣнскаго договора. Онъ произноситъ слѣдующія, не достойныя серьезнаго человѣка слова: «Надо поддержать договоръ, но поддержать, ненавидя».

Это было на руку кабинету, и дало Гизо прекрасный случай указать на недобросовѣстность или на дѣтскую наивность оппозиціи, играющей словами, и на политику, принужденную давать жалкое двусмысленное толкованіе принципамъ. Гизо началъ свое возраженіе съ заявленія, проникнутаго еле-еле скрываеваемой проницей, что онъ счастливъ быть въ полномъ согласіи съ своимъ противникомъ. То, что Тьеръ сказалъ, кабинетъ 29 октября уже сдѣлалъ. Кабинетъ поддерживалъ, какъ это и нужно было, независимость итальянскихъ государствъ; онъ протестовалъ противъ незаконной

оккупации Феррары и Модены австрийскими войсками: онъ одобрялъ въ Римѣ и повсюду разумныя и умѣренныя реформы. Политика кабинета въ сущности походила на политику, рекомендуемую Тьеромъ. Первая отличается отъ послѣдней лишь по формѣ, что вполне объясняется разницей въ ихъ положеніяхъ: одинъ, не связанный властью, можетъ говорить все, что ему угодно, другому высшія соображенія предписываютъ молчаніе. Гизо не жалѣетъ также для Тьера и насмѣшекъ за не особенно парламентскіе эпитеты палачей и убійць по отношенію къ особамъ королевскаго дома и за великолѣпное правило ненавидѣть договоръ, соблюдать который признано выгоднымъ. Сходя съ трибуны, онъ могъ убѣдиться въ правильности своего расчета: друзья Тьера видимо были смущены; въ свою очередь радикалы съ нѣкоторымъ изумленіемъ выслушали столь торжественное заявленіе о полномъ согласіи между двумя государственными дѣятелями: они чувствовали, какъ опять возрождаются ихъ подозрѣнія, и упрекали себя въ томъ, что позволили такъ просто обмануть себя.

Тогда Одилонъ Барро попытался, но безуспѣшно, ослабить впечатлѣніе, произведенное предсѣдателемъ совѣта. Длинная и холодная рѣчь этого оратора не нашла отклика въ собраніи. Большинство осталось сгложеннымъ и одобрило поведеніе кабинета по вопросу объ Италіи.

То же самое, почти безъ измѣненій, повторилось при обсужденіи отношеній съ Швейцаріей. Этотъ эпизодъ начался борьбой между Тьеромъ и Гизо. На этотъ разъ побѣда осталась на сторонѣ перваго: чувствуя необходимость поддержать ослабѣвшую связь съ лѣвой, онъ смѣлѣе заговорилъ въ революціонномъ духѣ. «Наши противники,—сказалъ Тьеръ,—видятъ въ дѣлѣ Швейцаріи только торжество радикализма, торжество, по ихъ мнѣнію, очень опасное для Европы. Что касается насъ, то мы видимъ здѣсь лишь революцію и контръ-революцію, стоящая лицомъ одна къ другой». Выраженія одобренія слѣва и съ нѣкоторыхъ трибунъ привѣтствовали это желаніе прямо и открыто поставить вопросъ. «Правительство,—продолжалъ ораторъ,—стало на сторону контръ-революціи съ такой рѣшительностью, которая меня ставитъ втупикъ. Права людей, интересы и достоинство Франціи оставлены безъ вниманія». Затѣмъ въ блестящемъ историческомъ очеркѣ онъ указываетъ, что въ Швейцаріи, такъ же, какъ и во Франціи, уже 50 лѣтъ идетъ упорная борьба между старымъ и новымъ режимомъ. Онъ противопоставляетъ усердіе французскаго правительства въ этомъ неблагогородномъ дѣлѣ холодному отношенію, проявленному въ Италіи; онъ пылко защищаетъ революціонную партію, которую такъ низко оклеветалъ въ другой палатѣ Монталамберъ;

онъ запрещаетъ правительству просить у Франціи хотя бы одного человѣка, хотя бы одно эю для похода на Бернъ и кончаетъ удивительными словами, которыя выдаютъ несокрушимую чуткость молодости, сохранившуюся среди всѣхъ переменъ зрѣлаго возраста и честолюбивыхъ расчетовъ: «Да, я не радикаль, но я стою за революцію въ Европѣ. Я хочу, чтобы революція была въ рукахъ умѣренныхъ людей; но, если она перейдетъ въ руки неумѣренныхъ, я никогда не оставлю дѣла революціи по такой причинѣ».

Эта пылкая рѣчь вызываетъ изумленіе, возмущеніе и восторгъ. Консерваторы поражены ¹⁾. Лѣвая, чувствуя себя оправданной и находя въ этихъ словахъ серьезный поводъ для согласенія, страстно аплодируетъ. Редакторы «National» съ трибуны живѣйшимъ образомъ выражаютъ восторгъ. Вечеромъ весь Парижъ говоритъ о возстановленіи популярности оратора. По всей Европѣ, изъ конца въ конецъ, разносится вѣсть о революціонныхъ общаніяхъ человѣка, который вотъ-вотъ станетъ у власти и, безъ сомнѣнія, скоро приступитъ къ ихъ смѣлому выполненію на глазахъ всего міра.

На этотъ разъ Гизо уже не могъ болѣе согласиться съ Тьеромъ, и потому рѣшилъ прибѣгнуть къ другой тактикѣ. Онъ сравнилъ мнѣніе Тьера, депутата оппозиціи 1848 г., съ мнѣніемъ Тьера, министра иностранныхъ дѣлъ въ 1836 г., и прочелъ двѣ депеши, посланныя въ это время Монтебелло, посланнику въ Швейцаріи. «Радикальная партія,—гласитъ одна изъ депешъ,—совершенно разсчитываетъ утвердиться въ Швейцаріи въ то время, когда вездѣ ея приверженцы находятся въ такомъ положеніи, что не смѣютъ поднять головы въ виду всеобщаго порицанія и чувства отвращенія, возбуждаемыхъ ими». И дальше: «Эта партія выказываетъ тѣмъ болѣе смѣлости, что помимо того запутаннаго и неудобнаго положенія, въ которое она поставила Швейцарію, Франція была бы вынуждена защищать ее отъ всякаго насильственнаго и репрессивнаго дѣйствія извнѣ. Эту иллюзію необходимо разрушить».

«Итакъ, господа,—продолжалъ Гизо, пуская въ ходъ свое тяжелое остроуміе,—я никогда не говорилъ о швейцарскихъ радикалахъ болѣе сурово, чѣмъ почтенный г. Тьеръ». Въ центрѣ, восхищенномъ этой шуткой оратора, раздался смѣхъ. Легкомысленное и непостоянное большинство, не заботясь о сущности дѣла, посмѣшило вотировать параграфъ о Швейцаріи такъ же, какъ оно уже приняло параграфъ объ Италіи. Ничто болѣе не сдерживало его слѣплого усердія; ничто не могло свернуть его съ рокового пути.

Относительно Польши была сдѣлана интерпелляція по поводу

¹⁾ Въ особенности Моле не могъ сдержать свое негодованіе. „Это наглые софизмы“, раздраженно повторялъ онъ вечеромъ у себя дома.

двухъ только что принятыхъ мѣръ, плохо согласовавшихся съ увѣреніями въ симпатіи, выраженными въ адресѣ: первая—запрещеніе юбилейнаго банкета у князя Чарторыйскаго; вторая—изгнаніе Бакунина на другой день послѣ произнесенія имъ враждебной императору Николаю рѣчи на годичномъ собраніи поляковъ. Гизо извинился, что, по очень вѣскимъ соображеніямъ, онъ не можетъ дать разъясненія по этому вопросу. Тѣмъ же пріемомъ онъ воспользовался, отвѣчая на запросъ о Ла-Платѣ, гдѣ, согласно обвиненіямъ Друэнъ-де-Льюиса, Лакросса и Шамболя, наше правительство уже семь лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ начаты были переговоры, проявляло слабость и колебаніе, пагубныя для французскихъ интересовъ, связанныхъ съ Монтевидео. Затѣмъ перешли къ вопросу объ Алжирѣ.

Въ желчной рѣчи Лербеттъ раскрываетъ странѣ стремленіе личнаго правительства захватить все въ свои руки. Ораторъ указываетъ на то, что всѣ высшія должности захвачены принцами, что только личное расположеніе рѣшаетъ всякое повышеніе въ сухопутной и морской арміи; онъ обвиняетъ Гизо въ томъ, что послѣдній допустилъ присутствіе короля въ совѣтъ вопреки принципамъ представительства. Это обвиненіе задѣваетъ министра за живое въ его лояльныхъ чувствахъ. Съ особеннымъ возбужденіемъ онъ начинаетъ отвѣчать и подчеркиваетъ ошибку Лербетта, указавшаго на то, что присутствіе короля въ засѣданіи противорѣчитъ обычаямъ Англій. Отвергнувъ затѣмъ въ краснорѣчивыхъ словахъ позорную и недостойную нашего времени мысль, что нельзя имѣть дѣло съ принцами, не угождая ихъ капризамъ, онъ въ страстной, энергичной и блестящей рѣчи излагаетъ свои монархическія убѣжденія, которымъ съ увлеченіемъ аплодируетъ громадное большинство палаты и публики. Вечеромъ герцоги Немуръ и Монпансье явились къ министру выразить свою признательность. Во Франціи настолько легко поддаются обаянію слова, что нѣсколько удачныхъ и краснорѣчивыхъ фразъ придали, повидимому, династіи новыя силы.

Послѣ длинной рѣчи маршала Бюжо о необходимости сохранить въ Алжирѣ значительныя силы и объ опасности преждевременнаго введенія гражданскихъ учрежденій, де-ла-Рошжакелэнъ запросилъ Гизо, что онъ намѣренъ предпринять по отношенію къ Абдэль-Кадеру.

Министръ рассчитывалъ, что новость о подчиненіи эмира ошеломитъ палату и разстроитъ оппозицію, но ошибся. Это событіе, котораго напрасно такъ долго ждали, и которое, при другихъ обстоятельствахъ, вызвало бы взрывъ радости, теперь не отвлекло общественнаго вниманія отъ скандала въ администраціи; оно не

заставило умолкнуть различные слухи и даже подготовило правительству серьезныя затрудненія.

1-го января, въ день поздравленій и молебствій, телеграфъ принесъ извѣстіе о счастливомъ исходѣ кампаніи, предпринятой генераломъ Ламорисьеромъ. Придворные льстецы привѣтствовали это новое доказательство счастливой судьбы короля. Въ блескѣ, которымъ этотъ успѣхъ озарилъ одного изъ его сыновей, они видѣли предзнаменованіе другихъ не менѣ желанныхъ побѣдъ надъ внутренними врагами. Но скоро донесенія герцога Омальскаго и генерала Ламорисьера дали оппозиціонной и радикальной прессѣ новое оружіе противъ правительства. Чтобы не попасть въ руки марокскихъ полчищъ, эмиръ дѣйствительно сдался французской арміи, но подъ условіемъ, что его вмѣстѣ съ семьей перевезутъ въ Сэнъ-Жанъ д'Акръ или даже въ Александрію. Пріѣхавъ въ Тулонъ на одномъ изъ нашихъ паровыхъ фрегативъ, онъ настойчиво заявлялъ объ исполненіи договора.

Было бы, однако, верхомъ неблагоразумія посылать Абдэль-Кадера въ Египетъ, гдѣ онъ подъ влияніемъ и съ помощью Англій такъ легко могъ агитировать противъ насъ. Министерство отлично понимало это, но что же ему оставалось дѣлать? Не признать герцога Омальскаго, который утвердилъ условія, подписанныя генераломъ Ламорисьеромъ? Это казалось невозможнымъ. Прямо нарушить слово, данное столь славному врагу? Что тогда скажетъ Европа? Чтобы выиграть время, Гизо, вопреки честному слову, не обращая вниманія на краснорѣчивыя заявленія Абдэль-Кадера, адресованныя маршалу Бюжо и даже самому королю, приказалъ заключить эмира «временно»—какъ увѣрялъ министръ—въ крѣпость Ламальгъ.

Назначеніе одного изъ сыновей короля губернаторомъ Алжира, давно уже подвергавшееся нападкамъ газетъ, вызвало неодобреніе палаты пѣровъ. Гизо по обыкновенію отдѣлывался отсрочками. По дѣлу Абдэль-Кадера, говорилъ онъ, правительство никакъ не могло предполагать, что слово военнаго начальства должно стѣснять его политику, но что оно во всякомъ случаѣ надѣется найти средство согласовать данное слово съ безопасностью Франціи. Подобный отвѣтъ былъ данъ на интерпелляцію де-ла-Рошжакелэна и съ той же покорностью былъ принятъ палатой депутатовъ. Когда наиболѣе щекотливыя вопросы были такимъ образомъ устранены, министерство, одерживая повсюду побѣды, готовилось къ послѣдней борьбѣ съ удвоенной увѣренностью въ своихъ силахъ. Оно заранѣе торжествовало успѣхъ, безусловно еще сомнительный, но, по его мнѣнію, неизбѣжный. Наконецъ, перешли къ обсужденію параграфа о правѣ собраній и банкетовъ.

При обсужденіи предыдущихъ параграфовъ произошелъ инцидентъ 1.

дентъ, революціонный характеръ котораго не ускользнулъ отъ лицъ, обладавшихъ вниманіемъ. Въ силу непослѣдовательности, такъ часто встрѣчающейся у политическихъ дѣятелей этого вѣка, Гизо, самъ обязанный своею популярностью при реставраціи преслѣдованіямъ реакціоннаго министра, въ свою очередь воспользовался властью, чтобы лишить слова трехъ извѣстныхъ профессоровъ: Мицкевича, Кинэ и Мишле.

Правда, на своихъ лекціяхъ эти три лица не придерживались строго-академической программы; высшіе интересы воодушевляли ихъ слово и дѣлали его могучимъ. Поэтъ-пророкъ Мицкевичъ изыскивалъ права на величіе славянской расы въ ея происхожденіи; онъ поднималъ настроеніе людей, находившихся въ плѣну; онъ смягчалъ, облагораживалъ горечь изгнанія. Вызывая тѣнь Наполеона, онъ внушалъ Франціи любовь къ Польшѣ и предсказывалъ союзу этихъ двухъ, наиболѣе симпатичныхъ современныхъ народовъ непримѣрное военное и религіозное могущество въ будущемъ. Въ пламенныхъ словахъ, пользуясь красотами латинскаго и славянскаго языковъ, онъ проповѣдывалъ загадочный крестовый походъ противъ духа зла, возвѣщая освобожденіе челоувѣчества, вырваннаго, наконецъ, изъ власти бездны. Италія, этотъ очагъ свѣта и свободы, теперь покрытый пепломъ, вызывала у Кинэ страстное выраженіе сожалѣнія, сопровождаемаго проклятіями. Онъ носилъ трауръ по былому величію этой страны, призывалъ къ ея освобожденію. Третій изъ нихъ, Мишле, изучалъ исторію съ тѣмъ, чтобы внушить опустившейся молодежи традиціи чести, патріотизма и свободы.

Въ то время въ глазахъ власти, стремившейся исключительно къ благополучію, всѣ трое, надо сознаться, были опасными революціонерами: они пробуждали благородныя стремленія, будили сознание, волновали сердца. Они осмѣливались внушать новому поколѣнію ненависть къ несправедливости и прививали ему чувство независимости; они говорили о Богѣ, отечествѣ, истинѣ. Такая проповѣдь была слишкомъ опасна, и правительству, вся сила котораго заключалась въ грубомъ матеріализмѣ, необходимо было запретить ее.

Уже шесть мѣсяцевъ курсы Мицкевича и Кинэ были закрыты подъ предлогомъ, что профессора уклонились отъ программы. Не рѣшились только покончить съ Мишле, ибо знаменитый историкъ, болѣе осторожный, чѣмъ его коллеги, ближе придерживался объявленной программы своихъ лекцій. Тѣмъ не менѣе правительство искало случая придратъ къ чему-нибудь, и въ концѣ концовъ нашло средство создать предлогъ. Въ день открытія Коллежа де Франсъ, студенты, занимавшіеся обыкновенно въ ожиданіи профессора не

вполнѣ благопристойными разговорами, обратили свое остроуміе на рѣчь короля въ палатахъ. Они давали ей ироническое толкованіе, сопровождая его соответствующими жестами. Тотчасъ въ залу явилась полиція и заставила очистить помѣщеніе. На другой день появилось объявленіе, гласившее, что курсъ исторіи Франціи закрытъ. Негодованію и гнѣву молодежи не было предѣла. Въ тотъ же вечеръ студенты въ большомъ количествѣ собрались передъ домомъ своего профессора съ цѣлью устроить ему овацію. Не заставъ его тамъ, они отирались въ Институтъ и огласили старое зданіе криками: «Да здравствуетъ Мишле». На слѣдующій день оппозиціонныя газеты помѣстили рѣчь, которую намѣривались произнести студенты и въ которой они горячо протестовали противъ деспотизма «правительства-ренегата, родившагося на баррикадахъ». Мишле въ прессѣ жаловался на мѣры, возлагавшія на него отвѣтственность за поступки, совершенныя въ его отсутствіе. Нѣсколько дней спустя, не добившись удовлетворенія ¹⁾, онъ напечаталъ прощальную рѣчь своимъ ученикамъ. Въ этихъ послѣднихъ, проникнутыхъ любовью и краснорѣчивыхъ словахъ Мишле убѣждалъ молодежь стать ближе къ народу, подражать его добродѣтелямъ, сострадать его несчастіямъ, посвятить свою жизнь на служеніе его нуждамъ.

Съ этого дня въ школахъ стало усиливаться волненіе. 3-го января оно вылилось въ форму, крайне поразившую консерваторовъ. Около трехъ тысячъ студентовъ съ петиціей на имя депутатовъ явились въ палату требовать справедливости во имя поправленной свободы и независимости преподаванія, нарушенной въ лицѣ Мицкевича, Кинэ и Мишле. Передавъ петицію Кремье, они въ полномъ порядкѣ съ гордымъ и рѣшительнымъ видомъ обошли редакціи «Nationale», «Réforme» и «Démocratie pacifique». Редакторы этихъ различныхъ газетъ, Томасъ, Флоконъ и Контагрель, поздравили молодежь съ горячимъ рѣшеніемъ защищать свободу мысли и великія идеи революціи; они указывали на приближающійся моментъ страшнаго пробужденія общественнаго мнѣнія. Затѣмъ студенты разошлись безъ всякихъ безпорядковъ, что нисколько не ослабило впечатлѣнія, произведеннаго демонстраціей на парижское населеніе. Былъ заключенъ молчаливый союзъ въ защиту наиболѣе священныхъ правъ. Въ воздухѣ накоплялось электричество.

¹⁾ Министерскія газеты, наоборотъ, поздравляли Коллежъ де Франсъ съ тѣмъ, что онъ пересталъ, наконецъ, быть школой скандаловъ, бунтовъ и нечестія.

VI.

Продолженіе и окончаніе преній по поводу адреса.

Общее вниманіе было обращено на эту напряженную борьбу. Вопросъ свелся къ поддержанію важнаго принципа, къ защитѣ священнаго права. Все хорошо знали, что мужественное исполненіе долга можетъ внезапно оказаться источникомъ опасности для монархіи. Чувствовалось, какъ за легальной парламентской оппозиціей начинается нѣчто страшное. За шумомъ, поднятымъ на трибунахъ, замѣчалось грозное молчаніе. Мостовая улицъ жгла; работа стала молчаливой; разговоры были таинственны, выраженія лицъ мрачны. Давно уже забытыя воспоминанія о нашихъ революціяхъ вновь воскресли въ ихъ мрачномъ блескѣ; докучливая тѣнь появлялась за столомъ каждаго. Невольно приходила въ голову мысль, что въ Парижѣ живетъ народъ сильный, способный къ взрывамъ и капризамъ, — народъ, который, когда ему хотѣлось, посѣщалъ Тюильри и примѣрялъ своимъ королямъ красный колпакъ.

Банкеты реформистовъ, радикаловъ и даже коммунистовъ все время устраивались въ провинціи вопреки приказанію монархической оппозиціи, объявившей ихъ неумѣстными съ момента открытія сессіи. Министерство закрывало глаза на отдаленную агитацію, привыкнувъ къ мысли, что въ Парижѣ мало считаются съ мнѣніемъ провинціи. Однако, банкетъ, объявленный въ 12-мъ округѣ столицы, являлся серьезной угрозой, и префектъ полиціи на сдѣланное ему на основаніи закона заявленіе, отвѣтилъ формальнымъ запрещеніемъ. Въ отвѣтъ на это члены комиссіи по устройству банкета, Мори, Кремье, Паньеръ, Гарнье-Пажесъ подъ предсѣдательствомъ депутата Буассель вмѣстѣ съ вице-предсѣдателемъ, подполковникомъ 12-го легіона Пупинелемъ, выпустили слѣдующее объявленіе:

«Въ виду предписанія префекта полиціи, комиссія по устройству банкета реформистовъ 12-го округа собрала засѣданіе и обсудила положеніе дѣла. Принимая во вниманіе, что такого разрѣшенія и не испрашивалось, что префектъ напрасно смѣшалъ простое оповѣщеніе о мѣстѣ и днѣ банкета съ просьбой о разрѣшеніи, что здѣсь не было мѣста ни просьбѣ, ни отказу; ссылаясь на законы 1831 и 1834 гг., не запрещающіе случайныхъ собраній, на формальныя разъясненія правительства при обсужденіи этихъ законовъ, на послѣднія постановленія кассационной палаты и на постоянную практику правительства, — комиссія единогласно постановила смотрѣть на предписаніе префекта, какъ на

совершенно произвольный поступокъ и не придавать ему никакого значенія».

Такимъ образомъ, спорный вопросъ между правительствомъ и страной, опиравшейся на законы, былъ поставленъ совершенно ясно. Возможность промедленій и увертокъ была устранена. Поэтому, когда 18-го числа въ засѣданіи палаты пэровъ д'Альтонъ-Ше запросилъ кабинетъ, по его ли указанію дѣйствовалъ префектъ полиціи, Дюшатель съ гордостью отвѣтилъ ему утвердительно. Ссылаясь на законъ 1790 г., онъ защищалъ право министерства разрѣшать или запрещать, смотря по обстоятельствамъ, политическія собранія. Онъ заявлялъ, что власть никогда не уступитъ въ случаѣ, если найдеть, что данное собраніе представляетъ серьезныя неудобства, и что она разгонитъ его силой, если участники банкета будутъ настолько безумны, что не обратятъ вниманія на вполне законное запрещеніе.

Съ своей стороны комиссія банкета опубликовала 24-го новое объявленіе, въ которомъ указывала странѣ на незаконныя притязанія министерства и настаивала на своемъ намѣреніи дать банкетъ. Въ тактикѣ ея, однако, было замѣтно нѣкоторое колебаніе: комиссія заявляла, что, по требованію нѣкоторыхъ депутатовъ, занятыхъ обсужденіемъ адреса въ палатѣ, она откладываетъ манифестацію и своевременно извѣститъ о днѣ ея и мѣстѣ.

Сначала банкетъ, назначенный на 19-е января, предполагался на улицѣ Паскаля, расположенной въ центрѣ 12-го округа. Пылкость населенія этой мѣстности внушала опасенія тѣмъ изъ участниковъ, которые хотѣли сохранить мирный характеръ собранія. Одинъ изъ признаковъ благоразумія устроительной комиссіи можно видѣть въ томъ, что она не указала мѣста банкета. Это не ускользнуло отъ кабинета, и онъ еще болѣе укрѣпился въ мысли, что, оставаясь непреклоннымъ, онъ добьется довѣрія палаты, и что передъ этимъ вотумомъ разсѣются дѣтскія угрозы: чѣмъ трусливѣй люди, тѣмъ громче они грозятъ. Съ такимъ презрѣніемъ относились въ глубинѣ души король и его министры къ законнымъ требованіямъ страны. А тутъ еще прогрессивная партія рѣшилась на поступокъ, еще больше укрѣпившій ихъ увѣренность въ полной безопасности.

Около сорока депутатовъ, принадлежащихъ къ этой партіи или вѣрнѣй, котеріи, составили изъ себя комитетъ, чтобы выяснитъ, какъ имъ держаться при томъ положеніи, которое должно было создаться, благодаря ихъ двусмысленной оппозиціи при обсужденіи параграфа о банкетѣ. По своей натурѣ подобнаго сорта люди не могли занять независимаго положенія и придти къ смѣлому рѣшенію. Они вовсе не задавались цѣлью выяснитъ право той или другой стороны,

чтобы стать на ее защиту. Весь вопрос для них сводился къ тому, чтобы извлечь выгоду изъ затруднительнаго положенія министерства и за хорошую цѣну предложить ему свою поддержку. Поэтому 6-го февраля наканунѣ дебатовъ прогрессисты послали къ Гизо и Дюшателю уполномоченныхъ съ предложеніемъ мировой сдѣлки. Они предлагали отвергнуть поправку Салландруза, которая повлекла бы паденіе министерства, если послѣднее согласится принять другую, мягкая форма которой связало бы тѣмъ не менѣе правительство обязательствомъ парламентской реформы. Къ великому конфузу, прогрессистскіе уполномоченные ушли съ категорическимъ отказомъ. «При настоящемъ положеніи дѣлъ,— съ общаго согласія отвѣчали Гизо и Дюшатель—невозможны никакія сдѣлки. Позднѣе, по окончаніи сессіи, министерство подумаетъ и старается найти комбинацію, способную всѣхъ удовлетворить». Послѣ этихъ насмѣшливыхъ словъ комитетъ прогрессистовъ распался, и никто не сомнѣвался, что онъ будетъ голосовать за министерство,—такъ ясно видѣло общественное мнѣніе истинный смыслъ оппозиціи этой партіи.

Пренія, открывшіяся 7-го февраля, освѣтили политическую недобросовѣстность Гизо: его противники нашли одинъ изъ сильнѣйшихъ аргументовъ противъ него въ словахъ, произнесенныхъ имъ самимъ въ 1840 г. «Граждане имѣютъ право—говорилъ тогда Гизо—собираться для обсужденія общественныхъ дѣлъ; было бы полезно, если бы они дѣлали это. *Никогда я не сдѣлаю попытки ослабить благородныя чувства, которыя побуждаютъ гражданъ устраивать собранія для обмѣна мнѣній*». И вдругъ теперь, послѣ молчаливаго признанія этого права въ теченіе послѣднихъ 6 мѣсяцевъ, послѣ допущенія въ провинціи, до открытія палатъ, бурныхъ манифестацій, правительство намѣрено было совершенно неожиданно запретить законное собраніе подъ предсѣдательствомъ депутата, собраніе, на которомъ должны были присутствовать наиболѣе извѣстныя лица страны. Дювержье-де-Горанну легко было подчеркнуть громадное значеніе подобныхъ посягательствъ. Принципіальный сторонникъ банкетовъ, онъ сдѣлалъ вопросомъ чести этотъ случай. Рѣчь его ярко подтверждала такую мысль. Ни одинъ ораторъ радикальной партіи не могъ быть болѣе неумолимымъ, не могъ наносить подобныхъ ударовъ. Только коварные друзья пользуются такимъ вѣроломнымъ и отравленнымъ оружіемъ. «Министерство хочетъ отдать меньшинство подъ судъ,—сказалъ Дювержье-де-Гораннъ, намекая на фразу о слѣпыхъ и враждебныхъ страстяхъ,—не бѣда! Министерское большинство можетъ дѣлать все, что ему угодно; меньшинство этимъ больше не интересуется. Это прибавитъ только новый инцидентъ къ тому громадному про-

цессу, который ведется внутри палаты, но судья котораго находится внѣ ея». По словамъ Дювержье-де-Горанна законъ не даетъ правительству ни малѣйшаго повода, никакого предлога препятствовать подобнымъ манифестаціямъ. И если оно осмѣлится сдѣлать попытку въ этомъ направленіи, то ораторъ безъ всякаго колебанія станетъ на сторону оказывающихъ сопротивленіе.

Объясняя затѣмъ отсутствіе тостовъ за короля на нѣкоторыхъ банкетахъ, ораторъ говорилъ: «Если это обстоятельство разсматривать, какъ вызовъ, то въ этомъ надо обвинять кабинетъ: онъ дѣлаетъ изъ короля главу партіи, онъ извращаетъ представительное правительство, унижаетъ и развращаетъ нравы, работаетъ надъ созданіемъ новаго священнаго союза, направленнаго противъ независимости народовъ. Вы обвиняете насъ въ томъ, что насъ волнуютъ слѣпые и враждебныя страсти, а мы обвиняемъ васъ въ томъ, что вы всю надежду вашего господства возлагаете на низкіе и корыстолюбивые инстинкты. Вы обвиняете насъ въ томъ, что мы смущаемъ и волнуемъ страну изъ-за жалкихъ расчетовъ честолюбія и тщеславія, а мы обвиняемъ васъ въ томъ, что вы развращаете ее, чтобы поработить». Онъ кончаетъ свою рѣчь вызовомъ: «Сколько разъ Гизо утверждалъ, что выше палаты стоитъ страна, предъ которой меньшинство имѣетъ право высказать свое мнѣніе. Это мы и дѣлаемъ сейчасъ, это мы и впредь будемъ дѣлать. Пусть же насъ хорошенько выслушаютъ и поймутъ: мы пришли сюда вовсе не тягаться съ министерствомъ передъ лицомъ большинства; мы явились сюда для того, чтобы предъ лицомъ страны вести борьбу и съ министерствомъ, и съ большинствомъ».

Радикализмъ, постоянно обвиняемый министерскими газетами въ стремленіи разрушить семью и собственность и въ желаніи установить въ Европѣ царство террора, нашелъ себѣ блестящаго защитника въ лицѣ Мари. «Если въ извѣстныхъ слояхъ общества—сказалъ онъ—существуетъ опасное броженіе, то въ этомъ виновать кабинетъ, который нарушилъ тѣсную связь между народомъ и правительствомъ, установившуюся благодаря революціи 1830 г., тѣмъ, что онъ устранилъ главную массу націи отъ политической жизни и отказался отъ всякихъ реформъ». Его слова были справедливы. Только въ привилегированныхъ классахъ правительство во Франціи всегда встрѣчаетъ оппозиціонное и критическое отношеніе. Рабочій классъ въ деревняхъ и городахъ,—однимъ словомъ, народъ, несмотря на видимое насмѣшливое отношеніе, питаетъ любовь къ своимъ правителямъ. Его чувство постоянно, его терпѣніе почти неистощимо; онъ умѣетъ довѣрять, ждать и прощать многое тѣмъ, кого онъ считаетъ своими любимцами.

Послѣ рѣчи Дювержье-де-Горанна поднялся безынтересный,

наполненный мелкими личными упреками споръ между Леонъ-де-Маллевилемъ и Дюшателемъ. Первый, указывая на возмутительное посягательство кабинета, приглашаетъ гражданъ не обращать на это вниманія; затѣмъ онъ упрекаетъ министра въ несправедливомъ отношеніи къ партіи, которая нѣкогда пользовалась его благосклонностью и вниманіемъ. «Если вернется опасное время—говорилъ онъ тономъ, выдававшимъ уязвленное самолюбіе и тайную надежду на будущее возмездіе,—то я предвижу, на какое самопожертвованіе способна будетъ эта партія въ случаѣ нужды. Было-бы неблаго-разумно оскорблять лицъ, популярность которыхъ въ дни опасности была такъ велика».

На эти мелкіе укоры партійнаго характера Дюшатель отвѣчалъ также мелочно. Онъ напомнилъ своему обвинителю о циркулярахъ министра внутреннихъ дѣлъ въ 1840 г., посланныхъ префектамъ и запрещавшихъ формально извѣстнаго рода политическіе банкеты. «Такъ какъ де-Маллевилъ былъ въ это время государствен-нымъ статсъ-секретаремъ министерства внутреннихъ дѣлъ,—говорилъ Дюшатель,—то надо предположить, онъ одобрялъ эти циркуляры. Наконецъ, правительство никогда не станетъ отвѣчать на вызовъ новымъ вызовомъ; но оно ни шагу не уступитъ въ такомъ вопросѣ, гдѣ не только законъ, но и вся предшествующая административная практика на его сторонѣ». Министръ кончилъ полнымъ оправданіемъ текста адреса. «Нельзя,—говорилъ онъ,—обойти молчаніемъ столь важный фактъ. Тѣмъ болѣе нельзя не указать странъ, насколько враждебны ей антимонархическія и антисоціальныя желанія, раздававшіяся на нѣкоторыхъ банкетахъ; нельзя не считать слѣпымъ увлеченіемъ поведеніе иныхъ друзей правительства, которые, не довольствуясь тѣмъ, что поддерживаютъ тѣсныя сношенія съ его явными врагами, еще сочувствуютъ, благодаря непростительной слабости, уничтоженію тостовъ за короля».

На эту рѣчь, часто прерывавшуюся возгласами слѣва, отвѣчалъ Одилонъ Барро; онъ требовалъ возобновленія права собраній, необходимаго для пользованія всякаго рода свободой, права, на которое не смѣла покушаться даже реставрація, возлагавшая такія большія надежды на мѣры строгости и столь склонная къ нимъ.

Вслѣдъ за этимъ ораторомъ Буассель протестуетъ противъ несправедливаго отношенія къ 12-му округу, которому запретили то, что было разрѣшено всей Франціи. Государственный канцлеръ пытается объяснить очевидную непослѣдовательность министерства. Онъ говоритъ, что политическіе законы надо примѣнять осторожно, что репрессивные законы должны получить одобреніе общества, если хотять отъ нихъ полезныхъ результатовъ. Цитируя резолюціи послѣднихъ банкетовъ, онъ устанавливаетъ фактъ злоупотребленія

терпѣніемъ правительства и заканчиваетъ заявленіемъ, что дальнѣйшая терпимость стонотится опасной. Онъ надѣется, что оппозиція не послѣдуетъ этому неблагоразумному вызову; но если, вопреки этой надеждѣ, она будетъ настаивать, то «правительство сумѣетъ исполнить свой долгъ». Эти послѣднія слова послужили сигналомъ къ беспорядкамъ. Шиканье и насмѣшки посыпались по адресу министра, когда онъ спускался съ трибуны и возвращался на свое мѣсто, бросая раздраженные взгляды налѣво. Напуганные столь рѣзкимъ оборотомъ дебатовъ, депутаты центра, мало вѣреще въ свою правоту и въ душѣ порицающіе адресъ, который они обязаны защищать, проявляютъ очевидную растерянность. Это увеличиваетъ смѣлость ихъ противниковъ. Наконецъ, спокойствіе нѣсколько восстанавливается; на трибуну поднимается Ледрю-Роллэнъ. Въ первый разъ съ того времени, какъ онъ засѣдаетъ въ палатѣ, его слушаютъ съ серьезнымъ вниманіемъ; первый разъ онъ поднимается до уровня ораторовъ нашихъ большихъ собраній. Его доказательства сжаты и логичны. Онъ говоритъ страстно, но сдержанно. Его краснорѣчіе черпаетъ свою мощь въ справедливости дѣла, которое онъ защищаетъ. «Возможность устраивать собранія—естественное и неотъемлемое право,—говорилъ онъ,—помѣшать ему можетъ только ясное и точное запрещеніе. Но подобнаго запрещенія нѣтъ нигдѣ въ нашихъ законахъ; наоборотъ, конституція 91 г. гарантируетъ гражданамъ свободу мирныхъ и невооруженныхъ собраній. Утверждаютъ, будто хартія 1830 г. ничего не говоритъ по этому поводу, и что внѣ ея нѣтъ правъ. Противъ такого печальнаго и жалкаго взгляда, исключаящаго всякую возможность возвышеннаго стремленія, величія, а главное истины, протестуютъ достоинство человѣка и человѣческая совѣсть». Затѣмъ, сравнивая тексты этихъ законовъ, ораторъ стремится доказать, что хартія 1830 г. представляетъ изъ себя рядъ вырѣзокъ изъ хартіи 1814 г., и что эта послѣдняя сама по себѣ является умѣренной и тощей жалованной грамотой иностраннаго происхожденія. «Вполнѣ понятно,—продолжалъ онъ,—что она не говоритъ о правѣ собраній. Но вѣдь законъ, разрѣшающій гражданамъ публичныя собранія, изданъ конституціей 1791 г., а право собраній дано вечеромъ въ день взятія Бастиліи». Указавъ на слабость министерскихъ доказательствъ, Ледрю-Роллэнъ восклицаетъ: «Смотрите, куда вы идете. Рядомъ софизмовъ вы стремитесь уничтожить всякое понятіе права внѣ писанныхъ законовъ; иными словами, вы хотите нанести ударъ тому, что составляетъ жизненную сущность человѣческой нравственности, тому, что не можетъ быть записано,—самому праву. Вы распатываете то, что глубочайшимъ образомъ укоренилось въ человѣческомъ сердцѣ, ибо самое существованіе

общества было бы невозможно, если бы естественныя права не коренились въ нихъ самихъ. И вы еще осмѣливаетесь говорить объ анти-общественныхъ принципахъ!» Эта глубокая и сильная рѣчь вызываетъ въ собраніи страшное волненіе. Возбужденіе еще болѣе возрастаетъ, когда Ледрю-Ролланъ отъ своего имени и отъ имени своихъ друзей протестуетъ противъ возможныхъ послѣдствій упорства министра, которое можетъ повлечь пролитіе крови, и когда, обращаясь ко всѣмъ партіямъ лѣвой, ораторъ восклицаетъ: «Правительство покушается на самую жизненную изъ нашихъ свободъ. Защитимъ ее единодушными усиліями; окружимъ ее нашими руками, какъ послѣдній алтарь, который долженъ остаться нетронутымъ. Останемся всѣ вмѣстѣ до конца на своемъ посту, и если мы будемъ разбиты въ этой борьбѣ, то пусть тогда страна, какъ въ 1829 г., образуетъ огромный союзъ, дабы отказаться отъ уплаты податей». Отвѣтъ государственнаго канцлера поднимаетъ новую бурю. «Никогда,—кричитъ съ угрожающими жестами Одилонъ Барро,—не говорили такимъ образомъ ни Полиньякъ, ни Пейроннэ». При этихъ словахъ значительное число депутатовъ встаетъ и покидаетъ свои мѣста. Раздается оскорбительная брань, крикъ, ревъ, топотъ ногами; взгляды и жесты становятся угрожающими. Геберъ, скрестивъ руки, въ позѣ чловѣка, готоваго ко всему, пристально смотритъ на Барро, какъ будто упрекая его въ томъ, что онъ вызвалъ такой безпорядокъ. Оглушенный шумомъ, испуганный, предѣдатель стремительно покидаетъ кресло, забывъ закрыть засѣданіе. Его возвращаютъ къ бюро; упавшимъ голосомъ онъ произноситъ официальную формулу и исчезаетъ. Со времени Конвента не помнили подобнаго засѣданія. Революціонная часть Парижа трепетала отъ радости; салоны были подавлены. Оппозиція была смущена результатомъ своей работы.

На другой день, 10-го февраля, перешли къ поправкамъ, такъ какъ обсужденіе параграфа въ его цѣломъ было окончено. Женудъ предлагаетъ замѣнить министерскую фразу другой, которая требуетъ «всеобщаго участія гражданъ въ избраніи депутатовъ, чтобы успокоить умы и укрѣпить политическое зданіе». Но ему не удалось овладѣть вниманіемъ палаты, которая спѣшила перейти къ обсужденію поправки Дарбле. Думали, что если соглашеніе еще возможно, то оно будетъ результатомъ принятія поправки, выраженной въ общихъ чертахъ и способной примирить благоразумныхъ людей обѣихъ партій, уже видящихъ ясныя признаки приближенія урагана.

«Если агитація реформистовъ вызвала въ нѣкоторыхъ мѣстахъ демонстраціи, направленныя противъ нашихъ учрежденій и законовъ,—гласила поправка Дарбле,—то въ то же время доказала, что

огромное большинство страны даже въ мнѣніяхъ диссидентовъ нерушимо держится ихъ». Консервативная партія съ безпокойствомъ ожидала, что предприметъ оппозиція. Консерваторы надеялись, что послѣдняя воспользуется этимъ случаемъ или этимъ предлогомъ и прекратитъ борьбу, полную опасностей. Но Одилонъ Барро не видѣлъ еще ничего опаснаго, или, можетъ быть, подстрекаемый радикальной прессой, считалъ невозможнымъ уступить, не покрывая себя безчестьемъ. Онъ заявилъ съ трибуны, что ни онъ самъ, ни его друзья не могутъ принять поправку, освящающую принципъ, который отвергаетъ оппозиція: право большинства называть свое мнѣніе меньшинству.

На трибунѣ появляется Бланки. Напоминая о жестокомъ и неразумномъ изгнаніи жирондистовъ монтаньярами, именемъ отца, участника Конвента, онъ закликаетъ большинство не злоупотреблять численнымъ превосходствомъ, не угнетать меньшинство, единственная вина котораго въ томъ, что оно иначе понимаетъ преданность династіи.

Министръ финансовъ пытается выяснитъ, что банкеты надо разсматривать, какъ нападки на королевскую власть и монархическія учрежденія. «Это вы,—горячо возражаетъ Барро,—вы враги нашихъ учрежденій и не видите опасности будущаго». Эти личные счеты вызываютъ Гизо на трибуну, и онъ снова ставитъ вопросъ о правѣ. Вслѣдъ за Гизо появляется Тьеръ. Послѣдній заявляетъ, что онъ считаетъ своей обязанностью во имя долга и чести защищать банкеты, тѣмъ болѣе, что онъ на нихъ никогда не былъ самъ и потому въ данномъ случаѣ ничѣмъ лично не связанъ со своими друзьями. Но, несмотря на всѣ его усилія, несмотря на поддержку до самаго послѣдняго момента со стороны де-ла-Рошжакезана въ палатѣ и Жирардена въ «Presse», большинство съ безпримѣрнымъ и непростительнымъ упрямствомъ отвергаетъ поправку. Оно быстро, потупивъ голову съ невѣроятной поспѣшностью идетъ навстрѣчу своей гибели.

Наконецъ, 11-го февраля остается открытымъ только одинъ путь къ спасенію — поправка Дэмуссо-де-Живре, который просто предлагаетъ выпустить изъ адреса всѣ эпитеты, оскорбительныя для меньшинства. Насталъ рѣшительный моментъ. На трибуну всходитъ Ламартинъ. Внушительное молчаніе смѣняетъ крики и восклицанія, заглушавшіе до тѣхъ поръ голоса ораторовъ. Всѣ готовы слушать, всѣ ждуть чего-то необычнаго. Ламартинъ никогда не бывалъ на банкетахъ *). Что онъ скажетъ? Будетъ го-

*) Дѣйствительно, Ламартинъ былъ только на банкетѣ Макона, носившемъ скорѣе частный, а не политическій характеръ. Отъ всѣхъ даль-

ворить революціонный историкъ жирондистовъ или сейчасъ услышать легитимиста или консерватора?

Неизвѣстность быстро разсѣялась. Ламартинъ не хотѣлъ сознаться въ томъ, что онъ слѣдуетъ выжидательной политикѣ Тьера. По его словамъ, лишь случайныя обстоятельства помѣшали ему принять участіе въ банкетахъ, но онъ тѣмъ не менѣе всецѣло ихъ одобряетъ. Возбужденіе, которое вызываютъ банкеты въ странѣ, — благородное и здоровое возбужденіе; это выраженіе истиннаго національнаго чувства, которое оппозиція скорѣе сдерживаетъ, чѣмъ вызываетъ. Франція давно уже страдала и, наконецъ, рѣшила поднять голосъ противъ скандальнаго воровства, противъ предпочтенія интересовъ одной фамиліи національнымъ интересамъ, противъ пренебрежительнаго отношенія къ ея естественнымъ союзникамъ. «Помимо королевской власти, помимо палаты пэровъ и палаты депутатовъ, въ особо важныхъ случаяхъ существуетъ другой, высшій судья—сама страна. Ее вы обвиняете, ей угрожаете незаконно, или съ помощью изворотливыхъ законовъ. *Рукой полиціи вы хотите зажать ротъ странѣ*».

Громъ аплодисментовъ прерываетъ рѣчь на этомъ смѣломъ образѣ. «Представьте себѣ,—продолжалъ Ламартинъ, когда черезъ нѣсколько минутъ улеглось волненіе, покрывавшее его голосъ,—представьте себѣ, что часть вашихъ товарищей продолжаетъ считать предложенный имъ законъ насмѣшкой и что они настаиваютъ на славной защитѣ своихъ правъ...»—«Мы будемъ настаивать»—съ увлеченіемъ восклицаютъ нѣкоторые.—«Вспомните Мячевую залу».—«Вотъ еще!»—раздается негодующій шепотъ центра. «Мячевая зала, господа,—повторяетъ ораторъ со спокойствіемъ, еще болѣе увеличивающимъ дѣйствіе этихъ словъ, и сильно повышая голосъ,—это то самое мѣсто собраній, которое было закрыто властями, и снова открыто народомъ». Палата глубоко взволнована; на всѣхъ лицахъ замѣтно безпокойство. Число голосующихъ—413. Первый вотумъ не выясняетъ положенія дѣла. На министерской скамьѣ замѣтенъ страхъ. Наконецъ, при баллотировкѣ шарами большинство 228 противъ 185 удерживаетъ роковыя слова. Кабинетъ торжествуетъ; въ самомъ дѣлѣ, ему нечего больше бояться. Только совѣтъ страны, судъ народа и исторіи могли смущать его.

На другой день, 12-го, богатый фабрикантъ Салландрузъ изъ прогрессивной части консерваторовъ заявляетъ съ трибуны о желательности парламентской реформы. Послѣ всѣхъ бурныхъ дебатовъ и яростныхъ нападокъ это требованіе было достаточно скромно,

нѣйшихъ приглашеній Ламартинъ отказывался подѣ различными предлогами.

но оно показалось чрезмѣрнымъ въ глазахъ ослѣпленнаго гордостью Гизо. Торжественно заявивъ въ началѣ, что онъ познакомить палату съ проектомъ, цѣликомъ исходящимъ отъ правительства, Гизо ловко переходитъ къ своей обычной темѣ: немедленное принятіе рѣшенія о парламентской реформѣ вызвало бы неизбежно распушеніе палаты, что при настоящихъ условіяхъ было бы верхомъ неблагоразумія. Принять подобное обязательство на будущее было бы еще болѣе неразумно, ибо это подорвало бы нравственный авторитетъ существующаго порядка безъ замѣны его новымъ. Гизо утверждаетъ затѣмъ, что правительство обязано вышолнить реформы, ставшія уже необходимыми, но что ихъ не слѣдуетъ никогда обѣщать заранее. «Кабинетъ,—прибавляетъ онъ,—принимаетъ въ расчетъ настроеніе умовъ; до окончанія законодательной сессіи онъ тщательнѣйшимъ образомъ разсмотритъ все, что можетъ поддержать единство и силу консервативной партіи и неизмѣнную линію поведенія, составляющую основную черту министерства. Онъ приложитъ всѣ усилія, чтобы поддержать согласіе различныхъ частей партіи; но, если бы соглашеніе, необходимое для этой цѣли, оказалось невозможнымъ, то кабинетъ *предоставитъ другимъ стоять у власти при дезорганизациі консервативной партіи и крушеніи ея политики*».

Результатомъ этой коварной рѣчи, этихъ полуобѣщаній, сопровождаемыхъ угрозами, было отклоненіе поправки Салландруза большинствомъ 222 голосовъ противъ 189. Затѣмъ голосовали весь адресъ цѣликомъ. Оппозиція воздержалась отъ голосованія; только 3 голоса высказались противъ 241.

Съ этого момента борьба помимо законныхъ средствъ стала неизбежной, неминуемой. Теперь важно было установить, на чьей сторонѣ сила, а не право.

VII.

Приготовленія къ банкету.—Неизбѣжность катастрофы.

Отклоненіе всѣхъ примирительныхъ поправокъ, сохраненіе въ текстѣ адреса полностью всѣхъ словъ, оскорбительныхъ для оппозиціи и потому ею отвергавшихся, поставили въ большое затрудненіе Барро и его партію.

При открытіи сессіи королевская оппозиція осталась довольна своими силами, которымъ она произвела послѣдній смотръ на банкетѣ въ Руанѣ; она опасалась, что дальнѣйшая борьба послужитъ въ пользу радикализма, и потому рѣшила удовлетвориться достигнутыми результатами, заявляя, что во время преній въ палатѣ

агитація за реформы неумѣстна. Однако, возмутительный оборотъ дебатовъ, высокомерное поведеніе министерства и насмѣшки со стороны дворца, задѣвая живо самолюбіе, вызывали на бой. Но разъ завязалась борьба—то никто не могъ ни направлять ея теченіе, ни предсказать ея исходъ.

Уже 8-го февраля Жирардэнъ, газета котораго становилась все болѣе угрожающей и открыто заявляла о близкомъ кризисѣ, напечаталъ разумное и смѣлое воззваніе къ Одилону Барро, побуждая его подать въ отставку, если несправедливый параграфъ будетъ принятъ. «Если Вы подадите въ отставку,—говорилъ редакторъ «Presse», — (а какъ Вы можете воздержаться отъ того, что въ 1841 году сдѣлалъ Берри?), то совершенно невозможно, чтобы вся оппозиція цѣликомъ не послѣдовала Вашему примѣру.

«... Я не исключаю ни Тьера, ни де-Ремюза, ни Дюфора» ¹⁾.

Дѣйствительно, вскорѣ послѣ голосованія, этотъ вопросъ дебатировался въ собраніи депутатовъ реформистской партіи. Неужели отъ парламентскаго большинства обратятся къ большинству избирателей? Неужели принудятъ власть, посредствомъ массовыхъ увольненій, созвать болѣе сотни избирательныхъ коллегій, и, такимъ образомъ, возбудить въ странѣ новую агитацію, гораздо болѣе серьезную и глубокую, чѣмъ была агитація банкетовъ? Таково было намѣреніе людей съ пылкимъ темпераментомъ и въ особенности тѣхъ изъ депутатовъ, вторичное избраніе которыхъ было несомнѣнно. Изъ ста восьмидесяти такихъ оказалось пятнадцать. Противоположное мнѣніе одержало верхъ, и 14 февраля лишь одинъ Жирардэнъ подалъ прошеніе объ отставкѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Господинъ президентъ,

Среди нетерпимаго большинства и безразсуднаго меньшинства нѣтъ мѣста тому, кто не признаетъ власти безъ инициативы и прогресса, оппозиціи—безъ силы и логики. Поэтому я подаю въ отставку. Я буду ждать общихъ выборовъ. Эмиль Жирардэнъ».

¹⁾ На другой же день послѣ отклоненія поправки, внесенной Живре, «Presse» опубликовала превосходную статью, въ которой она напирала на вопросъ о законности, оставшейся сомнительнымъ въ глазахъ прежнихъ министровъ, сановниковъ кассационной палаты, бывшихъ старшинъ совѣта адвокатовъ и ста восьмидесяти депутатовъ изъ числа четырехсотъ. Она совѣтовала кабинету, пользуясь законодательной властью, внести проектъ закона, который опредѣлялъ бы, въ какихъ случаяхъ и съ какими изытіями разрѣшается право собраній, и когда оно воспрещается («Presse» отъ 12 февраля). Для министерства въ этомъ еще былъ честный и благородный способъ избѣгать конфликта. Но членамъ кабинета, за рѣдкими исключеніями, одинаково не доставало какъ благородія, такъ и честности.

Чтобы поднять себя въ своихъ собственныхъ глазахъ послѣ этого перваго проявленія слабости, оппозиція постановила, что никто изъ ея членовъ не долженъ болѣе принимать никакого приглашенія ни отъ президента палаты, такъ какъ онъ подавалъ голосъ за одно съ консервативной партіей, ни даже изъ Тюльри, и что если на нѣкоторыхъ падеть жребій участвовати въ депутаціи для поднесенія адреса королю, они должны будутъ отъ этого уклониться. Но и эти ребяческія потуги на героизмъ оказались не подъ силу гражданскому мужеству этихъ непреклонныхъ законодателей, ибо въ день принесенія присяги изъ трехъ депутатовъ, имена которыхъ были вынуты изъ урны, только одинъ остался вѣренъ принятому рѣшенію ¹⁾, и король, принимая депутацію, могъ себя поздравить съ тѣмъ, что она была многочисленнѣе, чѣмъ онъ привыкъ ее видѣть за много послѣднихъ лѣтъ.

Дѣйствительно, къ ней присоединилась большая часть консерваторовъ, несмотря на свое неудовольствіе и сѣтованія. Они желали, чтобы министръ, такъ серьезно затронутый споромъ объ адресѣ, подалъ въ отставку, чтобы вывести ихъ изъ затруднительнаго положенія быть принужденными выражать вѣрноподданническія чувства, которыя находились подъ сомнѣніемъ. Они рассчитывали на Моле. Послѣдній одинаково строго относился, какъ къ радикальной оппозиціи, такъ и къ министерству. Онъ вмѣстѣ съ де-Ремюза, Билло, Дюфоръ старался обезпечить себѣ содѣйствіе такихъ дѣятелей, которые могли бы дать ему возможность составить кабинетъ, примиряющій противорѣчія, въ одно и то же время пріятный для страны (по крайней мѣрѣ, онъ такъ думалъ) и менѣе оскорбительный для короля, чѣмъ, если бы снова во главѣ министерства сталъ Тьеръ. Но въ ожиданіи, пока созрѣетъ эта комбинація, консерваторы хотѣли соблюсти приличія и изъяснить покорность престолу. Отказываясь отъ избирательной агитаціи, рѣшая оставаться на своемъ посту, оппозиція оказывалась связанной вопросомъ чести съ парижскими избирателями, національной гвардіей и учебными заведеніями, которыя обнаруживали все болѣе и болѣе ясныя намѣренія добиваться всѣми легальными путями осуществленія права собраній. Въ связи съ этимъ было рѣшено, что забаллотированные депутаты будутъ въ полномъ составѣ присутствовать на банкетѣ; но они оставили за собою право назначить для него на досугъ—по зрѣломъ размысленіи—день, мѣсто, часть, форму, церемоніаль и этикетъ. Въ этомъ отношеніи

¹⁾ Я вхожу въ такія подробности, потому что, по моему, онѣ характеризуютъ лучше другихъ, какъ будто бы и болѣе важныхъ, хвастовство независимостью, а на самомъ дѣлѣ слабость оппозиціи. Какъ были правы король и министры, относясь съ презрѣніемъ къ подобнымъ пустымъ угрозамъ!

между реформистами было очень мало согласія. Боязнь сдѣлать слишкомъ много или слишкомъ мало, различнымъ образомъ волнуя ихъ, создавала нерѣшительность.

Учащіеся, которые должны были устроить отдѣльный банкетъ, отказались отъ этого, не желая отдѣлиться; но не желая также предлагать, вѣрнѣе, навязывать Барро свое содѣйствіе въ устройствѣ большой манифестаціи, подготовляемой оппозиціей, они потребовали у комиссіи пропускныхъ билетовъ для извѣстнаго числа рабочихъ. Это требованіе встрѣтило плохой приемъ; но, опираясь на комитетъ журнала «Réforme», студенты силою добились отъ вожаковъ реформистской партіи двадцати билетовъ для себя и двѣнадцати для рабочихъ. Не довольствуясь этимъ первымъ успѣхомъ, «Réforme» въ тѣхъ же видахъ настаивала на томъ, что нужно собраться, какъ и предполагалось раньше, въ двѣнадцатомъ округѣ, въ предмѣстьѣ Сень-Марсо среди народной массы, находящейся въ состояніи броженія, которая, конечно, вывела бы манифестацію далеко за предѣлы законности. Намѣренія были слишкомъ ясны. Поэтому собраніе депутатовъ тотчасъ же отклонило это предложеніе. Принялись за обсужденіе различныхъ другихъ проектовъ, изъ которыхъ ни одинъ не удовлетворялъ требуемымъ условіямъ. Къ тому же, было необходимо, чтобы собраніе высказалось по этому вопросу такъ же единодушно, какъ общественное мнѣніе. Между тѣмъ, то Дювержье де-Горанъ, то Тьеръ, то менѣе робкіе люди передавали этотъ вопросъ на рѣшеніе Барро, и время уходило въ этихъ проволочкахъ. Парижане, завзятые любители зрѣлищъ и сильныхъ ощущеній, выражали нетерпѣніе; республиканцы же тѣмъ временемъ возбуждали въ народѣ подозрѣніе и выставляли медленность Барро, какъ намѣренное заигрываніе съ дворомъ, какъ предательство. Каждый вечеръ можно было наблюдать на улицахъ оживленныя группы народа. Въ историческомъ театрѣ, во время представленія драмы Александра Дюма *le Chevalier de Maison-Rouge*, публика шумно потребовала повторенія ставшаго популярнымъ хора жирондистовъ (*Умереть за родину—Mourir pour la patrie*). Въ театрѣ Одеонъ, часто посѣщаемомъ студентами, каждый вечеръ раздавалось патріотическое пѣніе; а на утро, передавая скандальныя подробности дѣла объ изнасилованіи, сопровождаемомъ убійствомъ, приписываемомъ монаху *Леонаду*, демократическіе журналы возбуждали въ народѣ презрѣніе къ духовенству и ко всему, что хотя бы въ малой степени могло быть заподозрено въ аристократизмъ¹⁾. Каждый часъ, потерянный оппозиціей реформистовъ, былъ выигрышемъ для революціи.

¹⁾ Поведеніе клерикальной партіи въ виду такихъ обстоятельствъ было

Между тѣмъ, несмотря на истинное или лишь показное пренебреженіе, съ которымъ во дворцѣ отзывались о банкетѣ и *банкетистахъ*, такъ какъ все же, вопреки догадкамъ, недалеко было до полного разрыва, можетъ быть, даже до вооруженной борьбы, дворъ и министерство, хоть и подшучивая и подсмѣваясь надъ Барро и его друзьями, не прочь были вступить въ сдѣлку и прибѣгнуть къ ихъ посредничеству. Тьеръ вложилъ въ это дѣло весь свой умъ; но задача была не изъ легкихъ. Съ каждымъ днемъ отступленіе оппозиціи становилось все невозможнѣе. Изъ департаментовъ массами получались ею поздравительные адреса и увѣщанія твердо стоять на своемъ. Начали высказываться и учебныя заведенія, и въ Парижѣ стало чувствоваться то броженіе, какое обыкновенно является близкимъ предвѣстникомъ великаго народнаго возстанія. «Journal des Débats» сбавилъ тонъ. Онъ болѣе небранился, напротивъ, обѣщаль, что вопросъ о *реформѣ будетъ разсмотрѣнъ по существу и окончательно рѣшенъ въ теченіе настоящей законодательной сессіи*. Къ этому онъ загадочно прибавлялъ, что *отнынѣ этотъ вопросъ не будетъ зависеть отъ министровъ, но отъ Провидѣнія*.

Наконецъ, 17-го, послѣ долгихъ колебаній, «National», уполномоченный собраніемъ депутатовъ реформистской партіи, извѣстилъ, что найдено частное помѣщеніе, въ которомъ въ ближайшее воскресенье состоится банкетъ. Это былъ запущенный участокъ земли въ Елисейскихъ поляхъ, принадлежавшій г-ну Нито. Въ то же время значительное количество бывшихъ депутатовъ, въ томъ числѣ де-Корменанъ, Мартинъ Страсбургскій, Ташеро и др., и три пэра Франціи—герцогъ д'Аркуръ, де Буасси, д'Альтонъ Ше—увѣдомляли о своемъ твердомъ намѣреніи присутствовать на банкетѣ. Распространился слухъ, что высшіе начальники національной гвардіи, обезпокоенные такимъ намѣреніемъ, заготовили чистые бланки для внесенія въ нихъ въ случаѣ надобности именъ тѣхъ или другихъ солдатъ съ цѣлью организаціи *отборной національной гвардіи*, или, какъ выражались радикальные журналы, *поддѣльной національной гвардіи*¹⁾. Утверждали также,

крайне неискусно. Найдя поддержку въ королевѣ, она надменно взяла на себя защиту обвиняемаго, стараясь затемнить очевидность факта. Монахи ордена такъ затрудняли судопроизводство ложными показаніями или молчаніемъ, что министръ юстиціи долженъ былъ принести на нихъ официальную жалобу Тулузскому архіепископу.

¹⁾ Эти слухи были настолько упорны, что начальникъ штаба національной гвардіи Карбонель долженъ былъ печатно опровергать эту клевету. Приводимъ соображенія журнала „Constitutionne“, высказанныя имъ по поводу письма генерала:

что герцогъ Монпансье отдалъ приказъ отправить изъ военного училища въ Вансеннѣ, гдѣ день и ночь шла работа по изготовленію припасовъ, двѣ батареи полевой артиллеріи, двадцать повозокъ для пѣхоты, ящики съ картечью, петарды и факелы для ночной службы. Повидимому, все ускоряло конфликтъ, но это только такъ казалось. Въ то время, какъ публику забавляли лишь показными демонстраціями, угрозами, вспышками гнѣва, въ интимныхъ совѣщаніяхъ комитета реформистской партіи брало верхъ мирное настроеніе; оно обнаружилось, между прочимъ, въ самомъ выборѣ мѣста для банкета.

Развѣ возможно было въ широкихъ аллеяхъ Елисейскихъ полей, на открытомъ со всѣхъ сторонъ пространствѣ, народнымъ

„Вчера мы опубликовали протоколъ чрезвычайнаго собранія офицеровъ и выборныхъ отъ 3-ей роты 4-го батальона 10-го легіона, изъ котораго видно, что фельдфебель роты, которому было поручено составить пикетъ изъ двѣнадцати человекъ на непредвидѣнный случай, вручилъ *прямо* генеральному штабу 10-го легіона двѣнадцать билетовъ, не помѣченныхъ числомъ, съ именами двѣнадцати стрѣлковъ, которыхъ было-бы желательно *выбрать* изъ всего списка роты. Дѣйствуя такимъ образомъ, онъ, вопреки своей прямой обязанности, нарушалъ установленный порядокъ очереди въ несеніи службы, не увѣдомивъ объ этомъ капитана. По поводу этой публикаціи Карбонель требуетъ отъ насъ воспроизведенія слѣдующаго письма, которое было имъ помѣщено въ „National“. По прочтеніи этого письма легко убѣдиться, что оно не разбиваетъ положеній, приведенныхъ въ вышеизложенномъ документѣ, и что ему совершенно не удается оправдать допущенныхъ фельдфебелемъ злоупотребленій.

„Национальная гвардія департамента Сены“.

Парижъ. 18 февраля 1848 года.

„Господинъ редакторъ.

Вы высказали предположеніе, что служебные списки, заготовленные въ 10-мъ легіонѣ сообразно съ ранѣе установившимся порядкомъ, были составлены, вслѣдствіе инструкцій, данныхъ генеральнымъ штабомъ. Напротивъ, я утверждаю, что начальникамъ легіона никто подобнаго приказа не отдавалъ. Полковникъ 10-го легіона получилъ лишь предупрежденіе, что въ случаѣ волненій онъ немедленно получитъ приказъ, какъ можно скорѣе, поставить въ главномъ городѣ округа резервный пикетъ изъ ста національныхъ гвардейцевъ. Онъ же, руководясь чувствомъ справедливости, счелъ своимъ долгомъ возложить эту службу на всѣ роты 10-го легіона въ томъ случаѣ, если произойдетъ возстаніе. Находящіеся въ нарядѣ національные гвардейцы, безъ сомнѣнія, будутъ сильно удивлены, узнавъ, что «National» классифицировалъ ихъ, какъ людей *зависимыхъ, принужденныхъ къ безусловному послушанію*.

Подобный подборъ былъ-бы, дѣйствительно, серьезнымъ извращеніемъ института національной гвардіи и, конечно, не могъ бы быть одобренъ ни высшимъ начальникомъ, ни его начальникомъ штаба.

Примите и проч.

Начальникъ генеральнаго штаба, генераль-маіоръ.

Карбонель*.

массамъ настолько сомкнуться, чтобы оказать сопротивленіе даже при малѣйшемъ наступательномъ дѣйствіи со стороны войскъ? Никому не могла бы придти въ голову мысль о сопротивленіи. Но и это еще не все. Путемъ интригъ и переговоровъ Тьеръ съ помощью Витэ и де-Морни заставилъ обѣ стороны принять условія, которыя окончательно дѣлали манифестацію смѣшной. Представители оппозиціи и министерской партіи—Дювержье де-Гораннѣ, Маллевилль, Берже, Витэ и де-Морни—соединились между собою въ одномъ изъ засѣданій палаты. Вотъ вкратцѣ то, о чемъ говорили и на чемъ согласились обѣ стороны. Есть только одинъ способъ рѣшить, кто правъ—правительство ли, утверждая, что подобная манифестація есть правонарушеніе, предусмотрѣнное и опредѣленное существующими законами, или оппозиція, утверждая, что этотъ фактъ не подлежитъ юрисдикціи никакого закона. Этотъ способъ таковъ: пусть оппозиція совершитъ мнимое преступленіе, правительство допустить его совершеніе, а затѣмъ обѣ стороны обратятся къ рѣшенію суда. Соответственно съ этимъ оппозиціонная партія отправится въ назначенное для банкета мѣсто. На порогѣ оно столкнется съ комиссаромъ, который, однако, не помѣшаетъ ей войти,—за послѣднее ручается правительство,—ибо если бы комиссаръ загородилъ дверь, пришлось бы ее открыть силою, что составило бы преступленіе, отличное отъ предполагаемаго, имъ же пришлось бы очистить мѣсто, что было бы еще хуже, такъ какъ тогда со стороны оппозиціи не оказалось бы никакого преступленія. Комиссаръ предупреждаетъ членовъ оппозиціи, что они совершаютъ преступленіе. Они проходятъ дальше. Этого будетъ совершенно достаточно для составленія комиссаромъ протокола. Затѣмъ комиссаръ прибѣгнетъ уже къ угрозѣ употребить вооруженную силу. Барро объявитъ, что передъ силой онъ долженъ противъ воли отступить и пригласитъ членовъ собранія удалиться. При выходѣ депутаты объявятъ толпѣ, что они вполнѣ достигли своей цѣли. Оппозиція, кромѣ того, обязывается не произносить рѣчей, препятствовать, насколько возможно, раздражающему вмѣшательству газетъ и до рѣшенія суда не созывать никакого рода собраній.

Выставить себя на посмѣяніе, обмануть страну, отрѣчься отъ принциповъ, защищаемыхъ въ продолженіе семнадцати лѣтъ силою слова, а въ послѣднее время путемъ угрозъ, которыя теперь будутъ сочтены за пустую похвальбу,—таковъ былъ несомнѣнный результатъ этой нелѣпой комедіи. Собранія подъ предсѣдательствомъ Барро съ каждымъ днемъ становились все безтолковѣе. Наиболѣе многочисленной въ нихъ была партія благоразумныхъ; она прибѣгала ко всевозможнымъ способамъ промедленія, чтобы

отсрочить принятіе всякой порядочной резолюціи, когда совершенно отвергнутъ ее она была не въ состояніи. Такъ, на другой же день послѣ того, какъ «National» оповѣстилъ, что банкетъ состоится въ слѣдующее воскресенье, его заставили помѣстить слѣдующую замѣтку: «Ежедневная пресса опубликовала много неточныхъ свѣдѣній относительно устройства банкета въ двѣнадцатомъ округѣ. Единственно лишь необходимость перемѣны мѣста, вызванная важностью предстоящей манифестаціи, замедлила ея осуществленіе.

«Банкетъ состоится непременно на первыхъ же дняхъ будущей недѣли.

«Когда въ комиссіи двѣнадцатаго округа будутъ окончены всѣ необходимыя приготовленія, она увѣдомитъ о времени и мѣстѣ банкета центральный комитетъ и членовъ обѣихъ палатъ, рѣшившихъ принять участіе въ этомъ вполне легальномъ и мирномъ способѣ выраженія протеста».

Вся суть заключалась въ томъ, что все предвидившій Тьеръ боялся въ воскресенье слишкомъ большого наплыва рабочихъ по случаю праздничнаго отдыха. Къ тому же, благодаря отсрочкѣ, онъ выигрывалъ сорокъ восемь часовъ, а для его избобрѣтательнаго на всякія комбинаціи ума выиграть немного во времени—значило открыть тысячу новыхъ шансовъ, тысячу благоприятныхъ случайностей. Не подозревая, до какой степени раздражено парижское население, Тьеръ любовался своими безконечными мелкими хитростями, столь-же бесполезными, насколько онѣ были ребяческими. Онъ не догадывался, онъ забывалъ о томъ, что можетъ сдѣлать—въ извѣстный моментъ—взрывъ сильной народной страсти въ защиту великихъ правъ.

«National» былъ удивленъ и говорилъ: «Мы приводимъ эту замѣтку въ томъ видѣ, какъ она была намъ послана, но не скрываемъ, что она далеко насъ не удовлетворяетъ. Слѣдовало-бы объяснить, по крайней мѣрѣ, вслѣдствіе какихъ странныхъ обстоятельствъ и недоразумѣній мѣсто, нанятое наканунѣ, на другой день ускользнуло изъ рукъ, такъ какъ, очевидно, плохо позаботились о принятіи законныхъ мѣръ, которыя придали-бы обществу силу контракта и такимъ образомъ устранили-бы всякое постороннее вліяніе.

«Мы еще болѣе сожалѣемъ о томъ, что принуждены отказаться отъ устройства банкета въ воскресенье. Таково было подлинное желаніе главной комиссіи, а ея рѣшеніе было принято не наобумъ и не безъ серьезныхъ основаній. Слѣдовательно, лишь существенное и непреодолимое препятствіе могло бы заставить рѣшиться на отмѣну дня манифестаціи. По нашему мнѣнію, такая

отсрочка была-бы крайне прискорбна. Но такъ какъ некого обвинить въ этомъ, намъ приходится удовольствоваться лишь выраженіемъ сожалѣнія по этому поводу». 19-го онъ опубликовалъ новую замѣтку въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Главная комиссія, которой была поручена организація банкета въ двѣнадцатомъ округѣ, постановила, что манифестація безатлагательно должна состояться въ слѣдующій вторникъ 22 февраля, въ двѣнадцать часовъ дня. Мѣсто собранія будетъ указано позднѣе». Вполнѣ понятно, что кабинетъ сталъ гораздо смѣлѣе, соприкоснувшись такъ близко съ слабой стороной оппозиціи ¹⁾. Слѣдствіемъ малодушнаго образа дѣйствій оппозиціи было отпаденіе отъ нея многихъ изъ членовъ, и Дюшатель счелъ себя достаточно сильнымъ, чтобы открыть свои карты. Онъ усталъ отъ безконечныхъ переговоровъ и съ нетерпѣніемъ ждалъ, когда они закончатся.

¹⁾ Между тѣмъ, «Constitutionnel» отъ 20 февраля высказывался еще довольно рѣшительно; но въ дѣйствительности это было не что иное, какъ замаскированное отступленіе. Вотъ какъ онъ выражался:

„Депутаты оппозиціи снова собрались сегодня утромъ, чтобы рѣшить свое участіе въ манифестаціи, которая готовится въ защиту права собраній, оспариваемаго и нарушаемаго министерствомъ. Выслушавъ докладъ комиссіи, собраніе единодушно признало, что болѣе, чѣмъ когда-либо, необходимо протестовать великимъ актомъ легальнаго сопротивленія противъ мѣръ, противныхъ какъ принципу конституціи, такъ и тексту закона. Въ результатъ было рѣшено въ слѣдующій вторникъ въ полномъ составѣ отправиться на мѣсто собранія.

«Такая резолюція является самымъ лучшимъ выраженіемъ почтенія, какое только депутаты могли воздать уму, патриотизму, благороднымъ чувствамъ парижскаго населенія. Депутаты не могли допустить, — какъ это дѣлаютъ враги свободы, — чтобы народъ, права котораго попираются, былъ поставленъ въ необходимость выбирать или рабскую покорность, или насиліе. Депутаты заранѣе увѣрены въ томъ, что весь народъ пойметъ, что манифестація, отстаивающая право противъ произвола, не достигнетъ своей цѣли, если до конца не останется мирной и спокойной. Парижъ часто производилъ героическія усилія и великія революціи. Въ настоящее время онъ призванъ дать народамъ примѣръ другого рода, призванъ доказать, что въ свободныхъ странахъ спокойствіе и твердость гражданъ, проявляющіяся въ уваженіи къ закону и въ защитѣ своихъ правъ, есть самая самая непреодолимая и величественная сила націи. Этимъ путемъ будетъ достигнутъ двойной результатъ: закрѣпленіе права, неразрывно связаннаго съ каждой свободной конституціей, и блестящее доказательство прогресса нашихъ политическихъ правовъ.

«Итакъ, депутаты оппозиціи рассчитываютъ на симпатію и поддержку всѣхъ добрыхъ гражданъ, точно такъ же, какъ эти послѣдніе могутъ рассчитывать на ихъ неустанную преданность и на твердость ихъ рѣшеній.

«Во время засѣданія было прочтано письмо, которымъ депутаты выразили свое согласіе на приглашеніе комиссаровъ двѣнадцатаго округа на немъ уже значится подпись восьмидесяти семи депутатовъ».

Манифестъ комитета по устройству банкета, опубликованный 21-го утромъ во всѣхъ газетахъ, доставилъ ему удобный случай. Онъ ухватился за него.

Редакція этого манифеста была поручена Маррасту. Барро ожидалъ, что это будетъ простая церемонія. Маррастъ обратилъ его въ настоящее воззваніе къ народу. Вотъ какъ онъ выражался:

«Такъ какъ легко предвидѣть, что этотъ общественный протестъ привлечетъ значительное стеченіе гражданъ, что національные гвардейцы Парижа, вѣрные девизу: *Свобода, Общественный порядокъ*, захотятъ въ данномъ случаѣ исполнить этотъ двойной долгъ, т. е., присоединяясь къ манифестаціи, будутъ защищать свободу, поддерживать своимъ присутствіемъ порядокъ и мѣшать всякому столкновенію; что, въ предвидѣніи многочисленнаго собранія національной гвардіи и гражданъ, намъ надлежитъ выработать планъ, который удалитъ-бы всякую причину тревоги и волненія:

«Коммиссія полагаетъ, что манифестація должна происходить въ той части столицы, гдѣ ширина улицъ и площадей не вызываетъ давки при скопленіи народа.

«Въ виду этого депутаты, пэры Франціи и другія, приглашенные на банкетъ, лица должны собраться въ будущій вторникъ, въ одиннадцать часовъ, въ обычномъ мѣстѣ собраній парламентарной оппозиціи, на площади Магдалины № 2.

«Подписчиковъ банкета, состоящихъ въ національной гвардіи, просятъ собраться передъ церковью Магдалины и образовать два параллельныхъ ряда, между которыми помѣстятся приглашенные.

«Во главѣ кортежа пойдутъ тѣ штабъ-офицеры національной гвардіи, которые явятся съ цѣлю присоединенія къ манифестаціи; тотчасъ-же за приглашенными и гостями помѣстится рядъ офицеровъ національной гвардіи;

«За послѣдними—национальные гвардейцы, построенные въ колонны по номерамъ легионовъ;

«Между третьей и четвертой колонной помѣстятся учащіеся подъ предводительствомъ назначенныхъ ими самими комиссаровъ;

«Затѣмъ—остальные національные гвардейцы Парижа и предметій въ порядкѣ, указанномъ выше.

«Кортежъ отправится въ половинѣ двѣнадцатаго и направится черезъ площадь Согласія и Елисейскія Поля къ мѣсту банкета.

«Коммиссія, убѣжденная въ томъ, что эта манифестація будетъ тѣмъ болѣе дѣйствительной, чѣмъ она пройдетъ спокойнѣе, тѣмъ болѣе внушительной, чѣмъ лучше ей удастся избѣжать малѣйшаго

столкновенія, приглашаетъ гражданъ не издавать никакихъ восклицаній, не носить знаменъ, вышнихъ знаковъ; она приглашаетъ національныхъ гвардейцевъ, которые примутъ участіе въ манифестаціи, явиться безъ оружія; здѣсь идетъ дѣло о законномъ и мирномъ протестѣ, который, главнымъ образомъ, долженъ быть могущественъ числомъ, твердымъ и спокойнымъ поведеніемъ гражданъ.

«Коммиссія надѣется, что въ этомъ случаѣ каждый присутствующій будетъ считать себя обязаннымъ содѣйствовать поддержанію порядка; она ввѣряетъ его присутствующей національной гвардіи, ввѣряетъ парижскому населенію, которое хочетъ свободы и общественного мира и которое знаетъ, что для укрѣпленія своихъ правъ необходима исключительно мирная демонстрація, единственно подобающая интеллигентной и просвѣщенной націи, сознающей непреодолимую крѣпость своей нравственной силы и надѣющейся законнымъ и спокойнымъ выраженіемъ своего мнѣнія заставить уважать свои законныя желанія».

Велико было изумленіе, при чтеніи этого манифеста, въ рядахъ консервативной партіи и партіи конституціонной оппозиціи. Почти тотчасъ же министерство отвѣтило на него, приказавъ на стѣнахъ расклеить:

1° Воззваніе къ жителямъ Парижа съ приглашеніемъ воздержаться отъ всякой манифестаціи;

2° Постановленіе, которое, ссылаясь на законъ 1790-го года, запрещало банкетъ;

3° Постановленіе противъ сборищъ на улицахъ;

4° Обращеніе къ національной гвардіи генерала Жакмино, который напоминалъ 234 и 258 статьи Уложенія о наказаніяхъ національнымъ гвардейцамъ, дѣйствующимъ, какъ таковыя, безъ законнаго призыва.

Затѣмъ Дюшатель явился въ палату депутатовъ, рѣшившись, не щадя болѣе оппозиціи, отплатить ей угрозой за угрозу. Пришелъ въ палату и Барро, но нерѣшительный, колеблющійся, опечаленный, озабоченный, обуреваемый тысячью сомнѣній. Отъ того, что онъ предприметъ, какъ выскажется, зависѣлъ или позоръ для его партіи вмѣстѣ со стыдомъ для него лично, или ужасная *неизвѣстность* народнаго возстанія. Въ случаѣ пораженія — пролитая кровь, тюрьмы, ссылки, можетъ-быть, даже конфискація всѣхъ свободъ. А въ случаѣ побѣды... Но въ этомъ именно случаѣ Барро не осмѣливался хладнокровно взглянуть въ лицо будущему. Здѣсь онъ внезапно пробуждался отъ грезъ, услаждавшихъ его уравновѣшенную натуру. Въ продолженіе семнадцати лѣтъ онъ дѣлалъ мечту о *монархіи, окруженной республиканскими учрежденіями*. Его несмѣлый умъ и неопредѣленность, свойственная его мыслямъ,

позволили ему допустить эту шаткую комбинацію двухъ принциповъ, которые временно могли лишь нейтрализовать другъ друга, но никогда не могли быть совмѣщены. Онъ не понималъ, что, если отнять отъ монархическаго принципа принципъ божественнаго права, онъ останется безъ основанія, лишенный своей естественной поддержки въ лицѣ аристократіи и духовенства, и тогда онъ не сможетъ противопоставить могуществу демократическаго принципа равной ему силы сопротивленія.

Болѣе прямой, хотя и болѣе ограниченный, чѣмъ у Гизо, его умъ, все-же направленный въ хорошую сторону, отвергалъ по цѣльности его натуры тактику обмана, которую безъ зазрѣнія совѣсти пускалъ въ ходъ Гизо, когда надо было поддержать политическое равновѣсіе. Какъ и Гизо, Барро не помышлялъ о народномъ правленіи, а если и думалъ о немъ, то скорѣе съ ужасомъ, чѣмъ съ любовью. Мощь и широта философскаго движенія, которое преобразовывало общество, ускользали отъ его узкаго и неподвижнаго ума. Его мысль не выходила за предѣлы парламентскаго кругозора; непостоянство, хотя и искреннее, его политическихъ убѣжденій парализовало мало по малу всю его дѣятельность.

Придя въ законодательный залъ, Барро засталъ палату за обсужденіемъ проекта относительно бордосскаго банка. Чтобы въ послѣдній разъ потолковать со своими единомышленниками, онъ прошелъ въ одно изъ бюро, куда за нимъ послѣдовали депутаты лѣвой и Тьеръ. Смущеніе было написано на всѣхъ лицахъ, но извѣстнаго рода чувство человѣческаго достоинства еще не позволяло высказаться. Лишь одинъ Тьеръ имѣлъ мужество выразить свое мнѣніе; онъ одинъ осмѣлился весьма недвусмысленно утверждать, что, разъ министерство настаиваетъ на запрещеніи банкета, отказаться отъ него стало настоятельной необходимостью. Его выслушали безъ возраженій и аплодисментовъ ¹⁾. Каждый хорошо понималъ, что опасность была близка, но никто еще не осмѣливался признаться передъ другими въ томъ, что не находилъ въ себѣ достаточно мужества, чтобы встрѣтить ее лицомъ къ лицу. Около четырехъ часовъ Барро появился въ совѣщательномъ залѣ, явно смущенный—и попросилъ слова. Тотчасъ-же водворилось глубокое молчаніе. Послѣ краткаго изложенія того, что было сдѣлано оппозиціей по поводу преній о правѣ собраній, возбужденныхъ адресомъ, ораторъ сказалъ взволнованнымъ голосомъ, которому онъ старался при-

¹⁾ Нѣсколькими днями ранѣе женщина высказала большее мужество. Произнеся рѣчь на собраніи этихъ нерѣшительныхъ людей, госпожа Одилонъ Барро заставила ихъ покраснѣть за ихъ излишнюю осторожность и горячо бросила Тьеру упрекъ за его пагубное для чести партіи вліяніе.

дать твердость: «Что касается меня, то я убѣжденъ, что, если бы возникло дѣло, судъ высказался бы въ нашу пользу, что онъ опредѣлил бы смыслъ существующихъ законовъ, положилъ бы конецъ серьезному сомнѣнію, и что такимъ образомъ истинные друзья свободы могли бы засвидѣтельствовать огромный прогрессъ нашихъ политическихъ нравовъ.

«Я не былъ свидѣтелемъ дѣйствій власти, но, какъ кажется разумные и осторожные совѣты замѣнились другого рода внушеніями; власть подъ предлогомъ успокоенія волненій вмѣшивается не въ свое дѣло и порождаетъ...» Здѣсь, несмотря на сильную помѣху и крики со стороны центра, Барро развернулъ картины несчастій, которыя могло повлечь за собою запрещеніе банкета. «Нѣтъ такого министерства—сказалъ онъ—или административной системы, которыя стоили бы пролитія единой капли крови». Затѣмъ онъ закончилъ свою рѣчь, слагая всецѣло на кабинетъ отвѣтственность за событія.

Дюшатель поспѣшилъ обратить аргументы противъ самого Барро и сдѣлать его и его друзей отвѣтственными въ несчастьяхъ, которыя онъ предрекалъ. Кабинетъ, по увѣренію Дюшателя, даже еще наканунѣ былъ расположенъ *предоставить событіямъ идти своимъ чередомъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ возможно установить нарушеніе закона и начать судебное разбирательство*. Но манифестъ комитета сдѣлалъ это невозможнымъ: ибо этотъ манифестъ былъ воззваніемъ незаконнаго правительства, желающаго поставить себя наряду съ дѣйствительнымъ правительствомъ, *обращаясь къ гражданамъ, созывая отъ своего имени національную гвардію и вопреки закона вызывая скопленіе народа*. Это не можетъ быть терпимо, и министръ заключилъ свою рѣчь, снова повторая, что манифестація не будетъ допущена.

Барро вновь поднялся на трибуну, но лишь для того, чтобы пробормотать оттуда слова, мало достойныя—въ столь важныхъ обстоятельствахъ—главы партіи. «Открыто одобряя намѣреніе манифеста—сказалъ Барро,—я не одобряю его формы». Сильный ропотъ заглушилъ его голосъ. Тогда онъ вновь ухватился за свои прежніе аргументы, снова слагая отвѣтственность на министерство. «Если бы мнѣ нужны были доказательства, чтобы оправдать поведеніе правительства,—вскричалъ Дюшатель, которому послѣднія слова Барро доставили большое удовольствіе,—я бы могъ ихъ почерпнуть изъ словъ самого почтеннаго господина Одилонъ Барро». Этотъ манифестъ, который господинъ Барро *ни одобряетъ, ни порицаетъ*,—вполнѣ ли для насъ безопасенъ?—сказалъ министръ и, послѣ краткаго развитія того, что онъ уже говорилъ съ трибуны, продолжалъ настаивать на своихъ заключеніяхъ.

Слишком взволнованная, чтобы возобновить пренія по вопросу о бордосскомъ банкѣ, палата отложила засѣданіе до слѣдующаго дня.

Вечеромъ у Одилона Барро состоялось собраніе, на которомъ были депутаты реформистской партіи, члены центрального комитета и журналисты оппозиціи. Барро объявилъ имъ отъ имени своихъ товарищей, что оппозиція, рѣшивъ избѣжать кровопролитія, не будетъ присутствовать на банкетѣ. Маррасть отвѣтилъ на это, что дѣло зашло слишкомъ далеко, чтобы возвращаться назадъ... «Вы хотѣли возложить на министра отвѣтственность за волненія, созданныя вами,—сказалъ Маррасть.—Кто другой, какъ не мы съ вами создали на завтра народъ на публичную площадь? Вы боитесь гражданской войны? Ну, что же? только ваше присутствіе можетъ ее предотвратить, ваше отсутствіе лишь вызоветъ ее, и, чѣмъ болѣе вы будете избѣгать отвѣтственности, тѣмъ тяжелѣе она на васъ упадетъ».

Барро и большая часть его товарищей остались непоколебимы въ своемъ рѣшеніи воздержаться отъ участія въ банкетѣ.

Изъ ста членовъ, записавшихся на банкетъ, только семнадцать остались при своемъ прежнемъ рѣшеніи, и изъ этого числа еще десять объявили, что, несмотря на свое личное мнѣніе, они считаютъ себя обязанными присоединиться къ рѣшенію большинства. Прочіе, стараясь оправдаться въ собственныхъ глазахъ и въ глазахъ народа, условились на слѣдующій день назначить парадъ. Одилону Барро было поручено внести въ бюро палаты *обвинительный актъ* противъ министерства: это была легкомысленная, недостойная серьезныхъ людей, демонстрація, которая никого не могла ввести въ заблужденіе, даже тѣхъ, кто бралъ на себя выполнение этой смѣшной комедіи. Семь членовъ, настаивавшихъ на банкетѣ, старались изыскать мѣры для того, чтобы манифестація не кончилась слишкомъ постыднымъ образомъ.

Д'Альтонъ Ше, д'Аркуръ, Лербеттъ пошли къ Ламартину, котораго они застали собиравшимся вопреки всему отправиться на собраніе, назначенное на площади Магдалины.

Наканунѣ, въ собраніи умѣренной оппозиціи, гдѣ пренія были не свободны, растянуты, мало искренни, Ламартинъ, отвѣчая Берріе, высказавшемуся за непосѣщеніе банкета, произнесъ слѣдующую рѣчь:

«Провокаціей правительства мы поставлены передъ альтернативой позора или гибели. Вотъ настоящее опредѣленіе для данныхъ обстоятельствъ! Я называю вещи по именамъ, и ваше неудовольствіе доказываетъ мнѣ, что я попалъ въ цѣль: мы находимся между позоромъ и гибелью. Господа, можетъ быть, въ насъ окажется достаточно великодушія, величія и преданности, чтобы

принять этотъ позоръ на себя. Да, я чувствую, что согласенъ принять его на себя. Я приму на себя мою тысячную или стотысячную долю безчестія, я принялъ бы ее, краснѣя, но со славою, чтобы этой цѣной избѣжать общаго потрясенія моей родины, чтобы только ни одна капля благородной крови французскихъ гражданъ не обагрила парижской мостовой. Я чувствую, что способенъ, вы все чувствуете себя способными на эту жертву! Да, пусть лучше нашъ позоръ, чѣмъ отвѣтственность хотя за одну каплю крови народа или войска!

«Но позоръ нашей страны, господа! Но позоръ дѣла конституціонной свободы, попраніе достоинства и правъ націи. Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ, по совѣсти и по чести мы не можемъ допустить этого! Достоинство, права, честь націи принадлежать не намъ, они принадлежать французскому имени. Мы не имѣемъ права поступаться тѣмъ, что намъ не принадлежит!»

«Господа, будемъ говорить хладнокровно; моментъ этого требуетъ. Тяжба между правительствомъ и нами имѣетъ большое значеніе. Выяснимъ хорошенько, что хотимъ мы во вторникъ совершить во Франціи. Не мятежъ-ли? Нѣтъ. Такъ не революцію-ли? Нѣтъ. Да удалить Богъ ея необходимость для нашей страны на возможно долгое время. Что-же это? Это—торжество вѣры и воли народной во всемъ могуществѣ законнаго права великой страны. Въ продолженіе пятидесяти лѣтъ Франція, господа, совершала часто, слишкомъ часто, можетъ быть, слишкомъ порывисто революціонные акты. Но она не исполнила еще великаго національнаго и гражданскаго акта. Этотъ гражданскій актъ мы и хотимъ исполнить за нее,—актъ законнаго сопротивленія произвольнымъ дѣйствіямъ, отъ которыхъ она не умѣла защищать себя до сихъ поръ конституціонными средствами и другимъ оружіемъ, кромѣ своего поведенія и своей воли».

«Опасности? Не говорите о нихъ, вы лишили бы насъ хладнокровія необходимаго, чтобы ихъ предупредить, вы могли бы внушить намъ желаніе бравировать ими! Несмотря на рекомендованныя комитетомъ осторожность, благоразуміе въ дѣйствіяхъ и словахъ, не въ нашей власти удалить опасности изъ этой манифестаціи. Остальное не въ нашихъ рукахъ, господа, остальное—въ рукахъ Божіихъ. Онъ одинъ можетъ поселить духъ порядка и мира въ народѣ, который пойдетъ толпами, чтобы присутствовать на величественной и охраняющей свои учрежденія манифестаціи. Будемъ молить Его оказать покровительство дѣлу свободы, прогресса народовъ, и предупредить всякое печальное столкновеніе между вооруженными и безоружными гражданами. Будемъ надѣяться, поклоняемся все, граждане, что это будетъ такъ. Остальное предоставимъ Про-

видѣнію и отвѣтственности правительства, которое своими дѣйствіями ведетъ къ необходимости этой опасной манифестаціи. Я не знаю, въ осторожныхъ-ли рукахъ находится управленіе нашей арміей; я хочу, однако, этому вѣрить, я надѣюсь на это. Но если штыки придутъ уничтожить законъ, если въ ружьяхъ окажутся пули, то я не сомнѣваюсь, господа, что мы защитимъ учрежденія и будущее нашего народа, сначала силой нашего мнѣнія, затѣмъ нашей грудью, и пусть наши груди будутъ пробиты пулями, если это нужно для того, чтобы вырвать права для страны».

Никогда Ламартинъ не былъ болѣе краснорѣчивъ, такъ какъ никогда не испытывалъ большей близости съ общимъ настроеніемъ. Грозная атмосфера революцій къ тому же приподнимала его поэтическую душу, опасность притягивала его къ себѣ, героизмъ былъ его второй натурой. Возможность удачи, какъ для него самого, такъ и для Франціи, манила его.

Въ этотъ вечеръ, въ полночь, когда ему объявили, что все рѣшено, что комитетъ отказался отъ манифестаціи и что комиссары уничтожали приготовленія къ банкету:—что же,—сказалъ онъ со спокойствіемъ непоколебимой рѣшимости,—если площадь Согласія будетъ безлюдна, если всѣ депутаты откажутся отъ своего долга, то я одинъ лишь со своей тѣнью пойду на банкетъ ¹⁾).

Онъ зналъ прекрасно, что будетъ не одинъ; въ этотъ часъ за нимъ стояли всѣ живыя силы Франціи. За нимъ стояли національная честь, право, свобода, справедливость націи. Почему эти священныя вещи, благодаря неисправимой неспособности нашихъ правительствъ, называются вотъ уже болѣе полвѣка революціей! По уходѣ отъ Барро, Маррасть и члены передовой оппозиціи собрались въ бюро газеты «Siècle.» Тамъ былъ возбужденъ вопросъ о томъ, какъ нужно отвѣтить въ случаѣ, если на завтраш-

¹⁾ Ламартинъ счелъ себя обязаннымъ, въ періодъ политическаго колебанія, принести публичное покаяніе въ наиболѣе безупречномъ поступкѣ своей жизни. Онъ обвинялъ себя въ легкомысліи и повинненіи внутреннему голосу зависти. Будемъ къ нему болѣе справедливы, чѣмъ онъ самъ къ себѣ. Правда, мотивы человѣческихъ дѣйствій сложны, но съ нашей стороны не будетъ смѣлымъ утверждать, что поэтъ, такъ глубоко чувствующій и прекрасно выражающій скуку націи, умы которой были закованы въ цѣпи, самъ ощущалъ смертельное отвращеніе и для Франціи предпочиталъ скорѣй случайности революціи, чѣмъ постыдное удовлетвореніе существованіемъ безъ величія и добродѣтелей.

E perchè nelle azioni nostre l'indugia arreca tedio, e la fretta pericolo. si volse per fuggire il tedio a tentare il pericolo, — говорилъ Маккиавели, (т. е. и такъ какъ въ дѣйствіяхъ человѣческихъ замедленіе вызываетъ скуку, а торопливость создаетъ опасность, то люди, чтобы избѣжать «скуки, бросаются на опасность»).

ній день національной гвардіи будетъ отданъ приказъ стрѣлять. Послѣ оживленнаго спора, было рѣшено выйти съ оружіемъ по первому призыву и подкрѣпить многозначительными манифестаціями народное движеніе.

Въ это самое время избирательный комитетъ второго округа редактировалъ замѣтку, которая появилась на слѣдующій день въ газетахъ. Эта замѣтка высказывала отъ имени народа свое удивленіе принятымъ мѣрамъ и требовала общей отставки депутатовъ, какъ *единственной мѣры, способной дать удовлетвореніе общественному мнѣнію*. Республиканская партія совѣщалась въ бюро «Rèforme». Тамъ встрѣтились и боролись два мнѣнія. Случай былъ одинъ изъ самыхъ благопріятныхъ, которые когда либо представлялись; необходимо воспользоваться и попытаться произвести вооруженное возстаніе,—говорили одни. Такого мнѣнія держались: Ледрю-Роллэнъ, Этьенъ Араго, Коссидьеръ, Лагранжъ, Бонъ, Гранмениль, Торэ. Другіе—Луи Бланъ и Флоконъ,—боялись столкновенія, такъ какъ считали силы слишкомъ неравными. Разошлись, не придя ни къ какому опредѣленному рѣшенію. Наиболѣе рѣшительные отправились въ предмѣстья и въ тайныя общества, чтобы убѣдиться непосредственно въ настроеніи народа.

Въ продолженіе всего этого времени во дворцѣ царило радостное настроеніе. Людовикъ-Филиппъ относился съ сарказмомъ къ настойчивымъ предупрежденіямъ, которыя онъ получалъ.—Хорошо вы торгуете коврами?—спрашивалъ онъ Салландруза, который ожидалъ, что король будетъ говорить съ нимъ о предложенной имъ въ парламентъ поправкѣ. Де-Рамбюто—Сенскій префектъ, который дѣлалъ ему очень тревожныя сообщенія,—получилъ приказъ явиться лишь чрезъ недѣлю, чтобы онъ могъ со стыдомъ признаться, какъ говорилъ король, въ своихъ дѣтскихъ страхахъ. Маршалу Жерару ¹⁾ и Делессеру былъ оказанъ подобный же пріемъ. Немного спустя, какъ бы признавая его правымъ, лица, хорошо освѣдомленные о всемъ томъ, что происходило въ тайныхъ собраніяхъ оппозиціи, довели до свѣдѣнія короля, что Одилонъ Барро и его друзья отказались отъ банкета изъ-за боязни поставить въ неловкое положеніе династическое правительство. Узнавъ эту новость, гг. Дюшатель, Трезель, Делессеръ, Себастьяни, Жакмино, собравшись въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, рѣшили, что употребленіе вооруженной силы становится безплоднымъ и взяли на себя отмѣну приказа. Трудно передать о томъ впечат-

¹⁾ Во вторникъ утромъ, 22 февраля, король писалъ маршалу записку, чтобы успокоить и увѣдомить его, что событія принимаютъ самый счастливый оборотъ.

тѣни, какое эта новость произвела въ Тюильри. Придворные сіяли отъ удовольствія. Королева была въ восторгѣ. Король не сдерживалъ себя болѣе. Онъ пожималъ руки министровъ съ необычнымъ для него жаромъ. Въ особенности онъ говорилъ комплименты по адресу Дюшателя. Уже давно онъ не проявлялъ столько ума, радости, столько живости. Въ похвалахъ, расточаемыхъ имъ по адресу своихъ правителей, онъ не забывалъ и самого себя. Онъ всегда такъ думалъ, всегда говорилъ, что эта оппозиція полна самохвальства и состоитъ исключительно изъ говоруновъ и трусовъ. Его краснорѣчіе по этому поводу было не истощимо.

Нѣкоторые лица пробовали поднимать вопросъ о волненіи на улицахъ; но это—пустяки, это ничего не значить,—говорили придворные: какіе-нибудь двадцать уличныхъ мальчишекъ, продающихъ салныя свѣчи, насмѣшливо читали объявленія, запрящая скопища народа и банкетъ. Прохожіе останавливались, не зная, что это означаетъ, но группы разсѣивались тотчасъ-же по прочтеніи ¹⁾.

Итакъ въ Тюильяри радовались безъ всякой задней мысли. Никогда не было такого удобнаго случая для самовозвеличенія. Царило убѣжденіе, что все кончено только благодаря твердости и искусству высшей политики; поздравленія и похвалы скромно возвращались однимъ собесѣдникомъ другому.

VIII.

День первый.

Погода была пасмурна, небо покрыто сѣрыми тучами, низкими и тяжелыми, которыя гналъ сырой и холодный западный вѣтеръ. Пока дворецъ покоился еще въ полной безпечности, Парижъ, безпокойный и взволнованный, уже просыпался. Страхъ и смутныя надежды и еще болѣе смутныя подозрѣнія росли и робко падали на фонъ всеобщей неувѣренности. Лишь одно опредѣленное чувство господствовало во всѣхъ сердцахъ: гнѣвъ.

Буржуазія была страшно раздражена, видя, что ея интересы

¹⁾ Донесенія полиціи не придавали этому факту его истиннаго характера. Если въ буржуазныхъ кварталахъ группы, которыя образовывались вокругъ объявленій, не представляли ничего угрожающаго,—то другое было въ кварталахъ предметей. Поза, выраженіе лица, глубокое молчаніе, съ которымъ рабочіе читали на глазахъ городскихъ сержантовъ объявленія, выдавали скрытый пылъ негодованія и глубокой ненависти. Рабочіе, на обязанности которыхъ лежало устройство предназначенныхъ для банкета столовъ, не будучи увѣдомлены, работали при свѣтѣ до часа ночи.

нарушены вмѣстѣ съ интересами консервативнаго министерства, которое, по безумному упрямству, подвергло ее всѣмъ случайностямъ возстанія. Національная гвардія, долгіе годы унижаемая систематическимъ невниманіемъ со стороны правительства, видѣла не безъ радости, что наступаетъ часъ, когда ея участіе должно стать неизбѣжнымъ; она дала себѣ слово дорого взять за все, а пока осыпала проклятіями министерство. Что касается народа, то его хорошія и дурныя страсти, такъ долго бывшія подъ прессомъ, бурлятъ, и при подобныхъ обстоятельствахъ страшный взрывъ неминуемъ.

Министры, не раздѣляя всѣхъ иллюзій короля, были, однако, далеки отъ того, чтобы пенять всю тяжесть вызваннаго ими кризиса. Правда, революція 1830 года вставала въ ихъ памяти, но только какъ урокъ, а не какъ угроза. Они остерегались впасть въ тѣ самыя ошибки, которымъ приписываютъ паденіе Карла X. Оплошность Полиньяка погубила все, тогда какъ предусмотрительность Гизо все уладитъ и все возстановитъ. Префектъ полиціи Делессеръ, человѣкъ дѣятельный, преданный и умный, освѣдомляемый, почти изо дня въ день, своими агентами о заговорахъ, направившихся противъ Людовика-Филиппа, держалъ въ своихъ рукахъ много нитей и зналъ не одну тайну; въ его распоряженіи было два прекрасно организованныхъ корпуса: муниципальная гвардія ¹⁾ и городская полиція. Возможность возстанія и всѣ шансы борьбы были вычислены съ точностью. Планъ защиты, признанный компетентными людьми шедевромъ стратегическаго искусства, покрываетъ Парижъ щетиною штыковъ, которые при первомъ знакѣ задавятъ и потушатъ возстаніе, прежде чѣмъ оно успеетъ опомниться. Этимъ искуснымъ планомъ, принятымъ въ 1848 году и извѣстнымъ въ арміи подъ именемъ *приказа 25-го декабря*, были обязаны опытнымъ маршаламъ Жерара. Благодаря одной очень простой и въ то же время очень тонкой комбинаціи, свободное движеніе и моментальная концентрація значительныхъ силъ въ рабочихъ кварталахъ Парижа дѣлались такими же легкими, какъ въ открытомъ полѣ ²⁾. Колебанія династической партіи, потерявшей почти мѣсяцъ на обсужденія и переговоры, дали правительству время принять всѣ, даже самыя мелкія, мѣры. Тридцать семь

¹⁾ Въ рядахъ муниципальной гвардіи, подъ командой полковника Ларденуа, находилось 3,200 человѣкъ, изъ нихъ 600 кавалеристовъ. Но за три дня борьбы принимало участіе лишь 2800.

²⁾ Въ теченіе нѣкотораго времени, по мѣрѣ того, какъ войска прибывали въ Парижъ, офицерамъ приходилось, переодевшись въ штатское платье, изучать различныя посты, которые они должны были занять въ случаѣ сраженія на улицахъ.

тысячъ человѣкъ, снабженные пищей и амуницией, вооруженные лопатами, топорами, кирками, саперными молотками, чтобы разрушать баррикады, петардами для поджога домовъ, были размѣщены въ Парижѣ и окрестностяхъ ¹⁾. Гарнизоны въ Вэнсенѣ и Монъ-Валеріенѣ были готовы къ выступленію по первому сигналу. Пушки, фуры, снаряды, сабли, штыки — всего тамъ было въ изобилии. Два сына короля воодушевляли своимъ присутствіемъ войско, настроеніе котораго, какъ говорили, было превосходно. Герцогъ Немурскій былъ главнокомандующимъ всѣхъ вооруженныхъ силъ. Генералъ Себастьяни командовалъ дивизіей и, при необходимости, долженъ былъ сношаться съ генераломъ Жакмино, стоявшимъ во главѣ національной гвардіи ²⁾. Тѣмъ не менѣе охотно бы предпочли обойтись безъ гражданской милиціи; она по нѣкоторымъ причинамъ внушала недовѣріе, да и развѣ не было подъ рукою арміи, достаточной, и даже болѣе чѣмъ достаточной, чтобы разсѣять, раздавить мятежниковъ, при помощи ея одной? Перспектива кроваваго столкновенія никого не устрашала, даже совсѣмъ наоборотъ. Обнаруживъ полное искусство въ парламентскихъ битвахъ, придется доказать свою энергію и свою рѣшительность въ уличныхъ схваткахъ. Что можетъ быть болѣе желательнымъ? На что можно лучше рассчитывать для утвержденія министерства, трона, династіи? Такъ разсуждали тогда, и въ этомъ была нѣкоторая доля вѣроятности, во всякомъ случаѣ слабая вѣроятность ходячей мудрости. Однако, съ семи часовъ утра необычная толпа уже разлилась по улицамъ. Это были рабочіе, не пошедшіе на работу, женщины, дѣти, любопытные всѣхъ сортовъ, привлеченные распространившимися о банкетѣ слухами. — Правда ли, что онъ отмененъ? Состоится ли онъ? Придетъ ли національная гвардія? исполнитъ ли правительство свою угрозу? будутъ ли защищаться? Весьма возможно, что дѣло дойдетъ до рукопашной! Пойдемъ, поглядимъ! — Такія восклицанія раздавались въ толпѣ, и, мало по малу,

¹⁾ Известно, что въ 1830 году ихъ было въ Парижѣ едва 12,000, и они были очень плохо снабжены.

²⁾ Это сношеніе оказалось очень затруднительнымъ, благодаря тому, что отношенія этихъ двухъ высшихъ офицеровъ были не особенно блестящи. Генералъ Себастьяни былъ мало способенъ къ занимаемой имъ должности. Безъ инициативы и безъ властности въ характерѣ, онъ, кромѣ того, не обладалъ никакой опытностью въ веденіи войны на улицахъ. Выборъ генерала Жакмино въ начальники національной гвардіи былъ не болѣе удаченъ. Генералъ Жакмино не имѣлъ иныхъ достоинствъ для занятія этого важнаго поста, кромѣ своей близости съ Дюпателемъ. Онъ былъ извѣстенъ парижскому свѣту своей большой любовью къ разнымъ шуткамъ. Кромѣ того онъ былъ боленъ, и его обычная бездѣтельность еще увеличилась, благодаря нездоровью.

бульвары, площадь Согласія и въ особенности площадь Магдалины, гдѣ первоначально должны были встрѣтиться подписавшіеся на банкетъ, наполнились народомъ. Многіе приходили въ праздничныхъ костюмахъ. Толкались, спрашивали другъ друга, дѣлали тысячи предположеній. Ожиданіе было написано на всѣхъ лицахъ. Вскорѣ это долгое ожиданіе стало, благодаря холодному густому туману, неприятнымъ и скучнымъ. Журналы, которые рвались съ бою въ кафе, сообщаютъ объ измѣнѣ оппозиціи ¹⁾. Обманутое любопытство переходитъ въ досаду. Тѣмъ не менѣе, еще нѣтъ ни одного проявленія мятежнаго движенія. Войскъ не видно совсѣмъ, ни одного городского въ формѣ. Солдаты на посту у министерства иностранныхъ дѣлъ, безъ оружія, стоя на порогахъ, спокойно смотрѣли на проходящую толпу. Еще совсѣмъ не было выяснено, какъ слѣдуетъ отнестись къ этому молчаливому возбужденію, которое, казалось, не имѣло, и у котораго дѣйствительно не было, ни цѣли, ни плана, ни единенія ²⁾. Но вотъ одинъ случай вызываетъ болѣе сильное броженіе. Уже пробило одиннадцать часовъ, когда неожиданно появились два отряда муниципальной гвардіи, пересѣкая рысью площадь Согласія и поднимаясь по Елисейскимъ полямъ; за спинами у нихъ виднѣлись топоры и лопаты, они направлялись снимать сдѣланные для банкета приготовления ³⁾. Въ тотъ же самый моментъ сильный отрядъ двадцать перваго линейнаго полка появился слѣва отъ церкви Св. Магдалины и построился на шоссе въ боевомъ порядкѣ. Ихъ встрѣтилъ враждебный ропотъ.

Къ чему эта военщина? развѣ мы дѣлаемъ что нибудь, за что наказываютъ? Съ какихъ это поръ запрещено разговаривать въ публичныхъ мѣстахъ? Такія, и еще болѣе смѣлыя выраженія слышались въ отдѣльныхъ группахъ. Но, тише! что это за далекіе голоса, которые раздались такъ внезапно? что это за гѣсна, такая знакомая? она все ближе, трепещетъ и гремитъ! Это марсельеза! Ее поетъ во весь голосъ колонна изъ семисотъ студентовъ. Двумя сжатými рядами входятъ они, съ самымъ рѣшительнымъ видомъ, на площадь. Появленіе этой молодежи, любимой народомъ, гордые звуки революціоннаго гимна заставили вздрогнуть всю массу. Крики удивленія и радости электризуютъ атмосферу. Два раза

¹⁾ См. Историческіе документы, въ концѣ книги, № 3.

²⁾ Немногочисленные и слабо организованные тайныя общества заявили себя засѣдающими непрерывно, чтобы наблюдать за симптомами движенія, но они не выказали никакой инициативы, и получили управленіе движеніемъ лишь въ ночь со среды на четвергъ.

³⁾ Одинъ отрядъ линейныхъ войскъ, спрятанный съзади Триумфальной арки, долженъ былъ, при необходимости, поддержать это движеніе.

обходятъ студенты вокругъ церкви, обмѣниваясь съ рабочими восклицаніями ненависти къ правительству и призывами къ возстанію. И ихъ твердая поступь, и правильныя движенія внушаютъ этому столь разнородному сборищу изумительное чувство дисциплины. Народъ чувствуетъ, что его ведутъ, и инстинктивнымъ стремленіемъ толпа, до тѣхъ поръ безразличная, почти неподвижная, начинаетъ колебаться въ одномъ направленіи. Она стремится впередъ черезъ площадь Согласія къ Бурбонскому дворцу. Присутствіе студентовъ обращаетъ скопленіе любопытныхъ и праздношатающихся въ политическую манифестацію. Почти за минуту передъ этимъ школьные комиссары являлись къ Одилону Барро, но его не было дома. Его имя еще выражаетъ, въ данный моментъ, самыя крайнія требованія возстанія.

Не отдавая себѣ хорошо отчета въ томъ, чего она хочетъ, но рѣшившись вообще требовать справедливости, народная колонна подвигалась въ полномъ порядкѣ. Она пересѣкла, не встрѣтивъ сопротивленія, площадь Согласія; но при входѣ ея на мостъ, взводъ муниципальныхъ гвардейцевъ, выйдя изъ поста, что на прибрежной террасѣ, заградилъ ей путь штыками. Толпа остановилась въ нерѣшительности. Изъ ея рядовъ вышелъ юноша; рѣзкимъ движеніемъ онъ разорвалъ на себѣ платье и, ставъ съ обнаженной грудью прямо противъ заряженныхъ ружей, сказалъ: «стрѣляйте!» Такая смѣлость изумила солдатъ, которые тоже колебались. Толпа рванулась впередъ, и мостъ былъ пройденъ: первый успѣхъ! онъ возбудилъ въ народѣ соревнованіе въ храбрости. Толпа заливаешь набережную, карабкается черезъ рѣшетки дворца, бѣгомъ поднимается по ступенькамъ перестили. Уже нѣкоторые, наиболѣе ловкіе или предприимчивые, проникли въ корридоры. Отрядъ національныхъ гвардейцевъ, поставленный для охраны депутатовъ, оттолкнулъ этихъ смѣльчаковъ, но больше убѣжденіемъ, чѣмъ силой. Кремье и Мари выходятъ принять петицію отъ учебныхъ заведеній; они уговариваютъ студентовъ быть умѣреннѣе и общаются, что министры окажутъ требуемую справедливость; но прочая масса, которая не можетъ слышать умиротворяющихъ словъ, продолжаетъ скопляться вокругъ дворца. Возникаетъ опасеніе, чтобы она не ворвалась въ палату. Вдругъ отворяются ворота казармы на набережной д'Орсэ, и оттуда крупной рысью вылетаетъ эскадронъ драгунъ, сабли на голо и прямо на толпу. Но, увидавъ этихъ безоружныхъ людей, эти лица, такъ мало испуганныя, и въ то же время *) такъ

*) Чрезвычайная мягкость, соединенная съ большою храбростью и пониманіемъ, составляетъ характерную черту парижскаго населенія. Деликатность этихъ баррикадчиковъ, въ особенности, въ теченіе трехъ дней февральскаго возстанія, когда народъ былъ почти предоставленъ

мало угрожающія, удивленный офицеръ велѣлъ вложить сабли въ ножны. «Ура, драгуны!»—закричалъ народъ, и солдаты, уменьшая ходъ своихъ лошадей, съ необычайной осторожностью, разсѣяли образовавшіяся на площади кучки.

«Ура, драгуны!» этотъ инстинктивный крикъ народа, на который еще никто не обратилъ вниманія, былъ первымъ соглашеніемъ заключеннымъ между народомъ и войскомъ. «Ура, драгуны!» это первый крикъ соединенія. Начиная съ этого момента, серьезность котораго никто не подозрѣвалъ, революцію можно считать, какъ бы совершившеюся. Сабля, вложенная въ ножны храбрымъ и вѣрнымъ офицеромъ—это физическая сила, уступающая силѣ нравственной; это побѣжденная династія.

Что предпринимали въ это время законодательныя палаты? Въ Люксембургѣ пары съ презрѣніемъ отказали де-Буасси въ разрѣшеніи сдѣлать запросъ министерству о *настоящемъ положеніи столицы*. Въ Бурбонскомъ дворцѣ въ то время, когда у его дверей ревѣло возстаніе, палата депутатовъ разсматривала проектъ закона о банкѣ въ Бордо. Скоро эти дебаты приобрѣли извѣстную остроту, благодаря борьбѣ частныхъ интересовъ, но ничего не обнаруживало въ собраніи живой озабоченности, и когда передъ концомъ засѣданія Одилонъ Барро официальнымъ тономъ попросилъ господина предсѣдателя не отказать огласить передъ палатой внесенное имъ *предложеніе, поддержанное довольно большимъ числомъ депутатовъ*, по губамъ Гизо скользнула улыбка. Министръ поднялся къ бюро, пробѣжалъ насмѣшливымъ взглядомъ эту бумагу, содержащую его обвинительный актъ ¹⁾, и снова сѣлъ. Каждый могъ прочесть на его лицѣ глубокую жалость, внушаемую ему подобнымъ торжественнымъ вздоромъ ²⁾. Предсѣдатель, оставаясь безразличнымъ, заявилъ, что предложеніе будетъ подлежать разсмотрѣнію *въ слѣдующій четвергъ*. Больше въ программѣ засѣданія на было ничего, и депутаты разошлись. Было немножко больше 4-хъ часовъ.

Къ двумъ часамъ всѣ входы и выходы палаты были очищены и охранялись войсками. Одинъ баталіонъ пѣхоты занялъ позицію на площади передъ Бурбонскимъ дворцомъ. Въ улицѣ Бургонъ помѣстили два орудія полевой батареи. Со всѣхъ сторонъ прибывающему себѣ, вызывала изумленіе у всѣхъ тѣхъ, въ комъ страхъ и партійный духъ всетаки оставили способность видѣть и разсуждать.

¹⁾ См. Историческіе документы въ концѣ книги № 4.

²⁾ Тѣмъ не менѣе, Гизо вовсе не былъ такъ спокоенъ, какимъ онъ хотѣлъ казаться. Наканунъ его мать и дочери оставили отель министерства иностранныхъ дѣлъ. „Я могу отвѣчать за все до сегодняшняго вечера, сказалъ онъ во вторникъ утромъ одному изъ друзей, который говорилъ съ нимъ въ палатѣ: но я нѣсколько беспокоюсь за ночь“.

вали пикеты пѣхоты, эскадроны стрѣлковъ, драгунъ и муниципальной гвардіи. «Лучшимъ войскамъ міра не захватить этого моста!» воскликнулъ распоряжавшійся здѣсь генераль Перро, наблюдая во главѣ своего генеральнаго штаба за расположеніемъ войскъ.

Толпа, отброшенная на площадь Согласія, колыхалась въ неопредѣленномъ движеніи, то приливая, то отливая. Муниципальной гвардіи былъ отданъ приказъ разсѣять ее. Этотъ отборный корпусъ, составленный изъ испытанныхъ людей, и сильно привязанный къ правительству, благодаря большому жалованію, былъ изъза своихъ привилегій предметомъ зависти со стороны линейныхъ войскъ и презираемъ народомъ за свои полицейскія функціи. Дисциплина его была сурова; полученные приказы онъ исполнялъ съ точностью. Результатомъ его частыхъ столкновеній съ парижскимъ народомъ была взаимная вражда, которая, при подобныхъ обстоятельствахъ, могла лишь ускорить трагическія событія, тогда какъ ихъ еще можно было избѣгать при благоразумномъ вмѣшателствѣ національной гвардіи. И было большою ошибкой—начать разгонять толпу разсѣздами муниципальной гвардіи ¹⁾, хотя сначала она дѣлала это съ большою осторожностью. Народъ, настроенный болѣе рѣшительно, самъ началъ драться камнями. Солдаты, раздраженные этимъ, врѣзались въ толпу съ саблями въ рукѣ и начали прокладывать себѣ дорогу, опрокидывая, избивая и тяжело рани стариковъ и женщинъ, которые не могли бѣжать достаточно скоро. Черезъ нѣсколько минутъ такой атаки площадь была очищена; но смерть бѣдной старухи, сбитой на мостовую, и кровь рабочаго, смертельно раненаго сабельнымъ ударомъ, вырвала у массы первый крикъ мести; жестокость народнаго возмездія въ теченіе трехъ дней борьбы заставила муниципальную гвардію жестоко расплатиться за ошибку правительства ²⁾.

На Елисейскихъ поляхъ толпы не отступали ни на шагъ, несмотря на повторенныя атаки. Мальчишки шикали и свистѣли муниципальной гвардіи; нѣкоторые даже кидали въ нее камнями.

¹⁾ Муниципальные гвардейцы были очень недовольны этимъ распоряженіемъ. Ихъ лошади, скользившія на асфальтъ площади, и особенная вражда населенія подвергали ихъ большей опасности, чѣмъ если бы на ихъ мѣстѣ были линейныя войска.

²⁾ Когда на площади воцарилось молчаніе, вдругъ раздались веселые звуки оркестра стрѣлковаго полка, охранявшаго палату депутатовъ. Де-Куртэ, подойдя къ полковнику, съ упрекомъ указалъ ему на всю непристойность этихъ знаковъ радости въ подобную минуту, и музыка почти тотчасъ прекратилась; но тяжелое впечатлѣніе уже было произведено. Сжались сердца, и души стали полны злобы; всѣ добрые граждане обвиняли правительство; всѣ въ душѣ стали на сторону народа.

Прячась въ каналахъ, за стволами деревьевъ, за сваленными въ кучу стульями, они дразнили войска. Драгуны проѣзжали мелкимъ галопомъ, смѣясь и не причиняя никому вреда; но національные гвардейцы били безъ жалости и очень многихъ арестовывали. Что же касается линейныхъ войскъ, то они еще неподвижно присутствовали съ оружіемъ въ рукахъ при этихъ прелюдіяхъ борьбы. Около трехъ часовъ толпа рабочихъ со знаменемъ во главѣ и съ пѣніемъ марсельезы вступила на улицу Мариньи, совсѣмъ близко отъ кордегардіи, солдаты которой были такъ изумлены, что даже не успѣли закрыть рѣшетку. Не желая вовсе пускать въ ходъ свое оружіе, они оставили постъ. Одинъ рабочій водрузилъ тамъ свое знамя.

Мальчишки прибѣжали на этотъ знакъ побѣды и подожгли деревянную будку; но скоро къ этому пункту пришли въ большомъ количествѣ войска, и толпа снова разсѣялась, даже не пытаясь оказывать серьезнаго сопротивленія. На лѣвомъ берегу волненіе было не менѣе велико; толпа инсургентовъ, въ числѣ которыхъ находились студенты юридическаго факультета и медицинскій школы, отправились къ политехнической школѣ, чтобы пригласить ея учениковъ присоединиться къ нимъ. Надѣялись, что политехническая школа проявитъ себя, какъ и въ 1830 году, но на этотъ разъ она обнаружила гораздо менѣе революціонное настроеніе ¹⁾.

Самыя оживленныя сцены почти одновременно происходили у министерства иностранныхъ дѣлъ, противъ Биржи, передъ Пале-Роялемъ и на площади Бастиліи. Наконецъ, замѣтивъ, что ему не хватаетъ оружія, народъ взломалъ рѣшетку въ церкви Успенія и Сэнъ-Рока и у морскаго министерства; онъ разбилъ и разграбилъ магазинъ Лепажэ ²⁾ и многіе другіе оружейные магазины. Видъ этихъ сверкающихъ сабель и ружій возбудилъ народъ. Слово *баррикады* было произнесено. Самые смѣлые тотчасъ взялись за дѣло. Первые попытки были сдѣланы на улицахъ Сэнъ - Флорантэнъ,

¹⁾ Ученики остались въ школѣ и подчинились строгому предписанію, по которому въ теченіе первыхъ дней у нихъ были отобраны сапоги и форма; на третій они выходили лишь съ разрѣшенія своего начальства и для того, чтобы помочь національной гвардіи возстановлять порядокъ.

²⁾ На улицѣ Ришелье противъ французскаго театра. Полиція предвидѣла, что оружейные магазины подвергнутся нападенію, и потребовала, чтобы большая часть огнестрѣльнаго оружія была разобрана. Народъ разграбилъ также въ этотъ день на улицѣ Бонди магазинъ театральнаго и декорационнаго оружія; костюмерная театра Амбигю была также разграблена. Поэтому, въ нѣкоторыхъ отрядахъ сражающихся и можно было замѣтить необычайные костюмы и вооруженіе: средневѣковыя каски и копья, ятаганы, кинжалы и алебарды; одни размахивали индѣйскими луками, другіе несли на баррикады герольдическія знамена.

Дюфо и Сянь-Гоноре, гдѣ, опрокинувъ одинъ омнибусъ, разобрали мостовую желѣзными полосами, взятыми изъ дворцовой рѣшетки. Одна атака кавалеріи немедленно разсѣяла работавшихъ. Экипажъ былъ поднятъ, улица снова замощена солдатами мирно и безъ злобы; было ясно, что ни съ той ни съ другой стороны не существуетъ никакого дѣйствительнаго озлобленія. Подобныя попытки, но не съ большимъ успѣхомъ, были произведены и въ другихъ мѣстахъ ¹⁾. Лишь только насканивала кавалерія, баррикады оставались; это былъ еще только простой мятежъ.

Народу, у котораго не было ни вожака, ни опредѣленнаго намѣренія, доставляло удовольствіе просто дразнить войска; между тѣмъ, не переставая, шелъ дождь, и, мало по малу, умѣрялъ его пылъ. Соскучившись этими призрачными схватками и чувствуя себя не въ силахъ начать дѣйствительную борьбу, возставшіе оставляютъ открытые кварталы и отступаютъ въ предмѣстія.

Вступивъ въ этотъ очагъ всѣхъ народныхъ революцій, гдѣ этотъ лабиринтъ улицъ и переулковъ, гдѣ живетъ и которые знаетъ почти исключительно лишь рабочее населеніе, инсургенты снова почувствовали свою силу. Началась постройка солидныхъ баррикадъ и нападеніе на изолированные посты. Одни изъ нихъ отступаютъ заблаговременно въ казармы, другіе позволяютъ захватить себя и отдаютъ оружіе.

Въ Батиньоль рабочіе напали на постъ Монсо, защищенный небольшимъ отрядомъ жандармовъ и пикетомъ національной гвардіи. Не смотря на всѣ усилія мэра и его помощниковъ, завязалась борьба. Народъ стрѣлялъ въ солдатъ, скрывавшихся за стѣнами. Овъ получилъ залпъ прямо въ лицо. Четверо инсургентовъ упали убитыми или ранеными; это была первая кровь, пролитая за день.

Однако, все большее и большее изумленіе вызывало то, что національная гвардія не собиралась ²⁾. Люди всѣхъ партій спрашивали себя, почему правительство пренебрегаетъ такой вспомогательной силой въ то время, когда это столь прискорбное столкновеніе грозитъ перейти въ возстаніе. Около пяти часовъ три депутата Ваванъ, Тайландье и Карно явились къ сенскому префекту, чтобы выразить ему неудовольствіе населенія. Но Рамбюто не имѣлъ никакихъ полномочій; и овъ еще слишкомъ хорошо помнилъ

¹⁾ Это все происходило очень вѣжливо съ большой учтивостью. Останавливали общественный или частный экипажъ, помогали слѣзть тѣмъ, кто въ немъ находился, распряженныхъ лошадей вручали кучеру, затѣмъ, перевернувъ экипажъ, начинали разбирать кругомъ мостовую.

²⁾ Приказъ бить сборъ во всѣхъ легіонахъ, данный наканунѣ въ девять часовъ вечера, былъ отмѣненъ ночью, такъ какъ стало извѣстно, что національные гвардейцы рѣшили требовать реформы.

сарказмы Людовика-Филиппа, чтобы попытаться вторично его предупредить. Депутаты получили отъ него лишь уклончивый отвѣтъ

Въ тотъ же самый часъ, мэръ второго округа, Берже, по своей инициативѣ, велѣлъ бить сборъ; его примѣру послѣдовали во многихъ округахъ, но тщетно. Все, что было республиканскаго въ легіонахъ, уже въ теченіе многихъ дней работало надъ тѣмъ, чтобы разжечь духъ сопротивленія. Они напоминали прошлыя оскорбленія, возбуждали самолюбіе, доказывали необходимость поставить себя, наконецъ, въ независимое положеніе, чтобы снова вернуть свое политическое значеніе, которое король и министерство цѣнили очень дешево. Эти аргументы попали на очень благоприятную почву. Изъ восьми тысячъ человекъ, составлявшихъ второй легіонъ, въ мэрік не собралось и шестисотъ. На площади Пантеона, гдѣ стоялъ бивуакомъ пятый линейный полкъ, собралась очень незначительная часть двѣнадцатаго легіона. Когда въ кучкахъ народа стали раздаваться свистки и ропотъ негодованія, національные гвардейцы начали кричать: «Ура, реформа!» Толпа тотчасъ отвѣтила крикомъ: «Ура, національная гвардія!» ¹⁾. Можно себя представить, насколько подобное зрѣлище способствовало возбужденію войскъ къ битвѣ. Офицеры пятого линейнаго подали примѣръ и сигналъ моральнаго перехода, явившись пожать руки начальникамъ національной гвардіи. Продолжительное «ура» привѣтствовало эту демонстрацію.

Въ другихъ кварталахъ національные гвардейцы, отправлявшиеся по одиночкѣ въ ихъ мэріи, были останавливаемы рабочими и быстро поддавались убѣжденію отдать оружіе. Такимъ образомъ значительное число оказалось лишеннымъ оружія, наполовину добровольно, наполовину силой. Между тѣмъ, никакого приказа въ мэріяхъ получено не было, и наиболѣе упорные, прождавъ нѣсколько часовъ, вернулись по домамъ, еще болѣе недовольные, чѣмъ при своемъ отправленіи. Эта совершенно неудавшаяся попытка взяться за оружіе привела лишь къ деморализаціи линейныхъ войскъ, да дала инсургентамъ еще большую увѣренность для борьбы на завтра. Къ шести часамъ вечера положеніе вещей показалось генералу Себастьяни достаточно серьезнымъ, чтобы сообщить по арміи, что она должна руководствоваться приказомъ 25-го декабря. Движеніе экипажей запрещено. Многочисленные патрули обходятъ улицы. Тюильри и всѣ болѣе важные пункты заняты значительными отрядами. Войска стоятъ бивуакомъ подъ дождемъ вокругъ большихъ костровъ. Въ восемь часовъ надъ серединой Елисейскихъ Полей

¹⁾ Полковникъ Ладвока было попытался помѣшать такому сближенію, его принудили обратиться въ бѣгство.

вдруг поднялся сношь пламени. Громкій крикъ долетѣлъ до дворца. То мальчишки, участники возстанія, зажгли кресла и скамьи для гуляющихъ и радостнымъ хороводомъ праздновали свою побѣду. Одна рота національной гвардіи и отрядъ пожарныхъ разогнали ихъ и потушили огонь. Тишина незамѣтно спустилась надъ городомъ. Рабочіе разошлись по домамъ, гаснутъ огни. Нѣсколько рѣдкихъ пѣшеходовъ время отъ времени пересѣкаютъ пустынные улицы. Можно бы было подумать, что возстаніе усмирено; но, тѣмъ не менѣе, никто не увѣренъ въ событіяхъ. Послѣ подобнаго возбужденія, такое угрюмое спокойствіе заключало въ себѣ что-то страшное. Въ клубахъ, гдѣ собрались люди, связанные съ правительствомъ, мужчины были озабочены, женщины взволнованы. Успокаивали другъ друга фразами, которымъ въ глубинѣ души не вѣрили сами. Между тѣмъ, дворъ и власти не испытывали еще никакого безпокойства. «Это всего на всего дерзкая выходка», сказала Делесеръ въ своемъ салонѣ, въ девять часовъ вечера. «Все идетъ хорошо», отвѣтилъ Дюшатель австрійскому послу, справлявшемуся у него о новостяхъ за истекшій день. Гюзю имѣлъ свои планы на завтра, на тотъ случай, если инсургенты осмѣлятся возобновить свои попытки. Въ полночь генераль Себастиани отмѣняетъ приказъ, данный въ шесть часовъ, и въ «Moniteur'ѣ» появляется таинственная фраза: *«Правительство приняло надлежащія мѣры для обезпеченія возстановленія порядка».*

IX.

День второй.

Ночь прошла тихо; правительству казалось, что она была спокойна. На всякій случай оно приняло свои мѣры. По желѣзной дорогѣ прибыли подкрѣпленія для войскъ. Доставленные изъ Вансена пушки были размѣщены батареями на площади Карусель, на площади Согласія, у воротъ Сэнь-Дени и Сэнь-Мартэнъ, по набережнымъ у Ратуши. Министерство составило длинный списокъ лицъ, которыхъ нужно было арестовать. Въ немъ фигурировали главные редакторы демократической прессы, вожди тайныхъ обществъ, наиболѣе вліятельные люди радикальной партіи ¹⁾. Между королемъ и его кабинетомъ царствовало по этому поводу полное согласіе. Между тѣмъ войска, стоявшія бивуакомъ подъ дождемъ,

¹⁾ Этотъ листъ, въ которомъ было до 150 именъ, былъ найденъ 24-го февраля на столѣ у префекта полиціи однимъ изъ инсургентовъ, который тоже фигурировалъ въ немъ.

продрогшія, съ мокрыми ногами, въ подавленномъ настроеніи, увидели, при первыхъ проблескахъ дня, веселую и рѣшительную толпу; она залила улицы Сэнь-Мартэнъ, Рамбюто, Сэнь-Мерри, Тампль, Сэнь-Дени и во многихъ мѣстахъ стала строить баррикады. Нѣсколько минутъ обѣ стороны наблюдали другъ за другомъ, затѣмъ рабочіе начали перестрѣлку; стрѣлки имъ отвѣчали ружейнымъ огнемъ. Разсыпавшись на большомъ пространствѣ, гдѣ ему были хорошо извѣстны всѣ лучшія позиціи и удобные проходы, народъ то собирался въ кучки, то разсѣивался, утомляя войска, приводя ихъ въ замѣшательство и захватывая уединенные посты ¹⁾. Удивительная вещь, стоило гдѣ нибудь прекратиться перестрѣлкѣ, какъ солдаты и рабочіе обмѣнивались самыми дружелюбными фразами.

Въ кварталахъ, прилегающихъ къ Рынку, торговки предлагали солдатамъ разные припасы, обнимали ихъ и умоляли щадить своихъ братьевъ и не стрѣлять въ ихъ мужей и дѣтей. Весело и смѣло двигались баррикады въ двадцати шагахъ отъ войскъ. «Вы не будете стрѣлять въ насъ безъ предупрежденія?» — спрашивали мальчишки. — «Нѣтъ, не бойтесь, у насъ нѣтъ приказа», — отвѣчали солдаты. Какое-нибудь острое слово или веселая шутка постоянно заставляли смѣяться даже самихъ офицеровъ, изумленныхъ такой смѣлостью, и они отъ всей души хотѣли скорѣйшаго и мирнаго разрѣшенія этой гражданской войны. Безъ сомнѣнія, эти смѣлые люди вовсе не думали объ опасности, имъ угрожавшей; просто они не любили и не уважали то министерство, которое имъ приходилось защищать. Система мира во что бы то ни стало и политическая продрогность были противны ихъ чувству чести. Въ глубинѣ своего сознанія, они были готовы признать правду народа, и, не чувствуя противъ него ни озлобленія, ни гнѣва, глубоко ему симпатизировали за его рѣшительность, за энергію, за простую храбрость. Вспоминалось имъ также и іюльское пораженіе. А дождикъ шелъ безъ конца, хлесталъ рѣзкій вѣтеръ, и возбужденіе все падало въ ихъ смущенной душѣ ²⁾.

Вдругъ они вздохнули свободно, они почувствовали, что съ нихъ свалилась громадная тяжесть. Они узнали хорошую новость. Слышно было, какъ повсюду били отбой. Собиралась націо-

¹⁾ Серьезныхъ столкновеній совершенно не было, но дрались повсюду. Съ семи часовъ утра были захвачены и обезоружены посты на улицахъ Жоффруа-Лонжевэнъ и Сэнь-Круа де-ла-Бретоннери.

²⁾ Утреннія радикальныя газеты, описывая такое настроеніе линейныхъ войскъ, всячески старались ихъ не затронуть. Они протестовали противъ замедленія въ созывѣ національной гвардіи, обвиняли въ жестокости гвардію муниципальную, подчеркивали, что имъ нечего жаловаться на линейные полки.

нальная гвардія; ей приходилось разрубать узелъ этого тяжелого и непонятнаго положенія. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ долгихъ колебаній, многихъ бесполезныхъ словъ, запутанныхъ приказовъ и контръ-приказовъ, герцогъ Немурскій, генераль Себастиани и генераль Жакмино, сойдясь въ зданіи генеральнаго штаба, при всей своей торжественной бездѣятельности и при невѣроятномъ незнаніи истиннаго положенія вещей, дали, наконецъ, или, скорѣй, позволили у себя вырвать, запоздалый приказъ созвать по два баталіона отъ легіона національной гвардіи. Этотъ приказъ былъ прямо переданъ мѣрамъ, которые не имѣли больше никакихъ свѣдѣній. Такъ что національные гвардейцы, явившись въ мѣри, не нашли тамъ ни инструкцій, ни какихъ-либо указаній. Предоставленные самимъ себѣ, легіоны бросились по всѣмъ направленіямъ съ криками «Ура, реформа!». Принявъ, такимъ образомъ, роль посредниковъ, они хотѣли помѣшать стрѣлять въ народъ, глубоко убѣжденные, что онъ хочетъ того же, чего и они сами. Своимъ рѣшительнымъ поведеніемъ они принуждаютъ власть пойти на необходимыя уступки. Ставши хозяевами положенія, они свергнутъ консервативное министерство, унизятъ короля, потребуютъ кабинета подъ предсѣдательствомъ Тьера или Моле, и затѣмъ заставятъ разойтись по домамъ возставшую толпу. Такова была программа, сама собой создавшаяся у національной гвардіи утромъ, въ среду 23-го февраля. Эти намѣренія обнаружались немедленно и вызывали во многихъ мѣстахъ очень интересныя сцены. Полковникъ десятаго легіона Лемерсье обратился съ рѣчью къ четвертому баталіону, который былъ расположенъ на улицѣ Тараннъ, и предложилъ ему идти и возстановить порядокъ. «Дѣло не въ томъ только, чтобы возстановить порядокъ,—воскликнулъ Биксіо, выходя изъ рядовъ,—но въ томъ, чтобы прогнать позорное министерство!» Крикъ «Долой Гизо!» покрылъ эти слова.

Взбѣшенный полковникъ соскочилъ со своей лошади и, обращаясь лично къ тѣмъ изъ національныхъ гвардейцевъ, чья умѣренность ему была извѣстна, побуждалъ ихъ кричать «да здравствуетъ король!»—«Да здравствуетъ реформа!» раздался громовый возгласъ одного человѣка изъ народа, замѣшавшагося въ ряды. Лемерсье схватилъ его за шиворотъ. Гвардейцы стали протестовать, говоря что нельзя арестовывать человѣка за возгласъ «да здравствуетъ реформа!» Полковникъ, потерявъ надежду уснокоить ихъ, отказался отъ командованія и ускакалъ во весь карьеръ. На площади Побѣды третій легіонъ смѣшался съ народомъ и вмѣстѣ съ нимъ кричалъ: «Ура, реформа!» Отрядъ муниципальной гвардіи сдѣлалъ было попытку арестовать нѣсколькихъ. Одинъ національный гвардеецъ вступается за нихъ, его поколотили. Тогда бросается

впередъ цѣлая рота національной гвардіи и заставляеть солдатъ отступить вплоть до ихъ казармъ. Немного позже на площади Пети-Пэръ драгуны, сдавленные толпой, хотѣли было ее разсѣять, но она спряталась за рядами національной гвардіи, скрестившей штыки. При такомъ необычайномъ зрѣлищѣ драгуны остановились. Толпа громкими «ура» выражала свою благодарность. Въ то же самое время восьмой легіонъ, собравшійся на Королевской площади, отказывался идти, если на знамени не будетъ написано: «За реформу!» На бульварѣ Сэнъ-Мартэнъ, пятый легіонъ остановилъ муниципальную гвардію, и офицеры объяснили войску, что народъ правъ, такъ какъ онъ хочетъ справедливой и законной вещи: отставки министерства. Въ два часа полковники двѣнадцати легіоновъ обратились къ королю, умоляя его немедленно сдѣлать широкія уступки, что по ихъ мнѣнію, было единственнымъ средствомъ для обезпеченія спокойствія въ столицѣ.

Герцогъ Немурскій, безстрастно относившійся къ происходящему, окруженный блестящимъ генеральнымъ штабомъ, который высмѣивалъ всѣхъ, приносившихъ тревожныя вѣсти, едва удостоивалъ отвѣтомъ эти единодушныя и почти одновременныя сообщенія и не выказывалъ никакихъ признаковъ безпокойства или рѣшимости. Удовлетворенный почестями, воздаваемыми его роли главнокомандующаго, относясь съ большимъ вниманіемъ къ этикету, онъ отправлялъ всѣхъ, явившихся съ новостями, то къ королю, то къ генералу Себастиани, то къ генералу Жакмино; оба послѣдніе, улыбаясь или хмурия брови, говорили съ значительнымъ видомъ: «*Мы осведомлены*». И, однако, эта тройная апатія не принимала никакого рѣшенія и не давала никакого приказа ¹⁾. А, между тѣмъ, отчаянная борьба народа съ муниципальной гвардіей продолжалась въ Марэ и въ кварталахъ Сэнъ-Дени и Сэнъ-Мартэнъ. Линейныя войска принимали очень слабое участіе, а національная гвардія, всюду, гдѣ она только была, вмѣшивалась, чтобы заставить прекратить стрѣлять.—«Вы хотите убивать мирныхъ гражданъ?—кричали офицеры легіоновъ.—Въ чемъ они виноваты? Они требуютъ реформу. Ну, такъ что же! Мы тоже ее хотимъ. Больше намъ въ ней нельзя отказывать; тогда только мы отвѣчаемъ за порядокъ». И этими простыми словами они останавливали кавалерійскія атаки, заставляли поворачивать наведенныя пушки, опускать ружья, взятые на прицѣлъ, и уби-

1) „Что бы вы сдѣлали на моемъ мѣстѣ?“—сказалъ генераль Жакмино одному высшему офицеру, яркими красками рисовавшему ему всю опасность положенія, и продолжалъ съ генераломъ Себастиани свою партію на биліардѣ, даже не выслушавъ отвѣта.—Если національная гвардія плоха, обойдется безъ нея,—ворчали придворные.

рать штыки. Народъ, опьянѣвшій отъ радости, привѣтствовалъ своихъ покровителей долго не смолкавшими восклицаніями: «Ура, національная гвардія! Ура, пѣхота!» Солдаты и рабочіе протягивали другъ другу руки. Гражданская война дика между людьми, у которыхъ одно общее дѣло и одинаковые интересы: пролетарій въ формѣ, пролетарій въ блузѣ, дѣти одной и той же нищеты, орудія, сами того не зная, одной и той же судьбы! Въ то время, какъ это братское вмѣшательство національной гвардіи остановило въ предмѣстіяхъ кровопролитіе, депутація четвертаго легіона въ количествѣ отъ четырехъ до пятисотъ человекъ, безъ оружія, но въ сопровожденіи громадной массы народа, отправилась въ Бурбонскій дворець. Она несла петицію о реформѣ выборной системы и объ отставкѣ министерства. Входы въ палату были усиленно охраняемы. Лишь только на площади собиралась небольшая кучка, ее разсѣивали кавалеріей. Резервы пѣхоты и кавалеріи занимали Елисейскія Поля; отрядъ десятаго легіона загоразивалъ проходъ на мосту Согласія. Между этимъ отрядомъ, составленнымъ изъ самыхъ ярыхъ консерваторовъ, и депутаціей завязались переговоры. Въ это время въ палатѣ разнесся слухъ, что идутъ легіоны—сторонники реформы, и что они готовы захватить дворець; началась общая паника. Поторопились отправить къ національнымъ гвардейцамъ Кремье, Бомона и Мари. Познакомившись съ содержаніемъ петиціи, эти господа поздравили депутацію за ея патріотическій поступокъ и заявили ей, напыщенно и пространно, что *министерство поражено на смерть, что національная гвардія только что произнесла ему приговоръ и что воля народа должна быть уважена*. Продолжительное «браво» загремѣло при этой новости. Депутаты воспользовались этимъ благопріятнымъ приѣмомъ и стали убѣждать національную гвардію помѣшати столкновеніямъ и возстановить порядокъ. Депутація не заставила себя просить; она тотчасъ разсѣялась, чтобы разнести въ тѣ мѣста, гдѣ еще сражались, эти слова мира. Всякій радовался и поздравлялъ себя. Теперь, казалось, для борьбы не было мотива, не было повода для возстанія. Порядокъ и законность должны были возстановиться повсюду. Нѣсколько менѣе ослѣпленная, чѣмъ палата пэрровъ,—которая отвергла, съ громкимъ негодованіемъ, просьбу Алтонъ-Ше о внесеніи запроса, призвала къ порядку де-Буасси ¹⁾ и занялась,

¹⁾ Предложеніе, вызвавшее этотъ призывъ къ порядку, начиналось такъ: „Принимая во вниманіе, что вчера въ различныхъ мѣстахъ столицы проливалась кровь; принимая во вниманіе, что еще и сегодня парижекому населенію грозятъ смерть и пожары, смерть отъ 50 орудій, снабженныхъ наполовину ядрами, наполовину картечью; что ему грозятъ опустошеніе и пожары отъ 40 петардъ, которыя впопыхахъ были перенесены изъ Вэнсенъ въ Военную школу...“

по программѣ засѣданія, обсужденіемъ проекта закона объ ипотекахъ,—нѣсколько менѣе ослѣпленная палата депутатовъ хотѣла, по видимому, проявить нѣкоторую инициативу. Вотъ что произошло.

Явившись на засѣданіе въ 6 час. съ половиной, депутаты едва могли усидѣть на мѣстахъ, слушая докладъ о петиціяхъ. Возбужденіе было таково, что засѣданіе пришлось прервать. Отовсюду сообщали тысячи слуховъ, одинъ другого тревожнѣй. Гдѣ были министры? Что рѣшить король? Каковъ будетъ исходъ этого гибельнаго кризиса? Ничего не было извѣстно. Но что твердо знали и что подтверждалось ежеминутно, это то, что національная гвардія отказывалась идти противъ народа, и что линейныя войска не пойдутъ безъ нея. И этого было вполне достаточно, чтобы заставить понять, что положеніе очень тяжелое. Съ тоскливымъ чувствомъ ждали Гизо, который еще не появлялся. Шепотомъ обвиняли его. Многіе еще надѣялись, приписывая его продолжительное отсутствіе какому-нибудь энергичному рѣшенію, принятому въ совѣтѣ. Наконецъ, въ два часа съ половиной, сенскій депутатъ Вавэнъ, потерявъ терпѣніе, поднимается на трибуну. Извѣстно, что онъ хочетъ сдѣлать запросъ министерству. «Подождите! Подождите!»—кричатъ ему со всѣхъ сторонъ. Геберъ, одинъ находящійся на министерскихъ скамьяхъ, сообщаетъ палатѣ, что предсѣдатель совѣта и министры внутреннихъ дѣлъ находятся сейчасъ не въ зданіи палаты, отозванные хлопотами, которыхъ требуетъ и которые вполне объясняетъ данное положеніе; они уже увѣдомлены и не замедлятъ явиться. Ропотъ нетерпѣнія встрѣчаетъ эти слова; но вдругъ воцаряется молчаніе. Всѣ взоры обращаются къ входнымъ дверямъ. Появляется Гизо одинъ. Неужели это онъ? Черты его лица искажены, его обычная блѣдность приняла синеватый оттѣнокъ, потухъ блескъ его взгляда; на его лбу и въ его горькой усмѣшкѣ можно прочесть выраженіе глубокаго, съ трудомъ сдерживаемаго, страданія. Онъ садится. Никто не рѣшается нарушить молчаніе этой раненой на смерть гордости.

Вавэнъ снова входить на трибуну и говоритъ: «Господа, отъ имени моихъ товарищей, депутатовъ департамента Сены, и отъ моего собственнаго, я обращаюсь къ министерству съ нѣсколькими запросами. Въ теченіе болѣе двадцати четырехъ часовъ очень серьезныя безпорядки приводятъ въ отчаяніе нашу столицу. Вчера все населеніе констатировало, съ прискорбнымъ изумленіемъ, отсутствіе національной гвардіи, и это изумленіе было тѣмъ болѣе тягостно, что всѣмъ былъ извѣстенъ данный въ понедѣльникъ вечеромъ приказъ созвать ее. Правда, въ ночь съ понедѣльника на вторникъ этотъ приказъ былъ взятъ обратно. И лишь вчера въ пять часовъ, въ нѣкоторыхъ кварталахъ били сборъ и собрали нѣсколько

національних гвардейцевъ. Цѣлый день населеніе Парижа подвергалось окружающимъ его опасностямъ, безъ защиты со стороны гражданской обороны. Произшли прискорбныя столкновения, а они, можетъ быть, были бы предупреждены, если бы съ самаго начала безпорядковъ, на улицахъ и площадяхъ находилась бы наша національная гвардія, девизъ которой: *Общественный порядокъ и свобода*. Я бы попросилъ господъ министровъ дать намъ нѣсколько объясненій по поводу этого столь грустнаго событія.

Гизо поднимается и медленно направляется къ трибунѣ. Его, какъ будто, душитъ какая то внутренняя тяжесть, но усиліемъ воли онъ возвышаетъ свой голосъ. Являясь олицетвореніемъ умѣнія сдерживать себя, онъ произноситъ, среди гробоваго молчанія, слѣдующія нѣсколько словъ: «Господа, я думаю, что совершенно не кстати для палаты и совершенно не соотвѣтствуетъ общественнымъ интересамъ начинать теперь дебаты по поводу этого запроса». Его прервалъ страшный шумъ. Оппозиція думала, что онъ, по обыкновенію, хочетъ лишній разъ высокомерно отказать давать объясненія, что такъ долго переносила палата, но что совѣмъ не соотвѣтствовало его теперешнему шаткому положенію. Гизо подождалъ, пока успокоилось волненіе, повторилъ слово въ слово то, что онъ только что сказалъ, и затѣмъ прибавилъ: «Король въ данную минуту только что приказалъ пригласить графа Моле, чтобы поручить ему...»

Бурные аплодисменты, раздавшіеся съ двухъ краевъ амфитеатра и съ трибунъ покрыли его голосъ.—«Палата должна сохранять свое достоинство!» воскликнулъ Барро.—«То, что меня прервали,— снова началъ Гизо,— не заставитъ меня что-нибудь прибавить или что-нибудь вычеркнуть изъ моихъ словъ. Король, въ данную минуту, только что приказалъ пригласить графа Моле, чтобы поручить ему сформировать новый кабинетъ. До тѣхъ поръ, пока веденіе дѣлъ будетъ поручено теперешнему кабинету, онъ будетъ поддерживать или возстановлять порядокъ и будетъ внушать уваженіе къ законамъ, сообразно указаніямъ своей совѣсти, какъ онъ это дѣлалъ и до настоящаго времени». При этихъ словахъ депутаты центра приходятъ въ негодованіе и начинаютъ шумѣть; скамьи пустѣютъ; образуются оживленныя группы. Изъ шума выдѣляются голоса, которые кричатъ: «Это позоръ! Это подлость! Насъ предали! Идемъ къ королю!»¹⁾ Консерваторы рѣшили, что министерство ихъ покинуло, и осыпали его упреками.

¹⁾ Дюмонъ старался успокоить негодованіе консерваторовъ, переходилъ отъ одного къ другому и приглашалъ ихъ быть умѣреннѣе при данныхъ обстоятельствахъ. „Сегодня, говорилъ онъ, стоимъ все за порядокъ; а завтра все отдадимся политикѣ“.

Гизо, которому не удалось, среди этой сумятицы, заставить себя слушать, старался жестами дать понять, что это не онъ выходитъ въ отставку, но что его удаляетъ король. Предсѣдатель прилагалъ все усилія, чтобы возстановить молчаніе. «Прежде чѣмъ закрыть собраніе,— кричалъ онъ,— я имѣю кое-что сообщить къ порядку засѣданія».

«Дѣйствительно, очень теперь интересенъ порядокъ засѣданія», возразилъ Плугульмъ. Де-Сальванди требовалъ придерживаться порядка засѣданія. Въ этотъ моментъ Кремье вручилъ бюро петицію національной гвардіи и громаднаго числа гражданъ четвертаго округа. «Одни, сказалъ онъ, протестуютъ противъ поведенія министровъ; другіе требуютъ предать ихъ суду»... Голосъ Кремье затерялся въ общемъ крикѣ. Спокойствіе не возстановлялось до тѣхъ поръ, пока на трибунѣ не увидѣли Дюпэна. Все знали о его близкихъ отношеніяхъ съ королемъ; его свѣтлый умъ былъ извѣстенъ всѣмъ. Отъ него ждали предложенія, соотвѣтствующаго парламентскому достоинству и отвѣчающаго важности обстоятельствъ. «Господа, сказалъ ораторъ,— городъ, прежде всего, нуждается въ возстановленіи спокойствія, въ прекращеніи безпорядковъ. Анархія есть самое худшее состояніе, это есть разрушеніе общества; она грозитъ цѣликомъ всему соціальному строю. Единственный вопросъ, дѣйствительно соотвѣтствующій порядку засѣданія, это возстановленіе общественнаго мира, необходимаго для обезпеченія свободы и для правильнаго отправленія всѣхъ великихъ органовъ государства». Затѣмъ Дюпентъ, напомнивъ іюльскую революцію и указавъ на то, что порядокъ и свобода основываются и поддерживаются соглашеніемъ палаты депутатовъ съ желаніемъ общества и съ національной гвардіей, закончилъ такими словами: «Нужно, чтобы массы поняли, что они не имѣютъ права ни обсуждать, ни рѣшать. Нужно, чтобы люди, взявшіеся за оружіе, поняли, что они не имѣютъ права повелѣвать, что они лишь должны ждать выполненія закона, слушать голосъ должностныхъ лицъ, ожидать рѣшенія великихъ государственныхъ учреждений и мѣръ, которые будутъ признаны необходимыми короной и палатами. Развѣ позволяетъ намъ долгъ, при такомъ положеніи дѣлъ, вносить сюда обсуждения, вызывающія гнѣвъ и заключающія въ себѣ обвиненія? Я думаю, что нужно, наоборотъ, присоединиться къ просьбѣ объ отсрочкѣ, которую я поддерживаю изъ всѣхъ своихъ силъ».

Эта рѣчь заставляетъ Гизо снова взойти на трибуну. Съ видимымъ хладнокровіемъ онъ опровергаетъ мотивы для отсрочки, приведенные Дюпэномъ, и твердымъ голосомъ произноситъ слѣдующія слова, послѣднія въ его министерской карьерѣ: «Кабинетъ, съ своей стороны, не видитъ никакого повода для того, чтобы какая-

нибудь изъ работъ палаты была прервана, и чтобы какой-нибудь вопросъ, поднятый въ палатѣ, не получилъ своего разрѣшенія. Корона пользуется своими полномочіями. Полномочія короны должны быть уважаемы въ полной мѣрѣ. Но пока кабинетъ остается у дѣла, пока онъ засѣдаетъ на этихъ скамьяхъ, ни на минуту не долженъ прерываться ходъ работъ и останавливаться функционированіе великихъ государственныхъ учреждений. Кабинетъ готовъ отвѣчать на все запросы, вступать во всякія пренія; палатѣ остается остановиться на томъ рѣшеніи, какое она считаетъ нужнымъ». Предсѣдатель совѣщается съ палатой, которая поддерживаетъ предложенный имъ порядокъ засѣданія ¹⁾. Депутаты, стора желаніемъ узнать, что дѣлается наружи, расходятся очень быстро.

Не безъ труда добились отъ короля этой первой уступки общественному мнѣнію: отставки его министерства. И не потому, чтобы въ натурѣ Людовика-Филиппа было стремленіе платить за вѣрность службы вѣрностью благодарности, или сообразоваться въ своихъ расчетахъ съ личными сожалѣніями, съ неловкостью оставить испытаннаго слугу въ критическомъ положеніи, съ деликатной боязнью задѣть въ лицѣ министра, проникнутаго королевскими взглядами, свою собственную честь. Подобныя соображенія были чужды уму такого закала. Но положеніе казалось ему не настолько серьезнымъ, чтобы оно заслуживало подобнаго отреченія отъ консервативнаго министерства, и онъ считалъ безразсудными докучливыя просьбы по этому поводу, раздававшіяся въ его интимномъ кружкѣ, или относился къ нимъ съ подозрѣніемъ.

Все утро въ среду онъ былъ въ прекрасномъ настроеніи духа и острилъ по поводу возстанія. — «Вы называете *баррикадой* извозчикій кабріолетъ, перевернутый двумя лѣтями», — говорилъ онъ тѣмъ, которые осмѣливались произнести передъ нимъ это неблагозвучное слово.

И, разъ тонъ придворнымъ былъ данъ, все въ Тюильри стали неистощимыми въ своихъ насмѣшкахъ надъ шириной и высотой баррикады. Но въ часъ съ половиной одна грозная новость измѣнила настроеніе короля. Онъ узналъ черезъ генерала Фриана, что національная гвардія, собравшаяся на площади Пети-Пэръ, взялась за штыки, чтобы защитить народъ противъ войскъ, и что депутация четвертаго легіона отправилась въ палату, чтобы потребовать отъ министерства справедливости. Начиная съ этого часа ²⁾ Людо-

¹⁾ Продолженіе обсужденія вопроса о банкѣ въ Бордо.

²⁾ Почти въ то же самое время Дюпэнъ, этотъ преданный и ревностный слуга Людовика-Филиппа, заронилъ тревогу въ его душу. Онъ осмѣлился сказать революціонное слово. — «Вы думаете, что они могутъ помышлять свергнуть меня? сказалъ ему король, не спуская съ него испытующаго

взглядъ. Но имъ некого поставить на мое мѣсто». „Да, Ваше Величество дѣйствительно некою, — отвѣтилъ Дюпэнъ, — но можетъ быть что-нибудь республику“.

викъ-Филиппъ казался очень озабоченнымъ. Отложеніе національной гвардіи нанесло его безопасности неожиданный ударъ. Его вѣра въ самого себя серьезно поколебалась въ первый разъ. Его разсужденія и его взгляды оказались слишкомъ опрометчивыми. Прибывавшія со всехъ сторонъ донесенія давали ему понять, что возстаніе принимаетъ, такъ сказать, законный характеръ. Тогда у него родились сомнѣнія въ успѣхѣ кризиса. Этотъ государь, хотя и очень храбрый лично, былъ противникомъ вооруженной борьбы. Такъ же мало вѣря въ матеріальную силу штыковъ, какъ и въ идеальную силу права, онъ относился съ полнымъ довѣріемъ къ законности. Онъ обладалъ, если можно такъ выразиться, парламентскимъ темпераментомъ, и не могъ себя представить, чтобы, пока онъ будетъ дѣйствовать въ границахъ, намѣченныхъ конституціей, и пока онъ будетъ находиться въ согласіи съ «легальной страной», чтобы его власть была поколеблена уличнымъ возстаніемъ. Людовикъ-Филиппъ такъ же мало боялся народа, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, какъ и любилъ его; его мятежное вмѣшательство въ политическія дѣла даже не стоило того, чтобы имъ заниматься. Но враждебное выступленіе страны въ лицѣ національной гвардіи, являющейся ея вооруженнымъ выраженіемъ, было въ его глазахъ дѣйствительной революціей, разрушеніемъ всехъ его плановъ, полнымъ нарушеніемъ того мудраго равновѣсія, надъ которымъ онъ трудолюбиво работалъ со времени своего вступленія на престолъ. Эта мысль очень опечалила Людовика-Филиппа. Воля его ослабѣла. Онъ оказывалъ лишь слабое сопротивление тѣмъ противорѣчивымъ вліяніямъ и тѣмъ несвязнымъ внушеніямъ, которыя оспаривали, одинъ у другого, послѣднія акты его правленія.

Дюшатель находился въ королевскомъ кабинетѣ, когда прибыли первыя извѣстія объ отложеніи легіоновъ. Пока онъ пытался нѣсколько смягчить всю серьезность этихъ донесеній, которыя, по его словамъ, вѣроятно, были преувеличены, вошла королева. Взволнованная, возбужденная, отъ начала, съ необычайной для нея живостью, говорить о непопулярности Гизо. Угадавъ ея мысль и предполагая, что она является лишь эхомъ сокровенной мысли короля, Дюшатель поторопился выразить увѣренность, что если президентъ совѣта убѣдится хотя на одну минуту, что его присутствіе у дѣлъ вредно, онъ, конечно, не поколеблется, точно такъ же, какъ и онъ самъ, Дюшатель, повергнуть къ стопамъ короля свою

взгляда. Но имъ некого поставить на мое мѣсто. „Да, Ваше Величество дѣйствительно некою, — отвѣтилъ Дюпэнъ, — но можетъ быть что-нибудь республику“.

отставку, — счастливые, прибавилъ онъ, представить этимъ доказательство своей преданности династїи ¹⁾).

Людовикъ-Филиппъ, въ обычномъ духѣ своей непрямой природы, не принялъ, но и не отклонилъ рѣшительно эту отставку; но онъ приказалъ пригласить Гизо; ихъ свиданіе было кратко, и послѣ него стало извѣстно, что Моле, засѣдавшій въ то время въ палатѣ пэровъ, приглашенъ въ Тюильри. Тогда именно, потерявшій престижъ министръ и отправился въ палату депутатовъ, гдѣ, какъ мы это видѣли, отвѣчалъ на запросъ Вавэна.

Говорятъ, что скрытность короля и его склонность къ разнымъ обходнымъ путямъ придали его конфиденціальной бесѣдѣ съ Моле очень двусмысленный характеръ, что, конечно, не могло внушить этому послѣднему особенной смѣлости инициативы, необходимой при столь необычайныхъ обстоятельствахъ. Увѣряютъ, что Людовикъ-Филиппъ очень запутанно излилъ свою душу, изображая себя оставленнымъ Гизо и Дюшателемъ ²⁾; онъ горько жаловался на ихъ неблагодарность и кончилъ тѣмъ, что попросилъ Моле сформировать какъ можно скорѣе примирительный кабинетъ. Тотъ долго слушалъ молча. Онъ не скрывалъ отъ себя и совѣмъ не скрылъ отъ Людовика-Филиппа тѣхъ трудностей, которыя ему придется преодолѣвать. Онъ не думалъ, что движеніе должно остановиться, благодаря назначенію его. Тьеръ, можетъ быть, былъ бы болѣе подходящимъ человѣкомъ; во всякомъ случаѣ, придется рѣшиться на многія уступки. Король дѣлалъ видъ, что онъ его не понимаетъ. Моле, скорѣе изъ желанія угодить своему королевскому собесѣднику, чѣмъ изъ личнаго убѣжденія въ успѣшности подобной попытки, далъ обѣщаніе постараться сговориться съ де-Ремюза, Билло, Пасси и Дюфоромъ. Но, какъ условіе своего вступленія въ совѣтъ, онъ поставилъ назначеніе военнымъ министромъ маршала Бюжо. При этомъ имени у короля вырвалось восклицаніе, обнаружившее его полное отвращеніе къ подобному выбору. Онъ протестовалъ противъ неуживчиваго характера маршала, противъ его солдатскихъ хватокъ, противъ его деспотическихъ привычекъ: «Если портфель военного министра будетъ у герцога д'Исли, сказалъ онъ, то ни я, ни мои сыновья, мы не сможемъ дать кому-

¹⁾ Съ этой минуты вплоть до утра четверга 24-го, король оставался безъ сформированнаго законнымъ образомъ министерства. Различныя комбинаціи, начиная отъ Моле и до Одилона Барро включительно, въ качествѣ президентомъ совѣта, слѣдовали одна за другой, не получая официального утвержденія. Отвѣтственность больше не лежала ни на комъ, никто не давалъ положительныхъ приказаній. Быстрому натиску революціонныхъ силъ противопоставлялись лишь совѣты, мнѣнія и проекты.

²⁾ Король очень старался заставить вѣрить этой версіи.

нибудь въ арміи даже чинъ подпоручика». На этомъ разногласіи они разстались, не придя ни къ какому рѣшенію, и Людовикъ-Филиппъ, какъ будто еще было время для разсужденій и переговоровъ, назначилъ Моле второе свиданіе въ 7 часовъ вечера.

Въ теченіе этого длиннаго промежутка продолжалась борьба между народомъ и муниципальной гвардіей. Войска, предоставленныя самимъ себѣ, почти повсюду терпѣли поражение, сжатыя, задуманные народной массой. На углу улицы Сэнь-Дени, два отряда, приблизительно человѣкъ по двадцати, имѣли неблагоприятныя начатъ сражаться, отнимая у инсургентовъ носилки, на которыхъ они несли съ криками мести трупъ одного изъ своихъ, поднятый у поста на улицѣ Моконсейль. Солдаты оказались тотчасъ окруженными со всѣхъ сторонъ, и спаслись, только благодаря прибытію національной гвардіи. Нападеніе инсургентовъ на казарму Сэнь-Мартэнъ отличалось необычайнымъ ожесточеніемъ. Они топорами рубили двери подъ губительнымъ огнемъ прямо въ упоръ. Муниципальные гвардейцы избѣжали избіенія, только благодаря вмѣшательству національной гвардіи. Немного дальше, постъ у Академіи искусствъ и ремеслъ былъ опустошенъ и разрушенъ. Но нигдѣ озлобленіе народа не обнаружилось съ такой силой, какъ въ стычкахъ на улицѣ Буръ-л'Аббэ. Отрядъ муниципальной гвардіи, со вчерашняго дня, защищалъ доступъ къ оружейному магазину братьевъ Лепажъ. Отгоняемые, выбиваемые изъ улицы, инсургенты снова и снова начинали атаку, разъ отъ разу все въ большемъ числѣ и съ большей отчаянностью. Солдаты, уже не въ силахъ больше сопротивляться, оставили улицу и скрылись въ домѣ Лепажъ, откуда начали вести переговоры. Народъ сначала потребовалъ только, чтобы солдаты освободили захваченныхъ ими въ плѣнъ. Когда это первое требованіе было исполнено, онъ попросилъ выдать порохъ изъ магазина. Послѣ пороха онъ захотѣлъ оружія. Возмущенные этимъ послѣднимъ требованіемъ, муниципальные гвардейцы рѣшили перейти въ нападеніе. Открывъ внезапно двери, они бросились на улицу со штыками впередъ.

Котель, мэръ шестого округа, и полковникъ легіона Гюссонъ, въ сопровожденіи пятидесяти національныхъ гвардейцевъ, прибыли какъ разъ во время. Они бросаются между народомъ и солдатами; заставляютъ послѣднихъ войти въ домъ Лепажъ, и сами выстраиваются передъ дверью, чтобы остановить толпу, которая страшными криками требуетъ смерти. Солдаты не хотятъ сдавать свое оружіе, а предпочитаютъ снова выйти и вступить въ послѣднюю битву. Национальные гвардейцы подвергаются громадной опасности, находясь между двухъ сторонъ, зажженныхъ одинаковой ненавистью. Наконецъ, по совѣту Араго, принимаютъ слѣдующее рѣ-

шеніе: каждый муниципальный гвардеецъ выходитъ между двумя національными. Первымъ выходитъ на улицу бригадиръ Вердье, подъ руку съ Этьномъ Араго. Едва онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ былъ убитъ изъ пистолета ребенкомъ. Эта смерть пробуждаетъ въ народѣ болѣе человѣческія чувства. Араго, желая извлечь изъ нихъ пользу, выходитъ во второй разъ на улицу объ руку съ лейтенантомъ Бувье, за которымъ слѣдуютъ остальные солдаты между двумя рядами національных гвардейцевъ. Народъ, дрожа, даетъ пройти своимъ врагамъ, и они, подкрѣпленные вскорѣ линейнымъ войскомъ, смогли, наконецъ, добраться до полицейской префектуры. Тотчасъ послѣ ухода муниципальных гвардейцевъ, магазины братьевъ Лепажъ были захвачены, и народъ, не найдя тамъ оружія, началъ громить домъ. Офицеръ, командовавшій отрядомъ, лейтенантъ Дюпуи,—его имя заслуживаетъ быть сохраненнымъ,—отказался выйти вмѣстѣ со своими солдатами; онъ укрѣпился въ верхнемъ этажѣ, все еще надѣясь, что какая-нибудь случайная помощь спасетъ его, если не отъ смерти, то отъ оскорбленій. Онъ оставался тамъ долго, и его невозможно было убѣдить снять форму, чтобы попытаться убѣжать. Наконецъ, одному офицеру національной гвардіи удалось его потащить и вывести изъ толпы, къ счастью, совершенно увлеченной отыскиваніемъ оружія. Въ восемь часовъ храбрый лейтенантъ явился въ полицейскую префектуру со стыдомъ на лицѣ, съ отчаяніемъ въ сердцѣ. Делессеръ, тронутый его уныніемъ, посадилъ его рядомъ съ собой и сталъ расхваливать его усердіе. Въ полицейской префектурѣ начали испытывать очень серьезное безпокойство ¹⁾. Много разъ, въ теченіе дня, Делессеръ, получая тревожныя сообщенія о критическомъ положеніи муниципальных гвардейцевъ, совершенно изолированныхъ въ центрахъ возстанія, требовалъ у генерала Себастьяни подкрѣпленій для ихъ освобожденія. Этотъ послѣдній неизмѣнно отвѣчалъ, что онъ не располагаетъ даже однимъ баталіономъ. Однако, отчасти для того, чтобы не обезкураживать офицеровъ, собравшихся за его столомъ, отчасти еще пытаясь создать себѣ нѣкоторую иллюзію, Делессеръ въ восемь часовъ вечера говорилъ всѣмъ, спрашивавшимъ его, о ходѣ событій: «Этому возстанію нужно дать умереть своей собственной смертью».

Въ этотъ же самый часъ въ отелѣ министерства иностранныхъ дѣлъ собирались обѣдать. Мадамъ Дюшатель граціозно угощала

¹⁾ Родной братъ Делессера, считая себя въ опасности въ своемъ отелѣ, на улицѣ Монмартръ, попросилъ въ полицейской префектурѣ нѣсколько муниципальных гвардейцевъ. «Мой братъ не знаетъ, что въ данную минуту я не могу располагать даже однимъ капраломъ съ четырьмя человѣками»,—отвѣтилъ префектъ.

Гизо, де-Бройль, Жанвье и нѣкоторыхъ друзей, оставшихся вѣрными консервативному кабинету. Задѣтый за живое поведеніемъ короля, считая себя игрушкой своихъ соперниковъ, оскорбляемый своей собственной партией, Гизо прикидывался совершенно хладнокровнымъ. Онъ рѣшилъ, вмѣстѣ съ Дюшательемъ, не давать никакихъ распоряженій и предоставить еще неизвѣстному кабинету, который осмѣлятся имъ предпочесть, выбираться изъ затруднительнаго положенія своими собственными силами. Ему казались безконечно жалкими эта химера примиренія и это министерство, составленное на всякій конецъ, для котораго имъ пожертвовали. Онъ только ждалъ, чтобы событія быстро и неминуемо отометили за него.

Съ живой ироніей комментировали гости единственное, по ихъ мнѣнію, событіе дня: перемѣну министерства. Уже отгачивали эпиграммы и мысленно подсмѣивались надъ тѣми затрудненіями, въ которыя Моле бросается съ закрытыми глазами. «Вотъ увидите, что этотъ кабинетъ будетъ консервативнѣй нашего» — говорилъ Дюшатель и иронически поздравлялъ Жанвье, который, по его увѣреніямъ, не преминетъ принять въ немъ участіе. Но вдругъ, въ срединѣ обѣда, министръ получилъ очень тревожныя новости. Ему сообщали, что одинъ очень значительный постъ муниципальной гвардіи сложилъ оружіе; что народъ, одержавшій побѣду во многихъ мѣстахъ, возбуждается все болѣе и болѣе и грозитъ двинуться на министерство внутреннихъ дѣлъ и на отель министерства иностранныхъ дѣлъ. Устраивается совѣщаніе, и рѣшаютъ сдѣлать нѣсколько распоряженій. М-ме Дюшатель выходитъ въ соседнюю комнату и быстро снимаетъ съ себя украшавшіе ее цвѣты и драгоценности, чтобы надѣть, на случай бѣгства, болѣе подходящій нарядъ. Гости исчезаютъ. Дѣлаются приготовления къ тайному отъѣзду изъ отеля.

Между тѣмъ, новость о перемѣнѣ министерства, одновременно сообщенная во всѣ пункты столицы ординарцами, національными гвардейцами и депутатами, рѣчи и радостныя лица которыхъ общались гораздо больше, чѣмъ было въ дѣйствительности, почти повсюду произвели ожидаемое дѣйствіе. Вокругъ этихъ вѣстниковъ мира собираются группы. Частью изъ любопытства, частью захватываясь общимъ движеніемъ, народъ, скорѣе успокоенный, чѣмъ возбужденный поведеніемъ линейныхъ войскъ и такимъ открытымъ вмѣшательствомъ въ его пользу части национальной гвардіи, обманутый выраженіемъ довольства, что свѣтилось на всѣхъ лицахъ, оставляетъ баррикады. Спрашивая всѣхъ, какія получены уступки, при чемъ никто не умѣетъ отвѣтить ему какъ слѣдуетъ, онъ присоединяется къ триумфу «легальной страны». Войска возвра-

щаются въ казармы, восстанавливается движеніе. Въ незначительный промежутокъ времени видъ Парижа измѣнился, какъ по маговенію волшебной палочки. Съ наступленіемъ ночи, добровольная иллюминація и громадная толпа гуляющихъ, мирныхъ и удовлетворенныхъ, залившая бульвары и площади, придали городу праздничный видъ, который обманулъ почти всѣхъ.

Хотя уступка была отмѣрена и очень скупо, и хотя имя Моле не представляло въ этомъ отношеніи никакихъ серьезныхъ гарантій, однако національная гвардія и парламентская оппозиція, хотѣвшія только лишь реформы, счастливыя тѣмъ, что имъ удалось избѣжать борьбы, всю опасность которой они видѣли вблизи, согласились ничего больше не требовать и шумно поздравляли себя съ общимъ триумфомъ. Но болѣе вѣрный и болѣе смѣлый инстинктъ народа, позволивъ всеобщей радости захватить себя на моментъ, толкалъ его идти дальше. Хозяева мастерскихъ, вліятельные члены тайныхъ обществъ, нѣсколько радикальныхъ журналовъ одобряли это намѣреніе. Они убѣждали гражданъ не довѣряться новому вѣроломству, скрытому за этой ложной уступчивостью Людовика-Филиппа. Въ самомъ дѣлѣ, что представляетъ собою Моле, чтобы народъ могъ радоваться врученію ему власти? Придворнаго изъ стариннаго дворянства. Какъ народъ, оставшійся побѣдителемъ на полѣ битвы, удовлетворится такими пустяками, когда національная гвардія высказалась за него, а линейныя войска отказались съ нимъ сражаться? когда трупы его близкихъ еще распростерты на уличныхъ мостовыхъ, когда женщины и дѣти взываютъ къ мщенію за ихъ мужей и отцовъ, убитыхъ по приказу гнуснаго короля, народъ потерпитъ, чтобы еще лишній разъ, въ замкѣ, посмѣялись надъ его легковѣрностью и его слабостью? Къ этимъ возбуждающимъ репликамъ присоединились слухи объ измѣнѣ; говорили о томъ, что нужно остерегаться ловушекъ. Сообщали, будто отставка Гизо совсѣмъ не официальная, и будто за ней скрывается западня. Какъ только народъ сложитъ оружіе, власть сброситъ маску и отомститъ кровавыми экзекуціями за свое временное униженіе ¹⁾).

Республиканскій духъ, едва выраженный въ палатѣ, подавленный на всей поверхности «легальной страны», сосредоточился, пылкій и молчаливый, въ рабочемъ населеніи Парижа. Несмотря на

¹⁾ Въ то время, какъ люди слова будили такимъ образомъ гнѣвъ народа, люди дѣла организовали сопротивленіе въ его истинномъ центрѣ, въ пространствѣ, заключенномъ между улицей Вьейль-дю-Тампль и предмѣстіемъ Сэнъ-Дени. Тамъ осталась частая сѣть баррикадъ, охраняемая сознательными республиканцами, которые сговаривались о завтрашней атакѣ.

многочисленные пораженія партіи, несмотря на столько обманутыхъ надеждъ и неудачныхъ попытокъ, фанатическій республиканизмъ не переставалъ гнѣздиться въ неукротимыхъ сердцахъ. Республиканцы, уже потерявшіе надежду, послѣ послѣдней вооруженной попытки въ 1839 году, захватить власть силой, смотрѣли съ громадной радостью на реформистское движеніе буржуазіи, лстя себя надеждой увлечь ее въ благоприятную минуту за предѣлы поставленной ею себѣ цѣли. Но, наученные опытомъ, они остерегались выдавать себя преждевременными демонстраціями и, скрываясь, маскируясь за легальной оппозиціей, они ограничивались тѣмъ, что исподтишка разжигали ее, пользуясь ея же языкомъ. Когда поле битвы осталось за «легальной страной», она остановилась въ сознаніи своей побѣды, а республиканцы съ меньшей энергіей продолжали сраженіе, рѣшившись попытать счастья и рискнуть съ опасностью для жизни на отчаянную борьбу.

Здѣсь вставляегся одно изъ трагическихъ событій, за которыя каждая партія отклоняетъ отъ себя отвѣтственность; воля человеческая и судьба проявляются въ нихъ очень сложнымъ и таинственнымъ образомъ, который остается неяснымъ даже современникамъ. Трудна и тягостна задача тѣхъ, кто ихъ рассказываетъ. Совершается безчеловѣчный поступокъ, который давитъ общественную совѣсть. Одни обвиняютъ въ немъ другихъ. Тотъ или тѣ, у кого хватаетъ дикой энергіи на преступленіе, не обладаютъ, къ счастью, циничной смѣлостью, чтобы оспаривать его честь; и историкъ, котораго долгъ заставляетъ освѣтить своимъ факеломъ-обличителемъ ту темноту, гдѣ скрывается измѣна, радуется, противъ воли, когда факель выскользаетъ изъ его невѣрной руки и гаснетъ въ сострадательномъ мракѣ.

Бульвары имѣли волшебный видъ. Длинная гирлянда разноцвѣтныхъ огней, прикрѣпленныхъ на всѣхъ этажахъ, соединяла дома, какъ радостная эмблема единенія сердець. Мужчины, женщины, дѣти свободно и доверчиво двигались по этому сіяющему бульвару, обычному театру всѣхъ зрѣлищъ и празднествъ парижскаго населенія. Воздухъ былъ пропитанъ веселіемъ; удовлетвореніе было написано на всѣхъ лицахъ. Время отъ времени, посреди улицы проходили группы со знаменами, съ аллегорическими транспарантами и съ пѣніемъ *Марсельезы*. Предъ темными окнами останавливались, и дѣти, умышленно грубымъ голосомъ, пѣли на какой-нибудь шутливый мотивъ требованіе фонарей, которыя не заставляли себя долго ждать. Импровизированныя пародіи, смѣшныя сцены забавляли прохожихъ ¹⁾).

¹⁾ Подъ окна Гебера, который не хотѣлъ ознаменовывать иллюмина-

Около девяти съ половиной часовъ, толпа, гораздо болѣе значительная, а главное, гораздо болѣе стройная въ своихъ движеніяхъ, чѣмъ всѣ другія, проходя съ факелами и краснымъ знаменемъ ¹⁾, появилась длинной колонной около улицы Монмартръ. Она шла изъ глубины Сентъ-Антуанскаго предмѣстья, съ пѣніемъ патристическихъ пѣсенъ и, какъ всѣ предшествовавшія, направлялась къ церкви Св. Магдалины. Запѣвалъ и подтягивалъ нѣкто Анри, человекъ изъ простонародья, отличавшійся сильнымъ и задушевымъ голосомъ. Громадное число любопытныхъ, привлеченныхъ красотою пѣсенъ, присоединилась къ этой демонстраціи, которая казалась такой безобидной. Нѣсколько мальчишекъ съ трехцвѣтными фонарями, да нѣсколько рабочихъ, размахивающихъ въ воздухѣ саблями и ружьями, не внушали никакого подозрѣнія. Эскадронъ кирассиръ, который встрѣтился съ колонной у воротъ Сэнь-Дени, привѣтствовалъ ее криками: «ура, реформа!» Общій праздникъ захватывалъ всѣхъ, буржуа и пролетаріи подавали другъ другу руки, сюртукъ и блуза фамиллярно сближались. Радостное чувство братства било черезъ край во всѣхъ сердцахъ.

Такимъ образомъ, дошли до улицы Лепелетье. Большая часть даже не знала, куда идутъ и съ какой цѣлью они были собраны, а присоединилась къ толпѣ изъ-за простого удовольствія идти въ рядахъ и пѣть, безъ всякой злобы, пѣсни, которыя считаются мятежными. Тутъ одинъ изъ вожаковъ колонны, шедшій впереди съ обнаженной шпагой въ рукѣ, сдѣлалъ знакъ повернуть направо и остановился передъ домомъ, гдѣ находилась редакция «National». Въ окнѣ показался Арманъ Маррастъ и, привѣтствованный всеобщими восклицаніями, обратился къ толпѣ съ рѣчью. «Граждане,—сказалъ Маррастъ, среди глубокаго молчанія,—намъ выдался прекрасный день, не испортимъ его. Народъ имѣетъ право требовать гарантій и удовлетворенія. Необходимо, чтобы онъ потребовалъ: распушенія Собранія, привлеченія къ отвѣтственности министровъ, распушенія національной гвардіи, двухъ реформъ парламентской и избирательной и права сходовъ. Не забудемъ, наконецъ, что эта побѣда не есть побѣда только для Франціи, но также для Швейцаріи и Италіи». Такъ говорилъ въ среду 23-го февраля, въ десять

цей свое собственное пораженіе, одна группа остряковъ привела увѣщеннаго лентами и погремушками осла, въ красномъ колпакѣ; у кого-то въ толпѣ оказалась гитара, и министру устроили крайне шутовскую сцену.

¹⁾ Это было первое красное знамя, появившееся тогда; кромѣ того, это было явнымъ нарушеніемъ предписаній, данныхъ въ бюро «Réforme» и въ другихъ центрахъ, руководившихъ возстаніемъ. Было положительно запрещено пользоваться инымъ знаменемъ, кромѣ трехцвѣтнаго, и кричать что нибудь, кромѣ „ура, реформа!“

часовъ вечера, главный редакторъ «National», и почти навѣрно можно сказать, что онъ выражалъ желаніе громадной массы гражданъ. Въ этотъ моментъ онъ никакъ не могъ предвидѣть, что эта едва вооруженная фаланга, встрѣтившая его восторженными привѣтствіями, черезъ десять минутъ, ставши зачинщицей и жертвой ужасающей бойни, измѣнитъ все положеніе вещей, вызоветъ революцію и проложитъ кровавую дорогу той республикѣ, пришествіе которой онъ уже въ теченіе столькихъ лѣтъ считалъ невозможнымъ, или, по крайней мѣрѣ, принадлежащимъ будущимъ поколѣніямъ.

Отвѣтивъ аплодисментами на рѣчь Марраста, колонна снова сформировалась въ еще большемъ порядкѣ и двинулась по направленію церкви Св. Магдалины. У улицы Мира она увеличилась толпой, которая только что насильно заставила иллюминировать зданіе министерства юстиціи; ставши очень внушительной отъ этого подкрѣпленія, она подошла, все болѣе смолкая по мѣрѣ движенія впередъ, на разстояніе нѣсколькихъ шаговъ, къ посту, охранявшему министерство иностранныхъ дѣлъ. Этотъ постъ состоялъ изъ двухсотъ человекъ четырнадцатаго линейнаго полка, подъ начальствомъ баталіоннаго командира де-Бротонна. Съ нимъ былъ подполковникъ Куранъ. Видя сквозь густое облако дыма, при невѣрномъ свѣтѣ факеловъ, что приближается волнующаяся и темная масса, ¹⁾ надъ которой сверкаетъ сталь сабель и ружей, командиръ отдалъ отряду приказъ построиться въ каре ²⁾.

Фамиллярный обмѣнъ шутокъ и замѣчаній, установившійся съ самаго начала вечера между солдатами и гуляющими, сразу прервался. Толпа съ удивленіемъ смотрѣла на этотъ маневръ, не испытывая ни малѣйшаго страха.

Неожиданно остановленная въ своемъ движеніи, народная ко-

¹⁾ Колонна состояла:

1°. Изъ семи или восьми молодыхъ рабочихъ, выстроившихся въ рядъ и несшихъ красное знамя.

2°. Изъ одного человека, въ формѣ національной гвардіи, который шелъ одинъ сзади на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ.

3°. Изъ перваго ряда, гдѣ были видны только національные гвардейцы.

4°. Изъ густой массы, состоявшей изъ ремесленниковъ, буржуа, женщинъ и дѣтей.

²⁾ Одна изъ его сторонъ загораживала бульваръ у улицы Нёвъ-Сэнтъ-Огюстенъ, войска были лицомъ къ Бастиліи. Противоположная сторона, обращенная къ церкви Св. Магдалины, загораживала бульваръ на углу улицы Нёвъ-Сэнтъ-Огюстенъ. Эти два крыла были соединены длинной линіей солдатъ лицомъ къ улицѣ Бассъ-дю-Рампаръ. Внутреннее пространство, ограниченное этими тремя линіями, оставалось свободнымъ; тамъ находился подполковникъ Куранъ со своими офицерами.

лонна толпится, сбивается въ кучу. Между предводителями этой толпы, подполковникомъ и командиромъ завязываются переговоры. Народъ начинаетъ кричать «ура, пѣхота!» и хочетъ брататься съ солдатами. Де-Бретоннъ, вспоминая, безъ сомнѣнія, всѣ случаи обезоруженія войскъ, произведенные такимъ образомъ въ теченіе дня, и не довѣряя намѣреніямъ этой массы, противится ея проходу. Онъ требуетъ, чтобы она свернула въ улицу Басъ-дю-Рампаръ. Ему отказываютъ. Во время этого препирательства, народъ, подошедшій почти вплотную къ солдатамъ, такъ сдавливаютъ ихъ, что первый рядъ разстраивается. Командиръ отряда, боясь, чтобы линія войска не была прорвана, громко командуетъ «ружья на перевѣсъ». Во время движенія, вызваннаго выполненіемъ этой команды, раздается выстрѣлъ. Мгновенно, безъ предварительнаго предупрежденія, безъ барабаннаго боя, такъ, что никто не могъ вспомнить, слышалъ ли онъ команду, раздается залпъ въ упоръ, и свинець смертоноснымъ дождемъ поражаетъ народную массу. Пронзительный крикъ прорѣзалъ ночной мракъ, и когда разсѣялось облако дыма, окутывавшее этотъ раздирающій вопль, открылось ужасное зрѣлище.

На мостовой была распростерта сотня людей, одни убиты на мѣстѣ, другіе смертельно ранены. Громадное число не устояло на ногахъ отъ потрясенія; многіе бросились лицомъ на землю по инстинкту самосохраненія. Кровь текла ручьями. Стоявъ раненыхъ, сдавленные крики тѣхъ, которые старались освободиться изъ подъ грудъ убитыхъ и умирающихъ, привели въ содроганіе сердце солдата, невинной причины этой бойни, на которую онъ глядѣлъ остановившимися отъ ужаса глазами. Очень скоро самые смѣлые изъ народа, очнувшись отъ перваго остоленія, бросились на помощь къ раненымъ. При помощи солдатъ и національныхъ гвардейцевъ, прибѣжавшихъ на звукъ залпа, они поднимаютъ и переносятъ на рукахъ еще дышавшія жертвы въ сосѣдніе дома, въ оставшіяся открытыми аптеки. Ихъ было не менѣе тридцати двухъ ¹⁾. Двадцать

¹⁾ Пятьдесятъ два по словамъ Еліаса Реньо. Тридцать пять убитыхъ, сорокъ семь раненыхъ, по словамъ Гарнье-Нажеса. По поводу этой таинственной катастрофы циркулируетъ много различныхъ версій. Но ни одна изъ нихъ не обладаетъ достаточной степенью достовѣрности, чтобы ею воспользовался историкъ. По объясненію офицера, посланнаго подполковникомъ въ кафе Тортони, командующій отрядомъ отдалъ приказъ взять ружья на перевѣсъ, чтобы противостоять наступленію народа. При поспѣшности этого маневра, выстрѣлило одно заряженное ружье, и солдаты, принявъ этотъ одинокій выстрѣлъ за обычный сигналъ стрѣльбы по рядамъ, открыли огонь. По рассказамъ другихъ офицеровъ, пистолетнымъ выстрѣломъ инсургентовъ было раздроблено колѣно у лошади командира, и войско, видя, что на него нападаютъ, воспользовалось правомъ

три, изъ которыхъ одинъ солдатъ, уже испустили свой послѣдній вздохъ.

Подполковникъ, въ отчаяніи, чувствуя, какъ надъ нимъ нависаетъ тяжелая отвѣтственность, и предвидя послѣдствія этого событія, поторопился отправить одного изъ своихъ офицеровъ Байлье въ кафе Тортони, чтобы объяснить и представить въ видѣ недоразумѣнія этотъ залпъ, который будитъ всюду народное мщеніе. Но объясненія не ведутъ ни къ чему, когда кровь еще дымится. Байлье былъ остановленъ толпой передъ café de Paris. Ему грозили, его били; онъ былъ уже на порогѣ смерти, когда явились національные гвардейцы и освободили его.

Между тѣмъ, бросившись врасыпную, всюду бѣжали мужчины, женщины, дѣти, блѣдные, испуганные, растерянные, болѣе похожіе на призраки, чѣмъ на людей, и прерывающимся голосомъ, съ жестами отчаянія, звали на помощь. Многіе напрасно стучали въ двери домовъ, чтобы найти въ нихъ спасеніе, думая, что за ними гонятся убійцы. На умъ приходили убійства на улицѣ Трансонанъ; ужасъ растегъ; оцѣпенѣніе парализуетъ даже жалость. Увѣдомленный о томъ, что произошло, національными гвардейцами, которые вмѣстѣ съ народомъ предполагали здѣсь позорное предательство, ¹⁾ мэръ второго округа велѣлъ бить сборъ. Загудѣлъ набатъ. Вскорѣ раздалась сухія удары кирокъ о мостовую, и было слышно, какъ тяжело

законной защиты. Фактъ тотъ, что одинъ солдатъ, по имени Анри, былъ убитъ раздавшимся неизвѣстно откуда выстрѣломъ, а за этимъ выстрѣломъ немедленно послѣдовалъ залпъ. Существуетъ еще другая версія, которой очень вѣрили въ теченіе нѣкотораго времени; между прочимъ, Ламартинъ приводитъ ее въ своемъ фантастическомъ рассказѣ. Это именно та версія, которая обвиняетъ Шарля Лагранжа въ томъ, что онъ измѣннически проводилъ войско, выстрѣливъ въ упоръ изъ пистолета въ солдата. Молчаніе, которымъ Лагранжъ отвѣчалъ на это обвиненіе, и то обстоятельство, что два дня спустя въ ратушѣ его схватилъ приступъ горячки, казались многимъ людямъ очень серьезной уликой противъ него. Но самый характеръ Лагранжа такъ же, какъ и показанія людей, достойныхъ вѣры, совершенно отклоняютъ эти предположенія. Однако, все заставляетъ вѣрить, что въ этой катастрофѣ на бульварѣ Капуциновъ большую роль игралъ случай, чѣмъ преднамѣренность. Правда, нѣкотораго числа республиканцевъ было намѣреніе начать снова борьбу и воспользоваться первымъ предлогомъ, чтобы опять завязать сраженіе, но что касается мѣста и времени, то они не были и не могли быть назначены точно.

¹⁾ Распространился слухъ, что много національныхъ гвардейцевъ пало жертвой засады у отеля Капуциновъ. Прибѣжавъ въ мэрію второго округа, раздраженные національные гвардейцы потребовали патроновъ. Имъ отвѣтили, что патроновъ нѣтъ, и этотъ новый знакъ недовѣрія утвердилъ ихъ въ мысли, что они вмѣстѣ съ народомъ терпятъ отъ злой воли правительства.

падали деревья бульваровъ. Это народъ снова строилъ свои баррикады. Его гнѣвъ, на мгновение утихнувшій, разгорѣлся съ еще большей яростью.

Пробила полночь. Бульвары еще слабо освѣщены потухающей иллюминаціей. Двери и окна домовъ заперты, лавки закрыты; каждый вернулся домой съ печалью въ стѣсненномъ сердцѣ. Въ молчаніи улицъ чудится затаенное коварство, честные граждане не знаютъ, чего они должны бояться и чего желать, но они чувствуютъ приближеніе великаго несчастья. Въ эту ночь, полную боязни и тоски, внимание напряжено, чуткія уши ловятъ каждый звукъ. Родится масса предположеній. Не тушатся лампы и семьи не ложатся спать.

Вдругъ раздается глухой звукъ колесъ на мостовой, нѣсколько оконъ полуоткрываются съ предосторожностями. Что видятъ они, почему они такъ быстро прячутся? Какое зрѣлище отталкиваетъ ихъ, привлекаетъ снова, наводитъ ужасъ? что это за крики? что это за несвязныя голоса? Что значитъ эта мрачная процессія, которой, казалось, руководятъ Евмениды народа? Въ большой телѣгѣ, запряженной бѣлой лошадыю, которую вель подъ уздцы рабочій съ обнаженными руками, лежало пять труповъ, размѣщенныхъ съ ужасающей симметричностью. На повозкѣ стоялъ молодой человекъ изъ изъ народа, съ блѣднымъ лицомъ, съ горящимъ пристальнымъ взоромъ, вытянувъ руку, почти неподвижный, какъ олицетвореніе духа мщенія, освѣщая красноватыми отблесками своего отклоненнаго назадъ факела тѣло молодой женщины. Ея посинѣвшія шея и грудь были запачканы широкой кровавой струей. Время отъ времени, другой рабочій, на другомъ концѣ телѣги, обнималъ своей мускулистой рукой это неподвижное тѣло, поднималъ его, потрясая своимъ факеломъ, изъ котораго сыпались искры и язычки пламени, и кричалъ, обводя толпу дикимъ взглядомъ: «Местъ! Местъ! Народъ убиваютъ!» «Къ оружію!» отвѣчала толпа, и тѣло опускалось на дно повозки, и все на минуту погружалось въ молчаніе. Только въ Дантовскомъ Адѣ есть такія сцены молчаливаго ужаса. Народъ это — вѣчный поэтъ, которому страсть и природа самобытно внушаютъ ту патетическую красоту, величественные эффекты которой даются искусству лишь съ большимъ трудомъ.

Отправившись съ того мѣста, гдѣ пали эти жертвы ¹⁾, мрачная

¹⁾ Говорятъ, что, подготавливая эту бойню, провокаторы народнаго гнѣва приготовили около министерства иностранныхъ дѣлъ нѣсколько дрогъ для перевозки труповъ. Это совершенно невѣрно. Мы извѣстно отъ многихъ заслуживающихъ довѣрія свидѣтелей всей этой трагедіи, что спустя нѣсколько минутъ послѣ залпа, на бульваръ, изъ улицы Нѣвъ

колесница медленно подвигалась къ тому дому, на улицѣ Лепеллетье, у котораго за два часа передъ этимъ, останавливалась народная толпа, чтобы выслушать слова мира и привѣтствовать своимъ «ура» одного изъ вождей демократической прессы. На этотъ разъ она тоже остановилась, и Гарнье-Пажесу пришлось говорить ей.

«Несчастье, поразившее насъ,—говорилъ онъ, овладѣвъ своимъ волненіемъ,—можетъ быть приписано только лишь несчастному недоразумѣнію. Умоляю васъ, разоидитесь по домамъ, не нарушайте порядка. Конечно, есть виновные; справедливость будетъ оказана. Мы добьемся, чтобы правительство приняло на себя заботы о семьяхъ пострадавшихъ. Откажитесь только отъ этой демонстраціи, которая можетъ повести къ еще большіимъ несчастіямъ». Народъ оставался глухимъ къ этимъ мольбамъ. Громкими криками требовалъ онъ поддержки и распространенія возстанія. Ему нужны вооруженные вожди для битвы, а не болтуны, защищающіе порядокъ. Онъ удаляется гнѣвный, вербуя по пути рѣшительныхъ людей, которые клянутся умереть за общее дѣло, и идетъ искать болѣе искренней поддержки въ «Réforme», въ этотъ пылающій очагъ республиканскихъ страстей. Тамъ онъ находитъ собравшимися людей, которые рѣшились поставить на карту свою жизнь; они даютъ ему клятву, что завтра убійцы будутъ наказаны. Послѣ короткой остановки процессія снова пускается въ путь и углубляется въ предмѣстія. Дойдя до площади Бастиліи, они кладутъ трупы у подножія Іюльской колонны. Гаснутъ сгорѣвшіе факелы, толпа разсѣивается. Одни бѣгутъ по церквамъ и бьютъ въ набатъ, другіе стучатъ въ двери домовъ и требуютъ оружія. Оттачиваютъ сабли, льютъ пули, набиваютъ патроны. Повсюду воздвигаются баррикады. Изъ зловѣщаго мрака поднимается призракъ республики; коро-

де-Огюстенъ, выѣхала телѣга, которой пользуются обыкновенно при перевозкѣ товаровъ. Она была остановлена, находившіяся на ней вещи ыли сброшены на землю, и на нее положили столько труповъ, сколько помѣстилось. Правиль ею человекъ изъ простонародья по имени Сокка-Отрядъ драгунъ, стоявшій въ Королевской улицѣ, замѣтивъ издали шествіе и не разобравъ ничего въ этой движущейся массѣ, пустился въ галопъ, чтобы разсѣять ее.—*Уважайте мертвыхъ!*—закричалъ Сокка, въ тотъ моментъ, когда лошадиныя морды уже почти касались похоронной колесницы. Офицеръ командовалъ остановиться, и, повернувшись, драгуны снова заняли свой постъ, глубоко взволнованные только что представившимся имъ необычайнымъ зрѣлищемъ. Одинъ баталіонъ второго легіона, прибѣжавъ на бульваръ при звукахъ перестрѣлки, хотѣлъ было вмѣшаться, чтобы остановить, насколько возможно, этотъ призывъ къ народной мести. Принужденный немедленно отдать приказъ, баталіонный командиръ заколебался, смутился и кончилъ тѣмъ, что не захотѣлъ взять на себя отвѣтственность за принятіе мѣръ, которыя онъ считалъ безопасными и опасными.

левство шатается. Мертвые убили живыхъ. Въ этотъ часъ трупъ женщины могущественнѣй самой доблестной арміи въ мірѣ.

Х.

Третій день.

Въ то время, какъ въ воздухѣ раздавался печальный и волнующій гулъ набата, въ то время, какъ вдали ¹⁾ слышалась перестрѣлка, король, усталый и поглощенный своими мыслями, ожидалъ въ Тюильри исхода министерскаго кризиса.

Около 11 часовъ онъ узналъ отъ адъютантовъ, посланныхъ на развѣдки, о печальномъ происшествіи на бульварѣ Капуциновъ. Однако это извѣстіе, конечно, смягченное угодливыми разсказами, повидимому, невзволновало Людовика-Филиппа. Несмотря на очевидный испугъ герцоговъ Немурскаго и Монпансье, несмотря на волненіе и нерѣшительность генераловъ Жакмино и Себастьяни, король оставался совершенно пассивнымъ. Делессеръ прибѣжалъ во всю прыть изъ полицейской префектуры, гдѣ разсказъ о послѣднемъ событіи и впечатлѣніи, произведенномъ имъ на народъ, вызвалъ смятеніе. Съ большимъ трудомъ удалось ему вывести короля изъ его апатичнаго состоянія. Послѣднее тѣмъ болѣе внушало безпокойство, что рѣзко противорѣчило обычной дѣятельности Людовика-Филиппа. Король, въ данномъ случаѣ, такъ мало походилъ на самого себя, что во дворцѣ распространился слухъ, будто наканунѣ подъ вліяніемъ извѣстія объ измѣнѣ національной гвардіи съ нимъ сдѣлался ударъ. Ничего подобнаго не было, физическое здоровье короля нисколько не измѣнилось; но его политикѣ, составляющей, такъ сказать, его нравственное существо, былъ нанесенъ смертельный ударъ.

Время шло, а Моле все не являлся. Его переговоры съ де-Ремюза, Дюфоромъ и Пасси были внезапно прерваны печальной вѣстью, на которую Людовикъ-Филиппъ обратилъ такъ мало вниманія. Сразу сообразивъ, что его роль кончена, и не желая болѣе являться въ Тюильри, Моле извѣстилъ короля, что не можетъ составить министерство.

¹⁾ Около 11½ ч. оружейный магазинъ на улицѣ Сэнтъ-Онорэ былъ взятъ приступомъ, несмотря на упорное сопротивление муниципальной гвардіи, принужденной въ концѣ концовъ отступить передъ численностью и яростью инсургентовъ. На улицѣ Рамбюто и прилежащихъ къ ней муниципальных гвардейцы и вѣнскіе стрѣлки пытались взять приступомъ баррикады. На площади Сэнтъ-Сюльписъ залпъ, данный въ упоръ, разсѣялъ толпу; въ казармѣ на улицѣ Сэнтъ-Мартэнъ, муниципальные гвардейцы, окруженные народомъ, были вынуждены выдать оружіе національной гвардіи.

Король, совѣщавшійся въ это время съ Гизо, выразилъ удивленіе и недовольство по поводу отказа, необходимости котораго онъ не хотѣлъ признать; изъ этого факта онъ сдѣлалъ только одинъ выводъ, именно, что его личное положеніе становится все болѣе неприятымъ. Больше нельзя было колебаться; согласно прецедентамъ парламентской жизни наступала очередь Тьера; въ комбинаціяхъ министерства приходилось спуститься на ступень ниже и приблизиться къ реформистской оппозиціи. Самъ Гизо не могъ посовѣтовать ничего другого. Однако, чтобы смягчить вѣроятныя неблагоприятныя выходки подобнаго главы кабинета ¹⁾, онъ предложилъ назначить маршала Бюжо главнокомандующимъ всѣхъ вооруженныхъ силъ. По словамъ Гизо, рано или поздно, но придется разрубить мечомъ узелъ этого запутаннаго положенія, ставшаго невыносимымъ для королевскаго достоинства. Такъ какъ король согласился съ этимъ мнѣніемъ, то тотчасъ было составлено и подписано назначеніе маршала, а за Тьеромъ была послана дворцово-служебная карета въ его отель на площади Сэнтъ-Жоржа. Было около часа ночи. Въ то же время извѣстили маршала Бюжо, и онъ немедленно принялъ трудный постъ, который ему предложили лишь въ виду крайности. Онъ не ставилъ никакихъ условій ²⁾, онъ не стремился ни ускорить, ни замедлить дѣло. Какъ истый солдатъ, онъ думалъ и дѣйствовалъ по солдатски. Его увѣренность въ самомъ себѣ и въ силѣ оружія были непоколебимы. Неудачи дня онъ приписывалъ исключительно неспособности начальства; онъ немедленно принялъ мѣры, чтобы вознаградить потерянное время и вернуть войску его нравственную силу, утраченную благодаря слабости командировъ.

Тьеръ видѣлъ, какъ кругомъ его дома поднимаются и выростають баррикады. По странной случайности, онъ приказалъ при себѣ раздать съѣстные припасы отряду инсургентовъ, которые, не зная его лично, зашли попросить позволенія отдохнуть во дворѣ его дома ³⁾. Изъ словъ этихъ людей, не скрывавшихъ ни ненависти къ династіи, ни вѣры въ успѣхъ борьбы, онъ ясно увидѣлъ необходимость немедленныхъ и широкихъ уступокъ волѣ народа. По

¹⁾ „Теперь будутъ управлять сумасшедшіе“,—сказалъ Гизо герцогу де-Бройль, узнавъ о назначеніи кабинета Тьера-Барро.

²⁾ Нельзя считать условіемъ вырвавшееся у маршала восклицаніе: „Главное—не надо принцевъ; пусть мнѣ не назначаютъ принцевъ; я достаточно насмотрѣлся на нихъ въ Африкѣ“.

³⁾ Говорятъ, что г-жа Донъ, теща Тьера, не сочла для себя оскорбительнымъ сама служить на импровизированномъ ужинѣ этимъ людямъ въ разорванной одеждѣ; она была поражена и восхищена ихъ вѣжливыми манерами и сознаніемъ силы и права, сквозившемъ въ ихъ разговорахъ.

этому, несмотря на болѣе, чѣмъ холодный приѣмъ у Людовика-Филиппа, онъ опредѣленно поставилъ условіемъ своего участія при столь натянутомъ положеніи: приглашеніе въ совѣтъ Барро, реформу парламента и распущеніе палаты.

Людовикъ-Филиппъ, возбужденный присутствіемъ раздражавшаго его человѣка, котораго онъ считалъ неблагодарнымъ, почти мятежникомъ, согласился на назначеніе Барро; онъ не высоко ставилъ способности послѣдняго, но не считалъ его противникомъ королевской власти. Двумъ послѣднимъ условіямъ король рѣшительно воспротивился, находя ихъ во всякомъ случаѣ преждевременными ¹⁾. Тьеръ, изумляясь такому смѣлому упрямству и боясь потерять драгоценное время, не настаивалъ. Они согласились отложить до полного сформированія новаго министерства окончательное рѣшеніе, и министръ, подъ наблюденіемъ Людовика-Филиппа, составилъ для «Монитора» ²⁾ замѣтку, извѣщавшую Францію о томъ, что король поручилъ Тьеру и Одиллону Барро составить новый кабинетъ. За этой замѣткой слѣдовало назначеніе маршала Бюжо, какъ бы для того, чтобы ослабить хорошее впечатлѣніе. Тѣмъ не менѣе король, посоветовавшись нѣсколько минутъ съ Гизо, ожидавшемъ въ сосѣдней комнатѣ ухода Тьера, и убѣжденный, что уступилъ болѣе, чѣмъ было необходимо, ушелъ отдохнуть... Онъ ни минуты не сомнѣвался въ приѣмѣ, который встрѣтитъ въ Парижѣ подобная комбинація. Было четыре часа утра. Онъ спокойно проспалъ до семи.

Въ это критическое время трудно было принять болѣе неполнозначительное рѣшеніе, такъ ясно выдававшее полную путаницу въ намѣреніяхъ. Ничто не могло лучше поднять революціонное настроеніе. Бросить вооруженной толпѣ имя Барро значило показать, что королевская власть ниспровергнута, унижена, придавлена. Во главѣ національной гвардіи поставили маршала Бюжо, ненавистнаго парижанамъ, опозореннаго въ ихъ глазахъ самыми неизгладимыми воспоминаніями о нашихъ гражданскихъ войнахъ, и имя котораго исключало всякую надежду на соглашеніе. Этимъ назначеніемъ правительство лишило себя той нравственной силы, благодаря которой оно, поддерживая новое министерство, могло оказать нѣкоторое вліяніе на народъ и сдѣлать цѣнную поздную уступку, сдѣланную ему.

Въ принятіи двухъ совершенно противоположныхъ мѣръ видна,

¹⁾ На предложеніе распустить палату Людовикъ-Филиппъ отвѣтилъ: „Я знаю, что у меня есть; но совершенно неизвѣстно, что я получу“.

²⁾ Эта замѣтка была напечатана въ неофициальной части „Монитора“, а въ официальной былъ помѣщенъ приказъ о назначеніи маршала Бюжо.

была слабость, вызовъ, недостатокъ ловкости, отсутствіе искренности. Самый осторожный и опытный изъ королей потерялъ, казалось, политическій тактъ вмѣстѣ съ сознаніемъ своего права.

Странное зрѣлище, которое едва-ли когда-нибудь повторится въ исторіи, представляетъ собой эта революція въ сознаніи короля, которая сломала его волю, побѣдила его геній раньше, чѣмъ внѣшняя революція страны осмѣлилась назвать свое настоящее имя, какъ народу, ее совершившему, такъ и тѣмъ, кого она смела.

Около часу дня маршалъ Бюжо въ сопровожденіи генераловъ Рюльера, Бедо, Ламорисьера, де-Салля, Сэнтъ-Арно и другихъ, отправился въ главный штабъ Тюльри принимать командованіе арміей. Передавъ ему этотъ постъ согласно установленному этикету, герцогъ Немурскій представилъ ему въ нѣсколькихъ словахъ собравшихся офицеровъ и затѣмъ, молча, присутствовалъ при распоряженіяхъ, которыя маршалъ, со свойственной ему быстротой въ рѣшеніяхъ, началъ тотчасъ отдавать. Бюжо своей краткой и рѣзкой рѣчью, своей пылкостью гасконца и солдата сразу воодушевилъ приунывшихъ. Онъ напомнилъ присутствовавшимъ офицерамъ, что тотъ, кто поведетъ ихъ въ бой, ни разу не терпѣлъ пораженія ни на полѣ битвы, ни при возстаніи: онъ обѣщалъ, что и на этотъ разъ быстрая побѣда воздастъ по заслугамъ кучкѣ мятежниковъ. «Если національная гвардія будетъ съ нами», сказалъ маршалъ, оканчивая рѣчь: «тѣмъ лучше; если нѣтъ—что за бѣда, господа, мы обойдемся и безъ нея».

Когда онъ кончилъ свое краткое привѣтствіе, которое у всякаго другого показалось бы грубымъ хвастовствомъ, вошелъ Тьеръ съ озабоченнымъ видомъ; его сдержанность рѣзко отличалась отъ развязныхъ словъ герцога д'Исли, съ недовольнымъ видомъ принималъ онъ поздравленія. Когда маршалъ сталъ торопить его выпустить объявленія о перемѣнѣ кабинета, то, видимо обезкураженный, министръ воскликнулъ: «Да развѣ я знаю, удастся ли мнѣ одному составить его». Дѣйствительно, программа новаго министерства была установлена Тьеромъ, Одиллономъ Барро, Дювержье де-Горанномъ и де-Ремюза только послѣ длиннаго и труднаго совѣщанія. Было еще неизвѣстно, согласятся ли принять портфели Пасси и Дюфоръ, накануне отказавшіе Моле. Съ де-Ламорисьеромъ Кузенномъ и Леономъ де-Маллевилемъ велись переговоры. Дѣло было далеко отъ той рѣшительной инициативы, отъ ряда тѣхъ быстрыхъ и энергичныхъ мѣръ, которыхъ слѣдовало ожидать, судя по имени маршала Бюжо, такъ легкомысленно броженномъ народу. Рапорты, получаемые маршаломъ о состояніи войскъ въ Парижѣ, никоимъ образомъ не могли его удовлетворить. Генераль Себастьяни могъ предста-

вить въ распоряженіе маршала только 10,000 человекъ, находящихся на площади Карусель, истомленныхъ, плохо снабженныхъ боевыми припасами и провіантомъ¹⁾. Остальной гарнизонъ разсѣялся; многіе посты были захвачены и обезоружены, нѣсколько казармъ было окружены мятежниками. Обозъ съ порохомъ, отправленный изъ Вэнсена, попалъ въ руки инсургентовъ Сэнтъ-Антуанскаго предмѣстья. На все эти извѣстія герцогъ д'Исли отвѣтилъ тѣмъ, что принялся составлять планъ атаки.

Чтобы дать отдыхъ солдатамъ, онъ приказалъ раздѣлить ихъ для сна на двѣ двухчасовыя смѣны по рядамъ. Затѣмъ все войско онъ раздѣлил на нѣсколько главныхъ колоннъ, почти равныхъ по силѣ. Первая, подъ командой генерала Себастиани, должна была выступить на разсвѣтъ и соединиться въ Ратушѣ съ отрядомъ, находившемся тамъ подъ командой генерала Талландье. Вторая, подъ командой генерала Бедо, получила приказаніе добратся до бульваровъ по улицамъ Монмартръ и Пуассоньеръ и направиться къ площади Бастиліи, занятой генераломъ Дюго. Третья, съ самимъ маршаломъ во главѣ, должна была оперировать позади двухъ первыхъ и препятствовать возобновенію баррикадъ, въ то время какъ четвертая, подъ начальствомъ полковника Брюно, должна была направиться по улицамъ Св. Отцовъ и Сенской черезъ Сэнтъ-Мишельскую площадь къ Пантеону, находившемуся подъ охраной дивизіи Рено. Резервный корпусъ, подъ командой генерала Рюльеръ, занимаетъ площадь Карусели, а генераль Реньо де-Сэнтъ-Жанъ-д'Анжели съ кавалеріей—площадь Согласія. Общія инструкціи предписывали начать повсемѣстно атаку, если извѣстіе о назначеніи Тьера и Барро окажется недостаточно для возстановленія порядка.

Въ то время, какъ маршалъ принималъ эти стратегическія мѣры, искусныя, почти непогрѣшимыя съ точки зрѣнія военного, политическіе дѣятели, отъ которыхъ онъ ожидалъ содѣйствія, оспаривали только что врученную ему власть и такимъ образомъ уничтожали всякое впечатлѣніе, на которое можно было надѣяться.

Собравшись у Одилона Барро, члены министерства при самомъ формированіи высказались противъ принятія непріязненныхъ мѣръ. Барро при поддержкѣ Дювержье де-Горанна заявилъ, что приметъ портфель при непремѣнномъ условіи немедленно прекратить огонь. Де-Ремюза совѣтовалъ передать командованіе національной гвардіей генералу Ламорисьеру. Одинъ Тьеръ, соглашаясь съ необходимостью попытаться придти къ соглашенію, считалъ это очень труднымъ и поддерживалъ назначеніе маршала Бюжо. Въ немъ

¹⁾ Въ войскахъ, охранявшихъ Тюильри, было только по шести патроновъ на человека и не хватало хлѣба.

Тьеръ видѣлъ послѣднюю надежду на спасеніе, если бы народъ, крайне раздраженный, не удовольствовался возможными уступками, и между монархіей и республикой загорѣлся смертный бой.

Соглашеніе по этому основному пункту еще не было достигнуто, какъ занялся день. Его холодные лучи освѣтили самую изумительную смѣсь, самый безысходный хаосъ желаній, гнѣва, надеждъ и опасеній, который когда-либо отдавалъ общество во власть чего-то неизвѣстнаго и могущественнаго. Ни бороться съ этимъ, ни управлять роковымъ ходомъ событій—общество не могло, Парижъ былъ усѣянъ баррикадами¹⁾, охраняемыми почти повсюду республиканскими вождями. Начинаясь отъ самыхъ отдаленныхъ предмѣстій, онъ грозно приближается почти къ самому Тюильри²⁾. Деревья на бульварахъ были срублены. Улицы, усѣянные обломками стеколъ и посуды, съ разломанными мостовыми, были почти недоступны для артиллеріи и кавалеріи. Гауптвахты, бюро у заставъ, будки, скамейки были разрушены, сожжены, изломаны на тысячи кусковъ; все лавки заперты.

Кучи пепла, слѣды бивучныхъ огней, придавали зрѣлищу еще болѣе печальный видъ. Инсургенты, національные гвардейцы, воспитанники школъ, шумно двигались по улицамъ и площадямъ и съ неодобреніемъ сообщали о ночной новости—назначеніи маршала Бюжо. Это имя, вызывавшее ненависть парижскаго населенія, бросало зловѣщую тѣнь на всехъ остальныхъ членовъ составившагося министерства. Въ толпѣ едва удостоивали выслушивать вполне благонамѣренныхъ лицъ, которыя говорили о примирительномъ министерствѣ и надѣялись успокоить раздраженіе именемъ Одилона Барро. Немногія прокламаціи, при томъ еще не подписанныя, которыя пытались расклеить по стѣнамъ, тотчасъ были сорваны и растоптаны ногами. Повсюду, гдѣ собиралась національная гвардія, считавшая назначеніе герцога д'Исли новымъ издѣвательствомъ, раздавался только одинъ крикъ: «Долой Бюжо, долой героя улицы Трансвонантъ!»; это единодушіе ясно показывало, что приказаніямъ маршала повиноваться не будутъ.

Демократическія газеты «Réforme» и «National» съ своей стороны напечатали протестъ, составленный наканунѣ вечеромъ на политическомъ собраніи Луи-Бланомъ³⁾. Въ то же время все баррикады обходило воззваніе къ возстанію, выпущенное редакціей «Courrier

¹⁾ Число ихъ опредѣляютъ въ 1512.

²⁾ Около 9 час. утра съ улицы л'Эшель раздались выстрѣлы, направленные въ окна помѣщенія, занятаго сыновьями герцогини Орлеанской. Бѣдныхъ дѣтей, изумленныхъ такимъ пробужденіемъ, поспѣшно перевели во внутренніе покои зданія.

³⁾ Смотри „Историческіе документы“ въ концѣ тома. № 5.

Français». Такимъ образомъ, революціонное движеніе не только не стихало, но все росло и было уже поздно идти на уступки, или бороться съ нимъ. Около 8 часовъ утра народъ овладѣлъ, гдѣ силой, гдѣ добровольно, почти всѣми мѣрями и пятью казармами, доставъ себѣ тамъ боевые припасы. Онъ занялъ ворота Сэнтъ-Дени, площадь Побѣды, уголь при церрви Сэнтъ-Эстамъ, всѣ стратегическіе пункты внутри города. Генераль Дюго былъ принужденъ очистить площадь Бастиліи и отступить къ Вэнсену.

Генераль Бедо ¹⁾ не зналъ ничего о томъ, что происходило во дворцѣ, гдѣ только что проснувшійся король былъ подавленъ, сбитъ съ толку тысячею запутанныхъ мнѣній, среди которыхъ особое значеніе имѣло мнѣніе Одилона Барро. Соединившись съ генераломъ де-Саллемъ, Бедо выполнялъ съ военной точностью приказанія главнокомандующаго ²⁾. На площади Карусель онъ сказалъ нѣсколько словъ ввѣреннымъ ему войскамъ ³⁾ и двинулся по маршруту, указанному маршаломъ. Во время своего движенія по улицамъ Нёвъ-де-Пети-Шанъ, Вивіеннъ и Фэдо онъ разрушилъ нѣсколько баррикадъ, покинутыхъ инсургентами ⁴⁾. Но достигнувъ въ ¹/₂ восьмого подъема въ гимназію, на бульварѣ, генераль наткнулся на баррикаду значительно большихъ размѣровъ, выстроенную по всѣмъ правиламъ искусства и охраняемую очень сильно. Кругомъ тѣснилась взволнованная толпа. При видѣ войскъ раздался угрожающій ропотъ. Тогда изъ среды возбужденной толпы нѣсколько гражданъ обратились къ генералу и умоляли его именемъ безоружнаго народа не начинать сраженія.

Желая не менѣе лицъ, обратившихся къ нему, избѣжать кроваваго столкновенія, генераль подошелъ къ ближайшей группѣ и сообщилъ ей, какъ хорошую новость, которая должна прекратить всѣ враждебныя дѣйствія, о перемѣнѣ министерства. Но недовѣріе слишкомъ велико у всѣхъ ⁵⁾, и ропотъ не стихаетъ.—Во имя окру-

¹⁾ Генераль Бедо былъ знатнаго рода, легитимистъ, уроженецъ Нанта; онъ отличался въ Африкѣ храбростью и военными талантами. Онъ былъ въ большой милости у герцога Омальскаго и маршала Бюжо, и послѣднее время быстро выдвинулся впередъ.

²⁾ Генераль Себастиани, выступивъ въ 5 часовъ, выполнилъ точно приказаніе и преодолѣлъ почти безъ сопротивленія всѣ препятствія.

³⁾ Четыре роты Орлеанскихъ стрѣлковъ; два батальона 1-го легкаго полка; два батальона 21-го линейнаго; эскадронъ 8-го драгунскаго; два полевыхъ орудія; инженерные саперы. Всего около двухъ тысячъ человекъ.

⁴⁾ Головной взводъ былъ встрѣченъ огнемъ инсургентовъ, охранявшихъ баррикаду въ концѣ улицъ Монмартъ и предмѣстья. Взводъ началъ отвѣчать; баррикада была взята. Ранены два солдата.

⁵⁾ Народъ и даже значительное число офицеровъ національной гвар-

жающаго насъ народа,—сказалъ мѣстный фабрикантъ, преодолевая волненіе,—позвольте предложить вамъ, генераль, нѣсколько вопросовъ? Насъ обманули вчера; насъ, можетъ быть, обманываютъ сегодня. Мы доверяемъ вашей честности; общаете ли вы намъ отвѣтить по совѣсти?

Генераль дѣлаетъ знакъ согласія. Толпа слушаетъ.

— Генераль, правда ли, дѣйствительно ли Гизо удаленъ?

— Да,—отвѣчалъ генераль Бедо.

— Кто-же сейчасъ является министромъ?

— Составленіе министерства поручено Тьеру и Одилону Барро.

— Если нѣтъ министерства, то кто же васъ послалъ сюда?

— Маршалъ Бюжо.

При этомъ имени снова раздаются крики. Народъ не хочетъ больше слушать.

— Вы видите, генераль, какъ имя маршала Бюжо раздражаетъ народъ. Ради Бога, не начинайте сраженія: оно будетъ ужасно.

— У меня есть опредѣленные приказанія,—отвѣтилъ генераль:— и я солдатъ, я долженъ повиноваться.

— Но, по крайней мѣрѣ, генераль, подождите новыхъ приказаній. Кто знаетъ, что произошло въ Тюильри съ тѣхъ поръ, какъ вы его покинули? Дайте мнѣ хотя одинъ часъ. Прикажите кому-нибудь изъ офицеровъ провести меня къ маршалу Бюжо. Я опишу ему положеніе, въ какомъ вы находитесь, и я увѣренъ, что принесу вамъ приказаніе не стрѣлять.

Генераль со вчерашняго дня видѣлъ слишкомъ много колебаній и измѣненій въ намѣреніяхъ, чтобы не поддаться мысли о возможныхъ перемѣнахъ въ рѣшеніяхъ Тюльери. Впрочемъ, онъ, какъ и всѣ офицеры арміи, сознавалъ въ душѣ, что войско безъ національной гвардіи не въ состояніи сдѣлать что-либо съ возстаніемъ, и только что, во время своего движенія, получилъ подтвержденія тому, что ему не хватало ея легионовъ ¹⁾. Онъ безъ труда согласился подождать новыхъ инструкцій и остался во главѣ своихъ войскъ въ положеніи, которое легко понять. Онъ боялся, чтобы слишкомъ большое или слишкомъ слабое усердіе солдатъ, то обманываемыхъ, то раздражаемыхъ народомъ, — не поставило его въ

дѣи были убѣждены, что событіе на бульварѣ Капуцинокъ было нарочно вызвано правительствомъ, что народъ обманули ложнымъ слухомъ о перемѣнѣ министерства; что противъ демократовъ замышляютъ Варэоломѣвскую ночь. Национальная гвардія обѣщала защищать народъ противъ столь гнусной измѣны.

¹⁾ Национальные гвардейцы все время спрашивали, принята-ли реформа. Такъ какъ генераль отвѣтилъ, что онъ надѣется на это, но не можетъ ручаться, то ему заявили, что только при этомъ условіи національная гвардія соединится съ войсками.

одно изъ тѣхъ отчаянныхъ положеній, при которомъ, каковъ бы ни былъ успѣхъ, онъ не смогъ бы подавить угрызенія совѣсти. Онъ считалъ минуты этого мучительнаго часа, казавшагося ему безконечнымъ.

Между тѣмъ, фабрикантъ преодолѣлъ всѣ препятствія. Въ сопровожденіи офицера главнаго штаба національной гвардіи Курпона онъ, едва переводя духъ, добрался до главнаго штаба Тюильри и потребовалъ свиданія съ маршаломъ Бюжо.

Черезъ нѣсколько минутъ его провели къ Бюжо. Маршалъ съ видимымъ сомнѣніемъ выслушалъ его рассказъ и выказалъ полное недовѣріе по поводу нѣкоторыхъ подробностей; но присутствовавшіе при разговорѣ герцогъ Немурскій и Тьеръ молчаливой поддержкой дали силы фабриканту продолжать свой рассказъ. Проникнутый, какъ и вся парижская буржуазія, исключительно желаніемъ отвратить пролитіе крови, фабрикантъ нарисовалъ маршалу живую картину печальнаго положенія, въ которомъ очутится войско въ случаѣ столкновенія съ громадной массой народа, возбужденнаго до крайней степени; онъ представилъ весь ужасъ рѣзни, которую считалъ неизбѣжною, если войско начнетъ сраженіе; онъ пытался убѣдить маршала, что мирный исходъ не только возможенъ, но даже обезпеченъ, если будетъ дѣйствовать исключительно національная гвардія. Затѣмъ обращаясь къ герцогу Немурскому, который, казалось, соглашался съ этимъ мнѣніемъ, фабрикантъ съ воодушевленіемъ воскликнулъ: «Ваша свѣтлость, помогите мнѣ добиться отозванія войскъ. Не допускайте запятнать кровью имя вашего отца и ваше собственное... Ничто еще не потеряно; но если кровь будетъ пролита, народъ не будетъ знать предѣла своей мести». Удивленный такой горячей настойчивостью и впечатлѣніемъ, произведеннымъ ею на принца и главу кабинета, маршалъ сухо заявилъ, что онъ подумаетъ и вышлетъ вмѣстѣ съ герцогомъ Немурскимъ и Тьеромъ ¹⁾.

Маршалъ самъ началъ сомнѣваться въ побѣдѣ, такъ какъ борьба грозила сдѣлаться очень серьезной. Видя плохое состояніе

¹⁾ Почти годъ спустя послѣ провозглашенія республики, герцогъ д'Исли, замѣтивъ какъ-то вечеромъ на одномъ изъ своихъ многочисленныхъ пріемовъ этого самаго фабриканта, подошелъ къ нему и сказалъ, взявъ его за руку: „Я васъ узнаю. Вы много сдѣлали намъ зла. Я долженъ былъ бы выгнать васъ безъ всякихъ разговоровъ и, не слушая вопля вашей парижской буржуазіи и вашей трижды одуроченной національной гвардіи, защищать моего короля въ Тюильри, а васъ разстрѣлять безъ пощады. Людовикъ-Филиппъ былъ бы еще на тронѣ, а вы теперь превозносили бы меня до небесъ. Но что подѣлаешь! Меня сбила съ толку, оглушила кучка трусовъ и льстецовъ. Они сдѣлали меня такимъ же дуракомъ, какъ и они сами“.

войскъ, недостатокъ боевыхъ припасовъ, силу позицій, захваченныхъ инсургентами въ центрѣ Парижа, враждебное настроеніе національной гвардіи, трусость окружавшихъ его лицъ, онъ колебался приступить къ выполненію плановъ, такъ рѣшительно намѣченныхъ нѣсколько часовъ тому назадъ. Посовѣтовавшись съ герцогомъ Немурскимъ, онъ вернулся въ главный штабъ и продиктовалъ слѣдующій приказъ генералу Бедо:

«Любезный генералъ, я измѣнилъ свой планъ. Объявите повсюду о прекращеніи огня. Пусть національная гвардія несетъ полицейскую службу. Распространите извѣстіе о соглашеніи.

Р. S. Отступите на площадь Карусель.

Маршалъ герцогъ д'Исли».

Вмѣстѣ съ этимъ приказомъ маршалъ передалъ фабриканту рукопись, помѣченную 8 ч. утра, подъ заголовкомъ «Объявленіе», извѣщавшую народъ о сформированіи кабинета Тьера-Барре и о его собственномъ назначеніи командующимъ національной гвардіей и остальными войсками. Черезъ два часа это объявленіе, подписанное герцогомъ д'Исли, должно было быть расклеено на стѣнахъ Парижа. Маршалъ рекомендовалъ читать его на всѣхъ собраніяхъ и баррикадахъ.

Могъ ли въ этотъ моментъ маршалъ создавать какія-либо иллюзіи насчетъ дѣйствительнаго значенія подобнаго объявленія, или въ ожиданіи лучшаго онъ руководствовался указаніями политическихъ вожаковъ? Можно думать, что герцогъ д'Исли, несмотря на обычную ясность своихъ сужденій, не понималъ хорошо всей несовмѣстимости своего имени съ мыслью о примиреніи. Немного спустя послѣ только что описанной сцены, онъ сѣлъ на лошадь, чтобы ознакомиться съ положеніемъ дѣла. Въ сопровожденіи генераловъ де-ла-Рю ¹⁾ и д'Арбувиля, онъ двинулся по улицѣ Риволи, гдѣ стоялъ баталіонъ 10-го легіона, которому онъ приказалъ слѣдовать за собой. Баталіонъ молчалъ, но не повиновался. Занятый своими мыслями, маршалъ продолжалъ путь, не замѣчая, что баталіонъ не слѣдуетъ за нимъ, и направился черезъ площадь Пирамидъ къ улицѣ Сэнтъ-Оноре, гдѣ намѣревался обратиться съ рѣчью къ народу.

Тогда капитанъ главнаго штаба національной гвардіи бросился къ генералу де-ла-Рю и сообщилъ ему, что національная гвардія отказывается повиноваться маршалу, и что со стороны послѣдняго было бы безумно идти совершенно одному навстрѣчу мятежникамъ. Маршалъ, услыжавъ наполовину разговоръ, спросилъ, въ чемъ дѣло;

¹⁾ Генералъ де-ла-Рю былъ посланъ въ главный штабъ генераломъ Трезель. Послѣдній предоставилъ себя въ распоряженіе маршала Бюжо.

ему затруднялись отвѣтить. Наконецъ, такъ какъ онъ сталъ настойчиво допрашивать офицера, послѣдній отвѣтилъ: «Ну, я объяснялъ этимъ господамъ, маршаль, что вы ничего не можете сдѣлать, такъ какъ національная гвардія васъ не хочетъ». Маршаль выругался по-солдатски и хотѣлъ продолжать путь. Но генералъ де-ла-Рю убѣждалъ его вернуться на площадь Карусель и взять тамъ линейный батальонъ. Бюжо уступилъ и возвратился въ Тюильри, откуда уже не выходилъ. Съ другой стороны, Барро, все еще обольщенный дѣтской увѣренностью въ своей популярности, тоже хотѣлъ явиться на баррикадахъ. Во главѣ кортежа, въ которомъ можно было разглядѣть Гораса Верна, Кинетта, Оскара де-Лафайета и генерала Ламорисьера, онъ пытался проложить себѣ путь по бульварамъ къ Ратушѣ. Онъ надѣялся своими искренними разъясненіями по пути устранить недоразумѣнія, исключительно благодаря которому продолжалось, по его мнѣнію, столкновение, не имѣвшее основанія съ того момента, когда онъ сталъ у власти.

Печальная попытка чрезмѣрнаго тщеславія! Окруженный, съ момента появленія на бульварахъ, любопытной, но не особенно симпатизирующей ему толпой, Барро былъ убѣжденъ, что она торжественно встрѣчаетъ его, въ дѣйствительности же она только мѣшала его движенію ¹⁾. Сидя на лошади, которую вели подъ уздцы, Барро въ награду за всѣ свои усилія встрѣчалъ только наемшкіи и издѣвательства: «Долой усыпителей! Мы не хотимъ подлецовъ! Не надо Моле, не надо Тьера, не надо Барро! Пусть правитъ народъ!» Такими восклицаніями была встрѣчена попытка министра обратиться къ народу. Наконецъ, жестоко обманутый, встрѣчая все болѣе и болѣе враждебно настроенныя толпы, Барро, измученный своими усиліями и отчаяніемъ, охватившимъ его, остановился у баррикады на бульварѣ Боннъ-Нувелль, которую только что покинулъ генералъ Бедо. Здѣсь, несмотря на шумъ и возбужденіе, охватившее народъ, Барро сдѣлалъ послѣднюю попытку. Ставъ на одинъ изъ выступовъ баррикады и возвысивъ голосъ, Барро началъ рѣчь: «Мои друзья, наши общія усилія взяли верхъ. Мы завоевали свободу и, что еще важнѣе, честность». Крики прервали его слова. Кто-то подошелъ къ нему и угрожающимъ жестомъ заставилъ его замолчать. Другіе его толкаютъ и опрокидываютъ. Увлекаемый своими друзьями, съ разбитымъ сердцемъ, Барро возвращается той же дорогой, убѣдившись, наконецъ, хотя и слишкомъ поздно, что онъ только помогъ проявиться разнузданности такихъ элементовъ,

¹⁾ Генералъ Бедо былъ введенъ въ заблужденіе этой толпой. Встрѣтивъ Одилона Барро на Итальянскомъ бульварѣ, онъ принялъ видѣнное имъ за народную овацію.

которые ни онъ, ни кто другой уже не будутъ въ состояніи сдержать. Горько раскаиваясь въ душѣ, онъ твердо рѣшаетъ рискнуть всѣмъ для спасенія короля, или хотя бы династіи, если короля уже нельзя спасти.

Приказъ, подписанный маршаломъ Бюжо, на самомъ дѣлѣ уничтожилъ послѣднюю, остававшуюся у правительства надежду на благополучный исходъ. Когда генералъ Бедо, рѣшивъ отступить на площадь Согласія по бульварамъ, приказалъ своей колоннѣ начать обратное движеніе ¹⁾, восклицанія народа потрясли воздухъ. «Да здравствуетъ гѣхота!» кричали со всѣхъ сторонъ съ воодушевленіемъ, трогавшимъ сердце солдатъ. Толпа, тѣсясь по бокамъ колонны, заводя разговоры, пытаясь брататься съ солдатами, мѣшала движенію, и безъ того затрудненному многочисленными баррикадами, уже возстановленными послѣ утренняго разрушенія. Солдаты обмѣнивались съ гражданами, охранявшими эти оплоты свободы, рукопожатіями и поздравленіями, по поводу счастливаго исхода гражданской войны. Кавалерія и артиллерія съ громаднымъ трудомъ двигалась по мостовымъ, едва-едва разобраннымъ.

Всѣ эти демонстраціи и препятствія страшно растянули колонну. Генералъ Бедо, взволнованный и задумчивый, шелъ впереди; онъ видѣлъ это братаніе съ народомъ, такъ мало соответствующее дисциплинѣ, но не могъ ему помѣшать. Онъ достигъ улицы Мира, когда аррьергардъ, подъ командой генерала де-Салль, былъ остановленъ шумной толпой на верху улицы де-Шузель. Народъ не хотѣлъ пропускать дальше пушекъ и рѣшилъ выпрячь изъ нихъ лошадей. Солдаты слабо сопротивлялись. Нетерпѣливая толпа бросилась на ящики и начался грабежъ ²⁾. «Во имя мира», — сказалъ генералу де-Салль, командиръ батальона 2-го легіона; вышедшаго изъ улицы Шоссе-д'Антэнъ: «передайте мнѣ ваши пушки. Вы видите, онѣ не могутъ дальше двигаться. Народъ раздраженъ; ваши солдаты подвергаются громадной опасности. Во имя мира, заключеннаго между правительствомъ и народомъ, въ знакъ примиренія, прикажите оставить орудія». Эти слова, услышанныя національными гвардейцами, окружавшими командира, тотчасъ подхватыва-

¹⁾ Впереди шла рота національной гвардіи, чтобы сильнѣе подчеркнуть мирный характеръ этого движенія.

²⁾ Генералъ Бедо находился въ верхней части улицы Мира, когда узналъ объ этомъ происшествіи. Подозвавъ къ себѣ лицо, привезшее приказаніе маршала, генералъ сказалъ ему: „Ради Бога, если вы имѣете хоть какое-нибудь вліяніе на народъ, растолкуйте ему, что онъ оскорбляетъ солдата, грабя снаряженіе. Помѣшайте этому, во чтобы то ни стало. Народъ не можетъ желать оскорблять армію“. Говоря это, Бедо почти плакалъ.

ваются и передаются изъ устъ въ уста. Единодушный крикъ: «Ружья прикладомъ вверхъ! вверхъ прикладомъ! миръ! миръ!» раздается отовсюду кругомъ солдатъ. Смущенные, растерявшіеся отъ столь страннаго отступленія, они машинально повинуются; пушки остаются въ рукахъ національной гвардіи.

Генераль Бедо, видя безпорядокъ въ своемъ отрядѣ и чувствуя, что возбужденіе въ народной массѣ растетъ по мѣрѣ приближенія къ площади Согласія, посылаетъ своего адъютанта Эспивана предупредить войска, что онъ идетъ подъ охраной національной гвардіи, и что народъ не имѣетъ враждебныхъ намѣреній. Пѣхота, держа ружья у ноги, разсыяна по площади и не вызываетъ никакого недовѣрія. Но двадцать муниципальных гвардейцевъ, подъ начальствомъ сержанта Фуке, занимавшіе караулъ при турецкомъ посольствѣ, у вѣзда въ улицу Габріеля, видя надвигающуюся на нихъ народную массу и хорошо зная, что они могутъ всего опасаться съ ея стороны, выстраиваются за рѣшеткой гауптвахты и приготовляются стрѣлять. При видѣ этого грозный крикъ вырывается изъ груди народа. Сержантъ Фуке командуетъ «пли!», и залпъ убиваетъ и ранитъ нѣсколько человѣкъ. Тогда генераль Бедо съ фуражкой въ рукѣ галономъ бросается между сражающимися, приказывая муниципальнымъ гвардейцамъ прекратить огонь и умоляя въ то же время народъ отступить. Напрасно. Жребій брошенъ. Въ этой ужасной суматохѣ нельзя разобрать ничего голоса, невозможно исполнить какое-либо приказаніе. Раздается новый залпъ. «Измѣна! измѣна!»—кричитъ народъ. Национальная гвардія бьетъ наступленіе. Венсенскіе стрѣлки, предполагая, что на нихъ будетъ направлена атака, стрѣляютъ въ свою очередь. Происходитъ ужасное замѣшательство, муниципальные гвардейцы подвергаются яростной атакѣ. Несмотря на всѣ усилія генерала Бедо и его адъютантовъ, народъ бросается на гауптвахту, разрушаетъ и разноситъ ее въ одно мгновеніе. Штыками, саблями, прикладами, онъ убиваетъ и смертельно ранитъ несчастныхъ героевъ, защитниковъ проигранаго дѣла ¹⁾. Сержанту Фуке, получившему нѣсколько ударовъ топоромъ, удается добѣжать до моста Турнанъ. Начальникъ поста, чтобы избавить Фуке отъ преслѣдователей, открываетъ огонь. Этимъ злосчастнымъ залпомъ раненъ де-Кальвьеръ, убиты депутатъ Жолливэ и еще нѣсколько человѣкъ, искавшихъ убѣжища въ саду Тюильри ²⁾. Тогда офицеръ главнаго штаба, опасаясь общаго по-

¹⁾ Генераль Бедо спасъ двоихъ, третій былъ убитъ у ногъ его лошади.

²⁾ Тѣло Жолливэ было насѣхъ засыпано пескомъ внизу площадки, сходящей къ рѣкѣ, по приказанію генерала Бедо. Послѣдній опасался, что видъ трупа раздражитъ народъ и навлечетъ новыя несчастія. Въ

боюща, поспѣшно бросается къ караулу на берегу рѣки и убѣждаетъ занимавшихъ его муниципальных гвардейцевъ не вызывать напрасно слѣпую ярость народа. Онъ убѣждаетъ караулъ бросить ружья въ рѣку и искать убѣжища въ подвальномъ этажѣ палаты депутатовъ.

Тѣмъ временемъ 500—600 человѣкъ національной гвардіи, разсыявшись по площади, старались успокоить народъ. Малѣйшій инцидентъ могъ вызвать новую вспышку народнаго гнѣва, а время шло. Генераль Бедо при такомъ критическомъ положеніи не получаетъ никакихъ приказаній ¹⁾. Наскучивъ ожидать и посылать въ Тюильри своихъ адъютантовъ, онъ приказываетъ послѣдній разъ самымъ настойчивымъ образомъ указать герцогу Немурскому на необходимость придти къ какому-нибудь рѣшенію. Принцъ отвѣтилъ на это: «Я больше не командую», а маршалъ Бюжо добавилъ: «Пусть генераль дѣлаетъ, что ему угодно». Такимъ образомъ, не осталось командующаго, не было больше руководящей воли; все смѣшалось, спуталось, пришло въ безпорядокъ, въ отчаяніе.

Послѣ пробужденія короля, кабинетъ Тюильри и главный штабъ непрерывно обмѣнивались новостями, мнѣніями, самыми противорѣчивыми рѣшеніями. Къ 9 часамъ въ Тюильри собрались политическіе дѣятели, собиравшіеся составить или поддержать новый кабинетъ, а именно: Дювержье-де-Гораннъ, де-Токвиль, Гюставъ-де-Бомонъ, де-Ремюза, Кузэнъ, Барошъ, де-Ластери, де-Малле-вилль. Они настаивали на распусценіи палаты, на назначеніи генерала Ламорисьера командующимъ національной гвардіей и на прекращеніи враждебныхъ дѣйствій. Король не давалъ согласія, но и не противорѣчилъ. Рѣшеніе все еще не было принято, между тѣмъ какъ народъ, повсюду одерживая верхъ, все тѣснѣе сплавляясь и организуясь, приближался къ Тюильри, гдѣ онъ хотѣлъ отпраздновать свою побѣду.

Де-Жирардэнъ обошелъ большую часть города и убѣдился въ деморализаціи линейныхъ войскъ, въ слѣпомъ упорствѣ национальной гвардіи и въ силѣ инсургентовъ. Онъ явился во дворецъ и потребовалъ свиданія съ королемъ, чтобы попытаться открыть ему глаза. Побуждаемый настояніями его и Тьера, герцогъ Немурскій опять обратился къ Людовику-Филиппу, который согласился, нако-

ночь съ 26-го на 27-е трупъ былъ вырытъ и на другой день переданъ его роднымъ.

¹⁾ Генераль Реньо де Сэнъ-Жанъ-д'Анжели, командиръ кирасиръ, обвиняя генерала Бедо въ бездѣтельности войскъ, очень энергично упрекалъ его за его поведеніе. Благодаря этой сценѣ, свидѣтелями которой было нѣсколько офицеровъ, распространилось и поддерживалось вышеупомянутое обвиненіе въ измѣнѣ.

нецъ, на распушеніе палаты. Де-Ремюза поспѣшно составилъ прокламацію въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Граждане Парижа! Отданъ приказъ прекратить стрѣльбу. Король поручилъ намъ составить новое министерство. Палата будетъ немедленно распущена. Правительство обращается къ странѣ. Генераль Ламорисьеръ назначенъ главнокомандующимъ національной гвардіи. Одилонъ Барро, Тьеръ, Ламорисьеръ, Дювержье-де-Гораннъ назначены министрами.

Свобода. Порядокъ. Реформа.

Подписано: Одилонъ Барро, Тьеръ».

Де-Жирардэнъ, Меррюо и де-Реймсъ тотчасъ отнесли копии этого объявленія въ типографіи «Presse», «Constitutionnel» и «National». Часъ спустя ихъ пытались расклеить на стѣнахъ. Но ничто больше уже не могло удержать народъ. Съ своей стороны республиканцы выжидали и мѣшали всѣмъ начинаніямъ правительства. Прокламація министерства Барро было повсюду сорвана и тотчасъ на ея мѣсто было наклеено слѣдующее краткое объявленіе, составленное Флокономъ и набранное въ типографіи «Réforme» бывшимъ типографскимъ рабочимъ Прудонъ:

«Людовикъ-Филиппъ отдаетъ приказъ рѣзать васъ, какъ Карль X. Пускай онъ самъ отправляется къ Карлу X!»

Больше нельзя было обманывать себя: республиканская партія поднимала голову и овладѣвала движеніемъ. Единный великій импульсъ передавался смѣлыми людьми изъ редакціи «Réforme», какъ изъ центра, все дальше и дальше, съ баррикады на баррикаду по всей арміи инсургентовъ. Флоконъ, Бонъ, Маркъ Коссидьеръ, Лагранжъ, Этьенъ Араго, Собръе, Рибейроль, Фаржэнъ-Файолль, Тиссерандо и другіе воодушевляли сражающихся, отдавали приказанія, распредѣляли боевые припасы, возбуждали толпу, распространяя въ ея рядахъ зловѣщіе слухи, проклятіе и анагема по адресу короля. Уже рѣшались, хотя и съ предосторожностями, произносить слово республика.

Говоря по правдѣ, народъ ни откуда не встрѣчалъ сколько-нибудь серьезнаго сопротивленія. Почти вездѣ національная гвардія, раздѣлая сражающихся, вносила колебаніе въ войска. Нѣсколько отдѣльных залповъ на бульварѣ Тампль, и особенно въ Сэнтъ-Антуанскомъ предмѣстьѣ, на площади Бастиліи, убили и ранили небольшое число человекъ съ обѣихъ сторонъ. Всѣ эти отдѣльныя стычки кончались обезоруживаніемъ солдатъ и ихъ братаньемъ съ народомъ при крикахъ «Да здравствуетъ нѣхота!»¹⁾

¹⁾ Цифра убитыхъ за февральскіе дни солдатъ и гражданъ была сильно

Эта армія, столь храбрая, столь испытанная, въ теченіе 24-хъ часовъ терпѣла всѣ послѣдствія нерѣшительной политики. Переданное всѣмъ начальникамъ отдѣльныхъ частей приказаніе прекратить стрѣльбу вмѣстѣ съ строгимъ приказомъ сохранить позиціи было послѣднимъ ударомъ, окончательно приведшимъ въ замѣшательство офицеровъ и солдатъ. Съ военной точки зрѣнія эти два одновременныхъ и противорѣчивыхъ приказанія были настолько дико, что послужили сигналомъ къ полной нравственной простраціи. Покинутая властью, армія совершенно опустила руки и уступила поле битвы народу. Скоро во всемъ Парижѣ остался одинъ только пунктъ, защищавшій еще доступъ къ Тюильри: постъ Шато-д-Она на площади Пале-Рояль. Народъ устремился туда.

XI.

Продолженіе 3-го дня.

Было 10 часовъ. Людовикъ-Филиппъ завтракалъ по обыкновенію въ семьѣ, въ галлерей Діаны, когда ему доложили, что гг. де-Ремюза и Дювержье де-Гораннъ желаютъ говорить съ герцогомъ де-Монпансье. «Пусть войдутъ», сказалъ король. И тотчасъ же, очень привѣтливо, пригласилъ своихъ новыхъ министровъ къ столу.

Но они отказались; они, видимо, очень волновались; они хотѣли и не рѣшались говорить. Послѣ нѣсколькихъ минутъ принужденности, которую всѣ, кромѣ короля, читали на ихъ возбужденныхъ лицахъ, Людовикъ-Филиппъ, замѣтивъ, наконецъ, что есть какая то важная новость, сказалъ, уводя де-Ремюза въ амбразуру окна: «Что случилось?»

Королева, герцогъ де-Монпансье и принцессы остались неподвижно на своемъ мѣстѣ, устремивъ глаза на обоихъ собесѣдниковъ.

— Ваше величество, — сказалъ де-Ремюза, понижая голосъ, — нельзя терять ни минуты; возмущеніе одержало верхъ на всѣхъ пунктахъ; оно приближается гигантскими шагами. Постъ Шато-д-Она держится еще съ геройской храбростью, но ея хватить, можетъ быть, всего на нѣсколько минутъ; вѣроятно, Тюильри атакуютъ раньше, чѣмъ черезъ часъ. Жизнь короля въ опасности.

При этихъ словахъ, едва разслышанныхъ, королева бросается къ королю и прижимается къ нему, какъ бы желая его защитить. Принцы и принцессы моментально выходятъ изъ-за стола.

преувеличена. По списку 1-го марта 1848 г. было убито 22 муниципальных гвардейца, 46 солдатъ и унтеръ-офицеровъ и 4 офицера. Всего убитыхъ въ арміи 72 чел. По спискамъ гражданскихъ властей убито 275 мужчинъ и 14 женщинъ.

— Г. де-Ремюза думаетъ, что Тюильри будетъ сейчасъ атаковано,—сказалъ король съ кажушимся равнодушіемъ. Въ это время стали появляться, не соблюдая порядка и безъ доклада, лица, приближенные къ королевскому семейству. Тьеръ, де-Бройль, Писка-тори, де-Ластери, Кинеттъ, Барешъ, Кузэнъ, Густавъ де-Бомонъ, Лакроссъ пришли подтвердить своимъ свидѣтельствомъ слова де-Ремюза.

Де-Лобенэнъ, капитанъ генеральнаго штаба, приноситъ новость еще болѣе точную и еще менѣе благоприятную: колонна генерала Бедо отказалась пустить въ ходъ оружіе. Инсургенты разграбили артиллерійскія повозки и овладѣли двумя пушками; Тюильри совершенно открыто со стороны площади Согласія. Герцогъ Эльхингенъ и Жюль де-Ластери отправляются лично удостовѣриться въ положеніи вещей. Король и министры начинаютъ совѣщаніе, чтобы выяснить, слѣдуетъ ли ожидать натиска народныхъ массъ въ Тюильри или лучше удалиться въ какое-нибудь надежное мѣсто.

Тьеръ совѣтуетъ отправиться въ Сэнъ-Клу, собрать тамъ войска и совершить обратное наступленіе на Парижъ ¹⁾. Людовикъ-Филиппъ думаетъ, что было бы лучше удалиться въ Вэнсенъ. Во время совѣщанія адъютантъ генерала Бедо приноситъ болѣе точныя свѣдѣнія о томъ, что произошло на площади Согласія. Народъ отступилъ, и войска занимаютъ въ полномъ порядкѣ площадь и всѣ ведущія къ ней улицы. Это ободряетъ; рѣшаютъ, что король отправится произвести смотръ войскамъ.

Пока онъ надѣваетъ свой генеральскій мундиръ національной гвардіи и ленту Почетнаго легіона, скорѣе съ безстрашіемъ чело-вѣка, уступающаго мнѣнію большинства и выполняющаго законную формальность, чѣмъ съ видомъ монарха, рѣшившагося дорого продать свою жизнь и свой тронъ,—бѣгутъ увѣдомить ближайшіе посты, что король ѣдетъ произвести смотръ войскамъ и что онъ желаетъ показать имъ національную гвардію. Значительные отряды легіоновъ немедленно выступаютъ. Какъ только они начинаютъ выходить изъ калитки Лувра, король появляется во дворѣ дворца; онъ садится на лошадь, покрытую дорогой попоной съ золотой бахромой. Герцоги Немурскій и де-Монпансье, маршалъ Бюжо—по правую руку отъ него; по лѣвую генералъ Ламорисьеръ въ шинели національной гвардіи, которую онъ успѣлъ захватить въ генеральномъ штабѣ, съ обнаженной головой, съ развѣвающимися волосами, съ одушевленіемъ во взорѣ вступаетъ въ командованіе.

Тьеръ и де-Ремюза слѣдуютъ пѣшкомъ. Многочисленная свита

¹⁾ Маршалъ Бюжо одобрялъ планъ Тьера.

національныхъ гвардейцевъ на лошадяхъ, адъютантовъ, среди которыхъ замѣтны генералъ Рюминьи въ штатскомъ платьѣ, генералъ Трезель, де-Монталиве и проч., замыкаетъ шествіе.

При проѣздѣ по фронту внутреннихъ постовъ Людовика-Филиппа привѣтствуютъ безчисленные клики, которые видимо пріятно волнуютъ его. Марія-Амалия показывается въ окнѣ бель-этажа; ее окружаютъ герцогиня Орлеанская, принцессы и маленькіе принцы. Съ гордой осанкой, съ глазами, горящими надеждой, она благодаритъ жестами всѣхъ идущихъ мимо съ криками: «да здравствуетъ королева!»

Между тѣмъ, король, проѣхавъ вдоль рѣшетки, прибылъ къ Триумфальной аркѣ, подъ которой онъ ѣдетъ между разбросанными въ беспорядкѣ пучками соломы и разнымъ багажемъ; онъ начинаетъ смотръ съ лѣвой стороны площади, гдѣ первый легіонъ выстроился въ боевой порядокъ. Тамъ крики «да здравствуетъ король» малочисленны и почти тотчасъ заглушаются криками: «да здравствуетъ реформа!» Группа національныхъ гвардейцевъ выходитъ изъ рядовъ, двигается оживленно по направленію къ Людовику Филиппу, требуя отъ него въ нѣкоторомъ родѣ реформы. Король, видимо смущенный, ускоряетъ ходъ лошади, повторяя съ досадой: «Она дана, дана!» Но сообщеніе такой уступки, сдѣланное безъ всякаго порыва, принятое безъ энтузіазма, было только бесполезнымъ сигналомъ крайней опасности. Людовикъ-Филиппъ, при видѣ мрачныхъ фізіономій своихъ защитниковъ, въ концѣ концовъ упалъ духомъ и вернулся во дворецъ, предоставивъ маршалу Бюжо произвести смотръ остальной части войска.

Маршала охватила гнѣвъ. Облеченный мнимой властью, онъ видѣлъ, что всѣ его планы защиты, правда, выслушиваются, но критикуются безъ него и отвергаются, благодаря различнымъ тайнымъ вліяніямъ; онъ видѣлъ вокругъ себя только убитыя лица; онъ слышалъ только недовѣрчивыя и малодушныя слова. Барро не допускалъ ни на одно мгновеніе системы борьбы при помощи крайнихъ мѣръ. Тьеръ, поддерживавшій долгое время маршала, поддался вліянію своихъ друзей, внушившихъ ему свое отвращеніе къ этимъ мѣрамъ. Наконецъ, сыновья короля,—и это въ концѣ концовъ дѣлало положеніе маршала невыносимымъ,—эти молодые принцы, порывы которыхъ, казалось, должны бы были нуждаться только въ сдерживающей силѣ, оставались тутъ, нерѣшительные, парализующіе все своимъ празднымъ присутствіемъ, собирающіе и распространяющіе всегда первыми дурныя вѣсти и трусливыя мнѣнія ¹⁾.

¹⁾ Особенно поведеніе герцога де-Монпансье казалось до такой степени страннымъ, что его пытались объяснить, приписывая даже молодому принцу тайное участіе въ предполагаемомъ заговорѣ герцогини Орлеан-

Вернувшись въ свой кабинетъ послѣ смотра, Людовикъ-Филиппъ опустился въ кресло, прислоненное къ стѣнѣ, у окна. Его рука подпирала отяжелѣвшую голову; онъ хранилъ молчаніе; друзья и слуги, которые въ ожиданіи неминуемой гибели оставались на своемъ посту, охваченные невыразимымъ страхомъ, обмѣнивались въ полголоса безсвязными замѣчаніями.

А время летѣло. Уже передъ самымъ полднемъ Кремье вошелъ въ залъ, который былъ передъ кабинетомъ короля. Герцогъ де-Монпансье, находившійся тамъ, окруженный принцами Вюртембергскимъ и Кобургскимъ, депутатами, пэрами Франціи, генералами и множествомъ дежурныхъ офицеровъ, направился къ нему и возбужденно спросилъ его о томъ, что происходило на улицѣ.

— Ничего еще не потеряно, — сказалъ Кремье. — Я только что осмотрѣлъ часть Парижа. Національная гвардія можетъ быть возвращена къ порядку. Назначить Барро президентомъ совѣта, а лѣвыхъ членовъ министрами, устранить Тьера и маршала Бюжо, сдѣлать безъ промедленія наиболѣе широкія уступки — и возстаніе можно еще умиротворить; но нельзя колебаться ни одной минуты. Пока онъ это говорилъ, герцогъ де-Монпансье отворилъ дверь и сообщилъ королю о Кремье.

— Что вы мнѣ расскажете? — сказалъ Людовикъ-Филиппъ, подымая голову.

Кремье повторилъ все сказанное.

Тогда Тьеръ, державшійся нѣсколько поодаль, приблизился къ королю и вручилъ ему свою отставку. Не говоря ни слова, не выражая ни сожалѣнія, ни удовольствія, ни боязни, Людовикъ-Филиппъ поручилъ Фэну, своему секретарю, составить приказъ, назначившій Барро президентомъ совѣта. Кремье посовѣтовалъ королю призвать къ себѣ маршала Жерара и ввѣрить ему командованіе войсками.

Эта странная попытка Кремье вызвала кратковременную иллюзію. Король и его окружавшіе вообразили себѣ, что депутатъ изъ крайней оппозиціи долженъ знать въ совершенствѣ состояніе умовъ и тотъ эффектъ, который произведутъ рекомендуемая имъ мѣры. Но въ эту минуту никто уже не могъ точно оцѣнить всей совокупности народнаго движенія. Оно охватило столь обширную площадь, что его общій характеръ ускользалъ отъ наблюденія. Здѣсь преобладалъ духъ національной гвардіи, и она довольствовалась пока еще министерствомъ Барро; въ другихъ мѣстахъ возникалъ уже вопросъ о принужденіи короля къ отреченію отъ престола;

ской. Не было, однако, ничего подобнаго; тутъ не было ни заговора, ни измѣны, а просто характеръ и умъ, мало приготовленные къ сильнымъ испытаніямъ.

наконецъ, въ третьихъ республиканцы сбрасывали маску и говорили объ изгнаніи династіи.

Тѣмъ временемъ вернулся де-Рэнсъ, который ходилъ отнести въ «National» сообщеніе о министерствѣ Тьера-Барро и, вызвавши для переговоровъ Тьера, заявилъ ему, что при настоящемъ положеніи вещей народъ не удовлетворится уже ничѣмъ, кромѣ отреченія. Тьеръ ввелъ его къ принцамъ. Онъ высказался передъ ними въ томъ же духѣ. «Но, сударь», сказалъ герцогъ де-Монпансье: «король не перестаетъ со вчерашняго дня дѣлать уступки, которыя всѣ до сихъ поръ были бесполезны. Можете ли вы ручаться, по крайней мѣрѣ, что эта послѣдняя, о которой вы говорите, будетъ имѣть достаточное дѣйствіе?» «Ваше высочество», отвѣтилъ де-Рэнсъ: «Я не думаю, чтобы хоть одинъ человѣкъ на свѣтѣ могъ дать въ эту минуту подобное ручательство»¹⁾.

Нѣсколько ранѣе Дювержье де-Гораннь, не называя еще вещи ея собственнымъ именемъ, уже намекалъ на нее. Но какъ осмѣлиться высказать подобный приговоръ властителю, такъ ревниво относящемуся къ своей власти, такъ проникнутому идеей своего политическаго превосходства, столь подозрительному доселѣ къ заслугамъ тѣхъ членовъ его семейства, которые должны были быть его преемниками? Подобная миссія меньше всего могла рассчитывать на успѣхъ у него.

Рѣшаются, однако, прошептать роковое слово передъ Людовикомъ-Филиппомъ, но такъ тихо, что онъ могъ еще не слышать его; придворные прикидываются негодующими. Тьеръ, казалось, лишился всякихъ мнѣній съ тѣхъ поръ, какъ пересталъ быть министромъ. Въ это мгновеніе дверь кабинета отворяется; какой-то человѣкъ, чрезвычайно блѣдный и взволнованный, хотя въ его волненіи и не видно никакого страха, подходитъ къ королю.

— Какъ дѣла, г. де-Жирардэнъ? — говоритъ Людовикъ-Филиппъ, устремляя на редактора «Presse» свой потухшій взоръ.

— Дѣла таковы, ваше величество, что васъ заставляютъ терять драгоценное время, и что если самое энергичное рѣшеніе не будетъ принято немедленно же, въ теченіе часа, то во Франціи не будетъ болѣе ни короля, ни королевства.

Молчаніе оцѣпенѣнія было отвѣтомъ на это заявленіе.

Де-Жирардэнъ, замѣчая среди другихъ главнаго редактора «Constitutionnel'я», призываетъ его въ свидѣтели.

— Спросите г. Мерро, — кричитъ онъ нетерпѣливо: — Спросите

¹⁾ Въ это самое утро, въ половинѣ 7-го, де-Рэнсъ былъ у Марраста. Онъ сообщилъ ему, что Тьеръ и Барро назначены министрами и прибавилъ: „Ну, что вамъ еще нужно?“ „Отреченіе до полудня“, отвѣчалъ Маррастъ: „послѣ полудня будетъ уже поздно“.

его, какъ принялъ народъ объявленіе о перемѣнѣ министерства.— Молчаніе продолжается. Затѣмъ слышенъ голосъ короля:

— Что дѣлать?

— Отречься, ваше величество,—отвѣчаетъ де-Жирардэнъ со смѣлостью, изумляющею присутствующихъ.

— Отречься!

— Да, ваше величество, и передать регентство герцогинѣ Орлеанской, потому что герцога Немурскаго не примутъ ни въ какомъ случаѣ.

— Лучше умереть здѣсь!—воскликнула королева.

Король, какъ бы пробудившійся внезапно отъ этихъ словъ и отъ энергии, съ какой они были произнесены, поднимается и обращается къ группѣ людей, окружающей его: «Господа, нельзя ли защитить Тюильри?... Мнѣ говорили, что можно защищать Тюильри», повторяетъ онъ опять, видя, что ему не отвѣчаютъ.

— Отреченіе, ваше величество, отреченіе!—кричитъ герцогъ де-Монпансье повелительнымъ тономъ.

Людвигъ-Филиппъ видимо обдумываетъ въ теченіе мгновенія.

— Хорошо, такъ какъ этого хотятъ, я отрекаюсь, — говоритъ онъ, наконецъ.

При этихъ словахъ де-Жирардэнъ бросается къ двери, а Людвигъ-Филиппъ проходитъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ его ожидали герцогиня Орлеанская и принцессы.

— Я отрекаюсь,—говоритъ онъ твердымъ голосомъ, открывая дверь. Герцогиня Орлеанская бросается къ ногамъ короля и заглушаемымъ рыданіями голосомъ закликаетъ его ни за что не отречься. Графъ Парижскій присоединяетъ свои дѣтскія просьбы къ просьбамъ своей матери; онъ обнимаетъ колѣна своего дѣдушки. Король, не обнаруживая никакого волненія, почти тотчасъ же вырывается изъ этихъ объятій и возвращается въ сопровожденіи принцессы въ свой кабинетъ, гдѣ въ безпорядкѣ толпятся не только лица изъ его интимнаго круга, но и чуждая ему толпа журналистовъ, національныхъ гвардейцевъ, военныхъ всѣхъ степеней, всѣхъ этихъ разносителей вѣстей ложныхъ и истинныхъ, съ шумомъ и восклицаніями дающихъ совѣты. Маршалъ Жераръ, котораго увѣдомили, входилъ въ эту минуту.

— Маршалъ, спасите все, что можно еще спасти!—восклицаетъ королева, сжимая ему руки въ отчаяніи.—И маршалъ, бросившись на лѣстницу и вскочивъ на лошадь во дворѣ дворца, выѣзжаетъ большими воротами изъ Тюильри и ѣдетъ къ площади Пале-Рояль, чтобы тамъ возвѣстить объ отреченіи и прекратить сраженіе.

Король сидѣлъ передъ своимъ столомъ и держалъ въ рукѣ перо, но не писалъ ничего. Герцогъ де-Монпансье съ живостью подложилъ ему подъ руку листъ бѣлой бумаги.

— Во имя страны, ваше величество,—раздается вдругъ дрожащей голосъ:—во имя вашей семьи и всѣхъ семей Франціи, не отрекайтесь. Вступимъ въ борьбу лучше сегодня, чѣмъ завтра, потому что завтра мы очутимся въ республикѣ!

Взоры всѣхъ устремляются на Пискатори.

Королева, въ экзальтаціи и какъ бы виѣ себя, схватываетъ руку этого вѣрнаго друга и съ растеряннымъ видомъ шепчетъ:

— Берегитесь, здѣсь есть предатели.

И подозрительные взгляды Маріи-Амалии устремлялись то на Тьера, то на герцогиню Орлеанскую, которая, стоя одиноко вдали отъ группы принцессы, державшихся за руки, съ дрожащими губами и мокрыми отъ слезъ глазами, повторяла прерывистымъ голосомъ, умоляя короля взглядомъ: «Не отрекайтесь, ваше величество, не отрекайтесь».

Донесся звукъ залпа, перестрѣлка приближалась.

— Скорѣй, ваше величество,—сказалъ герцогъ де-Монпансье, подталкивая не особенно почтительнымъ жестомъ руку короля.—

— Пусть король торопится,—повторяетъ Кремье.

— Я никогда не писалъ такъ быстро,—возражаетъ король, который, не снимая перчатокъ, чертилъ, не торопясь, какъ бы онъ это дѣлалъ на досугѣ, крупными буквами это, столь страстно ожидаемое отреченіе:—дайте мнѣ время.

— Вы въ этомъ раскаетесь, господа,—вскричала королева, лихорадочное возбужденіе которой все возрастало:—вы просите отреченія лучшаго изъ королей.

— Пусть король не отрекается, по крайней мѣрѣ, такъ, не попытавшись отбить мятежниковъ,—снова заявляетъ г. Пискатори:—во дворѣ дворца ¹⁾ еще больше 3-хъ тысячъ солдатъ; станьте во главѣ ихъ, принцъ,—продолжаетъ онъ, обращаясь къ герцогу де-Монпансье.

— Вашъ совѣтъ?—говоритъ принцъ Тьеру, видимо въ замѣшательствѣ.

— У меня теперъ нѣтъ совѣтовъ,—отвѣчаетъ тотъ,—я ничего не значу.

Единственно Марія-Амалия продолжала поддерживать Пискатори. Гордая, благородно-смѣлая, какой была въ такую же минуту Марія-Антуанета, она предпочитала умереть королевой, чѣмъ жить въ униженіи.

Тронутый этой великой храбростью, такъ мало находившей от-

¹⁾ Во дворѣ Тюильри, дѣйствительно, было 3000 человекъ пѣхоты, 2 эскадрона драгунъ и 6 пушекъ, заряженныхъ картечью, не считая вооруженныхъ гвардейцевъ и муниципальной стражи.

клика, Пискатори преклоняетъ передъ ней колѣна и говоритъ въ полголоса, цѣлуя ея королевскую руку:

— Ахъ, сударыня, только вы заслуживаете здѣсь уваженія!

— Вы не знаете короля,—говоритъ королева тономъ глубокой скорби,—это честнѣйшій человѣкъ своего королевства.

Тѣмъ временемъ король дописалъ свое отреченіе; оно гласило:

«Я отрекаюсь отъ короны, которую воля народная возложила на меня, въ пользу моего внука, графа Парижскаго.

«Да преуспѣетъ онъ въ этой великой задачѣ, которая выпадаетъ на его долю сегодня.

«Парижъ, 24 февраля 1848 г.

«подписалъ Людовикъ-Филиппъ».

— Пусть онъ будетъ похожъ на своего дѣда!—восклицаетъ королева.

Людовикъ-Филиппъ бросаетъ на нее признательный взглядъ. Поспѣшно посылаютъ еще невысохшую бумагу маршалу Жерару, чтобы онъ показалъ ее народу.

— Само собой разумѣется, ваше величество, что герцогиня Орлеанская—регентша?—кричалъ Кремье,—не правда ли?

— Это не возможно,—отвѣтилъ король.—На это есть законъ палаты депутатовъ.

Кремье не слышалъ или не хотѣлъ слышать. Онъ стремительно спустился во дворъ Тюильри съ генераломъ Гурго; они распространили тамъ вдвоемъ слухъ объ этомъ отреченіи, которое встрѣчало еще много невѣрующихъ и которое отрицалось даже въ залахъ, соедѣнныхъ съ тѣмъ самымъ кабинетомъ, гдѣ оно было только что подписано.

Во время всѣхъ этихъ происшествій во дворцѣ, сраженіе на площади Пале-Рояля продолжалось. Въ десять часовъ утра, муниципальная стража, занимавшая постъ Шато-д'О, была смѣнена двумя ротами 14-го линейнаго полка подъ командой лейтенантовъ Переса и Одуи.

Этотъ постъ былъ чрезвычайно важнымъ стратегическимъ пунктомъ, такъ какъ онъ прикрывалъ одновременно Пале-Рояль и улицы Шартра, Сэнъ-Тома дю-Лувръ и Музейную, которыя всѣ выходятъ на площадь Карусель. Поэтому, въ своемъ постоянномъ ожиданіи народнаго возстанія, правительство укрѣпило его съ наибольшей заботливостью.

Обращенный своей задней стороной къ корпусу домовъ, расположенныхъ противъ Пале-Рояля, Шато-д'О, построенный въ началѣ 18-го вѣка, состоялъ изъ двухъ-этажнаго зданія съ четырьмя колоннами по фасаду и изъ двухъ боковыхъ крыльевъ съ тремя окнами въ каждомъ. Крыльцо въ нѣсколько ступеней простиралось на про-

тяженіи около 40 метровъ по всей длинѣ зданія и оканчивалось площадкой, окруженной каменной балюстрадой со скульптурными украшеніями. Въ серединѣ перваго этажа была сдѣлана ниша, въ которой былъ большой бассейнъ и билъ фонтанъ. На мраморной черной доскѣ золотыми буквами была начертана слѣдующая надпись:

Quantos effundit in usus.

На крыльцо этого монументальнаго зданія, совершенно почернѣвшаго отъ времени, выходила узкая и низкая дверь, обитая листовымъ желѣзомъ. Окна, укрѣпленные двумя рядами желѣзныхъ полосъ, были снабжены толстыми дубовыми ставнями съ амбразурами. Это была неприступная крѣпость. Только пушка могла бы повредить эти толстыя стѣны и взломать эти массивныя двери.

Тѣмъ временемъ инсургенты, не встрѣчавшіе уже нигдѣ противодѣйствія, массами стекались къ Пале-Роялю. Они соорудили во всѣхъ примыкающихъ къ нему улицахъ огромныя баррикады и окружили совершенно Шато-д'О. Народъ, воодушевляемый республиканцами, которые боялись идти на Тюильри, имѣя позади себя столь укрѣпленную позицію, и ссѣдомленный, кромѣ того, о томъ, что солдаты, запершіеся тамъ, принадлежали къ 14-му линейному полку, воспламенялся при воспоминаніи о бывшемъ наканунѣ избіеніи. Говорили, что тамъ также была муниципальная гвардія¹⁾ и охраняла большое число арестованныхъ; тысячи смутныхъ слуховъ кружили головы; все приготовлялось къ ужасному приступу. Нѣсколько національныхъ гвардейцевъ старались успокоить народное возбужденіе и тщетно вели переговоры съ войсками, чтобы добиться очищенія поста. Стоя передъ единственной дверью фасада зданія, одинъ лейтенантъ, геройски неустрашимый молодой человѣкъ, сдерживалъ натискъ наступавшихъ и оставался глухъ къ просьбамъ республиканскихъ вождей, Етьена Араго и Шарля Лагранжа. Три раза оттаскивали его насильно отъ двери, три раза онъ возвращался на свою опасную позицію: «Вы мнѣ предлагаете безчестье,—воскликнулъ онъ,—мы всѣ лучше погибнемъ здѣсь, чѣмъ сдадимъ оружіе». И бѣшеная толпа удваивала усилия, чтобы вырвать ружья изъ судорожно сжатыхъ рукъ солдатъ. Эта борьба продолжалась уже около четверти часа, когда показался на площади офи-

¹⁾ Въ дѣйствительности тамъ оставалось 10 муниципальныхъ гвардейцевъ съ сотней линейныхъ солдатъ. 48 человѣкъ, арестованныхъ ночью и приведенныхъ къ посту Шаго д'О 14-мъ линейнымъ полкомъ, были отведены къ 5-ти часамъ утра въ казармы на улицѣ Риволи, гдѣ они были отпущены на свободу.

церь генеральнаго штаба. Онъ подъѣхалъ къ крыльцу и приказалъ войску очистить постъ. Оглушительное „ура!“ толпы сопровождаетъ это приказаніе; но народъ хочетъ еще большаго: онъ жаждетъ, онъ требуетъ оружія. „А наше оружіе?“—говоритъ капитанъ, устремляя на старшаго офицера взглядъ, полный безпокойства и опасеній, —„сдавать ли оружіе?“ Отъ того ли, что тотъ ничего не слышалъ, или отъ того, что онъ не рѣшился своей командой предать безчестію браваго солдата, онъ молча повернулъ лошадь и скрылся.

Этьенъ Араго возобновилъ свои попытки съ еще большей настойчивостью, но капитанъ оставался непоколебимъ. „Мы согласны покинуть постъ,—говорилъ онъ,—но нужно, чтобы это соответствовало воинской чести“. И твердость, съ какой онъ произносилъ эти слова, показывала достаточно ясно, что они были выраженіемъ непреклонной рѣшимости.

Во время этого, такъ сказать, перемирія солдаты сомкнули свои ряды; они держались спиной къ стѣнѣ. Вдругъ со стороны Пале-Рояля раздается нѣсколько выстрѣловъ. Думая, что это нападаютъ на нихъ, два солдата стрѣляютъ. Тогда съ двухъ сторонъ вспыхиваетъ перестрѣлка. Солдаты бросаются на постъ и изъ амбразуры производятъ общій залпъ, очищающій площадь.

Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ она представляла изъ себя мрачное зрѣлище. Передъ крыльцомъ вода, вытекавшая въ изобиліи изъ обломковъ фонтана, образовала, смѣшиваясь съ кровью раненыхъ, красную лужу; на ступеняхъ лежали, съ распластанными руками и ногами, два трупа; тамъ и сямъ на мостовой виднѣлось оружіе, обрывки одежды, алѣли пятна крови; сломанная рѣшетка дворца, пустой дворъ; нѣсколько угрожающихъ лицъ изъ-за баррикады Валуа; въ углу площади сплоченная группа людей, которые, уже стыдясь своего бѣгства, остановились, обернулись и навели ружья на постъ. Раздается нѣсколько выстрѣловъ. Солдаты отвѣчаютъ. Народъ возвращается, сразу появляясь изъ всѣхъ улицъ, выходящихъ на площадь; баррикады на улицахъ де-Валуа, де-Роганъ, Сентъ-Оноре покрываются бойцами; ихъ воодушевляютъ неустрашимые вожаки: Коссидьеръ, Бонъ и др.

Борьба возобновляется съ яростію; инсургенты бросаются на штурмъ; солдаты мужественно защищаются въ зданіи. Тѣмъ временемъ Этьенъ Араго отправился на улицу Ришелье къ баррикадѣ у фонтана Мольера, чтобы поговорить съ нѣкоторыми друзьями. Едва онъ пришелъ туда, какъ со стороны площади Карусель подъѣхалъ генералъ въ сопровожденіи адъютанта и офицера генеральнаго штаба національной гвардіи, Морисо. Этотъ послѣдній, приблизившись къ Этьену Араго, представилъ ему генерала Ламорисьера.

рисьера. Завязались переговоры, лаконическіе и живые. Генералъ привезъ извѣстіе объ отреченіи. „Слишкомъ поздно“, говоритъ Этьенъ Араго. „Слишкомъ поздно! — восклицаетъ генералъ недоувѣрчивымъ тономъ, — слишкомъ поздно! Вамъ уступаютъ реформу, вамъ даютъ регентство; что же вамъ нужно еще? — *Республику*. Всѣ ваши усилія теперь бесполезны, они не могутъ помѣшать! Народъ—хозяинъ Парижа: онъ не хочетъ больше ни короля, ни принцевъ, ни династій.

Генералъ сдѣлалъ жестъ, казалось, говорившій: «что за безуміе!» Но, видя вокругъ Этьена Араго лица, подтверждавшія только что слышанное, онъ дернулъ поводья, не желая терять драгоценнаго времени, увѣренный, что въ нѣкоторомъ разстояніи отсюда онъ встрѣтитъ совершенно другой пріемъ.

Спустя нѣсколько минутъ прибылъ де-Жирардэнъ, принося съ собою ту же новость. Ее приняли отъ него нѣсколько не лучше, чѣмъ отъ генерала Ламорисьера. Оба они съ однимъ и тѣмъ же намѣреніемъ направились тогда, съ противоположныхъ сторонъ, къ площади Пале-Рояля, откуда до нихъ доносилась перестрѣлка. Безчисленная толпа, мужчины, женщины, дѣти, рабочіе, національные гвардейцы, явившіеся изъ всѣхъ пунктовъ Парижа, стекались къ этому послѣднему театру борьбы. Это былъ огромный людской водоворотъ, наполнявшій воздухъ крикомъ. Трескотня барабана, призывавшаго къ атакѣ, гулъ выстрѣловъ, свистъ пуль, крики раненныхъ, звонкіе голоса идущихъ на смерть съ Марсельезой на устахъ, густой дымъ, окутывавшій эту необыкновенную картину, — все это вскружило бы голову всякому, кто попытался бы туда приблизиться.

Между тѣмъ, генералъ Ламорисьеръ, прибывшій на уголъ площади, старался проложить себѣ дорогу.

«Да здравствуетъ Ламорисьеръ!» кричали одни. «Это не онъ, онъ въ Африкѣ, это шпіонъ!» кричали другіе. Одно это слово могло его убить. Его форменная неполная одежда съ чужого плеча давала поводъ къ ошибкамъ; во всякомъ случаѣ штыки и пистолеты, наведенные на его грудь, не могли его заставить ни отступить, ни поблѣднѣть. Но ни его голосъ, ни его жесты не въ силахъ были овладѣть шумѣвшей толпой; было безуміемъ надѣяться на это. Генералъ, тѣмъ не менѣе, не могъ рѣшиться уѣхать, такъ какъ онъ чувствовалъ, что судьба королевства зависѣла, можетъ-быть, еще отъ нѣсколькихъ, благопріятно принятыхъ, словъ; онъ выбивался изъ силъ, дѣлая знаки; онъ не переставалъ махать въ воздухѣ платкомъ; но въ то время, какъ онъ стоялъ на одномъ мѣстѣ, не подвигаясь ни впередъ, ни назадъ, сдавленный народной массой, пуля убиваетъ его лошадь, которая падаетъ подъ

нимъ. Раненый самъ почти въ ту же минуту ударомъ штыка въ руку, онъ былъ поднять тотчасъ же нѣсколькими лицами изъ народа, которыя, защищая его своими тѣлами, отнесли его къ винному торговцу на углу улицы Шартрской, гдѣ докторъ Пелларанъ устроилъ перевязочный пунктъ. Здѣсь его рану очень заботливо перевязали, затѣмъ выпустили его черезъ задній ходъ и привели къ нему на домъ, гдѣ онъ вскорѣ узналъ, что случилось съ монархіей. Маршалъ Жераръ съ своей стороны былъ не болѣе счастливъ. Взобравшись на лошадь, на которой только что ѣздилъ на смотръ король, и которая была вся въ бархатѣ и золотѣ, маршалъ, въ своей черной одеждѣ и круглой шляпѣ, съ буксовой вѣткой въ рукѣ, представлялъ изъ себя очень странную фигуру. Онъ медленно пробирался со всевозможными затрудненіями сквозь толпу, когда Прэнсето, несшему актъ отреченія, удалось его настичь. Маршалъ тянулся изо всѣхъ силъ за бумагой, которую тотъ ему протягивалъ; но кто-то болѣе проворный уже схватилъ ее. То былъ Оберъ-Рошъ, офицеръ національной гвардіи, отказавшійся ее вернуть. Боясь, безъ сомнѣнія, какъ бы отреченіе короля не оставило вторично революціи, онъ выхватилъ изъ рукъ стараго служаки драгоценную бумажку и передалъ ее тотчасъ же находившемуся тутъ же Шарлю Лагранжу. Въ то же время толпа, хотя и продолжала кричать «да здравствуетъ маршалъ!», отталкивала его потихоньку по направленію къ площади Карусель. Въ этотъ моментъ войска отступили во дворъ дворца и заперли рѣшетку. Такимъ образомъ, маршалъ не имѣлъ даже возможности отдать отчетъ королю о жалкомъ исходѣ своей миссіи. Въ Тюильри было уже извѣстно черезъ Кремье, что повсюду королевскіе посланные потерпѣли неудачу, и что ни генералъ Гурго, ни сыновья адмирала Бодэна, отправленные на площадь Согласія, ни де-Жирардэнъ, ни Мерро, никто не добился того, чтобы народъ его выслушалъ. Толпа придворныхъ заполняла еще переднія комнаты. Герцогъ Немурскій бродилъ взадъ и впередъ, по лѣстницамъ и въ корридорахъ, спрашивая и отвѣчая, ничего не зная и ни на что не рѣшаясь. Герцогъ де-Монпансье утратилъ свой внушительный видъ. Людовикъ-Филиппъ впалъ въ полную протрацію. Въ то время въ конюшни Лувра былъ посланъ приказъ подать ко дворцу четыре экипажа, и по войскамъ пришлось сдѣлать позорное распоряженіе продержаться въ теченіе времени, необходимаго для прикрытія бѣгства короля. Марія-Амалия помогала своему супругу снять мундиръ и ордена и надѣть штатское платье. Охваченная отчаяніемъ, котораго не старалась сдерживать, она осыпала упреками всѣхъ тѣхъ, чью преданность она заподозрѣла.

«Ахъ какъ вы виноваты! какимъ неблагодарнымъ по отно-

вынію къ намъ вы оказались! вы не заслужили такого хорошаго короля!»—говорила она Тьеру.

Кремье, такъ настойчиво ихъ торопившій, былъ также предметомъ ея подозрѣній: никто ей не отвѣчалъ, всѣ хранили молчанье изъ уваженія къ ея несчастью. Да и не время было для перекоровъ, объясненій, или извиненій. Слышалась непрерывная перестрѣлка. Королевскіе экипажи были остановлены инсургентами. Рѣшено было пойти пѣшкомъ до площади Согласія. Въ суматохѣ этого стремительнаго бѣгства все дѣлалось и говорилось, какъ будто на удачѣ.

Герцогиня Орлеанская считала себя регентшей. Подобное возвышеніе въ такой моментъ, когда она не чувствовала ни въ комъ подлѣ себя ни сердца, ни рукъ, ни ума, достаточно сильныхъ и достаточно преданныхъ, чтобы броситься между ея сыномъ и революціей, это возвышеніе было страшнымъ испытаніемъ для ея мужества ¹⁾. Король вдобавокъ не далъ ей никакого совѣта, онъ ей сказалъ только два слова: «Елена, осгавайтесь». Людовикъ-Филиппъ не думалъ, что его бѣгство будетъ изгнаніемъ. Онъ не думалъ даже, чтобы герцогиня Орлеанская должна была быть регентшей. Въ силу его отреченія герцогъ Немурскій вступалъ по праву въ обладаніе властью, возлагавшеюся на него по закону двухъ палатъ. Изъ Сэнъ-Клу, гдѣ король думалъ остановиться, онъ будетъ еще давать направленіе дѣламъ своими совѣтами, онъ будетъ царствовать фактически подъ именемъ ребенка. На это-то въ глубинѣ души онъ и рассчитывалъ. Между тѣмъ, его торопили бѣжать. Онъ попросилъ подать его часы, портфель; онъ, казалось, былъ весь поглощенъ этими мелочами, чуждый чувствамъ скорби, бурно выражавшихся въ рыданіяхъ окружающихъ. Герцогъ де-Монпансье обнималъ свою молодую беременную жену, поручая ее заботамъ доктора Паскье и охранѣ Ластера. Принцесса Клементина, герцогиня Немурская, держа за руки своихъ дѣтей, приготавлилась слѣдовать за королемъ. Обмѣнивались рукопожатіями, взглядами, выражавшими мысли, которыя боялись высказывать вслухъ. Крупная фигура Маріи-Амалии доминировала въ своемъ отчаяніи надъ всѣми этими проявленіями скорби.

Наконецъ, Людовикъ-Филиппъ выходитъ изъ двора узкимъ и мрачнымъ корридоромъ, ведущимъ къ вестибюлю Часовъ, опираясь на руку королевы, въ сопровожденіи герцога де-Монпансье, Кремье, Ари Шеффера, Жюля де-Ластера, Гурго, Роже (дю-Норъ), Монталиве, Дюма, Ребея и Лавалетта, и направляется черезъ

¹⁾ „Какое бремя!“ воскликнула принцесса въ разговорѣ съ лицами своей свиты, „и Жуанвила нѣтъ здѣсь!“

садъ къ площади. Національные гвардейцы, пѣшіе и конные, и одна рота муниципальной гвардіи занимаютъ аллею¹⁾; эскадронъ драгунъ выстраивается по обѣ стороны. Мрачный кортежъ выступаетъ молча. Дойдя до рѣшетки моста Турнанъ, не находятъ тамъ экипажей, которые должны были ожидать. Тогда король, вполнѣ спокойный до этой минуты, сталъ обнаруживать признаки живѣйшаго безпокойства. Видъ площади, дѣйствительно, не былъ успокаивающаго свойства. Войска генерала Бедо были сосредоточены вокругъ обелиска; но ихъ окружала огромная толпа. Всадниковъ, служившихъ эскортомъ королю, толкали, оттѣсняли; они рѣшались только слегка противодѣйствовать натиску толпы, боясь излишними предосторожностями выдать присутствіе высочайшихъ особъ. «Экипажи! Но гдѣ же экипажи?» повторялъ король. Была минута при переходѣ черезъ площадь (такъ какъ пришлось пробиваться черезъ толпу къ обелиску, гдѣ, по недоразумѣнію, стояли экипажи), когда королеву сильно толкнули и отдѣлили отъ ея супруга. Она вскрикнула и пошатнулась. Одинъ молодой человекъ сдѣлалъ жестъ, какъ бы желая ее поддержать. «Оставьте меня», сказала она, оттолкнувъ его. Близкая къ обмороку, она всетаки нашла еще достаточно силъ, чтобы оскорбиться непрощенной помощью²⁾. Король, поймавъ снова ея руку, почти приподнялъ ее и посадилъ въ одну изъ каретъ, куда и самъ влѣзъ вслѣдъ за ней съ величайшей поспѣшностью. Дѣти герцогини Немурской были уже въ другой каретѣ и, ставъ на сидѣнье,

¹⁾ Когда Людовикъ-Филиппъ сѣлъ въ экипажъ, одинъ изъ адъютантовъ генерала Бедо уговаривалъ этихъ храбрыхъ солдатъ не слѣдовать за королемъ, чтобы этимъ не обратилъ на него еще большаго вниманія народа, и разошлись какъ можно скорѣе, чтобы спастись отъ народной ярости. Командовавшій ими офицеръ, сѣдовласый старецъ, колебался. „Я тридцать лѣтъ служу, говорилъ онъ, я ни разу не отдавалъ своей шпаги; я не хочу себя позорить“. — „Вамъ ее возвратятъ! вскричалъ адъютантъ, но ради Бога скорѣй, или изъ-за васъ вырѣжутъ всѣхъ вашихъ солдатъ“. И на плечи старика почти насильно набросили штатскій плащъ и увлекли его изъ сада. Нельзя не отмѣтить здѣсь одно геройское въ своей наивности слово. Тронутый заботливостью, съ какой муниципальной гвардеецъ прикрывалъ своего офицера плащемъ, чтобы скрыть столь опасный для данной минуты мундиръ, адъютантъ ищетъ вокругъ себя кого-нибудь, кто могъ бы одолжить пиджакъ этому храброму солдату. Не видя никого, онъ говоритъ ему: „Но вы, мой другъ, вамъ нечѣмъ закрыть вашъ мундиръ; что съ вами будетъ? Васъ убьютъ!“ „О, меня, г. адъютантъ, — отвѣчаетъ муниципальный гвардеецъ, — это ничего!“

²⁾ Въ эту минуту одинъ кирасирскій офицеръ, думая, что жизнь короля въ опасности, обратился къ простолыдинамъ, обступившимъ его слишкомъ близко, съ нѣсколькими неосторожными словами: „Господа, пощадите короля!“ сказалъ онъ. „Что же мы убійцы, что ли?“ Раздался голосъ изъ толпы: „Пускай себѣ ѣдетъ!“

прильнувъ своими бѣлокурыми головками и розовенькими личиками къ стеклу кареты, смотрѣли скорѣе съ любопытствомъ, чѣмъ съ испугомъ на странное зрѣлище, представлявшееся имъ въ первый разъ въ жизни. Ихъ мать сѣла съ ними. Тогда даютъ знакъ отъѣзда. Впопыхахъ въ карету кидаютъ, черезъ окошко въ дверяхъ, упавшій на землю портфель и дорожный мѣшокъ съ нѣсколькими вещами. «Ну, пошелъ, пошелъ!» кричитъ Кремье. Кучеръ ударяетъ сильно бичемъ по лошадямъ, и обѣ кареты несутся по набережной Пасси, окруженные коннымъ отрядомъ національной гвардіи и двумя эскадронами кирасиръ, подъ личной командой генерала Реньо-де-Сэнъ-Жанъ д'Анжели.

Спротивленіе поста Шато-д'О, этотъ актъ высокой воинской доблести, никому невѣдомые плебейскіе герои котораго пали, погрузившись навсегда въ молчаніе смерти, прикрыло временно позорное пораженіе Тюильри.

Мы видѣли, что инсургенты при помощи сотни національныхъ гвардейцевъ третьяго и пятаго легионовъ, обезоружившихъ передъ этимъ постъ у Банка, сломали рѣшетку Пале-Рояля со стороны галлерей Валуа.

Ворваться въ комнаты было дѣломъ одной минуты, и скоро у всѣхъ оконъ закипѣлъ бой. Дворецъ и постъ обмѣнивались смертельнымъ огнемъ, картечь сыпалась на площадь градомъ. Было ясно, что припасы внутри поста должны были истощиться, что тамъ было уже больше мертвыхъ, чѣмъ живыхъ; но ничто еще не указывало на то, чтобы тамъ было сломлено мужество. Дѣйствительно, мысль о сдачѣ даже и не приходила въ голову этимъ храбрецамъ. И народъ толпился на ступеняхъ крыльца, противъ дверей, потрясаемыхъ ударами желѣзныхъ полосъ; одни старались взобраться на окна, другіе, не такъ забывшіеся въ пылу сраженія и скорбѣвшіе о бесполезномъ кровопролитіи, старались прекратить стрѣльбу и побудить солдатъ вступить въ переговоры. Они подходили къ самому основанію стѣны, идя навстрѣчу почти неминуемой смерти. Тщетно пытались они жестами и криками убѣдить осажденныхъ въ своихъ мирныхъ намѣреніяхъ. Ихъ встрѣчали ружейными выстрѣлами, какъ встрѣтили генерала Ламорисьера, Кремье, де-Жирардена и самого маршала Жерара. Нѣкоторые изъ этихъ безстрашныхъ гражданъ заплатили жизнью за свою благородную рѣшительность. Вдругъ адская мысль пришла толпѣ.

Передъ этимъ на площади Карусель были захвачены королевскія конюшни. Нѣсколько мальчишекъ подожгли экипажи. Послышались крики: «огня! Зажечь Шато д'О!» Тотчасъ народъ впрягается въ горячіе экипажи и подвозитъ ихъ къ окнамъ

поста, таща пучки соломы, хворосту; вкатывают на этот костер бочку винного спирта. Пожару способствует ветер, раздувая пламя; оно поднимается, ширится, вьется; оно охватывает пылающим кольцом старинное здание; оно проникает, оно врывается, наконец, внутрь. Конец мученикам роялизма, им остается только смерть; лейтенант Пересс открывает дверь, чтобы выйти; он падает, сраженный несколькими пулями. Солдаты, бывшие за ним, бросаются к порогу и кидают свое оружие, крича, что они сдаются, в то время, как другие спасаются через двери музея. Видя врага в своей власти, толпа испускает торжествующий рев. Но тотчас же раздается крик человека-любия. Обезумевший на мгновение, в своем опьянении сражением, народ бросается спасать своих врагов из пасти смерти. Потоками воды он пытается потушить им самим устроенный пожар. Что за зрелище! И как опишешь его! Когда народ проник в дымящиеся развалины, спотыкаясь о почерневшие трупы, окровавленные одежды, разбросанные там и сям куски горького человеческого мяса, он приходит в ужас от своей победы. Из ндра этого ада он извлекает раненых, поднимает их на руки, несет их в галерею Пале-Рояля. Там солдаты короля и солдаты республики, победенные и победители, лежат на кроватях, матрацах, диванах, разбросанных наскоро вдоль стѣн. Врачи, женщины перевязывают раны, унимают текущую кровь, смачивают горячія губы, водворяют тишину, облегчают агонию умирающих¹⁾. А в то время,

¹⁾ Сражение у Шаго д'О стоило жизни 11-ти солдатам и тридцати восьми гражданам. Лейтенант Пересс, получивший 9 рань огнестрѣльных и 6 оть холоднаго оружія, скончался 7 марта через три дня послѣ извлечения послѣдней пули, сидѣвшей в лѣвой рукѣ. Лейтенанту Одун ампутировали правую руку. Съ обѣихъ сторонъ в этой братоубійственной борьбѣ совершались подвиги сверхчеловѣческой храбрости. Одинъ рабочій, портной, почти ребенокъ по фигурѣ и по лѣтамъ, молодой Байё, съ разбитымъ правымъ плечомъ, въ окровавленной рубашкѣ, будучи не въ силахъ держать въ рукахъ ружье, ходилъ вадъ и впередъ подъ градомъ пуль, махая саблей, лѣвой рукой, возбуждая народъ, вызывая солдатъ на бой. Одинъ храбрый республиканецъ, капитанъ Лессере, прибывшій со своей ротой на баррикады въ улицѣ Валуа, хотѣлъ попытаться положить конецъ сраженію. Поднявъ свою шпагу съ привязаннымъ къ рукояткѣ платкомъ, онъ спустился при помощи Этьена Араго и бросился бгомъ къ посту. Но по срединѣ площади упалъ сраженный пулей. Наконецъ, одна женщина, молодая и красивая, храбро ходила подъ картечью, оказывая помощь раненымъ и давая имъ пріютъ въ своей квартирѣ. „Ты настоящая римлянка“, сказалъ ей одинъ изъ народа, хлопнувъ ее по плечу. Это была мадемуазель Лопецъ, актриса Одеона. Странная вещь! Кафе и кабаки оставались открытыми. Туда приходили отдохнуть, покурить, пошутить въ промежуткѣ между

какъ здѣсь эти трогательныя заботы дѣлаютъ честь человѣчеству, въ двухъ шагахъ отсюда, подъ той же самой кровлей, люди, не уважающіе ничего на свѣтѣ, вандалы разрушаютъ богатства дворца: картины, статуи, книги, драгоценныя вазы, перлы искусства, сокровища науки, ничто не пощажено, ничто не ускользнуло отъ разгрома. Слѣпое бѣшенство обрушивается, какъ на живого врага, на эти бездушныя предметы, имъ оставленные. Вскорѣ опьяненіе виномъ присоединяется къ опьяненію сраженіемъ; проникли въ погреба. Національная гвардія дѣлаетъ невѣроятныя, но тщетныя усилія, чтобы удержать толпу отъ этихъ излишествъ.

Такъ проявляетъ народъ въ одинъ и тотъ же моментъ, въ одномъ и томъ же мѣстѣ, свои два облика, столь противоположныя одинъ другому, оправдывая и тѣхъ, кто его любитъ, и тѣхъ, кто его боится. Здѣсь храбрый, человѣчный, полный нѣжности; тамъ обезумѣвшій, звѣрскій: гордость и бичъ цивилизаціи, надежда и ужасъ будущаго.

Тѣмъ временемъ герцогиня Орлеанская, оставленная въ Тюильри, вернулась послѣдно въ свои покои. Въ суетѣ послѣдняго прощанія она обмѣнялась нѣсколькими словами съ депутатами, окружавшими короля, и, думая, что они слѣдуютъ за ней, рассчитывала на ихъ совѣты и поддержку.

Каковъ же былъ ея испугъ, когда, пройдя чрезъ залы и коридоры, со стороны которыхъ уже слышался гулъ народныхъ массъ, наводнившихъ Карусель и лѣзшихъ уже на рѣшетку дворца, и обернувшись въ концѣ своего пути, она увидѣла, что осталась одна съ нѣсколькими лицами изъ свиты¹⁾. Ея щеки, и безъ того такія блѣдныя, поблѣднѣли еще болѣе. Въ эту минуту во дворѣ раздался пушечный выстрѣлъ. Принцесса подумала, что началась рѣшительная битва. Она знала, что войско уже не въ состояніи сопротивляться. У нея мелькнула мысль, что ее сейчасъ убьютъ.

Тогда, побуждаемая однимъ изъ тѣхъ прекрасныхъ движеній сердца, которыя часто повторяются въ исторіи женщинъ, она схватила своихъ обоихъ дѣтей за руки и, ставши съ ними у под-

двумя перестрѣлками. Не разъ какая-нибудь заблудившаяся собака, завывавшая подъ гулъ выстрѣловъ, вносила комическую ноту въ эти трагическія сцены.

¹⁾ Ренье, воспитатель графа Парижскаго, Буамилонъ, секретарь одного изъ отдѣленій придворной службы, Асселинъ, де-Шабо-Латуръ, генералъ Гурго, де-Вилломезъ, де-Гравъ, герцогъ Эльхингенскій, де-Монгюйонъ, гг. Тьеръ, Дювержье де-Гораннъ, де-Ремюза, Бароншъ, считая игру проигранной, покинули Тюильри тотчасъ же послѣ отъѣзда короля, не узнавъ о томъ, что случилось съ принцессой.

ножія портрета ихъ отца¹⁾), воскликнула, обращая къ небу свои молящія о помощи полныя слезъ глаза: «Мнѣ остается только умереть здѣсь!»

Въ эту минуту отворяется дверь: лучъ надежды сверкнулъ въ глазахъ принцессы, и она бросилась навстрѣчу входившему. Это былъ Дюпэнъ, который въ сопровожденіи де-Граммона искалъ *регентшу*, чтобы отвести ее въ палату депутатовъ. «Г-нъ Дюпэнъ, вскричала герцогиня, вы первый пришли ко мнѣ». Странная вещь! дѣйствительно, о *регентшѣ*, въ эту рѣшительную минуту, люди политики совершенно забыли. Почти тотчасъ же ей доложили, что герцогъ Немурскій проситъ ее покинуть Тюильри. Взявши подъ руку Дюпэна, она прошла въ сопровожденіи небольшой группы своихъ домашнихъ черезъ садъ, передъ линейными войсками, которыя, не получивъ на этотъ счетъ никакихъ приказаній, не отдали ей даже чести. Герцогиня держала за руку графа Парижскаго; маленькаго герцога Шартрскаго, который былъ боленъ уже нѣсколько дней и дрожалъ въ лихорадкѣ, несъ врачъ Блашъ. У моста Турнанъ, Дюпэнъ, подойдя къ толпѣ, провозгласилъ громкимъ голосомъ графа Парижскаго королемъ французовъ, а герцогиню Орлеанскую регентшею. Затѣмъ направились къ палатѣ депутатовъ²⁾. Принцесса была взволнована, но ея рѣшеніе оставалось твердымъ: она шла не для того, чтобы, какъ говорили, удовлетворить свое, долгое время сдерживаемое, честолюбіе, но просто, чтобы исполнить долгъ матери. Если бы у герцогини Орлеанской было то страстное честолюбіе, въ которомъ ее упрекала королевская семья, можетъ быть, ей и удалась бы ея попытка³⁾.

¹⁾ Этотъ великолѣпный портретъ, достойный такой сцены, принадлежалъ кисти Энгра.

²⁾ Въ то время, какъ герцогиня Орлеанская направлялась къ палатѣ депутатовъ, одинъ лейтенантъ 5-го легіона, гражданинъ Оберъ-Рошъ, опасаясь ужасныхъ сценъ въ случаѣ, если завяжется сраженіе между инсургентами и войскомъ, охранявшимъ еще Тюильри, явился къ калиткѣ Лѣстницы и просилъ вызвать для переговоровъ коменданта дворца. Онъ обрисовалъ ему яркими красками растущую опасность и убѣждалъ его сдать немедленно Тюильри національной гвардіи, которая сможетъ, по крайней мѣрѣ, предотвратить разграбленіе. Комендантъ, не рѣшаясь взять на себя отвѣтственность за приказаніе очистить дворецъ, повелъ Оберъ-Роша къ герцогу Немурскому. Тотъ выслушалъ его въ молчаніи и сдѣлалъ то, о чемъ его просили. Тотчасъ же артиллерія, давши три пушечныхъ холостыхъ выстрѣла, что было условнымъ сигналомъ для оповѣщенія о прибытіи народа, начала свое отступленіе черезъ рѣшетку Королевскаго моста. Драгуны сошли на землю, чтобы спустить лошадей по средней лѣстницѣ. Отступленіе произошло въ такомъ безпорядкѣ, что забыли снять внутренніе посты.

³⁾ На мосту Согласія, графъ Парижскій запнулся и упалъ. Онъ не

Но вопреки мнѣнію, утвердившемуся во дворцѣ, она не обладала темпераментомъ, способнымъ на сильное честолюбіе и широкіе планы. Умная, осторожная, утонченно-нѣжная и духовно и физически, достойная занимать съ честью выдающееся положеніе, она не обладала совершенно той дерзкой энергіей, которая захватываетъ въ свои руки власть. Обычно печальная и покорная, она питала смутныя надежды. Но на ея челѣ совершенно не было видно отблеска того пламени, которое создаетъ Маріи-Терезій или Екатерины. Ея меланхолическія уста, привлекавшія къ ней своими милыми рѣчами благожелательныя сердца, не трепетали тѣмъ краснорѣчіемъ, которое покоряетъ мятежныя души. Однимъ словомъ, это была благородная принцесса, но не героиня и не гениальная женщина. А нужно было быть или тѣмъ, или другимъ, чтобы въ эту рѣшительную минуту остановить собой всеокрушающія волны революціи.

ХІІ.

Народъ въ Тюильри.

Послѣ бѣгства Людовика-Филиппа герцогиня де-Монпансье, которой не удалось найти мѣста въ экипажахъ короля, отправилась пѣшкомъ на улицу Миромэниль къ Жюлю де-Ластейри. Герцогъ Вюртембергскій бѣжалъ со своимъ сыномъ черезъ Луврскую картинную галерею. Генералъ Себастьяни, переодѣтый въ гражданское платье, покинулъ Тюильри одновременно съ Людовикомъ-Филиппомъ и укрылся въ отелѣ своего брата на улицѣ предмѣстья Сэнтъ-Онорэ. Что касается маршала Бюжо, то онъ, пренебрегая всѣми предосторожностями, выѣхалъ верхомъ, въ формѣ, медленно, съ гордымъ видомъ, заставляя разступаться вооруженныхъ карабинами инсургентовъ, которые толпами стекались на набережную. Направляясь къ Сэнтъ-Жерменскому предмѣстью, онъ столкнулся на Королевскомъ мосту съ толпой народа, его узнали и раздался ропотъ: «долой Бюжо! Смерть Бюжо!» Маршалъ былъ уже далеко, когда смутный шумъ этихъ угрозъ достигъ его слуха. Онъ тотчасъ же повернулъ коня и поѣхалъ прямо къ толпѣ, откуда онъ раздавались. «Что я слышу?»—воскликнулъ онъ,—«вы хотите смерти Бюжо? Да хорошо ли вы знаете Бюжо? Знаете ли вы, что онъ сдѣлалъ для родины? Бюжо одинъ изъ послѣднихъ продолжалъ стрѣлять въ пруссаковъ и русскихъ, когда они угрожали Парижу. Бюжо покорилъ Алжиръ Франціи. Повѣрьте мнѣ, нужно относиться съ уваженіемъ къ

ушибся, но это паденіе было печальнымъ предзнаменованіемъ для встревоженнаго сердца его матери.

Бюжо и всѣмъ храбрецамъ арміи, они вамъ скоро понадобятся!» Подкупленные этими искренними и вполне соответствовавшими народному духу словами, инсургенты окружили маршала съ возгласами: «да здравствуетъ Бюжо!» Потомъ они проводили его, какъ триумфатора, до порога его жилища. Войска, которыя подъ предводительствомъ генерала Рюльера заграждали всякій доступъ къ саду и составляли, такимъ образомъ, прикрытіе для свиты герцогини Орлеанской, теперь отступили и собирались на площади Согласія, гдѣ они должны были, по точному приказанію герцога Немурскаго, ожидать выхода регентши изъ палаты депутатовъ, чтобы сопроводить ее до Сэнь-Клу. Генераль Бедо продолжалъ оставаться во главѣ стражи у Королевскаго моста. Оба эти генерала располагали еще достаточнымъ количествомъ силъ, чтобы прикрывать Бурбонскій дворецъ и защищать его съ этой стороны отъ вторженія народа.

Вернемся къ инсургентамъ, которыхъ мы оставили при входѣ во дворцовую дворъ. Они были крайне удивлены, увидя, что войско не сдѣлало никакихъ приготовленій къ защитѣ. Они еще не знали о бѣгствѣ короля; они едва вѣрили его отреченію. Они ожидали встрѣтить въ Тюильри отчаянное сопротивленіе.

Отрядомъ инсургентовъ, который первымъ проникъ во дворъ, командовалъ офицеръ изъ стрѣлковъ 10-го легіона, человѣкъ рѣшительный и преданный, капитанъ Дюнойе.

Интересно прослѣдить движеніе этого отряда съ того момента, какъ онъ отдѣлился отъ защитниковъ династїи. Это было около девяти часовъ утра; въ мѣрѣ 10-го округа, куда явилась 3-ья рота 4-го баталіона, подъ предводительствомъ капитана Дюнойе за патронами ¹⁾, только что узнали, что народъ беретъ приступомъ военную тюрьму Аббатства, охраняемую отрядомъ пѣхоты. Въ эту минуту явилось нѣсколько учениковъ политехнической школы; они громко объявили, что политехники раздѣлились на группы, чтобы идти по всѣмъ округамъ помогать національной гвардіи возстановлять порядокъ и поддерживать свободу. Несмолкаемые крики: «да здравствуетъ политехническая школа! Да здравствуетъ реформа!» привѣтствовали это извѣстіе. Всѣ тотчасъ же отправились къ Аббатству, чтобы стать между народомъ и войскомъ, если время еще не потеряно. Выйдя на площадь, рота увидѣла, что инсургенты овладѣли тюрьмой, обезоружили солдатъ, выпустили узниковъ и начали разрушать зданіе. Не зная, что предприметъ національная гвардія, они молчаливо удалились за баррикаду, устроенную на краю площади, и стали наблюдать. Капитанъ Дюнойе

¹⁾ Национальная гвардія повсюду испытывала нужду въ патронахъ, что вполне объясняется недостаткомъ довѣрія правительства къ войскамъ.

приближается къ нимъ, убѣждаетъ ихъ не продолжать бесполезнаго разгрома. Они отвѣчаютъ возгласами: «да здравствуетъ національная гвардія! «Да здравствуетъ политехническая школа!» «Да здравствуетъ реформа!» — «Да, друзья мои, да здравствуетъ реформа!»—сказалъ Дюнойе:—пусть всѣ, кто ихъ желаетъ, слѣдуютъ за нами въ порядкѣ и дисциплинѣ». Потомъ, видя, что у инсургентовъ, вооруженныхъ кирками, кузнечными молотами, ломами, полосами желѣза и саблями, нѣтъ ружей, онъ предлагаетъ взять ихъ въ полицейскихъ казармахъ на Турнонской улицѣ. Инсургенты за нимъ строятся въ ряды и идутъ съ пѣніемъ марсельезы.

Съ этимъ подкрѣпленіемъ, приблизительно человѣкъ въ 600, рота направилась къ казармамъ на улицѣ Турнонь. Она нашла ихъ занятыми отрядомъ 11-го легіона. Муниципальная гвардія покинула ихъ съ ранняго утра, чтобы занять позицію на правомъ берегу Сены.

Тогда Дюнойе ведетъ своихъ людей въ казармы пожарныхъ на улицу Старой Голубятни, гдѣ онъ надѣется найти оружіе. Казармы заперты; часовые скрываются въ постъ. Комендантъ появляется въ одномъ изъ оконъ второго этажа и на просьбу капитана Дюнойе дать оружіе волонтерамъ, съ нѣкоторымъ трудомъ соглашается выдать около восьмидесяти ружей; ихъ передаютъ сквозь рѣшетку окна. Ружья заряжены; случайно одно изъ нихъ стрѣляетъ. Нѣкоторые инсургенты, думая, что на нихъ нападаютъ кричатъ: «Мщение!» и собираются обстрѣливать двери; но національной гвардіи удается ихъ успокоить. Рота отступаетъ и дѣлится на два отряда; сто волонтеровъ изъ народа направляются по улицѣ Шершъ-Миди къ дому Военнаго суда, рѣшившись взять его силой. Вербуя по пути встрѣчныхъ и забирая оружіе, они должны были захватить сзади казармы на Вавилонской улицѣ, между тѣмъ какъ главный отрядъ, подъ предводительствомъ Дюнойе, атакуетъ ихъ спереди.

Но, дойдя до Вавилонской улицы, нѣсколько национальныхъ гвардейцовъ отряда, посланные произвести рекогносцировку казармъ, узнаютъ, что войско ушло оттуда наканунѣ и что осталось только нѣсколько молодыхъ солдатъ, недавно вступившихъ въ армію. Сержантъ, который ведетъ съ ними переговоры, предлагаетъ впустить въ постъ нѣсколькихъ гвардейцевъ, чтобы охранять его вмѣстѣ; въ то же время онъ прибавляетъ самымъ рѣшительнымъ тономъ, что если хотятъ обезоружить его и его солдатъ, то они будутъ защищаться не на жизнь, а на смерть. Этотъ энергичный отвѣтъ внушаетъ уваженіе. Капитанъ Дюнойе повертываетъ своихъ солдатъ и идетъ навстрѣчу отряду, возвращающемуся съ поста Военнаго суда.

Этотъ постъ былъ снятъ и обезоруженъ послѣ короткаго сопротивленія. Какъ и вездѣ, сожгли двери и освободили арестованныхъ солдатъ. Тутъ же узнаютъ, что другіе отряды инсургентовъ захватили казармы на улицахъ Муффетаръ, дэ-Грэ, Сѣнной, на улицѣ Кармелитовъ и обезоружили всѣ промежуточные посты. Успѣхъ народа на этомъ берегу Сены былъ полный.

Колонна Дюнойе, увеличившаяся во время перехода приблизительно до 1500 человекъ, перебралась черезъ многочисленныя баррикады на площади Краснаго Креста, на улицахъ дю-Фуръ де-Бюсси, Сэнтъ-Андре-Дэзаръ и Дофина и дошла до Новаго моста, который ведетъ на набережную Конти. Муниципальная гвардія находилась на набережной Часовъ. Отрядъ кирасировъ сталъ противъ статуи Генриха IV. Инсургенты останавливаются на минуту и восклицаютъ, размахивая знаменами: «Да здравствуетъ реформа!» но, видя, что войско настроено рѣшительно и готово вступить въ бой, они проѣзжаютъ мимо.

Около улицы дэ-Пети-Огюстэнъ они видятъ десять національныхъ гвардейцевъ верхомъ, которые мчатся отъ набережной Волтера, размахивая бѣлыми платками. Когда передній оказывается на разстояніи человѣческаго голоса, онъ восклицаетъ: «Все кончено, друзья мои! Король отказывается отъ престола въ пользу своего внука; герцогиня Орлеанская назначена регентшей!» При этихъ словахъ начинается ропотъ въ рядахъ инсургентовъ. «Можетъ быть,—отвѣчаетъ Дюнойе,—но мы не вѣримъ больше словамъ; мы не сложимъ оружія, пока армія не выступитъ изъ Парижа».

Не настаивая больше, гвардейцы продолжаютъ свой путь улицей Св. Отцовъ; они разносятъ по всему Сэнтъ-Жермэнскому прелмѣстью вѣсть объ отреченіи, которая принимается почти вездѣ радостно.

Между тѣмъ, колонна достигла моста Св. Отцовъ, занятаго войскомъ. Прежде чѣмъ пройти мимо, Дюнойе совѣтуется со своими и предлагаетъ перейти Сену, чтобы начать наступать на Тюильри. Нѣкоторые говорятъ, что если король дѣйствительно отрекся отъ престола, слѣдуетъ сейчасъ же бѣжать въ Палату депутатовъ, чтобы разстроить планы сторонниковъ регентства. Другіе присоединяются къ мнѣнію капитана. Но во время этихъ переговоровъ въ отрядѣ начала сказываться сильная нерѣшительность. Распространяющаяся вѣсть объ отреченіи короля и регентствѣ герцогини Орлеанской, видъ набережныхъ, занятыхъ войсками въ полномъ порядкѣ, сильный шумъ воодушевленія, который непрерывно доносится отъ Пале-Рояля, все это сдерживаетъ пылъ сражающихся. Нѣкоторые говорятъ, что было бы безуміемъ переходить на правый берегъ и вступить въ битву въ

такомъ небольшомъ числѣ съ значительными силами, охраняющими Тюильри. Шесть или восемь учениковъ политехнической школы заявляютъ Дюнойе, что они дали слово своимъ начальникамъ не выходить за предѣлы округа и дѣйствовать только съ общаго согласія; не слушая никакихъ возраженій, они удаляются. Тотчасъ же большинство національныхъ гвардейцевъ и волонтеровъ слѣдуетъ ихъ примѣру. Колонна, только что состоявшая изъ 1500 человекъ, уменьшается до 150, между которыми не болѣе 60 гвардейцевъ и 4 ученика политехнической школы, юноши Пратцъ, Віаль, Лебелэнъ и Кау, которые, соглашаясь подвергнуть себя опасности готовящейся дерзкой попытки, объявляютъ, что останутся вѣрны клятвѣ, данной ихъ начальникамъ, не вынуть сабли изъ ноженъ. Дюнойе на минуту поколебленъ этимъ отказомъ; онъ видитъ всю громадность своей отвѣтственности. Приходится отважиться на рѣшительный шагъ, и онъ не можетъ скрыть отъ себя, что дѣло принимаетъ неблагоприятный оборотъ. Но воодушевленіе его маленькаго отряда передается и ему: «Впередъ! впередъ!» кричатъ кругомъ него. Барабаны бьютъ, отрядъ неустрашимо вступаетъ на мостъ, рискуя быть разстрѣляннымъ картечью.

Луврская и Тюильрійская набережныя заняты войсками. 7-ой полкъ кирасировъ, пришедшій отъ Новаго моста, стоитъ по лѣвую сторону моста; 37-ой линейный, съ ружьями наготовѣ, по правую. Никто не знаетъ, что намѣрено предпринять войско, но хотя въ движеніяхъ нѣтъ ничего вызывающаго, оно повидимому готово вступить въ сраженіе.

Колонна инсургентовъ останавливается на небольшомъ разстояніи отъ передовыхъ отрядовъ. Дюнойе, приблизившись къ офицерамъ, заявляетъ имъ, что три легіона лѣваго берега въ сопровожденіи вооруженной толпы идутъ въ Пале-Рояль съ тѣмъ, чтобы остановить кровопролитіе. Его отрядъ,—говоритъ онъ,—авангардъ народной арміи и проситъ свободнаго пропуска. Одинъ изъ офицеровъ идетъ посоветоваться съ полковникомъ, который при видѣ національныхъ гвардейцевъ въ толпѣ народа, поднимаетъ вверхъ рукоятку своей шпаги; тотчасъ же солдаты переворачиваютъ ружья прикладами вверхъ. Передъ отрядомъ революціонеровъ открывается проходъ; они идутъ Лувромъ съ криками: «Да здравствуетъ Франція! Да здравствуютъ кирасиры! Да здравствуетъ линейный полкъ!» Полковая музыка въ отвѣтъ на крики играетъ *Марсельезу*.

Между тѣмъ, нѣсколько инсургентовъ пробирались одинъ за другимъ вдоль по Тюильрійской набережной, дружески разговаривая съ солдатами. Они не замедлили проникнуть во дворъ Карусели черезъ калитку Оранжерей.

Дворъ Тюильри занять многочисленными войсками, но площадь Карусели совершенно пуста. Вооруженная толпа, идущая отъ улицы Св. Томаса начинаетъ наполнять ее, едва колонна лѣваго берега успѣваетъ пройти черезъ Луврскія ворота; раздается три пушечныхъ выстрѣла; отъ дворца слышенъ ружейный залпъ: нѣсколько инсургентовъ убито или ранено. Отрядъ Дюнойе отвѣчаетъ на выстрѣлы, толпа, проникшая на площадь черезъ калитку Оранжереи, тоже. Нѣсколько смертельныхъ пуль настигаютъ сразу несчастнаго конюха въ красной ливреѣ, который велъ изъ королевскихъ конюшенъ къ дворцу двухъ лошадей, назначенныхъ для экипажей герцогини Орлеанской. Тотчасъ же Дюнойе командуетъ отступление, по настоянію кое-кого изъ своихъ сообщниковъ, съ тѣмъ, чтобы еще разъ посмотрѣть, каково настроеніе войскъ, охраняющихъ мостъ Карусели. Начинается дружеская бесѣда; кирасиры говорятъ, что думаютъ вернуться въ Версаль, гдѣ ихъ гарнизонъ. Между тѣмъ, стрѣлокъ Торде, который видѣлъ, что нѣсколько отрядовъ артиллеріи вышли со двора Тюильри черезъ ворота Королевскаго моста, идетъ посмотрѣть, не начнутъ ли они наступать; онъ замѣчаетъ, что они направляются къ площади Согласія. Тогда барабаны инсургентовъ бьютъ наступленіе, колонна пересѣкаетъ почти совершенно пустынную площадь и достигаетъ поста генеральнаго штаба, гдѣ стоитъ, ружья къ ногѣ, дежурная стража національной гвардіи, состоящая изъ нѣсколькихъ отрядовъ четвертаго, пятаго и шестого легіоновъ.

Дюнойе предлагаетъ коменданту присоединиться къ нему, чтобы вмѣстѣ проникнуть въ Тюильри; этотъ отказывается, ссылаясь на то, что онъ исполняетъ свои служебныя обязанности и не можетъ покинуть своего поста безъ приказанія свыше. На этотъ отказъ инсургенты не обращаютъ вниманія. Почти сейчасъ же отряды покидаютъ площадь, поворачиваютъ на улицу Рогана и размѣщаются на сосѣднихъ постахъ. Тогда колонна Дюнойе снова приближается къ рѣшеткѣ дворца и вскорѣ входитъ черезъ ворота лѣстницы, которая только что открылись, чтобы пропустить стражу національной гвардіи; отрядъ идетъ въ порядкѣ, съ барабанами во главѣ, ружья прикладами вверхъ. Онъ идетъ по двору Тюильри съ возгласами: «Да здравствуетъ реформа!» Национальная гвардія, выстроенная въ рядъ около поста Лѣстницы, и въ длину павильона Часовъ, мрачно молчитъ.

Грозная артиллерія стоитъ еще во дворѣ въ боевомъ порядкѣ. 25-ый линейный полкъ подъ ружьемъ стоитъ передъ постомъ, гдѣ находится его знамя. Далѣе виденъ саперный баталіонъ и сильные отряды кавалеріи. Среди всѣхъ этихъ военныхъ приготовленій царитъ глубокое молчаніе. На всѣхъ лицахъ за-

мѣтны подавленность и изумленіе. Дюнойе приближается къ командующему 52-мъ полкомъ. «Весь Парижъ охваченъ возстаніемъ,—говоритъ онъ ему:—національная гвардія, народъ и армія заключили союзъ. Мы пришли заключить союзъ съ мужественнымъ 52-мъ полкомъ». Офицеры отвѣчаютъ Дюнойе, что они собираются уходить; сержантъ, котораго онъ спрашиваетъ, сколько у него еще зарядовъ, показываетъ ему свой пустой патронташъ.

Велѣдъ за этимъ камердинеръ графа Парижскаго подходитъ къ Дюнойе; онъ сообщаетъ ему, что герцогиня Орлеанская въ Палатѣ депутатовъ, закликаетъ его конвоировать принцессу на обратномъ пути и предлагаетъ ему сѣсть въ одну изъ каретъ, которыя готовы ѣхать за регентшей и молодымъ королемъ, прибавляя, что въ его власти обѣщать ему все, чего онъ пожелаетъ.

— «Не разчитывайте ни на меня, ни на моихъ товарищей по оружію,—отвѣчаетъ ему Дюнойе:—мы пришли сюда не для того, чтобы оказывать услуги принцамъ». Почти сейчасъ же подходитъ Лемерсье, въ парадной формѣ полковника національной гвардіи, и повторяетъ Дюнойе ту же просьбу и тѣ же обѣщанія, но видя, что его невозможно убѣдить, онъ садится на козлы одной изъ каретъ и ѣдетъ къ Палатѣ депутатовъ. Дворцовый сторожъ, на вопросъ инсургентовъ, говоритъ, что король находится еще въ своихъ покояхъ. Они тотчасъ же направляются къ павильону Часовъ. Тамъ они встрѣчаютъ коменданта замка, полковника Бильфельда, блѣднаго, внѣ себя отъ ужаса. Онъ бросается Дюнойе на шею и умоляетъ пощадить его. Этотъ послѣдній успокаиваетъ его, но предлагаетъ ему снять форму и, какъ можно скорѣе, оставить Тюильри. Трое инсургентовъ отдѣляются отъ отряда, чтобы сопровождать полковника до его комнатъ. Удивляясь все болѣе и болѣе успѣху своего дерзкаго предпріятія, инсургенты проникаютъ въ переднюю павильона Часовъ, откуда они замѣчаютъ вдаль, въ саду, ограда котораго еще заперта, удаляющуюся свиту герцогини Орлеанской, которая приближается къ площади Согласія. Они поднимаются по большой лѣстницѣ, на каждомъ шагу боясь быть захваченными. Такъ они проходятъ съ различными предосторожностями нѣсколько залъ и галлерей. Генераль Карбонель, закутанный въ матросскій дождевой плащъ, торопливо проходитъ мимо нихъ и возвращается сказать волонтеру Лакомбу, чтобы ничего не портили въ покояхъ. Въ одной изъ комнатъ для прислуги ламповщикъ спокойно занимается чистой лампового стекла.

Наконецъ, инсургенты входятъ въ тронную залу. Двѣ связки трехцвѣтныхъ шелковыхъ знаменъ съ золотой бахромой украшаютъ съ двухъ сторонъ королевское кресло. Инсургенты пооче-

редно садятся на него. Дюнойе произноситъ передъ своими товарищами по оружію горячую рѣчь, потомъ онъ чертитъ на украшеніяхъ трона слѣдующія простые слова:

Народъ Парижа всей Европѣ:

Свобода, равенство, братство.

24 февраля 1848.

Воодушевленный крикъ: «да здравствуетъ республика!», раздавшийся впервые съ утра,—такъ были послушны возставшіе предписаніямъ вожаковъ политическаго движенія,—привѣтствуетъ это торжественное и въ то же время простое возвѣщеніе народной побѣды. Инсургенты бѣгутъ къ окнамъ, и ихъ ликование слышно во дворѣ. На этотъ призывъ является стража національной гвардіи; одинъ изъ нихъ, лейтенантъ 5-го легіона, поднимается по ступенькамъ трона и начинаетъ, къ всеобщему удивленію, восхвалять принца Людовика-Бонапарта; прерванный выраженіемъ общаго неодобренія разочарованный ораторъ скрывается въ толпѣ.

Послѣ короткаго перерыва колонна Дюнойе продолжаетъ обходить комнаты, которыя ведутъ въ музей. Все показываетъ, что королевское семейство едва успѣло ихъ покинуть. Каминны топятся. Биллиардные шары и кии въ беспорядкѣ брошены на коверъ, какъ будто бы партія прервалась всего на минуту. Рояль открытъ. Коегдѣ разбросаны альбомы. Въ столовой со стола еще не прибрано; нѣкоторые инсургенты торопливо утоляютъ жажду. Дойдя до лѣстницы павильона Флоры, около крыла зданія, смежнаго съ Лувромъ, они слышатъ смутный шумъ; двойная дверь открывается какъ бы сама собой, и инсургенты видятъ, что они у входа въ большую галерею музея, въ десяти шагахъ отъ отряда муниципальной гвардіи, съ оружіемъ въ рукахъ ¹⁾; на другомъ концѣ галереи отрядъ сапернаго баталіона занимается постройкой баррикады изъ скамеекъ.

Инсургенты сразу останавливаются: они думаютъ, что попались въ ловушку; «намъ измѣнили!» восклицаютъ они, и тотчасъ же хватаются за оружіе, но капитанъ Дюнойе становится между ними и солдатами муниципальной гвардіи и обращается къ начальнику:

— «Вы все храбры,—говоритъ онъ ему:—вы можете защищаться,

¹⁾ Этотъ отрядъ состоялъ изъ 350 человекъ, собравшихся съ различныхъ постовъ: св. Евстахія, Хлѣбнаго рынка, дѣ-Петит-Перъ, площади Побѣды, которые они сдали линейному войску, получивъ приказаніе идти въ Тюильри, и приблизительно изъ 65 человекъ явившихся изъ Шато-д'О. Ими предводительствовалъ квартирмейстеръ Рубье и поручикъ Перэнъ. Одинъ изъ командировъ сапернаго баталіона помѣстил ихъ въ галерею музея, смежной съ Тюильри; онъ заставилъ ихъ построить родъ баррикады изъ скамеекъ; потомъ онъ сказалъ лейтенанту Перэну, спрашивавшему, каковы будутъ приказанія: „если нужно, вы будете биться“, послѣ чего онъ исчезъ.

но къ чему? Король бѣжалъ. Побѣдоносный народъ идетъ отовсюду; ни одинъ изъ васъ не избѣгнетъ его мщенія. Оставьте ваше оружіе, доверьтесь намъ, и мы клянемся, что вы будете спасены».

Квартирмейстеръ протягиваетъ Дюнойе руку, подавая, такимъ образомъ, сигналъ къ миру; тотчасъ же все солдаты повертываютъ ружья прикладами вверхъ, восклицая: «Долой Гизо! Да здравствуютъ сыны Парижа! Да здравствуетъ національная гвардія! Да здравствуетъ реформа!» Потомъ они складываютъ оружіе, бросаютъ на землю свою аммуницію и заряды ижимаютъ руки гвардейцамъ и инсургентамъ. Эти, боясь, что ихъ застигнетъ вторженіе народа, слышатъ сбросить съ себя часть своей одежды, чтобы прикрыть солдатъ муниципальной гвардіи; ихъ проводятъ сквозь вооруженную толпу, которая уже врывается въ залы. Ихъ ведутъ небольшими группами къ посту павильона Марсанъ, только что покинутому 52-мъ линейнымъ полкомъ. Тамъ они кончаютъ передѣваться, потомъ выходятъ по возможности поодиночкѣ ¹⁾.

Отрядъ сапернаго баталіона слѣдуетъ ихъ примѣру и идетъ присоединиться къ другому отряду той же части арміи, который собирается уходить, такъ же, какъ и 52-й линейный полкъ и все тѣ войска, которыя еще остаются во дворѣ дворца.

Во время этого бѣгства, въ залѣ маршаловъ происходила политическая демонстрація страннаго характера. Человѣкъ высокаго роста, растрепанный, со впалыми щеками, съ пылающимъ взоромъ, въ изодранномъ платьѣ раздвигаетъ толпу; его длинныя, судорожно сжатые руки, потрясаютъ листомъ бумаги. Онъ дѣлаетъ знакъ, что хочетъ говорить; онъ становится на скамейку и начинаетъ читать упавшимъ отъ усталости и волненія голосомъ, за шумомъ его не слышно. Но вдругъ наступаетъ молчаніе: въ немъ узнаютъ преданнаго друга народа, героя ліонскаго возстанія, пы-

¹⁾ Старанія инсургентовъ спасти солдатъ муниципальной гвардіи признаны этими послѣдними въ выраженіяхъ живѣйшей благодарности, заключенныхъ въ коллективномъ заявленіи. Волонтеръ Лакомбъ-отецъ, который не покидалъ колонны Дюнойе съ утра, беретъ квартирмейстера Рубье подъ руку и ведетъ его въ свой собственный домъ, гдѣ оказываетъ ему гостепримство въ продолженіе нѣсколькихъ дней. Волонтеръ Бондо уводитъ къ себѣ унтеръ-офицера Фойеля и гвардейца Денизэ. Прео, возвращающійся съ площади королевскаго дворца, ведетъ двоихъ муниципальных гвардейцевъ къ своему хозяину, книгопродавцу Блоссу, гдѣ они скрываются недѣлю. Сержантъ Дювилларъ провожаетъ двоихъ на улицу Медицинской школы. Только поручикъ Перэнъ и унтеръ-офицеръ, шедшій вмѣстѣ съ нимъ, подверглись насиліямъ, будучи насильно оттерты встрѣчнымъ потокомъ толпы отъ своей дружественной стражи. Съ нихъ сорвали погоны и разорвали форму. Съ большимъ трудомъ пробрались они къ консьержу павильона Марсанъ, благодаря которому имъ удалось бѣжать.

каго, восторженнаго до бреда республиканца Шарля Лагранжъ. Всѣ толпятся вокругъ него, слушаютъ съ жадностью. Онъ читаетъ ироническимъ тономъ актъ отреченія короля: «Граждане,—восклицаетъ онъ, окидывая аудиторію вопросительнымъ взглядомъ,—развѣ это вамъ нужно? Неужели Франція склонится предъ властью ребенка, женщины? Хотите регентства прялки?»—«Нѣтъ! нѣтъ!»—кричитъ толпа;—не нужно короля! Не нужно регентства!

«Вы правы, друзья мои,—отвѣчаетъ Лагранжъ:—намъ нужно хорошую республику!» Онъ сходитъ со скамьи при несмолкаемыхъ крикахъ: «да здравствуетъ республика!» Его окружаютъ и рискуютъ задушить въ порывѣ восторга. Сопровождаемый толпой, онъ направляется въ тронную залу, гдѣ капитанъ Дюнойе равняетъ свой строй, приготовляясь идти въ Палату депутатовъ. Онъ только что вырвалъ знамя изъ связки, украшающей тронъ. Поручикъ Жираръ, 11-го легіона, взявъ другое, которое онъ подаетъ юношѣ Лебелану изъ политехнической школы. «Въ Палату депутатовъ! въ Палату депутатовъ! Не нужно регентства!» кричатъ со всѣхъ сторонъ.

Колонна двигается; слѣдъ за своимъ предводителемъ, инсургенты массами покидаютъ Тюильри; они выходятъ воротами павильона Флоры, переходятъ Королевскій мостъ, направляются по набережной д'Орсай къ Бурбонскому дворцу¹⁾; было приблизительно около двухъ часовъ.

Пока колонна Дюнойе выходила съ одной стороны, громадная толпа народа входила съ другой во дворъ дворца. Площадь Карусель и дворъ были совершенно пусты уже около десяти минутъ. Войска ушли. Солдаты національной гвардіи вошли во дворецъ или скрылись внутри постовъ. Колонна народа, захватившая Тюильри, шла въ порядкѣ и безъ всякаго шума. Мэръ второго округа, Берже, съ тростью въ рукахъ, опоясанный трехцвѣтнымъ шарфомъ, былъ во главѣ этой вооруженной, но мирной процессіи. Тутъ были ремесленники въ блузахъ, гвардейцы, линейные солдаты, женщины, дѣти; они шли подъ руку, весело, въ восторгѣ отъ своей легкой побѣды, и, казалось, были настроены очень дружелюбно и довѣрчиво²⁾. Эта безобидная толпа вскорѣ разошлась

¹⁾ Въ колоннѣ, собравшейся вокругъ капитана Дюнойе, находился поручикъ Жираръ и еще 9 національныхъ гвардейцевъ 11-го легіона; стрѣлокъ Барилье 5-го легіона; нѣсколько бойцовъ изъ Шато-д'О, среди которыхъ бросался въ глаза мясникъ въ фартукѣ, вооруженный большимъ ножомъ, старикъ съ бѣлой бородой, вооруженный старинной саблей, на остріи которой, у рукоятки была наткнута половина солдатскаго хлѣба; ученики Лебеленъ и Віаль политехническаго училища и др.

²⁾ „Они идутъ въ Тюильри“,—говорилъ одинъ рабочій солдату націо-

по королевскимъ покоямъ. Въ это время де-Жирардэнъ, который возвращался съ площади королевскаго дворца, ничего не зная о послѣднихъ событіяхъ, входилъ въ Тюильри. Потокъ народа увлекаетъ его во дворецъ, инсургенты узнаютъ его и распрашиваютъ, что случилось съ королевскимъ семействомъ, но онъ знаетъ объ этомъ не больше ихъ, онъ говоритъ имъ объ отреченіи Людовика-Филиппа и о регентствѣ герцогини Орлеанской. Это извѣстіе принимается радостно, оно какъ будто даже превосходитъ ожиданія тѣхъ, кому онъ его сообщаетъ. «Правда ли это? говорятъ они, подписано ли?» Де-Жирардэнъ, желая внушить больше довѣрія къ своимъ словамъ, садится къ столу и зрительно въ продолженіе часа пишетъ и подписываетъ около 500 записокъ слѣдующаго содержания:

«Отреченіе короля; регентство герцогини Орлеанской; распушеніе Палаты депутатовъ; всеобщая амнистія».

«Эмиль де-Жирардэнъ».

Между тѣмъ, среди толпы, которая тѣснится и шумно проталкивается впередъ, де-Жирардэнъ замѣчаетъ Дюмуленъ, съ трехцвѣтнымъ знаменемъ въ рукахъ, который проповѣдуетъ направо и налѣво и словами, и жестами. Онъ собралъ вокругъ себя толпу приблизительно въ 200 человекъ, которыхъ хочетъ вести въ Палату депутатовъ... Де-Жирардэнъ присоединяется къ нему, думая, что присутствіе этой толпы народа можетъ быть полезно при провозглашеніи регентства. Пускаются въ путь, выходятъ воротами павильона Марсанъ и идутъ улицей Риволи. Войско, которое стоитъ на площади Согласія, безъ всякаго труда пропускаетъ эту небольшую и даже невооруженную толпу. Дойдя до ограды законодательной палаты, Дюмуленъ разставляетъ своихъ людей во дворѣ около каретъ, ожидающихъ герцогиню Орлеанскую; онъ обмѣнивается нѣсколькими словами съ генераломъ Гурго, потомъ проходитъ одинъ за ограду. Де-Жирардэнъ уже тамъ и, хотя онъ больше не депутатъ, занимаетъ свое прежнее мѣсто рядомъ съ Тамартиномъ.

Съ этого момента до поздней ночи Тюильрійскій дворецъ въ распоряженіи народа. Онъ обходитъ его толпами, начиная съ погребовъ и кончая чердаками. Ослѣпленный видомъ этого великолѣпія, любопытный, изумленный, оглушенный шумомъ, который онъ самъ производитъ, возбужденный своимъ разгуломъ, опьяненный сначала радостью, а потомъ виномъ, онъ предается всевозможнымъ

национальной гвардіи, который, замѣтивъ издали эту вооруженную толпу, безпокоился, видя, что она идетъ къ дворцу,—„но не съ тѣмъ, чтобы причинить зло, а просто проучаться“.

излишествамъ, всевозможнымъ выдумкамъ возбужденнаго воображенія. Этотъ дворець, изъ котораго суровый этикетъ и строгое вдовство набожной королевы изгнали за послѣдніе года всякую радость, становится ареной колоссальной оргіи, неописуемой вакханаліи.

Въ то время, какъ одни, чтобы насытить дикій гнѣвъ, набрасываются на неодушевленные предметы, бьютъ зеркала, люстры, сервекія вазы, врвутъ на кусочки картины, топчутъ ихъ ногами, жгутъ, рискуя устроить ужасный пожаръ, книги, бумаги, письма и рисунки¹⁾, другіе, въ гораздо большемъ числѣ съ невиннымъ увлеченіемъ предаются болѣе утонченному удовольствію, изображая сатиру въ лицахъ.²⁾

Импровизированные артисты подражаютъ съ самой комичной важностью торжественнымъ официальнымъ приемамъ. Въ залѣ для спектаклей, гдѣ захвачены всѣ инструменты оркестра, раздаются адская какофонія, имѣющая, какъ кажется, цѣлью дать понять раздираемому уху нравственный хаосъ этой революціонной минуты.

Другіе размѣщаются за игорными столами и ставятъ другъ про-

¹⁾ Извѣстная система господствуетъ въ продолженіе первыхъ часовъ этого опустошенія. Въ залѣ маршаловъ портретъ маршала Бюжо истыканъ копьемъ и разорванъ въ клочки; портретъ маршала Сульта прострѣленъ. Ихъ имена стерты и замѣнены словами: „Измѣнники отечеству“. Въ покояхъ мадамъ Аделаиды картина, изображающая Людовика-Филиппа, пускающаго кровь курьеру Варна, разорвана. Бронзовый бюстъ короля, въ залѣ, называемой семейной, выброшенъ въ окно, изломанъ и наконецъ расплавленъ въ огромной жаровнѣ. Портреты принца Жуанвильскаго наоборотъ вездѣ пощажены. Въ кабинетѣ, гдѣ король подписалъ отреченіе, съ портретомъ герцога Немурскаго обошлись жестоко; ни портретъ королевы, ни портретъ мадамъ Аделаиды не тронуты. Вышиванія королевы, ея шерсть и шелки были ей возвращены нетронутыми, такъ же какъ и ея аналой, въ который она спрятала саванъ принцессы Маріи и герцога Орлеанскаго. Входя въ модельню Марин-Амаліи, сняли шапки. Одинъ ученикъ политехнической школы схватилъ распатіе и воскликнулъ: „Вотъ Господинъ надъ всеми нами“. Сопровождаемый большой толпой инсургентовъ, онъ торжественно отнесъ его до часовни св. Рока, гдѣ передалъ священнику. Покон герцогини Орлеанской были совершенно пощажены; добрые граждане устроили тамъ стражу. Комната герцога Орлеанскаго, запертая со дня его смерти, была благоговѣнно оставлена въ томъ же положеніи. Настояція опустошенія были произведены только черезъ нѣсколько часовъ послѣ перваго вторженія. Мы расскажем о нихъ въ свое время.

²⁾ Въ этотъ день довольно много легитимистовъ поддерживали противоправительственное движеніе, раздавая оставшимъ оружіе. Нѣкоторые показали даже на баррикадахъ. Они переодѣвались въ блузы и фуражки рабочихъ. Они принимали также участіе, больше чѣмъ слѣдовало приверженцамъ королевской власти, въ увеселеніяхъ народа въ Тюильри.

тивъ друга миллионы, шедшіе на содержаніе королевскаго двора; двое сидятъ за шахматнымъ столикомъ, подперевъ головы руками, устремивъ глаза на доску, въ позахъ глубокаго созерцанія, разыгрывая, среди оглушительнаго грохота, нѣмую комедію. Словечки, шутки какъ выстрѣлы носятся въ воздухѣ, перекрещиваясь въ безпорядкѣ¹⁾.

Дѣти наряжаются въ бархатные халаты, подпоясываются золотой бахромой и подхватываютъ отъ занавѣсей, устраиваютъ фритійскіе колпаки изъ драпри. Женщины льютъ на свои волосы духи, которые онѣ находятъ на столахъ принцессъ. Онѣ румянятъ щеки, покрываютъ плечи кружевами и мѣхами, украшаютъ головы перьями, драгоценностями, цвѣтами; онѣ устраиваютъ себѣ съ своеобразнымъ грубымъ вкусомъ изумительныя украшенія. Одна изъ нихъ съ пикой въ рукахъ и краснымъ колпакомъ на головѣ, становится въ большой передней и остается тамъ въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, замерши въ одной позѣ, съ сжатыми губами, съ неподвижнымъ взглядомъ, представляя статую Свободы: это публичная женщина. Мимо нея проходятъ со знаками глубокаго уваженія. Печальное изображеніе капризной измѣнчивости судьбы: проститутка—живое изображеніе униженія бѣднаго и испорченности богатаго. Подвергающаяся его надругательствамъ въ обычное время, она имѣетъ право на свой часъ торжества, во всѣхъ нашихъ революціонныхъ вакханаліяхъ. Малларъ, переодѣтая богиней Разума—вотъ ироническій символъ народной чести, жестоко оскорбленной, доведенной до отупѣнія, но которая внезапно пробуждается въ минуты опьяненія и мститъ.

Наконецъ, къ тремъ часамъ, тронъ, который инсургенты безпрестанно топтали, потому что каждому хотѣлось въ свою очередь влѣзть на него, берутъ и несутъ съ лѣстницы въ переднюю по-вильона Часовъ. Приготавливаются къ торжественному шествію. Раздается самый фантастическій барабанный бой. Двое молодыхъ людей, верхомъ на прекрасныхъ лошадяхъ, изъ королевскихъ конюшенъ, ѣдутъ во главѣ процессіи; четверо рабочихъ несутъ на плечахъ кресло, за ними слѣдуетъ многочисленная толпа. Такъ проходятъ садъ, площадь Согласія и всю линію бульваровъ.

Толпа, вооруженная пиками, на концѣ которыхъ висятъ клочки пурпура, дамасскаго шелка, атласа, расшитаго золотомъ и серебромъ, потрясая штыками и саблями, на которые надѣты куски

¹⁾ „Вотъ ты такъ смеи!“ восклицаетъ ремесленникъ, завязывая своимъ носовымъ платкомъ глаза на бюстъ Людовика-Филиппа. „Что ты тамъ дѣлаешь, маркизь?“ спрашиваетъ какой-то шутникъ ребенка, который держать въ рукахъ планъ Нейди. „Виконтъ, я разсматриваю планъ моихъ владѣній“, отвѣчаетъ этотъ съ важностью.

мяса, хлѣба, ветчины, пустыя бутылки, взятыя въ королевскихъ кухняхъ и погребахъ, двигается, распѣвая марсельезу. У каждой баррикады толпа останавливается, и тронъ, поставленный на мостовую, служитъ трибуной какому-нибудь народному оратору. Наконецъ, дойдя до Бастиліи, его ставятъ у подножій Іюльской колонны; раздаются долгій барабанный бой; приносятъ нѣсколько сухихъ вѣтокъ, которыя складываютъ въ костеръ; его зажигаютъ: поднимается ясное и потрескивающее пламя, вокругъ котораго сейчасъ же образуется веселый хороводъ. Хороводъ увеличивается съ каждой минутой; онъ ускоряетъ темпъ, спѣшитъ, несется, расширяется и продолжается до тѣхъ поръ пока послѣдніе слѣды трона не превращаются въ кучу пепла. Тогда раздаются громкіе крики радости, но скоро ихъ покрываютъ энергичные голоса, напоминающіе инсургентамъ цѣль революціи; они кричатъ: «Въ ратушу! Въ ратушу!»

Народъ въ Палатѣ депутатовъ.

ХІІІ.

Палата пэровъ была созвана на половину второго. Первые минуты засѣданія занялъ недолгій споръ насчетъ протокола, потомъ канцлеръ поднялся и очень разстроеннымъ голосомъ сообщилъ собранію о совершившихся событіяхъ: «Милостивые государи, сказалъ онъ, я знаю только изъ *Moniteur*, что прежнее министерство больше не существуетъ и что образуется новое. Я рѣшительно ни о чемъ не получилъ официальныхъ извѣстій: такимъ образомъ, Палатѣ совершенно не о чемъ говорить».

Пэры, униженные и смущенные, тоже не думали, что имъ можно было бы чѣмъ-нибудь заняться; засѣданіе было закрыто. Въ это время распространился слухъ, что герцогиня Орлеанская придетъ сейчасъ въ Люксембургъ, вмѣстѣ съ графомъ Парижскимъ; но послѣ долгаго и бесплоднаго ожиданія, канцлеръ, пригласившій пэровъ снова занять свои мѣста, сообщилъ имъ въ слѣдующихъ словахъ, что они могутъ разойтись.

«Мы посылали троихъ нашихъ сотоварищей къ господину президенту Палаты депутатовъ, чтобы сообщить ему, что Палата пэровъ собралась и ждетъ сообщеній, которые могли бы быть ей сдѣланы. Это порученіе было исполнено; но по подробному отчету, данному намъ нашими сотоварищами, видно, что Палата депутатовъ уже не засѣдала, когда они туда явились. Въ виду того, что наше порученіе не имѣло успѣха, я имѣю честь предложить Палатѣ закрыть засѣданіе. Палата будетъ увѣдомлена, когда можетъ состояться новое собраніе».

Такъ закончилось, такъ должно было закончиться это собраніе безъ всякаго опредѣленнаго характера, безъ традицій, безъ могущества, это искусственное представительство еще болѣе искусственной аристократіи.

Ни король, ни министры не подумали о Палатѣ пэровъ въ минуту опасности; ее не удостоили предупредить о совершившихся событіяхъ. Никому не пришло на умъ попросить у нея политическаго совѣта, законной поддержки, какого-нибудь усилія храбрости или патріотизма. Ни монархія въ своихъ послѣднихъ конвульсіяхъ, ни республика въ своей первой борьбѣ не подумали объ этомъ инертномъ собраніи; никто не взялъ на себя труда распустить его; оно исчезло, оно вернулось къ ничтожеству, въ которомъ оно прозябало; нельзя было даже сказать: «Оно жило»¹⁾.

Зрѣлище, которое представляетъ собою въ это же самое время Бурбонскій дворецъ, внушало не менѣе сожалѣнія, хотя и было совершенно иного характера. Съ полудня толпа депутатовъ, журналистовъ, людей совершенно чуждыхъ Палатѣ, прибѣжала сюда со всѣхъ частей города, испуганная, охваченная ужасомъ; безпорядокъ сказывался въ манерахъ, въ словахъ, на лицахъ. Никто не старался скрыть свою собственную озабоченность въ общей паникѣ. Никогда, быть можетъ, ни въ одинъ изъ нашихъ революціонныхъ переворотовъ, подобныя колебанія, такая очевидная нерѣшительность не выдавали болѣе полнаго затмѣнія умовъ и совѣсти. Тогда увидѣли съ удивленіемъ, съ грустью, какъ незначительно во Франціи число людей, твердыхъ духомъ, для которыхъ относительно долга никогда не могло явиться сомнѣній, и которые всегда были готовы на жертвы. Какого бы порицанія ни заслуживало передъ исторіей поведеніе Палаты депутатовъ въ этотъ рѣшительный моментъ, слѣдуетъ сказать, не для его оправданія, а просто въ качествѣ сообщенія, что оно отражало слишкомъ хорошо моральное состояніе, до котораго дошли высшіе классы общества. Стремленіе угадать, съ какой стороны успѣхъ, чтобы примкнуть къ нему, опасеніе связать себя съ дѣломъ, не имѣющимъ шансовъ на успѣхъ, осторожность, которая хочетъ все сохранить, измѣна, которая подозреваетъ другихъ, укоренившаяся въ постоянныхъ столкновѣніяхъ гражданскихъ войнъ, привычка смѣшивать успѣхъ съ правомъ, эгоизмъ съ мудростью, обманъ съ ловкостью, вотъ изъ какихъ элементовъ состояло къ концу управленія Людовика-Филиппа мнѣніе правя-

¹⁾ Пэры сами сознавали свою ничтожность: „Милостивые государи, Палата депутатовъ захвачена народомъ“, восклицаетъ Бенбо, входя къ 10 часамъ въ Люксембургскую залу; съ нами не замедлитъ случиться то же самое.—Дорогой мой collega, вы слишкомъ высокаго мнѣнія о себѣ,—отвѣчаетъ ему съ улыбкой де-Сэнъ-Пріе.

щихъ слоевъ, находившее законное выраженіе въ Палатахъ; вотъ на какое основаніе опиралась Орлеанская династія, считая его достаточно прочнымъ, чтобы бросить вызовъ народнымъ страстямъ.

Открытіе засѣданія было назначено наканунѣ только къ тремъ часамъ. Созэ еще не было. Ожидая его прихода, въ залѣ Потерянныхъ Шаговъ, въ залѣ совѣщаній, въ корридорахъ, на трибунѣ для журналистовъ ходили взадъ и впередъ, сообщали другъ другу новости, главнымъ образомъ предположенія; никто не зналъ съ достовѣрностью положенія вещей; носились самые противорѣчивые слухи. Только что видѣли, какъ прошелъ Одилонъ Барро, сопровождаемый чѣмъ то вродѣ свиты; онъ шелъ съ тѣмъ, чтобы занять министерство внутреннихъ дѣлъ. Спрашивали себя, король ли еще Людовикъ-Филиппъ, покинулъ ли онъ Тюильри, за кого національная гвардія, сражается ли еще войско, кто имъ командуетъ; чувствовалось, что все предоставлено на волю случая.

Наконецъ, пока Карно и Мари рѣшались идти во дворецъ, чтобы разрѣшить все эти сомнѣнія, явился Вату и еще нѣсколько лицъ изъ интимнаго кружка Людовика-Филиппа. Они заявили объ отреченіи, собрали вокругъ себя вліятельныхъ депутатовъ и постарались убѣдить ихъ поддержать регентство. Берриэ и Луби, главный редакторъ легитимистской газеты «Union monarchique» очень высказывались за это соглашеніе. Утверждали, что успѣхъ на сторонѣ National'я, что министерство Одилона Барро и Марраста придаетъ популярности новому правительству, свободному отъ всѣхъ ошибокъ, въ которыхъ народъ обвинялъ Людовика-Филиппа. «Правда,—говорили въ этихъ группахъ,—было нѣсколько сумасшедшихъ, которые кричали о республикѣ, но это не было серьезное мнѣніе. Съ той минуты, какъ о королѣ и герцогѣ Немурскомъ говорить больше не приходится, ничего не будетъ легче, какъ заставить признать герцогиню Орлеанскую и графа Парижскаго: молодую женщину, которой ложныя обвиненія партіи никогда не посягнули коснуться, и ребенка, возрастъ котораго не допускаетъ никакого вмѣшательства въ дѣла и никакихъ сношеній съ людьми, мы отвергаемъ общественнымъ мнѣніемъ.» Во время этихъ разсужденій прибѣгаетъ Тьеръ, едва дыша; его окружаютъ и забрасываютъ вопросами. Онъ сообщаетъ объ отъѣздѣ короля; больше онъ ничего не знаетъ; онъ не видалъ герцогини Орлеанской; онъ не видалъ Одилона Барро; онъ только что прошелъ по площади Согласія.

«Войско,—говоритъ онъ,—не помѣшаетъ народу пройти, меньше чѣмъ черезъ 10 минутъ въ Палату ворвутся, депутаты будутъ перрѣзаны.—*Волна подымается, подымается, подымается*»,—при-

бавляетъ онъ, подымая свою шляпу и какъ бы подражая движенію погибающаго моряка. Дѣлать больше нечего. И Тьеръ исчезаетъ¹⁾ повергнувъ всѣхъ вокругъ себя въ изумленіе и ужасъ.

Почти въ ту же минуту является Созэ и занимаетъ свое кресло²⁾. Мѣста для публики пусты; на скамьѣ для министровъ нѣтъ никого. Въ трибунѣ журналистовъ Жервэ (изъ Кана), Паскаль Дюпра и нѣсколько другихъ редакторовъ «Réforme» громко говорятъ о республикѣ; Маррастъ старается заставить ихъ молчать.

Лаффиттъ требуетъ, чтобы Палата объявила засѣданіе открытымъ. Это предложеніе принято; но депутаты, которые все болѣе и болѣе смущаются извѣстіями о томъ, что происходитъ снаружи совѣмъ, не думаютъ заниматься чѣмъ бы то ни было. Засѣданіе прервано.

Наконецъ, къ половинѣ второго, входитъ офицеръ въ формѣ и говоритъ что-то на ухо Созэ. Тотчасъ же предсѣдатель объявляетъ въ большомъ смущеніи Палатѣ, что герцогиня Орлеанская будетъ присутствовать на засѣданіи. Нужно поставить три кресла у подножія трибуны. Необычайное возбужденіе сказывается на всѣхъ скамьяхъ при видѣ герцогини Орлеанской, которая входитъ въ залу черезъ дверь лѣваго прохода, держа за руку графа Парижскаго. Герцогъ Шартрскій идетъ впереди; нѣсколько адъютантовъ, офицеровъ арміи и національной гвардіи сопровождаютъ ее. Когда видятъ эту женщину, эту мать, такую благородную и мужественную, нѣчто въ родѣ умиленія охватываетъ сердца³⁾.

¹⁾ Тьеръ, Дювержье де-Гораннь, де-Ремюза, Баронъ, де-Салль покинули, какъ мы видѣли, Тюильри одновременно съ Людовикомъ-Филиппомъ. Тьеръ, оторванный толпою отъ своихъ друзей около площади Согласія и отънесенный къ мосту, снѣжнымъ шагомъ вошелъ въ Палату, скорее съ тѣмъ, чтобы найти тамъ убѣжище, чѣмъ высказать свое мнѣніе. Увѣренный, что народное вторженіе не замедлитъ, онъ не счелъ удобнымъ его ждать, а подумалъ о томъ, какъ бы очутиться въ безопасности. Депутатъ-консерваторъ Талабо предложилъ ему себя въ спутники, и повелъ его длиннымъ окольнымъ путемъ, Булонскимъ лѣсомъ и Багильюлемъ между угрожающими толпами народа, которые нѣсколько разъ приходилось уговаривать, до площади Сэнъ-Жоржа. Тьеръ пришелъ туда къ 6 часамъ вечера, изнуренный усталостью, въ состояніи полнѣйшаго физическаго и нравственнаго истощенія.

²⁾ Бомонъ (изъ департамента Соммы), де-Мориз, де-Полиньякъ и Цезарь Бако, извѣщенные однимъ изъ стенографовъ Moniteur'a что солдаты муниципальной гвардіи, занимавшіе Минимскія казармы около Королевской площади, только что сдались, и что народъ, повсюду смѣшавшійся съ солдатами національной гвардіи, подвигался къ Тюильри и дворцу Бурбонскому, побѣждали предупредить Созэ. Этотъ послѣдній сначала отказался открытъ засѣданіе. Пришлось энергично настаивать, чтобы заставить его отправиться въ Бурбонскій дворецъ къ назначенному часу.

³⁾ „Я республиканецъ, говоритъ Маррастъ на трибунѣ журналистовъ: но эта женщина, эти дѣти, все это меня трогаетъ.“—Развѣ въ 1830 г. не

«Да здравствует герцогиня Орлеанская! Да здравствует графъ Парижскій! Да здравствует регентша! Да здравствует король!» Эти крики раздаются на трибунахъ и на большей части скамеекъ. Герцогиня кланяется; наполовину поднятый вуаль позволяет видѣть ея блѣдныя щеки и красные отъ слезъ глаза. Ея трауръ прибавляетъ что то еще болѣе трогательное къ горестному величію ея осанки. Она окидываетъ безпокойнымъ взглядомъ собраніе, какъ бы ища покровительства. Увы! она только что слышала совѣтъ другое. Когда она проходила залой Потерянныхъ Шаговъ, ей пришлось пробираться среди республиканцевъ, прибѣжавшихъ съ тѣмъ, чтобы разрушить ея усилія, и въ ту минуту, какъ она входитъ неувѣреннымъ шагомъ въ залу, небольшая группа рѣшительныхъ людей бросается туда, чтобы протестовать во имя народа противъ королевскаго достоинства ея сына.

Эммануиль Араго, Саррансъ, (Шэ изъ Ліона) и Дюмериль (изъ Сэнтъ-Омера) явились изъ редакціи «National'я», гдѣ засѣдалъ съ 9 часовъ утра комитетъ, состоящій изъ делегатовъ со всѣхъ кварталовъ Парижа и республиканцевъ всѣхъ отгѣнковъ. Пытались придти къ какому-нибудь соглашенію съ комитетомъ «Réforme». Понимали, что нужно соединиться, чтобы выдвинуть на всякій случай временное правительство; но было очень трудно заключить союзъ, вслѣдствіе личныхъ столкновеній и ожесточенной полемики обоихъ журналовъ за послѣдніе годы ¹⁾.

Взобравшись на столъ, Луи-Бланъ проповѣдовалъ примиреніе, Феликсъ Піа поддерживалъ его; другіе возражали; интимные друзья Марраста отталкивали Ледрю-Роллэна.

Наконецъ, въ виду того, что дѣло было срѣшное и можно было опасаться, чтобы Палата депутатовъ, защищенная войсками не приняла какого-нибудь энергичнаго рѣшенія, одинаково неприянаго какъ «National», такъ и «Réforme», Мартэнъ, который не переставалъ, въ цѣляхъ общихъ интересовъ, ходить изъ одного комитета въ другой, достигъ того, что заставилъ обѣ партіи составить слѣдующій списокъ: Араго (Франсуа), Дюпонъ (де-л-Эръ), Ледрю-Роллэнъ, Флоконъ, Луи-Бланъ, Мари, Гарнье-Пажесъ, Ламаргинъ.

Когда вслѣдъ за этимъ пришло положительное извѣстіе объ отреченіи короля, Араго сообщилъ его баталіону 2-го легіона, который стоялъ на улицѣ Лепелетте, и толпѣ народа, которая съ утра

было также женщины и ребенка?—отвѣчаетъ ему одинъ изъ его сосѣдей: были вы тогда тронуты?»

¹⁾ Въ ту минуту, какъ разразилось возстаніе, Ледрю-Роллэнъ и Маррастъ приготавливались драться на дуэли.

осаждала входы въ бюро «National». «Король отрекается отъ престола въ пользу своего внука,—ораторствовалъ изъ окна Эммануиль Араго,—но побѣдоносный народъ не долженъ принимать этого отреченія. Падшій король не имѣетъ права распорядиться властью; только одинъ народъ можетъ сегодня рѣшать свою участь; народъ долженъ создать правительство по своему выбору». И, видя, что его слова не встрѣчаютъ никакихъ возраженій, Араго предложилъ народу признать временное правительство, состоящее изъ лицъ, имена которыхъ упомянуты выше. Въ это время въ бюро рѣшали послать делегатовъ въ Палату депутатовъ, чтобы закрѣпить тамъ революціонное движеніе и, спустя нѣкоторое время, Араго, Шэ, Дюмериль и Сарранъ шли четверомъ въ Бурбонскій дворецъ.

Придя на бульваръ, они замѣчаютъ у улицы Дюфо кортежъ, состоявшій изъ солдатъ національной гвардіи, небольшого числа ремесленниковъ, особенно дѣтей, которые окружаютъ карету, восклицая: «да здравствуетъ реформа!» Делегаты подходят и узнаютъ въ каретѣ Одилону Барро, Абатгучи, Гарнье-Пажеса, Дегувъ-Денонка; на козлахъ около кучера Паньеръ, извѣстный издатель демократической литературы. Араго подходит къ дверцѣ:—«Вы ѣдете въ Палату? говоритъ онъ обращаясь къ Одилону Барро; мы тоже туда. Вы ѣдете, чтобы дать восторжествовать правительству котеріи; мы идемъ, чтобы заставить провозгласить народную волю». Онъ произноситъ слова, «временное правительство»; тогда Гарнье-Пажесъ и Одилонъ Барро упрекаютъ его въ неосторожности, въ безуміи. Обѣ стороны разстаются крайне возбужденныя. Черезъ минуту онѣ снова сойдутся для рѣшительнаго сраженія.

Площадь Согласія была, какъ извѣстно, занята многочисленнымъ войскомъ въ полномъ порядкѣ ¹⁾. Делегаты «National» не знали хорошенько, возможно ли имъ будетъ пройти. Араго смѣло вышелъ изъ затрудненія, онъ попросилъ провести себя къ генералу Бедо, назвалъ, объявилъ что идетъ въ Палату отъ имени Парижскаго народа исполнить официальную миссію, и просилъ пропуска. Генералъ немного поколебался, потомъ онъ согласился пропустить делегатовъ; они уже подходили къ мосту, какъ вдругъ генералъ галопомъ подѣхалъ къ нимъ.—«Господинъ Араго,—кричитъ онъ,—сообщите мнѣ, какъ можно скорѣе, что дѣлается въ Палатѣ; мы ничего не знаемъ; мы здѣсь безъ всякаго приказанія. Наше положеніе невыносимо; я посылаю запросъ за запросомъ министрамъ и не получаю отвѣта. Скажите, умоляю васъ, г. Одилону Барро

¹⁾ Шесть эскадроновъ драгуновъ и гусаровъ и 12-ый полкъ линейной инфантеріи.

или г. Тьеру, чтобы намъ сейчасъ же прислали приказанія». Араго общаетъ и проходитъ ¹⁾).

Когда онъ вошелъ въ залу Потерянныхъ Шаговъ, беспорядокъ и шумъ достигали тамъ крайняго предѣла. Воодушевленные группы съ жаромъ спорили о разныхъ предложеніяхъ, неопредѣленныхъ но болѣе или менѣе благоприятныхъ для регентства. Эммануиль Араго, которому высокій ростъ и звонкій голосъ помогаютъ пробраться сквозь толпу, протестуетъ противъ безсвязныхъ рѣчей приверженцевъ династїи и смѣло бросаетъ имъ слово «республика». Едва онъ его произноситъ, какъ слышитъ барабанный бой и видитъ женщину въ траурѣ, которая проходитъ быстро, почти незамѣченной, среди всеобщей озабоченности. Это герцогиня Орлеанская. Она должна войти съ графомъ Парижскимъ въ залу засѣданій. Больше нельзя терять ни минуты. Эммануиль Араго и его друзья бросаются вслѣдъ за ней; они входятъ въ противоположную дверь одновременно съ ней. Араго уже всходитъ по ступенямъ на трибуну; нѣсколько депутатовъ его удерживаютъ. Созе пытается заставить его замолчать. Начинается очень оживленный споръ. Между тѣмъ, Дюпенъ начинаетъ говорить по приглашенію Лакросса и какъ бы противъ своего желанія, такъ какъ онъ понимаетъ, что вмѣшательство постоянного посѣтителя дворца можетъ испортить дѣло регентства. Герцогъ Немурскій только что вошелъ ²⁾).

«Милостивые государи, — сказалъ Дюпенъ, — вы знаете, въ какомъ положеніи столица, знаете о происшедшихъ манифестаціяхъ. Результатомъ ихъ явилось отреченіе Его Величества Людовика-Филиппа, который въ то же время заявилъ, что покидаетъ власть съ тѣмъ, чтобы она перешла къ графу Парижскому съ регентствомъ герцогини Орлеанской».

Шумныя изъясненія радости прерываютъ это торжественное возвѣщеніе, истинность котораго подтверждается присутствіемъ герцога Немурскаго. Но мы видѣли, что Людовикъ-Филиппъ, до конца вѣрный своему уваженію закона, боролся противъ всѣхъ соблазновъ, противъ самыхъ настойчивыхъ просьбъ и ничего не опредѣ-

¹⁾ Спустя нѣсколько минутъ Леонъ Фозэ и другой депутатъ явились просить генерала Бедо защищать Палату.— «Принесите мнѣ приказаніе предсѣдателя, — отвѣтилъ генераль. — Я не могу дѣйствовать безъ его приказаній».

²⁾ На мосту Согласія герцогу совѣтовали остаться внѣ Бурбонскаго дворца во главѣ войска. «Елена подвергается опасностямъ, — сказалъ онъ, — я иду съ ней». Все время, пока продолжалось это эфемерное регентство, герцогъ Немурскій, ни минуты не думая о себѣ, отважно заботился о своей невѣсткѣ и племянникахъ.

лить, что касалось регентства. Замѣна имени герцога Немурскаго именемъ герцогини Орлеанской было незаконнымъ поступкомъ, узурпаціей власти, внушенной сторонникамъ династїи Дюпену, де-Жирардэну, Кремье, Одилону Барро настоятельной необходимостью стеченія обстоятельствъ. Слѣдуетъ сказать въ похвалу герцогу Немурскому, что онъ не только не оказалъ никакого противодѣйствія такому нарушенію своихъ правъ, но даже хотѣлъ принести свою жертву лично, повліять своимъ присутствіемъ на рѣшеніе Палаты, которое его всего лишало, и раздѣлить съ женой своего брата опасности подобнаго предпріятія.

Изъявленія радости, которыми привѣтствуютъ имя герцогини Орлеанской, ободряютъ Дюпену; онъ проситъ занести ихъ въ протоколъ. «Милостивые государи, — говоритъ онъ, — ваши изъясненія радости, которыя такъ дороги новому королю и регентшѣ, не первыя, которыми ихъ привѣтствуютъ. Она прошла пѣшкомъ по Тюильри и площади Согласія, сопровождаемая народомъ и національной гвардіей, выражая отъ всего сердца желаніе управлять исключительно съ глубокимъ сознаніемъ народнаго блага, національности, славы и могущества Франціи. Прежде чѣмъ мы познакоимся съ актомъ отреченія, который намъ, можетъ быть, вручить г. Барро, я прошу Палату поручить занести въ протоколъ изъясненія радости, которыя, во исполненіе народнаго желанія, сопровождали и привѣтствовали здѣсь, въ этой залѣ господина графа Парижскаго, какъ короля Франціи, госпожу герцогиню Орлеанскую, какъ регентшу».

— Милостивые государи, — сказалъ предсѣдатель, — мнѣ кажется, что Палата этими единогласными изъясненіями радости»...

При этихъ словахъ раздались протесты на скамьяхъ слѣва и справа, а особенно среди толпы, которая тѣснилась у подножія трибуны. Эта толпа толкаетъ и жметъ герцогиню Орлеанскую и ея дѣтей, не видя ихъ или не желая видѣть ¹⁾). Ламартинъ проситъ съ своего мѣста предсѣдателя закрыть засѣданіе изъ уваженія къ народному собранію и принцессѣ, присутствующей въ залѣ. Это предложеніе, хотя и замаскированное уваженіемъ, совсѣмъ противорѣчитъ интересамъ регентства; оно противорѣчило даже конституціи, потому что ничто не могло быть естественнѣе и даже необходимѣе присутствія новаго короля на народномъ собраніи, которое должно было санкціонировать его вступленіе на тронъ. Но предсѣдатель, совершенно не зная положенія и даже закона,

¹⁾ Въ эту минуту д'Удето, видя, что графъ Парижскій очень блѣденъ, проситъ для него у одного изъ служащихъ стаканъ воды. «Ребенокъ испуганъ», говоритъ онъ. — Я не боюсь, — сказалъ сейчасъ же маленькій принцъ, который все слышалъ: — благодарю васъ сударь». И онъ упрямо отказался пить.

заявляетъ, что Палата прерветъ засѣданіе, пока герцогиня Орлеанская и новый король не выйдутъ.

Тогда герцогъ Немурскій и еще нѣсколько депутатовъ предлагаютъ принцессѣ выйти; но она отказывается. Ея материнскій инстинктъ предостерегаетъ ее. Ея сердце мужественнѣе, чѣмъ сердца окружающихъ ее мужчинъ. Она стоитъ на своемъ мѣстѣ, все еще держа своихъ дѣтей за руку и противясь нестерпимому напору толпы. Она понимаетъ, что если покинетъ Палату, дѣло ея сына проиграно. Генераль Удино начинаетъ говорить, чтобы поддержать право герцогини Орлеанской. «Если принцесса желаетъ удалиться,—говоритъ онъ,—пусть двери будутъ ей открыты. Если она хочетъ остаться въ этой залѣ, пусть останется; она будетъ права, потому что находится подъ защитой нашей преданности»¹⁾.

Между тѣмъ, г. Мари всходитъ на трибуну, но никакъ не можетъ добиться молчанія. «Пусть всѣ посторонніе выйдутъ изъ Палаты», говоритъ предѣдатель. Это было новое внушеніе герцогинѣ Орлеанской въ болѣе общей формѣ покинуть залъ. Уступая приглашеніямъ, которыя сыплются на нее со всѣхъ сторонъ, она подымается по центральной лѣстницѣ, но еще не можетъ рѣшиться выйти и садится на верхнихъ ступенькахъ со своими сыновьями; герцогъ Немурскій держится все время около нея и дѣлаетъ карандашемъ замѣтки. Дюпэнъ, де-Жирардэнъ, нѣсколько офицеровъ изъ дома графа Парижскаго и нѣсколько національныхъ гвардейцевъ стоятъ полукругомъ передъ принцессой, скрывая ее отъ взглядовъ. «Г. Барро, гдѣ г. Барро?» кричатъ отовсюду. Его ищутъ и ждуть съ нетерпѣніемъ. Какъ будто бы вѣрять, что онъ одинъ можетъ дать рѣшительный толчекъ этому смутному возбужденію. Наконецъ, министръ регентства появляется въ залѣ. Всѣ взоры обращаются на него; его окружаютъ; ему кричатъ, чтобы онъ вошелъ на трибуну. Минута торжественная.

Барро вошелъ въ Палату еще полный иллюзіей. Побывавъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, гдѣ онъ вмѣстѣ съ Мальвилемъ, Вискіо, Паньеромъ отдалъ нѣсколько приказаній, сообщивъ по телеграфу департаментамъ объ отреченіи короля и регентствѣ²⁾, по славъ черезъ полковника Курто приказаніе войскамъ на площадь Согласія не стрѣлять въ народъ, онъ пошелъ съ Біеста навстрѣчу герцогинѣ Орлеанской; но, не найдя ея, онъ поспѣшно отправился

¹⁾ Произнесъ эти нѣсколько словъ, генераль сошелъ во дворъ Бурбонскаго дворца и держалъ рѣчь гвардейцамъ, которые тамъ находились, убѣждая ихъ поддержать женщину, ребенка... Его слова были приняты крайне холодно. Пока онъ старался возбудить погасшее усердіе, Палата была захвачена народомъ, и принцесса бѣжала.

²⁾ См. „Историческіе Документы“ въ концѣ № 6 тома.

въ Палату. Тамъ у входа въ залу совѣщаній, Эммануиль Араго и нѣсколько депутатовъ, которые подстерегали его приходъ, увлекли его въ бюро¹⁾, гдѣ начался оживленный споръ относительно необходимости назначить временное правительство. Барро съ силой оспаривалъ это предложеніе, и, хотя Араго предложилъ ему прибавить его имя къ списку, принятому въ бюро «National», онъ заявилъ, что не согласится ни на что подобное.—«Вся власть сосредоточена въ моихъ рукахъ,—повторялъ Барро:—я не могу допустить никакой другой комбинаціи, служить никакому дѣлу, кромѣ регентства». Выразившись такимъ образомъ, онъ вошелъ въ залу совѣщаній. Мари еще занималъ трибуну. Во имя закона, который передалъ бы регентство герцогу Немурскому, онъ протестовалъ противъ всякаго поспѣшнаго рѣшенія и предлагалъ назначить временное правительство.—«Когда это правительство будетъ создано,—говорилъ Мари,—оно распорядится. Оно можетъ распоряжаться вмѣстѣ съ Палатами и будетъ пользоваться авторитетомъ въ странѣ. Принятое немедленно рѣшеніе провозгласитъ правительство въ Парижѣ, является единственнымъ средствомъ возстановить спокойствіе. Нельзя въ подобную минуту терять время на безплодные разговоры. Я требую, чтобы сейчасъ же было создано временное правительство».

Предложеніе временнаго правительства принято одобреніемъ съ трибуны журналистовъ. Кремье спѣшитъ его подчеркнуть.—«Въ 1830 г., говоритъ онъ, мы слишкомъ спѣшили, и вотъ мы принуждены начинать сначала въ 1848 г. Мы не хотимъ, милостивые государи, спѣшить въ 1848 г.; мы хотимъ поступать правильно, законно, съ силой. Назначимъ временное правительство; пусть оно будетъ справедливо, твердо, мощно, дружественно странѣ, съ которой бы оно могло говорить, чтобы дать понятіе, что если у нея есть права, которыя мы сумѣемъ ей дать, у нея есть и обязанности, которыя она должна исполнить. Я требую учрежденія временнаго правительства, состоящаго изъ пяти членовъ».

Среди возбужденія, которое слѣдуетъ за этимъ предложеніемъ, возвышаетъ голосъ де-Женудъ, требуя созыва народа.—«Вы не можете учреждать ни временнаго правительства, ни регентства!—восклицаетъ этотъ вѣрный борецъ законности и всеобщаго голосованія:—нужно, чтобы нація была созвана. Ничего не будетъ безъ согласія народа. Это какъ въ 1830 г.; вы его не позвали. Посмотрите, что съ вами въ концѣ концовъ получится теперь: то же

¹⁾ Это бюро было предоставлено въ распоряженіе Араго по особому приказанію Соза, который, казалось, не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ положеніи дѣлъ.

самое, и вы увидите, что то, что вы сдѣлаете сегодня, повлечетъ за собой самыя огромныя несчастія».

Въ эту минуту Барро хочетъ подняться на трибуну.—«Барро! Барро! Слово Барро!»—кричатъ всѣ. Глубокое молчаніе слѣдуетъ за шумомъ. Барро, взволнованный, но владея собой, начинаетъ говорить. Онъ въ краткихъ словахъ даетъ картину положенія вещей, его слушаютъ снисходительно.—«Юльская корона покоится на головѣ ребенка и женщины»,—произноситъ онъ торжественнымъ тономъ.

Центръ аплодируетъ, герцогиня Орлеанская встаетъ и кланяется собранію. Она держитъ въ рукѣ бумагу, которую ей подаль Кремье; она машетъ ею и старается дать понять предсѣдателю, что она хочетъ говорить.—«Взойдите на трибуну, милостивая государыня»,—говоритъ ей де-Жирардэнъ. Герцогъ Немурскій удерживаетъ ее. Испуганная, колеблющаяся, герцогиня Орлеанская собираетъ всю свою храбрость и хочетъ попробовать говорить.—«Милостивые государи,—говоритъ она задыхающимся голосомъ,—мой сынъ и я, мы пришли сюда...»

Едва ли сосѣдняя группа слышала эти слова. Шумъ вокругъ трибуны и стоящіе люди, которые скрываютъ принцессу, не позволяютъ Одилону Барро и Созе ничего видѣть и слышать. Герцогиня Орлеанская обезсиленная снова садится. Подобная борьба слишкомъ напряженна для ея физическихъ силъ, слишкомъ неожиданна для ея нѣжнаго ума, у котораго не было ни случая упражняться въ правленіи, ни времени приготовиться къ политической роли.

Одилонъ Барро, который еще думаетъ, что онъ господинъ положенія, остается на трибунѣ. Онъ говоритъ о *политической свободѣ, о союзѣ, о порядкѣ, о затруднительныхъ обстоятельствахъ*. Прерванный де-ла-Рошжакленомъ, онъ окидываетъ гнѣвнымъ взоромъ скамьи справа и слѣва.—«Можетъ быть, случайно,—говоритъ онъ съ нѣкоторымъ высокомеріемъ,—желаютъ поставить вопросы, которые мы рѣшили юльской революціей?...» И онъ продолжаетъ съ изумительнымъ хладнокровіемъ; онъ высказывается во имя интересовъ страны, во имя истинной свободы за регентство.

Тогда де-ла-Рошжакленъ, который во все время рѣчи Одилона Барро не переставалъ выказывать знаки нетерпѣнія, бросается на трибуну.—«Никто больше меня,—восклицаетъ онъ,—не уважаетъ того, что есть прекраснаго въ нѣкоторыхъ положеніяхъ. Я отвѣчу Одилону Барро, что у меня нѣтъ безумнаго намѣренія поднимать тутъ противоположныя предложенія. Нѣтъ; но я думаю, что Барро не такъ служилъ, какъ бы онъ хотѣлъ служить интересамъ, для которыхъ онъ взшелъ на эту трибуну. Милостивые государи,—продолжаетъ де-ла-Рошжакленъ, который хочетъ ловко вернуться

къ предложенію де-Женудъ, тайную надежду котораго онъ раздѣляетъ—можетъ, быть, теперь надлежитъ тѣмъ, которые раньше служили королямъ, говорить о странѣ, о народѣ. *Сегодня вы тутъ ничего не значите*...»

Живой протестъ прерываетъ его рѣчь.—«Мы не можемъ съ этимъ согласиться!»—восклицаетъ де-Морнэ.—«Призываю васъ къ порядку»,—говоритъ предсѣдатель. Де-ла-Рошжакленъ, оставшійся на трибунѣ, поясняетъ свою мысль: «Я говорю, что вы ничего не значите, какъ Палата»...

Въ ту же минуту и какъ бы въ подтвержденіе этихъ словъ, въ наружныхъ проходахъ раздается странный шумъ; въ дверь, расположеннуюhalbо отъ трибуны, стучатъ ружейнымъ прикладомъ; дверь уступаетъ напору толпы вооруженныхъ людей, которые врываются въ залу съ криками:—«Да здравствуетъ свобода! Долой золотую середину! Долой регентство!»—То колонна капитана Дюнойе, увеличившаяся по дорогѣ значительнымъ числомъ людей изъ народа, учащихся, солдатъ національной гвардіи, рѣшившихся во что бы то ни стало помѣшать регентству и провозгласить республику.

Пройдя быстрымъ шагомъ набережныя, инсургенты дошли до входа въ Бурбонскій дворецъ, напротивъ моста Согласія. Двѣ тысячи человѣкъ войска, ружья на плечо, охраняютъ Палату.

— «Вы не войдете!»—восклицаетъ генераль Гурго;—Палата засѣдаетъ; вы бы произвели тамъ беспорядокъ: слѣдуетъ относиться къ Палатѣ съ уваженіемъ».—«Наши отцы десятки разъ проходили въ двери національнаго собранія,—отвѣчаетъ стрѣлокъ Кошэ:—мы войдемъ хоть одинъ разъ въ Палату продажныхъ». И колонна готовится войти силой.—«Подождите, по крайней мѣрѣ,—съ твердостью говоритъ генераль,—подождите, пока мы узнаемъ, что творится въ Палатѣ. Я пойду туда и даю вамъ слово, что сейчасъ же вернусь сказать вамъ, что обсуждается». Ждутъ на самомъ дѣлѣ нѣсколько минутъ, но скоро инсургенты, потерявъ терпѣніе оттого, что генераль Гурго не возвращается, влѣзаютъ, вопреки стражѣ, на стѣну около входа, подымаются бѣгомъ на перистиль и пытаются проникнуть внутрь.

Въ эту минуту генераль выходитъ изъ дворца и идетъ къ нимъ навстрѣчу. На его лицѣ можно прочесть глубокое разочарованіе. Изъ уваженія къ старому воину инсургенты останавливаются, отступаютъ; они сходятъ съ крыльца и умолкаютъ.—«Кремье на трибунѣ,—говоритъ генераль,—онъ оспариваетъ предложеніе регентства. Мари придетъ самъ сообщить вамъ это. Это другъ народа; подождите его».

— Генераль!—восклицаетъ Дюнойе,—друзья народа рѣдки въ

палатѣ. Большинство заглушитъ ихъ голосъ; во имя Франціи, генераль, не задерживайте насъ здѣсь!» Говоря это, онъ подаетъ своей колоннѣ сигналъ идти впередъ и бросается во главѣ ея въ маленькую дверь рѣшетки справа. Войско, которое стоитъ тамъ и сямъ, ружья къ ногѣ, не получаетъ приказаній и остается безучастнымъ. Дежурная стража національной гвардіи подъ командой главы батальона Рамонъ де-ла-Крузетъ не дѣлаетъ попытокъ къ сопротивленію.

Напрасно Эммануилъ Араго, который возвращается въ бюро «National» ¹⁾, чтобы отдать тамъ отчетъ въ своей миссіи, пытается сдержать рвеніе инсургентовъ; напрасно Мари, предупрежденный объ ихъ вторженіи, идетъ къ нимъ навстрѣчу и хочетъ остановить ихъ у порога; они не слушаютъ; отгалкивая и опрокидывая дежурныхъ служащихъ, они тѣнятся въ проходахъ, взламываютъ дверь, взбираются на лавки. Капитанъ Дюнойе бросается на трибуну; онъ твердо опирается на мраморъ дремкомъ своего знамени, и, махая надъ головой саблей, восклицаетъ звучнымъ голосомъ, который покрываетъ на минуту шумъ:—«Здѣсь нѣтъ больше другого авторитета, кромѣ національной гвардіи, представленной мною, и народа, представленнаго 40.000 вооруженныхъ людей, которые окружаютъ это зданіе».

При этомъ зрѣлищѣ, при этихъ неслыханныхъ рѣчахъ испуганные депутаты отливаютъ смѣшанной толпой къ верхнимъ мѣстамъ. Предсѣдатель, блѣдный и растерянный звонитъ дрожащей рукой въ колокольчикъ. У подножія трибуны, неподвижный, со скрещенными на груди руками, съ спокойнымъ лицомъ, съ поднятыми, словно у мученика, къ небу глазами, Одилонъ Барро какъ бы ждетъ, чтобы бредъ этой толпы разсѣялся самъ собою. Ледрю-Роллэнъ находится направо отъ капитана Дюнойе; его взглядъ вопрошаетъ толпу. Онъ выжидаетъ минуты, когда можно будетъ управлять ея движеніемъ руки и голосомъ. Ламартинъ, стоя на ступенькахъ лѣстницы, оглядываетъ собраніе испытующимъ взглядомъ.—«Господинъ предсѣдатель, надѣньте шляпу! Это ужасно! Это безчестно!—восклицаетъ Морнэ: нѣтъ больше свободы, на насъ напала шайка разбойниковъ!» Выразительный жестъ одного ремесленника заставляетъ его замолчать.

¹⁾ Проходя площадью Согласія, Араго, вѣрный своему обѣщанію, пошелъ сообщить генералу Бедо о томъ, что произошло въ Палатѣ.—«Народъ не хочетъ больше ни королевской власти ни регентства,—говоритъ онъ ему,—провозгласить временное правительство. Этому правительству понадобится армія для поддержанія порядка въ Парижѣ, можно на васъ рассчитывать?—Я принадлежу своей родинѣ, отвѣтилъ генераль. Можно рассчитывать на мою преданность Франціи».

Де-ла-Рошжаклэнъ улыбается, съ торжествующимъ видомъ, между инсургентами и, обращаясь къ Дюнойе, говоритъ ему:—«Мы идемъ прямо къ республикѣ.—Что же тутъ дурного?—отвѣчаетъ Дюнойе.—Ничего, говоритъ де-ла-Рошжаклэнъ.—Тѣмъ хуже для *нихъ*, они не украдутъ ея!» Задушевная мысль легитимистовъ высказывается въ этомъ вульгарномъ выраженіи, вырвавшемся у де-ла-Рошжаклэна; радость мести сіяетъ въ его улыбкѣ. Между тѣмъ, эта толпа, среди которой виднѣлось такъ много хорошо одѣтыхъ людей, солдатъ національной гвардіи, учениковъ политехнической школы, эти совсѣмъ новыя знамена, украшенные золотой бахромой, показались подозрительными трибунѣ журналистовъ. Республиканцы подумали одну минуту, что то была сцена, разыгравшаяся въ пользу регентши:—«*Это не настоящій народъ*, воскликнулъ Жервэ (изъ Кана). Я пойду и приведу настоящій народъ». И онъ бѣжитъ съ трибуны.

Безпорядокъ возрастаетъ; шла борьба крикомъ, жестами, угрозами. Пытались кулаками добыть себѣ мѣсто на трибунѣ. Наконецъ, лицу, не принадлежащему къ Палатѣ, Шевалье, бывшему редактору «Исторической библіотеки», удается продержаться нѣсколько минутъ на трибунѣ, и онъ произноситъ звучнымъ голосомъ:—«Единственная вещь, милостивые государи, которую вамъ слѣдовало бы сдѣлать, это дать намъ сейчасъ же правительство. Нужно принести графа Парижскаго на щитѣ въ Палату».—Онъ здѣсь!—говоритъ чей-то голосъ. Взгляды обращаются къ верхней части амфитеатра и ищутъ герцогиню Орлеанскую.—«*Не надо больше Бурбоновъ! Да здравствуетъ республика!*»—кричатъ инсургенты. Трибуна и ведущія на нее лѣстницы заняты ораторами, которые говорятъ всѣ вмѣстѣ. Тамъ Дюмуленъ, Кремье, Ледрю-Роллэнъ, Ламартинъ. Капитанъ Дюнойе машетъ знаменемъ надъ ихъ головами.—«Во имя народа,—восклицаетъ Ледрю-Роллэнъ повелительнымъ голосомъ,—прошу молчанія».—«Во имя Ледрю-Роллэна, молчите!»—отвѣчаетъ голосъ изъ толпы. При этомъ популярномъ имени воцаряется нѣкоторое спокойствіе.—«Милостивые государи,—начинаетъ Ледрю-Роллэнъ,—во имя вооруженнаго и господствующаго надъ Парижемъ народа, что бы ни дѣлали, я протестую противъ правительства предложеннаго съ этой трибуны». Потомъ онъ доказываетъ исторически, приводя, одна за другою, важныя даты послѣдовательныхъ революцій, 1789, 1791, 1815, 1830, 1842 г., что долгъ добрыхъ гражданъ не допускать узурпаторскимъ образомъ регентства ¹⁾.—«Кончайте, пото-

¹⁾ Увѣряли, будто Ледрю-Роллэнъ произносилъ длинную рѣчь съ расчетомъ: утромъ было условлено съ Коссидьеромъ и Лагранжемъ, что

ропитеся, мы знаемъ исторію»,—говорилъ Берріе. Ледрю-Роллэнъ продолжаетъ развивать.—«Да выводите же заключеніе,—говоритъ опять Берріе: временное правительство!»

— Итакъ въ заключеніе я требую,—прибавляетъ ораторъ, временнаго правительства, но назначеннаго не Палатой, а народомъ. Временнаго правительства и немедленнаго созыва народныхъ представителей, которые урегулировали бы права народа!

Неудержимыя одобренія привѣтствуютъ это заключеніе.

Ламартинъ, который не сходилъ съ трибуны, выдвигается, въ свою очередь, чтобы говорить.

Друзья принцессы опять начинаютъ надѣяться. Можно было, дѣйствительно думать, что Ламартинъ выскажется за регентство. Во время дебатовъ въ 1842 г. онъ краснорѣчиво поддерживалъ права герцогини Орлеанской. Въ этомъ году его совсѣмъ не видали на банкетахъ радикаловъ. Его аристократической натурѣ должно было быть отвратительно народное неистовство. И развѣ было не въ интересахъ его честолюбія и идей, которыя онъ защищалъ во все время своей политической карьеры, отвергнуть это правительство, родившееся изъ возстанія, эту якобинскую республику? Правда, въ своей «Исторіи жирондистовъ» Ламартинъ прославлялъ Гору и Робеспьера; но въ той же работѣ сколько слезъ за Марію Антуанетту! сколько симпатіи къ прекраснымъ и благороднымъ жертвамъ революціи! Какое впечатлѣніе должна была произвести на него, поэта, человѣка чувства и воображенія, эта патетическая картина царственной и умоляющей матери, борющейся съ раздраженіемъ народа, засучившаго руки и предводительствуемаго начальниками изъ подчиненныхъ?

Безъ всякаго сомнѣнія, гѣвецъ «Созерцаній» тронетъ сердца, потрясетъ умы, преклонитъ подъ магической скипетръ женщины покоренную революцію: вотъ что думали про себя сторонники регентства.

Но было не такъ. Ламартинъ повиновался болѣе мужественному вдохновенію. Въ послѣднее время онъ видѣлъ вблизи ослѣпленіе консервативной партіи и малодушіе династической оппозиціи династіи. Въ продолженіе 24 часовъ наблюдалъ онъ внимательнымъ взоромъ ресурсы падающей королевской власти, неспособность людей, стоявшихъ еще у правленія, энергію и отвагу вожаковъ революціоннаго движенія; ему казалось, что наступалъ часъ болѣе

толпа народа ворвется въ Палату въ два часа безъ четверти; и Ледрю-Роллэнъ, устремивъ глаза на циферблатъ, не имѣлъ будто другой цѣли, продолжая говорить, какъ выиграть время. Но это утвержденіе, которое, впрочемъ, и не опирается ни на одно доказательство, кажется мнѣ лишеннымъ всякаго основанія.

искренняго и болѣе могущественнаго правительства, опирающагося на любовь и довѣріе народа.

Съ начала сессіи радикалы вывѣдывали намѣренія Ламартина, но съ безконечными предосторожностями; во всякомъ случаѣ, онъ зналъ, что со времени опубликованія «Исторіи жирондистовъ» демократическая партія, въ случаѣ побѣды, не сможетъ отказать ему въ значительной долѣ участія въ управленіи дѣлами. Послѣ начавшейся трехдневной борьбы люди открывали свои намѣренія еще больше.

Онъ узналъ въ среду, въ 12 часовъ ночи, о катастрофѣ у министерства иностранныхъ дѣлъ:—«Завтра будетъ 20 іюня,—воскликнулъ Ламартинъ, въ умѣ котораго постоянно проносились великія сцены, гѣвцомъ которыхъ онъ сталъ,—послѣ завтра у насъ будетъ 10 августа». Въ четвергъ утромъ знаменитый комикъ Бокажъ и книгопродавецъ Гетцель, оба члены радикальной партіи, сообщили ему, что готовится захватъ Тюильри и Палаты, и рассчитываютъ учредить временное правительство, членомъ котораго будетъ повидимому и онъ. Деморализація войска дѣлала въ глазахъ Ламартина возможнымъ успѣхъ этого предпріятія; онъ обѣщавъ свое содѣйствіе, и скоро толпа инсургентовъ, которыхъ г. Бокажъ увѣдомилъ объ сочувствіи Ламартина, пришла подъ его окно ранѣе устроить ему родъ оваціи. Идя во дворецъ Бурбоновъ, онъ встрѣтилъ по дорогѣ смѣшной триумфъ Одилона Барро и укрѣпился въ своихъ затаенныхъ мысляхъ.

Когда онъ пришелъ въ вестибюль Палаты, его окружила небольшая группа республиканцевъ, среди которыхъ онъ узналъ Марраста, Бастида, Гетцеля и Бокажа. Его увели въ бюро, чтобы познакомиться съ положеніемъ дѣлъ. Обсуждали нѣсколько минутъ гипотезу регентства или республики и кончили тѣмъ, что признали, что лучшее средство побѣдить трудности и устранить гибельный кризисъ, къ которому подошли, это заставить Палату провозгласить временное правительство. Ламартинъ снова увѣрилъ, что на него могутъ рассчитывать; потомъ онъ вошелъ въ залу засѣданій и принялъ окончательное рѣшеніе, увидя разочарованный видъ и глубокое смущеніе сторонниковъ династіи.

Наконецъ, когда наступилъ моментъ говорить, Ламартинъ произнесъ съ трибуны слѣдующія слова:—«Милостивые государи, я раздѣляю такъ же глубоко, какъ каждый изъ васъ, двойное чувство, которое волновало сейчасъ эту залу, при видѣ самаго трогательнаго зрѣлища, какое только можетъ представить человѣческая исторія, при видѣ августѣйшей принцессы, защищающейся со своимъ невиннымъ сыномъ и пришедшей укрыться изъ нѣдръ опустѣвшаго дворца въ нѣдра народнаго представительства».

Эти слова поднимают бурю. — «Не слышали, повторите, повторите!» — кричатъ въ толпѣ. Яростный ропотъ раздается въ ближайшихъ группахъ народа, которыя думаютъ, что Ламартинъ будетъ заключать въ пользу регентства. Старикъ съ длинной бѣлой бородой и обнаженной саблей въ рукахъ, стоящій у подножія трибуны, устремляетъ на него пристальный и угрожающій взглядъ.

Снаружи слышенъ глухой шумъ.

— «Я прошу позволенія, — говоритъ ораторъ, замѣтившій впечатлѣнїе, произведенное двусмысленностью его словъ, — повторите свою фразу». Потомъ онъ продолжаетъ въ слѣдующихъ выраженїяхъ, часто прерываемыхъ аплодисментами: — «Я прошу позволенія повторить свою фразу и прошу подождать слѣдующей. Я говорилъ, милостивые государи, что я раздѣлялъ такъ же глубоко, какъ кто бы то ни было въ этой залѣ, двойное чувство, которое ее волновало. И я тутъ не дѣлаю никакого различїя, потому что теперь не время, между національнымъ представительствомъ и представительствомъ гражданъ изъ всего народа; тѣмъ болѣе, что теперь — моментъ равенства, и я убѣжденъ, что это равенство послужитъ только къ тому, чтобы признать іерархію той миссіи, которую спеціальныя лица получили отъ родины, не съ цѣлью унижить ее, а съ цѣлью подать первый знакъ къ восстановленію общественнаго согласїя и мира.

— «Но, милостивые государи, если я раздѣляю волненіе, которое внушаетъ это потрясающее зрѣлище великихъ человѣческихъ переворотовъ, если я раздѣляю уваженіе, которое васъ всѣхъ воодушевляетъ, какого бы мнѣнїя вы ни придерживались въ этой залѣ, я не менѣе живо раздѣляю уваженіе къ этому славному народу, который борется уже три дня, чтобы смѣнить вѣроломное правительство и возстановить на непоколебимомъ впродъ основанїи государство порядка и государство свободы.

— «Но, милостивые государи, я не создаю себѣ иллюзїи, какія создавали сейчасъ съ этой трибуны; я не воображаю, что публичное выраженіе симпатїи, вызванное общимъ волненїемъ и общимъ чувствомъ, могло бы создать твердое и непоколебимое право на управленіе 35 милліонами людей. Я знаю, что то, что будетъ признано однимъ выраженїемъ симпатїи, можетъ быть отвергнуто другимъ такимъ выраженїемъ, и каково бы ни было правительство, которое мудрость и интересы страны сочтутъ необходимымъ выдвинуть въ этомъ переворотѣ, народу, всѣмъ классамъ населенїя и всѣмъ, кто пролилъ нѣсколько капель крови въ этой борьбѣ, важно основать правительство сильное, популярное и наконецъ непоколебимое.

— «Итакъ, милостивые государи, какъ же поступить? какъ найти такое правительство среди этихъ разрозненныхъ элементовъ, въ

этой бурѣ, которая насъ всѣхъ уноситъ, гдѣ новая волна сію минуту поднимется надъ другой, донесшей насъ до этого зданїя? Какъ найти это непоколебимое основаніе? Только сойдя въ глубь страны только вдумываясь, такъ сказать, въ великую тайну національнаго права, откуда исходитъ всякій порядокъ, всякая правда, всякая свобода. Поэтому, далекїй отъ того, чтобы прибѣгать къ этимъ уверткамъ, къ этимъ неожиданнымъ предложенїямъ, къ этимъ волненїямъ, въ которыхъ страна раскаивается рано или поздно, какъ вы видите, когда эти фикціи исчезаютъ, не оставивъ ничего прочнаго, постояннаго, истинно народнаго и не колеблющагося подъ напоромъ поступательнаго движенїя народа, поэтому я и настаиваю изъ всѣхъ силъ на двухъ требованїяхъ, которыя я первый предъявилъ бы съ этой трибуны, если бы меня допустили взойти на нее въ началѣ засѣданїя: во-первыхъ, требованіе правительства, правительства, правда, вызваннаго необходимостью, обстоятельствами и требованїями общественнаго порядка, правительства, которое остановило бы пролитїе крови и междоусобную войну согражданъ, правительства, которое прекратило бы ужасное непониманіе, существующее вотъ уже нѣсколько лѣтъ между различными классами общества, и которое, мѣшая намъ признавать себя за одинъ народъ, мѣшаетъ намъ любить другъ друга и броситься другъ другу въ объятїя.

— «Итакъ я требую, чтобы это правительство назначили сейчасъ, во имя общественнаго мира, во имя льющей крови, во имя народа, который можетъ жаждалъ осуществленїя славнаго дѣла, которое онъ совершаетъ уже три дня; я требую, чтобы назначили временное правительство».

— Въ добрый часъ! — сказалъ старикъ, свирѣпая фізіономїя котораго внезапно смягчилась. И онъ снова вложилъ саблю въ ножны.

— «Это временное правительство, — продолжаетъ Ламартинъ, — будетъ, по моему мнѣнїю, имѣть цѣлью, первой и великой цѣлью: во-первыхъ, учредить необходимое перемиріе и общественный миръ между гражданами; во-вторыхъ, сейчасъ же принять необходимыя мѣры къ тому, чтобы созвать всю страну для совѣщанїя, чтобы посоветоваться со всей національной гвардіей, со всей страной, со всѣми, кому имя человѣкъ даетъ права гражданина.

— «Послѣднее слово. Правительства, которыя слѣдовали одно за другимъ послѣднїя пятьдесятъ лѣтъ»... Онъ не кончаетъ. Въ корридорахъ раздаются выстрѣлы. Гулъ снаружи все время возрастаетъ. Онъ и походить на шумъ разбушевавшагося моря. Въ дверь одной изъ трибунъ для публики верхняго этажа ломаются. Толпа, вооруженная пиками и большими ножами, съ дикимъ взглядомъ, съ су-

дорожно сжатыми губами врывается, крича: «Долой Палату! долой подкупленных!» Какой-то оборванец перегибается через перила трибуны и цѣлится невѣрной рукой въ Ламартина, крича: «Смерть Гизо!» Капитанъ Дюнойе закрываетъ оратора собой.—«Въ васъ цѣлится»,—говоритъ онъ.—«Онъ плохо цѣлится,—говоритъ Ламартинъ, хладнокровно, и, кромѣ того, если онъ и убьетъ меня, я умру на своемъ мѣстѣ».

Храбрый гражданинъ, сержантъ Дювилларъ, видя направленный на трибуну карабинъ, быстро поднимаетъ стволъ вверхъ. Между тѣмъ, ужасъ охватилъ депутатовъ. Они бросаются къ дверямъ. Герцогиня Орлеанская и ея дѣти увлечены этимъ бѣгствомъ. Рабочіе, гвардейцы, студенты садятся на опустѣвшихъ скамьяхъ. Шумъ удваивается.—«Предсѣдатель подкупленныхъ, убирайся!»—воскликаетъ одинъ инсургентъ, срывая шляпу съ Созе, который сейчасъ же исчезаетъ. Человѣкъ 20 депутатовъ лѣвой остаются одни на своихъ мѣстахъ.

Оглядывая толпу невозмутимымъ взглядомъ, Ламартинъ все остается на трибунѣ. Ее осаждаютъ; на лѣстницѣ толкаются, опрокидываютъ другъ друга. Изъ середины этого хаоса повторяется крикъ: «Временное правительство! временное правительство!»¹⁾

Нѣсколько молодыхъ людей подходятъ къ Дюпону (де-Лэръ) и предлагаютъ ему предсѣдательствовать. Карно ведетъ его къ креслу; раздаются крики одобренія. Громко спрашиваютъ имена временнаго правительства; приносятъ нѣсколько списковъ; одинъ изъ «National» другой изъ «Reform»; еще другіе написаны на мѣстѣ.

Дюпонъ пытается прочесть списокъ, но его голосъ слишкомъ слабъ, его не слышно.—«Во имя народа, молчаніе!»—воскликаетъ капитанъ Дюнойе: предоставьте слово г. Ламартину.

— Долой Бурбоновъ, долой подкупленныхъ! Да здравствуетъ республика!—Эти крики, несущіеся отовсюду, покрываютъ звучный голосъ Ламартина. Послѣ неслыханныхъ усилій ему удается все-таки заставить слушать себя:—«Милостивые государи,—говоритъ онъ,—предложеніе, которое было сдѣлано съ этой трибуны, которое я поддерживалъ и которое вы освятили вашимъ одобреніемъ, исполнено. Сейчасъ будетъ провозглашено поименно временное правительство».

Пользуясь минутой молчанія, Дюпонъ произноситъ слѣдующія имена, которыя стенографы повторяютъ громко: Араго, Ламартинъ,

Дюпонъ (де-Лэръ), Мари, Кремье. Эти два послѣднихъ имени оспариваются. «Республика! Республика! Пусть знаютъ, что мы хотимъ республики! Идемъ въ ратушу! Надо отвести временное правительство въ ратушу!» Эти восклицанія прерываютъ чтеніе.

— «Мы хотимъ правительства, разумнаго, умѣреннаго, намъ не нужно крови, но мы требуемъ республики!»—раздается голосъ въ залѣ.

— «Въ ратушу, съ Ламартиномъ во главѣ!» восклицаетъ Бокажъ.

Многочисленная группа тѣснится вокругъ Ламартина и уводитъ его. Оживленно спорятъ въ нѣсколькихъ другихъ группахъ о предложенныхъ для временнаго правительства именахъ. Слышно, какъ повторяютъ имена Одилона Барро, Марраста, Бастида, Тьера.

Ледрю-Роллэнъ, который не покидалъ трибуны, проситъ минуты вниманія и дѣйствительно добивается ея.

— «Въ обстоятельствахъ, подобныхъ нашимъ,—говоритъ онъ,—долгъ всѣхъ гражданъ молчать и внимательно относиться къ людямъ, которые хотятъ быть ихъ представителями. Итакъ, слушайте меня.

— «Мы совершаемъ нѣчто очень важное. Сейчасъ были возраженія. Не легко назначить временное правительство. Позвольте вы мнѣ прочесть имена, которыя, кажется, приняты большинствомъ?»

— «По мѣрѣ того, какъ я буду читать имена, смотря по тому, будете вы съ ними согласны или нѣтъ, вы будете кричать *да* или *нѣтъ*; а чтобы были какія-нибудь формальности, я прошу г.г. стенографовъ *Moniteur'a* записывать имена, потому что мы не можемъ предложить Франціи имена, которыя бы не были вами одобрены».

— Говорите! говорите!—кричатъ ему.

И, беря снова листъ, предложенный уже Ламартиномъ, Ледрю-Роллэнъ читаетъ при одобреніяхъ толпы слѣдующія имена:

Дюпонъ (де-Лэръ);

Араго;

Ламартинъ;

Ледрю-Роллэнъ;

Протесты начинаются опять противъ именъ Гарнье-Пажеса, Кремье и Мари. Слыша имя Гарнье-Пажеса: «Да вѣдь этотъ славный человѣкъ умеръ!»—наивно говоритъ одинъ человѣкъ изъ народа.

— Кремье, а не Гарнье-Пажесь!—говоритъ другой.

— Пусть тотъ, кто не хочетъ, подыметъ руку,—говоритъ Ледрю-Роллэнъ.

Крики и смятеніе удваиваются.

— Милостивые государи,—продолжаетъ Ледрю-Роллэнъ,—у назначеннаго временнаго правительства великія обязанности. Мы принуждены закрыть засѣданіе съ тѣмъ, чтобы явиться къ правительству и принять всѣ необходимыя мѣры для прекращенія

¹⁾ Среди самыхъ возбужденныхъ въ этихъ шумныхъ группахъ выдавались Александръ Дюма, въ формѣ солдата національной гвардіи; Бокажъ; Сарда, вполсѣдствіи губернаторъ острова Réunion; Лавиронъ, убитый при осадѣ Рима и др.

кровопролитія, съ тѣмъ, чтобы права народа были признаны.— Раздаются возгласы:— Да здравствуетъ республика! да здравствуетъ Ледрю-Роллэнъ! Не позволимъ себя обманывать какъ въ 1830 г.! Въ ратушу!—И Ледрю-Роллэнъ выходитъ изъ залы, окруженный шумной свитой. Дюпонъ (де-Лэръ), Кремье, Мари уже ушли.

Одинъ молодой человѣкъ всходитъ на трибуну и кричитъ:—«Не нужно больше королевской власти! не нужно гражданскаго листа!» Въ эту минуту одинъ рабочій обращаетъ вниманіе окружающихъ на картину, изображающую присягу Людовика-Филиппа въ Палатѣ въ 1830 г.:—«Разорвемъ ее! Уничтожимъ ее! Долой измѣнниковъ!»—кричатъ всѣ.—Подождите, я разстрѣляю ее»,—говоритъ человѣкъ изъ народа, вооруженный двухстволкой; при этихъ словахъ раздаются два выстрѣла и пули пробиваютъ портретъ Людовика-Филиппа посерединѣ широкой ленты ордена Почетнаго Легіона. Тогда одинъ рабочій смѣло бросается на трибуну и твердо говоритъ авторитетнымъ тономъ, который производитъ впечатлѣніе: «Нужно уважать памятники! Нужно уважать собственность! Зачѣмъ уничтожать? Зачѣмъ стрѣлять въ эти картины? Мы показали, что не слѣдуетъ дурно обращаться съ народомъ; покажемъ теперь, что народъ умѣетъ достойно чтить свою побѣду».

Единодушные аплодисменты отвѣчаютъ на этотъ призывъ. Вокругъ рабочаго толпятся. Спрашиваютъ его имя. Жмутъ ему руку. Онъ называетъ себя: Теодоръ Сиксъ, обойщикъ.

Между тѣмъ, отказавшись отъ мысли опустошать залу, толпа разсѣялась; помѣщеніе Палаты депутатовъ вскорѣ совсѣмъ опустѣло. Пятый часъ. Ратуша теперь единственный центръ, гдѣ стекутся для ожесточенной борьбы всѣ принципы, всѣ интересы, всѣ страсти революціи.

XIV.

Народъ въ ратушѣ.

Услыша усиленные удары ружейными прикладами въ двери трибунъ, увидя этихъ или пьяныхъ или взбѣшенныхъ людей, которые размахивали, съ угрожающими криками, пиками, штыками, большими ножами, саблями, изъ которыхъ нѣкоторыя были окровавлены, собраніе вскочило все цѣликомъ, какъ отъ толчка ¹⁾.

¹⁾ Это второе вторженіе въ Палату депутатовъ было сдѣлано толпой человѣкъ въ 60, пришедшихъ изъ Тюильри. Многіе изъ нихъ провели въ погребахъ достаточно времени, чтобы оставить тамъ разсудокъ. Большинство завладѣло формой, оставленной впопыхахъ солдатами муниципальной гвардіи; другіе воспользовались гардеробомъ принцевъ и принцессъ.

Депутаты бросились вонъ толпой, взбираясь на верхнія мѣста амфитеатра къ входамъ. Герцогиня Орлеанская, какъ я сказала, была вовлечена въ это движеніе. Маленькій герцогъ Шартрскій, охваченный страхомъ, цѣплялся за руку матери; одинъ приставъ палаты взялъ на руки графа Парижскаго. Нѣсколько друзей слѣдовало за ними. Послѣдно проскользнули круговымъ кулуаромъ, который обыкновенно занимали пары Франціи, и вышли черезъ маленькую дверь на лѣвомъ краю залы. Тамъ, въ узкомъ и темномъ корридорѣ, принцессу затолкали, почти раздавили у стѣны; приливомъ врывающейся толпы и отливомъ спасающихся бѣгствомъ, ее оторвало отъ дѣтей и увлекло совершенно растерявшуюся съ лѣстницы.

Прошло нѣсколько минутъ, прежде чѣмъ удалось ее освободить. Наполовину лишившись чувствъ, она позволила увести себя черезъ залу Потерянныхъ Шаговъ во вторую залу, куда толпа еще не проникла; но ей не позволили отдохнуть, боясь за ея жизнь, и ей пришлось сейчасъ же идти дальше, не останавливаясь, боковыми залами, которыя прилегали къ дворцу предсѣдателя. Придя туда и увидя, что она одна спасена отъ гибели, бѣдная мать едва не потеряла всего своего мужества; она громко звала своихъ дѣтей, она хотѣла вернуться, искать ихъ, вырвать ихъ у толпы или умереть вмѣстѣ съ ними. Если бы неизвѣстность продолжилась, быть можетъ, ея разсудокъ не устоялъ бы передъ этимъ невыразимыми муками.

По счастью, черезъ нѣсколько минутъ графъ Парижскій былъ ей возвращенъ, и она узнала съ точностью, что и герцогъ Шартрскій тоже цѣлъ. Оба подвергались опасности. Графъ Парижскій упалъ на послѣднихъ ступенькахъ лѣстницы, и его едва не растоптали въ темномъ проходѣ. Одинъ изъ придворныхъ офицеровъ, узнавъ его дѣтскій голосъ, схватилъ его на руки и, высадивъ въ низкое окно, выходящее въ садъ предсѣдательскаго дворца, принесъ ребенка матери ¹⁾. Въ то же время герцогъ Шартрскій, вырванный изъ рукъ инсургентовъ братомъ пристава Палаты, г. Липманномъ, былъ спрятанъ наверху дворца. Чтобы его лучше скрыть, на него

Сержанту Дювилларъ, который былъ во главѣ этихъ безумныхъ, чтобы попытаться ихъ сдерживать, удалось черезъ нѣсколько минутъ увести ихъ изъ залы, предлагая идти къ Военной школѣ, а главное вернуться къ *богине свободы*, которую они оставили на Орсейской набережной, гдѣ она, сидя на лошади муниципального гвардейца, ораторствовала передъ драгунами, еще занимавшими мостъ Согласія.

¹⁾ Въ саду, маленький принцъ, уже оправившійся отъ испуга, съ любопытствомъ, свойственнымъ его возрасту и положенію, говорилъ офицеру, который его несъ: „Не правда ли, сударь, мнѣ не помѣшаютъ быть королемъ“?

надѣли платьемъ маленькой дочери привратника ¹⁾). Къ восьми часамъ вечера д'Эльэнгенъ и д'Удето пришли за нимъ, чтобы отвѣсти къ господамъ де-Морнэ, которая жила по соседству съ Бурбонскимъ дворцомъ.

Герцогиня Орлеанская едва имѣла въ своемъ распоряженіи минуту порадоваться, найдя одного изъ своихъ дѣтей и узнавъ, что другой цѣлъ и невредимъ ²⁾; де-Морнэ и Жюль-де-Ластейри думали, что она не въ безопасности во дворцѣ предсѣдателя, и убѣдили ее искать пріюта во дворцѣ Инвалидовъ. Она отправилась туда въ каретѣ, и герцогъ Немурскій, который переодѣлся въ одномъ изъ бюро Палаты ³⁾, не замедлилъ присоединиться къ ней.

Маршалъ Молиторъ принялъ какъ должно царственныхъ гостей, не скрывая, однако, что онъ ни за что не можетъ отвѣчать въ томъ случаѣ, если убѣжище принцессы будетъ открыто народомъ. Съ этой минуты и до 6 часовъ вечера дворецъ Инвалидовъ увидѣлъ много преданности и много интригъ, которыя зарождались и тутъ же прекращали свое существованіе. Около принцессы возникъ родъ совѣта. Образовалось сообщеніе съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, гдѣ Одилонъ Барро, поддерживаемый въ своихъ иллюзіяхъ помогавшими ему Гарнье-Пажесомъ, Мальвилемъ, Густавомъ-де-Бомономъ, Биксіо, Паньеромъ, еще мечталъ о томъ, какъ восторжествуетъ династическая оппозиція. Люди самыхъ различныхъ мнѣній приходили во время этого перерыва высказать согласіе на регентство, и обѣщать дѣятельное содѣйствіе въ ратушѣ. «Если партія «Réforme» не возьметъ верхъ сейчасъ же,—говорило нѣсколько республиканцевъ изъ «National»,— регентство, сильно поддерживаемое ими, неминуемо было бы принято въ тотъ же день депутатами, національной гвардіей, всѣмъ населеніемъ, пришедшимъ въ себя послѣ первой минуты изумленія».

¹⁾ Ему хотѣли надѣть блузу ребенка рабочаго, бывшаго тамъ, но герцогъ Шартрскій упорно отказался, потому что блуза была разорвана.

²⁾ Всѣ, кто выказалъ участіе маленькимъ принцамъ, получили щедрые подарки на память. Герцогиня Орлеанская прислала г. Липманну брилліантовую булавку. Мать мальчика, блузу котораго герцогъ Шартрскій отказался надѣть, получила золотую цѣпочку. Черезъ нѣсколько времени г. Бастидъ, министръ иностранныхъ дѣлъ республики, тоже выказалъ Липманну признательность, назначивъ его курьеромъ кабинета.

³⁾ Въ своей озабоченности герцогъ Немурскій не замѣтилъ, что, переодѣвшись платьемъ, оставилъ на головѣ форменную шляпу. Человѣкъ, находившійся сзади него, въ ту минуту какъ онъ выходилъ изъ дворца Бурбоновъ, внезапно сорвалъ ее съ него и надѣлъ на него другую, круглую. Когда принцъ повернулся, человѣкъ исчезъ; но было очевидно, по качеству оставленной принцу шляпы, что она не могла принадлежать представителю зажиточнаго класса.

Пока герцогиня Орлеанская недовѣрчиво слушала эти увѣренія во внезапно явившейся преданности, доказывая своимъ рѣшеніемъ остаться въ Парижѣ, что ее нельзя, по крайней мѣрѣ, упрекнуть въ трусости, если даже результатъ и не соответствовалъ ожиданіямъ ¹⁾, временное правительство, провозглашенное въ палатѣ, направлялось къ площади де-Гревъ, гдѣ народъ, овладѣвъ безъ кровопролитія ратушей, освящалъ по своему республиканское правительство.

Выйдя первымъ изъ Бурбонскаго дворца, Ламартинъ, дождавшись своихъ новыхъ товарищей, пошелъ во главѣ. Бастидъ и одинъ офицеръ перваго легіона, капитанъ Сентъ-Аманъ, шли подъ руки съ нимъ. Капитанъ Дюнойе, окруженный своей маленькой свитой и неся трехцвѣтное знамя, которое онъ держалъ во все время засѣданія на трибунѣ ораторовъ, слѣдовалъ за нимъ. Лаверданъ и Кантагрьель, сотрудники «Democratie radicale», нѣсколько студентовъ и гвардейцевъ тѣснились вокругъ него. На нѣкоторомъ разстояніи слѣдовалъ Дюпонъ (де-Лэръ), которому преклонные года не позволяли идти пѣшкомъ и котораго заставили сѣсть въ кабриолетъ ²⁾. Г. Кремье не замедлилъ присоединиться къ нимъ. Такъ двигались они по четыре въ рядъ, съ двумя барабанами впереди, по Орсэйской набережной, по направленію къ ратушѣ.

Свита была невелика; она состояла самое большее изъ 600 человѣкъ. Толпа, которую привлекло любопытство и которая распрашивала о совершившихся событіяхъ, снимала шляпы и кричала по примѣру инсургентовъ: «Да здравствуетъ Ламартинъ, да здравствуетъ Дюпонъ (де-Лэръ) ³⁾, да здравствуетъ временное правительство!»—тоже не казалась способной выдержать хотя бы самое незначительное нападеніе. Нападеніе же было вполнѣ вѣроятно. Полки, эскадроны и баталіоны которыхъ дефилировали въ полномъ порядкѣ на другомъ берегу Сены; форты въ рукахъ приверженцевъ королевской

¹⁾ „Нужно, чтобы король, даже девяти-лѣтній король, умѣлъ смѣло умереть“, говорила эта благородная мать тѣмъ, которые слишкомъ настаивали на томъ, чтобы она не подвергала опасности жизнь своего сына.

²⁾ Его сынъ, въ формѣ національной гвардіи былъ съ нимъ. При выходѣ изъ палаты де-ла-Рошжакленъ предложилъ свою карету; но ея не приняли.

³⁾ „Кто это?“ спросилъ одинъ изъ народа у человѣка, шедшаго рядомъ съ каретой Дюпона (де-Лэръ). И когда его назвали: „А! такъ это вы, честный Дюпонъ (де-Лэръ)!“ наивно воскликнулъ ремесленникъ, влѣзая на подножку, чтобы протянуть ему руку. А тронутый старикъ, смотря на толпу боязливымъ взглядомъ, повторялъ слабымъ отъ старости голосомъ: „Не нужно гражданской войны, дѣти мои, прежде всего не нужно гражданской войны!“

власти; маршалъ Бюжо и молодые принцы, пылающіе, конечно, жаждой скорой мести народу; національная гвардія, понимающая, наконецъ, что она обманута республиканцами, и переходящая на сторону регентши; вокругъ нея пары и депутаты, которые въ одну минуту могли снова установить конституціонное представительство: все это были перспективы, мало утѣшительныя для вождей политическаго движенія, избранныхъ возставшими. Ламартинъ, смѣло идя въ городскую думу, размышлялъ обо всѣхъ этихъ грозящихъ случайностяхъ. Несчастныя сцены первой революціи приходили ему на память; онъ былъ утомленъ, надломленъ борьбой; но онъ тѣмъ не менѣе сохранилъ полнѣйшую ясность ума и ту находчивость въ словахъ и движеніяхъ, которая всегда изумляетъ и покоряетъ толпу. Удачное въ своей простотѣ слово разсѣяло опасенія перехода. Это слово, подхваченное съ восторгомъ и передававшееся изъ устъ въ уста, стало сигналомъ и какъ бы началомъ удивительной популярности, которая, будучи освящена вскорѣ избраніемъ 1,500,000 голосовъ, сдѣлала изъ кратковременнаго пребыванія поэта у власти нѣчто неслыханное, невыразимое, родъ идеальной диктатуры, болѣе похожей на сонъ, чѣмъ на дѣйствительность, взятой скорѣе изъ романа, чѣмъ изъ исторіи.

Когда подходили къ казармѣ Орсэйской набережной, куда только что вернулся 8-ой полкъ драгунъ, нѣсколько солдатъ, слыша крики: «да здравствуетъ временное правительство!» призываютъ къ оружію. Ламартинъ боится столкновенія; онъ содрогается, вспоминая катастрофу на бульварѣ Капуцинокъ; и, подойдя къ запертымъ воротамъ, изъ-за которыхъ недовѣрчиво смотритъ войско, громко жалуется на страшную жажду и проситъ у драгунъ пить. Одинъ изъ нихъ бѣжитъ за бутылкой; вино налито; Ламартинъ беретъ стаканъ; но, прежде чѣмъ поднести его къ губамъ, онъ подымаетъ его правой рукой и, глядя на взволнованную толпу, спокойно и кротко говоритъ: «Друзья мои, вотъ вамъ и банкетъ!» Этимъ онъ напомнилъ и почтилъ въ двухъ словахъ начало и конецъ борьбы, оспариваемое и вновь завоеванное право, отомщенную свободу. Воодушевленный крикъ, — *да здравствуетъ Ламартинъ!* — отвѣтилъ на этотъ тостъ. Солдаты и народъ братаются; опасность отвращена. Снова пускаются въ путь.

Колонна переходитъ Сену по Новому мосту и приходитъ на набережную де-ла-Межиссери, гдѣ баррикады, воздвигнутыя черезъ каждые двадцать шаговъ, заграждаютъ путь. Кремье, котораго посадили въ карету, выходитъ, такъ же какъ и Дюпонъ (де-Лэръ), котораго приходится каждую минуту приподымать, чтобы помочь ему взбираться на наваленные камни. Видъ набережной печаленъ. Длинные дорожки крови, остатки экипировки, трупы лошадей, валяющіеся

на землѣ, носилки, на которыхъ уносятъ убитыхъ и раненыхъ, все говоритъ о недавнемъ сраженіи. И толпа становится гуще и беспокойнѣе, по мѣрѣ того, какъ приближаются къ площади де-Гревъ. Молодая женщина, странно одѣтая въ каску и кожаную аммуницію національнаго гвардейца, выходитъ изъ одной группы и цѣлуетъ капитана Дюнойе, крича: «Да здравствуетъ республика!» Она хочетъ обнять и Ламартина; но этотъ, указавъ ей на проходящихъ раненыхъ, предлагаетъ ей въ нѣсколькихъ строгихъ словахъ оставить борцовъ для помощи жертвамъ.

Когда процессія дошла до угла набережной, площадь де-Гревъ представляла собою странное зрѣлище. Усыпанная трупами лошадей, обломками оружія, окровавленной аммуниціей; усѣянная пиками, штыками, между которыми развѣвались знамена побѣднаго возстанія, въ туманѣ дождливаго дня, который дѣлалъ неопредѣленными всѣ формы и контуры, она, казалось, простиралась до безконечности, чтобы вмѣстить все возрастающія толпы народа. Четыре пушки, оставленныя войскомъ и заряженныя картечью, стерегли входъ въ ратушу, подъ бронзовой статуей короля Генриха IV. Атмосфера была пропитана возбуждающимъ запахомъ пороха. Надъ смутнымъ шумомъ толпы слышался монотонный и торжественный звонъ большого колокола съ колокольни собора Парижской Богоматери. На всѣхъ перекресткахъ, на всѣхъ балконахъ, на краю крышъ, инсургенты, размахивая знаменами, говорили рѣчи къ народу, бросая ему имена, которыя терялись въ пространствѣ. Одинъ крикъ, дрожащій и страстный, исходилъ ясно изъ всѣхъ этихъ возбужденныхъ сердецъ, изъ этихъ трепещущихъ страстью устъ, поднимаясь къ небу: Республика!

Когда толпа, экзальтированная, опьяненная, вся дрожащая отъ своего торжества, внезапно замѣтила направляющуюся въ ратушу процессію съ трехцвѣтнымъ знаменемъ впереди, которая, какъ говорили, шла изъ палаты депутатовъ съ тѣмъ, чтобы овладѣть правленіемъ, ее охватило недовѣріе. «Насъ обманываютъ! Насъ предаютъ! Это какъ въ 1830 г.!» роптали въ вооруженныхъ группахъ, гдѣ преобладали борцы 1832 и 1834 г., члены секцій тайныхъ обществъ. Достаточно было малѣйшаго знака, чтобы народъ, охваченный подозрѣніемъ, отказался пропустить подозрительную процессію. Пришлось людямъ неустрашимымъ и сильнымъ взять на себя, такъ сказать, работу пионеровъ, чтобы проложить временному правительству путь черезъ эту непроходимую толпу, которая смотрѣла подозрительно. Но при имени Дюпона (де-Лэръ), повтореннаго нѣсколькими инсургентами, всѣ снимаютъ шалки. Самые ближніе, при видѣ этого старика, который едва держится на ногахъ, тронуты. Толпа сторонится, чтобы пропустить его.

Благодаря этому движенію, другіе члены временнаго правительства, оторванные другъ отъ друга колебаніями толпы, доходятъ до центральной двери. Человѣческая волна толкаетъ ихъ; они проходятъ, сами не зная хорошенько какъ, этотъ узкій проходъ, въ которомъ кишатъ тысячи людей, и видятъ себя внутри ратуши.

Невообразимый шумъ заставлялъ дрожать стѣны стараго зданія. При звукѣ выстрѣловъ, которые дѣлали инсургенты въ знакъ радости въ корридорахъ, испуганныя лошади, оставленныя муниципальной гвардіей, ржали и прыгали по пороху, который покрывалъ землю и отъ удара ихъ копытъ вылетали искры. Тутъ же, на соломѣ, стонали раненные, умирающіе. Лязгъ оружія, которое сталкивалось при усиліяхъ толпы подняться на лѣстницу или спуститься, стукъ оконныхъ стеколъ, разбивающихся о плиты, проклятія, конвульсивный смѣхъ, повторяемый тысячу разъ подъ этими звонкими сводами, оглушали ухо и вносили во всё чувства разстройство, близкое къ сумасшествію ¹⁾.

Надолго предоставленные на волю теченія, то сталкиваясь другъ съ другомъ, то опять разлучаемые волной народа, Ламартинъ и Дюпонъ (де-Лэръ) добрались до перваго этажа. Ледрю-Ролланъ, Кремье, Мари пришли спустя нѣкоторое время и такимъ же точно образомъ; ихъ толкали, тащили и бросали въ лабиринтъ залъ, галлерей, вестибюлей, лѣстницъ, незнакомыхъ проходовъ, гдѣ грохотала возбужденная и безпокойная толпа, не желающая ничего слушать. Они бродили больше часа, предоставленные каждый отдѣльно своему вдохновенію, ораторствуя безъ всякаго соглашенія между собою и говоря немного на авось о спокойствіи, о согласіи, о преданности народу, о народномъ правительствѣ. Каждый изъ нихъ встрѣчалъ по пути какого-нибудь народнаго оратора, который съ пистолетомъ на боку или съ саблей въ рукѣ, стоя на скамейкѣ, на столѣ, на какомъ-нибудь архитектурномъ украшеніи, провозглашалъ правительство по своему выбору. Навѣрное, было провозглашено болѣе 50 именъ сразу, въ эти первые часы, въ различныхъ частяхъ ратуши. Люди, наиболѣе чуждые и антипатичные другъ другу, видѣли себя рядомъ, благодаря революціоннымъ страстямъ или политическимъ расчетамъ.

¹⁾ Слѣдуетъ замѣтить, что во все время долгаго пребыванія народа въ залахъ не было произведено никакихъ опустошеній. Ни одинъ цѣнный предметъ не исчезъ. Только громадный бюстъ Людовика-Филиппа подвергся насмѣшкамъ. Въ моментъ появленія первой колонны инсургентовъ на площади де-Гревъ, Флоттару, секретарю думы, который боялся, чтобы ошьяненіе не повело этихъ людей, и безъ того возбужденныхъ, къ досаднымъ излишествамъ, пришла счастливая мысль выбить дно у бочекъ, которыя наполняли погребъ ратуши.

Тутъ были вожди тайныхъ обществъ, прежніе заключенные, заговорщики, борцы съ баррикадъ, которымъ предлагали диктатуру. Тамъ нѣсколько лазутчиковъ партіи бонапартистовъ произносили имя принца Людовика; дальше называли Ламеннэ ¹⁾.

Де-ла-Рошжакланъ, сильная фигура, густые волосы, звучный голосъ и просвѣтлѣвшее лицо котораго привлекали взгляды, восхищали толпу, не знавшую его имени, жестокостью сужденій объ Орлеанской династіи ²⁾.

Въ тронной залѣ, продолжающееся все время шумное собраніе обсуждало предложенія и принимало самыя сумасбродныя рѣшенія.

Въ залѣ городского совѣта, сторонники графа Парижскаго пытались, но безъ всякаго успѣха, снова настроить умы въ пользу регентства. Въ этой залѣ народъ въ первый разъ проявилъ свою верховную власть. Вотъ что тамъ произошло съ утра.

Какъ извѣстно, генералу Себастиани была поручена маршаломъ Бюжо защита ратуши. Генераль Таланде и полковникъ Гарробъ помогали ему; 9-й легіонъ, подъ командой полковника Бутарель, былъ выстроенъ вдоль стѣнъ дворца внутри ограды. Настроеніе національной гвардіи было тутъ, какъ и вездѣ, очень колеблющееся. Далекая отъ того, чтобы воодушевлять войско, она сообщала ему свою нерѣшительность. Впрочемъ, мѣры, принятыя генераломъ Себастиани, своими плохими результатами сильно колебали довѣріе солдатъ. Въмѣсто того, чтобы оставить войско сгруппированнымъ около ратуши, генераль послалъ по всѣмъ направленіямъ отряды, слишкомъ слабые, чтобы сдерживать возстаніе. Народъ очень предусмотрительно допускалъ ихъ безъ боя входить въ узкія улицы; но едва они проходили, какъ сзади ихъ строились баррикады, которыя дѣлали возвращеніе невозможнымъ. Солдаты были такимъ образомъ заперты въ узкихъ проходахъ; на нихъ сыпались выстрѣлы изъ пяти и шести-этажныхъ домовъ, на которые они не могли отвѣчать; народъ одновременно и угрожалъ имъ, и увѣщевалъ ихъ заключить союзъ; они позволяли себя обезоружить. Ни одинъ изъ отрядовъ, посланныхъ генераломъ Себастиани, не вернулся; и мятежь, рѣшительно подвигаясь впередъ на всѣхъ пунктахъ, торжествовалъ побѣду почти безъ борьбы.

¹⁾ Имя Ламеннэ было уже произнесено въ палатѣ; но вслѣдствіе того, что онъ нѣсколько лѣтъ оставался въ сторонѣ, чуждый борьбѣ журналистовъ, его имя встрѣтило мало сочувствія.

²⁾ Ораторствуя и льстя злопамятности народа, де-ла-Рошжакланъ, можетъ быть, заставилъ бы провозгласить себя членомъ временнаго правительства, какъ вдругъ другой ораторъ, Дюссаръ, вскарабкавшись на выступъ, началъ съ живостью говорить и вывелъ толпу изъ заблужденія, назвавъ ея депутата-легитимиста.

Извѣстіе объ отреченіи короля было послѣднимъ ударомъ, нанесеннымъ твердости генерала Себастьяни. Одинъ, пѣшкомъ, закутанный въ широкій плащъ, онъ покинулъ ратушу; когда офицеры спросили, каковы будутъ его приказанія, онъ отвѣтилъ: «Самымъ благоразумнымъ будетъ уйти какъ можно скорѣе». Тогда войска ушли съ площади, предоставивъ большею частью свое оружіе народу, который устремился черезъ дверь Генриха IV въ ратушу. 62 человека муниципальной гвардіи укрылись въ одномъ дворѣ, изъ котораго не было выхода. Примирившись съ мыслью о неизбежной смерти, они сложили оружіе; молчаливые, неподвижные, они ждали первыхъ выстрѣловъ непріятели, котораго считали безжалостнымъ. Но тамъ былъ человекъ съ сердцемъ, который самоотверженно желалъ ихъ спасти. Флоттаръ, одинъ изъ чиновниковъ городского управления ¹⁾ идетъ навстрѣчу инсургентамъ; снявъ юльскій крестъ со своей груди, онъ показываетъ его толпѣ и восклицаетъ: «Во имя побѣдоноснаго народа послушайте ветерана свободы! Не нужно больше крови! Не нужно больше мести! Сжальтесь надъ плѣнниками!» — «Сжальтесь надъ плѣнниками!» — отвѣчаетъ голосъ изъ толпы; — мечь народа это — милосердіе!» — «Одни австрійцы убиваютъ плѣнниковъ», — говоритъ другой голосъ. Видя, что его слова нашли отголосокъ, Флоттаръ смѣлѣетъ; его высокая и сильная фигура, отдаленное сходство съ популярнымъ поетомъ Беранже оказываютъ ему услугу; онъ поворачивается къ солдатамъ муниципальной гвардіи и, держа свой крестъ надъ склоненной головой квартирмейстера, говоритъ: «Солдаты, проходите подъ этимъ славнымъ символомъ, и вы увидите передъ собой только друзей, только братьевъ».

Солдаты проходятъ одинъ за другимъ подъ крестомъ; злоба народа исчезла; она уступила мѣсто сочувствію. Изъ среды республиканскихъ борцовъ многіе будутъ помогать и покровительствовать солдатамъ монархіи и укроютъ ихъ въ своихъ жилищахъ.

Де-Рамбюто покинулъ свой постъ за нѣсколько минутъ до вторженія народа. Флоттаръ предложилъ ему устроить экстренный городской совѣтъ. Но вдругъ вошелъ человекъ въ формѣ національной гвардіи и, спросивъ де-Рамбюто, объявилъ ему, что пришелъ отъ имени народа отрѣшить его отъ должности и занять его мѣсто. Онъ прибавилъ къ этому требованію странную просьбу, чтобы де-Рамбюто заставилъ присутствующихъ чиновниковъ и городской совѣтъ признать его. Де-Рамбюто отклонилъ его просьбу, но не оспаривалъ правъ своего преемника и уступилъ ему мѣсто. Новымъ

¹⁾ Флоттаръ съ 1830 года состоялъ въ администраціи департамента Сены.

префектомъ сталъ лейтенантъ восьмого легіона, фабрикантъ виньетокъ для кондитеровъ; его имя было Журданъ. Сэй, Журнэ, Тьерри и Флоттаръ, служащіе въ ратушѣ, рѣшили между собой созвать городской совѣтъ. Они отправились въ залу совѣщаній, въ которую уже ворвалась толпа. 12 учениковъ Политехнической школы, которые тамъ были, спѣшно составили и сейчасъ же пошли разносить пригласительныя письма. Вопреки желанію Журдана, который непременно хотѣлъ предсѣдательствовать и уже сидѣлъ въ креслѣ, выбрали доктора Тьерри; солдаты національной гвардіи и ученики Политехнической школы столпились вокругъ него, чтобы его защитить. Журданъ счелъ благоразумнымъ исчезнуть. Рекюръ и Флоттаръ помѣстились рядомъ съ докторомъ Тьерри и, сговорившись между собой, объявили засѣданіе открытымъ. Нѣкоторое спокойствіе воцарилось сейчасъ же въ аудиторіи, и можно было начать пренія. Нѣсколько предложеній было сдѣлано одно за другимъ. Послѣ предложенія Делетра учредить комитетъ всеобщей безопасности, было потеряно много драгоценнаго времени на обсужденіе своевременности этой мѣры. Большая часть членовъ совѣта, чувствовавшая себя очень жутко среди вооруженнаго народа, особенно же испуганная шумомъ, который слышался на площади и который приближался, выражала сомнѣніе въ законности созыва. Черезъ нѣсколько минутъ они исчезли. Журданъ тоже позволилъ нѣсколькимъ гвардейцамъ выпроводить себя; вскорѣ остались на своихъ мѣстахъ только Сэй, Рекюръ, Флоттаръ, докторъ Тьерри и еще двое или трое.

Въ эту минуту маленькая группа пытается проникнуть въ залу: «Пропустите! пропустите!» восклицаетъ Тьерри, который узнаетъ Гарнье-Пажеса, Гюстава де-Бомона и Мальвиля. Они пришли изъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Приблизившись къ доктору Тьерри, они шопотомъ ознакомили его съ положеніемъ дѣлъ.

Между тѣмъ народъ, который начинаетъ терять терпѣніе отъ этой медлительности, волнуется и ропщетъ. Одинъ изъ борцовъ встаетъ на выступъ и начинаетъ говорить; это человекъ высокаго роста, съ очень красивымъ лицомъ; длинная рыжая борода падаетъ до половины груди; у него сверхъ пальто на перевязи солдатское ружье; онъ набрасываетъ съ своеобразнымъ краснорѣчіемъ бѣглую и рѣзко-обличительную картину правленія Людовика-Филиппа; онъ заключаетъ требованіемъ немедленнаго суда надъ королемъ и осужденія его на смерть. При этихъ словахъ въ аудиторіи сказывается чувство отвращенія; докторъ Тьерри подымается и протестуетъ очень энергично словами, тономъ и жестами: «Не нужно больше крови! — восклицаетъ онъ — не будемъ позорить побѣду народа! Не нужно больше эшафотовъ! Не нужно больше жертвъ! Я проведу

20 лѣтъ у изголовья умирающихъ; я знаю, чего стоитъ человѣческая жизнь. Во имя человѣчества, во имя философіи, во имя революціи я требую отмѣны смертной казни!» Кое-гдѣ раздается ропотъ, но дружные аплодисменты этого великодушнаго народа сейчасъ же его покрываютъ. Ораторъ-террористъ смущенъ; онъ пытается, запинаясь, разъяснить и ослабить свое предложеніе: шиканье и свистъ принуждаютъ его замолчать.

Флоттаръ предлагаетъ присутствующимъ избрать на мѣсто свергнутаго совѣта народную городскую думу и возстановить Парижскую мэрію. Это предложеніе принято хорошо. Приступаютъ къ правильнымъ выборамъ. Народъ принимаетъ поднятіемъ рукъ въ утвердительномъ и отрицательномъ смыслѣ назначеніе Гарнье-Пажеса въ Парижскую мэрію. Гарнье-Пажесъ, поблагодаривъ своихъ согражданъ и попросивъ уваженія къ власти, которой его облекли, предлагаетъ, въ свою очередь, избрать ему въ помощники Мальвиля и де-Бомона; но этотъ послѣдній отклоняетъ отъ своего имени и отъ имени своего товарища честь, которую имъ хотять сдѣлать, потому что, говоритъ онъ, они чувствуютъ, что недостаточно популярны для того, чтобы сообщить городской власти необходимую силу. По предложенію Флоттара, избраны Гинаръ и Рекюръ; династическіе депутаты, повимая, что имъ нечего дѣлать въ этомъ движеніи, пользуются шумомъ, чтобы скрыться.

Мэръ Парижа и его помощники уходятъ изъ залы почти сейчасъ же и идутъ за Флоттаромъ укрыться въ отдаленную комнату, куда народъ еще не проникалъ. Въ то время, какъ они выходятъ съ одной стороны, Шарль Лагранжъ входитъ съ другой. Онъ называетъ себя народу; онъ говоритъ, что сейчасъ явится временный комитетъ, избранный въ бюро «Réforme». Онъ проситъ очистить залъ, чтобы новое правительство могло свободно совѣщаться. Пока онъ еще говоритъ, на порогѣ появляется, выдаваясь своимъ высокимъ ростомъ надъ толпой, съ раскраснѣвшимся лицомъ, со лбомъ, открытымъ потомъ, Ледрю Роллэнъ. Громкое „ура!“ привѣтствуетъ его появленіе. Ему даютъ проходъ, ведутъ къ бюро, предлагаютъ говорить. Тогда онъ начинаетъ оживленный рассказъ о событіяхъ, совершившихся въ Бурбонскомъ дворцѣ. Частыя одобренія прерываютъ его; но, когда онъ рассказываетъ объ избраніи временнаго правительства, лица омрачаются; при мысли о власти, исходящей изъ «Палаты подкупленныхъ», въ народѣ пробуждаются подозрѣнія. Ледрю-Роллэна окружаютъ, забрасываютъ вопросами; отъ него требуютъ республиканскаго credo и увѣренія, что онъ сохранитъ свои полномочія только послѣ избранія народомъ, представителемъ котораго толпа, собравшаяся въ ратушѣ, считаетъ исключительно себя.

Никто въ эту минуту не могъ подумать о томъ, чтобы оспаривать ея претензіи.

Едва кончились эти объясненія, какъ дверь залы открывается, и видятъ идущаго съ трудомъ черезъ возбужденную аудиторію Дюпона (де-Лэръ). Онъ опирается съ одной стороны на депутата своего департамента Лежандра, съ другой—на пожилую женщину, прикомандированную къ нему, которая защищаетъ его жестаи и голосомъ отъ напора толпы. Онъ занимаетъ мѣсто въ бюро. Черезъ нѣсколько минутъ къ нему присоединяется Ламартинъ, который не переставалъ ораторствовать то въ одной, то въ другой залѣ, подписывать прокламаціи ¹⁾, листки, на которыхъ его заставляютъ писать «да здравствуетъ республика!» Просятъ Дюпона (де-Лэръ) провозгласить имена избранниковъ народа; но въ залѣ такъ удушливо жарко, воздухъ такъ густъ, стоитъ такой оглушительный шумъ въ помѣщеніи, куда толпа прибываетъ и набирается непрерывно уже нѣсколько часовъ, что старику дѣлается дурно. Приходится его унести. Ламартинъ, чтобы занять умы, начинаетъ, можетъ быть, въ десятый разъ рассказъ о событіяхъ дня. Онъ говоритъ со множественствомъ оговорокъ и очень сдержанно о родѣ правительства, которое странѣ будетъ угодно назначить. Онъ хочетъ внушить, что временное правительство не можетъ установить въ этомъ отношеніи ничего опредѣленнаго; но сильный ропотъ и очень недвусмысленные жесты предупреждаютъ его, что онъ касается подводнаго камня. Онъ объявляетъ, что лично стоитъ за республику, но повторяетъ, что, по его мнѣнію, никто не имѣетъ права навязывать ее Франціи. Всеобщій ропотъ, подымающійся при этихъ словахъ, даетъ Ламартину понять, что было бы безразсудно желать руководить этой толпой, и по одному слову, которое ему шепчетъ Флоттаръ, онъ покидаетъ бюро и идетъ въ кабинетъ секретаря къ Гарнье-Пажесу и Дюпону (де-Лэру), который могъ, наконецъ, немного вздохнуть и успокоиться вдали отъ толпы. Черезъ нѣсколько минутъ приходятъ Ледрю-Роллэнъ и Араго ²⁾. Можно уже совѣщаться.

¹⁾ Вотъ двѣ изъ этихъ прокламацій, написанныхъ за неимѣніемъ стола на шляпѣ:

„Временное правительство образуется съ твердымъ намѣреніемъ дать Франціи республиканскія учрежденія, соответствующія духу вѣка.“

„Королевская власть пала; временное правительство Франціи—правительство республиканское. На народѣ лежитъ забота сдѣлать его такимъ окончательно.“

²⁾ Франсуа Араго, заболѣвшій съ нѣкотораго времени, не присутствовалъ на послѣднихъ засѣданіяхъ палаты и не принималъ никакого участія въ трехдневной борьбѣ. Когда его провозгласили съ трибуны Бурбонскаго дворца членомъ временнаго правительства, его сынъ пошелъ за нимъ въ обсерваторію. Сопровождаемый двумя своими родственниками

Начинаютъ съ того, что баррикадируютъ себя какъ можно лучше. Десятокъ учениковъ Политехнической школы и еще нѣсколько преданныхъ челоѣкъ стаювятся въ качествѣ часовыхъ въ стеклянной галлерей передъ кабинетомъ; они становятся у дверей, упершись въ нихъ плечами, сопротивляясь натиску и вступая въ переговоры съ тѣми, кто находился снаружи. Поминутно имъ приходится выдерживать новое нападеніе. Делегаты отъ народа хотятъ войти; они желаютъ присутствовать на преніяхъ и наблюдать за поведеніемъ правительства. Они настаиваютъ и грозятъ; въ случаѣ увертокъ у нихъ, молъ, есть подъ руками другіе диктаторы. Ихъ уговариваютъ потерпѣть, стараются добиться отъ нихъ хоть какой-нибудь отерочки, но лишь съ большимъ трудомъ удается устранить ихъ на минуту. Присутствіе Ледрю-Роллена въ совѣтѣ не кажется имъ достаточной гарантіей ¹⁾. Они хотятъ, чтобы комитетъ народнаго спасенія былъ совершенно въ ихъ рукахъ. Изъ глубины площади доносится глухой, непрерывный и ужасный ревъ: это великій голосъ народа, возмущеннаго тѣмъ, что медлятъ съ провозглашеніемъ республики. Наступаетъ ночь, усиливается опасность отъ сторонниковъ королевской власти, которые, повидимому, составили заговоръ; а особенно опасность со стороны толпы, возбужденной борьбой, голодомъ, ожиданіемъ, подозрѣніемъ. Весь городъ въ ея рукахъ. Бродяги, злодѣи всѣхъ сортовъ, которые надѣются, благодаря политической анархіи, безнаказанно совершать свои преступленія, ждуть, конечно, только сигнала къ убійству и грабежу. Парижъ можетъ быть залитъ кровью и опустошенъ, прежде чѣмъ какая-нибудь власть будетъ имѣть время и могущество заставить себя признать. Дюпонъ (де-Ларъ) и Араго, задумчивые, озабоченные, мучась печальными воспоминаніями и еще болѣе печальными предчувствіями, ждуть, сидя по обѣимъ сторонамъ камина, чтобы предложили какую-нибудь мѣру. На ихъ лицахъ можно прочесть только сомнѣніе и покорность. Ламартинъ, наоборотъ, кажется увѣреннымъ и въ себѣ, и въ будущемъ; его мысль уже освоилась съ революціонной стихіей. Онъ чувствуетъ, какъ въ немъ рѣстеть вотъ уже нѣсколько часовъ приливъ мужества и краснорѣчія, этихъ двухъ высшихъ даровъ, передъ которыми склоняется народъ. Геній Франціи возстаетъ передъ его ослѣпленнымъ воображеніемъ. Восторженныя надежды величія и славы отнимаютъ у него сознание дѣйствительности.

и однимъ молодымъ итальянцемъ, своимъ другомъ, г. Фраполли, онъ отправился въ ратушу. Вездѣ по пути толпа пропускаетъ его съ уваженіемъ.

¹⁾ „Не нужно, чтобы партія Ледрю-Роллена взяла верхъ“, роптали уже въ группахъ фанатики, враждебныя дѣйствія которыхъ будутъ описаны ниже.

Вокругъ него группируются нерѣшительные. Г. Кремье ¹⁾ волнуется и съ воодушевленіемъ говоритъ въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ. Ловкій и краснорѣчивый адвокатъ, онъ готовъ съ утра и на регентство, и на республику. Мари и особенно Гарнье-Пажесъ, ошеломленные быстротой потока, который ихъ увлекаетъ, теряются и отказываются отъ всякой инициативы ²⁾. Что касается Марраста, который только что явился, онъ остается въ сторонѣ, наблюдаетъ за всѣмъ и молчитъ. Въ ту минуту, какъ всѣ садятся, чтобы постараться придти, наконецъ, къ соглашенію относительно самыхъ безотлагательныхъ мѣръ, дверь отворяется; группа, которая защищаетъ входъ въ совѣтъ, сторонится. Входятъ два гостя, которыхъ совѣтъ не ждали: Луи-Бланъ и Флоконъ. Это явленіе, кажется, неприятно поражаетъ многихъ изъ присутствующихъ. На минуту всѣ въ затрудненіи. Шопотъ и сумрачные взгляды протестуютъ противъ принятія пришедшихъ. «Зачѣмъ они сюда пришли?» говоритъ Кремье Ламартину. — «Не знаю», отвѣчаетъ этотъ тономъ полнѣйшаго равнодушія.

Луи-Бланъ, не смущаясь, подходитъ къ столу, за которымъ засѣдаютъ уже Дюпонъ (де-Ларъ) и Араго. «Ну, господа, говоритъ онъ, давайте совѣщаться». При этихъ словахъ Араго смотритъ на него съ видомъ глубокаго изумленія и говоритъ ему свысока: «Безъ сомнѣнія, милостивый государь, мы будемъ совѣщаться, но не ранѣе чѣмъ вы выйдете».

Гнѣвъ отразился въ чертахъ лица Луи-Блана. У него вырываются очень рѣзкія выраженія. Начинается препирательство. Луи-Бланъ справедливо утверждаетъ, что онъ избранъ столь же за-

¹⁾ Назначеніе Кремье и Гарнье-Пажеса членами временнаго правительства, которое оспаривалось въ палатѣ депутатовъ, было предметомъ очень оживленнаго спора и въ ту минуту, какъ входили въ кабинетъ секретарства для совѣщанія, Ламартинъ положилъ конецъ этой досадной ссорѣ. „Ради Бога, господа,—воскликнулъ онъ,—не будемъ сейчасъ спорить о законности нашей власти. Будемъ семеро, вмѣсто пяти, дѣла пойдутъ отъ этого не хуже“. Онъ началъ такимъ образомъ исполнять роль примирителя, которой онъ останется неизмѣнно вѣрнымъ во все время существованія временнаго правительства.

²⁾ Гарнье-Пажесъ протестовалъ противъ роли, которую ему приписывали въ этихъ обстоятельствахъ. Мнѣ кажется, что нельзя поступить лучше, чѣмъ Карно въ своемъ „Дневникѣ 1848 г.“, именно цитировать буквально слова Гарнье-Пажеса: „Совѣщаніе съ самаго начала высказалось за республику, и я объявилъ своимъ новымъ товарищамъ, что такъ какъ республика мнѣ кажется возможной, то если ее не провозглашать, я выйду въ отставку. Нѣкоторые ссылались на благородное сомнѣніе, овладѣвшее ими. Желая, какъ и я, республики, они не признавали за собой права объявить ее безъ воли народа, выраженной правильно со- званнымъ собраніемъ“.

конно, какъ и другіе члены временнаго правительства, потому что его избрали, какъ и ихъ, въ залѣ Сэнъ-Жана при одобрѣніи народа ¹⁾. Гарнье-Пажесъ, который предсѣдательствуетъ въ качествѣ мэра Парижа, пытается прекратить споръ, предлагая раздѣлить власть, и небрежно произноситъ слово *секретари*, которое, повидимому, относится къ Маррасту, Флокону и Луи-Блану, избраніе которыхъ не было произведено въ палатѣ. Обиженный этимъ намекомъ, Луи-Бланъ грозилъ уже уйти и апеллировать къ народу, какъ вмѣшивается Ледрю-Роллэнъ и заклинаетъ его, а также Флокона и Марраста во имя ихъ патриотизма не сѣять вражды въ нѣдрахъ зарождающейся республики. Флоконъ уступаетъ безъ труда; Маррастъ не произноситъ ни слова; Луи-Бланъ, за невозможностью поддерживать притязаніе, которое становится его личнымъ дѣломъ, подчиняется, или, по крайней мѣрѣ, повидимому, подчиняется скромному назначенію секретаремъ; но въ то же время онъ авторитетно заявляетъ временному правительству, что у него есть еще одинъ товарищъ, на котораго оно, конечно, не рассчитывало, а именно рабочій Альберъ, избранный, утверждаетъ Луи-Бланъ, какъ и онъ и вмѣстѣ съ нимъ народомъ. Никто не дѣлаетъ возраженій. Это была минута взаимныхъ уступокъ. Та и другая сторона говоритъ потихоньку себѣ, что приходится терпѣть другъ друга, пока не станешь достаточно сильнымъ, чтобы исключить другого.

Имя Альбера, механика по профессіи, ²⁾ дѣйствительно было провозглашено во дворѣ отеля Бюллионъ, подъ окнами бюро «Réforme», толпой инсургентовъ, возвращавшихся изъ Тюильри. Альберъ былъ малоизвѣстный заговорщикъ, которымъ демократическая пресса никогда не занималась; но 24 февраля достаточно было выказать храбрость на баррикадахъ, чтобы привести въ восторгъ народъ. Несомнѣнно, Альберъ былъ обязанъ своимъ внезапнымъ торжествомъ, приведшимъ его къ власти, какому-нибудь отважному поступку, или просто удачно сказанному слову, потому что впоследствии никто не могъ объяснить иначе причину, заставившую предпочесть его многимъ другимъ, болѣе способнымъ и менѣе неизвѣстнымъ. Во всякомъ случаѣ, не смотря на досадную посредственность избраннаго лица, назначеніе рабочаго членомъ временнаго правительства есть историческій фактъ, значеніе и характеръ кото-

¹⁾ Отвѣчая на вопросы народнаго собранія въ залѣ Сэнъ-Жана, всѣ члены правительства, назначенные въ палатѣ, признали необходимость этого новаго избранія, и г. Кремье говорилъ еще черезъ нѣсколько мѣсяцевъ передъ слѣдственной комиссіей: „Мы были назначены въ палатѣ, но не палатой“.

²⁾ Его настоящее имя было Мартэнъ.

раго нельзя не признать. Это признакъ сначала слѣпой, но съ этого времени уже обезпеченной эмансипаціи рабочаго класса; онъ показываетъ, что наступилъ часъ перехода отъ политической революціи къ соціальной.

Луи-Бланъ чувствовалъ, какую драгоценную поддержку онъ найдетъ въ чловѣкѣ изъ народа, который послужитъ посредникомъ между нимъ и рабочими и никогда не будетъ стремиться играть главную роль. Поэтому онъ одобрилъ отъ всего сердца избраніе пролетарія и, сейчасъ же отправившись въ редакціи «Réforme» и «National», гдѣ печатали для раздачи на улицахъ списокъ временнаго правительства, онъ велѣлъ прибавить имя Альбера. Потомъ онъ явился въ ратушу съ Флокonomъ и, изложивъ въ залѣ Сэнъ-Жана, передъ собравшимся народомъ, свое социалистическое credo, въ которомъ онъ произнесъ слова *организация труда*, привелъ толпу въ восторгъ, получилъ отъ нея утвержденіе своей власти и очутился, какъ мы видѣли, на совѣтѣ правительства. Приемъ Араго, а особенно вмѣшательство Ледрю-Роллэна, чтобы заставить его принять низшее назначеніе, было нестерпимымъ оскорбленіемъ гордости Луи-Блана ¹⁾. Съ этого часа началась между нимъ и большинствомъ совѣта борьба, сначала глухая, потомъ все менѣе и менѣе скрываема, которая значительно ослабила власть, парализовала ея дѣйствія и привела, послѣ гибельныхъ кризисовъ страны, къ взаимной централизаціи силъ, изъ чего извлекли пользу только партіи враждебныя республикѣ.

Это глубокое разногласіе между большинствомъ и меньшинствомъ совѣта сказалось сейчасъ же, какъ только начали обсуждать содержаніе прокламаціи, въ которой объявляли народу объ его побѣдѣ и о паденіи династіи. Ламартинъ составилъ прокламацію слѣдующаго содержанія: «Временное правительство заявляетъ, что республика временно принята народомъ Парижа и имъ»; и еще: «При народномъ и республиканскомъ правительствѣ, провозглашенномъ временнымъ правительствомъ», и т. д. Эта редакція не удовлетворила ни ту, ни другую сторону. Луи-Бланъ, Ледрю-Роллэнъ, Флоконъ хотѣли объявить республику просто, безъ всякихъ условій дальнѣйшаго утвержденія. Гарнье-Пажесъ, Мари, Дюпонъ (де-Лэръ) хотѣли, чтобы умолчали объ окончательной формѣ правленія; самое большее, они допускали выраженіе пред-

¹⁾ Хотя я и не хочу начинать никакой полемики, мнѣ кажется, что мой долгъ перепечатать въ историческихъ документахъ объясненіе, которое Луи-Бланъ, въ письмѣ изъ Лондона отъ 23 января 1862 г., даетъ той настойчивости, съ какой онъ стремился уравнять себя и Альбера въ правахъ, въ качествѣ членовъ временнаго правительства, съ Ламартиномъ, Араго и др. (см. „Историческіе документы“ № 7).

почтенія республиканскаго правительства. Араго отказывался подписаться подъ актомъ, который онъ считалъ узурпаторскимъ. Чтобы избѣжать опасности, Ламартинъ и Кремье, которые писали прокламацію, старались подыскать среднія выраженія, допускаемыя самой щепетильной критикой. Дѣло было нелегкое. Было предложено и отвергнуто много редакцій, одна за другою. Наконецъ, остановились на одной, составленной Ламартиномъ, которая была сейчасъ же послана въ «Moniteur». Она гласила слѣдующее:

«Во имя французскаго народа. Прокламація временнаго правительства французскому народу.

«Ретроградное и олигархическое правительство ниспровергнуто героизмомъ народа Парижа. Это правительство бѣжало, оставивъ за собою кровавый слѣдъ, который не позволяетъ ему никогда вернуться.

«Кровь народа текла какъ въ июль, но на сей разъ эта великодушная кровь не будетъ обманута. Она завоевала національное народное правительство, соответствующее правамъ, успѣхамъ и желанію великаго и благороднаго народа. Временное правительство, созданное немедленно и получившее одобреніе народа и депутатовъ департаментовъ, на засѣданіи 24 февраля, уполномочено обезпечить и организовать въ данный моментъ народную побѣду. Оно состоитъ изъ:

«Гг. Дюпона (де-Лэръ), Ламартина, Кремье, Араго (члена Института), Ледрю-Роллэна, Гарнье-Пажеса, Мари.

«Это правительство имѣетъ секретарями: «Гг. Армана Марраста, Луи-Блана и Фердинанда Флокона.

«Эти граждане не колебались ни минуты принять патриотическую миссію, которая возлагалась на нихъ крайней необходимостью. Когда столица Франціи въ огнѣ, обязанность временнаго правительства позаботиться о народномъ спасеніи. Вся Франція пойметъ его и будетъ съ нимъ соперничать въ патриотизмѣ. При народномъ правительствѣ, которое объявляетъ временное правительство, всякій гражданинъ—должностное лицо.

«Французы! Покажите всему міру примѣръ, данный Парижемъ Франціи. Приготовьтесь, опираясь на порядокъ и вѣру въ себя, къ принятію могучихъ учрежденій, создать которыхъ вы призваны.

«Хотя временное правительство дѣйствуетъ исключительно отъ имени французскаго народа и предпочитаетъ ¹⁾ республиканскую форму правленія, ни народъ Парижа, ни временное правительство

¹⁾ Чернильное пятно закрываетъ на рукописномъ оригиналѣ слово „предпочитаетъ“. Поправка Луи-Блана на поляхъ замѣнила его словами: „сердцемъ и разсудкомъ стоитъ за республиканское правительство“.

не имѣютъ, однако, намѣренія поставить свое мнѣніе выше мнѣнія гражданъ, которые должны будутъ высказаться объ окончательной формѣ правленія, въ какую выльется верховная власть народа.

«Единство націи, состоящей отнынѣ изъ всѣхъ классовъ гражданъ, которые въ нее входятъ; управленіе націи ею самой;

«Свобода, равенство и братство какъ принципы; народъ—въ качествѣ девиза и лозунга: вотъ демократическое правительство, которое Франція обязана обезпечить себѣ и которое наши усилія сумѣютъ за ней утвердить ¹⁾».

Изъ этого видно, что Ламартинъ, не то изъ нерѣшительности, не то изъ искренняго желанія поддержать согласіе, поступилъ своими личными убѣжденіями желаніямъ большинства. Ледрю-Роллэнъ совсѣмъ не подписалъ этой прокламаціи, находя ее слишкомъ двусмысленной. Флоконъ, который подписалъ ее, не читая, вычеркнулъ свое имя, увидя, что Ледрю-Роллэнъ не подписалъ своего. Альберъ, который не присутствовалъ при этомъ, не могъ подписать оригинала. Его имя было прибавлено на корректурномъ листѣ «Moniteur», вмѣстѣ съ именами Флокона и Луи-Блана.

Между тѣмъ народъ, охваченный безпокойствомъ и все возрастающимъ раздраженіемъ, поминутно присылалъ къ временному правительству вооруженныхъ делегатовъ, которые грозили самыми ужасными несчастіями, если не поторопятся объявить республику. Изъ предмѣстій и пригородовъ безпрестанно прибывали все новыя народныя массы, снова возбуждавшія пылъ тѣхъ, которыя были утомлены ожиданіемъ; онѣ врывались въ ратушу, наполняли залы, проходы и осаждали двери, за которыми происходилъ совѣтъ. Каждую минуту кто-нибудь изъ членовъ правительства, къ которымъ присоединялись граждане, пришедшіе съ тѣмъ, чтобы предложить имъ свое содѣйствіе, Феликсъ Піа, Бетмонъ, де-Куртэ, Бартеlemi Сэнтъ-Илеръ, Рекюръ, Гиваръ, Биксіо, Дюклеръ, Тома, Саррансъ, Гетцель и др., выходилъ и ораторствовалъ передъ толпой; они умоляли ее успокоиться и замолчать на нѣсколько минутъ. При видѣ Ламартина возбужденіе удваивалось; онъ казался народу одновременно и подозрительнѣе, и дороже всѣхъ его сотоварищей. «*Это аристократъ!*» «*Это роялистъ!*» «*Это жирондистъ!*» кричали фанатики. Другіе, наоборотъ, хотѣли ему устроить триумфъ; а онъ, оставаясь спокойнымъ лицомъ къ лицу съ грозой, устранилъ жестомъ или отвращалъ однимъ словомъ, однимъ

¹⁾ Карно въ отрывкахъ своего „Дневника 1848 г.“, напечатанныхъ въ „Politique nouvelle“, даетъ нѣсколько отличную версію этой прокламаціи. Онъ объясняетъ варианты этого документа, говоря, что Ламартинъ исправлялъ свой манускриптъ, диктуя его послѣдовательно нѣсколькимъ лицамъ.

взглядомъ оружіе, направленное на его грудь ¹⁾). Но всѣ эти удачно сказанныя слова, всѣ эти мольбы, всѣ эти рѣчи достигали только короткаго затишья, и шумъ возобновлялся тотчасъ же, съ еще большей силой. Пока Ламартинъ говорилъ съ народомъ въ залѣ Сэнь-Жанъ, Луи-Бланъ спустился съ лѣстницы; тамъ находился столъ: онъ взлѣзаетъ на него. «Правительство,—говорить онъ,—хочетъ республики». Восторженный крикъ отвѣчаетъ ему. Рабочіе пишутъ углемъ на большомъ кускѣ полотна громадными буквами: «Единая и нераздѣльная республика провозглашена во Франціи». Сдѣлавъ это, они взбираются на одинъ изъ подоконниковъ и развертываютъ надпись при свѣтѣ факеловъ. Когда манифестъ правительства былъ принесенъ изъ типографіи, то стало ясно, что атмосфера измѣнилась и что такая двусмысленная редакція, если прочитаетъ ее народу, можетъ вывести его изъ себя и все погубить. Луи-Бланъ снова пускаетъ въ ходъ всю силу своей настойчивости; ему удается, наконецъ, побѣдить отвращеніе сотоварищей. Въ параграфѣ, въ которомъ было сказано: «Хотя временное правительство сердцемъ и разсудкомъ стоитъ за республиканскій образъ правленія» и т. д., эти слова замѣнили, вернувшись къ первой редакціи Ламартина, словамъ: «Временное правительство хочетъ республики, но утвержденной народомъ, который непосредственно будетъ опрошенъ ²⁾». И прокламація, измѣненная такимъ образомъ, разбрасывается въ сотняхъ экземпляровъ изъ оконъ ратуши. Она умиряетъ бурлящую стихію на площади. За подозрѣніями и угрозами слѣдуетъ взрывъ радости, граничащій съ безуміемъ. Народъ снова довѣряетъ своимъ избранникамъ. Совѣтъ можетъ, наконецъ, подумать о томъ, чтобы организовать власть и подѣлить между собою бремя дѣлъ.

Предсѣдательство совѣтомъ, безъ портфеля, единогласно представлено г. Дюпону (де-Лэръ). Его преклонный возрастъ, прямодушный характеръ и республиканская простота его жизни внушали уваженіе. Его имя было не запятнано. Надѣялись, что онъ будетъ импонировать народу и даже сдерживать нетерпѣливое соперничество, которое уже сказывалось среди правительства.

¹⁾ Одно изъ этихъ замѣчательно кстати сказанныхъ словъ заслуживаетъ быть упомянутымъ. Слыша надъ своимъ ухомъ возгласы: „Смерть Ламартину! Голову Ламартина!“ онъ обертывается, смотритъ съ улыбкой на толпу и говоритъ съ странной смѣсью презрѣнія и состраданія: „Мою голову? Дай Богъ, граждане, чтобы каждый изъ васъ имѣлъ такую на плечахъ!“

²⁾ Едва эта прокламація была напечатана, какъ явился въ редакцію *Moniteur'a* Биксіо съ приказомъ взять ее, который гласилъ: „Г. Биксіо поручено взять изъ королевской типографіи заявленіе временнаго правительства. Подписано: Ад. Кремье, Ламартинъ, Дюпонъ (де-Лэръ) и Гарнье-Пажесъ“.

Автографъ этого приказа находится въ рукахъ г. Биксіо.

Назначеніе Ламартина министромъ иностранныхъ дѣлъ тоже совершилось единогласно. Каждый понималъ, что необходима крайняя осторожность въ сношеніяхъ съ иностранными государствами; что слѣдуетъ искусно смягчить переходъ и приучить представителей монархической Европы къ республиканской Франціи черезъ посредство человека благороднаго по происхожденію, рѣчи, и манерамъ. Араго взялъ на себя флотъ, не встрѣтивъ возраженій. Блескъ его демократическаго имени и его безспорная ученость сообщали ему авторитетъ, драгоцѣнный для правительства, едва держащагося на колеблющейся почвѣ. Больше колебаній было съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ; голоса дѣлились между Ледрю-Ролленомъ и Кремье; этотъ послѣдній самъ разрѣшилъ вопросъ, заявивъ, что необходимо дать народу удовлетвореніе, назначивъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ человека, который наилучше выражалъ революціонное движеніе. Самъ Кремье удовлетворился портфелемъ министра юстиціи.

Гарнье-Пажесъ, избранный народомъ парижскимъ мэромъ, желая сохранить за собою этотъ важный постъ, не принялъ министерства. Онъ пригласилъ въ помощники Рекюра и Гинара ¹⁾, а Флоттара въ качествѣ главнаго секретаря, и указалъ для финансовъ банкира Гудшо, человека всѣми признанной честности, который создалъ себѣ въ *National'ѣ* репутацію опытнаго дѣльца. Карно было поручено министерство народнаго просвѣщенія, къ которому присоединили также вѣроисповѣданія. Мари получилъ портфель министра общественныхъ работъ, и Бетманъ, депутатъ оппозиціи, портфель министра торговли. Главное командованіе національной гвардіей и первой дивизіей было поручено полковнику де-Куртэ, члену палаты депутатовъ, бывшему офицеру королевской арміи, у котораго былъ даръ популярности и чутье народнаго духа. Назначеніе Шарля Лагранжа, котораго народъ привѣтствовалъ, какъ коменданта ратуши, не оспаривалось, но и не утверждалось официально. Лагранжъ обнаружилъ уже кипучую дѣятельность въ своей новой должности, и никто не подумалъ ему мѣшать.

Самое большое затрудненіе возникло при назначеніи военнаго министра. Не знали хорошенько, ни кому довѣриться, ни какъ согласить давность службы, или блескъ военныхъ подвиговъ съ приверженностью къ республикѣ. Единственный извѣстный республиканецъ, способный занять столь важный постъ, генераль Эженъ Кавеньякъ, братъ Годефруа, былъ въ Африкѣ. Его назначили Алжирскимъ губернаторомъ. Чтобы выйти изъ затрудненія,

¹⁾ Гинаръ отказался и былъ назначенъ начальникомъ генеральнаго штаба національной гвардіи. Въ мэріи его замѣнилъ Бюшэ.

Араго предложил члена института, полковника Понселэ, профессора механики въ Сорбоннѣ; но это предложеніе не было принято. Справедливо замѣчали, что Понселэ по своему чину не можетъ имѣть никакого авторитета въ глазахъ офицеровъ высшихъ чиновъ; тогда подумали о генералѣ Ламорисьерѣ и рѣшились пригласить на всякій случай его. Хотя генералъ страдалъ отъ своей раны и носилъ руку на перевязи, онъ не заставилъ себя ждать. Онъ, не колеблясь, признаетъ временное правительство, но отказывается принять портфель, ссылаясь на то, что, проведя 17 лѣтъ внѣ Франціи, онъ недостаточно знакомъ съ персоналомъ арміи. «Мой постъ,—прибавляетъ генералъ,—на границѣ. Безъ сомнѣнія, вскорѣ придется ее защищать. Я прошу всего нѣсколькихъ дней отдыха и потомъ я готовъ отправиться всюду, куда временному правительству угодно будетъ меня послать».

Ламорисьеръ совѣтуетъ дать портфель военныхъ дѣлъ генералу Бедо. «Это выдающійся человѣкъ,—говоритъ онъ,—онъ знаетъ армію въ совершенствѣ; на него можно разсчитывать; на этомъ высокомъ посту онъ окажетъ великія услуги». Немедленно подписываютъ назначеніе генерала. Но Бедо, призванный въ совѣтъ, отказывается въ свою очередь. «Я слишкомъ недавно назначенъ генераломъ-лейтенантомъ, чтобы имѣть авторитетъ въ глазахъ офицеровъ старше меня,—говоритъ онъ,—мое назначеніе произведетъ дурное впечатлѣніе. Дайте мнѣ командованіе первой дивизіей. Войско опустилось, деморализовано; нужно помѣшать ему разбѣжаться. Довѣрьте мнѣ это дѣло, и я ручаюсь выполнить его съ честью».

Послѣ этихъ отказовъ Ламартинъ предлагаетъ дивизионнаго генерала Сюберви, добровольца 1792 г., выдвинушагося славными подвигами въ большихъ кампаніяхъ Имперіи, депутата оппозиціи, который, можно было надѣяться, будетъ пользоваться уваженіемъ арміи и будетъ желателенъ народу. Во время этихъ переговоровъ узнаютъ, что министерство военныхъ дѣлъ занято прежнимъ поставщикомъ арміи г. Эспри, который тамъ самовольно расположился и уже вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей съ помощью полковника Аллара. Посылаютъ за нимъ отъ имени временнаго правительства. Сначала онъ отказывается; потомъ удается залучить его подъ благовиднымъ предлогомъ въ ратушу. Тамъ его удерживаютъ на всю ночь, не спуская съ него глазъ, въ залѣ, собѣдней съ совѣтомъ. Ему возвращаютъ свободу только послѣ того, какъ генералъ Сюберви получилъ министерство. Въ эту критическую минуту малѣйшая попытка неповиновенія могла повлечь за собой тяжелья осложненія. Къ счастью, ни одинъ изъ главныхъ офицеровъ арміи не подумалъ оказать сопротивленія, и изъявленія согласія маршаловъ Сульта, Бюжо, генераловъ Дювивье, Лейдэ и

др., которыя послѣдовали непосредственно за изъявленіями согласія со стороны Бедо и Ламорисьера, вскорѣ совершенно успокоили въ этомъ отношеніи временное правительство.

Такимъ образомъ созданный и организованный совѣтъ спѣшно издалъ самые неотложные указы.

Ламартинъ составилъ короткій указъ, который гласилъ, что палата депутатовъ распущена. Отсылая этотъ указъ въ «*Moniteur*», Кремье замѣтилъ, что его товарищъ забылъ палату пэровъ и вставилъ слѣдующую строчку: «Палатѣ пэровъ запрещено собираться». Въ этомъ указѣ объявляли о скоромъ созывѣ народнаго собранія. Другимъ указомъ принимались мѣры для охраны Тюильри и Лувра. Ледрю-Роллэнъ думалъ объ изящныхъ искусствахъ и назначалъ день открытія салона ¹⁾. Наконецъ, прокламація къ національной гвардіи благодарить ее за братскій союзъ съ народомъ и учащими, и закликаетъ, во имя признательнаго отечества, поддержать порядокъ въ столицѣ. Эта прокламація заявляла въ то же время, что отнынѣ всѣ граждане состоятъ членами національной гвардіи.

Между тѣмъ часы бѣжали, было недалеко отъ полуночи. Одолѣваемые усталостью, истощенные десятью часами борьбы и тревоги, новые диктаторы почувствовали муки голода. Никто изъ нихъ ничего не ѣлъ съ утра. Они прервали на минуту работу, чтобы попытаться подкрѣпить свои силы; но ничего не было даже для самаго скромнаго ужина. Не было ни посуды, ни какихъ бы то ни было припасовъ. Казарменный хлѣбъ, немного швейцарскаго сыра, оставленнаго солдатами, бутылка вина и ведро воды, принесенное человѣкомъ изъ народа, это было все, что можно было найти, послѣ долгихъ поисковъ, чтобы насытить и напоить людей, голодавшихъ около двѣнадцати часовъ. Флоттаръ одолжилъ свой маленькій карманный ножъ, который сталъ переходить изъ рукъ въ руки. Пили поочередно изъ разбитой чашки. «Вотъ пиръ, который можетъ служить хорошимъ предзнаменованіемъ дешеваго правительства», весело сказалъ Ламартинъ; и, окончивъ ужинъ, правители снова принялись за дѣло.

XV.

Парижъ во власти народа.

Въ то время, какъ правительство, избранное въ палатѣ, брало неувѣренной рукой бразды правленія и старалось удержаться въ предѣлахъ фиктивной законности, комитетъ «*Régime*» захватилъ революціоннымъ путемъ полицейскую префектуру и почтовое вѣдомство. Послѣ битвы у Шато д'О и нападенія на Тюильри,

¹⁾ См. „Историческіе документы“ въ концѣ этого тома.

Этьеннъ Араго, вспоминая революцію 1830 года и зная, какъ легко прогнать чиновниковъ разрушающей монархіи, отправился въ главное почтовое управленіе. Весь дворъ былъ заполненъ національными гвардейцами; объявивъ имъ въ нѣсколькихъ словахъ о бѣгствѣ короля, онъ вошелъ въ кабинетъ директора Дежана. Назвавъ себя, онъ сказалъ ему, что отъ имени Республики онъ отрѣшаетъ его отъ должности и самъ занимаетъ его мѣсто. Дежанъ былъ пораженъ, какъ громомъ, пробормоталъ что-то, поручилъ Араго старую родственницу, которая жила у него, и ушелъ. Не теряя ни минуты, Араго созвалъ служащихъ и велѣлъ имъ, къ общему ихъ изумленію, позаботиться о томъ, чтобы почтовые повозки Республики были отправлены своевременно. Это было не легко, такъ какъ по всѣмъ направленіямъ между заставами и почтовымъ управленіемъ нужно было пробраться черезъ двѣсти слишкомъ баррикадъ. Однако, чиновники, стараясь выказать особое усердіе и отличиться передъ новымъ правительствомъ, преодолѣли всѣ препятствія. Черезъ часъ послѣ своего вступленія въ должность, Араго писалъ въ городскую Думу правительству, которое должно было, по его мнѣнію, тамъ засѣдать, слѣдующую записку: «Граждане правители, почта провинціи будетъ, какъ всегда, отправлена сегодня вечеромъ». И онъ сдержалъ слово. Ровно въ семь часовъ всѣ почтовые повозки мчались во весь опоръ по дорогамъ, унося съ собой лаконическую депешу, сообщавшую Франціи о побѣдѣ народа и о паденіи династіи¹⁾.

Другой республиканецъ, Маркъ Коссидьеръ, издавна сотрудникъ «Réforme» занялъ въ то же самое время и приблизительно такимъ же образомъ полицейскую префектуру. Дѣятельный, хитрый, восторженный революціонеръ, неутомимый пропагандистъ въ кофейняхъ и на площадяхъ, полный своеобразнаго юмористическаго якобинства, Маркъ Коссидьеръ скоро достигъ извѣстнаго рода шутовской славы, которая великолѣпно помогла осуществленію его тайныхъ плановъ. Этому много способствовала его мускулистая фигура, веселое, но далеко не открытое лицо, популярный жестъ его огромнаго кулака, картинныя выраженія и остроумныя выходки. То пугая, то успокаивая французскую буржуазію, въ интересахъ своихъ честолюбивыхъ замысловъ, онъ сыгралъ, въ

¹⁾ По распоряженію временнаго правительства Бэтмонъ отправился, около 10 часовъ вечера въ почтовое управленіе, чтобы захватить его и организовать службу къ слѣдующему дню. Узнавъ, что все уже сдѣлано, онъ вернулся въ Думу и охотно отказался отъ своей власти.

Не безынтересны слѣдующія данныя о числѣ писемъ, брошенныхъ въ почтовые ящики Парижа 23, 24 и 25 февраля:

23 февраля	отъ 20 до 25 тысячъ писемъ.
24	" 8 — 10 " "
25	" 45 — 50 " "

развитіи этой исторіи, роль полную той комической важности, которую можно встрѣтить выраженной такъ сильно лишь у нѣкоторыхъ героевъ Шекспира.

Когда съ ружьемъ въ рукахъ, съ пистолетомъ у кушака, съ саблей, привязанной на боку толстой красной тесьмой, въ грязной курткѣ, разорванной фуражкѣ и въ изодранныхъ сапогахъ,— столько разъ за эти 24 часа онъ проходилъ чрезъ баррикады,— когда Маркъ Коссидьеръ появился у полицейской префектуры съ двумя начальниками баррикадъ Кагэнь и Собріе¹⁾ его встрѣтилъ восторженный взрывъ радостныхъ восклицаній толпы, въ рукахъ которой находилась вся площадь. Вотъ что произошло до его прихода.

Около двухъ часовъ пополудни нѣсколько національныхъ гвардейцевъ принесли Делессеру извѣстіе объ отреченіи короля. Почти одновременно, прежде чѣмъ онъ успѣлъ на что-нибудь рѣшиться, грозная и многочисленная толпа инсургентовъ осадилъ префектуру, требуя оружія²⁾. Внутренніе дворы были заняты тремястами конными муниципальными гвардейцами, пѣшими гвардейцами, 70 линейнымъ полкомъ и ротой Орлеанскихъ стрѣлковъ подъ командой генерала Сэнтъ-Арно. Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ префектъ, надѣясь успокоить возбужденіе, велитъ отдать толпѣ ружья черезъ пріотворенную дверь; но эта уступка дѣлаетъ народъ еще требовательнѣй. Инсургенты хотятъ во чтобы то ни стало войти въ префектуру, главнымъ образомъ для того, чтобы обезоружить муниципальную гвардію. Наконецъ, префектъ соглашается уступить свое мѣсто Картере, офицеру національной гвардіи, и самъ уходитъ черезъ дворъ Гарле. Остается вывести войска. Муниципальная гвардія отказывается покинуть свой постъ. Народъ въ ожиданіи становится все болѣе нетерпѣливымъ; только что онъ соглашался выпустить солдатъ съ воинскими почестями, теперь онъ требуетъ сдачи оружія. Напрасно высшіе чины префектуры умоляютъ муниципальную гвардію, а генералъ Сэнтъ-Арно приказываетъ ей сдаться, солдаты съ негодованіемъ отталкиваютъ капитуляцію, считая ее безчестной. Въ то время какъ возмущеніе растетъ, за воротами начинается борьба между тѣми, кто согласны на капитуляцію, и желающими умереть съ оружіемъ въ рукахъ. Наконецъ; послѣдніе видя, что все потеряно, ломаютъ свое оружіе съ криками бѣшенства, олоражниваютъ патронташи, уничтожаютъ

¹⁾ Собріе командовалъ баррикадой на улицѣ Мазагранъ. Онъ отличался замѣчательной храбростью, которая такъ странно противорѣчила его хрупкой фигурѣ и нѣжному лицу.

²⁾ Наканунъ, въ 4 часа, жена Делессера выѣхала изъ префектуры, такъ какъ ходили слухи о нападеніи инсургентовъ.

патроны. Офицеры національной гвардіи берутъ отъ толпы обѣщаніе, что она пропуститъ войска безъ оскорбленія, и сами берутся проводить національную гвардію въ Венсенъ. Ворота открываются. Первыми выходятъ среди ропота толпы кавалеристы съ непокрытыми головами, за ними пѣхота, затѣмъ орлеанскіе стрѣлки, съ которыми народъ братается. Національная гвардія изо всѣхъ силъ охраняетъ жалкую колонну, которая направляется къ ратушѣ. На Цвѣточной набережной громадная баррикада преграждаетъ имъ путь. Залпъ въ упоръ убиваетъ нѣсколькихъ солдатъ; одна женщина и національный гвардеецъ убиты наповалъ. Это послужило сигналомъ новой свалки или, скорѣе, ужасной паники. Толкаемые, преслѣдуемые, многіе солдаты муниципальной гвардіи убиты или смертельно ранены; полковникъ и начальникъ эскадрона спаслись лишь чудомъ. Преданность нѣкоторыхъ инсургентовъ спасаетъ ихъ отъ ярости остальныхъ; ихъ прячутъ, переодѣваютъ. Простолюдины укрываютъ ихъ у себя до ночи, потомъ подъ охраной проводятъ въ мэрію. Генераль Сэнтъ-Арно, сброшенный съ лошади, окруженный гнѣвной толпой, освобождается нѣсколькими національными гвардейцами, которые спасаютъ его, уводя въ ратушу. Орлеанскіе стрѣлки, отдѣлившись на набережной отъ муниципальных гвардейцевъ, направились къ Тюильри и встрѣтили по дорогѣ толпу народа, шедшую къ нимъ. Инсургенты, въ отличномъ настроеніи отъ выпитаго вина и отъ всякаго рода вольностей, которыя они только что позволили себѣ въ королевскомъ дворцѣ, приближаются къ солдатамъ съ криками: «Ура, линейцы!» обнимаютъ ихъ, переходятъ на «ты», обмѣниваются энергичными рукопожатіями. Предлагаютъ солдатамъ ветчину, пироги, захваченные въ королевскихъ кухняхъ и несомые, какъ трофеи на концахъ пикъ. Въ то время какъ смущенные, оглушенные солдаты не знаютъ, что дѣлать, что сказать, инсургенты со смѣхомъ стаскиваютъ съ нихъ патронташи, ружья, кивера и удаляются съ крикомъ: «Да здравствуетъ республика!»

Возвратимся къ Коссидьеру. Онъ произнесъ толпѣ рѣчь, былъ признанъ делегатомъ верховнаго народа въ полицейской префектурѣ, немедленно вступилъ въ управленіе всѣми отдѣленіями, однимъ взмахомъ пера написалъ и велѣлъ расклеить по стѣнамъ слѣдующую прокламацію: «Только что учреждено временное правительство; оно состоитъ, по волѣ народа, изъ гражданъ Ф. Араго, Луи-Блана, Мари, Ламартина, Флокона, Ледрю-Роллана, Марраста и Альбера—рабочаго механика.

«Чтобы наблюдать за выполненіемъ мѣръ, принятыхъ этимъ правительствомъ, воля народа избрала также делегатами въ департаментъ полиціи гражданъ Коссидьера и Собріе.

«Та же воля народа назначила гражданина Этьенна Араго заведующимъ почтами.

«Первымъ указомъ временнаго правительства является предписаніе всѣмъ булочникамъ и продавцамъ стѣстныхъ припасовъ оставлять магазины открытыми для всѣхъ, нуждающихся въ нихъ.

«Особенно рекомендуется народу не оставлять ни оружія, ни своихъ позицій, ни своего революціоннаго поведенія. Народъ слишкомъ часто бывалъ предательски обманутъ; очень важно устранить всякую возможность этихъ столь же ужасныхъ, какъ и преступныхъ попытокъ.

«Чтобы удовлетворить общему желанію верховнаго народа, временное правительство, при помощи національной гвардіи, освободило нашихъ братьевъ, политическихъ заключенныхъ; но въ то же время оставило въ тюрьмахъ, все съ той же почетной опорой національной гвардіи, заключенныхъ, посаженныхъ за преступленія или проступки противъ частныхъ лицъ или собственности.

«Просятъ семьи гражданъ, убитыхъ или раненыхъ за защиту верховнаго народа, сообщить какъ можно скорѣе делегатамъ департамента полиціи имена жертвъ преданности общественному дѣлу, чтобы какъ можно скорѣй была оказана помощь. Делегаты департамента полиціи Коссидьеръ, Собріе.»

Эта прокламація, содержащая неточный списокъ членовъ временнаго правительства и установлявшая безъ вѣдома этого правительства независимую власть, не была напечатана въ «Мониторѣ» не смотря на горячіе протесты Коссидьера¹⁾.

Съ этого момента началась тайная борьба между революціонной администраціей Коссидьера и Собріе и официальнымъ правительствомъ ратуши. Однако, Коссидьеръ и Собріе скоро разошлись изъ-за соперничества во власти и популярности. Отказъ «Монитора» помѣстить эту прокламацію былъ первымъ признакомъ того антагонизма, который произвелъ такую страшную бурю между различными революціонными элементами; онъ былъ прелюдией междуусобной войны.

Въ то время, какъ республиканское правительство вступало во владѣніе Парижемъ, остатки королевскаго величія укрывались въ домѣ Инвалидовъ, гдѣ защищать ихъ было невозможно. Тамъ, какъ и въ Бурбонскомъ дворцѣ, герцогиня Орлеанская не слушалась робкихъ совѣтовъ тѣхъ, которые боялись за ея жизнь. Она рѣшилась покинуть свое убѣжище лишь тогда, когда узнала отъ

¹⁾ 25-го утромъ, Коссидьеръ послалъ человѣкъ двадцать вооруженныхъ за правительственнымъ комиссаромъ «Монитора», Лемансуа, чтобы приказать ему напечатать прокламацію; но Лемансуа отказался; запрещеніе правительства было безусловно.

Барро печальные результаты попытки, сдѣланной въ ея пользу въ ратушѣ, и когда получила извѣстіе о томъ, что толпа народа направляется къ Инвалидамъ. Де-Морнэ проводилъ ее пѣшкомъ къ живущей неподалеку преданной ему дамѣ Анатоль де-Монтескью. Графъ Парижскій слѣдовалъ на нѣкоторомъ разстояніи, окруженный кучкой друзей. Было около шести часовъ. Принцесса почти тотчасъ же сѣла въ коляску де-Монтескью вмѣстѣ съ молодымъ принцемъ. Де-Морнэ и Ренье сопровождали ее. Выбраться изъ Парижа было трудно: пришлось проѣзжать черезъ группы инсургентовъ, которымъ каждый бѣглець казался подозрительнымъ. У заставы на коляску навели ружья, но кучеръ смѣло направилъ лошадей въ самую гущу толпы, рискуя сломать коляску на разрушенной мостовой; его храбрость имѣла успѣхъ. Принцесса въ тотъ же вечеръ доѣхала въ замокъ Блиньи, близъ Арнажона, куда госпожа де-Монтескью привела и герцога Шартрскаго. Принцесса осталась въ Блиньи до 26-го, пока де-Морнэ, возвратившійся въ Парижъ, доставалъ для себя паспортъ въ Германію ¹⁾.

26-го, въ десять часовъ вечера, она доѣхала въ коляскѣ до Милльской желѣзной дороги и тамъ ждала, не выходя изъ коляски, отхода поѣзда въ Бельгію ²⁾.

Проѣзжая границу, принцесса, до тѣхъ поръ полная спокойствія и терпѣнія, залилась слезами. Она, вѣроятно, вспомнила радостные крики толпы, празднества и восторгъ, встрѣтившіе ее въѣздъ во Францію, гдѣ ее ждалъ тронъ и гдѣ она оставляла могилу. Ея мягкое вѣрующее сердце прощалось, можетъ быть, съ большимъ трудомъ съ могилой, чѣмъ съ трономъ; она плакала больше объ отечествѣ скорби, чѣмъ объ отечествѣ счастья.

Въ то же время герцогъ Немурскій, оставившій ее у Инвалидовъ, доѣхалъ съ помощью полковника де-Куртэ и Дайли, главнаго парижскаго почтмейстера, — и добрался до моря. Передъ тѣмъ онъ нѣсколько дней прятался въ одномъ домѣ близъ Люксембурга. Временное правительство охотно оставило безъ вниманія его присутствіе. Что касается герцогини де-Монпансье, она вернулась къ своей семьѣ лишь послѣ долгихъ передрагъ и непріятностей. Ея мужъ передалъ ей черезъ знакомыхъ госпожи де-Ластери, что онъ ждетъ ее въ Э (Eu), но когда, сопровождаемая Тьерри и Эстанселеномъ, она доѣхала до королевской резиденціи, то не только никого тамъ не встрѣтила, но не нашла даже самыхъ необходимыхъ вещей для туалета и

¹⁾ Одилонъ Барро совѣтовалъ принцессѣ Орлеанской не съѣзжаться съ Людовикомъ Филиппомъ.

²⁾ Этимъ же поѣздомъ пріѣхалъ Антони-Турэ, чтобы, въ качествѣ комиссара временнаго правительства, провозгласить республику въ Лиллѣ.

путешествія. Въ тотъ же вечеръ, не отдыхая, она поѣхала въ Брюссель, но была принуждена остановиться въ Аббевилѣ. Народное возбужденіе достигало тамъ огромныхъ размѣровъ. Коляска принцессы привлекала вниманіе. Тьерри думалъ, что лучше, чтобы не быть узанными, пройти черезъ городъ пѣшкомъ. Ночь была темна и дождлива. Скоро заблудились. Перепутавъ улицы, бродили нѣсколько часовъ подъ холоднымъ дождемъ, въ темнотѣ, въ ожиданіи Эстанселена, который долженъ былъ вывести коляску за городъ. Принцесса потеряла туфлю въ грязи; но молодость, энергичный характеръ и ранняя привычка къ революціямъ поддерживали ее. «Все же я предпочитаю это круглому столу», весело говорила она Тьерри, намекая на скуку вечеровъ, проводимыхъ семейнымъ образомъ у королевы. Наконецъ, появилась коляска Эстанселена, и ночью перешли бельгійскую границу.

Герцогъ Вюртембергскій покинулъ Парижъ, снабженный паспортами для Германіи, которые послалъ ему Ламартинъ. Временное правительство способствовало всѣмъ этимъ бѣгствамъ. Гизо, бѣжавшій заднимъ ходомъ изъ министерства внутреннихъ дѣлъ съ Дюшателемъ, де-Сальванди, Эберомъ, въ ту минуту, когда министерство было занято Барро, спрятался у госпожи де-Мирбель и оставался у нея нѣсколько дней ¹⁾. По странной случайности въ поѣздѣ, увозившемъ Гизо въ Бельгію, ѣхала въ то же время и безъ его вѣдома женщина, чье дѣйствительное или предполагаемое вліяніе на него возбудило общую подозрительность: иностранка, которую общественное мнѣніе считало отчасти отвѣтственной за непопулярность, погубившую Гизо, — а именно княгиня Ливень ²⁾. Людовикъ-Филиппъ, королева, герцогиня Немурская, герцогъ де-Монпансье, окруженные, какъ мы уже говорили, многочисленной охраной, прибыли между двумя и тремя часами въ Сэнъ-Клу. Нѣсколько разъ во время этого быстрого путешествія король, говоря самъ съ собой, шепталъ имя Карла X-го. Воспоминанія 1830 года и печальныя аналогіи съ нимъ наполняли его душу. Между тѣмъ онъ не выказывалъ ни малѣйшаго безпокойства, тѣмъ менѣе думалъ онъ о принятіи политическихъ или военныхъ мѣръ противъ торжествующаго возстанія. Когда генераль Реньо-де-Сэнъ-Жанъ-д'Анжели явился къ нему за приказаніями и спросилъ его, нужно ли собирать войско, создавать планъ нападенія или защиты, король отвѣтилъ: «Это меня уже не касается, это дѣло герцога Не-

¹⁾ Де-Шанболль предупредилъ министровъ о прибытіи Барро и его свиты.

²⁾ Княгиня Ливень, чувствуя на себя тяжесть этого обвиненія, была охвачена такимъ ужасомъ, что ея друзья еле уговорили ее пройти нѣсколько шаговъ по улицѣ, чтобы укрыться въ неприкосновенномъ пристанищѣ, въ Австрійскомъ посольствѣ.

мурсаго». Онъ пошелъ въ Трианонъ, сталъ у окна и долго смотрѣлъ на паркъ, критикуя расположеніе нѣкоторыхъ купъ деревьевъ. «Невѣ ошибся», сказалъ онъ, потребовавъ перо, и измѣнилъ на планѣ, что казалось ему невѣрнымъ. Но внезапно залпъ подъ окнами дворца вывелъ его изъ безопасности. Страшное волненіе показалось на его лицѣ; онъ поспѣшно попросилъ достать лошадей въ Дрѣ и, съ замѣтнымъ безпокойствомъ, занялся перемѣной костюма, чтобы не быть узаннымъ. Онъ снялъ парикъ, сбрилъ бакенбарды, надѣлъ огромные зеленые очки, опустил на лобъ шелковую черную шапку, а нижнюю часть лица спряталъ въ кашнѣ.

Замаскировавшись такимъ образомъ, онъ вечеромъ отправился въ Дрѣ, куда прибылъ около одиннадцати часовъ. Мэръ и помощникъ префекта, не знавшіе еще о послѣднихъ событіяхъ, сейчасъ же представились ему; онъ объявилъ имъ о своемъ намѣреніи остаться въ Дрѣ три или четыре дня, дожидаясь окончательнаго рѣшенія палаты. Онъ чрезвычайно пространно говорилъ имъ о мудрости своей политики, о благоденствіи въ его царствованіе; горько жаловался на неблагодарность нѣкоторыхъ лицъ; передъ тѣмъ какъ лечь, онъ при свѣтѣ факеловъ осмотрѣлъ послѣднія пристройки, слѣданныя по его приказанію въ часовнѣ. Въ то время, какъ онъ спалъ, власти въ Дрѣ узнали отъ одного пріятеля Бетмонта, прибывшаго изъ Парижа, о паденіи династии и учрежденіи временнаго правительства. Эта новость, сообщенная королю при его пробужденіи, побудила его покинуть Францію. Ему посоветовали разстаться съ семьей, чтобы скорѣе добраться до взморья.

Герцогъ де-Монпансье оставался въ Парижѣ, гдѣ пробылъ двѣ недѣли въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ де-Ремюза, все еще надѣясь на измѣненіе хода событій. Тѣмъ временемъ король и королева жили въ уединенномъ домѣ де-Пертюи, адъютанта короля, близъ часовни Милосердой Богоматери, на горѣ Жоли, недалеко отъ Гонфлѣра. Генералъ Дюма немедленно отправилъ курьера сыну де-Пертюи, коменданту берегового судна, прося его приготовить все необходимое для переправки королевской семьи. Въ ночь съ 26-го на 27-ое прибыли Людовикъ-Филиппъ, Марія-Амалия, генералъ де-Рюминьи и ординарецъ офицеръ Полинъ, сопровождаемые двумя слугами въ домъ де-Пертюи.

На всемъ берегу дулъ сильный вѣтеръ. Небольшое судно де-Пертюи разъ двадцать чуть-чуть не опрокинулось во время длиннаго обратнаго плаванія, которое оно принуждено было сдѣлать, чтобы прибыть въ Гонфлѣръ. Нельзя было и думать о томъ, чтобы выйти въ открытое море. Между тѣмъ броженіе въ народѣ, мимо котораго проѣзжали, было настолько сильно, что король не могъ, не дѣлая крупной неосторожности, оставаться дольше на сушѣ;

было рѣшено отчалить изъ Трувилля. 28-го, въ 2 часа утра, де-Пертюи поѣхалъ туда съ де-Рюминьи и Бессономъ, бывшимъ морскимъ офицеромъ, чтобы нанять, если возможно, рыбацье судно. Король, подъ именемъ Лебрена, догналъ ихъ въ 2 часа, вмѣстѣ со своимъ лакеемъ Тюре. День провели въ домѣ одного доктора, Біара. Буря не успокаивалась, а, наоборотъ, все разыгрывалась. Самые смѣлые штурмана говорили, что невозможно пускаться въ море; не смотря на это, бѣглецы рассчитывали выѣхать во чтобы то ни стало на слѣдующій день. Но утромъ 29-го рыбаки пришли сказать де-Пертюи, что приливъ такъ малъ, что никакое рыбацье судно нельзя спустить въ море, раньше трехъ или четырехъ дней. Въ ту же минуту стало извѣстно, что въ Трувиллѣ началось броженіе. Ходилъ слухъ, что гдѣ-то спрятанъ Гизо. Людовику-Филиппу становилось опасно оставаться здѣсь. Въ самомъ дѣлѣ, 1-го марта, около десяти часовъ вечера, домъ Біара внезапно окружается жандармами. Говорятъ, что не министръ, а самъ король здѣсь. Все народонаселеніе на ногахъ. Полицейскій комиссаръ хочетъ сдѣлать обыскъ. Пока де-Пертюи принимаетъ его съ такимъ присутствіемъ духа, что обманываетъ всѣхъ, король спасается пѣшкомъ, выбѣжавъ черезъ задній ходъ, и бросается въ поле. Въ Тукъ ему доставляютъ коляску, чтобы ѣхать въ Гонфлѣръ, куда онъ пріѣзжаетъ 2-го марта въ 5 часовъ утра. Королева съ генераломъ Дюма ждетъ его тамъ уже два дня въ мучительномъ волненіи. Британскій консулъ предоставляетъ въ распоряженіе короля пакетботъ «Express», разводящій пары въ Гаврѣ. Вечеромъ король и королева садятся на паромъ и ѣдутъ въ Гаврѣ. Они порознь входятъ на англійскій пакетботъ; скоро они внѣ опасности, далеко отъ береговъ Франціи.

Но возвратимся на минуту назадъ, къ Парижу. Время шло, утомленная толпа оставляла понемногу ратушу; залы и галереи пустѣли. Послѣ вышеописаннаго обѣда временное правительство снова засѣло за работу. Спѣшно составлялись декреты о продовольствіи народа, о защитѣ Парижа противъ возможной атаки королевскаго войска или отъ невожденности толпы. По собственной волѣ народъ охранялъ баррикады. Побѣда была дорога ему; онъ не хотѣлъ ни потерять, ни обезчестить ее. Патрули волонтеровъ расхаживали по улицамъ; часовые въ лохмотьяхъ охраняли богатыхъ, трепетавшихъ за свою жизнь и имущество.

Исторія докажетъ, къ вѣчной славы народа, что въ длинный промежутокъ времени между паденіемъ монархіи и учрежденіемъ республики не было совершено ни одного насилія, и ни одно частное имущество не подверглось опасности. Не смотря на отдѣльные нечистые элементы, которые всегда встрѣчаются въ народныхъ возстаніяхъ, единственной мести этого народа, такъ справедливо

раздраженного противъ забывшихъ или оклеветавшихъ его нищету, были великодушіе, доброта, наивный энтузіазмъ братства, гордая безкорыстность, утонченное благородство. А между тѣмъ, не одинъ фанатикъ, не одинъ заговорщикъ, стоящіе близко теоріи политическаго убійства, возбуждали толпу во время битвы. Не одинъ подражатель Марату напентывалъ ему въ тѣни кровавые замыслы; но самый бредъ вооруженнаго народа, брошеннаго во власть собственного генія, въ похмѣльи побѣды, не обнаружилъ ничего другого, кромѣ истиннаго величія. Долго и ревниво скрываеваемый идеаль республики вышелъ изъ нѣдръ народа незапятнаннымъ. Первые слова, произнесенныя поэтомъ, во имя республиканскаго народа, передъ лицомъ Франціи и міра, были полны миролюбія и единодушія.

Временному правительству предстояло выполнить самую высокую, самую священную миссію, когда-либо выпадавшую на долю людей: гордый, мужественный, умный народъ, возставшій на защиту правъ, чести и политической нравственности, вполне добровольно поручалъ ему заботу объ участи всей націи. Увѣнчанный лаврами побѣды, онъ съ первыхъ же шаговъ отрекался отъ нихъ, передавая власть въ руки людей, болѣе способныхъ воспользоваться ею сознательно, къ общему благу, миру и справедливости. Единственно, чего требовалъ этотъ великій народъ, требовалъ страстно и неотступно, навсегда испровергнувъ анти-національный режимъ, это было возвращеніе къ традиціи широкой свободы и единства, которая съ самаго основанія нашей исторіи до революціи 93-го года укрѣпляла могущество и расширяла славу французской націи. Народъ жаждалъ, чтобы его странѣ вернули жизненную энергію, притупленную губительными стремленіями, обезсилѣвшую отъ гнусной тактики правительства. Голосъ, вышедшій изъ нѣдръ самого народа, голосъ, прогремѣвшій на весь міръ, призывалъ избранныхъ въ ратушѣ къ славному выполненію возложенной на нихъ задачи.

И все, казалось, способствовало ея облегченію. Счастливымъ стеченіемъ обстоятельствъ, временное правительство, хотя и создавшееся среди возстанія, хотя и облеченное властью безпорядочными выборами, все же блестяще выражало всѣ законныя силы, признаваемые разумомъ и чтимыя общественною совѣстью. Дюпонъ (де-Лэръ) вносилъ съ собою авторитетъ, созданный жизненными испытаніями и рѣдкой неподкупностью характера. Араго и Ламартинъ представляли науку и искусства, благородство языка, мягкость нравовъ и ту умѣренность просвѣщеннаго мнѣнія, которая, успокоительно дѣйствуя на побѣжденныхъ, какъ бы сглаживала пути къ общему примиренію. Ледрю-Ролланъ и Луи-Бланъ съ ихъ революціонной инициативой пользовались самымъ безграничнымъ довѣріемъ народа.

Нечего было бояться никакого серьезнаго сопротивленія внутри, никакой попытки извнѣ.

Въ первую же ночь своего водворенія, временному правительству устами маршаловъ и наиболее извѣстныхъ генераловъ были засвидѣтельствованы почтительныя чувства арміи. Гражданская гвардія, скомпрометтировавшая себя вмѣстѣ съ народомъ, чувствовала себя до нѣкоторой степени вынужденной примѣнить къ революціи, ускоренный ходъ которой являлся результатомъ ея неосторожности. По одному мановенію телеграфа всѣ департаменты мгновенно перешли отъ монархіи къ республикѣ. Прислужники династіи явились привѣтствовать республику, въ осуществленіе которой они наканунѣ еще совершенно не вѣрили, съ безстыдной поспѣшностью, ярко указывавшей на то, что подъ оплотомъ закона въ странѣ царило полное ничтожество убѣжденій, въ которомъ крылись зачатки разложенія и паденія обветшавшей власти. Старое общество уступало мѣсто новому, преклонявшемуся передъ своими законодателями. Я знаю, что разсматривать съ этой точки зрѣнія февральскую революцію и учрежденіе республики—значить входить въ полное противорѣчіе съ общепринятымъ мнѣніемъ, которое въ наше время не желаетъ видѣть въ этой революціи ничего, кромѣ искусно проведеннаго партійнаго заговора, ничего, кромѣ акта насилія и измѣны. Мнѣніе многочисленной партіи, потергѣвшей пораженіе въ февралѣ, таково, что будь лучше выполнено движеніе войскъ, будь во время отдано то или другое приказаніе, присутствуй въ Парижѣ лишній представитель королевской фамиліи, будь нѣсколькими сражающимися меньше на улицѣ, отсутствуй иной изъ ораторовъ въ палатѣ, династія была бы спасена, и жизнь страны, послѣ нечувствительнаго потрясенія, вошла бы въ обычную колею. Ближайшее будущее дастъ справедливую оцѣнку этимъ легкомысленнымъ выводамъ. Исторія наглядно покажетъ, что никогда, быть можетъ, неожиданность, случай и дѣятельность отдѣльныхъ лицъ не играли столь незначительной роли въ низверженіи существующаго порядка вещей. Надо твердо помнить, что революція 1848 года создавалась не заговорами, не послабленіями, не внезапнымъ переворотомъ. Отличительный характеръ этой революціи именно въ томъ, что грубая сила играла въ ней самую второстепенную роль. Ни одинъ представитель партіи не имѣетъ основанія похвалиться тѣмъ, что онъ провелъ революцію, или что онъ могъ бы ее подавить. Населеніе Парижа завладѣло ратушей и, объявляя въ ней республиканскій образъ правленія, по собственному почину, независимо отъ большинства вождей демократіи, являлось только выразителемъ рѣшенія давно созрѣвашаго у «легальной страны». Династія Орлеановъ и буржуазія,

относившіяся ко всему съ презрительнымъ высокомеріемъ, не были въ силахъ ни усмотрѣть, ни почувствовать ничего, кромѣ чисто вѣшняго, до нѣкоторой степени механическаго движенія Франціи. Не считаясь ни съ религиознымъ чувствомъ, ни съ національной гордостью, ни съ врожденнымъ инстинктомъ народа, онѣ были лишены той нравственной силы, которая одна освящаетъ и дѣлаетъ плодотворной верховную власть. И эта власть была у нихъ отнята. Что можетъ быть проще, понятнѣе и сообразнѣе съ логикою социальнаго прогресса и незыблемыхъ законовъ цивилизаціи.

Вотъ единственная причина и объясненіе непосредственной связи революціи 1848 года съ царствованіемъ Людовика-Филиппа. Разсматривая же эту революцію въ ея, еще неясной, связи съ будущимъ, я вижу въ ней результатъ эволюціи нравственной и матеріальной жизни народа. Временное правительство и Учредительное собраніе располагали всевозможными средствами къ ускоренію этой эволюціи путемъ организаціи народнаго обученія и финансовыхъ преобразованій примѣнительно къ принципамъ демократическаго равенства. Но семнадцатилѣтняя оппозиція власти не приучила радикаловъ пользоваться ею. Политики на трибунѣ, въ адвокатурѣ и публицистикѣ, они не обладали ни характеромъ, ни талантомъ государственныхъ людей. Смута и разногласіе въ совѣщаніяхъ заставляли ихъ колебаться и спотыкаться на каждомъ шагу. Среди этихъ пререканій и раздоровъ время шло, и удобный моментъ былъ упущенъ. Въ то время, какъ я пишу эти строки ¹⁾, духъ ослѣпленія снова тяготитъ надъ Франціей. Онъ наводитъ уныніе на сердца и подавляетъ волю и энергію. Все неясно, шатко, инертно и мрачно. Лучшіе люди утрачиваютъ мужество, худшіе—стыдъ. Между тѣмъ пророческія знаменія не исчезаютъ съ горизонта, они появляются вновь, размножаются и держатъ народъ въ напряженномъ состояніи. Мимолетная слабость истомленной страны не подрываетъ ни вѣры, ни стойкости. Идея скрыта въ глубинѣ, но она растетъ и крѣпнетъ.

Разлагающееся общество безотчетно подготавливаетъ почву зародышамъ новаго. Идя можетъ быть не такъ скоро, какъ хотѣлось бы, мудрость націй тѣмъ не менѣе выполняетъ свою миссію. Метаморфоза свершается.

И тайны этого превращенія принадлежатъ свободѣ и разуму. Безсмертные созидатели божественнаго дѣла освобожденія, они идутъ молча, увѣренно, не отрываясь никогда отъ своей работы, къ преобразованію всего міра.

¹⁾ Въ 1850 г.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ.

XVI.

Общія соображенія.—Городская ратуша.—Красное знамя.—Огюсть Бланки.—Уничтоженіе смертной казни за политическія преступленія.

25-го февраля 1848 года Парижъ проснулся подъ звуки «Марсельезы» и, при видѣ радости народныхъ массъ, осязательно почувствовалъ, что онъ перешелъ окончательно отъ монархіи къ республикѣ.

Эта вѣсть была встрѣчена глубокимъ удивленіемъ со стороны многихъ, отказывавшихся вѣрить: настолько она казалась имъ невѣроятной. Настроеніе умовъ было смущенное: смутное ожиданіе чего-то неизбѣжнаго, рокового внезапно парализовало движеніе и какъ бы и самую жизнь большого города. На взрывы восторга торжествующаго пролетаріата, соединявшаго со словомъ «республика» безграничныя надежды, буржуазія отвѣчала молчаніемъ, которое служило скорѣе знакомъ подавленности, чѣмъ согласія. Казалось, для нея въ самомъ звукѣ этого слова, полного электрическихъ грозъ, слышались угроза и глухой гнѣвъ.

Съ магической силой это слово наводило на однихъ неслыханный ужасъ и вызывало въ другихъ неудержимый восторгъ; у всѣхъ оно возбуждало одну мысль, что никакое сопротивленіе революціи было немислимо, что отнынѣ единственной властительницей являлась судьба, которая шла своей дорогой, не считаясь ни съ заботами, ни съ совѣтами людскими, готовясь перевернуть до основанія потрясенное общество.

Откуда же взяло свою магическую власть надъ людьми это слово, древнее, какъ міръ? Какъ могло одно и то же слово, въ одинъ и тотъ же моментъ, въ одномъ и томъ же мѣстѣ возбуждать взрывы восторга въ одной части населенія и наводитъ мрачное уныніе на другую? Постараемся дать себѣ въ этомъ отчетъ.

Въ глазахъ философа, смотрящаго на вещи съ чисто идейной точки зрѣнія, республика является наиболѣе совершеннымъ строемъ, котораго можетъ держаться общество, достигшее зрѣлаго возраста, освободившееся отъ опеки, управляющееся самостоятельно и подчиняющееся одному законному авторитету, авторитету общественного разума, выраженному въ законѣ. Общественное дѣло, порученное общественной мудрости,—республика является постояннымъ и въ то же время измѣняющимся выраженіемъ стремлений индивидуумовъ, выливающихъ въ народную волю. Такъ понимаются въ области отвлеченнаго мышленія идеалъ, теорія и абсолютный принципъ республиканскаго строя.

Въ сердцахъ справедливыхъ и добродѣтельныхъ людей понятіе о республикѣ носитъ еще болѣе возвышенный характеръ: она является выразительницей религіознаго чувства, примѣннаго къ гражданскимъ учрежденіямъ. Христіанинъ, если только онъ проникнуть сущностью Евангельскаго ученія, долженъ видѣть въ республикѣ матерински заботящуюся о немъ родину, создающую среди политической семьи братство первоначальной церкви и заботливо раздающую дары Провидѣнія всѣмъ своимъ дѣтямъ безъ различія.

Въ памяти историка республика является, смотря по времени, мѣсту и нравамъ, въ самыхъ разнообразныхъ формахъ.

Въ Спартѣ она бѣдна, воинственна, умѣренна и сурова въ тискахъ дисциплины. Въ Аѣнахъ, эта дочь музъ украшаетъ изяществомъ свободу и чаруетъ насъ обаяніемъ безсмертнаго искусства даже въ своихъ заблужденіяхъ. Въ древнемъ Римѣ она носитъ на своемъ челѣ гордый отпечатокъ гражданскихъ добродѣтелей, и идетъ увѣреннымъ шагомъ къ владычеству надъ всѣмъ міромъ, общанному ей богами за постоянство въ намѣреніяхъ.

Въ Каррагенѣ она окружена роскошью, жадна и расчетлива. У итальянскихъ народовъ, поглощенныхъ инстинктомъ величія, она какъ бы играетъ междоусобными распрями, среди которыхъ она восстанавливаетъ и создаетъ античную науку и красоту. У подножья Юры, въ альпійскихъ долинахъ она устойчива, почти неподвижна подъ охраной осторожныхъ патриціевъ. Въ Нидерландахъ она проникнута серьезностью, настойчивостью и мудростью, граничащею съ величіемъ. Въ Англии, за свое короткое существованіе, она вдохновлялась, при звукахъ голоса великаго человѣка, то боевымъ духомъ, то фанатизмомъ отдѣльныхъ сектъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ Америки поразительная промышленная дѣятельность и могущественный инстинктъ ассоціаціи дѣлаютъ ее обладательницей такого соціального благополучія, какого до сихъ поръ не могъ себѣ представить ни одинъ народъ на земномъ шарѣ.

Такимъ образомъ, будемъ ли мы разсматривать его у древнихъ

или современныхъ народовъ, среди язычества или христіанства, республиканскій строй въ тѣхъ формахъ, какимъ намъ рисуется его исторія, — олигархическій, то демократическій, федеративный или унитарный, католическій или протестантскій, воинственный, промышленный, морской или земледѣльческій, признающій или отвергающій рабство, — все же не обуславливаетъ никакого исключительнаго соціального порядка вещей. Онъ не подчиняется какимъ-либо специальнымъ религіознымъ, гражданскимъ, политическимъ и географическимъ условіямъ жизни страны. Въ историческія эпохи, предшествовавшія французской революціи, мы напрасно стали бы искать въ созданныхъ республиканскимъ строемъ учрежденіяхъ, въ порожденныхъ имъ людяхъ, въ дѣломъ рядѣ притекающихъ отсюда фактовъ, напрасно, повторяю, стали бы мы искать во всемъ этомъ причину восторга и ужаса, наводимыхъ однимъ только словомъ «республика». Объясненіе этого можно найти только въ ближайшихъ воспоминаніяхъ нашей исторической лѣтописи. Чтобы понять смятеніе умовъ при объявленіи республики въ 1848 году, нужно обратиться съ вопросомъ къ республикѣ 1792 и 1793 года. До той поры не было ничего въ нашемъ прошломъ, что говорило бы за или противъ республиканскаго строя во Франціи, что заставляло бы смотрѣть на него иначе, какъ на естественное слѣдствіе, какъ на возможное развитіе нашей національной жизни.

Какъ извѣстно, основные принципы республиканскихъ учрежденій, совѣщанія и выборы, берутъ начало въ самыхъ отдаленныхъ традиціяхъ нашей страны. Послѣ собраній галловъ и германцевъ, первоначальныхъ источниковъ нашего историческаго права, пресвитеріанская организація и демократическій духъ первоначальной церкви, возстановленный и оживленный протестантизмомъ, городское и общинное управленіе, генеральные штаты, парламенты, греческія и латинскія основы нашего университетскаго образованія, наши свободные мыслители всѣхъ вѣковъ, янсенизмъ Поръ-Рояля, символическій мистицизмъ масоновъ неуклонно поддерживали въ сердцѣ феодальной и монархической Франціи ферментъ независимости и какъ бы очагъ республиканскихъ добродѣтелей, который королямъ удается иногда заглушить, но который они не въ состояніи потушить совершенно, и отъ котораго живыя искры будутъ разноситься въ самые тяжелые дни гнета.

Такъ, въ ту самую минуту, когда слава Людовика XIV настолько поработаетъ страну, что она начинаетъ смѣшивать патриотизмъ и честь съ подчиненіемъ капризамъ короля, когда божественное право поглотило, казалось, всѣ другія права, Фенелонъ, стоя у подножія трона, рисуетъ изображеніе идеальной республики, законы которой открылись для него въ результатъ долгихъ размышле-

ній надъ античнымъ геніемъ и строгаго исполненія своей апостольской мисси. Во время господства Помпадуръ, Монтескье, вызывая бурныя одобренія современниковъ, провозгласилъ, что добродѣтель есть принципъ республиканскаго строя. вмѣстѣ съ нимъ и послѣ него, въ самый разгаръ злоупотребленій и заносчивыхъ выходокъ разнузданнаго двора, философы, юристы, историки, ученые, политики общими силами стараются провести въ народное сознаніе понятіе о верховной власти разума и равенствѣ правъ. Ихъ совмѣстное усиліе встрѣчаетъ настолько хорошо подготовленные умы, сопротивленіе предразсудковъ такъ слабо, ничтожно, что, когда тридцать лѣтъ спустя, демократъ Франклинъ является просить у Франціи золота и флотъ, чтобы поддержать возставшія колоніи, то онъ находитъ короля, дворъ, министровъ, которыхъ республиканское возстаніе не только не возмущаетъ, но и не удивляетъ, и которые съ восторгомъ стремятся принять участіе въ великомъ дѣлѣ освободительнаго движенія.

Нужно ли напоминать, насколько ограничена и непопулярна была оппозиція противъ созыва генеральныхъ штатовъ въ 1789 году? Только нѣсколько привилегированныхъ лицъ, принцевъ крови и приверженцевъ Версаля и выражали протестъ противъ громаднаго большинства страны, признающей и привѣтствующей въ Собраніи, созванномъ всеобщей подачей голосовъ, учрежденіе, вылившееся изъ самаго сердца французскаго народа. Учрежденіе это было монархическимъ по замыслу, но по духу до такой степени истинно-республиканскимъ, что, помимо всякаго желанія со своей стороны, оно сразу чувствуетъ себя связаннымъ ничего общаго съ нимъ не имѣющимъ королемъ и не знаетъ, что съ нимъ дѣлать. Рядъ недоразумѣній, лицемѣрныхъ и непослѣдовательныхъ выходокъ короля, а затѣмъ декреты собранія и споры съ королевской властью вызываютъ бѣгство въ Вареннъ.

Въ этотъ моментъ идея о немедленномъ осуществленіи республики овладѣваетъ общественнымъ мнѣніемъ; пресса беретъ на себя инициативу и произноситъ роковое слово. Эхо всего народа откликается на него. «Республикой вѣтъ отовсюду», восторженно восклицаетъ женщина, которая вскорѣ падетъ жертвой своихъ республиканскихъ вѣрованій. Часъ, казалось, наступилъ, обстоятельства вполне благоприятны. Назрѣвающія мысли ускоряютъ событія, умы настроены извѣстнымъ образомъ, принципы приняты, формулы готовы. Эманципированная Франція ни мало не смутится, если король, вмѣстѣ со своей придворной знатью, покинетъ страну. Дружными усиліями, буржуа и пролетаріи станутъ на защиту своего права и будутъ безостановочно продолжать дѣло соціального преобразования. Но злополучнымъ усердіемъ отдѣльныхъ лицъ плѣн-

наго короля возвращаютъ обратно. Собраніе потрясено; политическое чутье покидаетъ его. Оно выступаетъ вмѣстѣ съ королемъ противъ народа, съ прошедшимъ противъ будущаго, съ монархіей противъ республики. Буржуазія, по его примѣру, колеблется; начинается роковая рѣзня на Марсовомъ полѣ. Льетъ кровь... Отнынѣ свободное и правильное преобразование становится невозможнымъ. Грандіозное препятствіе бросаетъ вызовъ духу вѣка и вызываетъ отчаянное противодѣйствіе. Это усиліе воспламеняетъ умы. Мысли увлечены страстями; страсти, въ свою очередь, пробуждаютъ инстинкты; инстинкты вооружаются безпощадной логикой. Все, что есть звѣрскаго въ инстинктѣ и абсолютнаго въ логикѣ, не желаетъ болѣе считаться ни съ временемъ, ни съ людьми. Инстинктъ пришедшей въ отчаяніе аристократіи взываетъ о помощи къ иностраннымъ державамъ. Инстинктъ демократическаго равенства убиваетъ аристократа-короля.

Французская республика основана, но основана силой и обогрета французской кровью. Съ первыхъ же своихъ шаговъ она какъ бы выбита изъ колеи. Вся сила, все ея величіе въ ея евангельскихъ и философскихъ началахъ, и ея полная несомѣстимость съ грубымъ насиліемъ инстинктовъ несомнѣнно приведетъ ее къ гибели. Она не можетъ царить терроромъ. Не подходитъ ей возлагать себѣ на грудь голову Медузы, какъ это дѣлали римскіе императоры. Самый духъ республики, духъ, проникнутый сознаниемъ человѣческаго достоинства и дѣлающей жизнь cadaго чловѣка священной для другихъ, осудилъ бы ее на гибель. Рубя головы людямъ, республика является преступнѣе, чѣмъ монархія, уже по тому одному, что она дѣйствуетъ противно своимъ принципамъ. Въ теченіе трехъ лѣтъ она творитъ чудеса, она пытается съ неслыханной смѣлостью установить въ законахъ самыя высокія стремленія чловѣческой души, но все напрасно: ничто не заставитъ ее избѣжать рокового исхода, обусловленнаго ея происхожденіемъ. Ея геніальность, ея геройство не приведуть ни къ чему. Ей суждено умереть за то, что она нарушила свой основной принципъ: безстрастный законъ вещей, въ концѣ концовъ, беретъ верхъ надъ людскими страстями. Вскорѣ она падетъ, изнемогая отъ конвульсивнаго напряженія и не признанная міромъ за ея отреченіе отъ самой себя. Изумленному народу останется отъ нея только славное, но осыпанное проклятіями имя и таинственный, не оконченный завѣтъ, начертанный кровавыми буквами. Что въ этомъ завѣтѣ: общаніе или угроза? Благословеніе или проклятіе? Жестокой софизмъ, или божественная правда? Завѣтъ ли это Жиронды, Горы или Коммуны? Или это духовное завѣщаніе Кондорса, Дантона, Робеспьера, Марата, Бабѣфа?

Когда на стѣнахъ Парижа внезапно появились три таинственныхъ слова республиканскаго завѣта: «Свобода, равенство, братство», каждый сталъ лицомъ къ лицу съ этими грозными вопросами. Но побѣжденные или побѣдители, буржуа или пролетаріи, республиканцы или роялисты, никто не былъ въ состояніи на нихъ отвѣтить. Въ полномъ смятеніи матеріальныхъ и нравственныхъ силъ пересоздаваемого общества все казалось вѣроятнымъ и вмѣстѣ невозможнымъ. Вотъ почему разумъ молчалъ, а разнузданное воображеніе создавало какія-то призрачныя химерическія мечты.

Возникаетъ вопросъ: объявляя отчасти противъ своей воли, подъ давленіемъ народной побѣды демократическую республику, совершало ли временное правительство, какъ его позднѣе упрекали, произвольный поступокъ, не современный и якобы противный истинному общественному мнѣнію? Я, безъ всякаго колебанія, утверждаю, что нѣтъ. Всякій другой образъ дѣйствій, если даже признать его возможнымъ, совершенно не соотвѣтствовалъ бы потребностямъ времени, шелъ бы если и не противъ ясно выраженной воли народа, то во всякомъ случаѣ противъ того желанія, которое государственннй человекъ долженъ уловить, разбираясь въ совокупности идей, въ распредѣленіи партій и въ общемъ характерѣ нравовъ данной исторической эпохи.

Посмотримъ, каковъ былъ этотъ характеръ въ концѣ царствованія Людовика-Филиппа.

Разсыпанный по всей странѣ, связанный съ землей, полученной благодаря революціи, крестьянинъ слышалъ о воздвигаемыхъ баррикадахъ, о низверженіи трона, видѣлъ бѣгство императоровъ и королей, присутствовалъ въ своей деревенской церкви на молебнахъ о здравіи того или другого монарха, изъ которыхъ ни одинъ не кончилъ благополучно. Роялистъ запада или юга, покинутый своими принцами, бонапартистъ востока или сѣвера, разоренный вторженіями иностранцевъ, — всѣ одинаково воспользовались этимъ краснорѣчивымъ курсомъ исторической философіи. Въ наше время крестьянину очень мало дѣла до династіи, и онъ остается равнодушнымъ, какъ къ божественному праву, такъ и къ конституціонной законности. Правительство, лишенное священнаго характера, стало для него административной машиной, которая не можетъ внушить ему ни любви, ни ненависти, такъ какъ вся связь съ нимъ свелась къ уплатѣ податей. Что же касается до высшихъ классовъ, буржуазіи или знатнаго дворянства, то онъ почти не дѣлаетъ между ними разницы. Не имѣя никакихъ обязательствъ, какъ относительно того, такъ и другого, отлично зная, что ему нечего ждать отъ нихъ ни оскорбленій, ни милостей, онъ видитъ въ единственной точкѣ соприкосновенія съ ними, арендной платѣ, неустанную

борьбу двухъ противоположныхъ интересовъ. Чѣмъ ниже арендная плата, чѣмъ меньше подати, тѣмъ, по его мнѣнію, лучше правительство. Если у крестьянина и нѣтъ собственно республиканскихъ убѣжденій, то, во всякомъ случаѣ, личный интересъ заставляетъ его стремиться къ развитію демократическаго равенства.

Буржуазія, мелкая и крупная, съ 1789 года три раза возвращалась къ англійской системѣ представительной монархіи; но, вслѣдствіе постоянной неудачи этихъ попытокъ, она утратила вѣру въ свои политическія теоріи. Она начинаетъ понимать, что логика здраваго французскаго смысла плохо вяжется съ фикціями парламентскаго строя; она начинаетъ понимать, что продолженіе, подъ какимъ бы то ни было видомъ, старой борьбы между королевской кровью и духомъ общинъ не умно и не способно дать странѣ устойчивость, необходимую для развитія ея промышленности.

Старинное дворянство, по справедливости, надо раздѣлить на двѣ части: одна теряетъ свой сословный обликъ въ тѣсномъ соприкосновеніи съ буржуазіей настолько, что могла бы быть названа буржуазнымъ дворянствомъ; другая остается замкнутой и вѣрной своимъ традиціямъ. Первая, связанная съ младшей линіей королевскаго дома и пользующаяся малымъ уваженіемъ какъ среди тѣхъ, которыхъ она оставила, такъ и среди тѣхъ, къ которымъ она примкнула, не обладаетъ ни нравственнымъ авторитетомъ, ни политической подготовкой и едва заслуживаетъ нашего вниманія. Ея мнѣній не стоитъ учитывать въ общей оцѣнкѣ настроенія умовъ. Ее нельзя считать сторонницей абсолютизма, ни конституціонализма, ни республики. Она эгоистична до цинизма. Ни одно правительство не могло ожидать отъ нея дѣйствительной поддержки или опасаться съ ея стороны серьезнаго сопротивленія. Легитимистское дворянство хранило въ полной неприкосновенности свои монархическія убѣжденія, не питая надеждъ на будущее, не создавая себѣ иллюзій относительно членовъ королевскаго дома и не припятствуя эмансипаціи народа путемъ общей подачи голосовъ. Оно было поглощено ненавистью къ младшей линіи королевскаго дома, поглощено настолько сильно, что радостно привѣтствовало революцію. Оно добровольно объявило, что не только не будетъ ставить никакихъ преградъ къ учрежденію Республики, но готово служить народному самоуправленію, ибо этому не мѣшаетъ чувство гордости, удержавшее его вдаль отъ незаконнаго трона. Соглашаясь въ этомъ съ большинствомъ духовенства, которое стремилось отдѣлать свое дѣло отъ королевскаго дома, въ надеждѣ воспользоваться свободой и завладѣть душами людей, эта партія дворянъ съ радостью усматривала въ народной побѣдѣ судъ Божій и отмщеніе за себя.

Аналогичныя чувства волновали бонапартистовъ. Богатая, дѣя-

тельная, но оставшаяся в тѣни и потерявшая значительную долю престижа, благодаря смѣшной сторонѣ Страсбургской и Булонской экспедицій, эта партія, революціонная по происхожденію и образу дѣйствій, рассчитывавшая на обаяніе славнаго имени своего вождя-изгнанника, могла только выиграть и ничего не теряла съ введеніемъ демократической республики.

Армія со временъ первой революціи инстинктивно подчинялась тому принципу, что она принадлежит странѣ, и что ея единственная обязанность защищать территорию, какова бы ни была форма правленія.

Въ быстрой смѣнѣ политической власти магистратура оставалась лично также безучастной. Во всѣхъ классахъ, партіяхъ, во всѣхъ учрежденіяхъ, во всемъ, что было связано съ землей, недвижимымъ имуществомъ, а съ государствомъ—службой, создавалось почти одинаково индифферентное отношеніе къ формамъ политической жизни. Большая часть націи оставалась пассивной: она не чувствовала съ себѣ энергии для инициативы, потому что вѣра была утрачена. Вѣра въ свои политическія убѣжденія нашла пристанище въ рабочемъ классѣ; тамъ она была жизненна и глубока. Болѣе грамотный, чѣмъ крестьянинъ, и менѣе матеріалистъ, чѣмъ буржуа, городской рабочій связывалъ свои интересы съ идеей. Ежедневная пресса такъ или иначе посвящала его въ парламентскіе дебаты, онъ получилъ понятіе о правѣ и о принципахъ равенства французской революціи. Онъ не допускалъ возможности передать въ другія руки заботу о своихъ дѣлахъ, ясно сознавая, что судьба короля тѣсно связана съ судьбой духовенства и дворянства, и что никѣмъ народное дѣло не примется такъ близко къ сердцу, какъ самимъ же народомъ. Онъ хотѣлъ стать гражданиномъ. Онъ давно имѣлъ право на это по своимъ способностямъ, по своему чувству справедливости и любви къ родинѣ. Городской рабочій всѣми силами души жаждалъ республики.

Но какой именно республики желало это энергичное меньшинство и какъ далеко шла его инициатива? Другими словами, какое толкованіе должно было дать временное правительство республиканской формѣ правленія, чтобы выполнить возложенную на него задачу установленія новаго строя?

Съ первыхъ шаговъ революціи, когда еще продолжалось наружное согласіе классовъ въ подчиненіи или признаніи республики, можно было бы уловить два различныхъ направленія, если бы вниманіе не было разсѣяно страхомъ у однихъ и энтузіазмомъ у другихъ. Буржуазія, громко провозглашавшей: «Да здравствуетъ демократическая республика!», пролетаріатъ отвѣчалъ: «Да здравствуетъ республика демократическая и социальная!» Этотъ возгласъ,

въ началѣ мало отличавшійся по виду отъ перваго и казавшійся только плеоназмомъ, вскорѣ выяснился и сталъ обособляться все болѣе и болѣе.

Первый выражалъ вполне ясную и всѣмъ понятную мысль. Никто не сталъ бы противорѣчить, что республика должна быть демократической. Монархія Людовика-Филиппа была непослѣдовательной демократіей: событія это слишкомъ ясно показали. Смѣлость предпріятія заключалась не въ томъ, чтобы устранить эту непослѣдовательность, отнявъ у политическаго учрежденія ея наслѣдственного вождя, не въ томъ, чтобы покончить, послѣ трехъ слишкомъ убѣдительныхъ опытовъ, съ условностями парламентарной монархіи, и даже не въ уничтоженіе послѣднихъ остатковъ привилегій установленіемъ всеобщей подачи голосовъ и обязательностью выборовъ на всѣ должности. Во всѣхъ этихъ пунктахъ революція не становилась въ противорѣчіе съ чувствомъ страны. Нравы общества были достаточно подготовлены къ введенію демократической республики.

Что касается до такъ называемой социальной революціи, т. е. перемѣны въ отношеніи капитала и труда, въ опредѣленіи и ученіи о правѣ собственности, въ примѣненіи основнаго принципа демократическихъ конституцій: «общество должно обезпечить существованіе своимъ членамъ»,—въ этомъ отношеніи народное сознаніе было, съ одной стороны, совершенно невѣжественно, съ другой—преисполнено самыхъ туманныхъ стремленій. Ни одно правительство, какъ бы революціонно ни было, не можетъ самовластно насиловать требованія времени. Рабочій классъ и не претендовалъ на это. Вожди различныхъ социальныхъ ученій, за исключеніемъ одного, не создавали себѣ на этотъ счетъ иллюзій. Народъ не требовалъ отъ правительства чудесъ въ свою пользу, онъ хотѣлъ только залога, увѣренности въ томъ, что о немъ подумаютъ, признаютъ, что онъ заслуживаетъ лучшей участи, и искренно постараются помочь ему. Этотъ гордый, интеллигентный, доходящій до геройства, народъ не слушалъ, чтобы ни говорили, внушеній нѣкоторыхъ террористовъ, плагиаторовъ исторіи. Онъ не желалъ ни насильственнаго захвата, ни изгнанія, ни тюрьмы, ни гильотины. Народъ 1848 года походилъ на народъ 1792 года только патріотизмомъ и мужествомъ. Это не былъ, какъ въ первую побѣду демократіи, рабъ, истерзанный безконечными страданіями, разрывающій цѣпи въ припадкѣ ярости и отдавшійся жаждѣ мести; это было забытое, лишенное наслѣдства, дитя, желающее вернуться въ социальную семью не для того, чтобы внести въ нее разногласіе или жить на счетъ своихъ братьевъ, а для совмѣстной съ ними работы на благо общества.

Для этого нужно было поощрять, а не давить естественное стремление общества къ равенству воспитаніемъ, распредѣленіемъ налоговъ, организаціей союзовъ, — однимъ словомъ, всѣми средствами, имѣющимися у государства для защиты слабыхъ противъ сильныхъ, бѣдныхъ противъ богатыхъ; слѣдовало признать требуемыя права столь же священными, какъ и права, уже установленныя; слѣдовало дать свободный выходъ инстинкту массы, смутно стремящемуся къ организаціи и общественной жизни; однимъ словомъ, слѣдовало освободить отъ фантастическихъ порываній безыдейной демонологіи еще неясныя, но справедливыя стремленія и законныя желанія народа.

Если республика 1848 года была утверждена не на истинныхъ основаніяхъ, если демократія и теперь еще волнуется подъ двумя угрозами деспотизма, одинаково противорѣчащими ея природѣ, причина этому кроется не въ несогласіи духа французскаго народа съ республиканскими учрежденіями, какъ намъ стараются это внушить, и еще менѣе въ любви націи къ королю и аристократіи. Главную причину надо искать въ томъ, что богатые и образованные классы совсѣмъ не знали народа и составили себѣ ложное представленіе о требованіяхъ пролетаріата. Волнуемые смутнымъ сознаніемъ долга, забытаго ими въ теченіе послѣднихъ двухъ царствованій, они видѣли въ пролетаріатѣ только безпощадную ненависть и ненасытные аппетиты. Призракъ 93 года рисовался ихъ разстроенному воображенію. Въ народныхъ массахъ, поднявшихся во имя справедливости, они видѣли только буйство отдѣльныхъ крамольниковъ, на бессмысленныя требованія которыхъ не стоило обращать вниманія, такъ какъ они неминуемо должны были погибнуть, столкнувшись съ народнымъ благоразуміемъ. Далекіе отъ народа, эти классы смѣшали духъ отдѣльныхъ ученій съ прогрессомъ цивилизаціи, терроризмъ съ социализмомъ, умирающее якобинство и бабуизмъ съ законнымъ движеніемъ пролетаріата, стремящагося войти въ социальную организацію.

А временное правительство, составленное изъ разнородныхъ элементовъ, разрозненное съ первыхъ же шаговъ, металось изъ стороны въ сторону, колебалось между народомъ и буржуазіей, уступало, безъ строго опредѣленныхъ убѣжденій, то одному, то другому и, не рѣшаясь ни смѣло смотрѣть впередъ, ни вернуться назадъ, вынуждено было вести политику уловокъ, лишенную величія и силы. Правда, ему удалось избѣжать столкновенія различныхъ интересовъ и отсрочить междоусобную войну, но оно не было въ состояніи умиротворить страну и уничтожить царящее въ умахъ недоразумѣніе, подозрѣніе и ту нравственную анархію, которая по-

служили причиной паденія королевской власти и слѣды которыхъ должна была изгладить республика.

Было около полудня. Съ вечера предыдущаго дня Парижъ былъ въ рукахъ народа. Баррикады, охраняемыя смѣльчаками, прерывали сообщеніе и держали изолированнымъ и въ страшномъ безпокойствѣ все, что не премыкало къ революціонному движенію. Обезоруженные, разрозненные или запертые въ казармахъ, солдаты были безсильны. Національная гвардія, смѣшиваясь съ толпой, робко пыталась предупредить своими увѣщаніями несчастія, которыми угрожало общее возбужденіе. Распространялись самыя ужасныя слухи, и имъ вѣрили. Среди ошеломленной буржуазіи говорили, что цѣлыя орды злоумышленниковъ, освобожденныхъ изъ тюремъ, всюду жгутъ и грабятъ; увѣряли, что Тюильри и Пале-Рояль совершенно опустошены; что музеи и библіотеки стали добычей новыхъ вандаловъ. Парижъ долженъ былъ переживать всѣ ужасы взятаго осадою города.

На баррикадахъ циркулировали слухи другого рода. Герцогиня Орлеанская и ея сыновья яко бы не выѣзжали изъ Парижа. Маршалъ Бюжо, генераль Трээель и принцы, оставшіеся въ Вэнсеннѣ, идутъ на предмѣстья, которыя начнутъ обстрѣливать съ фортовъ. Среди самого временнаго правительства составляетъ заговоръ въ пользу регентства; иногородніе роялисты и жирондисты изъ городской думы замышляютъ устроить избиеніе республиканцевъ монтаньяровъ: подобныя предположенія повсюду усиливали волненія и разжигали подозрительность. На Гревскую площадь со всѣхъ сторонъ стекался встревоженный народъ, возбужденный безсонницей и опьяненный неожиданной побѣдой. Образовалась огромная тѣсная толпа, надъ которой стоялъ неясный, но грозный гулъ головъ. Въ наводненной толпой ратушѣ царитъ невообразимая сумятица. Двигающіяся навстрѣчу другъ другу волны словно обезумѣвшихъ людей сталкиваются и смѣшиваются въ корридорахъ, на лѣстницахъ, въ галереяхъ... Всѣ вооружены чѣмъ попало, всюду пика, ножи, ружья, сабли и штыки... Раздаются выстрѣлы: это стрѣляютъ пьяные или мальчишки. Многіе изъ публики, движимые инстинктомъ порядка, свойственнаго всѣмъ парижанамъ и непокидающаго ихъ даже въ минуту сильнаго увлеченія, охраняютъ пушки съ зажженнымъ фитилемъ въ рукахъ; другіе становятся на стражу у крыльца передъ главными входами и пытаются благоразумными увѣщаніями остановить, или, по крайней мѣрѣ, сдержать движеніе толпы. Каждую минуку эта толпа разступалась сама собой и, набожно обнажая головы, пропускала впередъ носилки и гробы. Это несли съ самыхъ отдаленныхъ концовъ Парижа убитыхъ и раненыхъ, чтобы сдать ихъ едва появив-

щелся правительству. Этому же правительству, еще без имени и без власти, передавались все заботы и затруднения граждан: такова уже отличительная черта французского характера. В обширной залѣ Свѣтъ-Жанъ принимались трупы, надъ которыми молчаливо бодрствовалъ священникъ и почетная стража; въ то время, когда рядомъ, въ роскошныхъ салонахъ, предназначенныхъ для городскихъ празднествъ, двигались толпы пролетаріевъ, топтавшихъ босыми ногами обюссоновскіе ковры и бросавшихся въ изнеможении на бархатную мебель. Чудныя зеркала, нѣкогда отражавшія блескъ и изящество избраннаго общества, видѣвшія нищету только издали, казалось, были поражены видомъ этихъ изможденныхъ лицъ, этихъ жалкихъ лохмотьевъ, этихъ любопытныхъ или суровыхъ взглядовъ.

Въ концѣ длиннаго корридора, въ кабинетѣ, уже наполненномъ просителями, сановниками, дезертирами монархіи, той презрѣнной толпой, которая сразу заводится во всѣхъ переднихъ и спѣшитъ выразить всякому представителю власти свою лакейскую почтительность, небольшая группа лицъ, чуждыхъ другъ другу и совершенно неожиданно очутившихся вмѣстѣ, пыталась вырвать растерявшееся общество изъ водоворота событій силою власти, внезапно очутившейся у нихъ въ рукахъ. Храбрая молодежь, собравшаяся изъ Свѣтъ-Сирской, политехнической школь, съ медицинскаго и юридическаго факультетовъ, образовала вокругъ временнаго правительства добровольную охрану и разносила по городу его распоряженія, прокламаціи и постановленія. Въ сосѣдней комнатѣ составъ парижской ратуши пытался восстановить свои права и спѣшилъ приступить къ неотложнымъ административнымъ мѣропріятіямъ. Въ двухъ шагахъ отъ нихъ, отдѣленные только перегородкой, двѣнадцать человекъ, называвшіе себя народными делегатами, вооруженные саблями и заряженными ружьями, объявили засѣданіе безпрерывнымъ и держали между собою совѣтъ, допустить ли имъ и поддержать правительство подозрительнаго происхожденія или низвергнуть его.

Между тѣмъ время шло. Волненіе продолжалось и принимало болѣе опредѣленный характеръ. Часть народа громко требовала, чтобы ее отвели въ Вэнсенъ — разоружать тамошній гарнизонъ; другіе, собравшись группами возлѣ нѣсколькихъ вожаковъ, въ страшномъ возбужденіи, казалось, замыслили новую осаду городской ратуши. Черезъ нѣсколько минутъ, какъ бы по сигналу, явились какіе-то люди; они обращались съ какими-то воззваніями къ толпѣ и спѣшно раздавали пояса, повязки и красныя кокарды. Въ окнахъ и на крышахъ домовъ, окружавшихъ площадь, появились красныя флаги, вызывая шумные взрывы восторга. Не угадывая

цѣли этихъ демонстрацій, совѣтъ забилъ тревогу: онъ тотчасъ же послалъ на площадь парламентаровъ, которые очень быстро вернулись назадъ, въ ужасѣ отъ всего услышаннаго. Они говорили, что правительству будетъ предъявлено требованіе отъ имени народа о немедленной замѣнѣ трехцвѣтныхъ флаговъ красными. Въ случаѣ отказа слѣдовало ожидать самыхъ рѣзкихъ насильственныхъ мѣръ. Дѣло было серьезное и требовало зрѣлаго обсуждения. Но обсуждать было некогда. Угрожающіе крики съ площади, выраженія лицъ, звонъ оружія въ сосѣднихъ залахъ — все заставляло торопиться. Приходилось охватить инстинктомъ смыслъ и значеніе даннаго требованія, которое нельзя было предвидѣть и взвѣснить заранее. Для возбужденнаго до послѣдней степени величіемъ и быстротой событій народа внѣшній символъ объявленія республики имѣлъ огромное значеніе. Составъ временнаго правительства былъ въ полномъ замѣшательствѣ. Было ли сообщенное имъ требованіе дѣйствительнымъ желаніемъ народа? Не было ли оно только выраженіемъ чужой воли, ловко подсказанной толпѣ темными агитаторами? Ужасный вопросъ для людей, неожиданно ставшихъ центромъ движенія, размѣры котораго еще никто не могъ бы опредѣлить! Ихъ жизнь и честь были затронуты въ этомъ вопросѣ. И, надо отдать имъ справедливость, что, несмотря на полную неувѣренность, ни малѣйшей слабости не было замѣтно ни въ ихъ словахъ, ни въ голосѣ. Въ двухъ выраженныхъ мнѣніяхъ сказалось, быть можетъ, разное пониманіе значенія революціи, но чувства мужества и патриотизма были одинаковы.

Въ эту минуту совѣтъ не былъ въ полномъ составѣ, — Дюпонъ (де-Леръ) и Араго, измученные предыдущимъ днемъ, оставались дома. Ледрю-Роллэнъ, вступавшій въ этотъ день въ управленіе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, вернувшись къ ратушѣ, не могъ протолкаться черезъ толпу. Напрасно называлъ онъ себя, надѣясь пробраться впередъ; въ концѣ концовъ ему пришлось пріютиться въ комнаткѣ у какого-то швейцара, гдѣ онъ и просидѣлъ цѣлыхъ три часа, отрѣзанный отъ своихъ товарищей, прислушиваясь къ рокоту бушующей толпы, и совершенно не понимая ни причины, ни цѣли ея требованій¹⁾. Ламартинъ и Луи-Бланъ горячо отстаивали два противоположныя мнѣнія, между которыми колебались Мари, Кремье и Гарнье-Пажестъ. Луи-Бланъ вы-

¹⁾ Ледрю-Роллэнъ настолько плохо понималъ страстное чувство, волновавшее толпу, что нѣсколько разъ выражалъ удивленіе, почему она не изломаетъ сейчасъ же типографскіе станки монархическихъ изданій. Этотъ эпизодъ, прошедшій незамѣченнымъ, ясно показываетъ, съ какой быстротой ходъ, смыслъ и характеръ народной революціи ускользаютъ отъ ея первыхъ вождей.

сказывался за красное знамя. Стоя ближе других своих товарищей къ рабочимъ, составлявшимъ главную силу революціи, Луи-Бланъ зналъ, что требованіе перемѣны цвѣта не имѣло ничего заслуживающаго порицанія. Онъ хорошо зналъ, какъ это позднѣе призналъ и Ламартинъ ¹⁾, что въ данномъ случаѣ красный цвѣтъ не былъ для нихъ символомъ угрозъ и беспорядка, а только новымъ знаменемъ новаго строя. Царствование Людовика-Филиппа, позорный миръ, низости монархическаго строя уничтожили въ глазахъ большинства обаяніе трехцвѣтнаго флага. Бросая его, народъ хотѣлъ торжественно отмѣтить уничтоженіе семнадцати лѣтъ гнуснаго правленія, или, еще проще, ему хотѣлось сохранить послѣ побѣды знамя борьбы. Уничтоженіе королевской власти, политическое единеніе всѣхъ классовъ въ общей подачѣ голосовъ, учрежденіе демократической республики, по мнѣнію Луи-Блана, были настолько великимъ событіемъ, что его необходимо было запечатлѣть новымъ символомъ. Руководимый таинственнымъ инстинктомъ, народъ-властелинъ облачался въ пурпуръ въ торжественный день своего восшествія на престолъ: онъ выбралъ для своего торжества самый яркій цвѣтъ. Не зная исторіи, онъ подражалъ духовнымъ и свѣтскимъ верховнымъ властямъ церкви и имперіи ²⁾. Въ его требованіи слѣдовало видѣть лишь чистосердечное и честное побужденіе. Къ этимъ доказательствамъ, истекавшимъ изъ непосредственнаго чувства и обстоятельствъ дѣла, Луи-Бланъ присоединялъ другія, болѣе научныя, но не производившія столь сильнаго впечатлѣнія. Онъ говорилъ о знамени галловъ, о хоругвахъ. Онъ объяснялъ, что трехцвѣтное знамя, установленное въ 1789 году Лафайетомъ по возвращеніи изъ Версаля, служило символомъ соединенія трехъ сословій подъ покровительствомъ конституціонной монархіи и не соответствуетъ единству республики. Въ виду обостреннаго положенія дѣла, это были слишкомъ тонкіе аргументы. Вопросъ былъ не въ томъ. Единственно, что важно было выяснитъ, это то значеніе, которое получить при существующихъ обстоятельствахъ установленіе новаго знамени: исходной точкой какихъ требованій послужитъ оно для тѣхъ, кто его добивается, и какія чувства возбудитъ у тѣхъ, кто его боится. Къ этому

¹⁾ См. докладъ Ламартина Учредительному Собранію (засѣданіе 6 мая 1848 г.).

²⁾ Извѣстно, что у всѣхъ народовъ пурпуровый цвѣтъ служилъ символомъ величайшей почести. Церковь разсматриваетъ красный цвѣтъ, какъ эмблему горячей любви къ ближнему. Она специально посвящаетъ его, въ своей литургіи, празднованію святыхъ и тому культу верховнаго таинства общественной любви, который извѣстенъ подъ именемъ праздника Тѣла Господня.

сводились горячія и убѣдительныя возраженія Ламартина. Залогъ власти, отданный въ руки бунтовщиковъ, казался ему гораздо опаснѣе, чѣмъ его молодому товарищу. Боясь оскорбить армию уничтоженіемъ трехцвѣтнаго знамени и подать сигналъ къ объединенію партіи орлеанистовъ, Ламартинъ такъ убѣдительно выражалъ свои сомнѣнія и опасенія, что совѣтъ никакъ не могъ придти къ окончательному рѣшенію. Между тѣмъ, полная невозможность серьезнаго сопротивленія народной волѣ, ясно слышавшейся въ настойчивыхъ крикахъ толпы, и особенно мысль о напрасномъ кровопролитіи, заставили его уступить. Уже стали готовить красное знамя, когда въ залу собранія быстро вошелъ министръ Гудшо. Онъ сталъ рѣзко протестовать противъ террора, который, по его словамъ, стучится въ двери и ждетъ только перваго успѣха, чтобы навязать Франціи свою кровавую диктатуру, онъ заклиналъ товарищей быть твердыми до конца. Онъ говорилъ растроганно и горячо; его энергичное вмѣшательство поддержало уже отвергнутое мнѣніе Ламартина и заставило всѣхъ придти къ твердому рѣшенію сохранить во что бы то ни стало трехцвѣтное знамя. Даже Луи-Бланъ уступилъ, подъ вліяніемъ ли зародившихся въ его гордомъ и честномъ сердцѣ сомнѣній, или вспомнивъ, какъ нѣкогда онъ осудилъ строго своимъ перомъ ¹⁾ подобную попытку. Идя на компромиссъ, но не желая опровергать того, что онъ считалъ выраженіемъ общей народной воли, Луи-Бланъ добился нѣкотораго измѣненія въ редакціи воззванія къ народу. Къ словамъ: «національное знамя—есть трехцвѣтное знамя», по его настоянію было добавлено: «какъ знакъ единенія и благодарнаго воспоминанія о послѣднемъ актѣ народной революціи, члены временнаго правительства и другіе представители власти будутъ носить красную розетку, которая будетъ также прикрѣплена къ древку знамени».

Тогда, Ламартинъ, который уже нѣсколько разъ появлялся у оконъ ратуши, пытаясь предотвратить грозу, рѣшился съ опасностью жизни спуститься внизъ и пробраться сквозь густую вооруженную толпу къ главному входу, откуда его звучный голосъ могъ бы быть услышанъ на площади. Тамъ, окруженный со всѣхъ сторонъ, стиснутый, сдавленный, лицомъ къ лицу съ опьяненной и обезумѣвшей толпой, Ламартинъ, спокойный и невозмутимый, спасъ себя отъ вѣрной смерти тѣмъ чувствомъ превосходства, которое создается проявленіемъ сознательной воли надъ безличными и бессознательными страстями толпы.

Онъ то отдавался вдохновенію, какъ бы не слыша ничего, кромѣ голоса своей музы среди бушующихъ криковъ толпы, то,

¹⁾ См. Histoire de dix ans, т. III, стр. 238 седьмого изданія.

молчаливо скрестивъ руки на груди, обводилъ спокойнымъ и доврчивымъ взглядомъ искаженныя гнѣвомъ лица и обезоруживалъ одной улыбкой самыя упорныя подозрѣнія; онъ выдержалъ, не ослабѣвая ни на минуту, почти сверхчеловѣческую борьбу. Революціонный подъемъ, охватившій его съ предыдущаго дня, его гордая осанка, полнота и гибкость его рѣчи то повелительной, то ласкающей, производили на толпу такое неотразимое обаяніе, что оно покоряло самыхъ закоренѣлыхъ. Много разъ въ теченіе этихъ роковыхъ часовъ жизнь Ламартина зависѣла отъ одного слова, одного взгляда. Былъ моментъ, когда надъ его головой поднялся топоръ—крикъ ужаса вырвался изъ толпы. Потому ли, что онъ не замѣтилъ этого, или въ совершенствѣ владея собой, почувствовалъ, что этотъ инцидентъ расположить толпу въ его пользу, чѣмъ необходимо было воспользоваться, Ламартинъ напрягъ послѣднія усилія и развернулъ во всю мощь свое краснорѣчіе. Онъ сумѣлъ плѣнить и растрогать народъ описаніемъ подвиговъ послѣднихъ трехъ дней, онъ воодушевилъ его картиной народнаго величія, и, когда ловкимъ ораторскимъ приѣмомъ онъ противопоставилъ «красное знамя, обходящее Марсово поле и влачащееся въ народной крови, трехцвѣтному знамени, обходящему весь міръ и носящему повсюду имя и славу родины», бурный крикъ восторга, вырвавшійся у народа-артиста, показалъ ему, что онъ побѣдилъ. Рабочій въ лохмотьяхъ, съ обнаженной грудью, на которой еще сочилась свѣжая рана, бросился къ нему и обнялъ его со слезами.

Этимъ было все сказано. Буря разсѣялась. Красное знамя, развѣвавшееся въ рукахъ статуи Генриха IV, было снято при крикахъ: «Да здравствуетъ республика!» Поднялось трехцвѣтное знамя; агитаторы исчезли. Народъ, мечтавшій только о мирѣ, заставилъ себя повѣрить въ эту минуту, что онъ ошибался; привѣтствуя Ламартина несмолкаемыми криками, онъ мало-по-малу сталъ расходиться по домамъ съ пѣніемъ «марсельезы». Борьба продолжалась не менѣе восьми часовъ.

Очень немногіе поняли тогда же эту первую побѣду городской думы надъ народомъ. Большинство считало вопросъ о знамени совершенно не заслуживающимъ вниманія. Многіе, даже среди буржуазіи, носили въ продолженіе нѣсколькихъ дней красную розетку въ петлицахъ,—до такой степени казалось естественнымъ, что перемѣна правительства влечетъ за собой перемѣну знаковъ отличія. Никому въ Парижѣ и въ голову не приходило, что въ основаніи этого спора о цвѣтахъ скрывалась возможность междоусобной войны. Всѣ готовы были повторять, что ее на самомъ дѣлѣ не было. Какъ почти всегда случается, послѣдующія событія глубоко отгѣнили разницу, почти незамѣтную сначала.

Если, въ силу слѣпой реакціи противъ революціи, красное и трехцвѣтное знамя въ наше время означаютъ два различныхъ лагеря, то 24 февраля они означали два едва различающихся стремленія. Единеніе классовъ не было еще нарушено. Буржуазія своими банкетами въ 1847 году дала толчекъ революціонному движенію; національная гвардія въ продолженіе трехъ дней сначала покровительствовала, а потомъ незамѣтно отстранилась отъ возстанія. Парижскій рабочій, въ свою очередь, ничѣмъ не оскорблялъ и не угрожалъ представителямъ монархическаго строя. Безумно счастливый введеніемъ республики, онъ не думалъ ни о королѣ, ни о принцахъ, ни о министрахъ, ни о пѣрахъ, ни о депутатахъ. Онъ забывалъ все, даже свою нищету, чтобы наслаждаться возможностью показать себя тѣмъ, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ: великодушнымъ, мягкимъ, гуманнымъ и преданнымъ родинѣ.

При такихъ благоприятныхъ обстоятельствахъ, установленіе новаго знамени вовсе не носило бы того угрожающаго характера, которое дало ему позднѣе страшное возстаніе. Временное правительство, получая изъ рукъ побѣдившаго народа знамя его баррикады, могло, сообразно своему желанію, придать ему то или иное значеніе. Оно вовсе не вступало на путь террора, отвергнутаго общимъ сознательнымъ желаніемъ. Если бы оцѣнка положенія Ламартиномъ была справедливой, если дѣйствительно въ Парижѣ было шестьдесятъ тысячъ человѣкъ, жаждущихъ крови и грабежа, то они начали бы свои дѣйствія, не дожидаясь отставки правительства. Беззащитный Парижъ былъ во власти пролетаріата. Онъ не нуждался ни въ чьемъ разрѣшеніи, чтобы приступить къ разрушенію и убійствамъ.

Ламартинъ преувеличилъ опасность. Болѣе артистъ, чѣмъ политикъ, онъ придалъ слишкомъ большое значеніе инциденту, по существу совершенно случайному и скоропреходящему, какъ легкая лихорадка. Правда, среди массы пролетаріата, желавшаго перемѣны цвѣта подъ вліяніемъ очень законнаго и благороднаго чувства, дѣйствовала небольшая группа агитаторовъ, называвшихъ себя коммунистами-материалистами и имѣвшихъ вполне опредѣленныя намѣренія. Они хотѣли придать красному знамени то значеніе, которое оно получило 25 іюля 1792 года отъ собранія федералистовъ, провозгласившихъ себя „Директоріей возстанія“ и написавшихъ на своемъ знамени слова: „Военный законъ народа караетъ возмущеніе исполнительной власти“.

Эти-то революціонеры, жившіе среди воспоминаній прежняго времени, и были инициаторами только что описаннаго нами инцидента и исказили смыслъ краснаго знамени. Но эти смѣльчаки составляли среди парижскаго населенія изолированную группу, на-

сильственный характер которой не имѣлъ ничего общаго съ истиннымъ положеніемъ дѣла. Временное правительство не сумѣло отличить броженія нѣсколькихъ возбужденныхъ умовъ отъ дѣйствительнаго движенія народа. Въ своемъ смятеніи оно преувеличило одно и уменьшило значеніе другого. Величественное выступленіе демократіи свелось въ ихъ глазахъ до размѣровъ простаго заговора, тайно подготовленнаго ловкимъ вожакомъ. Не считаясь съ разницей эпохъ и правовъ, временное правительство видѣло въ лицѣ Бланки новаго Марата, замышляющаго истребленіе и убійство. И главной заботой его стало сорвать маску съ Бланки и разрушить его намѣренія. Невольно и намъ приходится придать этому человѣку не настоящее, а преувеличенное значеніе, созданное страхомъ. Впрочемъ, изучая эту странную личность со времени его появленія на сценѣ, въ инцидентѣ съ краснымъ флагомъ, мы можемъ точнѣе оцѣнить участіе террористическаго движенія въ развертывающихся передъ нами событіяхъ революціоннаго періода, начинающагося 25-го февраля на площади Ратуши и кончающагося тюрьмой и ссылками въ іюнь мѣсяцѣ.

Огюсть Бланки родился въ Ниццѣ, въ 1805 году; отецъ его, депутатъ Конвента, былъ арестованъ вмѣстѣ съ жирондистами. Огюсть и старшій братъ его Адольфъ пріѣхали въ Парижъ въ послѣдніе годы Реставраціи; оба они увлеклись либеральнымъ движеніемъ и жили нѣкоторое время вмѣстѣ, работая въ качествѣ стенографовъ въ редакціи журнала „Le Globe“. Но вскорѣ разница характеровъ повела ихъ разными дорогами. Адольфъ Бланки сталъ извѣстенъ своими трудами по политической экономіи и блестящей профессурой, тогда какъ Огюсть, движимый болѣе мрачнымъ честолюбіемъ, примкнулъ къ тайнымъ обществамъ, уже замышлявшимъ низверженіе династіи. Природа казалось создала его вождемъ заговорщиковъ. Горячей властностью рѣчи и мысли, онъ привлекалъ къ себѣ и подчинялъ своей волѣ людей революціоннаго темперамента. Маленькаго роста ¹⁾, блѣдный, болѣзненный, съ горящимъ внутреннимъ огнемъ взглядомъ, онъ уже носилъ въ себѣ зачатки болѣзни сердца, ставшей неизлѣчимой, благодаря безсоннымъ ночамъ, лишеніямъ и тюрьмѣ. Казалось, горячими вспышками гнѣва онъ хотѣлъ оживить въ своей груди слабое трепетаніе жизни, грозившей погаснуть раньше осуществленія его честолюбивыхъ замысловъ.

На что же было направлено это честолюбіе?

Поддержать ослабѣвшія традиціи якобинства, выше, чѣмъ когда

¹⁾ Въ тайныхъ обществахъ онъ былъ извѣстенъ подѣ фамильярной кличкой „маленькаго Бланки“. Объясняя бѣгство инсургентовъ 12-го мая 1839 года, Барбѣсъ сказалъ: „Малышъ испугался“.

либо, поднять знамя равенства, олицетворить въ немъ скорбь, жалобы и угрозы пролетаріата, разочарованнаго рядомъ неудачныхъ революцій, завладѣть диктатурой мести, создать себѣ день торжества *подъ реву Марсельезы* (какъ выразился самъ онъ), захватить хотя бы на одинъ часъ смятенное общество подѣ свою желѣзную руку, — вотъ съ чѣмъ мечталъ этотъ замкнутый, молчаливый человѣкъ. Эти мечты, которыми онъ дѣлился только наполовину, разжигаемыя суровымъ образомъ жизни, державшимъ его въ состояніи крайняго нервного возбужденія, давали ему страшное вліяніе надѣ молодежью. Впрочемъ, это была богато одаренная натура. Онъ обладалъ вмѣстѣ со смѣлостью инициативы способностью ясно разбираться въ колебаніяхъ общественнаго мнѣнія, мнѣняющагося подѣ давленіемъ обстоятельствъ. Никогда не нуждающійся въ отдыхѣ, терпѣливый, привычный къ подпольной работѣ заговорщиковъ, скрывающій истинныя чувства и показывающій ложныя, по словамъ Саллюстіа, способный наэлектризовывать массы, онъ въ совершенствѣ владѣлъ искусствомъ разжигать огонь страстей, не выпуская его изъ рукъ. Своей бѣдной уединенной жизнью, страданіемъ, запечатлѣннымъ на его лицѣ саркастической улыбкой своего тонкаго и холоднаго рта, жаромъ негодованія, срывавшимся, какъ бы помимо его воли, съ его устъ, онъ возбуждалъ сразу и состраданіе, и страхъ и подчинялъ своей волѣ эти два великіе двигателя человѣческой души.

Понятно, что нѣсколько лѣтъ онъ былъ уже кумиромъ тайныхъ обществъ. Самые испытанные республиканцы шли за нимъ.

Но, послѣ возстанія 12-го мая, Барбѣсъ почувствовалъ недовѣріе: его удивляло въ столь смѣломъ повидимому заговорникѣ слишкомъ большое благоразуміе и изворотливость, съ которыми не мирилась его простая и великодушная натура; главная же причина недовѣрія была та система щаженья, которую правительство проявляло въ отношеніи Бланки. Барбѣсъ дошелъ до прямого обвиненія Бланки въ томъ, что послѣдній, изъ трусости или предательства, упустилъ удобный случай для нечаяннаго нападенія, имъ же самимъ задуманнаго. Республиканская партія, свято вѣрившая каждому слову Барбѣса, отшатнулась отъ человѣка, къ которому онъ потерялъ уваженіе. Скоро около Бланки осталась только небольшая кучка послѣдователей, умъ которыхъ былъ возбужденъ сопротивленіемъ ихъ вождю и фанатизму коихъ не было границъ.

Февральская революція застала Бланки въ деревенскомъ домѣ въ окрестностяхъ Блуа, гдѣ съ 1846 года полиція предоставила ему относительную свободу. Въ то время, какъ Ламартинъ заставилъ растроганный народъ выпустить изъ своихъ рукъ знамя побѣды, Бланки въ сопровожденіи своихъ приверженцевъ бродилъ по темнымъ улицамъ вблизи Пале-Рояля, разговаривая съ ними о со-

бытияхъ дня. Они оживленно и зло критиковали направление -дѣла паторскаго правительства, дѣликомъ вышедшаго изъ редакціи «National». Что сдѣлало за 24 часа въ пользу народа это уже ретроградное правительство, привлекавшее къ себѣ лишь испорченныхъ людей? Оно оставляло въ сторонѣ истинныхъ патриотовъ. Бланки былъ забытъ. Въ подобныхъ рукахъ смыслъ революціи будетъ неминуемо извращенъ, какъ въ 1830 году.

Пока они вели подобныя разсужденія, прибѣгаетъ въ страшномъ смятеніи человекъ, посланный имъ на Гревскую площадь. Онъ только что видѣлъ, какъ спустили красное знамя; онъ присутствовалъ при торжествѣ Ламартина. Взрывъ проклятій привѣтствуетъ эту новость. Всѣ въ одинъ голосъ заявляютъ, что колебаться болѣе нельзя: временное правительство должно быть тотчасъ же свергнуто. Бланки диктуетъ одному изъ своихъ спутниковъ прокламацію, приглашающую къ возстанію; ее тотчасъ же относятъ въ типографію; послѣ этого сговариваются собраться къ семи часамъ вечера съ оружіемъ въ рукахъ въ залъ Прадо на площади Суда, чтобы оттуда направиться въ ратушу и объявить временному правительству ультиматумъ революціи.

Тогда Бланки, оставшись одинъ, идетъ въ префектуру полиціи, чтобы ввѣдать намѣренія Коссидера. Послѣдній былъ уже сильно возмущенъ временнымъ правительствомъ; тѣмъ не менѣе онъ встрѣтилъ конфиденціальныя сообщенія Бланки довольно холодно и, казалось, вовсе не былъ расположенъ принять участіе въ гибели Ледрю-Роллана и Луи-Блана. Какъ увѣряютъ, вышло крупное преппирательство между новымъ префектомъ полиціи и заговорщикомъ, такъ что они разстались врагами. Бланки направился къ Ратушѣ, чтобы, прежде чѣмъ что нибудь предпринимать, убѣдиться собственными глазами въ возможности успѣха предполагаемаго нападенія.

По всей вѣроятности, хотя многіе изъ его единомышленниковъ заняли мѣста внутри зданія, онъ всетаки встрѣтилъ слишкомъ большія препятствія къ исполненію своего замысла. Можетъ быть, кто-нибудь намекнулъ ему на возможность для него въ ближайшемъ будущемъ попасть въ совѣтъ менѣе опаснымъ путемъ; но только, когда, послѣ долгихъ ожиданій, Бланки присоединился къ своимъ товарищамъ въ залѣ Прадо, это былъ совсѣмъ другой человекъ.

Уже дѣлный часъ пятьсотъ или шестьсотъ членовъ секцій общества, большею частью въ красныхъ шапкахъ и вооруженныхъ съ головы до ногъ, шумно совѣщались въ слабо освѣщенной залѣ. Это было мрачное зрѣлище. Среди густого дыма, при красноватомъ свѣтѣ лампъ, шевелились фантастическія, злобщія тѣни. Здѣсь собрались смѣльчаки, не знающіе угрызений совѣсти, готовые на все. Большая часть изъ нихъ въ первыя десять лѣтъ царство-

ванія Людовика-Филиппа участвовали въ заговорахъ, покушеніяхъ тайныхъ обществъ, занимались изготовленіемъ взрывчатыхъ веществъ и подготовляли рядъ убійствъ, которые нанесли такой сильный нравственный ударъ республиканскому дѣлу. Суровое выраженіе лицъ, откинутые назадъ лбы, сухой взглядъ, конвульсивное сжиманіе мускулистыхъ рукъ, рѣзкій голосъ безъ опредѣленнаго тембра сразу указывали на то, что эти люди, съ помраченнымъ разумомъ и зачерствѣвшимъ сердцемъ, находились въ полной власти своихъ инстинктовъ¹⁾. Среди стука ружейныхъ прикладовъ, прерываемыя смѣхомъ и шумными одобреніями, непрерывно сыпались самыя невозможныя предложенія. Основныя идеи коммунистовъ-материалистовъ сводились къ предоставленію власти комитету общественнаго спасенія, проникнутому традиціями Парижской Коммуны 93 года. Они предлагали немедленно изгнать временное правительство, казнить Ламартина за его измѣну, навести страхъ и трепетъ на буржуазію, дезорганизовать двумя, тремя примѣрными казнями, декретами армію, магистратуру и всѣ существующія учрежденія, объявить внѣ закона всѣхъ подозрительныхъ людей, конфисковать имущества богачей и создать на незыблемыхъ основахъ абсолютное равенство; но ни предсѣдатель, ни самыя ярые участники дѣла не рѣшались придти къ окончательному выводу изъ этихъ предложеній. Все время посматривая на входную дверь, они ожидали прихода Бланки. Великій заговорщикъ, наконецъ, явился. Съ рассчитанной медлительностью движеній, съ безстрастнымъ взглядомъ и непроницаемымъ лицомъ онъ прошелъ черезъ все собраніе и занялъ мѣсто у предсѣдательскаго стола. Продиктованная имъ прокламація, приглашающая къ возстанію, была приклеена къ стѣнѣ; онъ мрачно посмотрѣлъ на нее и долго молчалъ.

«Граждане,—сказалъ онъ, наконецъ,—республикѣ въ данный моментъ угрожаетъ страшная опасность. Роялисты ожидаютъ только нашего разногласія, чтобы низвергнуть временное правительство и вернуть регентство. Часъ еще не наступилъ, чтобы апеллировать къ народу противъ правительственныхъ постановленій. Не смотря на безчисленныя затрудненія, это правительство, хотя и медленно, но все же шло впередъ по революціонному пути. Если въ составъ его входитъ слишкомъ много робкихъ и слабовольныхъ людей, между ними все же есть и такіе, которые заслуживаютъ довѣрія народа. Будемъ же ждать, пока они начнутъ дѣйствовать.» Потомъ, съ

¹⁾ Рассказывая о заговорѣ 12-го мая, Луи-Бланъ характеризуетъ эти типы заговорщиковъ, «которые, по его словамъ, болѣе довѣряя побѣдѣ грубой силы, чѣмъ мирнымъ и неизбѣжнымъ завоеваніямъ разума, видѣли въ прогрессъ человечества лишь рядъ внезапныхъ нападеній и случайныхъ предпріятій».

разсчитаннымъ хладнокровіемъ развернувъ передъ своей пылкой, но постепенно остывающей аудиторіей всѣ трудности положенія, онъ, какъ искусный лопманъ, указалъ этимъ политическимъ пирамъ на подводные камни и мели невѣдомыхъ имъ морей и кончилъ призывомъ «стоять на стражѣ Республики» и отложить всѣ начинанія до тѣхъ поръ, пока не будетъ устранена внѣшняя опасность.

Заговорщики, привыкшіе къ слѣпому повиновенію, молчали. Предсѣдатель объявилъ засѣданіе закрытымъ и назначилъ часъ собранія на слѣдующій день. Прокламація была сорвана со стѣны и разорвана. Всѣ стали расходиться. Бланки вернулся домой въ сопровожденіи своихъ двухъ вѣрныхъ друзей. По дорогѣ онъ остановился возлѣ булочной, чтобы купить себѣ хлѣба: онъ тутъ только вспомнилъ, что цѣлый день ничего не ѣлъ. Такъ кончилась въ моментъ же своего появленія искусственная гроза, внушавшая временному правительству такія опасенія. Ясное сознаніе своей изолированности среди народа, враждебно относящагося ко всякому насилію, и отчетливое пониманіе полной невозможности возбудить въ народныхъ массахъ духъ 93 года, остановили Бланки съ первыхъ же шаговъ. Его утонченный политическій тактъ подсказалъ ему, что если ему и было легко захватить Ратушу и убить Ламартина, какъ требовали этого нѣкоторые изъ его единомышленниковъ, то совершенно невозможнымъ представлялось перенести на другихъ тотъ нравственный авторитетъ, которымъ пользовался вдохновенный поэтъ, благодаря народной любви и страхамъ буржуазіи.

Онъ увидалъ нелѣпность отдѣльнаго заговора среди столь глубокой революціи.

На этотъ разъ, какъ и позднѣе, испытавъ желанный подъемъ нервовъ отъ подготовлявшагося имъ возстанія, насладившись въ глубинѣ души произведеннымъ ужасомъ, онъ отошелъ въ сторону и предоставилъ своимъ подчиненнымъ толковать по своему разумнѣйшую таинственность его поведенія.

Очень понятно, что подъ влияніемъ тревогъ, возбуждаемыхъ въ немъ Бланки и коммунистами-революціонерами, временное правительство успѣло возстановить и призвать на свою защиту вооруженную силу. Для этого необходимо было остановить продолжавшуюся уже нѣсколько дней дезорганизацію арміи, угрожавшую полнымъ ея распаденіемъ. Уже многіе солдаты, увлеченные народомъ, покинули свои части; можно было опасаться, что, столь же изъ ложнаго стыда, сколько изъ желанія остаться дома, они не вернуться болѣе подъ знамена.

Большая часть казармъ была захвачена инсургентами, которые авлаждали оружіемъ и экипировкой. 25-го утромъ, 52-ой линей-

ный полкъ, расположенный на улицѣ Пепиньеръ, послѣ нѣсколькихъ часовъ сопротивленія, по приказанію генерала Бедо ¹⁾, выдалъ оружіе. Въ сопровожденіи толпы народа, униженный, онъ прошелъ черезъ весь Парижъ.

Муниципальная гвардія, вынужденная скрываться отъ гнѣва народа, не осмѣливалась показываться. Правительство своимъ декретомъ распустило ее. Національная гвардія, проявлявшая усердіе и сохранившая достаточно влиянія на народъ, была утомлена и не могла удовлетворить всѣмъ требованіямъ.

25-го послѣ полудня правительство выпустило изъ Ратуши одинъ за другимъ три декрета, имѣвшихъ цѣлю возстановить порядокъ въ арміи. Первый изъ этихъ декретовъ, напечатанный въ «Монитерѣ» вслѣдъ за прокламаціей, въ которой правительство приглашало «армію поклясться въ любви къ народу», обѣщая, что «народъ забудетъ все, пожимаая руки своимъ братьямъ», вмѣнялъ въ обязанность мѣстнымъ властямъ преслѣдовать дезертировъ по всей строгости закона. Второй, инициативу котораго взялъ на себя Ламартинъ, созывалъ 24 батальона національной гвардіи мобилей, вербуемой изъ парижанъ, принимавшихъ участіе въ революціи. Организацию вновь формируемыхъ батальоновъ возложили на испытаннаго и талантливаго генерала Девивье. Новой части арміи было назначено исключительное содержаніе. Третій декретъ реорганизовалъ національную гвардію, распущенную послѣднимъ правительствомъ по политическимъ соображеніямъ.

Въ то же время одинъ изъ секретарей правительства, Флоконъ, сталъ во главѣ народнаго отряда, шедшаго на Вэнсенъ. Во время пути онъ мало по малу успокоилъ его и убѣдилъ, въ знакъ уваженія къ военному званію, удовольствоваться подчиненіемъ солдатъ Республикѣ и требовать отъ нихъ лишь частнаго возвращенія оружія и припасовъ. Принявъ такимъ образомъ необходимыя по его мнѣнію мѣры къ охраненію общественной безопасности, правительство приступило къ выполненію своихъ прямыхъ обязательствъ по отношенію къ народу и приняло рядъ начинаній, подсказанныхъ ему народнымъ чувствомъ. Въ первыя минуты нападенія на Тюильри, когда все заставляло бояться опустошенія и пожара, чья то невидимая рука написала мѣломъ на колоннахъ рѣшетки слѣдующія простыя слова: «Граждане-инвалиды». Особымъ декретомъ правительство узаконило эту надпись, затѣмъ оно взяло на свое попеченіе дѣтей гражданъ, убитыхъ въ сраженіи за *отечество*, и отпустило на свободу политическихъ заключенныхъ; наконецъ, оно издало

¹⁾ См. рѣчь генерала Бедо въ законодательномъ собраніи (засѣданіе 24-го мая 1850 г.).

навсегда памятный декретъ: оно уничтожило смертную казнь за политическія преступленія.

Смертная казнь, отвергнутая въ принципѣ Томасомъ Моромъ, Беккариа и большинствомъ философовъ XVIII вѣка, осуждавшаяся въ Учредительномъ собраніи и Конвентѣ Дюпономъ, Кондорсэ и Робеспьеромъ, все болѣе осуждаемая общимъ духомъ новѣйшей цивилизаціи, оставалась въ нашемъ законодательствѣ, какъ устарѣвшій слѣдъ античнаго фатализма и феодальнаго варварства. Одинъ философъ, современникъ Людовика XVIII, сказалъ: «Отмѣна смертной казни является требованіемъ настолько единодушнымъ, что оно не можетъ не восторжествовать, ибо въ этомъ единодушіи выражается назрѣвшее требованіе этого вѣка». Дѣйствительно, уже гдѣскольکو лѣтъ въ колебаніяхъ суда присяжныхъ ясно чувствовалось отвращеніе къ постановленію смертныхъ приговоровъ. Оправданія въ уголовныхъ процессахъ и политическія амністіи не выражали меньшей тяжести преступленія, но являлись результатомъ все болѣе развивающейся въ народномъ сознаніи идеи неприкосновенности человѣческой жизни.

Въ 1830 году, чтобы спасти министровъ Карла X, Людовикъ-Филиппъ внесъ въ Палату предложеніе объ отмѣнѣ смертной казни за политическія преступленія. Петиція, подтверждающая это предложеніе, была подписана «юльскими ранеными», но народъ запротестовалъ. Вооруженная толпа, выкинувъ флаги съ надписью «смерть министрамъ», двинулась на Вэнсенъ, а спустя нѣкоторое время стала угрожать Люксембургу. Сама національная гвардія, движимая чувствомъ ненависти, открыто желала смертнаго приговора. Рѣчь Эзеба Сальверга, разрушившая суровой логикой нѣсколько туманныя соображенія де-Траси, Лафайета и Кератри, заставила Палату депутатовъ отклонить предложеніе, черезчуръ ясно приуроченное къ извѣстнымъ обстоятельствамъ. Тѣмъ не менѣе, Людовикъ-Филиппъ остался въ этомъ вопросѣ до конца вѣренъ своимъ философскимъ принципамъ. Въ теченіе восемнадцати лѣтъ своего царствованія онъ не допустилъ ни одной смертной казни за политическія преступленія, что удивительно смягчило нравы: тотъ же народъ, который въ 1830 г. требовалъ въ награду за свою побѣду смерти министровъ Карла X, въ 1848 году восторженно привѣтствуетъ декретъ, сохраняющій жизнь министрамъ Людовика-Филиппа. Такъ безсознательно свершается среди общества прогрессивное движеніе разума, нравственная власть котораго вызываетъ неизбѣжныя политическія реформы. Законы чаще являются результатомъ, чѣмъ причиной этого прогресса: они скорѣе выразители самихъ нравовъ, а не регуляторъ этихъ нравовъ.

Въ составѣ временнаго правительства Ламартинъ былъ первымъ

истолкователемъ чувства, одушевлявшаго весь народъ. Луи-Бланъ, охраняя честь республики и желая торжественно уличить обвинявшихъ правительство въ терроризмъ, горячо поддержалъ выдвинутое Ламартиномъ предложеніе. Слабыя возраженія совершенно тонули въ приведенныхъ имъ возвышенныхъ и обоснованныхъ соображеніяхъ. Декретъ былъ подписанъ въ глубокомъ волненіи. Объединенные въ этотъ моментъ искреннимъ душевнымъ подъемомъ, эти люди, совершенно чуждые другъ другу, ставшіе скоро врагами, пожимали руки и поздравляли другъ друга съ тѣмъ, что воспользовались своей скоропреходящей властью въ интересахъ акта вѣчной справедливости. Старый Дюпонъ (де-Лёръ) благословлялъ судьбу за свою долгую жизнь, давшую ему возможность пережить такой день. Потомъ они, всѣ вмѣстѣ, вошли на крыльцо Рагуши, чтобы возвѣстить народу эту новую побѣду идеи жизни и милосердія надъ фатумомъ и смертью.

Толпа рабочихъ и солдатъ національной гвардіи уже нѣсколько часовъ стояла на площади въ ожиданіи сообщенія отъ правительства, къ которому народъ уже обращалъ всѣ свои мольбы, благославляя въ немъ какъ бы видимое Провидѣніе. Ламартинъ прошелъ впередъ; всѣ глаза устремились на него. Шумъ толпы и звонъ оружія смѣнился глубокимъ молчаніемъ. Ламартинъ сказалъ слѣдующее:

«Граждане! Временное правительство Республики призываетъ народъ въ свидѣтели нашей признательности за то великолѣпное единодушіе, съ которымъ онъ готовится принять новыя учрежденія.

«Временное правительство Республики имѣетъ сообщить народу только радостныя вѣсти.

«Королевская власть уничтожена.

«Республика провозглашена.

«Народъ будетъ пользоваться своими политическими правами.

«Общественныя мастерскія открыты для безработныхъ.

«Армія реорганизуется. Национальная гвардія неразрывно сливается съ народомъ, чтобы спѣшно водворить порядокъ тою же рукою, которая завоевала свободу.

«Наконецъ, граждане, временное правительство хотѣло принести вамъ само послѣдній декретъ, обсужденный и подписанный на этомъ достопамятномъ собраніи: уничтоженіе смертной казни за политическія преступленія.

«Это самый великій актъ, граждане, который когда-либо издавалъ народъ на другой день своей побѣды.

«Въ этомъ постановленіи желаніе всего французскаго народа вылилось неудержимымъ крикомъ изъ устъ его правительства. Мы

приносимъ его вамъ. Для народа нѣтъ ничего почетнѣе, какъ выказать величіе своей души».

Восторженный взрывъ одобренія привѣтствовалъ эти слова и пронесся отъ площади Ратуши къ набережнымъ и окрестнымъ улицамъ. Поднялся страстный, долго не умолкавшій крикъ: Да здравствуетъ республика! Да здравствуетъ временное правительство! Да здравствуетъ Ламаргинъ!

Власть народа была освящена въ этотъ торжественный часъ блестящимъ признаніемъ «человѣческаго права», единственной жертвой, совмѣстимой съ новымъ догматомъ свободнаго человѣчества, уничтоженіемъ самой жертвы.

XVIII.

Право на трудъ.—Министерство прогресса.—Общее признаніе правительства республики.

Единодушное одобреніе, которымъ былъ встрѣченъ декретъ, уничтожившій смертную казнь за политическія преступленія и косвеннымъ образомъ порицавшій излишества 93-го года, ясно указывало на такое нравственное состояніе населенія, при которомъ революцію 1848 года было гораздо легче пріостановить, но безконечно труднѣе направить извѣстнымъ образомъ, чѣмъ всѣ пережитыя страной революціонныя движенія. Дѣйствительно, съ 1830 года рабочій классъ въ Парижѣ былъ далеко не тѣмъ, чѣмъ былъ раньше. Ученіе социалистическихъ школъ въ царствованіе Людовика-Филиппа, хотя и распространяло среди народа рядъ ложныхъ идей, пробудило въ немъ самыя высокія нравственныя чувства и любознательность. Свободно воспринимающій организаторскія идеи и высшія прогрессивныя понятія, ясный умъ народа ставилъ передъ правительствомъ менѣе тяжелую, но гораздо болѣе широкую задачу. Пролетаріи были убѣждены, что можно было мирнымъ путемъ улучшить ихъ судьбу. Они были увѣрены въ томъ, что государство, безъ всякаго насилія, безъ всякаго нарушенія социальнаго порядка, движимо единственно искреннимъ желаніемъ, должно было доставить имъ трудъ, образование и отдыхъ. Предсказанія, которыя съ каждымъ днемъ принимали все болѣе пророческій характеръ, поддерживали въ глубинѣ сердца рабочаго надежду на близкое и полное удовлетвореніе его интересовъ среди общаго благосостоянія.

Въ 1839 году, Луи-Бланъ выразилъ различные вопросы, обсуждавшіеся въ социалистическихъ школахъ, въ одной формулѣ, ясно указывавшей на организаторскія стремленія народа. Съ выходомъ въ свѣтъ его книги, выраженіе «организация труда» отвѣчало всѣмъ

стремленіямъ пролетаріата. Принимая эту формулу, городской рабочей протестовалъ противъ всякихъ разрушительныхъ или хищническихъ тенденцій. Онъ зналъ такъ же хорошо, какъ и самыя глубокія политики, что ни эшафотъ, ни преслѣдованія не ведутъ къ социальному устройству. Онъ понималъ гораздо лучше, чѣмъ это поняли позднѣе богатые классы, что истинная справедливость исключаетъ месть, и злобныя чувства не способны создать ничего прочнаго. Но если, съ одной стороны, эта экономическая формула: «организация труда» отнимала у отжившихъ аксіомъ террора ихъ значеніе и вліяніе, то, съ другой стороны, она влагала въ эти два слова, въ ихъ широкомъ обобщеніи, неразрѣшимую проблему новѣйшей цивилизаціи. Она возвѣщала конецъ старой, какъ міръ, борьбы въ области религіи, политики и нравственности, но только что зародившейся и непримиримой въ области промышленности борьбы между авторитетомъ и свободой. Эта смѣлая формула еще не существующей науки, проводимая авторомъ даже въ правительственномъ совѣтѣ, внезапно была навязана обществу и повергла его въ большое смущеніе. Парижское населеніе ошибалось, думая, что реформа подобнаго рода могла создаваться декретомъ и осуществиться единственными усиліями правительства. Заблужденіе же правительства состояло въ томъ, что, преувеличивая трудность неотложнаго осуществленія реформъ, оно согласилось на обманчивыя полу-мѣры, которыя поддерживали въ народѣ роковое недоразумѣніе. По странной непослѣдовательности, это правительство, отвергавшее съ такимъ упорствомъ красное знамя, т. е. простое обѣщаніе провести въ жизнь провозглашенную имъ аксіому: «революція, совершенная народомъ, должна быть для народа», это же правительство имѣло слабость уступить вполнѣ опредѣленному и очень серьезному требованію. Оно обѣщало неотложно предпринять рядъ радикальныхъ реформъ, отнюдь не подлежащихъ его компетенціи. Оно необдуманно обѣщало то, что было совершенно не въ состояніи выполнить: оно сказало, что «обеспечиваетъ существованіе рабочаго трудомъ».

Во время революціи событія идутъ съ такой головокружительной быстротой, что въ тотъ самый день, когда правительство праздновало одержанную имъ блестящую побѣду надъ народомъ, пролетаріатъ въ первый разъ появился на политической аренѣ и черезъ вооруженнаго рабочаго предъявилъ новому государственному строю свое первое прямое и до нѣкоторой степени официальное требованіе. Прошло около часа съ тѣхъ поръ, какъ исчезла толпа съ краснымъ знаменемъ, когда вдругъ Гревская площадь, съ минутой совершенно опустѣвшая, снова наполнилась шумомъ и волненіемъ. Гонимыя какой-то новой грозой, новыя волны

народа наводнили ее со всѣхъ сторонъ, съ тревожнымъ рокотомъ и гуломъ. Правительство поняло, что ему угрожаетъ новая опасность; но не успѣло оно сообразить, что бы это такое могло быть, какъ дверь совѣта съ шумомъ распахнулась. Вошелъ человекъ съ ружьемъ въ рукахъ, съ блѣднымъ, искаженнымъ лицомъ, съ губами, дрожащими отъ гнѣва. Онъ смѣло подошелъ къ столу, гдѣ проходили пренія и, стукнувъ прикладомъ по паркету, молча указалъ на Гревскую площадь. Протяжный крикъ вырвался въ этотъ моментъ изъ толпы и придавъ угрожающее значеніе этому молчаливому жесту. Всѣ молчали. Выразительное лицо рабочаго, его осанка, высокомерный вызовъ, выражавшійся во всей его фигурѣ, поразили всѣхъ и вызвали невольное уваженіе даже у тѣхъ, которымъ его появленіе казалось личнымъ оскорбленіемъ. Нѣсколько рабочихъ, вошедшихъ вслѣдъ за нимъ, молча стали сзади. Въ этомъ выжидательномъ молчаніи, въ этомъ сдерживаемомъ волненіи было что-то торжественное. Наконецъ, рабочій прервалъ молчаніе. Твердымъ, почти повелительнымъ голосомъ онъ заявилъ, что пришелъ отъ имени народа требовать отъ правительства немедленнаго признанія и провозглашенія «права на трудъ».

«Граждане,—говорилъ онъ,—вотъ уже 24 часа, какъ революція кончена, а народъ все еще ждетъ ея результатовъ. Онъ посылаетъ меня сказать вамъ, что не потерпитъ дальнѣйшихъ отсрочекъ. Онъ требуетъ права на трудъ сейчасъ же».

Говоря это, Маршъ,—такъ звали народнаго оратора,—устремилъ на Ламартина свои большіе, блестящіе отвагой глаза, вѣроятно, чтобы дать ему понять, что онъ подозрѣваетъ его еще болѣе, чѣмъ остальныхъ въ измѣнѣ народному дѣлу.

Ламартинъ это понялъ. Подойдя къ рабочему, онъ попытался покорить его искусными ораторскими приѣмами; но, едва началъ онъ свою рѣчь, какъ Маршъ прервалъ его: «Довольно этихъ фразъ,—воскликнулъ онъ насмѣшливо,—довольно поэзій! Народъ не хочетъ ихъ больше. Онъ господинъ и онъ приказываетъ вамъ немедленно провозгласить право на трудъ».

Тогда Ламартинъ, въ свою очередь раздраженный такимъ повелительнымъ требованіемъ, возразилъ надменнымъ тономъ: «Пусть мои товарищи сдѣлаютъ все, что они сочтутъ полезнымъ по данному вопросу; что касается до меня, то я заявляю, что если бы мнѣ тысячу разъ угрожала смерть, если бы вы поставили меня передъ пушками, заряженными картечью, вонъ тамъ, подъ нашими окнами, я все же не подписалъ бы декрета, котораго не могу понять». Потомъ, понизивъ голосъ и слегка смягчая тонъ, онъ положилъ свою руку на плечо рабочаго, чтобы лучше овладѣть его вниманіемъ.

Вполнѣ соглашаясь съ нимъ, что желаніе народа является законнымъ и должно быть принято въ расчетъ, Ламартинъ вновь попытался его убѣдить. Онъ краснорѣчиво обрисовалъ ему критическое положеніе правительства, вынужденнаго среди тысячи заботъ сразу удовлетворять всѣмъ нуждамъ; онъ указалъ ему на опасность, угрожающую республикѣ, на ея враговъ, стоящихъ у дверей; онъ настаивалъ на томъ, что такая сложная задача, какъ право на трудъ, не можетъ быть рѣшена безъ содѣйствія и обсужденія всѣхъ компетентныхъ людей, всѣхъ просвѣщенныхъ республиканцевъ, которымъ вѣрить народъ. По мѣрѣ того, какъ Ламартинъ, все болѣе и болѣе успокаиваясь, развивалъ свою мысль, Маршъ, сбитый съ позиціи, колеблющійся, невольно растроганный, повернулся посоветоваться съ пришедшими вмѣстѣ съ нимъ делегатами. Эти послѣдніе, люди довѣрчивые и искренніе, поддались голосу благоумія и убѣждали другъ друга жестами и взглядами не настаивать болѣе. Маршъ ихъ понялъ. «Хорошо!—воскликнулъ онъ,—мы подождемъ. Мы будемъ вѣрить нашему правительству, разъ оно вѣритъ намъ; народъ будетъ ждать; онъ отдаетъ три мѣсяца нищеты на служеніе республики». Странное дѣло! Въ то время, какъ Ламартинъ отговаривалъ рабочихъ отъ слишкомъ поспѣшныхъ мѣръ, въ то время, какъ рабочіе, въ лицѣ Марша, соглашались отложить до болѣе удачнаго времени осуществленіе своихъ желаній, Луи-Бланъ, удалившись съ Ледрю-Ролленомъ и Флокономъ въ амбразуру окна, снѣжно составляли декретъ, который цѣлкомъ соглашался на только что отвергнутыя требованія. Смѣлость завела молодого социалиста дальше, чѣмъ того требовалъ дѣйствительно разумъ народа. Въ данномъ случаѣ не народъ указывалъ путь Луи-Блану, а онъ увлекалъ за собой народъ. Въ первую минуту появленіе Марша и его угрозы возмутили Луи-Блана такъ же сильно, какъ и его товарищей, но потомъ, оправившись отъ перваго движенія, онъ привѣтствовалъ рабочаго съ его выступленіемъ и, предоставивъ Ламартину столкнуться съ нимъ и не заботясь о результатахъ ихъ переговоровъ, онъ составилъ слѣдующій декретъ:

«Временное правительство французской республики обязуется обезпечить трудомъ существованіе рабочихъ.

«Оно обязуется обезпечить трудъ всѣмъ гражданамъ.

«Оно признаетъ, что рабочіе должны соединяться въ союзы, чтобы пользоваться законнымъ доходомъ отъ своей работы.

«Временное правительство передаетъ рабочимъ принадлежащій имъ миллионъ изъ суммъ гражданскаго листа.»

Эта послѣдняя фраза, оскорблявшая народъ тѣмъ, что бросала ему, какъ жадному рабу, пищу, которой онъ вовсе не требо-

валъ, была прибавлена къ декрету Ледрю-Роллэнъ ¹⁾. Въ силу какой непослѣдовательности или разсчета всѣ члены временнаго правительства подписались подъ этимъ декретомъ. Удовольствовались ли они нѣкоторыми измѣненіями въ текстѣ? Или убѣдились, что суть декрета измѣнилась изъ за того, что Луи-Бланъ, безъ сомнѣнія умышленно, выпустилъ слова «право» и «организация»? Можетъ быть, Ламартинъ, удовлетворенный своимъ ораторскимъ успѣхомъ, подписалъ, не читая, или только слегка пробѣжавъ столь противорѣчащій его основнымъ убѣжденіямъ декретъ? Крайне непріязненно относившійся впоследствии къ социализму, Ледрю-Роллэнъ, вѣроятно, на этотъ разъ испугался торжества своего соперника на революціонномъ пути? Или Мари, представившій такую страстную оппозицію, сразу перемѣнилъ образъ мыслей? И, наконецъ, неужели у Марраста, подписывавшаго съ такой очевидной неохотой свое имя, не хватило мужества протестовать противъ общаго увлеченія? Эти вопросы остаются безъ отвѣта.

Декретъ всетаки былъ подписанъ полнымъ составомъ временнаго правительства. Этотъ до крайности необдуманый указъ, не устанавливая ничего новаго въ государственномъ строѣ, переворачивалъ до основанія всѣ законы и взаимныя отношенія въ торговлѣ и промышленности. Переворотъ въ промышленномъ мірѣ, который долженъ былъ совершиться постепенно, свободно, согласно съ общественнымъ мнѣніемъ каждой страны и путемъ международнаго соглашенія ихъ, былъ произведенъ властью нѣсколькихъ, чуждыхъ экономическимъ ученіямъ, лицъ подъ давленіемъ одного человѣка, хотя и знакомаго съ этими трудными вопросами, но не имѣвшаго практическаго опыта и сдавленнаго узостью опредѣленной системы. Самонадѣянныя и слабовольныя люди опрометчиво кинулись въ тотъ хаотическій міръ, куда и гениальный умъ можетъ заглянуть только съ крайней осторожностью.

Напечатанный 26-го февраля въ «Монитерѣ», этотъ декретъ нѣсколько удовлетворилъ рабочихъ. Ихъ слишкомъ прямолинейный умъ видѣлъ въ немъ только подтвержденіе справедливости ихъ дѣла и умѣренности ихъ просьбы. Это вполне понятно. Вѣдь и на самомъ дѣлѣ требованіе «права на трудъ» отнюдь не означало желанія уклониться отъ всѣхъ обязанностей по отношенію къ обществу; не означало даже требованія отдыха послѣ труда, наслажденій послѣ работы. «Труда и хлѣба!» — какое скромное и

¹⁾ Ледрю-Роллэнъ принадлежалъ къ той категоріи республиканцевъ, которые держатся очень невысокаго мнѣнія о народѣ и въ самыхъ своихъ стремленіяхъ къ популярности сохраняютъ отгѣнокъ аристократическаго предразсудка, снисходительность высшей натуры къ низшей.

благородное требованіе на другой же день послѣ самой полной побѣды. Чернь древняго Рима молила у своихъ императоровъ «хлѣба и зрѣлищъ». Въ этой замѣнѣ одного слова другимъ сказалось все строгое величіе христіанской цивилизаціи. Весь будущій цивилизованный міръ преклонится передъ этой скромной и гордой формулой республиканскаго возрожденія.

Ни одна капля порицанія не должна упасть на пролетаріатъ изъ того, что исторія можетъ поставить въ вину непредусмотрительности временнаго правительства; народъ не виновенъ въ этомъ. Да и какъ могъ этотъ народъ, не получившій еще ни историческаго, ни научнаго образованія, сразу разобраться въ наиболѣе запутанныхъ вопросахъ социальной жизни. Культура, которой ему удалось достигнуть, благодаря рѣдкой настойчивости, жертвуя ей временемъ, сбереженіями, развлеченіями и семейными радостями, могла развить его умъ до пониманія общихъ положеній о правахъ и обязанностяхъ. Но откуда могло взяться у него не говоря пониманіе, а предчувствіе той философіи законовъ общества, которая является результатомъ совокупности всѣхъ человѣческихъ знаній.

Луи-Бланъ, авторъ декрета и до нѣкоторой степени навязавшій его своимъ товарищамъ, въ глубинѣ души сознавалъ его неумѣстность. Какъ человѣкъ науки, онъ не могъ не знать, что законы объ ассоціаціяхъ, на которые должно опираться право на трудъ, были еще совершенно не разработаны. Обѣщать немедленно выработать ихъ было бы такой же нелѣпостью, какъ издать декретъ, постановляющій открыть новый міръ. Но молодой законодатель увѣрялъ себя, что если, благодаря его инициативѣ, ему предложить диктатуру общественныхъ работъ, то онъ будетъ въ силахъ дать ходу промышленности и торговли новое направленіе, благоприятное для пролетаріата. Его одушевляла та вѣра въ себя, которая создается глубокими убѣжденіями и сознаниемъ популярности. Съ радостью узналъ онъ о намѣреніи рабочихъ явиться во второй разъ въ Ратушу, чтобы потребовать отъ временнаго правительства учрежденія спеціальнаго министерства, на которое было бы возложено проведеніе въ жизнь новаго декрета о правѣ на трудъ.

Это намѣреніе очень быстро было приведено въ исполненіе. 28-го около полудня большое число корпорацій, составлявшихъ около двѣнадцати тысячъ человѣкъ, вышли на Гревскую площадь и размѣстились въ глубокомъ молчаніи. Они несли съ собой различные флаги, смотря по ремесламъ, на которыхъ можно было прочесть написанныя крупными буквами слѣдующія слова: «Министерство прогресса; Организация труда; Уничтоженіе эксплуатаціи человѣка-человѣкомъ».

При видѣ этого, совѣтъ заволновался. Поднялся бурный споръ между Луи-Бланомъ, повелительно требовавшимъ принятія предлагаемой народомъ мѣры, и Ламартиномъ, крайне рѣзко и рѣшительно отвергавшимъ эту мѣру. Безъ сомнѣнія, это были люди глубоко различныхъ взглядовъ, но не это раздѣляло ихъ. Охватившее ихъ страстное стремленіе къ популярности, соревнованіе ихъ честолюбивыхъ замысловъ и талантовъ,—вотъ въ чемъ слѣдовало искать корня ихъ вражды. Оба они стремились подчинить себѣ народъ и считали себя призванными управлять республикой. Отсюда ихъ ненависть другъ къ другу, возраставшая съ каждой удачей того и другого и выразившаяся въ горькихъ взаимныхъ упрекахъ при ихъ паденіи.

Въ этотъ день Ламартинъ одержалъ верхъ. Ледрю-Ролланъ, Кремье и Флоконъ, обычно возражавшіе ему, на этотъ разъ стали на его сторону. Каждый изъ нихъ слишкомъ хорошо зналъ вліяніе Луи-Блана на массы, чтобы усиливать его властью, благодаря которой онъ легко могъ добиться диктатуры, основанной на ихъ паденіи. Учрежденіе министерства прогресса было такимъ образомъ единодушно отвергнуто.

Возмущенный, оскорбленный Луи-Бланъ всталъ и объявилъ, что такъ какъ съ волей народа болѣе не считаются, то ни онъ, ни другъ его рабочій Альберъ, не могутъ долѣе оставаться въ составѣ правительства. Ихъ уходъ въ подобную минуту послужилъ бы сигналомъ къ сраженію на улицахъ. Если бы рабочее населеніе, страстно привязанное къ Луи-Блану, увидало, что онъ покидаетъ Ратушу, то оно сочло бы врагомъ народа то правительство, которое осуждалъ ихъ любимецъ. Еще одно слово, одинъ жестъ и страшное возстаніе охватило бы Парижъ.

Всѣ поняли, что опасность неизбежна; столпившись вокругъ своего товарища, они умоляли его взять назадъ слово, послѣдствія котораго были неисчислимы. Луи-Бланъ оставался глухимъ къ ихъ мольбамъ, когда вмѣшался Гарнье Пажесъ и предложилъ учредить комиссію подъ предѣтельствомъ Луи-Блана для подготовки къ національному собранію полнаго плана новой организаціи промышленности. Маррастъ, ухватившись за эту мысль въ надеждѣ ослѣпить воображеніе Луи-Блана и польстить самолюбію пролетаріата, предложилъ, чтобы подчеркнуть значеніе этой комиссіи, помѣстить ее въ Люксембургскомъ дворцѣ. Все было напрасно. Луи-Бланъ настаивалъ на своемъ отказѣ. «Что я буду дѣлать», повторялъ онъ, «безъ власти безъ денегъ, безъ всякихъ средствъ къ осуществленію моей идеи? Что мнѣ отвѣтить народу, который меня любитъ, если онъ меня упрекнетъ въ томъ, что я его обманулъ? Его хотятъ усыпить обманчивыми обѣщаніями. Меня считаютъ

способнѣе другихъ на эту вѣроломную роль. Мнѣ предлагаютъ прочесть голодному народу лекцію о голодѣ. Моя честь и совѣсть отказываются отъ этого. Если народъ еще разъ долженъ быть обманутъ, пусть это сдѣлаетъ кто-нибудь другой, а не я.» Эти прочувствованные слова не оставляли никакой надежды на возможность соглашенія. Но всетаки Араго сдѣлалъ послѣднюю попытку. Во имя старинной дружбы, во имя отеческихъ заботъ, которыми онъ долгіе годы окружалъ молодого и тогда еще неизвѣстнаго писателя, онъ сталъ горячо умолять его остаться. Онъ соглашался раздѣлять съ Луи-Бланомъ всѣ опасности положенія, переживать вмѣстѣ съ нимъ неизбежное въ такихъ случаяхъ народное недовольство. Онъ предлагалъ быть вице-предѣтелемъ комиссіи, въ которой будетъ предѣлывать его товарищъ.

Мольбы человѣка, пользующагося такимъ вліяніемъ, тронули Луи-Блана. Лучшія чувства заговорили въ немъ. Природное упрямство, огромное честолюбіе, гордость, еще болѣе ожесточенная обидой, мало по малу поддались убѣжденію. Краснорѣчивая и убѣдительная рѣчь старика смягчила его гнѣвъ. Чтобы оправдать свою слабость въ собственныхъ глазахъ, Луи-Бланъ мысленно приводилъ слѣдующіе доводы: пусть комиссія рабочихъ не дастъ непосредственныхъ, практическихъ результатовъ; она все же представитъ ему возможность широкой пропаганды; вѣдь ему предлагаютъ то, о чемъ онъ давно и страстно мечталъ,—свободную кафедру въ Люксембургскомъ дворцѣ, трибуну, съ которой раздастся свободная проповѣдь его ученія. Было бы безуміемъ отказаться отъ выгодъ такого предложенія. Луи-Бланъ объявилъ, что онъ уступаетъ желанію совѣта.

Тогда были введены народные делегаты. Рабочій механикъ говорилъ отъ имени всѣхъ. Когда онъ окончилъ свою рѣчь, въ совѣтѣ произошло замѣшательство. Члены правительства, наиболѣе настойчиво отвергавшіе министерство прогресса, удалились вглубь комнаты, какъ бы желая показать, что это дѣло ихъ не касается. Одинъ Ламартинъ, всегда готовый отвѣчать за свои поступки, остался на виду и, видя, что никто не собирается говорить, онъ повторилъ отъ имени своихъ товарищей то, что ему приходилось повторять уже нѣсколько разъ. Онъ требовалъ отъ рабочихъ терпѣнія и преданности республикѣ. Тѣ едва его слушали. Они спрашивали взглядомъ того, на кого возлагали всѣ свои надежды, они ждали отъ него слова, жеста, который показалъ бы имъ, что имъ дѣлать.

Луи-Бланъ долго смотрѣлъ въ сторону, не говоря ни слова. Наконецъ, онъ рѣшился заговорить, но съ какимъ усиліемъ. Его жесты, обычно вѣрнные и властные, стали вдругъ нерѣшитель-

ными, почти робкими. Какая то тѣнь заволокла его искренній взглядъ. Нетвердымъ голосомъ онъ повторилъ, какъ плохо заученный урокъ, чуждыя его взглядамъ политическія соображенія и произнесъ надъ собой звучащей горькой ироніей приговоръ. Рабочіе молчали въ недоумѣніи, не вѣря собственнымъ ушамъ. Имъ дали прочесть декретъ, обходившій ихъ желаніе, послѣ чего они удалились, совершенно сбитые съ толку, допытываясь другъ у друга разгадки всего происшедшаго.

Здѣсь умѣстно остановить вниманіе читателя на томъ, какъ при совершенно различныхъ обстоятельствахъ и въ различные моменты революціоннаго кризиса у людей, разныхъ по взглядамъ и положенію, рушатся одинаково ихъ надежды на диктатуру передъ той силой вещей, съ которой они не въ состояніи бороться, потому что даже не знаютъ, съ какой стороны ее взять. Мы видѣли, какъ Бланки, тотчасъ же послѣ учрежденія временнаго правительства, готовъ былъ послать на Ратушу вооруженную толпу своихъ единомышленниковъ, и какъ онъ же самъ остановилъ ее, заставилъ разойтись и отворотилъ своею же рукою ударъ, который готовился нанести. А четыре дня спустя Луи-Бланъ, опираясь на народную силу, гораздо болѣе значительную, твердо рѣшившись вмѣстѣ съ нею, и благодаря ей, внушить страхъ безсильному правительству, въ свою очередь колеблется, смущается и доходитъ до того, что начинаетъ умолять народныхъ делегатовъ утвердить декретъ, разрушавшій ихъ общія надежды. Еще позднѣе мы увидимъ, какъ генералъ Кавеньякъ, стоя во главѣ побѣдоносной арміи, подавившій возстаніе, любимый національнымъ собраніемъ, упускаетъ власть изъ своихъ рукъ и даже не дѣлаетъ никакой попытки удержать ее. А черезъ полгода послѣ этого наслѣдникъ славнаго имени, вознесенный на вершину власти шестью милліонами народныхъ голосовъ, движимый фаталистической вѣрой въ свою звѣзду, останавливается, какъ бы парализованный тою же темной, неуловимой силой. Эта сила, которую никто не въ состояніи ни понять, ни назвать, но которой всѣ подчиняются—духъ XIX-го вѣка.

Между тѣмъ, большинство совѣта было подавлено всѣмъ случившимся. Принимая смѣлость Луи-Блана за силу, весь совѣтъ былъ встревоженъ невѣроятной популярностью молодого писателя. Совѣту казалось, что онъ какъ бы отрекся отъ власти надъ пролетаріатомъ и передалъ ее въ руки Луи-Блана. Поэтому онъ съ радостью услыхалъ о предложеніи, выдвигаемомъ самими обстоятельствами и проектирующимъ неотложную помощь нуждающимся рабочимъ. Эти практическія мѣры являлись противовѣсомъ вліянію Луи-Блана и его теорій. Министръ общественныхъ работъ представилъ проектъ національныхъ мастерскихъ, по которому всѣ безработные

должны быть собраны въ правильныя группы подъ начальствомъ военныхъ и находиться въ распоряженіи правительства. Правительство находило, что данный проектъ является изумительнымъ политическимъ приѣмомъ: толпа сразу очиститъ площадь; для борьбы съ революціей создастся вооруженная армія, взятая изъ среды самого народа; пролетаріатъ составитъ оппозицію пролетаріату же. Вопросъ даже не обсуждался; декретъ, составленный Мари, былъ подписанъ, не вызвавъ ни одного возраженія.

Учрежденіемъ національныхъ мастерскихъ большинство совѣта рассчитывало не только устранить серьезныя затрудненія, вызванныя прекращеніемъ работъ и бѣдственнымъ положеніемъ рабочихъ, но и создать силу, превосходящую значеніе Луи-Блана и социализма. Послѣдующія событія ясно показали, что правительство этимъ приѣмомъ подготовило и организовало социальную войну противъ самого себя.

Но всѣ эти раздоры и разногласія среди членовъ правительства наружно ничѣмъ не проявлялись. Слѣды трехдневнаго сраженія быстро исчезали. Разбирались баррикады, возобновлялась мостовая. Убирались наваленныя деревья и обломки скамеекъ, затруднявшіе движеніе; спѣшно поправлялись поврежденія. Дѣятельная полиція подъ руководствомъ Коссидьера повсюду возстановляла порядокъ. Незамѣтно открывались лавки, на людныхъ улицахъ стали появляться кареты, съ которыхъ, согласно постановленію временнаго правительства, были сняты гербы¹⁾. Часть населенія, не принимавшая участія въ революціи, съ любопытствомъ выходила изъ своего убѣжища и невольно поддавалась заразительности народной радости. Причудливыя афиши, покрывавшія стѣны, продававшіяся на улицѣ карикатуры, громко выкрикиваемыя странныя названія новыхъ газетныхъ листовъ, приводили гуляющихъ въ веселое настроеніе. Женщины съ удивленіемъ замѣчали, что къ нимъ относятся съ почтительностью и чувствовали себя въ большей безопасности съ тѣхъ поръ, какъ приличіе на улицахъ и прогулкахъ находилось какъ бы подъ охраной пролетаріевъ.

Провозглашеніе республики 27-го февраля у подножія Іюльской колонны было патріотическимъ праздникомъ. Интересенъ от-

¹⁾ Луи-Бланъ считалъ полезнымъ изданіе декрета объ уничтоженіи титуловъ. Этотъ декретъ, изданный еще Учредительнымъ собраніемъ, но не установившій, — ни въ 1790, ни 1848, — никакого наказанія за нарушенія даннаго постановленія, соблюдался до тѣхъ поръ, пока любители гербовъ испытывали нѣкоторый страхъ. Но буржуазія, очень дорожившая вѣщными знаками отличія, поторопилась возстановить ихъ, какъ только признала безопасность подобнаго поступка. На этомъ примѣрѣ выяснилось еще разъ, какъ безрезультатны постановленія о перемѣнахъ въ обычаяхъ, разъ нравы остаются тѣ же.

четь «Монитера» объ этомъ торжествѣ. Его языкъ, проникнутый чувствами народа, выражаетъ гораздо лучше всѣхъ позднѣйшихъ разсказовъ наивные восторги и надежды народныхъ массъ.

«Парижъ, пишетъ 28-го февраля «Монитеръ», справлялъ одинъ изъ величайшихъ и прекраснѣйшихъ праздниковъ, когда-либо отмѣченныхъ исторіей. По два баталіона отъ каждаго легіона національной гвардіи были созваны наканунѣ вечеромъ; черезъ нѣсколько часовъ всѣ были на своихъ мѣстахъ; и никогда еще ряды не были такъ густы. Участники боя, еще съ оружіемъ въ рукахъ, въ теченіе нѣсколькихъ дней дѣлившіе съ національными гвардейцами всю службу по охраненію общественнаго порядка и безопасности, увеличивали число этого народной милиціи и являлись свидѣтелями братскаго единенія, начавшагося еще въ пылу сраженія и скрѣпленнаго побѣдой. Весь народъ, сознающій свою силу и величіе, собрался на безсмертной площади Бастиліи, воспоминаніе о которой представляетъ однѣ изъ лучшихъ страницъ въ исторіи Революціи и Свободы. Члены временнаго правительства вышли изъ залы засѣданій ровно въ два часа; они спустились по большой лѣстницѣ Ратуши среди несмѣтной толпы собравшихся гражданъ, гвардія взяла на караулъ, музыка заиграла походъ. Крики «да здравствуетъ Республика!», поднявшіеся изъ восторженный толпы, огласили всю площадь, запруженную народомъ.

«Шествіе двинулось впередъ. Во главѣ шель отрядъ національной гвардіи верхомъ, затѣмъ воспитанники школы главнаго штаба. За ними слѣдовалъ легіонъ національной гвардіи, въ ряды котораго вмѣшались другіе граждане, которые своимъ костюмомъ и оружіемъ являлись живымъ напоминаніемъ только что окончившейся революціи; въ составъ этого легіона вошло много учащейся молодежи, развитой, исполненной лучшихъ патріотическихъ чувствъ, и совершавшей чудеса храбрости и самоотверженности. Далѣе шли члены временнаго правительства въ черныхъ фракахъ съ трехцвѣтными шарфами и красной розеткой въ петлицѣ. Къ нимъ присоединились министры финансовъ, торговли, народнаго просвѣщенія, военный министръ, помощники мэровъ Парижа и главный директоръ почты. Самые одушевленные крики привѣтствовали этихъ избранниковъ возстанія. Непосредственно передъ ними шли офицеры Сэнъ-Сира, а отрядъ учениковъ политехнической школы съ обнаженными шпагами въ рукахъ живой изгородью окружалъ временное правительство. Сзади двигалась огромная и все разрастающаяся толпа. Кассационная и апелляционная палаты, генераль Бедо, командующій дивизіей, сухопутные и морскіе офицеры, чиновники другихъ вѣдомствъ шли на площадь Бастиліи, гдѣ сплоченная толпа тѣснилась около увѣнчанной трехцвѣтными флагами Юль-

ской колонны. Дождливая дотолѣ погода прояснилась, какъ будто само солнце хотѣло освѣтить своими лучами первый праздникъ республики. Подойдя къ основанію колонны, члены временнаго правительства подъ звуки Марсельезы стали въ рядъ. Знамена помѣстились передъ ними. Когда затихла дробь барабановъ, Араго началъ рѣчь; громкимъ голосомъ онъ объявилъ народу, что правительство сочло своимъ долгомъ торжественно провозгласить республику передъ геройскимъ населеніемъ Парижа, единодушное одобреніе котораго уже освятило эту новую форму правленія. Безъ сомнѣнія, не достааетъ еще санкціи всей Франціи, но мы надѣемся, что она подтвердитъ желаніе парижскаго населенія, давшаго новый и блестящій примѣръ мужества, могущества и умѣренности. Оно желаетъ показать своему отечеству и всему міру, что у нея не смутное представленіе, а вполне сознательное пониманіе своихъ правъ. Спокойные, сильные, энергичные и великодушные граждане Парижа могутъ считать себя предметомъ гордости Франціи. Они съ презрѣніемъ предають забвенію зло королевской власти, чтобы отдаться служенію высшимъ интересамъ, одинаковымъ у всѣхъ народовъ, тѣмъ безсмертнымъ принципамъ, которые должны стать для нихъ нравственнымъ закономъ политики и гуманности.

«Граждане!» — съ увлеченіемъ воскликнулъ Араго, «повторите со мной народный кличъ: «Да здравствуетъ республика!» Всѣ члены временнаго правительства обнажили головы, знамена склонились и, съ грохотомъ барабановъ, забывшихъ походъ, съ звуками трубъ и музыки слился потрясающій гулъ народныхъ голосовъ, покрывшій все остальное: «Да здравствуетъ республика!»

«Почтенный предѣдатель совѣта Дюпонъ (де-Лёръ) въ слѣдующихъ выраженіяхъ благодарилъ парижскихъ гражданъ за совершенную ими побѣду:

«Граждане!

«Временное правительство республики съ радостью пользуется первымъ собраніемъ національной гвардіи Парижа, чтобы отблагодарить ее за безграничныя услуги, оказанныя ею родинѣ въ пережитыхъ нами чрезвычайныхъ обстоятельствахъ. Опираясь на вашъ патріотизмъ, мы надѣемся укрѣпить республиканскій строй, завоеванный французскимъ народомъ цѣною крови, утвердить общественный порядокъ и провести въ жизнь всѣ наши свободы.»

«Оглушительное «браво!» встрѣтило эту рѣчь почтеннаго президента. Восторгъ толпы еще усилился, когда Араго взволнованно произнесъ: «Граждане! восемьдесятъ лѣтъ чистой, полной самоотверженнаго патріотизма жизни говорятъ съ вами!..» «Да, да, да здравствуетъ Дюпонъ (де-Лёръ)!» — «Да здравствуетъ республика!» —

отвѣчаетъ Дюпонъ, и восторженный отвѣтный крикъ толпы гремитъ, не смолкая, въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ.

«Кремье въ горячихъ словахъ предлагаетъ почитать память храбрыхъ гражданъ, убитыхъ въ іюльскую революцію, имена которыхъ начертаны на бронзовой статуѣ. Этотъ день утѣшить ихъ души за восемнадцать лѣтъ терпѣнія и скорби. Отнынѣ никто не посмѣетъ отнять у народа плоды его побѣды. Республиканское правительство исходитъ изъ народа и опирается на народъ. Всѣ классовыя различія сметены равенствомъ, всѣ враждебныя чувства смолкаютъ и исчезаютъ въ томъ братскомъ единеніи, которое изъ сыновъ одной родины создаетъ дѣтей одной семьи, а изъ всѣхъ народовъ—союзниковъ. Эти слова были прерваны бурными аплодисментами.

«Полковникъ де-Куртэ, командующій національной гвардіей, распорядился начать церемониальный маршъ, но толпа была такъ громадна, что прорывалась сквозь ряды. Она также проходила подъ звуки марша передъ временнымъ правительствомъ; крики: «да здравствуетъ республика!» раздавались каждую минуту. Члены временнаго правительства, пропустивъ мимо себя первый и второй легионы, что заняло около часа, сами двинулись вдоль фронта другихъ легионовъ, вытянутыхъ по бульварамъ.

«Съ площади Бастилии до входа въ предмѣстье Пуассоньеръ катился сквозь несмѣтную толпу одинъ единодушный и несмолкаемый крикъ. Казалось, Парижъ призывалъ во свидѣтели небо и землю и привѣтствовалъ учрежденіе французской республики съ такой силой единодушія, какое можетъ вырваться только у людей, проникнутыхъ однимъ завѣтнымъ желаніемъ и искреннимъ убѣжденіемъ. На всѣхъ лицахъ выражалось довѣріе и радость: то не было случайное и мимолетное чувство удовлетворенія, но сознательная и глубокая радость. Кѣгда шествіе повернуло къ верхней части бульвара Сэнъ-Дени, то за временнымъ правительствомъ шла огромная, безчисленная, захватывающая всю ширину дороги и терявшаяся въ дали толпа гражданъ. И это было самое главное; ничто не можетъ сравниться съ торжественностью, которую создаетъ присутствіе народа, ничто не можетъ сравниться съ его величіемъ.

«Описаніе этого дня попадетъ отнынѣ на страницы исторіи, которыя будутъ особенно охотно перечитываться. Этотъ народъ, три дня назадъ столь возмущенный и воодушевленный жаромъ битвы, сегодня представлялъ одно цѣлое, соединялъ въ одно свои стремленія, испытывалъ лишь чувство примиренія и отдавался надеждамъ на великое и счастливое будущее съ довѣріемъ, которое, по крайней мѣрѣ, на этотъ разъ, не обманетъ его. Можно съ вполнѣ основательной гордостью сказать, что правительство, опирающееся на эту народную силу—самое могущественное изъ всѣхъ. Парижскіе граж-

дане открыли новую эру: служба Франціи, они вмѣстѣ съ тѣмъ будутъ служить и всѣмъ націямъ въ Европѣ. Французская республика возвращаетъ нашей родинѣ ея славную судьбу, она вручаетъ ей инициативу прогресса; она приходитъ на помощь времени и идеямъ, которые мало-по-малу ведутъ старый свѣтъ къ созданію Соединенныхъ Штатовъ».

И откуда у временнаго правительства могло явиться хотя на одну минуту сомнѣніе въ чувствахъ къ нему націи? Сочувствіе правительству не было вынужденнымъ, не являлось только въ единичныхъ случаяхъ; оно порывисто и искренно выражалось со всѣхъ сторонъ. Столбцы официальной газеты были имъ переполнены. Ратуша, казалось, не могла вмѣстити всѣхъ желающихъ выразить преданность республикѣ. Адреса, поздравленія, пожертвованія получались непрерывно. Наряду съ подчиненіемъ временному правительству, преклоненіе передъ народомъ тоже сдѣлалось обычнымъ явленіемъ. Хвалебный тонъ повышался съ минуты на минуту. Каждый изопрялся въ комплиментахъ; самые запуганные были наиболѣе щедры на похвалы. Взрывы восторга облегчали стѣсненную страхомъ грудь.

Духовенство первое добровольно выразило сочувствіе. 24-го февраля вечеромъ его преосвященство Аффрѣ, архіепископъ парижскій, объявилъ, что онъ искренно присоединяется къ республикѣ, и приказалъ священникамъ своей епархіи пѣть за церковными службами: *Domine salvum fac populum* (Боже, спаси народъ). Нѣсколько дней спустя, отецъ Лакордеръ превозносилъ съ Сэнъ-Меррійской кафедрой «народъ, величественный въ своемъ гнѣвѣ». Газета католической партіи «L'Univers» пишетъ слѣдующее:

«Въ событіяхъ слышится гласъ Божій. Революція 1848 г. есть знаменіе Провидѣнія. По той легкости, съ которой совершился великій переворотъ, по тому незначительному участию, которое принимала въ немъ воля людей, надо признать, что время дѣйствительно пришло. Общество не можетъ быть перевернуто до основанія путемъ однихъ заговоровъ. Удачный заговоръ тотчасъ же вызываетъ гражданскую войну. Политическій принципъ, подвергшійся внезапному нападенію и разрушенію, немедленно же попытался бы защитить себя. Кто думаетъ теперь во Франціи о защитѣ монархіи? Кто можетъ объ этомъ думать? Франція считала себя еще монархической страной, когда она уже была республиканской. Вчера она еще удивлялась этому, сегодня отъ этого удивленія не осталось и слѣда. Оправившись отъ перваго смятенія, она мужественно, разумно и неуклонно будетъ стремиться къ созданію учреждений, соответствующихъ тѣмъ основамъ, которыя уже давно ею прочно усвоены. Монархія пала подъ тяжестью своихъ ошибокъ.

Она сама болѣе, чѣмъ кто-либо способствовала своему паденію. Безнравственная при Людовикѣ XIV, скандально разнузданная при Людовикѣ XV, деспотичная при Наполеонѣ, неумная до 1830 года, коварная, чтобы не сказать болѣе, до 1848 года, монархія могла видѣть, какъ постепенно уменьшалось количество и энергія ея приверженцевъ. Теперь у нея ихъ совсѣмъ уже нѣтъ болѣе. Карлъ X еще имѣлъ личныхъ друзей и преданныхъ ему слугъ. Многіе истинно благородные люди носили по немъ трауръ; его наслѣднику удавалось въ теченіе нѣкотораго времени находить приверженныхъ монархіи солдатъ. Людовика-Филиппа проводили лишь до дверей покидаемаго имъ жилища. Была сохранена его жизнь, а не корона, и ему дали возможность спастись, не дѣлая ему даже чести считать его за опаснаго врага. Никогда еще низверженіе трона не сопровождалось такимъ униженіемъ. Дѣло въ томъ, что этотъ тронъ не былъ уже трономъ. Французы-католики будутъ наилучшими и наиболѣе искренними республиканцами. Среди восторжествовавшихъ социальныхъ принциповъ, которые лягутъ въ основу новыхъ учрежденій, какіе собственно отвергаются церковью? Какіе она переставала проповѣдовать въ теченіе 18 вѣковъ королямъ и народамъ? Никакихъ».

Въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ парижское духовенство благословляло древо свободы, сравнивая его съ древомъ креста Господня, предупредительно напоминая, что дѣло духовенства есть дѣло народа, что Иисусъ Христосъ первый далъ міру республиканскую формулу: свобода, равенство, братство. Символическіе тополя брались чаще всего изъ чудныхъ садовъ духовныхъ обществъ, и монахини сами украшали ихъ гирляндами, лентами и бантами. Онѣ предлагали помѣстить у себя изувѣченныхъ рабочихъ, принимали къ себѣ дочерей павшихъ за родину гражданъ. Сочувствіе бѣлаго и чернаго духовенства было единодушно. Изъ его среды ни одинъ голосъ не пожалѣлъ рухнувшей королевской власти.

Магистратура, точно такъ же, какъ и духовенство, не выказала никакого сопротивленія общему увлеченію. Кассационная, апелляционная и контрольная палаты, коммерческой судъ, собраніе нотариусовъ, стряпчихъ, сословіе адвокатовъ, биржевые маклера наперерывъ торопились принести въ Ратушу свои увѣренія «въ безграничной преданности республикѣ» и «въ полномъ сочувствіи великодушнымъ начинаніямъ» и «достойнымъ удивленія дѣйствіямъ правительства»¹⁾. Устами де-Корменэна государственный совѣтъ выражалъ свою «преданность той великой революціи, которая тре-

¹⁾ См. «Мониторъ» отъ 2-го мая и слѣдующихъ дней; рѣчи Сегье, Дюпэна, Порталиса, Бароша и др.

петала въ сердцахъ народа еще прежде, чѣмъ ее оросила благородная народная кровь, прежде, чѣмъ народъ донесъ ее на своихъ рукахъ до верховной власти».

Какъ мы уже видѣли, 28-го армія устами своихъ начальниковъ, бывшихъ наиболѣе горячими приверженцами династїи, маршаловъ Сульта, Бюжо,¹⁾ Себастиани, Жерарда и генераловъ Удино, Барагье-д'Илле, де-Фэзансака, Лагитта выразила готовность служить республикѣ. Генераль Шангарнье въ самыхъ убѣдительныхъ выраженіяхъ просилъ въ своемъ официальномъ письмѣ временное правительство, чтобы оно утилизировало его «привычку побѣждать»²⁾.

Университетъ, голосомъ Жерюзэ, восхищался «этой революціей, совершившейся на благо всего человѣчества и орудіемъ которой былъ народъ, вооруженный непобѣдимой силой Божіей». Онъ привѣтствовалъ «отнынѣ безсмертное имя республики»³⁾.

Газеты орлеанистовъ и легитимистовъ выражали по своему общее чувство. «Довѣріе! Довѣріе!» восклицаетъ де-Жирандэнъ въ «La Presse», энергично отвергая предположеніе о возможности регентства и доказывая, что отнынѣ одна республика можетъ объединить всѣ партїи. «Le Journal des Débats» говоритъ «о грозахъ, которыми Богъ и народъ проявляютъ свой гнѣвъ и свое могущество». Онъ довольно легко, повидимому, мирится съ крушеніемъ «иллюзій и грезъ». «Le Siècle» утверждаетъ «съ гордостью, что ничья слава не можетъ затмить въ исторїи славы февральскихъ побѣдителей». «La Revue des deux Mondes», наконецъ, разсыпаясь въ похвалахъ временному правительству, хвалитъ его энергичный патріотизмъ, привѣтствуетъ его за «обезпеченный всѣмъ гражданамъ трудъ», отданный рабочимъ миллионъ, взятый изъ гражданскаго листа, и говоритъ: «Съ тѣхъ поръ, какъ въ прошломъ вѣкѣ французская мысль начала работать надъ политическимъ освобожденіемъ міра, никто не отрицалъ въ принципѣ права отдѣльныхъ лицъ и массъ на благосостояніе, какъ на награду за трудъ. Чтобы достигъ этого вполне законнаго результата, дѣлались самыя искреннія усилія, но, надо съ этимъ

¹⁾ См. *Историческіе документы*, въ концѣ этого тома, № 11.

²⁾ „Мнѣ нѣтъ надобности говорить вамъ, что я не желалъ республики“, пишетъ маршалъ Бюжо въ одномъ частномъ письмѣ отъ 16-го марта, „но всетаки она у насъ есть. Она безконечно честнѣе въ своихъ проявленіяхъ, чѣмъ ея старшая сестра; люди, стоящіе у власти, дѣлали и дѣлаютъ неслыханныя усилія, чтобы охранить общество отъ анархїстовъ. Нужно имъ искренно и дѣятельно помогать въ этомъ святомъ дѣлѣ. Если республика сдержитъ то, что она обѣщаетъ въ данный моментъ, то я скоро полюблю ее, а въ ожиданїи я буду защищать ее отъ вѣшняго врага, пока она будетъ на пути истинной свободы и братства“.

³⁾ *Moniteur* отъ 4-го марта 1848 г.

согласиться, до сих поръ ни одно правительство не проявляло дѣйствительной энергіи и дѣятельности, чтобы достичь этой цѣли. Подобная небрежность является одной изъ крупныхъ причинъ тѣхъ глубокихъ паденій, которыя сразу ошеломляютъ насъ полной неожиданностью. Конечно, нечего опасаться, чтобы правительство, исходящее изъ революціи 1848 года, впало въ то же заблужденіе; но нужно, чтобы горячая любовь къ человѣчеству и народу, заставляющая въ наше время биться столько сердецъ, шла рука объ руку съ толковой и безпристрастной соціальной наукой, которая разрѣшала бы всѣ проблемы, считалась бы со всѣми правами и сумѣла бы установить между всѣми рабочими классами законныя отношенія и искреннія симпатіи».

Чтобы помочь временному правительству покрыть всѣ неотложные расходы, главные парижскіе банкиры взяли на себя инициативу подписки. Ротшильдъ проявилъ довѣріе и даже своего рода усердіе, отказавшись отъ мысли бѣжать изъ Франціи и приславъ пятьдесятъ тысячъ франковъ въ пользу февральскихъ раненыхъ¹⁾. На подписныхъ листахъ красовались самыя громкія имена. Дамы большого свѣта, принадлежащія къ міру орлеанистовъ и легитимистовъ, герцогиня де-Майлье, маркиза де-Лагранжъ, графиня де-Шастенэ, графиня де-Бьенкуръ, графиня де-Ламуаньонъ и др. вмѣстѣ съ г-жами Флоконъ, Ледрю-Роллэнъ, Маррастъ — собирали пожертвованія на февральскихъ раненыхъ. Тьеръ и главные члены палаты депутатовъ Одилонъ Барро, де-Мальвилль, Дювержье де-Гораннъ, считая королевскую власть «поконченной навсегда»²⁾, увѣряли временное правительство, что они безъ всякой задней мысли готовы способствовать его утвержденію. Де-ла-Рожжакелэнъ повсюду повторялъ, что дѣло съ монархіей навсегда покончено, и приказалъ расклеить на улицахъ Парижа воззваніе къ временному правительству, оканчивавшееся словами: «Разсчитывайте на меня»³⁾.

Обычные посѣтители дворца, флигель-адъютанты Людовика-Филиппа, д'Оберсаэръ, Лядьеръ, д'Удето, де-Бертуа и др., не заставили ждать себя ни въ Ратушѣ, ни въ министерствахъ. Письма Бонапартовъ, короля Жерома и его сына Наполеона, Пьера, сына Люсьена, обращенныя къ временному правительству, были проникнуты истинно республиканскимъ духомъ.⁴⁾ Принцъ Людовикъ-Наполеонъ вернулся. Изъ Алжира получилось выраженіе преданности республикѣ отъ герцога Омальскаго и принца де-Жуанвилльскаго.

1) См. «Moniteur» № отъ 21-го марта и слѣд.

2) Выраженіе Тьера.

3) См. въ изданіи, озаглавленномъ „Murs révolutionnaires“, 9-ый выпускъ, адресъ подписанный де-ля-Рожжакелэнъ.

4) См. „Историческіе документы“ въ концѣ этого тома, № 12.

Конечно, при такомъ положеніи дѣлъ, если бы даже у временнаго правительства возникло сомнѣніе въ собственной законности, то столь единодушное изъявленіе преданности и уваженія совершенно успокоило бы его. И то не было возбужденіемъ первой минуты. Шесть недѣль спустя тѣ же чувства выражаются въ еще болѣе обдуманной и спокойной формѣ въ рѣчахъ кандидатовъ на народное представительство, излагающихъ свои политическія убѣжденія 4-го мая того же года. Учредительное собраніе, открывая свое первое засѣданіе, разразилось единодушнымъ, долго несмолкавшимъ крикомъ: «Да здравствуетъ республика!»

Теперь, когда рядъ циничныхъ отреченій показываетъ намъ всю фальшь этого общаго сочувствія, строгіе умы имѣютъ право сожалѣть до извѣстной степеніи объ единодушіи въ выраженіи преданности, которое на самомъ-то дѣлѣ могло существовать только въ душѣ истинныхъ республиканцевъ. Можно было по всей справедливости заклеить презрѣніемъ усердствованіе личныхъ друзей дома Орлеановъ, людей, обязанныхъ королевской власти своимъ положеніемъ, богатствомъ, самымъ своимъ существованіемъ. Благородные люди страдали за честь родины подъ гнетомъ униженія, неблагодарности и низкихъ чувствъ «избраннаго» общества, которое, казалось, должно было бы служить примѣромъ нравственной порядочности. Но можетъ быть фальшь этого сочувствія до нѣкоторой степени слишкомъ ярко подчеркивается. Не только она была причиной нравственнаго пораженія. Если въ общемъ увлеченіи и были трусливо-лживыя изліянія, что для насъ теперь уже несомнѣнно, то, во всякомъ случаѣ, увлеченіе это, хотя оно и отреклось отъ самого себя, было искренно. Величіе народа проявилось съ такой силой, что привлекло къ себѣ даже своихъ противниковъ. Его великодушіе, наивность тронули самыя зачерствѣлыя сердца. Сколько скептиковъ, въ продолженіе двадцати лѣтъ осмѣивавшихъ всякое величіе мысли, поддались общему волненію. Февральскія событія явились полной неожиданностью. Это общество холодныхъ, размѣренныхъ скептиковъ, казалось, на мгновеніе отрѣшилось отъ самого себя. Оно почувствовало, что простой народъ, стоящій несравненно ниже его по интеллектуальному развитію, неизмѣримо превосходилъ его своими достоинствами. Оно невольно преклонилось передъ этимъ народомъ, искренно соглашаясь служить избранному имъ правительству, признавая во всеуслышаніе, что во Франціи немыслимъ никакой другой строй, кромѣ республиканскаго, основаннаго на принципѣ демократическаго равенства.

XVIII.

Министерство внутреннихъ дѣлъ.—Г-нъ Ледрю-Роллэнъ. — Министерство иностранныхъ дѣлъ.—Манифестъ Ламартина.

Свѣдѣнія, получаемыя изъ департаментовъ, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе утверждали временное правительство въ сознаниіи его права и силы.

При первомъ же слухѣ о начавшейся въ Парижѣ борьбѣ, революціонные комитеты, состоявшіе изъ наиболѣе дѣятельныхъ и рѣшительныхъ среди республиканцевъ людей, объявили, что они не разойдутся до окончанія дѣла. Какъ только была объявлена республика, эти комитеты, овладѣвая движеніемъ, попытались захватить въ свои руки префектуры и мэріи. Почти повсюду имъ это удалось; смѣнивъ муниципальные совѣты или войдя съ ними въ соглашеніе, они взяли на себя веденіе общественныхъ дѣлъ, въ ожиданіи распоряженій новаго правительства. Большинство чиновниковъ поспѣшило безпрекословно удалиться. Когда комиссары, посланные министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, пріѣхали на мѣсто своего назначенія, то административная департаментская власть находилась уже или въ рукахъ народныхъ вождей, или же выражала покорность и готовность служить республиканскому правительству.

Выборъ комиссаровъ, самъ по себѣ нелегкій, вскорѣ сталъ однимъ изъ самыхъ крупныхъ затрудненій для временнаго правительства. Было бы не только ошибочно, но возмутительно допускать королевскихъ чиновниковъ устанавливать республиканскія учрежденія. Тѣ изъ должностныхъ лицъ рухнушаго строя, которыхъ, не краснѣя, добивались этого печальнаго преимущества, достаточно ясно показывали этой беззастѣнчивостью, что они не заслуживаютъ общественнаго уваженія; совершившаяся революція не только вмѣняла въ обязанность измѣнить личный составъ и направленія прежняго правительства, она требовала искренняго примѣненія до сихъ поръ обходившагося принципа и совершенно иного пониманія соціального строя. Чтобы помочь обществу признать общественное право, основанное на истинномъ господствѣ народа, чтобы возбудить довѣріе къ республиканскимъ учрежденіямъ, нужны были не только болѣе или менѣе опытные люди, но, главнымъ образомъ, была нужна сознательная любовь къ этимъ учрежденіямъ, глубокое убѣжденіе въ ихъ полномъ согласіи съ духомъ вѣка. Чиновники, избранные Дюшателемъ и Гизо, были бы не въ силахъ объяснить неразвитой части населенія новое значеніе, которое прогрессъ долженъ былъ сообщить слову «республика», если бы они даже и

взяли на себя эту миссію. Продажность выборовъ при Людовикѣ-Филиппѣ развратила ихъ. Ихъ постоянное и въ то же время видоизмѣняющееся раболѣпство, смотря по переменамъ въ парламентѣ, ввела въ политическій обиходъ гнусный терминъ «министеріализма», ослабило въ нихъ всякую энергію воли и ту вѣру въ симпатіи народа, безъ которой немислимо никакое нравственное воздѣйствіе. Посылая въ департаментъ своихъ комиссаровъ для учрежденія мѣстной администраціи и замѣщенія чиновниковъ рухнушаго строя, Ледрю-Роллэнъ удовлетворялъ этимъ лишь требованію первой необходимости. Только злой умыселъ и цинизмъ ренегатства, вошедшаго въ привычку официальнаго міра, могли назвать революціонной нетерпимостью эту мѣру осторожности, свойственную всѣмъ правительствамъ. Единственно, въ чемъ справедливо можно было упрекнуть министра внутреннихъ дѣлъ, это въ недостаточно разборчивомъ выборѣ. Слабость характера и недостатокъ политическаго такта вводили его въ заблужденія, отъ которыхъ страдала республика. Пользуясь своимъ вліяніемъ на него, подчиненные его обманывали. Его выборъ былъ недостаточно однороденъ, а инструкции недостаточно точны. И всетаки ошибки комиссаровъ не были ни настолько серьезны, ни настолько многочисленны, какъ можно было опасаться при данномъ положеніи дѣлъ, требующемъ крайней быстроты и осторожности. Если принять во вниманіе разнородность обязанностей и трудность найти подходящихъ и заслуживающихъ довѣрія людей, то надо скорѣе удивляться тому, сколькихъ ошибокъ удалось избѣжать въ эти первые рѣшительные часы республики.

Послѣ смерти Армана Карреля и Годафруа Кавеньяка, республиканская партія, довольно богатая талантливыми ораторами и писателями, чувствовала недостатокъ въ способныхъ политикахъ. Особеннымъ общимъ уваженіемъ пользовалась нѣсколько благородныхъ и мужественныхъ людей, вся сила которыхъ заключалась въ чувствѣ. Эти болѣе великодушные, чѣмъ разсудительные, люди надѣялись установить на землѣ царство добродѣтели, опираясь на энтузіазмъ и самопожертвованіе общества, какъ на вѣчные двигатели человѣческой души. Эти искренніе патріоты, къ типу которыхъ принадлежалъ Барбэс, не знали страны, за которую отдавали себя въ жертву, и страна тоже не знала ихъ. Возбужденные тюремнымъ одиночествомъ и ожесточенной борьбой съ препятствіями, они жили въ мірѣ грезъ, проникшись незыблемымъ идеаломъ отвлеченной справедливости и совершенно не зная измѣнчивыхъ интересовъ и относительныхъ правъ, царящихъ въ дѣйствительной жизни.

Въ болѣе густыхъ рядахъ, составлявшихъ какъ бы центръ республиканской арміи, насчитывалось много адвокатовъ, журналистовъ,

поэтовъ и критиковъ, которые, въ силу самой профессіи своей, должны были каждый день говорить или писать объ общественныхъ дѣлахъ, но у которыхъ не было свободнаго времени изучить ихъ и даже возможности хорошенько познакомиться съ ними. Эти писатели, сгруппированные большею частью вокругъ «National» и «Réforme» и слѣдовавшіе за Маррастомъ и Ледрю-Ролленомъ, взятые вмѣстѣ, оказали дѣятельную поддержку революціи въ ея наступательномъ движеніи; но, каждый въ отдѣльности, эти неопытные талантливые люди, со своимъ личнымъ соперничествомъ, могли принести очень незначительную помощь въ организаціи власти. Наконецъ, въ заднихъ рядахъ партіи тѣснилась толпа подозрительныхъ личностей. Это были люди самой низкой нравственности, то участвующіе въ заговорахъ, то служащіе сыщиками въ полиціи. Всѣ ихъ стремленія сводились къ тому, чтобы, благодаря самой гнусности положенія, добиться мимолетной популярности и, прикрываясь громкими демагогическими фразами, отстранить отъ себя подозрѣнія и отвращеніе, внушавшіяся ихъ темнымъ образомъ жизни. Большинство изъ нихъ проникло въ тайныя общества и стало къ нимъ настолько близко, что нельзя было съ ними не считаться. Несчастье конспиративныхъ партій въ томъ, что имъ приходится, достигнувъ власти, награждать такихъ людей и за такіе поступки, которые, въ освѣщеніи ихъ общественнымъ мнѣніемъ, заслуживаютъ только полного осужденія. Существенной помѣхой, роковымъ несчастіемъ Ледрю-Роллена была невозможность найти подъ рукой умныхъ, сильныхъ людей, проникнутыхъ истинными демократическими стремленіями. Но такихъ нельзя было встрѣтить въ подвижной части республиканской партіи. Они держались особнякомъ и дѣйствовали безъ шума; ихъ нужно было дѣятельно искать и выжидать, на что, разумѣется, требовалось время. А между тѣмъ минуты были сочтены, рвеніе же министра легко ослабѣвало. Республиканцы, видѣвши въ республикѣ лишь поворотъ, благопріятный ихъ личнымъ интересамъ, осаждали Ледрю-Роллена съ цѣлымъ рядомъ требованій: они исчисляли вынесенныя ими преслѣдованія, устанавливали награду за оказанныя услуги, ходатайствовали во имя бѣдности, угрожали своимъ влияніемъ на массы. Министръ республики чувствовалъ себя по отношенію къ нимъ въ положеніи аналогичномъ тому, въ которомъ находились министры реставраціи въ присутствіи старыхъ эмигрантовъ. Аристократія иного рода, но такая же исключительная, такая же надменная, какъ и прежняя, предъявляла къ нему свои права. Ультра-республиканцы 1848 года, по примѣру ультра-роялистовъ 1814 года, требовали, во имя пуританизма, удаленія со всѣхъ должностей всѣхъ лицъ, которыя съ 1830 года не доказали своихъ способностей

въ тайныхъ обществахъ или заговорахъ. Ледрю-Ролленъ не обладалъ достаточной стойкостью, чтобы бороться съ подобнымъ насиліемъ. Какъ мы уже видѣли, у министра внутреннихъ дѣлъ было много достоинствъ, выдѣлявшихъ его въ рядахъ сражающейся демократіи, но съ той минуты, какъ онъ сталъ у власти, эти достоинства утратили до нѣкоторой степени свое значеніе, благодаря отсутствію качества, которое одно соединяетъ и какъ бы увѣнчиваетъ всѣ остальные. У Ледрю-Роллена не было авторитета. Ни его частная жизнь, которую онъ не сумѣлъ подчинить строгимъ правиламъ, ни его искренній, но напыщенный патриотизмъ, ни открытый и великодушный, но неустойчивый характеръ, ни болѣе бросающіяся въ глаза, чѣмъ прочныя свѣдѣнія, ни врожденная прямота, слишкомъ часто поддающаяся страстному желанію популярности,—ничто не могло выработать изъ него твердаго администратора. Чтобы избавиться отъ непріятнаго сознанія этой неспособности, онъ прибѣгалъ къ пріемамъ, свойственнымъ людямъ, горячность которыхъ не сдерживается разсудкомъ. Онъ утрировалъ рѣзкость своего тона, возвышалъ голосъ и разыгрывалъ изъ себя деспота. Боясь не внушить уваженія, онъ хотѣлъ внушить ужасъ. Не чувствуя себя достаточно сильнымъ, чтобы руководить революціей, онъ хотѣлъ толкать ее силой. Вотъ въ чемъ кроется секретъ его противорѣчій и непослѣдовательности. Какъ только онъ увидѣлъ успѣхъ своей тактики, какъ только ему удалось подѣйствовать страхомъ на воображеніе, добиться того, что имя его стали произносить съ трепетомъ, а льстецы стали сравнивать его съ Дантономъ, онъ рѣшилъ, что власти его нѣтъ границъ. Чѣмъ больше въ рѣчахъ его выражалось властности и жестокости, совершенно несвойственныхъ его добродушному характеру, чѣмъ меньше соответствовали его слова намѣреніямъ, тѣмъ сильнѣе онъ считалъ себя тонкимъ политикомъ. Онъ ваивно думалъ, что грозное напоминаніе объ ужасахъ 93 года было лучшимъ средствомъ къ ихъ предупрежденію. Онъ не понималъ, что это мимолетное, чисто внѣшнее впечатлѣніе могло обмануть лишь темную толпу. Онъ не безъ удовольствія окружилъ себя театальной обстановкой: вокругъ него носились эксцентричные костюмы, шляпы «монтаньяровъ», жилеты à la Robespierre; незнакомымъ людямъ говорили «ты», умышленно щеголяли пошлой грубостью и степенью цинизма измѣряли силу республиканскихъ добродѣтелей¹⁾. Ледрю-Ролленъ лишь потворствовалъ сначала этой

1) Одной изъ ребяческихъ причудъ этой старой революціонной школы было до нельзя напыщенное обращеніе «гражданинъ» и формула «привѣтъ и братство». Ж. Ж. Руссо, восторженность котораго не лишала его здраваго смысла, произнесъ такой мотивированный приговоръ надъ этой вычурной маніей: «Одни французы,—говоритъ онъ въ Contrat social,—

революціонной трескотнѣ, не принимая въ ней лично участія; но въ своемъ желаніи увлечь ею страну, онъ увлекся самъ и, подъ вліяніемъ сумасбродныхъ демагоговъ, вообразилъ, что влечетъ за собой весь народъ. Окруженный не меньшимъ количествомъ льстецовъ, чѣмъ самъ король, онъ возомнилъ себя вождемъ демократіи, тогда, какъ въ сущности былъ лишь рупоромъ якобинства.

Когда 25 утромъ Ледрю-Роллэнъ явился въ выпавшее ему на долю министерство внутреннихъ дѣлъ, оно было занято Андрианомъ, сидѣвшимъ когда-то въ плѣну у австрійцевъ, въ Шпильбергской тюрьмѣ. Посланный временно въ канцелярію министерства распоряженіемъ Гарнье-Пажеса, Андрианъ поторопился воспользоваться своей властью, чтобы выпустить на свободу человѣка, пріобрѣтшаго довольно грустную славу въ послѣднее царствованіе. Это былъ нѣкій Тестъ, прежній министръ общественныхъ работъ, обвиненный во взяточничествѣ. Не безъ труда удалось Ледрю-Роллэну отдѣлаться отъ Андриана и толпы его прислѣзниковъ. Эти бывшіе приверженцы монархіи захватили въ свои руки всѣ вакантныя должности въ министерствѣ и носились со своими преувеличенными чувствами къ республикѣ. Къ несчастію, уничтоживъ паразитовъ-роялистовъ, Ледрю-Роллэнъ не сумѣлъ держать на должномъ разстояніи паразитовъ-демократовъ, и вскорѣ министерскія канцеляріи, съ утра до вечера наводняемые просителями, представляли картину самого ужасающаго беспорядка. Между тѣмъ, министръ торопился возстановить дѣятельность министерства. Его помощниками въ этой трудной задачѣ были Эліасъ Реньо, бывший редакторъ «Courrier de la Sarthe», авторъ нѣсколькихъ извѣстныхъ историческихъ трудовъ, назначенный нынѣ правителемъ дѣлъ въ министерствѣ; Жюль Фавръ, адвокатъ, извѣстный въ демократической партіи со времени апрѣльскаго процесса, котораго Ледрю-Роллэнъ назначилъ главнымъ секретаремъ; Картере, рьяный журналистъ, ставшій директоромъ комитета общественной безопасности. Пригласивъ вышеупомянутыхъ сотрудниковъ, Ледрю-Роллэнъ занялся вопросомъ о разсылкѣ комиссаровъ по департаментамъ.

Первыя назначенія составлялись въ совѣтѣ временнаго правительства. Ледрю-Роллэну приходилось только подписывать полномочія, характеръ которыхъ не былъ, да и не могъ быть вполне опредѣленъ. При передачѣ данныхъ полномочій въ руки новыхъ чиновниковъ, министръ ограничился нѣсколькими устными разъясненіями, обѣщая прислать черезъ нѣсколько дней, официально или секретно, письменныя инструкціи.

такъ безцеремонно обращаются съ названіемъ «гражданинъ», потому что они отнюдь не имѣютъ настоящаго понятія объ этомъ словѣ».

Смысль устныхъ инструкцій, данныхъ комиссарамъ, сводился къ тому, чтобы слѣдовать примѣру временнаго правительства, избѣгать кровопролитія, слѣдить за партіями роялистовъ, охраняя тѣмъ не менѣе полную неприкосновенность личности и собственности, — однимъ словомъ, заставить понять, оцѣнить и полюбить новый республиканскій строй. Мы скоро увидимъ, какъ были поняты и истолкованы эти инструкціи партіями.

Въ то время, какъ Ледрю-Роллэнъ пытался захватить бразды республиканскаго правленія внутри страны, Ламартинъ, водворившись въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, заготовлялъ инструкціи для дипломатіи и обдумывалъ положеніе, которое слѣдовало занять республикѣ по отношенію къ другимъ европейскимъ державамъ.

Министерство иностранныхъ дѣлъ, подобно другимъ, было захвачено сражающимися; но, несмотря на личную ненависть парижскаго населенія къ Гизо, несмотря на возмущеніе, произведенное катастрофой предыдущаго дня, революціонеры пощадили это зданіе; простыя слова, написанныя мѣломъ на входной двери 24-го февраля: «Перевязочный пунктъ: уваженіе къ раненымъ», и отдѣльныя усилія нѣсколькихъ рабочихъ сдержали разъяренную толпу, грозившую поджечь домъ. Явившаяся 25-го, по распоряженію мэра I-го округа, національная гвардія, охраняющая общественное спокойствіе, нашла повсюду порядокъ и дисциплину. Во всѣхъ этажахъ сами рабочіе установили охранительные посты. У дверей архива, у входа въ самый кабинетъ Гизо, мятежники въ блузкахъ свято охраняли тайны ненавистныхъ имъ человѣка и правительства. Национальная гвардія смѣшалась съ народной толпой. Расположившись бивуакомъ на дворѣ, въ переднихъ и на лѣстницахъ, они съ сердечной простотой толковали о происшедшихъ событіяхъ. Между тѣмъ, Бастидъ, посланный временнымъ правительствомъ, явился въ качествѣ младшаго статсъ-секретаря въ министерство. Его сопровождалъ Гетцель, назначенный правителемъ дѣлъ при Ламартинѣ, и Пейеръ, который долженъ былъ исполнять функціи секретаря министра. Въ продолженіе двадцати четырехъ часовъ, главнымъ занятіемъ этихъ новыхъ чиновниковъ была выдача паспортовъ трусливымъ парижанамъ и иностранцамъ, которые, согласно установившемуся въ богатыхъ классахъ мнѣнію о народѣ, стремились бѣжать изъ города, оказавшагося въ рукахъ варваровъ.

Ламартинъ появился только 26-го вечеромъ. Онъ былъ страшно утомленъ, но лицо его выражало довѣріе. Торжественное спокойствіе, выразившееся во всей его фигурѣ, явилось живымъ контрастомъ смятенію и волненію окружающихъ. Онъ протянулъ руку Бастиду: «Будьте довольны, — сказалъ онъ, — будьте счастливы. Вы

можете считать, что республика уже утверждена во Франціи.» Но Ламартинъ не могъ отдѣлаться отъ грустнаго впечатлѣнія, когда передъ нимъ открыли комнату и кабинетъ Гизо; казалось, что отъ туда кто-то только что вышелъ, чтобы сейчасъ же опять вернуться. Сдвинутая въ безпорядкѣ мебель такъ и осталась не убранной съ 22-го февраля. Тамъ и самъ валялось платье, которое министръ Людовика-Филиппа быстро сбросилъ съ себя, чтобы отправиться въ Тюильри. Въ открытыхъ ящикахъ и на столахъ были разбросаны медали, драгоценности, золото, ордена, интимныя письма. По странной случайности взглядъ Ламартина остановился на замяткѣ, написанной Гизо на поляхъ его послѣдней рѣчи въ палатѣ депутатовъ. Она гласила слѣдующее: «Отвѣтить Ламартину. Рѣшительно мы съ Ламартиномъ никогда не столкнемся». Провидѣніе не замедлило привести въ исполненіе это простое соображеніе, написанное въ минуту безмятежнаго спокойствія. При пересмотрѣ общественныхъ и личныхъ бумагъ низвергнутаго министра присутствовала его пріятельница, которой Ламартинъ передалъ или, вѣрнѣе, попросилъ ее взять все, что могло представлять для семьи Гизо извѣстную цѣнность или интересъ. Изъ чувства деликатности Ламартинъ не захотѣлъ помѣститься въ личной квартирѣ Гизо, а велѣлъ наскоро размѣстить нѣсколько матрацовъ въ пріемныхъ покояхъ, чтобы провести тамъ ночь, подавая этимъ рѣдкій примѣръ уваженія къ чужой неудачѣ или пораженію, которое успѣхъ и счастье вызываютъ въ сердцахъ благородныхъ людей. Послѣ этихъ первыхъ чисто личныхъ распоряженій новый министръ составилъ и тотчасъ же разослалъ краткій циркуляръ, въ которомъ онъ вмѣнялъ въ обязанность всѣмъ дипломатическимъ представителямъ Франціи въ различныхъ государствахъ освѣдомить дворы, при которыхъ они были аккредитованы, объ учрежденіи республики во Франціи. «Республиканская форма правленія, — говорилъ Ламартинъ въ этомъ циркулярѣ, — не измѣнила ни положенія Франціи въ Европѣ, ни ея честнаго и искренняго стремленія поддержать хорошія отношенія съ державами, которыя захотятъ, какъ и она, охранять независимость націй и общій миръ. Для меня будетъ счастьемъ, милостивый государь, способствовать всѣми средствами этому международному согласію и напомнить Европѣ, что принципы мира и свободы родились во Франціи въ одинъ и тотъ же день». Потомъ, обдумавъ будущую роль Франціи въ Европѣ, Ламартинъ составилъ въ первое же свободное время и отдалъ на разсмотрѣніе временнаго правительства второй циркуляръ или дипломатическую программу, которой дано было названіе Манифеста и которая обошла вскорѣ всѣхъ монарховъ, неся имъ выраженіе доброжелательности и мирный привѣтъ отъ новой Республики.

Прежде, чѣмъ разсматривать этотъ документъ, вызвавшій сначала такой восторгъ, а затѣмъ такія бурныя нападенія, прежде, чѣмъ обсуждать, была ли мысль Ламартина политической или неполитической въ тотъ моментъ, какъ онъ ее выразилъ, необходимо сдѣлать бѣглый обзоръ общаго состоянія Европы, и ея отношенія къ французской революціи, и опредѣленно установить, каково было положеніе Франціи въ царствованіе Людовика-Филиппа.

Хотя съ 1830 года Франція была изолирована, вслѣдствіе недовѣрія къ ней легитимныхъ монархій, хотя единственный союзъ, заключенный Людовикомъ Филиппомъ былъ, въ сущности, родственнымъ союзомъ, фактически разорваннымъ февральской революціей, хотя возвышеніе республики должно было раздражить и встревожить до послѣдней степени всѣ королевскіе дома, тѣмъ не менѣе съ ихъ стороны нельзя было опасаться никакого совмѣстнаго усилія, никакого стремленія возстановить на тронѣ Франціи ту или другую вѣтвь дома Бурбоновъ. Подобное опасеніе могло возникнуть только у непонимающихъ людей, которые сопоставляли двѣ совершенно различныя даты 1792 и 1848 года.

Въ 1792 году монархическій и теократическій духъ еще царилъ во всей силѣ на континентѣ Европы. Монархи искренно вѣрили въ свои права. Соединенные тѣсными узами и дипломатіей, таинственныя нити которой ускользали отъ самаго пронизательнаго взгляда, они представляли всѣ вмѣстѣ какъ бы одну священную семью. Территориальное честолюбіе нарушало временно миръ этой семьи, но не измѣняло въ принципѣ того сознанія расового превосходства, которое дѣлало всѣхъ членовъ ея солидарными между собой. Отдѣльные же народы, напротивъ, не зная другъ друга, не сообщаясь между собой, не обмѣниваясь мыслями, стояли особнякомъ одинъ отъ другого, отданные всецѣло во власть королей. Демократія еще не сознавала своихъ силъ и даже еще не называла себя своимъ именемъ. Она не знала ни своей власти, ни своихъ правъ. Провидѣніе было еще какъ бы на сторонѣ монарховъ. Они правили его именемъ, по его волѣ, съ его поддержкой, о которой такъ много говорилось въ молитвахъ духовенства и въ рыцарскихъ клятвахъ знати.

Но какъ измѣнилось состояніе Европы за полъ-вѣка! Королевскія войска разбиты нашими республиканскими волонтерами; эрцгерцогиню Австрійскую везутъ съ дерзкимъ триумфомъ изъ Вѣны въ Парижъ и бросаютъ на супружеское ложе великаго временщика французской революціи; и даже послѣ пораженія наши солдаты, разбитые на чужбинѣ, оставляютъ за собой какое то броженіе свободы, нарушающее торжество побѣды, по мѣрѣ того, какъ проигрываются сраженія, завоевываются новыя силы — силы духовнаго

сочувствія; Парижъ, захваченный врагами, подавляетъ своихъ побѣдителей своимъ нравственнымъ величіемъ; пути сообщенія, каналы, желѣзныя дороги обогащаютъ народы въ то время, какъ королевскіе финансы повсюду истощаются постояннымъ содержаніемъ арміи и несутъ вглубь самыхъ отдаленныхъ націй, вмѣстѣ съ продуктами промышленности, трепетное волненіе современной мысли; благотворное сомнѣніе, возрѣвающая наступленіе новыхъ вѣрованій, тревожить людскую совѣсть; наука анализируетъ откровеніе; философія пересоздаетъ исторію; Германія Нибелунговъ становится Германіей Фауста; наконецъ, польская эмиграція, оказавшаяся гораздо гибельнѣе для деспотизма, чѣмъ въ свое время французская—для свободы, распространяла повсюду на своемъ пути горячку независимости: такова была совокупность событій, идей и различныхъ видовъ прогресса, совершавшихся среди европейскаго общества. И эта нравственная революція дѣлала монарховъ, уже отвергаемыхъ общественнымъ мнѣніемъ, совершенно неспособными предпринять что-либо противъ Франціи и ея политической революціи.

Если отъ этихъ крупныхъ сторонъ соціального строя мы перейдемъ къ частностямъ, къ національному или территориальному положенію европейскихъ державъ; если мы станемъ на дипломатическую точку зрѣнія европейскаго равновѣсія, то невозможность нападенія на республику станетъ для насъ еще болѣе очевидной.

Мирные договоры 1815 года настолько ограничили французскія владѣнія, что было бы полнымъ безразсудствомъ со стороны самыхъ недоброжелательныхъ противниковъ Франціи мечтать о большемъ ограниченіи. При первомъ проявленіи враждебныхъ чувствъ широкое поле побѣдъ открылось бы для нашего честолюбія. Съ окончанія континентальной войны двѣ великія германскія державы преслѣдуютъ цѣль, поглощающую все ихъ вниманіе и служащую пунктомъ раздора между ними. Между ними ведется упорная борьба за прусское или австрійское первенство въ Германіи, а самыя серьезныя внутреннія осложненія еще болѣе обостряютъ трудности ихъ взаимныхъ отношеній.

Австрійская имперія, которой послѣ смерти Карла VI грозило расчлененіе, лишь успѣло отдалить взрывъ той непримиримой вражды, которую питають къ Австріи подчиненныя ей народности другой расы, всячески разжигая національное соревнованіе отдѣльныхъ частей и классовую ненависть въ отдѣльныхъ государствахъ. Австрійское правительство само истощило свои силы своей дезорганизующей политикой: оно перебрасывалось съ одной системы на другую, примѣняло то централизацію, то децентрализацію, заглушало и разжигало патріотическія чувства, вызывало возмущеніе и давило свободу, снискивало благорасположеніе знати и подымало

народныя возстанія, потворствовало всеѣмъ порокамъ высшихъ и низшихъ классовъ, издѣвалось надъ собственными клятвами и безстыдно нарушало самыя очевидныя права. Въ послѣдніе годы оно быстрыми шагами шло къ саморазрушенію. Во главѣ императорскаго правительства стоялъ старый министръ, человѣкъ безъ всякихъ страстей и безъ всякихъ принциповъ; при немъ финансы были истощены, кредитъ подорванъ и авторитетъ правительства ослабленъ до послѣдней степени. Предчувствуя необходимость поддержки для подавленія возстанія того народа, которымъ оно не сумѣло управлять, съ тревогой замѣчая, даже въ арміи, стремленіе къ конституціоннымъ свободамъ, австрійское правительство обращало свои взоры на своего вѣчнаго историческаго врага, на свою коварную соперницу, которая съ радостью подстерегала малѣйшее ухудшеніе его бѣдственнаго положенія: оно стремилось къ союзу съ Россіей и этимъ открывало тайну своего безсилія.

Хотя относительно Пруссіи и казалось, что ея финансы и администрація находятся въ достаточно благопріятномъ состояніи, чѣмъ и объясняется до нѣкоторой степени овладѣвшій ею духъ честолюбія, тѣмъ не менѣе, въ 1848 г. она, какъ и Австрія, не была въ состояніи ничего предпринять противъ французской Республики. Не говоря о препятствіяхъ, которыя создавала военнымъ начинаніямъ правительства обширнѣйшая территория, лишенная естественныхъ границъ, недавно создавшееся королевство, въ которомъ сталкивались несовмѣстимыя по духу народности славянскаго, саксонскаго и французскаго происхожденія, не говоря о преградахъ, воздвигаемыхъ разрушительнымъ броженіемъ трудолюбиваго протестанства и пантеистическаго коммунизма, которые волновали населеніе до самыхъ глубокихъ слоевъ его, существовали еще непреодолимыя препятствія въ лицѣ короля Фридриха Вильгельма IV и въ томъ положеніи, которое онъ создалъ себѣ. При своемъ вступленіи на престолъ этотъ неискренній и непостоянный монархъ, увлекаемый легкомысленнымъ и безпокойнымъ характеромъ, попытался сдѣлать то, къ чему искренно стремился папа Пій IX во имя евангельской любви къ ближнему. Онъ ослѣплялъ народъ самыми яркими картинами свободы, самыми несбыточными мечтами національнаго честолюбія. Считаая себя глубоко религіознымъ человѣкомъ, онъ, подъ видомъ отеческой заботливости, самымъ отвратительнымъ образомъ злоупотреблялъ столь свойственнымъ германскимъ народамъ чувствомъ благоговѣнія къ монарху. Одно за другимъ онъ отклонилъ и нарушилъ все свои обѣщанія. Весь свой литературный либерализмъ онъ употреблялъ въ интересахъ политическаго абсолютизма, тѣмъ болѣе отвратительнаго, что у него не хватало духа назвать его настоящимъ именемъ. Въ шесть лѣтъ этотъ неблагодарный, избалованный народомъ

и судьбою король своими же руками совершенно уничтожил свою удивительную популярность. Общественное мнѣніе и все классы, которымъ онъ льстилъ сегодня и надъ которыми завтра издѣвался, одинаково отстранились отъ него. Общее недовольство росло, и подобно своему сопернику, императору австрійскому, король Фридрихъ Вильгельмъ, видя, что ему угрожаютъ внутреннія бѣдствія, уже прислушивался къ наущеніямъ Россіи. Царь Николай проникъ въ совѣты берлинскаго кабинета съ еще большей легкостью, чѣмъ въ тайны вѣнскаго. Прусскій народъ негодовалъ: изъ ненависти къ Россіи онъ преувеличивалъ свои симпатіи къ Франціи. Въ этомъ и крылась причина полной невозможности для Фридриха Вильгельма начать войну. Его грозная союзница, Россія, не допустила бы его войны съ Австріей, войны, въ которой, конечно, онъ встрѣтилъ бы поддержку въ національномъ чувствѣ народа, движимаго честолюбіемъ; война же въ союзѣ съ Россіей и Австріей противъ Франціи послужила бы сигналомъ къ внутренней революціи, еще болѣе ужасной, чѣмъ была первая французская.

Только у императора Николая могло зародиться серьезное намѣреніе начать войну на континентѣ. Только онъ одинъ, среди всѣхъ европейскихъ монарховъ, олицетворялъ въ своей имперіи религиозную и политическую власть абсолютнаго монархизма. Въ его лицѣ отражалось все прошедшее и будущее русской націи. Несмотря на свое германское происхожденіе, которое онъ сумѣлъ заставить забыть, въ глазахъ народа онъ являлся олицетвореніемъ русскаго идеала. Въ благородствѣ его лица, въ горделивой осанкѣ нація какъ бы признавала и привѣтствовала геній русскаго народа. Вступивъ на престолъ, императоръ Николай задался цѣлью слѣдовать политикѣ, намѣченной для Россіи завѣщаніемъ Петра Великаго. Эта политика восточнаго характера, проникнутая религиознымъ и воинственнымъ духомъ, временно нарушенная космополитическимъ либерализмомъ Александра, стремилась къ разрушенію Турціи, къ уничтоженію Польши, къ ограниченію Швеціи, къ завоеванію Галиціи, а затѣмъ къ подчиненію всѣхъ германскихъ государствъ *). Наши государственные дѣятели XVIII вѣка сознавали, какъ опасно для Франціи приближеніе къ Западу этого да-

*) „Въ двадцать три года, прошедшихъ съ 1792 по 1815 годъ, пишетъ въ мартѣ мѣсяца 1848 года „Аугсбургская газета“, Россія намъ сдѣлала больше зла, когда она была нашей главной союзницей противъ Франціи, чѣмъ, когда она была союзницей Франціи противъ насъ. Каждый ребенокъ въ Германіи можетъ сказать, что сдѣлала Россія за 33 года, т. е. съ 1815 по 1848 г. противъ свободы и могущества Германіи. Опасность, которая грозитъ намъ со стороны Россіи, не зависитъ отъ характера того или другого императора, она зависитъ отъ характера самой Россіи и ея вѣковой политики“.

лекаго врага, готоваго двигаться съ быстротой варварскихъ завоевателей. Постоянныя попеченія о Турціи, Венгрии и Польшѣ, изъ которыхъ двѣ послѣднія служили для остальной Европы защитой отъ восточнаго міра, волновали версальскій кабинетъ все время, начиная съ Людовика XIV до Шуазеля. Императоръ Наполеонъ, предложивъ Венгрии вернуть себѣ независимость *) и соединившись позднѣе съ Австріей, преслѣдовалъ аналогичную мысль. Но политическія симпатіи Реставраціи и смуты царствованія Людовика-Филиппа предоставили полную свободу дѣйствію честолюбивымъ замысламъ русскаго царя.

Насилиемъ и хитростью, ссылкой въ Сибирь, конфискаціей имѣній, замѣной католическихъ обрядовъ греческой обрядностью, депотическимъ воспитаніемъ молодежи, Николай I, на глазахъ у угодливаго папства, закончилъ разрушеніе Польши. Подъ предлогомъ протектората онъ распоряжался, какъ хотѣлъ, въ дунайскихъ провинціяхъ. Онъ возбуждалъ въ славянскомъ населеніи Богеміи, Моравіи и Венгрии духъ традиціонной гордости, враждебный католической Польшѣ и мадьярской Венгрии. Этотъ духъ, въ случаѣ отдѣленія вышеупомянутыхъ провинцій отъ германской Австріи, вполне благоприятствовалъ бы созданію ново-византійской имперіи, которой русскій царь диктовалъ бы свои законы. Чтимый народомъ, инстинкты котораго отличались благородствомъ, а характеръ терпѣніемъ, мужествомъ и готовностью къ самопожертвованію; владѣя двумя главными организованными силами всякой цивилизаціи, духовенствомъ и войскомъ, императоръ Николай смотрѣлъ издали

*) „Венгерцы,—говорилъ императоръ въ манифестѣ, обращенномъ къ венгерцамъ, по вступленіи Наполеона въ Вѣну и помѣченномъ Шенбрунномъ 15-го мая 1809 г.,—для васъ наступилъ моментъ вернуть вашу независимость. Я предлагаю вамъ миръ, полную неприкосновенность вашей территоріи, вашей свободы и вашихъ конституціонныхъ началъ, такихъ, какими они были раньше или измѣненныхъ вами же самими, согласно духу времени и интересамъ вашихъ согражданъ. Я ничего не желаю отъ васъ, я только хочу видѣть въ васъ свободную и независимую націю. Вашъ союзъ съ Австріей былъ несчастьемъ для васъ. Ваша кровь лилась за Австрію на далекой чужбинѣ и вы жертвовали ей самыми дорогими вамъ интересами. Вы, лучшая часть Австрійской имперіи, представляли собой лишь провинцію, рабаки подчинявшуюся чуждымъ вамъ стремленіямъ. У васъ есть національные права, національный языкъ, вы гордитесь своимъ славнымъ древнимъ происхожденіемъ: существойте же снова, какъ самостоятельная нація. Пусть будетъ у васъ король по вашему выбору, который будетъ царствовать для васъ, жить среди васъ, окруженный вашими гражданами и вашими солдатами. Венгерцы, вотъ чего требуетъ отъ васъ вся Европа; вотъ чего требую я вмѣстѣ съ нею. Вѣчный миръ, торговые сношенія, обезпеченная независимость, вотъ награда, которая ждетъ васъ, если вы захотите быть достойными своихъ предковъ и самихъ себя“.

на то, что казалось ему распаденіемъ стараго общества Западной Европы, католическаго и протестантскаго, абсолютистскаго и конституціоннаго. Но онъ былъ достаточно проникательнымъ человекомъ, чтобы понять, что все заставляетъ его держаться по отношенію къ республиканской Франціи выжидательной и сдержанной политики. Онъ не могъ не знать, что русская имперія, для которой онъ мечталъ создать великое будущее, носила въ себѣ зародыши революціоннаго духа. Упорядоченное состояніе его финансовъ и численность его арміи обманывали его менѣе, чѣмъ кого бы то ни было. Онъ зналъ, что если въ государственныхъ банкахъ и было обиліе звонкой монеты, то кредита у русскаго правительства все же не было. Онъ зналъ дурную администрацію своихъ войскъ и ихъ сравнительную отсталость въ военной технику. Онъ слишкомъ хорошо былъ осведомленъ о томъ, къ какимъ внутреннимъ беспорядкамъ, къ какимъ ужаснымъ возстаніямъ могло повести распределеніе частной собственности и общинныхъ владѣній въ его государствахъ^{*)}. Настроеніе части дворянства по отношенію къ нему тоже не мало озабочивало, онъ не могъ забыть возстанія 1825 года. Кромѣ того, смотря на вещи хладнокровно, онъ могъ только радоваться провозглашенію Республики во Франціи. Она поддерживала его презрѣніе къ тому, что онъ всегда называлъ «мистификаціей» представительной монархіи²⁾; съ нею начинали сбываться его пророчества, дающія понять Пруссіи, Голландіи, Даніи и Швеціи, второстепеннымъ государствамъ Германіи безсиліе конституціонныхъ грамотъ; она поражала благотворнымъ ужасомъ королей, поддавшихся фиктивнымъ благамъ парламента, и бросала ихъ, въ

*) Земледѣльческая свободная община охватываетъ около двухъ третей сельскаго населенія въ русскихъ провинціяхъ. Остальная треть принадлежитъ дворянамъ. Крестьяне возставали каждый разъ, когда помѣщики пытались ввести у себя западную систему дробленія земли и частной собственности. До 1848 года насчитывали въ среднемъ, что количество ежегодно убиваемыхъ крестьянами помѣщиковъ достигаетъ семидесяти.

2) Чтобы хорошенько понять политику Россіи и взгляды императора, интересно познакомиться съ „Запиской“, представленной въ 1848 году императору Николаю однимъ изъ крупныхъ сановниковъ администраціи. Этотъ документъ, вполне достовѣрный, но еще не изданный, долженъ былъ появиться въ печати. Онъ былъ присланъ, съ молчаливаго согласія императорскаго правительства, въ октябрѣ 1848 года въ Мюнхенъ, для напечатанія. По независимымъ отъ воли автора обстоятельствомъ печатаніе его затянулось, но многочисленныя копии ходили по рукамъ въ дипломатическихъ кругахъ. Длинныя и любопытныя извлеченія изъ этой „Записки“ были изданы отдѣльной брошюрой, озаглавленной: P. de B (Paul de Bourgoïn), *Politique es moyens d'action de la Russie*, апрѣль 1849 г. и отпечатанной въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ, въ типографіи de Gerdès, rue Saint-Germain-des-Près, 10.

смертельномъ испугѣ, въ руки Россіи. Наконецъ, если бы демагогія вышла изъ предѣловъ Франціи и стала угрожать Германіи, то представился бы выжидаемый въ теченіе столькихъ лѣтъ удобный случай: Провидѣніе довершило бы остальное.

Республика 1848 года могла, слѣдовательно, чувствовать себя вполне застрахованной отъ коалицій Пильница и Брауншвейгскихъ манифестовъ. Не только не въ интересахъ ни одной изъ Европейскихъ державъ было бы начать враждебныя дѣйствія, но дѣло стояло такъ, что интересы Англій требовали совершенно противоположнаго, а безъ поддержки Англій державы не могли обойтись въ случаѣ войны. Уже давно неприязнь Англій къ Франціи не имѣла серьезныхъ основаній. Эта старинная соперница уже не оспаривала болѣе Великобританскаго владычества на морѣ. Уже ни Лабурдоннэ, ни Дюплэ не ставили преградъ ея честолюбивымъ замысламъ; черезъ Константинополь, Кавказъ и Персію на нее надвигался другой врагъ. Восточный Римъ вставалъ противъ сѣвернаго Кароагена, молчаливо подвигался впередъ и готовился оспаривать его владычество въ Индіи. Мудрая политика Англій при такомъ положеніи дѣлъ, конечно, не могла считаться съ инстинктами національной ненависти къ Франціи. Подъ предводительствомъ лорда Пальмерстона и Питта, она желала удержатъ европейское равновѣсіе, чтобы привести въ исполненіе свои планы торговой монополіи. Явнымъ образомъ заинтересованная въ разгорѣвшейся у насъ внутренней революціи, вредившей возстановленію нашихъ морскихъ силъ и развитію нашей промышленности, она тѣмъ не менѣе устала тратить деньги на бесполезныя ковы противъ насъ. Ея государственные дѣятели преслѣдовали иныя цѣли. Они уже многіе годы стремились поддерживать эмансипацію народовъ, чтобы создать для англійской промышленности и торговли новыя отношенія обмѣна, и старались предотвратить всѣми средствами возможность расширенія Россіи.

Изъ всего вышеизложеннаго слѣдуетъ, что французская Республика не имѣла ни малѣйшаго основанія опасаться какого бы то ни было враждебнаго отношенія или вмѣшательства въ ея внутреннія дѣла со стороны иностранныхъ державъ. Слѣдовало ли отсюда, что ей самой нужно было бы воспользоваться этими обстоятельствами, чтобы начать наступательный образъ дѣйствій и, нарушивъ мирные договоры 1815 года, возбудить въ населеніи жажду побѣды, перейти границы и попытаться вооруженной силой овладѣть лѣвымъ берегомъ Рейна, Бельгіей и Савойей? Не думаю, чтобы въ февралѣ 1848 года во Франціи нашелся хоть одинъ человекъ, охваченный столь безразсуднымъ честолюбіемъ. Эта наполеоновская политика совершенно противорѣчила бы только-что

выраженнымъ страною стремленіямъ. И скорѣе въ силу революціонной привычки, чѣмъ въ силу серьезнаго убѣжденія кучка ультра-республиканцевъ громко заговаривала объ этомъ. Вліяніе царствования Людовика-Филиппа значительно измѣнило въ этомъ отношеніи національный характеръ. Дѣятельность французскаго населенія сосредоточилась, главнымъ образомъ, на промышленности. Буржуазія, естественно, стремилась къ миру. Чтобы увлечь жаждой завоеванія пролетаріатъ, проявлявшій полное равнодушіе къ вопросамъ чистой политики, слѣдовало придать этой войнѣ характеръ соціальной пропаганды, т. е. объявить, что французскій народъ идетъ на освобожденіе пролетаріата всей Европы. Подобная мысль не могла явиться ни у правительства, ни у одной изъ партій. Не было ни солдатъ, ни денегъ, ни кредита, чтобы вести чисто политическую войну. Мы скоро увидимъ, насколько слабы были дѣйствительныя силы нашей арміи и какіе финансы были завѣщаны намъ правительствомъ Людовика-Филиппа. Пришлось бы прибѣгнуть къ самымъ крайнимъ мѣрамъ, не имѣя въ тоже время въ рукахъ ни одного изъ могучихъ орудій первой революціи. Республика не могла уже, какъ въ 1792 году, конфисковать на три миллиарда имуществъ, въ силу необходимости немедленно уничтожить нѣкоторые очень выгодные, но возбуждающіе народное недовольствіе налоги. Смягченіе нравовъ и солидарность классовъ, поддерживаемыя тридцатилѣтнимъ конституціоннымъ режимомъ, сверхъ того, представляли, непреодолимыя преграды всякому политическому насилію.

Всякій вызовъ со стороны Франціи вызвалъ бы сильное сопротивленіе не только отдѣльныхъ правительствъ, но и цѣлыхъ націй. Англія, склонная къ нейтралитету, тотчасъ же заняла бы враждебную намъ позицію; въ Германіи пробудился бы національный духъ; даже германская демократія затянула бы свою Рейнскую пѣсню. Если бы допустить, что Пьемонтъ и Бельгія стали бы на нашу сторону, то они были бы ненадежными и инертными союзниками. Революціонныя мѣры, неизбѣжныя при такихъ грандіозныхъ начинаніяхъ, тотчасъ же оживили бы снова внутри страны партіи роялистовъ и консерваторовъ. Тяжелыя междоусобицы повлекли бы, можетъ быть, снова за собой непріятельское вторженіе. Ламартинъ, въ продолженіе всей своей политической карьеры боровшійся съ наполеоновскимъ духомъ партіи, плохо понимавшей, по его мнѣнію, новые интересы Франціи, пришелъ бы въ явное противорѣчіе со всей своей прошедшей дѣятельностью, если бы не употребилъ всѣхъ усилій къ учрежденію Республики на началахъ мира и согласія. Языкъ его циркуляра, обращеннаго къ дипломатическимъ агентамъ,

ясно выражалъ его основной взглядъ и общія стремленія общественнаго мнѣнія и интересовъ страны.

«Французская революція, — говоритъ онъ въ своемъ манифестѣ, — только что вошла въ окончательный періодъ своего существованія. Франція — республика; французская республика не нуждается въ признаніи ея правъ на существованіе: она уже признана естественнымъ правомъ, правомъ націи. Она выражаетъ волю великаго народа, который не нуждается въ другой санкціи. Но такъ какъ французская республика желаетъ занять вполне опредѣленное мѣсто среди европейскихъ державъ, а не являться нарушительницею обще-европейскаго порядка, то вамъ надлежитъ тотчасъ же освѣдомить правительство, у котораго вы аккредитованы, о принципахъ и стремленіяхъ, которые отнынѣ будутъ руководить вѣдшей политикой французскаго правительства.

«Провозглашеніе французской республики никоимъ образомъ не можетъ задѣть ни одну изъ существующихъ формъ правленія. Формы правленія могутъ отличаться одна отъ другой, такъ же, какъ характеръ, географическое положеніе, духовное, нравственное и матеріальное развитіе каждаго отдѣльнаго народа. Націи, какъ и всякій человекъ, переживаютъ извѣстные возрасты. Принципы, являющіеся ихъ выразителями, постепенно проходятъ черезъ всѣ фазы развитія. Монархическая, аристократическая, конституціонная и республиканская формы правленія представляютъ не что иное, какъ извѣстныя ступени зрѣлости народнаго генія. Націи требуютъ тѣмъ большей свободы, чѣмъ шире онѣ могутъ его воспользоваться; онѣ добиваются тѣмъ большаго равенства и демократизаціи, чѣмъ сильнѣе вдохновляетъ ихъ чувство справедливости и любви къ народу. Это только вопросъ времени. Народъ гибнетъ, упреждая свою зрѣлость, и позоритъ себя, упуская ее. Въ глазахъ истинныхъ государственныхъ дѣятелей монархія и республика не представляютъ двухъ абсолютныхъ, смертельно враждующихъ принциповъ: это только два явленія, которыя составляютъ взаимный контрастъ и которыя могутъ жить рядомъ, понимая и уважая другъ друга.

«Война, явившаяся роковой и славной необходимостью въ 1792 году, отнюдь не является поэтому принципомъ французской республики. Между 1792 и 1848 годомъ прошло полвѣка. Франція не подвинулась бы впередъ, а далеко отошла бы назадъ, если бы, спустя полвѣка, вернулась къ принципамъ 1792 года или къ принципамъ Имперіи. Вчерашняя революція есть шагъ впередъ, а не назадъ. Вмѣстѣ со всей вселенной мы хотѣмъ идти къ братству и миру.

«Договоры 1815 года, — говоритъ далѣе манифестъ, — не имѣютъ

болѣе правового значенія въ глазахъ французской республики; но она признаетъ всѣ территориальныя границы этого договора, какъ фактъ, принятый ею за основаніе и исходную точку ея отношеній къ другимъ націямъ.

«Но если договоры 1815 года являются лишь фактомъ, подлежащимъ измѣненію съ общаго соглашенія, и если Франція во всеуслышаніе заявляетъ, что она считаетъ своимъ долгомъ и священной миссіей придти мирнымъ и законнымъ путемъ къ этимъ измѣненіямъ, то для Европы здравый смыслъ, умѣренность, добросовѣстность, благоразуміе республики являются лучшей и болѣе прочной гарантіей, чѣмъ буква тѣхъ мирныхъ договоровъ, которые постоянно нарушаются и измѣняются ею же самой.

«Возьмите на себя трудъ, милостивый государь, объяснить и заставить искренно признать этотъ откровенный взглядъ республики на возможность освобожденія отъ договоровъ 1815 года, указавъ, что въ этой откровенности нѣтъ ничего нарушающаго спокойствіе Европы.

«Итакъ, мы громко заявляемъ, что, если пробьетъ часъ освобожденія угнетенныхъ народовъ Европы или другихъ странъ свѣта; если Швейцарія, нашей вѣрной союзницѣ со временъ Франциска I, будетъ угрожать стѣсненіе того внутренняго развитія, которое ведетъ къ усилению союза демократическихъ государствъ; если независимыя государства Италіи будутъ захвачены; если будутъ ставиться преграды ихъ внутреннимъ преобразованіямъ; если вооруженной силой у нихъ будутъ оспаривать право соединяться одно съ другимъ для упроченія итальянскаго отечества, то Французская республика сочтетъ себя въ правѣ прибѣгнуть къ оружію, чтобы покровительствовать этому законному движенію роста и національнаго чувства народовъ.

«Республика, какъ вы видите, съ первыхъ же шаговъ своихъ, оставила далеко за собой эпоху изгнаній и диктатуръ. Она твердо рѣшила никогда не нарушать принципа свободы внутри страны; она рѣшила также не нарушать демократическихъ принциповъ въ своей внѣшней политикѣ. Она не позволитъ никому закрыть рукой насилія мирное сіяніе ея свободы отъ взгляда другихъ націй. Она провозглашаетъ себя союзницею и въ умѣ, и въ сердцѣ всѣхъ правъ, всякаго прогресса и всякаго законнаго развитія учреждений тѣхъ націй, которыя захотятъ жить одними принципами съ нею. Она не будетъ вести тайной и зажигательной пропаганды у своихъ сосѣдей. Она знаетъ, что только та свобода прочна, которая зарождается сама собою на родной землѣ. Но она надѣется вліять на миръ свѣтомъ своихъ идей, величественнымъ зрѣлищемъ порядка и мира; она будетъ честно и ревностно привлекать къ себѣ

послѣдователей лишь уваженіемъ и симпатіями къ себѣ. Это не война, это только неизбежная сила вещей. Это не волненіе Европы, это—жизнь. Французская республика не станетъ поджигать міръ, она будетъ сіять съ своего мѣста на горизонтѣ другихъ народовъ, чтобы идти впереди и руководить ими.»

6-го марта Ламартинъ представилъ свой манифестъ на разсмотрѣніе совѣта. По существу, онъ вызвалъ единодушное одобреніе. Только Луи-Бланъ, хотя и привѣтствуя идею братства среди всѣхъ народовъ, дающую этому манифесту новый характеръ и соответствующую вполне социалистическимъ идеямъ, настаивалъ на томъ, чтобы формально объявили Вѣнскій трактатъ уничтоженнымъ. Ламартинъ уступилъ отчасти, и въ передѣлкѣ явилась двусмысленная фраза о «правѣ» и «фактѣ», которую мы только что прочли.

Двусмысленность, къ несчастью, была не столько въ языкѣ манифеста, сколько въ положеніи правительства, потому что если, послѣ занятія Кракова, оно было въ полномъ правѣ объявить Вѣнскій договоръ нарушеннымъ, то оно не было въ силахъ привести въ исполненіе свое заявленіе. Въ тотъ день, когда правительство было достаточно подготовлено, когда представился случай начать наступательный образъ дѣйствій, Ламартинъ, который, безъ тѣни колебанія, сталъ бы отстаивать вмѣшательство въ дѣла Италіи, уже не былъ болѣе министромъ. Его преемники истолковывали на свой ладъ, по своимъ личнымъ взглядамъ, смыслъ его манифеста. Впослѣдствіи Ламартина совершенно несправедливо сдѣлали ответственнымъ за ошибки и политическія преступленія, которыхъ онъ никогда не совершалъ, которымъ онъ былъ не въ силахъ помѣшать и противъ которыхъ онъ протестовалъ передъ лицомъ всей Европы ¹⁾.

Не надо, впрочемъ, забывать, что если манифестъ своимъ мирнымъ тономъ вполне удовлетворилъ царя Николая, австрійскаго императора и короля Фридриха-Вильгельма, то онъ вызвалъ не меньшее одобреніе со стороны европейской демократіи. Демократическія Италія и Польша, Маццини и Мѣрославскій заклинали Францію воздержаться отъ какихъ бы то ни было враждебныхъ дѣйствій ²⁾. У насъ пролетаріатъ желалъ мира не менѣе сильно,

¹⁾ См. въ „Монитерѣ“, рѣчь Ламартина передъ Національнымъ собраніемъ въ засѣданіи 23 мая 1848 года.

²⁾ См. въ „Монитерѣ“ отъ 31-го марта письмо Мѣрославскаго, въ которомъ онъ пишетъ слѣдующее: „Величайшій интересъ Польши въ данный моментъ состоитъ въ томъ, чтобы Франція настойчиво проводила въ жизнь обѣщанную ею въ манифестѣ политику. Это единственное средство спасти Польшу: она закликаетъ Францію успокоить Германію и искать въ Германской Конфедераціи союзницу по принципамъ и интересамъ“.

чѣмъ буржуазія. Я читаю въ воззваніи ліонскихъ рабочихъ, замѣчательномъ во многихъ отношеніяхъ, выраженіе искренняго восхищенія «откровеннымъ, благороднымъ, полнымъ достоинствомъ» языкомъ, которымъ министръ иностранныхъ дѣлъ говорилъ съ другими государствами. Одобреніе было всеобщее. Популярность Ламартина возрасла еще больше, потому что онъ сумѣлъ, отстраняя партійныя мнѣнія, коснуться истинно завѣтнаго чувства всей Франціи.

До того, какъ въ Парижѣ стало извѣстно впечатлѣніе, произведенное манифестомъ на иностранныя государства, представители монархическихъ странъ держались по отношенію къ временному правительству сдержанно-вѣжливо. Пославъ Ламартину простую расписку въ полученіи его перваго циркуляра, который, тѣмъ не менѣе, рѣзко нарушалъ общепринятый обычай, говоря о «народахъ и ихъ взаимномъ достоинствѣ», а не о дворахъ и монархахъ, всѣ иностранные дипломаты заявили, что они остаются на своихъ постахъ. Папскій нунцій присоединилъ къ этому заявленію выраженіе своего полного удовлетворенія и обѣщаніе осѣдомить святого отца о томъ уваженіи, которое проявилъ французскій народъ по отношенію къ религіи и ея служителямъ. Прусскій министръ, графъ Арнимъ, бельгійскій — князь де-Линъ, сардинскій — маркизъ де-Бриньоль, австрійскій посолъ, графъ Аппони, и даже русскій уполномоченный, Киселевъ, имѣли частныя собесѣдованія съ Ламартиномъ. Вскорѣ лордъ Пальмерстонъ уполномочилъ лорда Норманби начать переговоры объ упроченіи союза между двумя государствами. Въ согласіи съ принципами виговъ, признающихъ законнымъ всякое правительство, вышедшее изъ народа, Англія надѣялась, что въ благодарность за такое быстрое признаніе Французской республики французское правительство будетъ уважать независимость Бельгіи и ни явно, ни тайно не станетъ покровительствовать Ирландіи и чартизму. Лордъ Джонъ Рёссель заявилъ 28-го февраля въ Нижней Палатѣ, что британское правительство «отстраняетъ отъ себя какое бы то ни было внимательство въ установленіе французами ихъ собственнаго правительства». Лордъ Пальмерстонъ счелъ нужнымъ объяснить временному правительству мотивы гостепримства, оказаннаго имъ низвергнутымъ принципамъ. «Это гостепримство,—говоритъ онъ въ своей депешѣ 10-го марта, сообщенной Ламартину лордомъ Норманби,—отнюдь не представляетъ выраженія политической симпатіи, которая могла бы обезпечить Францію. Въ убѣжищѣ, предложенномъ жертвамъ великаго поворота судьбы, въ оказанномъ имъ вниманіи, выражается только простое гостепримство». Наконецъ, лордъ Веллингтонъ отвѣтилъ на косвенный первый шагъ Ламар-

тина изысканно любезнымъ письмомъ, которое должно было быть передано министру.

Представители Швейцаріи, Аргентинской республики и Уругвая тотчасъ-же признали республику. Посланникъ Соединенныхъ Штатовъ, Ричардъ Рэншъ, первый сдѣлалъ официальный визитъ временному правительству и вскорѣ получилъ одобреніе президента Соединенныхъ Штатовъ, Полька, который въ слѣдующихъ выраженіяхъ говоритъ о революціи, въ своемъ обращеніи къ народу:

«Міру рѣдко случалось видѣть болѣе любопытное и величественное зрѣлище, чѣмъ проникнутое принципами мира рѣшеніе французскаго народа, задававшегося цѣлью дать себѣ большую свободу и во всемъ величій своей силы доказать, что въ просвѣщенный вѣкъ человѣкъ способенъ управлять самимъ собою».

Когда пришлось назначать дипломатическихъ агентовъ, то Ламартинъ очутился въ меньшемъ затрудненіи, чѣмъ Ледрю-Роллэнъ при выборѣ своихъ комиссаровъ. Если публицистическая и адвокатская профессіи не могли создать хорошихъ администраторовъ, то тѣмъ менѣе они подготавливали къ дипломатической дѣятельности, требовавшей на ряду съ обширными историческими и географическими познаніями еще и дара наблюдательности, зрѣлости, ясности ума и вышней вѣжливости. Французская дипломатія уже давно начала утрачивать свое первенствующее значеніе. Благородныя традиціи и гордое достоинство, которыя ей удавалось сохранить среди всѣхъ превратностей судьбы, подъ влияніемъ печальнаго царствованія Людовика-Филиппа, уступили мѣсто узкимъ, мелочнымъ, ничтожнымъ и унижительнымъ интригамъ. Франція не только утратила первенствующую роль въ европейскихъ дѣлахъ, но, казалось, самое достоинство ея положенія было непоправимо скомпрометтировано. За исключеніемъ очень немногихъ талантливыхъ представителей, французскій дипломатическій корпусъ, вербовавшій свой составъ среди придворной знати и промышленной буржуазіи, проявлялъ самыя посредственныя способности. Дипломатическимъ посламъ, менѣе чѣмъ кому-либо изъ другихъ монархическихъ сановниковъ, можно было довѣрить планы республики.

Ламартинъ, прежде всего, вызвалъ всѣхъ пословъ и почти всѣхъ полномочныхъ министровъ, находившихся при иностранныхъ державахъ. Онъ уничтожилъ, за исключеніемъ чрезвычайныхъ случаевъ, титулъ посланника и въ первую минуту разослалъ къ европейскимъ дворамъ лишь нѣсколько неофициальныхъ агентовъ съ конфиденціальными инструкціями: на нихъ лежала обязанность слѣдить за намѣреніями монарховъ и настроеніемъ народовъ. Первый выборъ Ламартина упалъ на одно близкое ему лицо скорѣе роялистическихъ, чѣмъ республиканскихъ убѣжденій, и на

республиканцевъ редакціи «National», которые до нѣкоторой степени были навязаны ему новой обстановкой. Послѣдніе сразу отреклись отъ политики, которую проводили 15 лѣтъ въ прессѣ: они стали поощрять склонность Ламартина заключить союзъ съ Англійей, чего добивались уже совершенно открыто; они не боролись съ личной антипатіей Ламартина къ польской эмиграціи, которая заставляла его крайне политично пренебрегать интересами Польши; они не разсѣяли иллюзіи, во имя которой Ламартинъ дѣлалъ авансы королю Фридриху Вильгельму. Такимъ образомъ, новая дипломатія, вмѣсто того, чтобы дать манифесту значеніе и истолкованіе, поддерживающія достоинство Франціи, проявила лишь то же страстное желаніе мира, то же ревностное стремленіе къ союзамъ съ королевскими домами, въ которыхъ республиканская оппозиція постоянно и съ неумолимой строгостью упрекала короля Людовика-Филиппа.

XIX.

Военное и морское министерство.—Араго.—Генераль Кавеньякъ.

Временное правительство не желало внѣшней войны. Тѣмъ не менѣе, предвидя крупныя внутренніе безпорядки, оно принимало близко къ сердцу состояніе арміи, такъ какъ чувствовало необходимость противопоставить мятежникамъ организованную силу. Самый революціонный изъ министровъ явился наиболѣе рѣшительнымъ въ этомъ отношеніи. Ледрю-Роллэнъ, вечеромъ 25-го февраля, въ первомъ своемъ свиданіи съ генераломъ Бедо далъ ему формальное обѣщаніе употребить всѣ необходимыя мѣры къ восстановленію дисциплины и къ возбужденію чувства самолюбія въ солдатахъ. Генераль тутъ же добился разрѣшенія для всѣхъ полковниковъ остаться во главѣ ихъ полковъ, при чемъ ему было обѣщано, что всѣ доносы нижнихъ чиновъ на начальство будутъ оставлены безъ послѣдствій. Онъ убѣдился изъ этого разговора, что возвращеніе войска въ Парижъ было настолько же желательнымъ для министра внутреннихъ дѣлъ въ интересахъ республики, какъ и для него самого, съ чисто военной точки зрѣнія. У временного правительства не явилось даже мысли о возможности крупнаго разоруженія. Эта мысль, исходящая изъ социалистическихъ школъ и энергично поддерживаемая въ концѣ царствованія Людовика-Филиппа газетой «Presse», нашла очень слабый откликъ въ чисто республиканской партіи. Редакція «National», духъ которой въ значительной степени вліялъ на общій ходъ дѣлъ во все

время правленія временного правительства, всегда, даже въ такомъ непопулярномъ вопросѣ, какъ укрѣпленія Парижа, держался самой воинственной тактики. Что же касается до общественнаго мнѣнія, то хотя оно и стояло за миръ, но отнеслось бы очень неодобрительно къ распущенію части войскъ. Всѣ требовали сокращенія расходовъ, но настолько въ насъ привычка сильнѣе необходимости нововведеній, что никто не осмѣливался заявить, что только сокращеніе суммы, ассигнуемой на армію, могло внести значительную экономію въ общій бюджетъ. Нельзя было ожидать отъ столь несплоченнаго состава временного правительства такой смѣлой инициативы. Этотъ вопросъ даже не обсуждался; Ледрю-Роллэнъ, въ данномъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, слѣдовалъ революціоннымъ традиціямъ; Луи-Бланъ былъ поглощенъ своей специальной миссіей: Ламартину не терпѣлось подчеркнуть воинственнымъ звукомъ трубъ и барабана на нашихъ границахъ нѣсколько туманный языкъ своего манифеста.

Вся забота правительства сводилась къ тому, чтобы передать организацію народнаго войска въ руки надежнаго человѣка. Мы уже видѣли, какъ трудно было найти сейчасъ-же среди республиканцевъ военнаго министра и заставить высшихъ офицеровъ признать его. Какъ только генераль Сюберви вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей, такъ сейчасъ же натолкнулся на непріязненное отношеніе «комиссіи защиты». Эта комиссія, состоявшая изъ наиболѣе выдающихся офицеровъ каждаго рода оружія, генераловъ Удино, Пеле, Пайльу, Вайльяна Бедо, Ламорисьера, военнаго интенданта Денъе, батальоннаго командира Шарраса, въ началѣ демонстративно обсуждала дѣла въ отсутствіи министра и направляла свои рапорты прямо въ совѣтъ. Затѣмъ начался рядъ нападеній съ ея стороны черезъ газету «National». Генералу Сюберви ставили въ упрекъ его инертность и склонность поддаваться постороннимъ вліяніямъ¹⁾. Не посвященный въ политическія интриги, Сюберви честно, но слабо защищался отъ возводимыхъ на него обвиненій; между тѣмъ его противники всячески добивались его удаленія. Вскорѣ, на одномъ изъ засѣданій временного правительства, на которомъ не было ни Ламартина, ни Ледрю-Роллэна, ни Луи-Блана, Сюберви неожиданно былъ лишенъ министерскаго портфеля. Въ томъ же засѣданіи генераль Эжень Кавеньякъ былъ назначенъ военнымъ министромъ.

Всѣхъ поразило это высокое назначеніе мало извѣстнаго офицера. Имя генерала Кавеньяка, которое, четыре мѣсяца спустя, пронеслось по всей Европѣ, рѣдко появлялось въ прессѣ и ни-

¹⁾ Его, совершенно неправильно, считали бонапартистомъ.

чѣмъ не привлекало вниманія. Даже въ республиканской партіи, его родственники были болѣе извѣстны, чѣмъ онъ самъ. Въ силу случайности или отсутствія природныхъ талантовъ, Эжень Кавеньякъ, внушившій арміи безусловное уваженіе къ себѣ благородствомъ характера и безупречнымъ образомъ жизни, не сумѣлъ завоевать ни горячей симпатіи офицерства, ни восторженнаго отношенія солдатъ, бывшихъ подъ его начальствомъ. Эжень Кавеньякъ происходилъ изъ старинной фамиліи, жившей въ странѣ Руэргъ и получившей дворянство еще при Генрихѣ IV. Онъ родился въ Парижѣ 15-го октября 1802 года и былъ вторымъ сыномъ Жана-Батиста-Кавеньяка, депутата Конвента. Хорошо кончивъ гимназію Sainte-Barbe, онъ былъ принятъ въ политехническую школу, откуда перешелъ въ медскую артиллерійскую школу въ чинѣ подпоручика инженернаго корпуса. Въ 1828 году онъ совершилъ походъ въ Морею и былъ въ 1829 году произведенъ въ капитаны. По возвращеніи, его отправили въ Мецъ. Благодаря революціонному образу мыслей, унаслѣдованному имъ отъ отца, онъ тотчасъ же впалъ въ немилость. Онъ на годъ былъ удаленъ съ дѣйствительной службы за то, что подписалъ проектъ ассоціаціи, въ которомъ правительство усмотрѣло оппозиціонный актъ. Призванный вновь на службу, онъ командовалъ въ 1836 году гарнизономъ города Тлемсена въ Алжирѣ. Этотъ слабый гарнизонъ, затерявшійся среди Кабилскихъ племенъ, лишенный самаго необходимаго, уцѣлѣлъ только благодаря администраторскому таланту, дѣятельности, постоянству и неутомимой преданности Кавеньяка. Но вмѣсто вполнѣ заслуженной сѣрной награды, онъ былъ назначенъ въ концѣ кампаніи батальоннымъ командиромъ зуавовъ подъ начальство подполковника Ламорисьера. Онъ былъ не въ силахъ снести такую обиду и, въ первую минуту раздраженія, потребовалъ временнаго увольненія съ дѣйствительной службы и вернулся во Францію ¹⁾.

Въ 1839 году, когда онъ жилъ въ Перпиньянѣ, туда пріѣхалъ герцогъ Орлеанскій. Послѣдній заинтересовался его положеніемъ, которое, будучи вполнѣ законно обставленнымъ, тѣмъ не менѣе лишало Кавеньяка возможности движенія по службѣ. Желая оказать поддержку челоуѣку съ республиканскимъ именемъ, герцогъ Орлеанскій добился отъ военнаго министра немедленнаго назначенія Кавеньяка командующимъ отдѣльной частью. Его назначили командиромъ одного изъ трехъ батальоновъ пѣхотныхъ стрѣлковъ въ Африкѣ, извѣстныхъ подъ прозвищемъ «Зефировъ» и, почти цѣликомъ, со-

¹⁾ Временное увольненіе съ дѣйствительной службы по причинѣ „ходящихъ недуговъ“, могущее продолжаться три года, составляетъ, по уставу арміи, вполнѣ опредѣленное положеніе.

стоявшихъ изъ солдатъ, побывавшихъ подъ военнымъ судомъ за крупныя нарушенія дисциплины. На своемъ новомъ посту Кавеньяку такъ часто приходилось наказывать со всей строгостью плохо дисциплинированныхъ солдатъ, что онъ невольно усвоилъ себѣ суровыя привычки и нѣкоторую грубость рѣчи, отъ которыхъ не могъ впоследствии отдѣлаться и которыя, несомнѣнно, вредили его популярности. Спустя нѣкоторое время его назначили подполковникомъ зуавовъ. Въ срединѣ 1840 года онъ пріѣхалъ въ отпускъ въ Парижъ, гдѣ, не смотря на свое нежеланіе явиться въ Тюильри, продолжалъ пользоваться неизмѣнной благосклонностью герцога Орлеанскаго, такъ что во время отпуска былъ произведенъ въ полковники. Начиная съ этого времени, Кавеньякъ очень рѣдко и на очень короткое время уѣзжалъ изъ Алжира. Въ Парижѣ его привлекали только заботы о матери, жившей очень уединенно со времени смерти своихъ двухъ другихъ дѣтей.

Г-жа Кавеньякъ нѣжно любила своего сына, и, въ свою очередь, была предметомъ чисто античнаго обожанія съ его стороны. Только благодаря ей и исключительно благодаря ея вмѣшательству, онъ поддерживалъ сношенія съ республиканской партіей, самъ по себѣ не питая ни малѣйшей склонности ни къ публицистикѣ, ни къ парламентаризму. Въ свой послѣдній пріѣздъ въ Парижъ, въ 1847 году, онъ сильно возбудилъ противъ себя главныхъ редакторовъ „National“, отвергнувъ ихъ предложеніе, сдѣланное отъ имени республиканской партіи, зачислить его въ число избираемыхъ. Его солдатская гордость не допускала политическихъ компромиссовъ и возмущалась ими. Кромѣ того, онъ возлагалъ очень слабую надежду на успѣшный планъ кампаніи, открывшейся рядомъ банкетовъ, смѣшанный составъ которыхъ противорѣчилъ его прямотѣ; крайнія затрудненія, ежедневно угрожавшія существованію «Реформы», укрѣпляли его въ мысли, что республика насчитывала слишкомъ мало приверженцевъ, чтобы быть возможной во Франціи.

Когда разразилась февральская революція, Эжень Кавеньякъ былъ уже генералъ-майоромъ и командовалъ подъ-отдѣломъ Тлемсенской дивизіи ¹⁾. Временное правительство не могло забыть ни имени, ни заслугъ такого офицера. Однимъ изъ первыхъ своихъ декретовъ оно назначило Кавеньяка командиромъ дивизіи и генералъ-губернаторомъ Алжира ²⁾. Такимъ образомъ въ критическихъ обстоя-

¹⁾ Рассказываютъ, что когда испанское судно привезло въ Оранъ извѣстіе о провозглашеніи Республики, генералъ Кавеньякъ вскричалъ: „Республика! это значитъ, что черезъ шесть мѣсяцевъ въ Парижъ войдетъ Генрихъ V“!

²⁾ Чины дивизионныхъ и бригадныхъ генераловъ были возстановлены временнымъ правительствомъ въ „честь тѣхъ славныхъ воспоминаній, о

ствахъ ему оказывали явное довѣріе. Въ Парижѣ, очевидно, нѣсколько сомнѣвались въ покорности колоніи. Талантливый, честолюбивый и рѣшительный генераль Шангарнье, выдвинувшійся блестящими успѣхами, командовалъ въ Алжирѣ, подъ начальствомъ герцога Омальскаго, семидесятью шестью тысячами превосходныхъ французскихъ солдатъ и восемью тысячами туземцевъ, разбѣянныхъ по всѣмъ главнымъ пунктамъ территоріи. При поддержкѣ эскадры, которая подъ вліяніемъ принца Жуанвильскаго могла не признать Парижскаго революціоннаго правительства, эти войска, сгруппировавъ вокругъ себя всѣхъ недовольныхъ метрополіей, были бы въ состояніи сдѣлаться ядромъ опаснаго сопротивленія. Герцогиня Орлеанской не трудно было добраться вмѣстѣ съ сыномъ до береговъ Африки. Робкая попытка, разбившаяся о политическую холодность французскаго парламента, превратилась бы на далекой чужбинѣ въ отважный подвигъ, способный увлечь солдатъ. Появленіе въ африканскомъ лагерѣ королевской бѣглянки съ двумя молодыми, смѣлыми, любимыми народомъ принцами, блестящій воинъ, готовый съ оружіемъ въ рукахъ отметить за ея униженіе и вернуть ей тронъ,—все это окружалось ореоломъ неотразимаго обаянія подъ раскаленнымъ южнымъ небомъ, гдѣ кровь горяче и живѣе воображеніе. А если монархическое знамя поднялось бы въ Алжирѣ, кто знаетъ, на что были бы способны еще приверженцы Орлеанской династіи во Франціи! Къ счастью, эти опасенія временнаго правительства были непродолжительны. Вскорѣ стало извѣстнымъ, что генераль Кавеньякъ, безъ всякихъ затрудненій, вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей, а принцъ Жуанвильскій и герцогъ Омальскій очень благородно отклонили всѣ сдѣланныя имъ предложенія оказать сопротивленіе, признавая это бунтомъ.

2-го марта въ Алжирѣ получились двѣ телеграммы, въ которыхъ Араго и адмиралъ Бодень возвѣщали принцамъ Парижскія событія. Вѣроятно, для того, чтобы ослабить первый ударъ, наносимый столь неожиданнымъ извѣстіемъ, Араго не только не настаивалъ на окончательномъ установленіи республиканскаго правленія, но какъ бы подавалъ надежду на возможность возвращенія къ прежнему въ виду общихъ выборовъ; онъ взывалъ къ патриотическому чувству принцевъ и убѣждалъ ихъ заранѣе примириться съ какимъ бы ни было постановленіемъ народной воли.

Вѣроятно, текстъ этихъ телеграммъ лишилъ принцевъ той смѣлости, которая поднимается въ людяхъ при крайностяхъ, а, мо-

которыхъ напоминали французскому народу и арміи всѣ названія чиновъ, дававшихся штабъ-офицерамъ въ эпоху Республики и Имперіи.

жетъ быть, даже ихъ природная склонность и воспитаніе побуждали ихъ признать революцію и господство народа; во всякомъ случаѣ, оба они выказали полное повиненіе и покорность. Они добровольно отказались отъ виднаго положенія принцевъ и превратились въ простыхъ гражданъ. Нѣсколько разъ герцогъ Омальскій выходилъ на дворъ своего дворца и самъ, ничего не скрывая, сообщалъ солдатамъ и народу о перемѣнѣ въ судьбѣ его рода. Сдерживая свое волненіе, онъ мягко устранилъ проявленіе восторга, вызваннаго его поведеніемъ, и, прекративъ раздавшіеся въ честь его крики, просилъ, чтобы по его примѣру всѣ повторяли только одинъ кличъ: «Да здравствуетъ Франція!»¹⁾ 3-го марта оба брата съ семьями сѣли на пароходъ «Солонь» и отплыли въ Гибралтаръ, гдѣ они намѣревались подождать извѣстій изъ Парижа. Говорятъ, что, простившись съ толпой, провожавшей ихъ со слезами до самаго берега, принцъ Жуанвильскій, обернувшись къ свидѣтелямъ этой сцены, воскликнулъ: «Скоро, мои друзья, вы будете воевать. Океанъ и Средиземное море будутъ покрыты непріятельскими судами. Тогда вы увидите, какъ неожиданно появится американская шкуна подъ командой молодого человѣка. Вы услышите, что имя этого молодого человѣка—капитанъ Жуанвиль, и по той стрѣльбѣ, которую его маленькое суденышко откроетъ по врагамъ Франціи, вы узнаете, насколько онъ настоящій французъ». Съ отъѣздомъ принцевъ и до пріѣзда генерала Кавеньяка генераль Шангарнье оставался единственнымъ представителемъ власти. Республика со-всѣмъ не соответствовала его настроенію. Она сразу остановила его въ тотъ моментъ, когда онъ приближался къ окончательной цѣли своихъ честолюбивыхъ замысловъ. Его недовольство проскальзывало по всякому поводу. Когда часть населенія явилась къ его дому, требуя признанія республики и сформированія національной гвардіи, онъ отказалъ въ этомъ. Однако изъ боязни, что гвардія вооружится помимо него, онъ отдалъ тайный приказъ войскамъ взять оружіе изъ склада милиціи. Когда генераль Кавеньякъ пріѣхалъ въ Алжиръ, то Шангарнье демонстративно не выѣхалъ встрѣтить его.

Вступая въ отправленіе своихъ обязанностей, новый генераль-губернаторъ выпустилъ два воззванія къ войскамъ и къ народу. Въ нихъ, какъ бы желая объяснить благосклонное отношеніе къ нему правительства, онъ упоминалъ о своемъ братѣ. «Солдаты,—говорилось въ первомъ воззваніи,—временное правительство поставило меня во главѣ васъ. Я не обманываю себя: если бы нація нуждалась только въ преданномъ человѣкѣ, то ея правительство могло бы

¹⁾ См. «Историческія документы», въ концѣ этого тома, № 13.

вручить командование любому из вас. Правительство имело в виду нечто другое: оно хотело осуществить мысль всей страны. Давая мне такое назначение, оно хотело почтить от имени всей нации память о доблестном гражданине, мученике за свободу». Другое воззвание гласило: «Память о моем благородном брате жива между великими гражданами, избравшими меня. Моим назначением они хотели выразить желание нации, чтобы управление этой колонией было установлено на основаниях, достойных республики».

Из этих слов генерала Кавеньяка, сказанных им при первом выступлении на арену общественной деятельности, видно, насколько он был проникнут воспоминаниями о своей семье. Мы дальше постоянно будем встречаться с этой почтенной, но несколько узкой заботливостью о чести своего имени, связываемой со словом республика. Эта заботливость поглощает его мысль и дает ему некоторую устойчивость, составляющую контраст с общей слабостью характера генерала, который далеко не всегда руководился строго выработанными им самим убеждениями. Устойчивость солдата и гражданина в желании служить Республике, с одной стороны; нерешительность политического деятеля в самом понятии о республиканских учреждениях — с другой, — вот главный источник тех противоречий, которых не мало встречается в карьере генерала Кавеньяка, и тех противоположных обвинений, которые так часто направлялись на него. В душе генерала преклонение пред фамильной честью, принуждавшее его упрямо держаться революционных традиций, всегда сталкивалось с его личным характером, в котором, вопреки элементу некоторого величия, господствовали чисто суетливая исполнительность предначертаний высшей власти и слепое уважение к приказанию¹⁾. В истории

¹⁾ Из раннего детства Эжена Кавеньяка упоминается черта, ясно показывающая, как велика была врожденная вѣра будущего генерала во всемогущее значение военного приказа. Хотя анекдот этот и относится к детскому возрасту, но он настолько характерен, что его стоит привести здѣсь. Один из дядей Женья Кавеньяка подарил ему в день именин (ему было 5 или 6 лѣтъ) маленькую драгунскую саблю. Въ себя от гордости и восторга, ребенок бросился въ садъ, замахиваясь своимъ страшнымъ оружіемъ на все, попадавшееся ему по дорогѣ. Онъ грозилъ и нападалъ на птицъ, на бабочекъ, на насекомыхъ и кусты. Наконецъ, въ концѣ сада онъ приближался къ бассейну, изъ котораго текла вода. Онъ серьезно рѣшилъ остановить течение воды, перерубая струю своей саблей. Черезъ четверть часа его нашли очень увлеченнымъ выполнениемъ своего предпріятія. Неудача несколько его не обезкураживала, и онъ энергично командовалъ: „Вода, я тебя запрещаю течь; вода, я тебя запрещаю течь...“

нашихъ революцій немного можно встрѣтить людей, у которыхъ въ трудные моменты ихъ политической жизни такъ очевидно боролось ихъ личное сознание съ сознаниемъ традиционнымъ. Среди нихъ, можетъ быть, нѣтъ ни одного, кому судьба навязала роль, болѣе несоответствующую его натурѣ.

Едва генералъ Кавеньякъ пріѣхалъ въ Алжиръ, какъ нерешительность его характера выразилась въ двухъ довольно важныхъ случаяхъ и значительно поколебала его авторитетъ. Благодаря прискорбному рѣшенію, въ которомъ выразилась вышеупомянутая узость понимания республиканской идеи, новый губернаторъ, несмотря на особую осторожность, какой требовала отъ него память о личныхъ отношеніяхъ съ герцогомъ Орлеанскимъ, приказалъ убрать съ площади статую принца. Население заволновалось при этомъ извѣстіи. У пьедестала собралась толпа и рѣшила защищать статую. Волнение приняло столь серьезные размѣры, что генералъ Кавеньякъ счелъ нужнымъ уступить и приказалъ оповѣстить народъ, что статуя герцога Орлеанскаго останется на своемъ мѣстѣ. Черезъ нѣсколько времени онъ далъ новое и болѣе досадное доказательство своей нерешительности. Часть населения пришла къ нему съ просьбой присутствовать на посадкѣ дерева свободы, которое увѣнчали фригійской шапкой. Генералъ Кавеньякъ счелъ вполне возможнымъ быть официально предсѣдателемъ этой церемоніи въ присутствіи всѣхъ войскъ и установленныхъ властей. Но на слѣдующій день другая часть населения, недовольная революціонной эмблемой, потребовала, съ своей стороны, ея удаленія, и губернаторъ, нисколько не стѣняясь тѣмъ, что произошло накануне, былъ предсѣдателемъ и этой церемоніи. Конечно, какъ онъ исполнилъ искренно и говорилъ послѣ, генералъ Кавеньякъ не думалъ придавать значеніе тому, будетъ или не будетъ висѣть фригійская шапка на деревѣ свободы. Въ наше время подобныя эмблемы для людей серьезныхъ кажутся мальчишескими выходками и анахронизмами, но генералъ не могъ, безъ сомнѣнія, не знать, какое нравственное впечатлѣніе оставляютъ такіе противорѣчивые поступки власти, и его солдатская совѣсть не могла не страдать отъ этого.

Между тѣмъ, морской министръ, въ ожиданіи пріѣзда въ Парижъ генерала Кавеньяка, взялъ въ то же время на себя и военное министерство. Онъ дѣятельно занялся прекращеніемъ дезорганизаци въ арміи, сигналомъ къ которой послужила народная побѣда. Это удалось сдѣлать быстро и легко. Съ 26-го по приказанію правительства Военная школа, Вэнсеннъ и всѣ остальные форты были заняты національной гвардіей. Отдѣльныя возмущенія, поднятыя въ некоторыхъ кавалерійскихъ и артиллерійскихъ полкахъ

унтеръ-офицерами, были быстро подавлены, и участники понесли строгое наказаніе. Солдаты сами возвращались подъ знамена; дисциплина возстановлялась добровольно. Единственнымъ труднымъ случаемъ былъ бунтъ инвалидовъ противъ ихъ начальника, генерала Пети. Дѣло было вотъ въ чемъ. Инвалиды только что получили по одному завѣщанію около 6000 франковъ. Совѣтъ администраціи нашелъ наиболѣе разумнымъ выдавать каждому ежемѣсячно по одному франку изъ этой суммы. Подъ вліяніемъ вполне понятной жадности, усилившейся, благодаря бездѣльничанію и излишнему употребленію спиртныхъ напитковъ въ дни беспорядковъ, они начально потребовали полной и немедленной раздачи всего капитала. Такъ какъ ихъ требованіе не было удовлетворено, то они начали жаловаться и разпускать всевозможныя обвиненія. По ихъ словамъ, генераль Пети, одинъ изъ наиболѣе заслуживающихъ уваженія представителей старой арміи, присвоилъ себѣ упомянутую сумму. Чтобы привлечь на свою сторону рабочихъ національныхъ мастерскихъ, занятыхъ по сосѣдству земляными работами на Марсовомъ полѣ, бунтовщики стали утверждать, что генераль составляетъ заговоръ противъ Республики. Они дошли до того, что стали увѣрять, будто они видѣли, какъ онъ «влачилъ по грязи» національное знамя. Нѣкоторая часть рабочихъ, повѣривъ этой клеветѣ, еще усилила волненіе. Вооружившись лопатами и заступами, со знаменемъ и барабаномъ впереди, толпа въ 2—3 тысячи съ угрожающими криками двинулась къ Дому инвалидовъ. Генераль Пети вышелъ къ нимъ навстрѣчу. Но ни его преклонный возрастъ, ни благородный видъ не остановили грубую, разсвирѣпѣвшую толпу. Схвативъ старика за воротъ и связавъ его, они бросили его въ извозничью открытую карету. Бунтующая толпа, осыпая генерала оскорбленіями, тащитъ окруженный его экипажъ по направленію къ Ратушѣ, чтобы потребовать суда надъ Пети у временнаго правительства. Нѣсколько присоединившихся къ толпѣ преданныхъ генералу челоѣкъ, опасаясь длиннаго путешествія вдоль рѣки, стали кричать, что его надо вести въ главный штабъ на площадь Карусель. Въ то же время они дали знать полковнику де-Куртэ объ опасности, угрожавшей начальнику инвалидовъ. При переходѣ черезъ Королевскій мостъ раздались крики: «въ воду». Но благоразумная часть гражданъ, рѣшившая спасти генерала, ускорила шествіе и скоро достигла главнаго штаба, гдѣ съ большимъ безпокойствомъ полковникъ де-Куртэ и начальникъ его штаба, Гинаръ, ожидали этотъ возмутительный кортежъ. Какъ только они увидѣли его, они бросились къ генералу Пети и вырвали его у бунтовщиковъ. Полковникъ де-Куртэ, обратившись къ толпѣ съ рѣчью, стыдилъ ее за то, что она рискнула обвинять и оскорблять стараго

(генералу Пети было 77 л.) храбраго воина, который съ 1792 по 1815 г. непрерывно сражался за свою родину и который при Фонтенебло принялъ отъ императора послѣднія слова и послѣднее объятіе.

Понявъ свою громадную ошибку, рабочіе тотчасъ разошлись. Покинутые ими инвалиды были вынуждены вернуться къ себѣ. На другой день полковникъ де-Куртэ, узнавъ о сочувственномъ отношеніи къ нему народа въ кварталѣ Инвалидовъ и увѣдомивъ солдатъ о строгомъ слѣдствіи, начатомъ для выясненія истинныхъ виновниковъ, объявилъ, что ровно въ 11 часовъ генераль Пети торжественно вернется домой и будетъ возстановленъ въ своей должности. Дѣйствительно, возвращеніе генерала было обставлено большой помпой. Араго отъ имени временнаго правительства, главный штабъ, значительныя депутаціи отъ школъ, взводъ національной гвардіи двигались во главѣ шествія, которое было встрѣчено на дворѣ Инвалидовъ военнымъ министромъ (этотъ постъ занималъ еще генераль Сюберви) и 10-тысячной толпой рабочихъ. Ихъ привѣтственные восклицанія до слезъ растрогали старика, такъ жестоко оскорбленнаго наганунѣ. Зачинщики мятежа были схвачены на глазахъ ихъ товарищей и отведены въ тюрьму. Но чтобы и тѣни подозрѣнія не оставалось у народа, правительство рѣшило опечатать все помѣщенія зданія, гдѣ могли находиться документы, могущіе выяснитъ истину, и продолжать слѣдствіе. Приказъ генерала Пети, какъ и снисходительность правительства, обнаруживаютъ крайнее безсиліе власти, которая въ это время могла заставить уважать свои постановленія только путемъ убѣжденія, могла найти поддержку только въ тѣсной связи съ народными массами. «Мы пережили большое несчастье», — обращается генераль Пети 25-го марта къ инвалидамъ; затѣмъ онъ старается убѣдить ихъ въ томъ, что ему и въ голову не могла придти мысль о присвоеніи денегъ, въ чемъ его обвиняли. «Перестанемъ, — продолжалъ онъ, — вѣрить этимъ лживымъ слухамъ; вернемся къ обычному строю нашей жизни. Будьте увѣрены, что временное правительство постоянно слѣдитъ за вами, что, между прочимъ, подтверждается двумя слѣдствіями, которыя скоро начнутся». Слѣдствія эти, надо думать, не имѣли да и не могли имѣть никакихъ результатовъ. Я остававливаюсь на такомъ незначительномъ случаѣ исключительно для того, чтобы дать яркій образчикъ тѣхъ затрудненій, которыя ежедневно встрѣчало правительство. Подобныя печальныя недоразумѣнія отвлекали вниманіе правительства отъ важныхъ дѣлъ и задерживали его дѣятельность, отъ которой требовалась быстрота и увѣренность.

По отчету комитета національной обороны, армія, въ томъ видѣ,

какъ ее оставило правительство Людовика-Филиппа, была въ такомъ положеніи, что о войнѣ нельзя было и думать. Наличный составъ во всѣхъ войскахъ былъ крайне незначителенъ. Пѣхотные полки, принимая въ расчетъ всѣхъ рѣшительно людей, способныхъ носить оружіе, могли образовать каждый только по два баталіона полного военного состава, по 500 чел. въ каждомъ. Кавалерійскіе полки могли дать по четыре эскадрона военного времени и въ общей сложности лишь 525 лошадей. Въ артиллеріи, не разстраивая складовъ и не задерживая обученія рекрутовъ, можно было выставить только по одной батарее отъ полка. Административныя службы были совсѣмъ лишены средствъ передвиженія. Въ положеніи, наиболѣе непрочно изъ всѣхъ, въ которыхъ когда-либо находилось правительство, безъ денегъ, безъ кредита, съ твердой рѣшимостью не прибѣгать къ поддержкѣ революціонныхъ страстей, оно должно было готовиться къ возможной войнѣ съ монархической коалиціей. Надо было обезпечить наши берега и границы, не ослабляя Алжира. Необходимо было быть готовыми по первому сигналу ломбардцевъ или поляковъ перейти Рейнъ или Альпы, не оставляя въ то же время безъ защиты внутреннюю часть страны, гдѣ ей грозили происки монархическихъ партій и возстаніе ультра-революціонеровъ. Министръ иностранныхъ дѣлъ требовалъ не менѣе 215.000 человекъ для поддержанія мирной политики, возвѣщенной въ манифестѣ. По его расчету необходимо было имѣть 150.000 на Рейнѣ, 30.000 у подножія Альпъ, 15.000 на границѣ Пиренеевъ, и т. д. Эти требованія въ связи съ безопасностью Алжира, который не хотѣли подвергать риску ни министръ, ни комитетъ обороны, и съ нуждами внутренней службы доводили цифру необходимыхъ войскъ до 514.000 чел. На все это требовался расходъ въ 114 милліоновъ. Между тѣмъ, государственная казна была почти пуста, и, по донесенію комитета обороны, можно было въ данный моментъ располагать только 101.000 солдатъ.

Неутомимая дѣятельность Араго и его организаторскія способности превозмогли всѣ препятствія. Оторванный отъ научныхъ занятій, прославившихъ его въ молодости, отъ профессуры, поставившей его имя въ ряду самыхъ извѣстныхъ именъ современниковъ, онъ, казалось, въ прежней своей дѣятельности не получилъ никакой подготовки къ разработкѣ административныхъ деталей, къ той спеціальной работѣ, которой требовало отъ него новое положеніе. Достижшій того возраста, когда у большинства людей необходимость въ отдыхѣ заглушаетъ всѣ другія страсти, Араго черпалъ въ своемъ республиканскомъ честолюбіи силы молодости. Съ помощью выдающагося офицера, а именно — полковника Шарраса, стараго воспитанника политехнической школы, прикомандированнаго

къ министерству въ качествѣ государственнаго секретаря, онъ въ два мѣсяца поставилъ армію на положеніе военного времени.

Главные недочеты были устранены слѣдующими мѣрами: сборомъ запоздалыхъ рекрутовъ, относящихся къ призывамъ 1842 — 1846 гг.; вызывомъ военныхъ, числящихся въ отпуску; призывомъ охотниковъ на 2 года и покупкой 30.000 верховыхъ и упряжныхъ лошадей. Альпійская армія, доведенная до 31.000 чел., заняла долины Изера, Соны и Роны ¹⁾. 12-тысячный резервъ изъ вызванныхъ изъ Африки испытанныхъ войскъ былъ сосредоточенъ въ долину Дюранса. Ихъ замѣнили людьми, взятыми изъ запоздалыхъ рекрутовъ 1843 и 1844 гг., такъ что численность африканской арміи не уменьшилась. Національная гвардія была вооружена. Въ военномъ министерствѣ за мартъ мѣсяць ей выдали 446.689 ружей, изъ которыхъ 150.000 пришлось на долю Парижа. 200 баталіоновъ подвижной національной гвардіи мобилей составили резервъ. Для главныхъ штабовъ и для почтовой службы были сформированы 8 эскадроновъ вѣстовыхъ. Тѣмъ не менѣе, военному министру удалось достигнуть значительной экономіи сокращеніемъ штатовъ главнаго штаба, уменьшеніемъ числа дивизій и подѣловъ дивизій, роспускомъ муниципальной гвардіи и другими реформами, предпринятыми въ различныхъ областяхъ министерства. Благодаря этимъ мѣрамъ, Араго при сдачѣ отчета о своей дѣятельности Учредительному собранію, могъ заявить, что ему въ бюджетѣ 1848 г. удалось съэкономить болѣе 16 милліоновъ.

Формированіе мобилей гвардіи, порученное генералу Дювивье, очень быстро подвигалось впередъ. Впервые мысль объ этомъ войскѣ, составленномъ изъ лицъ, сражавшихся въ февралѣ, была высказана въ Ратушѣ 24-го нѣкимъ Дюбуромъ. Послѣдній въ 1830 г. организовалъ «волонтеровъ Хартіи» и съ тѣхъ поръ присвоилъ себѣ чинъ генерала. При первой тревогѣ прибѣжавъ въ Ратушу, Дюбуръ пробылъ тамъ безвыходно 36 часовъ и настойчиво требовалъ себѣ портфель военнаго министра, какъ вполне заслуженную награду. Его удалось удалить. Однако, Ламартинъ воспользовался его мыслью и вскорѣ издалъ декретъ о созывѣ 20.000 чел. моби-

¹⁾ Начальникомъ этой арміи былъ назначенъ дивизионный генералъ Удино. Событія, стяжавшія печальную славу этому имени, придаютъ извѣстный интересъ воззванію, съ которымъ онъ обратился къ солдатамъ по пріѣздѣ въ Гренобль. Въ немъ я читаю: „Республика — другъ всѣхъ народовъ: особенно сильную симпатію она чувствуетъ къ народностямъ Италіи. Солдаты этой прекрасной страны часто дѣлили съ нами опасности и славу на поляхъ битвъ, ставшихъ безсмертными. Можетъ быть, это дорогое намъ своими воспоминаніями братство по оружію создастъ новыя болѣе тѣсныя узы.“

лей національной гвардіи изъ охотниковъ. Листы для записи, выставленные въ мѣсяхъ, были заполнены въ нѣсколько дней. Усиленное жалованіе въ 1 фр. 50 с. (линейный солдатъ получалъ только 25 с.) служило большою приманкой для парижской молодежи. Ея инстинктъ, опьяненіе революціонныхъ дней, преданіе о «маленькомъ капралѣ», изъ ничего сдѣлавшемся императоромъ, любовь къ шуму, движенію, формѣ, равно какъ отсутствіе другихъ средствъ къ существованію, влекли ее подъ знамена. Генераль Дювивье скоро сталъ пользоваться среди этой безпокойной молодежи огромнымъ вліяніемъ. Честолюбивый, энергичный, съ живымъ и богатымъ воображеніемъ Востока ¹⁾, понимающій всѣ увлеченія молодости, ибо онъ самъ ихъ пережилъ, онъ обладалъ отеческой властью надъ этими не дисциплинированными, насмѣшливыми, испорченными въ большинствѣ бродяжнической жизнью большихъ городовъ молодыми людьми. Вскорѣ онъ сумѣлъ возбудить въ нихъ сознание чувства чести, и эти вчерашніе бандиты съ оружіемъ въ рукахъ, послушные командѣ, съ гордостью обходили въ своихъ лохмотьяхъ улицы города небольшими патрулями, разгоняли еборища, прекращали крикъ, взрывы петардъ, ночныя пѣсни, нарушавшія общественный покой. Они относились теперь къ восстановленію порядка съ такимъ же рвеніемъ, какое передъ этимъ проявляли при устройствѣ скандаловъ и буйствъ.

Заботясь о реорганизациіи нашей сухопутной арміи, Араго удѣлялъ много вниманія и морской. Сокращеніе бюджета съ 10 милліоновъ до 5 не позволяло думать объ увеличеніи нашихъ морскихъ силъ, и министръ принужденъ былъ ограничиться сборомъ ²⁾ въ Тулонскомъ порту хорошей учебной эскадры. Она была предназначена показать на берегахъ Средиземнаго моря республиканскій флагъ. Нравственный уровень и матеріальная часть морской арміи требовали серьезныхъ реформъ. Араго усердно занялся этимъ дѣломъ. Вопреки Совѣту адмиралтейства, предсказывавшему паденіе дисциплины съ отмѣной прежней суровости, Араго, сдѣлавшись министромъ, отмѣнилъ тѣлесныя наказанія на судахъ, принадлежавшихъ государству. Этимъ приказомъ онъ устранилъ давнишнее противорѣчіе въ наказаніяхъ, налагаемыхъ морскимъ и общимъ уложеніями. Въ то же время онъ улучшилъ содержаніе моряковъ на судахъ. По этому поводу раздавались исполнѣ законныя жалобы. Моряки получали припасы недоброкачественные и въ недостаточ-

¹⁾ Генераль Дювивье мечталъ о большой роли на Востокѣ. Ходили слухи, что изъ тайныхъ честолюбивыхъ побужденій онъ перешелъ въ мусульманство.

²⁾ Шесть линейныхъ кораблей; одинъ парусный и нѣсколько паровыхъ фрегатовъ.

номъ количествѣ. Часто можно было видѣть матросовъ, съѣзжавшихъ на берегъ для *покутки хлѣба*. При такъ называемомъ отеческомъ начальствѣ, когда адмираломъ былъ принцъ крови, подобная суровость на ряду со столь беззаконной небрежностью не находила себѣ никакого извиненія. Къ чести временнаго правительства надо отнести его стремленіе возстановить права человѣка и, въ данномъ случаѣ, какъ и въ другихъ, въ самый разгаръ революціоннаго кризиса, когда его собственному существованію угрожала опасность, его желаніе облегчить судьбу заброшенныхъ, темныхъ людей, о которыхъ забывала счастливая королевская власть. Совѣтъ адмиралтейства, по инициативѣ Араго, потерпѣлъ существенныя измѣненія. Къ участию въ немъ были приглашены офицеры всѣхъ чиновъ, до лейтенанта флота включительно. Въ новомъ составѣ Совѣтъ могъ представить истинные интересы морской арміи, и потому ему поручили составить таблицу повышенія офицеровъ, сообразно ихъ заслугамъ, включая въ особый списокъ лицъ, способныхъ командовать государственными судами, такъ какъ республиканское правительство рѣшило не придавать никакого значенія привилегіямъ.

Не довольствуясь этими частичными реформами, Араго намѣревался связать со своимъ именемъ великій историческій актъ справедливости и человѣколюбія. Онъ усиленно поддерживалъ настойчивыя заявленія Ледрю-Роллена и добился назначенія комиссіи для разработки въ самый короткій срокъ положенія объ освобожденіи негровъ и мѣръ, могущихъ обезпечить успѣхъ этого начинанія. Предсѣдателемъ комиссіи былъ приглашенъ Викторъ Шельхеръ, одинъ изъ редакторовъ «*Réforme*». Этотъ преданный и убѣжденный демократъ уже въ теченіе многихъ лѣтъ, жертвуя своимъ временемъ, состояніемъ и трудомъ, съ жаромъ проповѣдывалъ распространеніе на негровъ принциповъ свободы и равенства, провозглашенныхъ французской революціей предъ лицомъ всего міра. Шельхеръ принималъ самое большое участіе въ рѣшеніи Араго, желавшаго немедленнаго освобожденія черныхъ, хотя и считавшаго его невозможнымъ. Назначенный государственнымъ статсъ-секретаремъ департамента колоній и флота, онъ пригласилъ къ совмѣстной работѣ директора колоній Местро, морского офицера Перринона, адвоката Гатина, часовщика Гомонта, Анри Валлона и Л. Персина. Въ первый же день засѣданія комиссіи, 6-го марта, онъ представилъ проектъ декрета, начинающагося такими словами:

«Рабство всецѣло уничтожается въ колоніяхъ и владѣніяхъ Франціи черезъ шесть недѣль послѣ опубликованія настоящаго декрета въ каждомъ изъ нихъ. Всѣ освобожденные становятся французскими гражданами».

Коммиссія ревностно принялась за работу. 11-го апрѣля она окончила свое порученіе и представила Араго рядъ декретовъ, которые немедленно уничтожали рабство, предоставляя національному Собранію назначить вознагражденіе, котораго требовали колонисты; распространяли на колоніи право представительства въ Национальномъ собраніи; уничтожали колоніальные совѣты, передавая ихъ полномочія коммиссарамъ Республики; вводили всеобщее бесплатное и обязательное обученіе, учреждали свободу прессы, судъ присяжныхъ, національныя мастерскія и т. д., и т. д. Эти постановленія, несмотря на препятствія и происки со стороны колонистовъ, которымъ среди правительства оказалъ поддержку Маррасть, были подписаны совѣтомъ и напечатаны въ «Монитеръ» 27-го апрѣля. Смѣлая политика на этотъ разъ одержала верхъ надъ осторожной; духъ новшества заставилъ умолкнуть осторожность консерватизма¹⁾. Трудно указать настоящую причину этого явленія. Чисто случайныя обстоятельства склоняли въ пользу того или другого изъ этихъ направлений. Нерѣдко одинъ и тотъ же министръ соглашался съ самыми противоположными мѣрами, осуществлялъ самыя смѣлыя мечты Революціи и въ то же время утверждалъ рутинныя мѣропріятія, совершенно не соответствующія духу демократическихъ учреждений. Чѣмъ дальше мы будемъ слѣдовать за событіями, тѣмъ замѣтнѣе будетъ эта невольная двойственность. Въ ней нельзя винить кого-либо изъ членовъ правительства отдѣльно; она была естественнымъ слѣдствіемъ взаимныхъ уступокъ, которые считались необходимыми въ интересахъ общественнаго спокойствія.

Результатомъ этихъ противорѣчій была слабость извѣстнаго и чрезвычайно вредное колебаніе въ сознаніи самой страны. Въ особенности страдалъ народъ. Его честность и прямота не могли понять подобныхъ колебаній. Народъ считалъ себя обманутымъ, волновался, терялъ довѣріе и кончилъ тѣмъ, — камъ мы это скоро увидимъ, — что самъ нанесъ самому себѣ и Республикѣ, которую обожалъ, гибельный ударъ.

¹⁾ Мы, къ счастью, теперь (1862 г.) можемъ удостовѣрить, что „великодушная политика“ не имѣла тѣхъ печальныхъ результатовъ, которые ей предсказывала политика осторожная. Напротивъ, въ своей книгѣ „Уничтоженіе рабства“ Кошэнъ указываетъ на увеличеніе населенія въ нашихъ колоніяхъ послѣ освобожденія, на возрастаніе числа браковъ, на усиленіе производства на обрабатываемыхъ земляхъ, несмотря на уменьшеніе ихъ площади, на увеличеніе числа школъ и т. д.

XX.

Министерство финансовъ.—Гудшо-Гарнье-Пажесь.

Ко всѣмъ трудностямъ, неожиданно вызваннымъ февральской революціей, прибавилось еще затруднительное положеніе финансовъ. Пожелало ли бы временное правительство остановить или ускорить политическую революцію, бороться противъ социальныхъ реформъ или поощрять ихъ, начать-ли войну, организовать-ли большія общественныя работы, поднять-ли армію, — оно одинаково нуждалось въ деньгахъ и кредитѣ. А между тѣмъ экономическое положеніе всего общества было крайне неутѣшительно. Въ эпоху правленія Людовика-Филиппа лихорадочная дѣятельность промышленности, вызванная усиленнымъ развитіемъ желѣзно-дорожныхъ предпріятій, игра на биржѣ, пристрастіе къ роскоши, широко охватившія общество — все это вело состоятельные классы къ полному раззоренію. Кредитныя учрежденія пускались въ рискованныя предпріятія и при томъ съ поразительнымъ легкомысліемъ. Товары загромождали склады и амбары производителей; акціи переполняли биржу. Безмѣрный выпускъ бумагъ, отливъ звонкой монеты, вызванный покупкой иностраннаго хлѣба въ 1846 году, окончательно подорвалъ финансы. Мелкая торговля не въ состояніи была продолжать дѣла, такъ какъ одно содержаніе фирмы поглощало весь доходъ. Частныя лица, вовлеченныя ложнымъ самолюбіемъ въ расточительность, жили исключительно авансами и разными сомнительными операціями.

Всѣ извѣстные финансисты предсказывали общую катастрофу, если не будутъ тотчасъ же приняты мѣры къ возстановленію нормальнаго положенія промышленности и торговли¹⁾. Съ января 1846 по 15 января 1847 года запасный капиталъ французскаго банка знаменательно уменьшился, спустившись до 172 милліоновъ. Опасность дальнѣйшаго паденія устранилась лишь покупкой ренты на 50 милліоновъ русскимъ императоромъ. Согласно докладу бюджетной коммиссіи о расходахъ на 1847 годъ, государствомъ былъ сдѣланъ заемъ на 11 лѣтъ, и это обязательство могло быть погашено въ срокъ только при условіи полного равновѣсія въ жизни страны и обыкновеннаго бюджета, опирающагося на обезпеченіе, — что, собственно, являлось очевидной невозможностью²⁾.

¹⁾ См. въ „Moniteur“ рѣчи Фульда, Леона Фоше, Тьера, Биньона, сказанныя въ Палатѣ депутатовъ въ январѣ 1848 года.

²⁾ Чтобы къ концу 1855 года хватило тѣхъ средствъ, которыя составились изъ займа и резервнаго фонда на погашеніе долговъ, нужны были четыре почти неисполнимыхъ условія:

Правительство злоупотребляло законными и незаконными средствами, находившимися въ его распоряженіи: оно выпустило въ обращеніе столько облигацій, сколько только могло помѣстить среди публики; оно допустило возрости неотверженному долгу до 872 мил. ¹⁾, не включая сюда сберегательныхъ кассъ; оно увеличило капитальный долгъ послѣдовательными займами; наконецъ, въ послѣднихъ мѣсяцахъ 1847 года оно заключило заемъ, уплата по которому отодвигалась на столь продолжительный срокъ, что такая помощь являлась почти призрачной. Сохранная касса, также задолженная сверхъ мѣры, была еще обременена акціями желѣзныхъ дорогъ и каналовъ.

Всѣ пружины, мы видимъ, были напряжены, и малѣйшее неожиданное сотрясеніе могло ихъ сломать. Слово «банкротство» уже не сходило съ языка; при той паникѣ, какая овладѣла умами во время февральской революціи, республиканское правительство видѣло въ этомъ словѣ весь ужасъ своего положенія. Это правительство унаслѣдовало не только крайне скомпрометтированное положеніе ²⁾, но еще было вынуждено, въ силу принципа и условий, связавшихъ его съ народной революціей, отказаться отъ значительныхъ источниковъ дохода. Нуждаясь немедленно въ миллиардѣ ³⁾ при бюджетѣ въ 1.700 милліоновъ и ожидая возможнаго дефицита въ 76 мил. въ обыкновенныхъ расходахъ и 169 мил. ⁴⁾ въ чрезвычайныхъ; при долгѣ въ 4 миллиарда 295 мил. ⁵⁾; при средствахъ погашенія, истраченныхъ заранѣе уже до 1855 г.; при широко начатыхъ общественныхъ работахъ, которыя надо было окончить во чтобы то ни стало, временное правительство должно было обходиться съ 192 милліонами, находившимися въ казначействѣ ⁶⁾,

1. Чтобы въ бюджетѣ 1848—1855 году расходы не превышали дохода.

2. Чтобы, сверхъ уже вотируемыхъ и начатыхъ работъ, не предпринимать никакихъ новыхъ.

3. Чтобы никакія внутреннія или внѣшнія условія не отвлекли средствъ изъ фонда погашенія отъ ихъ главной прямой цѣли—уплаты долга.

4. Чтобы неотверженный долгъ могъ быть увеличенъ, не причиняя ущерба общественному кредиту и затрудненій для казны, до суммы въ 753 милліона въ 1850 году, до 801 мил. въ 1851 г., до 736 мил. въ 1852 г., и сведенъ, наконецъ, до 539.476.180 франковъ къ концу 1855 года. Конечно, эти четыре условія были неисполнимы. Смори въ „Moniteur“ отъ 26 апрѣля 1849 г. докладъ Дюко отъ лица комиссіи, уполномоченной разсмотрѣть отчетъ временнаго правительства.

1) Докладъ Дюко установилъ, что общая сумма расходовъ превышала доходъ на 183.436.245 франковъ («Moniteur» 22 апр. 1849).

2) 800 милліоновъ, по мнѣнію Фульда («Moniteur» отъ 22 апр. 1849).

3) Смори докладъ Дюко «Moniteur» отъ 26 апр. 1849 г.

4) По вычисленіямъ Гарнье-Пажеса общественный долгъ равнялся 5 миллиардамъ, включая сюда отверженный и неотверженный долги.

5) Смори докладъ, напечатанный въ „Moniteur“ отъ 10 марта 1848 года.

6) Къ 25 февраля въ казначействѣ находилось 57 милліоновъ въ бу-

и изъ этихъ средствъ расходовать ежемѣсячно 125 милліоновъ, оплачивать расходы по національнымъ мастерскимъ, возродить армію и національную гвардію, поддерживать торговлю и промышленность, являться на помощь безработнымъ, встрѣчая все увеличивающіеся расходы при пониженіи доходовъ и при отсутствіи кредита, какъ слѣдствіе всякой революціи. И при всемъ этомъ оно должно было тотчасъ же отмѣнить нѣкоторые очень доходные, но нетерпимые народомъ, налоги ¹⁾. Налогъ на соль, гербовый сборъ съ періодическихъ изданій, стѣснявшій свободу печати, налогъ на напитки не могли долѣе оставаться, не вызывая упрека въ неисполненіи обѣщаній, данныхъ республиканской партіей, а вмѣстѣ съ тѣмъ замѣнить ихъ было нечѣмъ. Налогъ на соль, принесшій государству въ 1780 году 54 милліона и отмѣненный первой республикой, былъ восстановленъ Имперіей въ 1806 году. Реставрація свела его до 50 мил., но при Людовикѣ-Филиппѣ онъ поднялся до 65 милліоновъ. И полная отмѣна его, конечно, вызвала бы грандіозный дефицитъ. Нечего было и думать о назначеніи налога на земельную собственность, уже достаточно обремененную и давно требовавшую облегченія. Со всѣхъ сторонъ сыпались на правительство только всевозможныя требованія, а средствъ удовлетворенія не было никакихъ.

Заемъ въ 250 милліоновъ, заключенный прежнимъ правительствомъ, въ счетъ котораго было получено только 82 милліона, болѣе не признавался подписчиками. Новый заемъ былъ, слѣдовательно, немислимъ. Банкиры не только отказывали въ кредитѣ, но сами просили субсидіи въ виду угрожавшей имъ несостоятельности. Сберегательныя кассы не получали больше вкладовъ. Онѣ обладали къ этому времени суммой приблизительно въ 300 милліоновъ, но въ бумагахъ, обезцѣненныхъ биржей наполовину. Требованіе же вкладовъ становилось массовымъ. И то же самое замѣчалось по отношенію къ кратковременнымъ обязательствамъ казначействъ. Капиталисты клали свои деньги на храненіе или высылали за границу. Ни вкладовъ въ сохранную кассу, ни поступленій отъ коммуналь не было.

Должники казны просили отсрочекъ, представители промышленности взывали о помощи. Чувствовалась близость катастрофы, предсказанной Тьеромъ и Фульдомъ въ Палатѣ депутатовъ и ускороенной февральской революціей.

магахъ и 135 мил. звонкой монеты, изъ которыхъ 127 мил. лежали въ банкѣ. Изъ этой суммы надо было выдѣлать 73 милліона для уплаты процентовъ за полгода по 5-процентной рентѣ.

1) Смори докладъ Гарнье-Пажеса въ засѣданіи Національнаго Собранія 8 мая 1848.

Портфель министра финансов правительство поручило некоему Гудшо, еврейскаго происхождения, директору солиднаго Парижскаго банка, чловѣку, зарекомендовавшему себя въ личной жизни щепетильной честностью и дѣловитостью. Выборъ этотъ казался многимъ хорошимъ предзнаменованіемъ. Характеръ самаго Гудшо и его взгляды, казалось, гарантировали порядокъ. При прежнемъ правительствѣ онъ завѣдывалъ въ газетѣ «National» отдѣломъ по вопросамъ финансовъ въ ихъ отношеніи къ пролетаріату. Его особенно интересовалъ вопросъ возникающей враждебности между трудомъ и капиталомъ, какъ среди богатыхъ, такъ и среди бѣдныхъ классовъ. Гудшо не былъ склоненъ къ новшествамъ, и капиталисты почувствовали полное удовлетвореніе съ его назначеніемъ. Они возлагали надежду на его извѣстную осторожность въ частныхъ дѣлахъ и на то, что онъ окажетъ антиреволюціонное вліяніе въ правительственныхъ совѣщаніяхъ, забывая ту ставшую избитой истину, что въ минуту крайней опасности система предвидѣній и предположеній теряетъ силу, и сама мудрость диктуетъ дерзкую смѣлость.

Осторожность Гудшо даже въ обыкновенное спокойное время была чрезмѣрна. По отношенію же къ временному правительству онъ имѣлъ свои личныя предубѣжденія, къ которымъ примѣшивались раздутыя антипатіи, что, конечно, могло только вредить безпристрастности, особенно при его вспыльчивомъ характерѣ. На собраніяхъ, которыя созывались въ концѣ царствованія Людовика-Филиппа редакторами «National» съ цѣлью сгруппировать всевозможные оттѣнки республиканскихъ воззрѣній, онъ взялъ на себя разработку финансовыхъ вопросовъ, а въ частности критику теорій Луи-Блана относительно организаціи труда. Принципъ ассоціаціи поддерживался на этихъ собраніяхъ нѣкоторыми лицами изъ пролетаріата, сторонниками доктринъ Бюше и Пьера Леру. Результатомъ этой полемики явилось твердое рѣшеніе со стороны Гудшо никогда не вступать въ правительство, въ которомъ участвуетъ Луи-Бланъ. За нѣсколько дней до 24 февраля, когда состоялось собраніе для составленія на всякій случай предварительнаго списка членовъ временнаго правительства, онъ добился того, чтобы Луи-Бланъ и Ледрю-Ролланъ, которыхъ онъ считалъ причастными къ социализму, были исключены.

Нельзя сказать, чтобы подобные случаи благоприятствовали взаимному довѣрію. Можно легко себѣ представить, каково было неудовольствіе Гудшо, когда, придя въ ратушу, онъ былъ встрѣченъ именно тѣми двумя лицами, исключенія которыхъ онъ требовалъ. Онъ отнесся къ этому сначала очень нервно. Онъ объявилъ Гарнье-Пажесу, съ которымъ былъ въ тѣсной дружбѣ, что ни въ какомъ случаѣ не согласится взять портфель отъ правительства съ подоб-

нымъ составомъ и хотѣлъ немедленно разорвать свое назначеніе. Гарнье-Пажесъ, убѣжденный, что имя Гудшо могло наиболѣе успокоить людей банка и капиталистовъ, умолялъ его пожертвовать личными чувствами для общественнаго блага и добился согласія. Однако, Гудшо, боясь, какъ бы Луи-Бланъ не увлекъ правительство по пути новшествъ, согласился удержать за собой портфель только при томъ условіи, чтобы ни одинъ изъ налоговъ не былъ отмѣненъ и даже видоизмѣненъ и тотчасъ-же издалъ записку отъ всѣхъ членовъ совѣта, которая гласила, что: «Временное правительство будетъ считать всякую попытку измѣненія существующей системы налоговъ узурпаціей правъ, принадлежащихъ Національному собранію ¹⁾. Но едва только Гудшо согласился остаться, какъ уже раскаялся въ этомъ. Изучая положеніе финансовъ и выслушивая жалобы, предупрежденія, ноющія предсказанія капиталистовъ, которыхъ страхъ заставлялъ идти къ нему, онъ страшно терялся, приходилъ въ ужасъ, видѣлъ уже Францію погибшей и правительство обезчещеннымъ. По его словамъ, не было больше спасенія; социализмъ въ Люксембургскомъ дворцѣ, якобинизмъ въ клубахъ, броженіе и беспорядки на улицѣ, предвѣщали и вели къ раззоренію общества. Онъ не хотѣлъ крушенія своей чести въ этой катастрофѣ.

И вотъ среди этихъ печальныхъ размышленій онъ узнаетъ, что правительство, не предупредивъ его, отмѣнило налогъ на соль. Уже отмѣна штемпельнаго сбора съ газетъ, потребованная органами печати скорѣе въ корпоративныхъ, чѣмъ патріотическихъ интересахъ, сильно его разстроила. Это-же новое нарушеніе данныхъ ему обѣщаній привело его въ страшное негодованіе. Не колеблясь далѣе, онъ твердо рѣшилъ провести свое желаніе подъ угрозой покинуть постъ. Въ тотъ же вечеръ онъ потребовалъ созыва общаго собранія совѣта. Это было 3 марта. Собраніе открылось подъ предсѣдательствомъ Дюнова (де-Лера). Никто не рѣшился пропустить это совѣщаніе; сильное безпокойство было замѣтно на всѣхъ лицахъ: ждали важнаго сообщенія. Дѣйствительно, послѣ продолжительнаго молчанія Гудшо, сильно взволнованный, прерывая часто рѣчь, сдѣлалъ докладъ о настоящемъ положеніи дѣлъ и вызвалъ такое же смятеніе въ слушателяхъ, какое чувствовалъ и самъ. Онъ протестовалъ противъ мѣръ, которыя вызываютъ панику во всѣхъ классахъ общества, парализуютъ кредитъ и дѣла, и заключилъ рѣчь предсказаніемъ полнаго разоренія, не предложивъ съ своей стороны ни одной мѣры спасенія.

Никто не возразилъ—всѣ были глубоко поражены.—«Неужели

¹⁾ «Moniteur» отъ 1 марта 1848 года.

это правда?»—прошепталъ, наконецъ, Ламартинъ, наклоняясь къ Гудшо—«неужели мы безвозвратно погибли?»—И каждый внутренно задавалъ себѣ тотъ же мучительный вопросъ.

Оправившись нѣсколько отъ перваго впечатлѣнія, члены совѣта начали послѣдовательно предлагать разныя мѣры, но при обсужденіи, всѣ онѣ оказались или опасными, или недействительными. Прежде всего надо было исключить и самую мысль о банкротствѣ: лучше подвергнуться всякимъ опасностямъ, чѣмъ допустить возможность такого позора для республики. При спасеніи чести страны не должно ни передъ чѣмъ останавливаться.

Гудшо настаивалъ на томъ, что нужно покончить съ тревожными циркулирующими слухами и поднять довѣріе общества, которое одно еще могло спасти правительство; онъ предложилъ ускорить полугодовые платежи по рентѣ, срокъ которыхъ истекалъ 22 марта. Предложеніе его было принято. Но этотъ нѣсколько показный способъ платить впередъ по истекшимъ еще платежамъ, тогда какъ на лицо была масса уже просроченныхъ обязательствъ, не могъ никого ввести въ заблужденіе, ни убѣдить кого-либо.

Наоборотъ, узнавъ, что средства запаснаго капитала уменьшаются, обладатели банковыхъ билетовъ впали въ еще большія опасенія, и кризисъ звонкой монеты не только не приостановился, но даже еще обострился. Биржа, которую Ледрю-Ролланъ надѣялся открыть 26 марта при цѣнѣ 60 и 100 за ренту, не могла еще проявить дѣятельности ¹⁾. Всѣ торговыя сдѣлки приостановились, нѣкоторые банки уже предупреждали, что вынуждены приостановить свои платежи. Какъ только Гудшо увидѣлъ, какъ мало значенія имѣла принятая имъ мѣра, онъ разочаровался въ своихъ силахъ и въ своихъ средствахъ спасенія и вновь поднялъ вопросъ объ отставкѣ. На всѣ уговоры совѣта онъ отвѣчалъ категорическимъ отказомъ. Онъ говорилъ, что чувствуетъ себя подавленнымъ теченіемъ событій, что онъ не въ силахъ завѣдывать финансами государства, когда главныя препятствія исходятъ отъ одного изъ членовъ правленія; что онъ не желаетъ брать на себя отвѣтственность за всеобщее возмущеніе, источникомъ котораго является Люксембургъ; наконецъ, что онъ просто желаетъ заняться личными дѣлами, которыя такъ-же, какъ и у многихъ, близки къ катастрофѣ.

Въ отставкѣ Гудшо правительство видѣло потерю послѣдняго средства, удерживающаго наступленіе полнаго бѣдствія. Просьбы, мольбы усилились; его отставка не принималось ни въ какомъ

¹⁾ 5-процентная рента достигла къ 23 февралю 116 франковъ 10 сантимовъ. Когда нашли возможнымъ снова открыть биржу 7 марта при курсѣ 97,50, то онъ упалъ до 89. Послѣ декрета о налогѣ въ 45 сантимовъ и займа въ банкѣ въ 50 милліоновъ, рента понизилась до 55.

случаѣ. Но министръ, настроенный нервно, совершенно не владѣя собой, не трогаясь ни мало всеобщимъ довѣріемъ, наговорилъ горькихъ словъ и рѣзко покинулъ залъ совѣта. Раздумывать болѣе было нечего: надо было выбрать ему преемника. Уже много разъ ранѣе самъ Гудшо указывалъ на парижскаго мэра, какъ на человека, болѣе способнаго нести всю тяжесть даннаго положенія вещей, и совѣтъ обратился теперь къ Гарнье-Пажесу, какъ къ спасителю. Тотъ согласился, не потому, что онъ обманывался относительно существованія опасности, наоборотъ,—по своей натурѣ онъ былъ скорѣе склоненъ преувеличивать ее,—а потому, что онъ въ своей преданности родинѣ былъ готовъ на все.

Гарнье-Пажесъ такъ же, какъ и генералъ Кавеньякъ, былъ обязанъ своею извѣстностью въ республиканской партіи скорѣе памяти своего брата, чѣмъ своимъ собственнымъ заслугамъ. Однако и онъ былъ личностью, очень уважаемой. Все въ немъ—характеръ, рѣчь и умъ,—все въ рѣдкомъ согласіи рисовало его, какъ человека высокой души. Его патриотизмъ носилъ мужественный и безкорыстный характеръ. Хорошо знакомый съ торговыми дѣлами на практикѣ и лично работавшій надъ теоріей, онъ имѣлъ точное понятіе о всевозможныхъ финансовыхъ системахъ и вмѣстѣ съ твердой волей принесъ правительству и много положительныхъ знаній, что могло бы оказать громадную помощь, если бы чрезмѣрная щепетильность не поставила его въ рамки слишкомъ избитыхъ взглядовъ и рутинныхъ пріемовъ. Гарнье-Пажесъ привлекъ на службу въ министерство финансовъ, въ качествѣ своего товарища, одного молодого человека, своего личнаго секретаря: Дюклеръ былъ уже давно сотрудникомъ Паньера въ изданіи «Политическаго словаря», затѣмъ работавъ въ редакціи «National», гдѣ онъ не безъ таланта писалъ объ отчужденіи желѣзныхъ дорогъ и о налогахъ по отношенію къ принципу равенства. По финансовому вопросу Дюклеръ раздѣлялъ взгляды своего прежняго патрона. Вѣра въ собственныя силы была у него почти безпредѣльна, а ихъ нужно было имѣть много, чтобы устоять при такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ. Начало дѣятельности Гарнье-Пажеса ознаменовалось всеобщими безпокойными событіями. Въ девять дней съ 26 февраля по 5 марта наличность казначейства уменьшилась на 27 милліоновъ. 6 марта одинъ изъ самыхъ солидныхъ банковъ Парижа, принадлежавшій фирмѣ Гуэна, отсрочилъ свои платежи. Банкирскія конторы Ганерона и Бодона просили субсидіи у правительства, заявляя, что не могутъ въ противномъ случаѣ платить по своимъ обязательствамъ. Ужасъ былъ всеобщій, паника охватила самыхъ твердыхъ людей.

9 марта было созвано въ биржѣ собраніе крупнѣйшихъ пред-

ставителей банкирских, торговых и промышленных фирм. На собраніи съ азартомъ констатировали ежедневныя потери и все возрастающую опасность кризиса, окончаніе котораго трудно было даже предвидѣть. Собраніе негодовало на правительство и рѣшило вырвать у него угрозой осуществленіе слѣдующей мѣры, въ которой каждый видѣлъ лишь свое собственное спасеніе и которая въ самомъ дѣлѣ являлась лишь общимъ банкротствомъ: было постановлено требовать на 3 мѣсяца отсрочки платежей. Торговый комитетъ имѣлъ слабость утвердить это предложеніе, и вотъ на другой же день толпа въ 3,000 человекъ, правда, невооруженныхъ, но твердо рѣшившихъ употребить возможное моральное воздѣйствіе на людей, которыхъ они считали мало способными противостоять этому, двинулась въ ратушу. Однако слухъ о предстоящемъ насилии надъ правительствомъ быстро разнесся по городу и вызвалъ тревогу. Директоръ и вице-директора Французскаго банка умоляли членовъ совѣта не сдаваться, не уступать и спасти банкъ отъ вынужденной ликвидаціи. Учащаяся молодежь спѣшила на защиту ратуши. Бурный финансовый протестъ былъ встрѣченъ, однако, твердо. Борьба была ожесточенная и долгая. Возмущенные упорнымъ отказомъ министра финансовъ, нѣкоторые изъ главныхъ представителей промышленности дошли даже до оскорбленій. Когда одинъ изъ членовъ совѣта, рѣзко упрекая ихъ въ эгоистичномъ нетерпѣніи, сравнилъ ихъ съ народомъ, который выноситъ голодь, боясь чѣмъ нибудь повредить общественному дѣлу, раздраженіе капиталистовъ перешло границы «Вы превозносите намъ народъ,—воскликнулъ одинъ изъ нихъ видѣ себя:—хорошо! Мы вамъ покажемъ, что значить народъ. Завтра мы закроемъ мастерскія, лавки, выбросимъ рабочихъ на улицу, скажемъ имъ, кого они должны въ этомъ винить, и вы увидите тогда, съ кѣмъ лучше имѣть дѣло, съ ними или съ нами, и удовлетворятся ли они похвалами своему патриотизму». Но всѣ эти угрозы и требованія не могли поколебать совѣтъ. Не принимая ничего во вниманіе, совѣтъ отказался дать болѣе 10 дней отсрочки, уже принятыхъ раньше. Депутація ушла съ ропотомъ.

Въ слѣдующіе дни были новыя попытки набѣга на министра финансовъ: одинъ разъ съ цѣлью склонить Гарнье-Пажеса къ непосредственной помощи, другой разъ съ болѣе разумной цѣлью: исходатайствовать его посредничество передъ банкомъ для полученія возможно большихъ облегченій по ликвидаціи и учету.

Въ первомъ случаѣ ходатайство было рѣшительно отклонено, но банкъ не отказался по частямъ исполнить вторую просьбу. Учрежденіе учетныхъ конторъ на субсидію въ 11 милліоновъ отъ казначейства отвращало непосредственную опасность. Въ проме-

жутокъ нѣсколькихъ дней при усердіи Панъера и Марраста (Marrast), которымъ это было специально поручено, конторы были учреждены въ наиболѣе тревожныхъ мѣстахъ. Соединивъ ихъ съ общественными магазинами, куда промышленники могли складывать свои товары, получая квитанціи, по которымъ банкъ и конторы дѣлали выдачи авансовъ, при участіи провинціальныхъ банковъ¹⁾ конторы въ теченіе года открыли промышленникамъ кредитъ болѣе милліарда. Но и при удачнѣйшихъ финансовыхъ операціяхъ приходится долго ожидать результатовъ, а у правительства не было возможности ждать. Чтобы найти немедленно новыя источники дохода, въ которыхъ была крайняя нужда, министръ финансовъ, отклонивъ революціонныя мѣры, имѣлъ въ своемъ распоряженіи мѣры, лишь мало дѣйствительныя. Каждый день ему предлагались эмпирическія средства. Новые планы, проекты, изобрѣтенія притекали въ министерство сотнями. Стѣны зданій были покрыты печатными предложеніями съ подписью авторовъ или анонимными, и подчасъ совершенно дикими. Два солиднѣйшихъ финансиста Парижа совѣтовали, на примѣръ, совершенно серьезно выпустить при посредствѣ французскаго банка бумагъ на 800 мил. руб., а также заставить капиталистовъ угрозами подписать внутренній заемъ въ 60—80 милліоновъ²⁾. Съ своей стороны временное правительство,

¹⁾ Эта мѣра, которой уже давно требовали экономисты социалистической школы, не могла дать скорого и повсемѣтнаго результата, какого слѣдовало отъ нея ожидать, въ виду того, что банки существовали въ незначительномъ числѣ городовъ, и принудительный курсъ бумагъ не могъ быть тотчасъ-же установленъ для всей Франціи, а лишь для центральной части департамента, гдѣ банки находились. Объединеніе банковъ, по настоятельной просьбѣ ихъ директоровъ, было установлено 29 апрѣля; и нужно было еще полгода времени, чтобы бумаги мѣстныхъ банковъ сравнялись съ такими же Французскаго банка. Чтобы распространить и концентрировать во всѣхъ департаментахъ кредитъ, нужно было создать цѣлый рядъ отдѣленій банка и учетныхъ конторъ, прочно связавъ ихъ между собою, на объединенныя средства государства, департаментовъ, городовъ и частныхъ лицъ. Между тѣмъ въ большинствѣ мѣстъ, гдѣ учетъ подымался обыкновенно до 12 или 15 процентовъ, учетныя конторы понизили его до 6. Къ уходу временнаго правительства 44 города обладали подобными конторами. Законъ общаалъ имъ кредитъ въ 60 милліоновъ, но въ дѣйствительности онъ получили лишь 11.

²⁾ Общественная молва указывала на Фульда и Деламарра, какъ на лицъ, особенно настаивающихъ на необходимости вынужденнаго займа и полезности банкротства. По слухамъ, Деламарръ въ первые-же дни революціи обратился въ министерство внутреннихъ дѣлъ и представилъ Ледрю-Роллану списокъ, содержащій имена крупнѣйшихъ капиталистовъ Парижа и размѣры ихъ состоянія. Луи-Бланъ (Révélation, т. 1-ый, стр. 275) утверждаетъ, что Деламарръ, встрѣтивъ его въ Люксембургѣ, дѣлалъ ему тѣ же указанія. «Это мнѣніе мое и всѣхъ моихъ коллегъ»—говорилъ Деламарръ. Мѣры, которыя позже клеймились названіемъ—социалистическихъ,

всёцѣло довѣрившее Гарнье-Пажесу, разрѣшило ему декретомъ (9 марта) продать на сумму до 100 милліоновъ брилліанты двора, земли, лѣсъ, составлявшіе имущество прежняго гражданского листа, а также серебро въ слиткахъ и издѣліяхъ, находившееся въ королевскихъ резиденціяхъ. Но такъ какъ всё эти цѣнности могли быть проданы въ настоящую минуту за половину своей стоимости, то Гарнье-Пажесъ не воспользовался правомъ этой продажи; онъ удовлетворился только тѣмъ, что отчислилъ изъ стоимости этихъ имуществъ 75 милліоновъ въ качествѣ гарантіи сдѣланнаго имъ въ банкѣ займа въ 150 милліоновъ.

Внутренній заемъ, объявленный декретомъ 9 марта въ видѣ пяти процентной ренты по курсу *à pari*, далъ черезъ мѣсяць только ничтожную сумму въ 400,000 франковъ. Мысль о добровольномъ пожертвованіи совсѣмъ не вязалась съ характеромъ тѣхъ классовъ, среди которыхъ предполагался сбытъ этого займа. «Не будемъ топиться, еще не наступилъ моментъ, когда придется отдать свои деньги государству»—такъ разсуждали капиталисты. Кошельки закрывались, и каждый явно сокращалъ свои расходы, дѣлая видъ, что окончательно разоренъ. Одни отпускали сразу половину своихъ слугъ, другіе продавали по низкой цѣнѣ своихъ лошадей и переплавляли свое серебро. Аристократки одѣвались, какъ мелкая буржуазія, и рисовались тѣмъ, что ѣздили на простыхъ извозчикахъ. Само собой разумѣется, что по счетамъ никто не платилъ. Конфискаціи и ассигнаціи 93 года казались многимъ достаточнымъ, чтобы считать себя разоренными въ 1848 году.

Правда, эта низость и эгоизмъ не были всеобщимъ явленіемъ. Въ мансардахъ, мастерскихъ, вездѣ, гдѣ царилъ республиканскій духъ, патриотизмъ поднималъ настроеніе. Копѣйка бѣдняка не пряталась, и семья мастерового была далека отъ мысли скрывать заработокъ и заботиться о сбереженіи. Всѣ они, растроганные общественнымъ несчастіемъ, сочли бы позоромъ для себя въ такое время подымать вопросъ о личной нуждѣ. Нѣтъ, скорѣе создавалось чувство соревнованія, безуміе самопожертвованія: одинъ отдавалъ всѣ свои сбереженія за 10 лѣтъ, другой, не имѣя вовсе денегъ, предлагалъ часы, золотую цѣпочку. Женщины приносили свои

тогда предлагались консервативной прессой. „Journal des Debats“ (17 марта 1848) рекомендовалъ вниманію публики брошюру Легиде, „человѣка просвѣщеннаго и практичнаго“, который хотѣлъ, „чтобы были отсрочены уплаты по обязательствамъ казначейства и платежи кредиторамъ неотверженнаго долга, чтобы былъ увеличенъ налогъ, начиная съ опредѣленной цифры и вплоть до двойныхъ размѣровъ для наиболѣе крупныхъ доходовъ, и чтобы были обложены извѣстнымъ процентомъ и рента, и обязательства казначейства“.

свадебные подарки. Добровольныя приношенія были такъ многочисленны, что правительство должно было образовать особую «комиссію патриотическихъ пожертвованій» для этихъ вещей: комиссія засѣдала въ Елисейскомъ дворцѣ подъ предсѣдательствомъ двухъ знаменитыхъ старцевъ: Беранже и Ламеннэ¹⁾.

Но эти большія жертвы для тѣхъ, кто ихъ приносилъ, эта лепта послѣднихъ бѣдняковъ являлась ничтожной суммой²⁾ въ сравненіи съ нуждами, которыя росли съ неимоверной быстротой. Требовалось немедленно же найти другіе источники. Къ несчастью, ихъ создали, какъ разъ, насчетъ тѣхъ, интересы которыхъ республикѣ нужно было особенно уважать и щадить. Трогательное желаніе бѣдныхъ классовъ придти на помощь правительству должно было бы подсказать ему, если самый духъ республики недостаточно уже говорилъ за это, что оно особенно обязано народу и что, какой бы то ни было цѣной, ему слѣдуетъ помочь. Но финансовыя привычки, сохранившіяся по традиціи еще отъ монархическихъ временъ, взяли вверхъ надъ моральными и политическими соображеніями. Министръ финансовъ, считавшій безчестнымъ не заплатить сполна и въ назначенный срокъ владѣтелямъ ренты полугодовой процентъ, не задумался отложить платежи мелкимъ вкладчикамъ сберегательныхъ кассъ, этимъ бѣднякамъ, живущимъ изо дня въ день. Онъ пріостановилъ возвратъ вкладовъ, выдавая лишь по 100 франковъ наличными, а вкладчикамъ, требовавшимъ всей суммы своего вклада, платилъ 5% рентой по ея нарицательной стоимости (въ тотъ моментъ она стоила 77, а затѣмъ упала до 51 франка) и обязательствами казначейства съ полугодовымъ учетомъ. Сверхъ всякаго ожиданія терпѣніе народа встрѣтило и это новое испытаніе съ удивительной стойкостью: ни одной жалобы, ни одной угрозы. Безропотное согласіе на тяжелый и несправедливый налогъ внушалось той же высокой идеей, какъ и добровольныя пожертвованія.

Однако, паника, затихшая одно время, разгорѣлась снова. Окруженная нѣкоторой таинственностью Люксембургскія собранія, офиціальныя языкъ министра внутреннихъ дѣлъ, споры въ клубахъ, полемика революціонныхъ журналовъ все больше и больше вносили тревогу въ буржуазію. Разногласія, господствовавшая среди членовъ временнаго правительства, стали обнаруживаться все сильнѣе, и казалось, что болѣе умѣренная партія была побѣждена. Предвидя новыя катастрофы, каждый спѣшилъ обращаться въ кассы банка, чтобы обмѣнять на наличныя свои билеты. Съ 24

¹⁾ См. „Историческіе документы“ въ концѣ книги № 14.

²⁾ По отчету „Комиссіи“, сумма всѣхъ пожертвованій достигла только милліона.

февраля по 14 марта наличность съ 140 мил. спустилась до 70 миллионѣвъ. Въ одинъ только день 15 марта было размѣнено 10,800,000 франковъ. 15 марта вечеромъ во Французскомъ банкѣ оставалось только 63 миллионѣвъ въ отдѣленіяхъ и 59 мил. въ Парижѣ, изъ которыхъ 45 мил. были необходимы немедленно для уплаты по арміи, по національнымъ мастерскимъ и по другимъ службамъ. Въ этомъ крайнемъ положеніи Гарнье-Пажесъ сумѣлъ быть смѣлымъ и предприимчивымъ. Уже за нѣсколько дней, предвидя опасность, онъ получилъ отъ правительства разрѣшеніе утвердить за банковыми билетами значеніе звонкой монеты ¹⁾, предоставивъ банку выпустить для этой цѣли 200—и 100—франковые купоны. Противники правительства подняли шумъ, что вновь введены бумажныя деньги, но здравый смыслъ публики не далъ себя обмануть этимъ протестомъ, не имѣвшимъ, собственно, никакого основанія. Обезцѣненіе акцій и банковыхъ билетовъ продолжалось всего нѣсколько дней, и оборотъ установился ²⁾. Банковые билеты которые до 1848 циркулировали только въ Парижѣ, быстро проникли даже въ деревню ³⁾. Банкъ справился, получилъ опять свободу дѣйствія и пришелъ на помощь государству періодическими займами, которые въ непродолжительное время дошли до суммы въ 230 миллионѣвъ. Это было, конечно, много, но все же недостаточно, такъ какъ насущная потребность поднималась до 400 миллионѣвъ.

Министру финансовъ пришлось подумать объ увеличеніи налоговъ. Личныя убѣжденія Гарнье-Пажеса, которыя онъ изложилъ совѣту, заставили его было тотчасъ же установить прогрессивный подоходный налогъ и налогъ на ипотеки. Но практическая невозможность провести эти два налога раньше трехъ-четырехъ мѣсяцевъ заставила отказаться его отъ проекта. По вторичному предложенію д'Аргу, Гарнье-Пажесъ рѣшился рекомендовать совѣту увеличеніе прямого налога, размѣры котораго были уже установлены по различнымъ мѣстностямъ, и реализація его прошла бы много легче. 10 марта Гарнье-Пажесъ созвалъ совѣтъ въ министерствѣ финансовъ. Поставивъ сначала на видъ все средства, которыя онъ испробовалъ, указавъ на неудовлетворительность и неуспѣшность многихъ мѣръ, на которыя между тѣмъ возлагались большія надежды, онъ предложилъ набавить на 4 главныхъ налога чрезвычайную пошлину въ 45 сантимовъ. Министръ основывалъ свой

¹⁾ Во время одного изъ недавнихъ парламентскихъ споровъ, Тьеръ и Дюшатель доказывали, что подобная операція погубитъ банкъ и кредитъ, а между тѣмъ она оказалась очень простой и очень полезной.

²⁾ 5% рента поднялась съ 10 марта по 16-ое съ 72 до 74 франковъ.

³⁾ Сначала общая сумма выпуска бумагъ была намѣчена въ 350 милл., но затѣмъ она постепенно поднялась до 525 мил.

проектъ на многихъ прецедентахъ. Въ 1813 году, напримѣръ, Наполеонъ, для того, чтобы сдѣлать все приготовленія къ войнѣ, прибавилъ 100 сантимовъ на патенты, двери и окна и 30 сантимовъ на поземельный налогъ. Въ 1814 г. онъ же удвоилъ эти пошлины. Въ 1815 г. Людовикъ XVIII наложилъ на департаменты военную контрибуцію въ 100 мил. Въ 1830 г. Людовикъ-Филиппъ увеличилъ еще эти добавочные сборы. Позднѣе онъ прибавилъ еще 30 сантимовъ чрезвычайныхъ налоговъ. Гарнье-Пажесъ находилъ, что эта мѣра вполнѣ законна и имѣла бы дѣйствительно значительные результаты. Совѣтъ такъ же, какъ и министръ, не видѣлъ никакихъ препятствій для увеличенія земельного налога. Предложеніе это въ принципѣ было принято, и только Луи-Бланъ и Ледрю-Роллэнъ требовали освобожденія отъ этого налога мелкихъ кадастральныхъ участковъ (cotes). Гарнье-Пажесъ не соглашался. Онъ указывалъ на то, что самое названіе «мелкіе участки» можетъ подать поводъ къ произвольнымъ толкованіямъ: онъ говорилъ, что часто эти участки принадлежатъ очень богатымъ людямъ и, такимъ образомъ, эта мѣра во многихъ случаяхъ не достигла бы результата. Министръ прибавилъ, что онъ считалъ бы рациональнѣе предложить сборщику податей разбирать и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ освобождать частью или всецѣло всѣхъ, на кого эта подать будетъ падать слишкомъ большимъ бременемъ. Тогда Дюпонъ (де-Лёръ), поддерживая мнѣніе Ледрю-Роллэна и Луи-Блана, сказалъ, что онъ хорошо знакомъ съ деревней и ея условіями жизни, и что онъ видѣлъ, какъ повсюду сборщики освобождаютъ крупныхъ владѣльцевъ и безъ всякаго милосердія требуютъ подати съ мелкихъ плательщиковъ; онъ настаивалъ, что дать подвластному чиновнику право подобной оцѣнки безъ яснаго указанія на законъ, это равносильно освобожденію богатаго, недовольство котораго могло бы имѣть ощутительное дѣйствіе, а сложить всю тягость налога на бѣдняковъ, голосъ которыхъ съ трудомъ доходитъ до слуха законной власти. Дюпонъ (де-Лёръ) кончилъ свою рѣчь утвержденіемъ, что новый налогъ явится причиной многихъ недоразумѣній и вызоветъ ненависть къ республикѣ въ той части націи, на которую собственно и слѣдуетъ опираться. Но Гарнье Пажесъ не уступалъ, онъ обязался честью, что налогъ не падетъ на бѣдняковъ. Совѣтъ, полагаясь вполнѣ на его чувство справедливости и финансовыя знанія, поддался его убѣжденіямъ, и декретъ былъ подписанъ ¹⁾.

¹⁾ Черезъ нѣсколько дней послѣ этого „Клубъ революціи“ подалъ временному правительству петицію о томъ, чтобы мелкіе плательщики были освобождены отъ этого налога. Выслушавъ Барбеса, Торе, Ламьессенса, министръ финансовъ отвѣтилъ, что „новая республика понимаетъ эту си-

Согласно своему обѣщанію, министръ приложилъ къ обнародованному декрету циркуляръ для комиссаровъ департаментовъ. Онѣ официально объявлялъ намѣреніе правительства уменьшить въ справедливой мѣрѣ налогъ для бѣдныхъ плательщиковъ. Но этой инструкціей онѣ не удовлетворился, и 5 апрѣля издалъ новый декретъ, въ которомъ предписывалось мѣрамъ и чиновникамъ министерства финансовъ совершенно освободить отъ податей бѣдныхъ и недостаточныхъ ¹⁾.

25 апрѣля новый строгій циркуляръ подтверждалъ эти инструкции ²⁾. По подсчетамъ министра, налогъ, взимаемый со всей точностью, долженъ былъ бы дать 190 милліоновъ: за вычетомъ 30 милліоновъ, представляющихъ льготу мелкихъ плательщиковъ, оставалось бы еще 160 милліоновъ. Однако же, послѣ того, какъ временное правительство передало свои полномочія Національному Собранію, выяснилось, что въ государственную кассу поступило только 80 милліоновъ.

Съ внѣшней стороны Гарнье-Пажесъ не ошибся: сборъ налога въ 45 сантимовъ прошелъ безъ всякихъ серьезныхъ затрудненій ³⁾. Средства стали притекать въ очень скоромъ времени; всѣ служебные расходы могли быть оплачены въ срокъ; банкротство избѣгнуто. Но съ моральной стороны ошибка министра финансовъ выяснилась очень скоро. Среди народа, отнесшагося индифферентно къ паденію династіи, этотъ налогъ, подъ давленіемъ роялистовъ,

стему налоговъ совершенно иначе, чѣмъ монархическое правительство: общественныя повинности должны всецѣло лечь на привилегированные классы, а трудящійся народъ будетъ отъ нихъ совершенно освобожденъ". Министръ обѣщаль, что въ „*Moniteur*“ будетъ опубликованъ новый объяснительный декретъ относительно примѣненія раньше изданнаго.

¹⁾ „Бюллетень республики“ (№ 7) отъ 25 марта бралъ на себя задачу сгладить дурное впечатлѣніе въ деревняхъ отъ назначенія новаго налога. „Республика, — говорилось въ бюллетенѣ, приписываемомъ г-жѣ Зандъ, — обращается къ вамъ и проситъ новой жертвы; но она будетъ первой и послѣдней, если вы поддержите искренній и смѣлый шагъ республики. Республика смотритъ на эту жертву, какъ на заемъ, который она поемногу и въ различныхъ формахъ вернетъ вамъ, и вы сами можете помочь ему вернуть его вамъ сторицею, если будете голосовать за депутатовъ-республиканцевъ“.

²⁾ Приведеніе въ исполненіе декрета 5 апрѣля, порученное низшимъ агентамъ, прошло очень медленно и не полно.

³⁾ Главныя затрудненія исходили не со стороны мелкихъ плательщиковъ, а со стороны нѣкоторыхъ крупныхъ собственниковъ, орлеанистовъ и легитимистовъ, которые оспаривали право временнаго правительства налагать чрезвычайныя пошлыны, надѣясь этимъ поднять въ деревняхъ возмущеніе противъ республики. Южные департаменты, гдѣ роялистское вліяніе очень значительно, запоздали съ платежомъ налога въ 45 сантимовъ.

вызвалъ первыя сомнѣнія и недовѣріе, онѣ возбудилъ по деревнямъ враждебное отношеніе къ республикѣ. Поднялся общій ропотъ противъ правительства, ознаменовавшаго начало своей дѣятельности увеличеніемъ налога ¹⁾, и это недовольство дало себя знать при избраніи президента и не въ интересахъ страны ²⁾.

Я уже сказала, что Гарнье-Пажесъ, согласившись въ принципѣ съ прогрессивнымъ налогомъ, отказался отъ него въ виду могущихъ возникнуть осложнений и затяжекъ при проведеніи его въ жизнь. Подобныя же соображенія заставили его отложить объявленіе налога въ 1% на ипотеки, установленный по его же настоянію. Была еще одна мѣра, вызываемая заботой объ интересахъ общества, къ которой онѣ склонялся — это выкупъ желѣзныхъ дорогъ, но и она не была осуществлена. Сейчас же послѣ революціи многія общества, напуганныя быстрымъ паденіемъ акцій, сами піли на встрѣчу желаніямъ правительства. Акціонеры почти единогласно соглашались на перепродажу по справедливой оцѣнкѣ. Въ совѣтъ былъ представленъ докладъ по этому вопросу, и Гарнье-Пажесъ его одобрилъ ³⁾. Ламартинъ торопилъ съ его исполненіемъ, Дюклеръ ежедневно настаивалъ на томъ. Служащіе въ обществахъ, которымъ угрожала потеря мѣста или, по крайней мѣрѣ, уменьшеніе жалованія, а равно и нѣкоторые акціонеры, собственно желавшіе отчужденія, добиваясь болѣе выгодныхъ условій, кричали о грабежѣ и о коммунизмѣ, стараясь затянуть этимъ переговоры. Въ то же время политическія событія осложнялись. Подходилъ моментъ Національнаго собранія, а правительство не чувствовало въ себѣ достаточ-

¹⁾ Въ одномъ недавнемъ изданіи я нахожу слѣдующую «замѣтку» Мирабо для двора отъ 6 октября 1790 г., вполнѣ примѣнимую къ революціи 1848 года: „Народу было обѣщано больше, чѣмъ можно было обѣщать; ему подали надежды, которыя нельзя было осуществить, и въ концѣ концовъ народъ будетъ судить о революціи лишь по одному факту: сколько возьмутъ денегъ изъ его кармана? — лучше ли ему будетъ житься? — будетъ ли у него больше работы и будетъ ли эта работа лучше оплачиваема?“ (*Correspondence entre le comte de Mirabeau et le comte de Lamarek*, т. II, стр. 213).

²⁾ Причина, наиболѣе вызвавшая недовольствіе, такъ какъ въ дѣйствительности то было чрезвычайно несправедливо, заключалась въ томъ, что налогъ въ 45 сантимовъ основывался не на цифрѣ обычного налога, а на суммѣ чрезвычайныхъ сборовъ, которые во многихъ мѣстностяхъ были произведены въ виду общественныхъ работъ или другихъ особыхъ издержекъ, результатомъ чего вышло, что мѣстности, и безъ того обремененныя, были обложены болѣе другихъ.

³⁾ Желѣзнодорожныя акціи составляли капиталъ около милліарда. Существовало три категоріи компаній по эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ: 1) тѣ, которыя уже закончили работы; 2) компаніи, у которыхъ работы были въ ходу; 3) компаніи, поддерживаемыя государствомъ, у которыхъ работа также была въ ходу.

ныхъ силъ и авторитета, чтобы осуществить такое важное дѣло¹⁾. Что касается до ожидавшихся реформъ, которыхъ давно требовали лучшие люди всѣхъ партій, то онѣ или вовсе не приходили на умъ временному правительству, или были отвергаемы имъ. Республиканскій министръ, который былъ убѣжденъ въ справедливости подоходнаго налога и эспроприаціи для общественнаго блага, вмѣстѣ съ тѣмъ не предпринималъ ни того, ни другого, а предлагалъ воспользоваться средствами, противорѣчащими совершенно духу демократическихъ учреждений. Революція, провозглашенная дѣломъ народа и для народа, должна была лечь всей тяжестью на народныя массы. Эта революція, которая ставила своею цѣлью улучшение участи самаго многочисленнаго и бѣднаго класса, не осмѣлилась потребовать отъ привилегированныхъ классовъ жертвы, которая бы облегчила нуждающихся. Временное правительство думало, что въ демократическомъ обществѣ оно сможетъ также безнаказанно проводить то, что практиковалось въ монархическомъ и аристократическомъ государствахъ: оно увеличило поземельный налогъ въ то время, какъ всеобщее избирательное право само давало деревенскому жителю могучіе способы выразить свое неудовольствіе. Этотъ промахъ пришлось искупать дорогой цѣной. Изъ всѣхъ ошибокъ, какія сдѣлало правительство, эта вызвала самое быстрое, прямое и очевидное воздѣйствіе.

XXI.

Министерство юстиціи.—Кремье.—**Министерство народнаго просвѣщенія.**—Карно.—**Министерство общественныхъ работъ.**—**Мари.**—**Національная мастерскія.**—**Префектура полиціи.**—**Косидьеръ**—**Парижская мэрія.**—**Маррасть.**

Временное правительство, поглощенное внутренней неурядицей, финансовыми осложненіями, боязнью народнаго возстанія и неувѣренностью въ благополучномъ исходѣ всеобщихъ выборовъ, посвящало сравнительно мало вниманія упорядоченію судебныхъ учреждений.

¹⁾ Въ 1838 году министръ торговли Мартэнъ (отъ Сѣвернаго департамента) представилъ въ палату проектъ о покрытіи всей Франціи сѣтью желѣзныхъ дорогъ. Демократическая партія поддержала этотъ проектъ. Радикальная пресса: „National“ „Bon sens“, „Journal de peuple“, лионская газета „Le Senseur“ съ большимъ талантомъ разбирала этотъ вопросъ съ политической, промышленной и моральной точекъ зрѣнія. Система исполненія работъ при посредствѣ компаній поддерживалась Берріе и Дювержье-Горанномъ. Министръ защищался слабо. Докладъ Араго, который высказался за компаніи, окончательно склонилъ рѣшеніе въ ихъ пользу.

Видя массовое присоединеніе судебного сословія къ республикѣ, правительство нисколько не интересовалось духомъ, какой царилъ въ магистратурѣ, а между тѣмъ этотъ духъ являлся совершенно враждебнымъ новому строю. Эпоха Людовика-Филиппа особенно сильно отразилась на судебныхъ учрежденіяхъ. Увольненія, послѣдовавшія за революціей 1830 года, новыя многочисленныя назначенія, продиктованныя все болѣе и болѣе узкой политикой, и, наконецъ, явное предпочтеніе клерикальному направлению за послѣднее время (при министрѣ Мартэнѣ отъ Сѣвернаго департамента) нанесли рѣзкій ударъ самостоятельности судебныхъ учреждений. Духъ правосудія и либерализма, который они противопоставляли попыткѣ реставраціи подавить свободную прессу, постепенно ослабѣвалъ. Когда наступила февральская революція, судъ чувствовалъ себя настолько причастнымъ къ ошибкамъ династіи, что, для поднятія своей репутаціи въ глазахъ народа, счелъ нужнымъ съ преувеличеннымъ рвеніемъ устроить демонстрацію въ честь республики, заставляя этимъ краснѣть тѣхъ честныхъ и достойныхъ людей, которые еще числились въ его рядахъ. Безпокойство магистратуры было вполне понятно. Принципъ несмѣяемости судей былъ сильно поколебленъ, многимъ членамъ правительства судебныя учрежденія казались прямо несовмѣстимыми съ демократической республикой, а судьи, чтобы ослабить крайность подобнаго мнѣнія, не могли обращаться къ своимъ прежнимъ заслугамъ, съ которыми республиканцамъ нечего было считаться. Но всѣ эти опасенія были непродолжительны.

Къ своему большому удовольствію судъ вскорѣ убѣдился, что министръ хотя и считалъ себя революціонеромъ, но, въ сущности, былъ человѣкомъ безобиднаго направленія. Адольфъ Кремье, по происхожденію еврей, родился на югѣ Франціи и былъ присланъ отъ департамента Эндръ и Луары въ 1842 году въ палату депутатовъ. Адвокатъ при государственномъ совѣтѣ и кассационномъ судѣ, онъ отличался тонкимъ умомъ въ дѣлахъ, широкими знаніями въ области права и юриспруденціи, терпимостью и краснорѣчіемъ. Встрѣченный всеобщимъ довѣріемъ, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, менѣе, чѣмъ кто-либо другой, могъ измѣнить установившееся положеніе вещей. Да онъ и не пробовалъ этого. Онъ не только не вложилъ значительной инициативы въ дѣло, но или по небрежности, а, можетъ быть, и нарочно, затянулъ надолго работы одной комиссіи, которая, подъ предѣлательствомъ испытаннаго республиканца Мартэна (изъ Страсбурга), разрабатывала проектъ о всеобщей реорганизаціи. Онъ удовлетворился лишь немногими перемѣнами, но за то нѣсколько разъ защищалъ судей, которымъ пришлось бы оставить мѣсто подъ давленіемъ комиссаровъ Ледрю-Роллана.

Въ непродолжительномъ времени судебное вѣдомство вернулось снова къ прежнимъ традиціямъ. Оно даже стало мстить за свое временное безпокойство, усиливъ строгость къ революціонному духу, и вскорѣ воспользовалось предоставленной ему властью въ цѣляхъ преслѣдованія, гдѣ только ему это было угодно, демократическихъ идей.

Между тѣмъ Кремье, не понимая, какъ и большая часть его коллегъ, истиннаго настроенія народа, для удовлетворенія народнаго инстинкта сталъ дѣлать именно то, что сдѣлала революція 1830 года. Онъ счелъ умѣстнымъ возбудить процессъ противъ министровъ Людовика-Филиппа и поручилъ Порталису, совѣтнику парижской судебной палаты, котораго онъ назначилъ главнымъ прокуроромъ, составленіе обвинительнаго акта противъ Гизо, Дюшателя, Эбера, Трезеля, Сальванди, де-Монтебелло, Кюненъ-Гриденъ и Жейра за нарушеніе конституціи, путемъ запрещенія собраній и возбужденія къ междоусобной войнѣ, — преступленіе, предусмотрѣнное § 91 уголовного кодекса ¹⁾. Палата подъ предѣтельствомъ Сежье возбудила дѣло и назначила двухъ слѣдователей: Перро-де-Шезель и Делагэ (De-la-haye). Но представлялась не малая трудность для установленія состава преступленія въ растерянныхъ планахъ королевскаго правительства, которое позволило почти безъ сопротивленія свергнуть себя, и не менѣе трудно было опредѣлить долю законной отвѣтственности каждаго министра.

Ни обыски въ различныхъ министерствахъ, ни показанія многочисленныхъ свидѣтелей не могли дать достаточно мотивовъ для возбужденія дѣла. У Делессера изъ документовъ, написанныхъ его рукой, не было ничего найдено, кромѣ распоряженій, продиктованныхъ исключительно желаніемъ избѣжать кровопролитія. Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ бумаги Дюшателя, которыя могли скомпрометтировать его въ виду болѣе опредѣленнаго, чѣмъ у его коллегъ, рѣшенія энергично сопротивляться, были во-время уничтожены его секретаремъ. Въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ обыскъ даже не производился. Въ обширной же перепискѣ Гизо съ коро-

¹⁾ Вотъ обвинительный актъ, составленный Порталисомъ: „Въ виду того, что Гизо, Дюшатель, Сальванди, Эберъ, де-Монтебелло, Трезель, Кюненъ-Гриденъ и Жейръ, запрещая дѣйствія, не запрещенныя закономъ, и посылая въ разные пункты Парижа войска съ приказаніемъ стрѣлять въ гражданъ, обвиняются въ преступленіи, предусмотрѣнномъ § 91 уголовного кодекса.“

«Въ виду того, что этотъ актъ, если онъ будетъ установленъ, содержитъ въ себѣ преступное посягательство на возбужденіе одной части населенія противъ другой, съ цѣлью вызвать *опустошеніе, рѣзню и грабежь* въ городѣ Парижѣ, требуемъ, и т. д.»

лемъ не было и слѣда серьезнаго плана атаки или защиты. Было ясно видно, что мысль о междоусобной войнѣ не приходила въ голову этимъ двумъ извѣстнымъ политическимъ дѣятелямъ. Людовикъ-Филиппъ въ письмѣ своемъ отъ 22 февраля выражалъ скорѣе увѣренность въ полной безопасности ¹⁾. Было вполне ясно, что народъ, которому была предоставлена возможность удовлетворенія мести, совершенно не обращалъ вниманія на министровъ, большая часть которыхъ осталась въ Парижѣ и не думала скрываться. Ни клубы, ни пресса не придали значенія этому процессу. Его все откладывали то подъ однимъ, то подъ другимъ предлогомъ, затянувъ такимъ путемъ до самаго Учредительнаго собранія. Это собраніе назначило комиссію для изслѣдованія трехъ портфелей, найденныхъ подъ стѣнной рѣзбой въ замкѣ Тюильри ²⁾ и требовавшихъ, какъ говорилось, особаго вниманія. Приходилось ждать отчета этой комиссіи, время шло; наконецъ, около ноября мѣсяца появилось распоряженіе: обвинительная палата прекращала дѣло за недостаткомъ уликъ, и никто, кромѣ развѣ нѣсколькихъ кричащихъ газетъ, не придалъ этому какого-либо значенія. Послѣ нѣкотораго промежутка времени революція снова забила тревогу; общество, едва оправившись, чувствовало, что у него слишкомъ достаточно другихъ слабыхъ мѣстъ, чтобы заниматься обвиненіемъ заднимъ числомъ.

Однако министръ юстиціи, хотя и не желалъ воспользоваться своими правами, данными ему революціей, чтобы коснуться основныхъ законовъ, — былъ увлеченъ, какъ многіе другіе, общественнымъ мнѣніемъ. Онъ издалъ нѣсколько декретовъ, подсказанныхъ тѣмъ высокимъ чувствомъ о человѣческомъ достоинствѣ, которое безсознательно поднимало духъ массъ и укрѣпляло въ сердцахъ людей увѣренность въ могуществѣ и величіи республиканскихъ правъ ³⁾. По уголовному праву отмѣнены публичное выставленіе преступника и сентябрьскіе законы противъ прессы; въ гражданскомъ правѣ отмѣнена политическая присяга, уничтоженіе арестовъ за долги, уменьшеніе расходовъ по судопроизводству, облегченія натурализаціи для иностранцевъ и нѣкоторыя другія мѣры вызвали всеобщее сочув-

¹⁾ Въ своихъ послѣднихъ письмахъ въ февралѣ король пишетъ, что положеніе дѣлъ обстоитъ прекрасно. Онъ поздравлялъ министра и совѣтовалъ ему позаботиться о своемъ горлѣ, болѣзнью котораго тотъ страдалъ, чтобы съ обычнымъ талантомъ вести парламентскіе дебаты.

²⁾ Въ этихъ портфеляхъ, кромѣ другихъ бумагъ, находились „Мемуары“ Людовика-Филиппа.

³⁾ Разсужденія по поводу этихъ декретовъ, помѣщенные въ „Moniteur“ отъ 2 марта, 10 марта и 13 апрѣля 1848 года, будутъ свидѣтельствовать въ исторіи объ этомъ величіи. См. историческіе документы въ концѣ тома, н^о 15.

ствие и заслужили явное одобрение даже тех людей и партий, которые всячески старались дискредитировать намерения и поступки временного правительства.

Роль Бетмона, министра торговли и земледелия, была еще менее широка, чем роль Кремье. Дѣла, которыя въ спокойное время подлежали бы его компетентности, въ виду исключительныхъ условий перешли въ другія руки. Вопросы агрономіи и торговли, поскольку они касались политики, обсуждались въ Люксембургѣ. Остальное зависѣло отъ министерства общественныхъ работъ, министерства внутреннихъ дѣлъ, министерства финансовъ и даже, если дѣло касалось коммерческой стороны консульствъ, отъ министра иностранныхъ дѣлъ. При такой административной раздробленности не было никакой возможности взяться широко за дѣло и начать систематическое улучшение. Бетмонъ, не обладавшій кромѣ того широкой инициативой, ограничился лишь документальными выясненіями, при помощи специальныхъ комиссій, положенія земледѣлія, изслѣдованіемъ различныхъ теорій по земельному кредиту и изученіемъ важнѣйшихъ специальныхъ вопросовъ. Онъ поручилъ специалистамъ составить доклады о возможной эксплуатаціи пустырей, объ улучшеніи породъ рогатаго скота и лошадей, о развитіи шелководства, о системѣ орошенія и поручилъ составить планъ всеобщаго первоначальнаго профессиональнаго образованія, основаннаго на принципахъ примѣненія науки къ промышленности. Съ 24 февраля по 4 марта имъ было основано 9 школъ-фермъ, чѣмъ онъ указалъ своимъ преемникамъ пути, которые онъ хотѣлъ открыть народу для борьбы съ невѣжествомъ и рутиной, такъ долго державшими его въ рукахъ и наносившими ущербъ народному обогащенію, и для матеріальнаго и моральнаго прогресса сельскаго населенія, которое должно было, благодаря всеобщему избирательному праву, играть отнынѣ значительную роль въ судьбахъ Франціи.

Министръ народнаго просвѣщенія и культовъ, Карно, какъ казалось сначала, вмѣстѣ съ Ледрю-Ролленомъ болѣе другихъ министровъ былъ склоненъ отдаться революціонному теченію. Его имя и прошлое являлись порукой, что онъ не побоятся новшествъ. Сынъ челоѣка, научная дѣятельность котораго поставила его на ряду съ Лагранжемъ и Лапласомъ, а политическая карьера котораго привела его въ 1793 году вмѣстѣ съ Робеспьеромъ и Сенъ-Жюстомъ въ комитетъ народнаго блага, Карно, ярый сэнъ-симонистъ, былъ угрозой для духовенства и университета. Назначеніемъ Жано-Рэно на должность помощника министра, а Эдуарда Шартона на должность генеральнаго секретаря министерство не могло, конечно, внести успокоенія. Оба эти челоѣка были приверженцы сэнъ-симонистской школы. Рэно (Reynaud) долгое время

былъ сотрудникомъ Пьера Леру по составленію «Новой Энциклопедіи», и мотивы недавняго разрыва съ философомъ-соціалистомъ не были достаточно извѣстны клерикаламъ и людямъ университета, чтобы они могли возлагать на него свои надежды. Ожидались, такимъ образомъ, самыя радикальныя реформы; и двѣ силы, опасивающія другъ у друга въ продолженіе полустолѣтія интеллектуальное вліяніе,—церковь и университетъ,—соединились на почвѣ страха передъ общимъ врагомъ. Сверхъ всякихъ ожиданій Карно рѣшилъ держаться примирительной тактики. Прежде всего онъ приложилъ всѣ усилія, чтобы успокоить враждебное противъ него настроеніе духовенства. Но надежда примирить религіозный авторитетъ съ свободной философій при помощи системы воспитанія, способной удовлетворить страшно разрозненное общество, какимъ оно являлось въ то время, была поистинѣ химерической. Карно не замедлил убѣдиться въ этомъ. Враждебное отношеніе къ нему партій до техъ поръ, пока его считали сильнымъ, и презрѣніе, какъ только поняли его слабость, было единственнымъ плодомъ его попытки. Что же касается народа, который требовалъ образованія еще съ большимъ жаромъ, пожалуй, чѣмъ хлѣба, то онъ увидѣлъ лишній разъ, что его ожиданія напрасны. Онъ видѣлъ, что тѣ, кто долженъ былъ вести его по пути умственнаго развитія, не могли придти къ общему соглашенію, ни въ цѣли, ни въ средствахъ ея исполненія; изъ этой постоянной борьбы между клерикальной и свѣтской властью народъ вынесъ только еще болѣе глубокое нравственное смущеніе, еще болѣе полную неприязнь къ этимъ правителямъ-обманщикамъ, провозгласившимъ народъ господиномъ и оставляющимъ его въ самомъ тяжеломъ рабствѣ: невѣжествѣ.

Достовѣрно признано, что главнымъ условіемъ политическихъ учреждений, основанныхъ на всеобщемъ избирательномъ правѣ, является народное образованіе. Законность демократическаго государства покоится исключительно на сознаніи, что ни одинъ изъ его членовъ не остается въ невѣдѣніи своихъ гражданскихъ правъ и обязанностей. Принципъ свободнаго политическаго изслѣдованія немислимъ, если только онъ не основанъ, какъ свободная религіозная критика въ протестантскомъ обществѣ, на образованіи. Невѣжественная демократія есть сила, поддающаяся случаю, она волнуется, мятется, дѣйствуетъ противъ себя, будучи не въ состояніи ни понять самое себя, ни направлять своей судьбы, и становится, при первой возможности, страшнымъ орудіемъ въ рукахъ деспотизма. Эта истина, еще слишкомъ мало понятая, была инстинктивно схвачена французской революціей. Учредительное собраніе, установивъ основы новыхъ законовъ, въ принципѣ объявило, что образованіе должны получать всѣ члены общества. Кондорсе

сдѣлалъ въ Законодательномъ собраніи докладъ, въ которомъ довѣлъ этотъ вопросъ до высоты философской доктрины; его идеи послужили позже основой преній въ конвентѣ по поводу учрежденія начальныхъ школъ. Жирондисты сдѣлали еще шагъ впередъ, указавъ, что церковь должна быть отдѣлена отъ государства, если оно хочетъ дать народу дѣйствительно свободное образование. Затѣмъ слѣдовали: Робеспьеръ, Сенъ-Фаржо, Лаканаль, которые представляли проекты, вдохновленные преклоненіемъ предъ античной республикой. Наконецъ Бабёфъ, жертвуя гораздо больше, чѣмъ члены партіи Горы, свободой для равенства, набросалъ для своего «Общества равныхъ» планъ воспитанія, въ которомъ личность разбирается съ умственной и моральной сторонъ исключительно только по отношенію къ принципу общественности ¹⁾.

При такой крайности было естественнымъ желаніе отступить, и Наполеонъ, считая себя уже достаточно сильнымъ, повернулъ общество обратно. Возстановивъ священную власть, этого природнаго врага свободы изслѣдованія и, слѣдовательно, народнаго просвѣщенія, онъ хотѣлъ, однако, оградить свѣтское образованіе отъ клерикальнаго вліянія и создалъ университетъ, которому и поручилъ народное образованіе. Съ этого момента общество было предоставлено двумъ различнымъ теченіямъ, которыя постоянно сталкивались, но никогда не сдѣшивались и которыя разрушали одно за другимъ основы нравственнаго порядка. Между эклектизмомъ университета, который одинъ извѣстный священникъ называлъ «предверіемъ ада», и правовѣріемъ католическаго воспитанія, угрожавшаго вѣчными муками, никогда не могло создаться прочнаго мира. Во время Реставраціи клерикалы одержали верхъ. Въ дни Людовика-Филиппа побѣда была на сторонѣ университета. Вражда становилась все сильнѣе и сильнѣе. Республика, убѣжденная уже долгимъ опытомъ, не должна была бы дѣлать и попытокъ къ примиренію. Если еще общество не созрѣло для единства образованія, если оно еще не довѣряло вполне новымъ теченіямъ въ наукѣ и философіи, чтобы замѣнить ими окончательно клерикальный догматизмъ, то нужно было, по крайней мѣрѣ, хотъ дать широкій просторъ разуму и порвать связи, соединявшія свѣтское образованіе съ клерикальнымъ. Отдѣленіе церкви отъ государства, принятое въ принципѣ ²⁾,

¹⁾ Чтобы имѣть понятіе, до какой степени умалялось значеніе личности въ этомъ проектѣ воспитанія, достаточно процитировать статью этого декрета, въ которой, между прочимъ, говорится, что «юноша будетъ учиться танцовать, чтобы оживлять празднества своей родины».

²⁾ Ламениэ и его ученики, Лакордэръ, Жербэ, Монталамберъ и др., разбирая съ 1830 г. этотъ вопросъ въ газетѣ „Avenir“, видѣли въ независимости церкви отъ государства средство къ ея возрожденію. Въ своей

должно было состояться тотчасъ же путемъ отмѣны содержанія, идущаго духовенству; тогда свобода преподаванія не благопріятствовала бы, какъ то оказалось въ дѣйствительности, захватамъ и владычеству духовенства. Свѣтскому образованію не пришлось бы болѣе бороться съ образованіемъ клерикальнымъ. Уваженіе, которое всякое правительство должно имѣть къ свободѣ совѣсти, къ правамъ отца семейства, къ самостоятельности отдѣльной личности, вполне согласовалось съ намѣреніемъ законодателя вести новыя поколѣнія по пути прогресса. Но временное правительство не имѣло достаточно времени изслѣдовать этотъ важнѣйшій вопросъ, а министръ народнаго просвѣщенія, находясь въ заколдованномъ кругу, извращавшемъ лучшія намѣренія, употреблялъ палліативы тамъ, гдѣ нужны героическія средства ¹⁾. Онъ началъ съ того, что основалъ комиссію съ громкимъ названіемъ: «Высшая комиссія литературныхъ и научныхъ изслѣдованій». Ей было предоставлено составленіе проекта о первоначальномъ образованіи, который основывался бы на принципахъ бесплатности, обязательности и свободной конкуренціи. Нормальная, политехническая и сѣнъ-сирская школы должны были принимать учениковъ бесплатно. Особымъ декретомъ отъ 8 марта, Карно учредилъ на тѣхъ же основахъ, какъ и политехническую школу, которая должна была готовить чиновниковъ для различныхъ отраслей гражданской службы ²⁾. У правительства не было средствъ, чтобы назначить въ эту школу спеціальныхъ профессоровъ. Оно присоединило ее къ Collège de France, и нѣкоторые профессора этой высшей школы взяли за проведеніе новаго преподаванія. Правительство предложило устроить особую свободную

„Исторіи Революціи 1848 года“, т. II, стр. 461, Ламартинъ увѣряетъ, что онъ „откровенно признался папѣ, что таково его мнѣніе. Римъ и высшее духовенство,—говоритъ онъ,—казалось, совсѣмъ не были напуганы такой перспективой“.

¹⁾ Перечитывая декреты и рѣчи этой эпохи, поражаешься обиліемъ такихъ выраженій, какъ: „изслѣдовать вопросъ, изучить дѣло, найти рѣшеніе“. Ничто такъ ясно не доказываетъ, какъ мало было въ революціи единства, и что она застала врасплохъ даже тѣхъ людей, которые особенно страстно ее желали. Вліяніе людей, причастныхъ къ редакціи „National“, въ эпоху временнаго правительства, создалось тѣмъ, что они, получая власть, имѣли уже заранѣе опредѣленную и разработанную программу и при томъ исключительно политическаго характера.

²⁾ Нѣсколько разъ, говоритъ Карно въ своей брошюрѣ („Министерство народнаго просвѣщенія и религіи съ 24 февраля по 5 іюля 1848“), въ послѣдней законодательной сессіи монархіи предполагалось упорядочить приемъ и передвиженіе по службѣ чиновниковъ въ общественныхъ учрежденіяхъ. Все эти предложенія признавались за необходимыя и вмѣстѣ съ тѣмъ всегда терпѣли фиаско, потому что не опирались на прочное основаніе. Истинной основой могла бы служить только школа, гдѣ бы изучалась наука администраціи.

школу (Athénée libre) съ большимъ числомъ кафедръ, предоставлен-ныхъ всѣмъ, кто чувствовалъ въ себѣ склонность и способность преподавать, подѣ единственнымъ контролемъ общественнаго мнѣ-нія. Это было сдѣлано съ цѣлью дать ходъ молодымъ талантамъ, а съ другой стороны, дать возможность будущимъ министрамъ на-роднаго просвѣщенія выбирать для официального преподаванія самыхъ достойныхъ людей. Министръ учредилъ цѣлый рядъ но-выхъ кафедръ, имѣвшихъ предметомъ распространеніе администра-тивного и политическаго образованія, озабочился устройствомъ ком-мунальныхъ библиотекъ для ознакомленія сельскаго населенія съ полезными книгами, открылъ вечернія публичныя лекціи для рабо-чихъ. Онъ обнаружилъ также симпатіи къ женскому образованію, разрѣшивъ открыть въ Collège de France специально для женщинъ предназначенный курсъ ¹⁾. Онъ намѣревался также поднять мате-риальное и моральное положеніе народнаго учителя, объявилъ не-обходимымъ присоединить къ начальнымъ школамъ занятія по зем-ледѣлію и изученію гражданскихъ правъ. Въ своихъ циркулярахъ онъ настаивалъ на необходимости просвѣщенія крестьянъ и пред-ложилъ коммунальнымъ учителямъ составить элементарныя руко-водства по политическому праву. Мы увидимъ далѣе, какъ неудач-ная редакция нѣкоторыхъ изъ этихъ руководствъ, а также и одного циркуляра, который министръ подписалъ, не прочитавъ, испугали общественное мнѣніе и дали поводъ, вмѣстѣ съ налогомъ въ 45 сан-тимовъ и рѣзкимъ тономъ министра внутреннихъ дѣлъ, къ сом-нѣніямъ и возраженіямъ, которыми воспользовались побѣжденные партіи, чтобы взять верхъ на общихъ выборахъ.

Но изъ всѣхъ министровъ самая большая отвѣтственность пе-редъ обществомъ падала на министра общественныхъ работъ, ко-торому выпала тяжелая задача организовать общественныя ма-стерскія ²⁾. Первая идея устройства этихъ мастерскихъ вовсе

¹⁾ „Принимая во вниманіе,—говорится въ декретѣ отъ 2 марта,—что обществу необходимо выработать себѣ, посредствомъ серьезныхъ науч-ныхъ занятій и преній, опредѣленный взглядъ по столь важному и столь живому вопросу и т. д.“. „Нельзя не предвидѣть, — писалъ позже Карно (Mémoires 1848), — что результатомъ ближайшаго соціальнаго движенія бу-детъ измѣненіе положенія женщины: оно выведетъ ее изъ того подчинен-наго состоянія, въ которомъ она сейчасъ находится“.

²⁾ Не стоитъ въ настоящее время опровергать клевету, которая такъ долго обвиняла Луи-Блана въ созданіи и организаціи національныхъ ма-стерскихъ. Партія, обвинявшая тогда вождей соціальныхъ школъ во всѣхъ безпорядкахъ, долго держала общественное мнѣніе въ томъ заблужденіи. Было вполне доказано, что Луи-Бланъ не принималъ ника-кого участія въ рѣшеніяхъ относительно національныхъ мастерскихъ, и система организаціи этихъ мастерскихъ была во всѣхъ пунктахъ прямо противоположна его теоріямъ. Вотъ какъ Ламартинъ охарактеризовалъ

не принадлежала Республикѣ 1848. Національныя мастерскія и въ идеѣ, и на словахъ мы встрѣчаемъ въ наказахъ 1789 года, гдѣ требовалось, чтобы «бѣдный и богатый одинаково принадлежали къ обществу, чтобы «всякая частная благотворительность была строго запрещена, чтобы «всѣмъ работоспособнымъ бѣднякамъ была обез-печена работа», чтобы «были учреждены благотворительныя мастер-скія, общественныя, провинціальныя, національныя, гдѣ бы всѣ здоровые или больные люди безъ различія возраста и пола могли найти себѣ, во всякое время, соответствующую ихъ положенію работу» ¹⁾. Въ маѣ мѣсяцѣ 1789 года парижская коммуна открыла на Монмартрѣ обширныя земляныя работы. Три мѣсяца спустя Ма-луэ предложилъ Собранію организовать эти мастерскія и распро-странить ихъ въ департаментахъ, смотря по надобностямъ промы-шленности. Спустя годъ, 30 мая 1790 г. Національное Собраніе издало декретъ объ открытіи въ Парижѣ и департаментахъ ма-стерскихъ для мужчинъ, женщинъ и дѣтей, «такъ какъ,—говорилось въ декретѣ,—общество обязано дать своимъ членамъ средства къ существованію и работу». Въ 1791 году комитеты благотворительно-сти, государственнаго устройства, налоговъ и духовныхъ дѣлъ пред-лагади учредить фондъ «всеобщей помощи», чтобы нація, «которая признаетъ права бѣдняка», не употребляла болѣе словъ: милостыня, благотворительность, а давала бы работу здоровымъ и приходила на помощь дѣтямъ, больнымъ и старикамъ». Конвентъ 1793 года объявилъ декретомъ, что «общество обязано позаботиться о сред-ствахъ существованія для бѣдныхъ гражданъ, доставляя имъ ра-боту и обезпечивая неспособныхъ къ труду». Наконецъ, въ пра-

національныя мастерскія (Исторія февральской революціи, т. II, стр. 120): „Управляемая и поддерживаемая начальниками, тайно сочувствующими *анти-соціалистической* партіи правительства, мастерскія составляли про-тивовѣсъ сектантскому духу рабочихъ Люксембурга вплоть до созыва національнаго собранія. Не будучи вовсе на жалованіи у Луи-Блана, какъ объ этомъ говорилось, рабочіе мастерскихъ были подѣ вліяніемъ идей его противниковъ“.

Въ своемъ показаніи, даннымъ имъ контрольной комиссіи, Эмиль Тома, директоръ мастерскихъ, выражается такъ: „Я всегда боролся вмѣ-стѣ съ парижской мэріей противъ Ледрю-Роллена, Флюкона и др. Я всегда былъ въ открытой враждѣ съ Люксембургомъ и оказывалъ прямое сопротивленіе вліянію Луи-Блана“ (Докладъ контрольной ком-миссіи, т. 2, стр. 352). Наконецъ, Гарнье-Пажесъ (Эпизодъ изъ Революціи 1848 г., стр. 48) говоритъ: „Я обязанъ передъ истиной заявить, что учре-жденіе національныхъ мастерскихъ состоялось съ одобренія всѣхъ чле-новъ правительства безъ исключенія, и что съ перваго и до послѣдняго дня Луи-Бланъ не принималъ никакого участія въ управленіи ими“.

¹⁾ Смотри указы дворянства и третьяго сословія, въ особенности Па-рижа, Метца, Ріома, Дурдана и др.

вление Людовика-Филиппа большая часть экономистовъ, какъ католиковъ и филантроповъ, такъ и социалистовъ, настаивала болѣе или менѣе упорно на необходимости дать работу трудящемуся классу¹⁾.

Такимъ образомъ, было вполне логично и неотложно, чтобы Республика, которая взяла на себя дальнѣйшее осуществление конституціонныхъ идей 89 г., задушенныхъ Имперіей и вновь ожившихъ въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ и школахъ во время двухъ послѣднихъ монархій, реализовала, насколько то было возможно, требованія наказовъ и пожеланія конвента. Ошибка временнаго правительства состояла не въ томъ, что оно провозгласило эти обязательства и рѣшеніе ихъ выполнить, а въ томъ, что оно обмануло пролетаріатъ пустымъ парадомъ въ конференціяхъ Люксембурга и созданіемъ развращающей и безрезультатной организаціи въ національныхъ мастерскихъ²⁾. Само обманутое этими двумя грандіозными по виду уступками текущему моменту, правительство, казалось, успокоилось и пренебрегло дѣйствительными средствами, которыми оно могло бы воспользоваться, не тревожа никого, а именно: систематическими уменьшеніями расходовъ и разумнымъ распредѣленіемъ полезныхъ работъ по всей Франціи.

Я, впрочемъ, уже сказала въ другомъ мѣстѣ о томъ, что можно было сдѣлать; посмотримъ теперь, что было сдѣлано. Мы знаемъ, что 25 февраля временное правительство выпустило декретъ, въ которомъ гарантировало трудящимся работу. 27 числа былъ утвержденъ декретъ по организаціи національныхъ мастерскихъ. 28 числа министръ общественныхъ работъ объявилъ всѣмъ безработнымъ (а число ихъ доходило къ этому времени до 7.000—8.000) объ организаціи важныхъ работъ въ различныхъ мѣстностяхъ, и что мэрамъ 12-ти участковъ поручено принимать прошенія и направлять рабочихъ на мѣста исполненія работъ, Работъ, уже начатыхъ, за которыя можно было бы тотчасъ же взяться, было совсѣмъ мало³⁾,

¹⁾ Даже Ламартинъ, который былъ всегда яркимъ противникомъ теорій организаціи труда, говоритъ въ 1844 г. въ газетѣ «La Presse»: «Мы хотимъ, чтобы общество признало право на трудъ въ исключительныхъ случаяхъ и опредѣленныхъ условіяхъ».

²⁾ Въ 1846 году крайне бѣдственное положеніе массъ, вызванное неурожаемъ и наводненіемъ, дало инженеру Буланже мысль организовать зимой на нѣкоторыхъ трактахъ департамента Луары мастерскія для нуждающихся. Лучшее исполненіе работъ, временная помощь были, собственно говоря, по словамъ Ж. Ж. Вода (Revue des Deux-Mondes, годъ 18-й, т. 23), незначительнѣйшими результатами этой мѣры: ея же истинная полезность заключалась въ новыхъ идеяхъ, вызванныхъ ею у людей, ее создавшихъ.

³⁾ Это были: 1) работы по очисткѣ коммунальныхъ участковъ, по нивелировкѣ Европейской площади, гдѣ работало 1500 человекъ, 2) земляныя

число же безработныхъ быстро возросло, такъ какъ уменьшались работы въ частныхъ мастерскихъ, а фабрики и заводы закрывались; въ результатѣ — дума была завалена просьбами. Произошло то, что при здоровомъ размысленіи можно было вполне предвидѣть. Мэры и директора мастерскихъ, не имѣя возможности дать работу, отсылали рабочихъ одинъ къ другому. Эти странствованія изъ одного участка въ другой, съ инструментами, по разнымъ концамъ Парижа, изъ Шалль въ Сень-Мандэ, отъ заставы Мэнъ до Роменвиля, и вечеромъ возвращеніе обратно домой безъ силъ, вызывали раздраженіе; рабочіе видѣли себя игрушкой въ рукахъ администраціи и, находя семью въ нищенскомъ положеніи и выслушивая жалобы товарищей, испытавшихъ ту же участь, естественно раздражались угрозами. У дверей разныхъ бюро ежедневно собирались толпы народу; мятежъ организовывался тутъ же на улицѣ.

Правительство, узнавъ о затруднительномъ положеніи директоровъ и о томъ, что въ народѣ идетъ броженіе, думало найти выходъ изъ критическаго положенія раздачей денегъ въ видѣ помощи безработнымъ. Каждый мэръ имѣлъ право при представленіи ему рабочимъ контромарки съ указаніемъ, что мѣста въ мастерской нѣтъ, выдавать ему полтора франка въ день. Эта странная мѣра дала плачевный результатъ. Всѣ тѣ, кому привычка къ сидячему труду дѣлала земляныя работы черезчуръ тяжелыми, мастера-художники, литейщики, граверы, чеканщики, механики, золотыхъ дѣлъ мастера и т. д., чьи неогрубѣлыя руки отказывались копать землю, приказчики въ книжныхъ магазинахъ и различныхъ лавкахъ, которые не могли ворочать киркой и лопатой, предпочитали безработицу, оплачиваемую правительствомъ, тяжелой и плохо оплачиваемой работѣ.

Приманка въ видѣ вѣрной получки безъ работы привлекла, конечно, вскорѣ въ Парижъ массу рабочихъ изъ департаментовъ и изъ-за границы¹⁾. Безпорядокъ дошелъ, наконецъ, до того, что

работы по устройству Вокзальной набережной, занимавшей 500—600 человекъ. 3) работа по устройству насыпи въ каменоломняхъ Chaillot и бичевой полосы, утрамбовка и нивелировка нѣкоторыхъ дорогъ, замощеніе нѣкоторыхъ другихъ путей: на этихъ работахъ было 1,000—1,200 рабочихъ, 4) мастерская на Марсовомъ полѣ, открытая военнымъ министромъ вмѣстѣ съ городомъ Парижемъ, организованная и управляемая военными инженерами и принимавшая въ началѣ до 2,000 человекъ.

¹⁾ Въ своей инструкціи отъ 20 марта къ комиссарамъ бельгійской границы Ледрю-Роллэнъ, озабоченный все возрастающимъ числомъ рабочихъ, рекомендуетъ самыя строгія мѣры для предупрежденія наплыва во Францію несостоятельныхъ рабочихъ - иностранцевъ, которые явятся бременемъ для коммуны и вызовутъ неудовольствіе въ населеніи. 4 февраля онъ ихъ увѣдомляетъ, что будутъ сдѣланы официальные распоряженія по допущенію въ національныя мастерскія только рабочихъ, по-

2 марта администрация объявила, что она не в состоянии дальше сдерживать эту праздную толпу. В это время один молодой инженер, на глазах которого ежедневно происходили шумные сцены перед мэрами, составил проект организации, который и представил министру. Этот последний одобрил проект и созвал в день заседания из 12 мэров, городского совета и главных инженеров, которые, под председательством Гарнье-Пажеса, рассмотрели и одобрили план Эмиль-Тома¹⁾. На другой день 6 марта Эмиль Тома был назначен комиссаром республики и директором национальных мастерских. Для его пребывания был назначен павильон Монсо и к услугам предоставлена многочисленная администрация. Хотя он зависел непосредственно от министра общественных работ, он был подчинен мэру Парижа и должен был сноситься с мэрами двенадцати округов. Министр обещал ему деятельную помощь инженеров путей сообщения, которые представляют ему немедленно проекты работ, могущих тотчас же быть пущенными в ход. Казалось, можно было надеяться, что критическое положение, в которое стало правительство, не продолжится дольше, и что серьезное начало работ положить конец беспорядкам, носившим характер, все более и более угрожавший народному спокойствию. При выяснении положения дель в собрании думы оказалось, что круглая цифра безработных равняется 17,000. Никто не подумал в то время, что цифра эта может значительно возрасти; обыкновенно ее представляли как преувеличенную, тогда как уже к 15 марта истинная цифра поднялась свыше 49,000.

Организация, установленная Эмилем Тома, была совершенно военная. Администрация раздвигалась на 14 округов, соответственно четырнадцати городским и пригородным управлениям, и состояла из 4 помощников директоров. Для поддержания порядка были назначены 8 специальных комиссаров. Сорок восемь агентов-счетчиков ревизовали списки; двенадцать инспекторов, под начальством главного инспектора, наблюдали каждый за своим округом. Для нуждающихся артистов, художников, скульпторов, рисовальщиков, которые приходили за гарантиро-

селлившимся в Париж не позже 24 февраля, остальным же рабочим будет оказано содействие по возвращении их на родину" (См. „Rapport de la commission de l'enquête“, т. 2, стр. 170).

¹⁾ На этом заседании присутствовало 24 человека и ни один из них не был против плана Эмиля Тома. То были: мэр Парижа, Гарнье-Пажес, помощник мэра Бюше; главный секретарь Флотарь; начальник персонала служащих Барбе; завѣдующий водопроводами и мостовым Парижа Трэмизо и др.

ванной декретом временного правительства работой, была придумана особая должность агентов, производящих расплату, оплачиваемую по 4 франка в день¹⁾. Эмиль Тома задумал также основать в Монсо особую специальную стражу, из прежних муниципальных гвардейцев в числе около 1000, которые продолжали бы таким образом получать жалование. Но когда распространились слухи об этом проекте, то рабочие начали роптать. Чтобы предупредить неприятные столкновения, решено было отправить муниципальных гвардейцев в Бомонь-на-Уазь, где они, под командой своих прежних офицеров и унтер-офицеров, образовали четыре роты для добывания руды, а затѣм, послѣ июльских дней, были преобразованы, по приказанию генерала Кавеньяка, в подвижной отряд жандармерии.

Что касается рабочих, то вот в чем состояла их организация: 11 человек, принадлежащих к одному округу, составляли взвод, их начальник выбирался рабочими из своей же среды и получал 2 фр. 50 сан. ежедневно; 5 таких взводов составляли бригаду в 56 человек, начальник которой также избирался непосредственно из них же и получал ежедневно 3 франка; 4 бригады составляли роту. Четыре роты составляли «лейтенанство». Четыре лейтенанства составляли дивизию, которая вмѣстѣ съ начальником заключала в себя 900 человек. Лейтенанты и ротные назначались администрацией. Каждая из частей организации имѣла особая знамена. Начальник всей организации имѣл под своей командой трех ротных и, стало быть, 2,708 человек. Для поступления в мастерские работник должен был получить у мэра своего округа свидѣтельство, что он старше 16 лѣтъ, и представить бюллетень съ указанием своего имени, профессии и мѣста жительства. Таким образом, возникал расход, достигавший значительной суммы даже по прежним расчетам, оказавшимся скоро ниже действительности, так как, помимо рабочих, занятых земляными работами и получавших 2 франка, были еще безработные, которым продолжали платить по 1 фр. 50 сан., а тот, кто раньше работал по своей профессии издѣльно, получал еще высшую плату. Между тѣм бюро помощи продолжали раздавать записки на получение хлѣба, мяса и булѳона семьям внесенных в списки рабочих²⁾. Ко всем затруднениям прибавлялся еще недостаток в текущих работах. Инженеры не представляли никаких проектов. За нимѣнием серьез-

¹⁾ Таких агентов было около 800 человек.

²⁾ Помимо администрации в Монсо существовали еще другія мастерскія для женщин съ расходом по отчетам казначейства в 1,720,000 франков.

ныхъ работъ, Эмиль Тома, единственно съ цѣлью не оставлять бригады безъ занятій, рѣшили употребить ихъ въ работы по засаженію и дренированію бульваровъ, но на эту работу требовалось не болѣе 400 человекъ за разъ. Чтобы не оставлять безъ дѣла другихъ, Эмиль Тома посылалъ остальныхъ за деревьями въ питомники и за инструментами въ крѣпости. Этотъ способъ доставки былъ не экономиченъ. Рабочіе прекрасно видѣли, что это только насмѣшка надъ трудомъ, и относились недобросовѣстно къ этому дѣлу. Можно было видѣть, какъ рабочіе [длинными вереницами бродили по Елисейскимъ полямъ и по бульварамъ, распѣвая веселыя пѣсни, насмѣхаясь и надъ собой, и надъ своимъ начальствомъ, увеселяя публику шутками. У самыхъ честныхъ зарождалось внутри чувство негодованія; другіе же издѣвались надъ правительствомъ, которое оплачивало имъ ежедневныя прогулки; самый нежелательный духъ воцарялся среди этихъ массъ, которыя легко можно было привести къ серьезной работѣ и воодушевить къ большимъ предпріятіямъ.

Просьбы о вступленіи въ мастерскія, между тѣмъ, все притекали ¹⁾. Для членовъ правительства національныя мастерскія служили какъ бы средствомъ отдѣлываться отъ неудобныхъ просителей; съ другой стороны, каждый изъ нихъ былъ радъ, предвидя близкіе выборы, пристроить туда своихъ людей. Черезъ нѣкоторое время эти мастерскія представляли изъ себя скопище разнообразныхъ артистовъ и ремесленниковъ, хотя и честныхъ, но деморализованныхъ ²⁾, людей, даже, ненуждавшихся ³⁾, авантюристовъ, проходимцевъ, которые, подъ видомъ профессіи, вымогали плату за бездѣлье, а дѣлаясь еще агентами разныхъ политическихъ партій,

¹⁾ По переписи 7 іюня 1848 года число лицъ, вступавшихъ въ организацію, увеличивалось слѣдующимъ образомъ: съ 9 по 15 марта 5,100 человекъ; съ 16 по 31 марта 23,250; съ 1 по 15 апрѣля 36,520 человекъ; съ 16 по 30 апрѣля 34,530 человекъ. Расходъ съ 5 марта по 23 мая при управленіи Эмиля Тома возросъ до 7.240,000 франковъ (*Rapport* и т. д., т. II, ст. 156).

²⁾ „Я открылъ въ прискорбной статистикѣ, которая сейчасъ передо мной,—говоритъ Мари въ своемъ докладѣ Національному Собранію о національныхъ мастерскихъ („*Moniteur*“, 8 мая 1858),—секретъ многихъ бѣдствій, о которыхъ не подозрѣвалъ, такъ же какъ и вы пока не подозрѣваете“.

³⁾ Среди нихъ встрѣчаются, говорится въ докладѣ полиціи отъ 7 апрѣля 1848 года, торговцы виномъ, хозяева меблированныхъ комнатъ и даже собственники (*Rapport*, т. II, стр. 178).

„Случается, говоритъ Фалло въ своемъ докладѣ Національному Собранію (28 мая 1848 г.), что даже имѣющіе хорошія заработокъ люди отправляются изъ центра Парижа въ національныя мастерскія въ день и часъ, когда тамъ производится расплата, за своимъ вознагражденіемъ“.

брали съ нихъ же деньги. Единственного же средства, которое могло дисциплинировать и облагородить эту разношерстную массу—работы—не было. Каждый день Эмиль Тома отправлялся въ министерство, чтобы поторопить, и каждый день получалъ неизмѣнный отвѣтъ, что инженеры ничего еще не прислали. Наконецъ, 15 марта Эмиль Тома, возмущенный этой медлительностью, требуетъ собранія инженеровъ. Изложивъ имъ всю опасность дѣла, онъ потребовалъ, чтобы серьезные работы были тотчасъ же опредѣлены, но инженеры отвѣчали только глубокимъ молчаніемъ. Тогда Трэмизо, завѣдующій водопроводами и мостовыми Парижа, упрекаетъ ихъ въ сознательной или безсознательной инертности какъ разъ въ такой моментъ, когда рѣчь идетъ о благѣ всѣхъ; онъ предлагаетъ цѣлый рядъ работъ, которыя можно тотчасъ же начать. Эмиль Тома настаиваетъ на планахъ Трэмизо и дополняетъ ихъ другими предложеніями ¹⁾. Распуская собраніе инженеровъ, Мари совѣтуетъ имъ отнестись въ будущемъ къ дѣлу съ большимъ рвеніемъ, такъ какъ число рабочихъ возрастаетъ съ каждымъ днемъ, а вмѣстѣ съ ними возрастаетъ недовольство и негодованіе; необходимо немедленно дать имъ работу, иначе крупные беспорядки неизбежны.

Когда инженеры удалились, министръ продолжалъ совѣщаться съ Эмилемъ Тома, Бюше и Булажемъ, главнымъ секретаремъ министерства. Бюше доложилъ министру, что расходы по національнымъ мастерскимъ настолько возрастаютъ, что городскіе доходы совершенно не могутъ ихъ покрыть ²⁾. Необходимо, чтобы казна взяла на себя часть этого чрезвычайнаго расхода. Во всякомъ случаѣ, нужно понизить плату бездѣлятельнымъ, чтобы постепенно свести ее къ нулю. Министръ сомнѣвался въ результатѣ такой мѣры и не бралъ на себя отвѣтственности. Возникалъ серьезный страхъ передъ этой бездѣльной арміей, отъ которой рассчитывалось такъ много получить. Чувствовалось, что она уходитъ изъ рукъ начальства и что ее будетъ одинаково трудно и поддерживать, и распустить. Эмиль

¹⁾ Эмиль Тома въ своей запискѣ къ министру общественныхъ работъ отъ 4 августа 1848 г. признаетъ, что эти работы „совершенно бесполезны, что въ результатѣ получился мертвый капиталъ“, и что занятыми при этихъ работахъ оказались только 14,000 человекъ (*Rapport*, т. V, стр. 157).

²⁾ Первое время отчетности въ національныхъ мастерскихъ почти не существовало. Приходъ и расходъ отмѣчались на листкѣ бумаги. Суммы, назначаемыя для расплаты, распределялись безъ контроля, безъ серьезной отвѣтственности, по квитанціямъ агентовъ, завѣдовавшихъ расплатой. Результатомъ этого была масса двойныхъ платежей и даже подложныхъ выдачъ. Расходъ перваго мѣсяца былъ 1,400,000 франковъ. 25 марта финансовый инспекторъ Руа былъ командированъ спеціально для установленія отчетности. Несмотря на полный беспорядокъ, онъ опредѣлилъ дефицитъ всего только въ 600 франковъ.

Тома убѣдилъ министра и взялъ на себя уменьшеніе платы. На другой же день, 16 марта онъ опубликовалъ, что впредь съ этого дня безработнымъ будетъ выдаваться 1 франкъ въ день ¹⁾. Его довѣріе не было обмануто. Чувство справедливости и стыда за получаемое незаслуженно жалованіе заговорило въ этихъ взволнованныхъ, но неспорченныхъ массахъ, сильнѣе, чѣмъ нужда. Пролетаріатъ показалъ еще разъ, что даже въ самыхъ критическихъ обстоятельствахъ онъ даетъ первенство голосу разума. Не раздалось ни одной жалобы противъ этой тяжелой мѣры, уменьшавшей уже и такъ недостаточную плату ²⁾. Рабочіе подчинились. Какъ разъ въ этотъ день цвѣтъ національной гвардіи подавалъ возмущенія, устроивъ демонстрацію, выражавшую враждебныя чувства къ правительству и отвращеніе къ демократическому равенству, — демонстрацію, которой мѣткое народное остроуміе дало характерную кличку «манifestація мѣховыхъ копаковъ».

Кромѣ министерствъ, слишкомъ мало подчиненныхъ совѣту временнаго правительства, чтобы создать единство дѣятельности, создались еще двѣ независимыхъ власти: парижская мэрія и префектура полиціи. Въ обыкновенное время эти два значительныхъ административныхъ учрежденія зависѣли отъ министра внутреннихъ дѣлъ, который держалъ, такимъ образомъ, въ своихъ рукахъ управленіе Парижемъ, но революція 25 февраля раздѣлила эту общую силу на три различныя части, глубоко разъединенныя между собой.

Обуреваемый воспоминаніями первой революціи, совѣтъ въ своемъ первомъ же засѣданіи въ думѣ утвердилъ выборы мэра Парижа, прошедшіе, какъ я упоминала выше, въ бурномъ засѣданіи муниципальнаго совѣта, и предоставилъ Гарнье-Пажесу чрезвычайныя полномочія. Мы уже видѣли, какимъ образомъ за это время одинъ изъ агентовъ „Réforme“, Маркъ Коссидьеръ, прежній президентъ «Общества правъ челоѣка» въ Сэнъ-Этьеннѣ и приговоренный къ пожизненной тюрьмѣ за послѣдній мятежъ въ Лионѣ, занялъ полицейскую префектуру. Два сильныхъ соперника демократической партіи стали лицомъ къ лицу: каждый занималъ важный постъ и могъ помѣриться одинаковымъ оружіемъ. Борьба не замедлила загорѣться. Вечеромъ 26 февраля Гарнье-Пажесъ, считая Коссидьера своимъ подчиненнымъ, послалъ ему черезъ Бетмона распоряженіе убрать баррикады, мѣшавшія подвозу съѣстныхъ припасовъ. Бетмонъ былъ принятъ въ полиціи такъ, что повялъ сразу, съ какими необузданными элементами правительство имѣетъ дѣло, и какъ трудно будетъ подчинить ихъ какому бы то ни было авторитету. Окруженный

¹⁾ См. „Историческіе документы“ въ концѣ тома n° 16.

²⁾ Изъ четырехъ дней рабочіе работали только одинъ.

отрядомъ отчаянныхъ людей, соединенныхъ общимъ стремленіемъ къ приключеніямъ, Маркъ Коссидьеръ игралъ среди нихъ совершенно серьезно роль отчасти шутовскую, отчасти трагическую. Въ префектурѣ было, повидимому, все разсчитано на увеличеніе его престижа. Цѣль Коссидьера заключалась въ томъ, чтобы поражать умы буржуазіи рѣзкимъ контрастомъ между угрожающимъ богатымъ классамъ аппаратомъ власти и актами покровительства по отношенію къ отдѣльнымъ личностямъ, между нелѣпыми разговорами и умѣлымъ управленіемъ. Вотъ чѣмъ онъ хотѣлъ укрѣпить свой авторитетъ, а также освободиться отъ контроля временнаго правительства. Удачѣ его плановъ помогли интриги во враждебной партіи и броженіе умовъ; Коссидьеру удалось во время революціоннаго кризиса удержать равновѣсіе, опираясь, и не безъ ловкости, съ одной стороны на подонки пролетаріата, которому онъ умѣлъ льстить, а съ другой стороны, на буржуазію, которую забавляли его эксцентричныя выходки и которая была ему благодарна за установленный въ городѣ порядокъ. При первой же попыткѣ Гарнье-Пажеса заставить его взять на себя командованіе замкомъ Комьенъ, Коссидьеръ рѣшительно отклонилъ предложеніе. Когда Бетмонъ отважился явиться на другой день въ префектуру полиціи, то увидѣлъ, что она на военной ногѣ, и нечего было и думать объ удаленіи оттуда кого либо. Пробираясь черезъ залы, покинутыя недавно г-жей Делессеръ, пропитанныя теперь запахомъ вина, табаку и пороха, что превращало ихъ въ какой-то солдатскій кабакъ, — Бетмонъ, сопровождаемый руганью, кличкой монархиста, измѣнника Республики, съ большимъ трудомъ добрался до Коссидьера. Несмотря на изысканную вѣжливость префекта полиціи ¹⁾, поснѣжившаго исполнить просьбу министра о помилованіи начальника патруля, которому угрожалъ разстрѣлъ за то, что онъ забылъ пароль, Бетмонъ понялъ всю трудность дисциплинировать подобную администрацію. Впечатлѣніе, какое вынесъ Бетмонъ и которымъ онъ подѣлился съ нѣкоторыми изъ своихъ коллегъ, заставило ихъ задуматься. Уже было рѣшено, что необходимо реорганизовать временное правительство на лучшихъ началахъ. Разсказъ Бетмона только заставилъ потопиться. Думали, что лучше будетъ тотчасъ же начать неизбежную борьбу, чѣмъ откладывать ее на неопредѣленное время. Дать

¹⁾ Въ эти первые дни Коссидьеръ особенно рисовался изысканной вѣжливостью. Делессеръ въ своихъ письмахъ подтверждалъ его галантность. По его словамъ, Коссидьеръ по отношенію къ нему держался такъ, какъ Ламартинъ по отношенію къ Гизо. Онъ отказался войти въ личные апартаменты, которые г-жа Делессеръ спѣшно покинула, и распорядился, чтобы всѣ находившіяся тамъ вещи были ей возвращены (Смотри „Историческіе документы“ въ концѣ тома, n° 17).

своимъ врагамъ время для выясненія силъ и соглашенія было бы непростительной ошибкой. Необходимо было побѣдить мятежные элементы въ думѣ и въ полиціи, пока они еще не сговорились окончательно. По плану этихъ заговорщиковъ консервативной республики, нужно было издать новый декретъ о республикѣ и образовать новое временное правительство, назначивъ президентомъ Ламартина, о согласіи котораго еще никто не позаботился.

Спѣшка была страшная. Свиданіе для обсужденія средствъ къ исполненію было назначено на 27 марта ночью у Мари. Бетмонъ, которому было поручено составленіе прокламаціи, явился во-время, но самъ Мари, душа заговора, забылъ о собраніи. Измученный дневной работой, онъ бросился на кровать и крѣпко заснулъ. Въ виду важности предпріятія, рѣшено было разбудить его и объявить, что Маррастъ, Карно, Паньеръ и Бетмонъ ждутъ его въ сосѣдней комнатѣ для очень неотложнаго дѣла. Начатое такимъ образомъ обсужденіе вопроса не приняло, конечно, серьезнаго и активнаго оборота. Кромѣ того, они были въ слишкомъ незначительномъ числѣ для законныхъ постановленій. Гарнье-Пажесъ извинялся, что не могъ быть, Араго и Ламартинъ не пріѣхали. По замѣчанію Марраста, необходимо было заручиться содѣйствіемъ генерала Куртэ.

Черезъ часъ, когда посланные за отсутствующими членами собранія вернулись безъ результата, рѣшено было отложить засѣданіе до другого дня. Иныя заботы заставили отложить снова. Между тѣмъ Коссидьеръ, не совѣщаясь и не обсуждая, такъ, однако, утвердился со своими монтаньярами, что было бы безуміемъ нападать на нихъ открыто. Еще нѣсколько попытокъ подчинить полицію мэру Парижа кончились ничѣмъ; избѣгали официальнаго признанія Коссидьера; пытались истощить его терпѣніе тысячью мелкихъ придирокъ, но сопротивляющаяся сторона, поддерживаемая Ледрю-Ролленомъ, оказалась упорнѣе, чѣмъ нападающая, и 13 марта Ледрю-Ролленъ вынудилъ у правительства рѣшеніе, что Коссидьеръ не только остается на своемъ посту, но и будетъ находиться въ зависимости лишь отъ министра внутреннихъ дѣлъ. Въ это время Коссидьеръ устраивалъ префектуру полиціи на подобіе Парижской коммуны въ 93 году. Онъ окружилъ себя настоящей арміей, которая носила названіе *народной гвардіи* и *монтаньяровъ* и составляла довольно грозную личную его стражу. Онъ раздѣлил ее на четыре роты, всего около 2,700 человекъ пѣхоты и кавалеріи; они получали исключительно большое жалованье по 2 франка 25 сан. въ день и носили въ видѣ формы синюю блузу съ краснымъ шерстянымъ поясомъ и галстухомъ. Чтобы поступить въ эту народную гвардію, надо было доказать свое участіе въ

битвѣ на баррикадахъ, принадлежность къ одному изъ тайныхъ обществъ или, по меньшей мѣрѣ, свое заключеніе въ тюрьмѣ за политическія убѣжденія. Фанатическая привязанность къ своему начальнику, котораго они называли «солнцемъ республики», царила долго среди этихъ людей, но понемногу, несмотря на бдительный надзоръ, тайные агенты враждебнаго лагеря, шпионы, находящіеся и на жалованіи у другихъ партій, втерлись въ ихъ ряды такъ умѣло, что Коссидьеръ не являлся уже ихъ безусловнымъ господиномъ и могъ встрѣтить не одного доносчика въ этомъ баталіонѣ, пользовавшемся репутацией непокушности.

Коссидьеру дѣятельно помогала молодой человекъ, по имени Собріе, который имѣлъ очень странное вліяніе на самыхъ рьяныхъ террористовъ. При взглядѣ на него, это казалось бы прямо невозможнымъ. Его блѣдное и нѣжное лицо, мягкость выраженія, предупредительныя манеры мало, повидимому, соответствовали его роли начальника членовъ секцій. Въ немъ проявлялись самыя рѣзкіе контрасты. Родомъ изъ Ліона, сынъ бакалейнаго торговца, обремененнаго семьей, онъ былъ усыновленъ однимъ изъ дядей, сборщикомъ податей въ деревнѣ департамента Изеры. Соскучившись черезъ нѣкоторое время работой въ конторѣ, онъ уѣхалъ въ Парижъ, не имѣя ни малѣйшаго представленія, что онъ будетъ тамъ дѣлать. Ему было 20 лѣтъ; онъ былъ хрупкаго сложенія, застѣнчивъ, роялистъ и католикъ по убѣжденію, и отличался необыкновенной природной отвагой.

Во время переѣзда изъ Ліона въ Парижъ, дилижансъ, въ которомъ онъ ѣхалъ, остановился ночью у подножія холма, возлѣ глубокаго открытаго колодезя. Собріе, выходя изъ экипажа, упалъ въ колодезь. Было употреблено много времени для того, чтобы его оттуда вытащить. Онъ былъ въ обморокѣ, съ разбитой головой, такъ что его считали уже мертвымъ. Когда онъ оправился послѣ тяжелой болѣзни, результатомъ его паденія было пониженіе его и безъ того слабыхъ умственныхъ способностей, онъ сталъ впадать въ экзальтацию. Вскорѣ подъ вліяніемъ своихъ земляковъ ліонцевъ, принадлежащихъ къ тайнымъ обществамъ, имъ овладѣлъ какой-то республиканскій экстазъ, которымъ пользовались его новые друзья въ виду того, что, получивъ два крупныхъ наслѣдства, онъ сталъ однимъ изъ самыхъ богатыхъ дѣятелей демократическаго лагеря. Вступивъ въ 1834 г. въ «Общество временъ года», Собріе оказался замѣшаннымъ въ апрѣльскомъ заговорѣ. 21-го февраля, онъ храбро бился на баррикадахъ и получилъ въ бюро «Reforme» миссію занять съ Коссидьеромъ мѣсто въ префектурѣ полиціи. Но черезъ два дня Коссидьеръ для того ли, чтобы удалить неудобнаго конкурента или, что правдоподобнѣе, для основанія новаго рево-

люционнаго центра под своимъ наблюдениемъ, поселилъ его на улицѣ Риволи № 16, въ помѣщеніи, прежде оплачиваемомъ на счетъ гражданского листа, и поручилъ ему организовать здѣсь возможно скорѣе клубъ и газету. Покровительствуемый Ламартиномъ, который надѣялся воспользоваться имъ и, безъ согласія своихъ коллегъ, велѣлъ выдать ему оружіе изъ полиціи, Собріе очень быстро сформировалъ изъ монтаньяровъ Коссидьера отрядъ въ 300—400 человекъ, который, расположившись лагеремъ въ самомъ богатомъ и покойномъ кварталѣ Парижа, вызвалъ этимъ полное удивленіе и страхъ горожанъ. Тонъ, царившій на улицѣ Риволи, былъ тотъ же самый, что въ полицейской префектурѣ. Тамъ говорилось постоянно о томъ, чтобы поджечь Парижъ и *покончить съ буржуазіей*. Повсюду глазъ встрѣчалъ одни только ружья, сабли и пистолеты. Всѣ были на «ты», обзывая другъ друга разбойниками и измѣнниками; къ начальнику можно было пройти только сквозь цѣлый рядъ вооруженныхъ съ головы до ногъ молодцовъ, требовавшихъ пароль. Чтобы довершить картину, надо сказать, что столъ на тридцать приборовъ былъ всегда готовъ для каждаго, кто кричалъ о своемъ патриотизмѣ, а во дворѣ всегда стояла карета, принадлежавшая гражданскому листу, и запряженная парой хорошихъ лошадей изъ королевскихъ конюшенъ на случай отправки въ разные концы Парижа распоряженій Собріе и его приспѣшниковъ. Это былъ настоящий революціонный карнавалъ съ предводителемъ, помѣшаннымъ на республикѣ. Теперь это кажется смѣшнымъ, но тогда это наводило ужасъ. Собріе считали страшнымъ, а онъ былъ только сумасбродъ. Ставъ вмѣсто прежняго роялиста яркимъ республиканцемъ, онъ въ сущности не измѣнился ни въ чемъ. Онъ былъ безконечно добръ, чрезвычайно слабъ умомъ и въ глубинѣ души никому не желалъ зла.

Большинство членовъ совѣта, видя, что вытѣснить Коссидьера нѣтъ никакой возможности и боясь, какъ бы, Ледрю-Ролленъ съ помощью полиціи не узурпировалъ власть, — что, повидимому, входило въ его намѣренія, — рѣшило создать себѣ, по крайней мѣрѣ, въ сердцѣ Парижа солидную точку опоры. Должность мэра, свободная послѣ назначенія Гарнье-Пажеса министромъ финансовъ, была отдана Маррасту, т. е. газетѣ «National», воплощавшейся въ человекъ, который самъ наиболѣе способенъ своимъ умомъ и тактикой бороться противъ хитрости и популярности Коссидьера, представителя газеты «Réforme». Это была собственно уже давнишняя борьба. Вернувшись въ 1840 году изъ ссылки, Маррастъ сталъ при помощи «National» руководителемъ республиканской оппозиціи; и съ того момента, когда «Réforme» начала оспаривать у него вліяніе на общественное мнѣніе, прекративъ полемику

политическаго характера, совершенно не захватывающую массы, и перейдя къ рѣшенію социальныхъ вопросовъ, онъ обратилъ противъ этой газеты свою насмѣшливую критику и зазубренные стрѣлы своихъ эпиграммъ. Родившись въ Сэнь-Годанъ въ департаментѣ Верхней Гаронны, будучи сначала ученикомъ, а затѣмъ преподавателемъ въ коллежѣ Понъ ле-Буа, Маррастъ потерялъ интересъ къ своей дѣятельности и уѣхалъ въ Парижъ, гдѣ началъ искать въ роли политическаго журналиста работы, болѣе подходящей къ его натурѣ и способностямъ. Послѣ 1830 года онъ сталъ редакторомъ «Трибуны», былъ замѣшанъ въ апрѣльскомъ процессѣ, бѣжалъ изъ тюрьмы Св. Пелагеи вмѣстѣ съ Кавеньякомъ въ Лондонъ, откуда посылалъ въ «National» корреспонденціи о политикѣ Англій. По возвращеніи въ Парижъ онъ взялъ въ свои руки эту газету, которая благодаря ему достигла процвѣтанія и довела его до власти.

Маррастъ не былъ крупнымъ честолюбцемъ. Его намѣренія не простирались далеко. Это былъ человекъ, желавшій лишь выдвинуться. Онъ мечталъ о власти и богатствѣ не для того, чтобы создать себѣ высокую репутацію или облагородить свою жизненную дѣятельность, а просто, чтобы наслаждаться благами жизни. Обладая живымъ и подвижнымъ умомъ, онъ умѣлъ руководить кoterіями, умѣлъ догадываться, добиваться, подчинять себѣ болѣе крупныхъ людей, но не обладалъ существенными качествами для того, чтобы сформировать партію. Непостоянный, насмѣшливый, легкомысленный, беспорядочный въ дѣлахъ, иногда онъ однимъ словомъ или пустой оплошностью терялъ сразу все, что стоило ему столькокихъ происковъ. Вся его дѣятельность въ дни временнаго правительства состояла сплошь изъ дипломатическихъ и полицейскихъ приемовъ. То гоненіе, которое онъ вынесъ, защищая Республику, его рѣдкія способности, извѣстный авторитетъ, созданный ему его болѣе раннимъ поведеніемъ, — все это въ концѣ концовъ потеряло значеніе изъ-за личныхъ его дѣлъ и благодаря скептицизму его характера. Мы видѣли, что, вступая въ совѣтъ, Маррастъ удовлетворялся скромнымъ титуломъ секретаря. Онъ не поддерживалъ протестовъ Луи-Блана, не принималъ участія въ замѣнѣ нѣкоторыхъ мѣстъ правительственной прокламаціи другими, предпринятой 26 февраля въ «Moniteur» ¹⁾, онъ не придавалъ значенія внѣшнимъ отличіямъ и считалъ болѣе важнымъ укрѣпиться въ дѣйствительности, возможно менѣе сталкиваясь съ колле-

¹⁾ Подмѣнъ былъ совершенъ въ «Отдѣленіи Гласности», учрежденномъ 24-го вечеромъ въ одномъ изъ городскихъ бюро подъ дирекціей Шарля Блана, брата Луи-Блана.

гами. Но, утвердившись въ думѣ 10 марта, онъ принялъ свои мѣры. Первымъ дѣломъ распустилъ муниципальный совѣтъ, затѣмъ увеличилъ стражу думы подъ командой полковника Рея до 2700 человекъ, организовалъ дѣятельную и многочисленную полицію¹⁾, которой было поручено главнымъ образомъ слѣдить за полиціей Коссидьера, Ледрю-Роллена и Ламартина. Вскорѣ его агенты проникли всюду: въ министерство внутреннихъ дѣлъ, въ клубы, въ мастерскія; изъ всѣхъ членовъ правленія онъ былъ лучше всѣхъ осведомленъ объ интригахъ среди вождей партій. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ взялъ себѣ въ помощники Эдмонда Адана, человекъ большой энергии и умѣренныхъ взглядовъ, а въ секретари—яраго революціонера Давьо и своего товарища по заключенію, близкаго друга Барбеса, сапожника Шильмана. Такимъ образомъ онъ создалъ себѣ сообщниковъ во всѣхъ лагеряхъ, былъ готовъ ко всякимъ случайностямъ и въ то время, какъ дѣятельно собиралъ элементы для борьбы, не оставлялъ безъ вниманія возможный успѣхъ своихъ противниковъ. Неподдающийся самъ страстямъ, онъ думалъ, что сумѣетъ управлять страстями другихъ, такъ какъ умѣлъ понять ихъ, и льстилъ себя надеждой, что будетъ управлять ходомъ революціи. Но это была глубокая ошибка. Чтобы бороться съ отдѣльными личностями, достаточно имѣть тонкій умъ, но чтобы руководить событіями, нужно обладать могуществомъ генія или величіемъ характера.

Мы только что разсмотрѣли тѣ разнообразныя силы, которыя внутри самого правительства пытались захватить каждая для себя управленіе дѣлами. Остается еще познакомиться съ различными факторами, помимо правительства вліявшими на народъ, а именно: съ прессой, клубами и личнымъ воздѣйствіемъ агитаторовъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

¹⁾ По расчетамъ Адана, помощника мэра, эта полиція во время управленія ею Маррастомъ обошлась не менѣе 50,000 франковъ. Громадные расходы по полиціи и небрежность Марраста въ отчетности привели бюджетъ мэріи къ дефициту, въ которомъ онъ не могъ отдать отчетъ.

Историческіе документы.

I.

Программа газеты „*La Reforme*“, составленная Луи-Бланомъ.

Всѣ люди—братья. Тамъ, гдѣ нѣтъ равенства, свобода—ложь. Общество существуетъ, благодаря неравенству способностей и различію функций; но высшія способности не должны быть связаны съ большими правами; они соотвѣтствуютъ большимъ обязанностямъ.

Въ этомъ состоитъ принципъ равенства: ассоціація—необходимая его форма.

Конечною цѣлью ассоціаціи является удовлетвореніе умственныхъ, нравственныхъ и матеріальныхъ потребностей всѣхъ чрезъ приложеніе и соревнованіе различныхъ силъ и способностей.

Рабочіе были *рабами*, были *крѣпостными*, теперь они—*наемники*; необходимо довести ихъ до положенія *членовъ ассоціаціи*.

Этотъ результатъ можетъ быть достигнутъ только дѣйствіемъ демократической власти.

Истинно-демократической властью является та, которая имѣетъ своимъ принципомъ верховенство народа, своимъ источникомъ всеобщую подачу голосовъ и цѣлью—осуществленіе формулы: Свобода, Равенство, Братство.

Правители въ истинной демократіи являются только уполномоченными народа: они должны быть отвѣтственны и смѣняемы.

Общественныя функціи не представляютъ отличій; онѣ не должны составлять привилегіи; онѣ являются обязанностями.

Всѣ граждане имѣютъ равное право участвовать въ выборѣ уполномоченныхъ народа и въ законодательной работѣ, но для того, чтобы это равенство права не было призрачнымъ, всякая общественная должность должна быть оплачиваема.

Законъ есть воля народа, формулированная его уполномоченными. Все должны повиноваться закону, но все имѣютъ право открыто обсуждать законъ съ цѣлью измѣнить его въ томъ случаѣ, когда онъ оказывается плохимъ.

Свобода печати должна быть охраняема и поддерживаема, какъ гарантія противъ возможныхъ заблужденій большинства и какъ орудіе прогресса человѣческаго разума.

Образованіе гражданъ должно быть общимъ и бесплатнымъ. Забота объ этомъ лежитъ на государствѣ.

Каждый гражданинъ долженъ пройти школу солдата. Никто не можетъ слагать съ себя, откупаясь деньгами, обязанность содѣйствовать защитѣ своей страны.

Государство должно взять на себя инициативу промышленныхъ реформъ, способствующихъ проведенію такой организаціи труда, которая вывела бы рабочихъ изъ положенія наемниковъ и привела бы къ положенію членовъ ассоціаціи.

Кредитъ частныхъ лицъ долженъ быть замѣненъ государственнымъ кредитомъ. До освобожденія пролетаріата государство должно служить банкиромъ для бѣдныхъ.

Рабочій имѣетъ такое же право, какъ и солдатъ, на признательность государства. Сильному и здоровому гражданину государство обязано дать работу, старому и слабому — помощь и покровительство.

II.

Письмо принца Жуанвилльскаго къ герцогу Немурскому, 1847.

Наше положеніе незавидно. Состояніе финансовъ внутри страны послѣ 17 лѣтъ мира неблестяще. Не болѣе того мы блещемъ и во внѣшней политикѣ, гдѣ можно было бы искать удовлетворенія чувству собственного достоинства, которое такъ дорого для страны и которое могло бы отвлечь ея вниманіе отъ наиболѣе серьезныхъ золъ.

Появленіе у власти Пальмерстона, возбуждая страстное недовѣріе короля, привело насъ къ испанской войнѣ и создало намъ прискорбную репутацію людей недобросовѣстныхъ. Разъединенные съ Англіей въ тотъ моментъ, когда происходили событія въ Италіи, мы не могли принять въ нихъ активное участіе, которое могло сильно увлечь нашу страну и было согласно съ принципами, отъ которыхъ мы не можемъ отказаться, такъ какъ только ими обусловливается наше существованіе. Мы не рѣшались выступить противъ Австріи изъ-за боязни, что Англія тотчасъ же образуетъ

противъ насъ новый Священный Союзъ. Мы является предъ Палатами съ необыкновенно плохимъ, какъ внутреннимъ, такъ и внѣшнимъ, состояніемъ страны. Все это—дѣло рукъ одного короля, результатъ старости короля, который хочетъ управлять, но которому не достаетъ силы принимать мужественныя рѣшенія.

Самое худшее—это, что я не вижу средствъ помочь всему этому. Что говорить, что дѣлать, когда обнаружится наше печальное финансовое положеніе? Что предпринимать за границей, чтобы поднять наше положеніе и слѣдовать такой линіи, которая соотвѣтствовала бы желанію нашей страны? Ужъ, конечно, не вмѣшиваться въ союзъ съ Австріей въ швейцарскія дѣла, что было бы для насъ тѣмъ, чѣмъ была для Реставраціи кампанія 1823 года. Я надѣялся раньше, что Италія могла бы служить для насъ тѣмъ отвлекающимъ средствомъ, въ которомъ мы такъ нуждаемся; но теперь ужъ слишкомъ поздно, дѣло здѣсь проиграно.

Мы ничего не можемъ тутъ подѣлать безъ содѣйствія Англіи; а каждый день, который даетъ имъ возможность выигрывать лишнія позиціи, по необходимости отбрасываетъ насъ въ противоположный лагерь. Намъ ничего болѣе не остается, какъ удалиться, потому что, оставаясь, мы неизбежно будемъ принуждены дѣйствовать заодно съ ретроградной партіей, что оказалось бы пагубнымъ для насъ—внутри Франціи. О, эти несчастные испанскіе браки! Мы еще не исчерпали до конца всю чашу содержащейся въ ней горечи.

Резюмирую: финансы Франціи находятся въ разстройствѣ; во внѣшней политикѣ намъ предстоитъ или принести публичное покаянiе Пальмерстону по поводу испанскихъ дѣлъ, или дѣйствовать заодно съ Австріей, чтобы взять на себя роль жандарма въ Швейцаріи и бороться въ Италіи противъ нашихъ принциповъ и нашихъ естественныхъ союзниковъ. Все это должно быть поставлено въ вину королю, одному королю, который извратилъ наши конституціонныя учрежденія. Я считаю это очень серьезнымъ, потому что боюсь, что вопросы о министрахъ и министерствахъ будутъ въ концѣ концовъ оставлены въ сторонѣ, а всегда опасно, когда предъ лицомъ дурного общаго положенія народное собраніе начинаетъ обсуждать принципиальные вопросы. Если бы можно было еще найти какое-либо событіе, какое-либо дѣло, требующее немедленнаго исполненія, что могло бы объединить въ случаѣ усѣха людей нашего лагеря, — тогда были бы еще шансы выиграть битву; но я не вижу ничего.

III.

Декларация, опубликованная оппозиционными газетами 22 февраля 1848 года.

Ко всемъ гражданамъ.

Сегодня должна состояться великая и торжественная манифестация въ защиту права собраній, оспариваемаго правительствомъ. Были приняты все мѣры для обезпеченія полного порядка и предупрежденія всякаго могущаго произойти замѣшательства. Правительство за нѣсколько дней было поставлено въ извѣстность о принятыхъ мѣрахъ и знало, какой характеръ будетъ носить этотъ протестъ. Ему было также не безызвѣстно, что депутаты отправятся in corpore къ мѣсту банкета, соутствующие большимъ числомъ гражданъ и безоружныхъ національныхъ гвардейцевъ. Оно объявило о своемъ рѣшеніи не препятствовать этой демонстраціи до тѣхъ поръ, пока не будетъ нарушенъ порядокъ, и ограничиться составленіемъ протокола относительно всего, на что оно смотритъ, какъ на нарушение закона, но въ чемъ оппозиція видитъ, напротивъ, лишь пользованіе правомъ. Внезапно, придравшись къ объявленію, имѣвшему единственной цѣлью предупрежденіе беспорядковъ, которые могли бы произойти, благодаря большому стеченію гражданъ, правительство объявило о своемъ рѣшеніи силою противодѣйствовать всякому скопленію народа на улицахъ и воспретить, какъ населенію, такъ и національной гвардіи принимать какое бы то ни было участіе въ предстоящей манифестации. Это запоздалое рѣшеніе правительства не позволяло оппозиціи измѣнить характеръ демонстраціи. Передъ ней стояла альтернатива: вызвать столкновеніе между гражданами и военной силой, или отказаться отъ законнаго и мирнаго протеста, на который она рѣшилась.

При такомъ положеніи члены оппозиціи, являясь лично охраняемыми званіемъ депутатовъ, не могли подвергать произвольно гражданъ столкновенію, которое оказалось бы пагубнымъ столь же для порядка, какъ и для свободы. Оппозиція разсудила по этому, что ей слѣдуетъ воздержаться отъ манифестации и всю отвѣтственность за принятые мѣры сложить на правительство. Оппозиція приглашаетъ всехъ гражданъ слѣдовать ея примѣру.

Откладывая, такимъ образомъ, до другого раза пользованіе этимъ правомъ, оппозиція беретъ на себя обязательство отстаивать его всеми конституционными средствами. Оппозиція не отказывается отъ этого долга; она будетъ продолжать съ настойчивостью и еще съ большей энергіей, чѣмъ когда-либо, начатую ею борьбу противъ раззорительной, наглой и анти-національной политики.

Отказомъ отъ банкета оппозиція исполняетъ великій актъ умѣренности и человѣчности. Она знаетъ, что теперь ей остается совершить актъ стойкости и справедливости.

Въ соотвѣтствіи съ резолюціей, принятой оппозиціей, обвинительный актъ противъ министерства будетъ безотлагательно предложенъ большимъ числомъ депутатовъ, изъ которыхъ упомянемъ: гг. Одилона Барро, Дювержье де-Горанна, де-Малевиля, д'Арагона, Абатюкси, Бомона (изъ Соммы), Жоржа де-Лафайета, Буасселя, Гарнье-Пажеса, Карно, Шамболля, Друэна де-Люисъ, Фердинанда де-Ластери, Гавэна, де-Куртэ, Вавэна, Гарнона, Марки, Жуванселя, Тайлландье, Бюро де-Шюзи, Люно, Сэнтъ-Альбэна, Камбасереса, Моро (изъ Сены), Бержэ, Мари, Бетмона, де-Тіара, Дюпона (де-Лёръ) и т. д.

IV.

Обвинительный актъ, предъявленный Одилономъ Барро въ бюро палаты депутатовъ въ засѣданіи 22 февраля 1848 года.

Мы предлагаемъ предъявить обвиненіе министерству, какъ виновному:

1. Въ предательствѣ иностранцамъ чести и интересовъ Франціи.
 2. Въ искаженіи принциповъ конституціи, нарушеніи гарантій свободы и покушеніи на права гражданъ.
 3. Въ попыткахъ путемъ систематическаго подкупа подмѣнить свободное выраженіе общественнаго мнѣнія низкими расчетами частнаго интереса и въ искаженіи такимъ образомъ представительнаго образа правленія.
 4. Въ продажѣ, ради чисто министерской выгоды, общественныхъ должностей, равно какъ всехъ атрибутовъ и преимуществъ власти.
 5. Въ раззореніи въ тѣхъ же интересахъ государственныхъ финансовъ и въ компрометированіи такимъ образомъ національныхъ силъ и величія.
 6. Въ насильственномъ лишеніи гражданъ правъ, неразрывно связанныхъ съ каждой свободной конституціей и пользованіе которыми было гарантировано Хартіей.
 7. Наконецъ, въ оспариваніи, путемъ открытой контръ-революціонной политики, всего того, что было завоевано нашими двумя революціями, чѣмъ было вызвано въ странѣ глубокое смятеніе.
- Гг. Барро (Одилонъ), Дювержье де-Гораннъ, де-Тіаръ, Дюпонъ (де-Лёръ), де-Малевиля (Леонъ), Гарнье-Пажесъ, Шамболль, Бетмонъ, Лербетъ, Пажесъ (изъ Арьежа), Барошъ, Гавэнь, Фосэ (Леонъ), де-Ластейри (Фердинандъ), де-Куртэ, де-Сэнтъ-Альбэнь,

Кремье, Гольте де-Рюмилли, Рэмбо, Буассель, де-Бомонъ (изъ Соммы), Лессепс, Моганъ, Кретонъ, Абатюкси, Люно, Баронъ, де-Лафайетъ (Жоржъ), Мари, Карно, Бюро де-Пюзи, Дюссолье, Матье (изъ Соны-и-Луары), Друэнъ де-Люистъ, д'Арагонъ, Камбасерэсъ, Дро, Марки, Биго, Кинеттъ, Мэнэнъ, Лефоръ-Гонсолланъ, Тессье де-ла Моттъ, Демарсэ, Берже, Боннанъ, де-Жувансель, Лараби, Вавэнъ, Гарнонъ, Мора-Балланжъ, Тайлландэ.

V.

Декларация избирательнаго демократическаго комитета, напечатанная 24 февраля 1848 года.

Министерство пало: это—хорошо.

Но послѣднія событія, взволновавшія столицу, должны обратить вниманіе всѣхъ добрыхъ гражданъ на принятіе необходимыхъ отнынѣ мѣръ.

Легальная манифестация, давно уже объявленная, натолкнулась вдругъ на губительную для свободы угрозу, брошенную министромъ съ высоты трибуны. Были пушены въ хоть огромныя военныя приготовления, какъ будто бы непріятель былъ не у воротъ Парижа, а въ самомъ центрѣ его. Благородно настроенный, но безоружный народъ увидѣлъ, какъ его ряды рѣдѣли подъ ударами солдатъ. Пролилась геройская кровь.

Въ виду такихъ обстоятельствъ, мы, члены избирательнаго демократическаго комитета Сенскихъ округовъ, считаемъ своимъ долгомъ напомнить, что, по точному смыслу Хартіи, опорой для гарантій свободы является патриотизмъ всѣхъ гражданъ организованныхъ въ національную гвардію.

Мы видѣли, какъ во многихъ мѣстахъ солдаты останавливались съ благородной печалью, съ братскимъ чувствомъ предъ безоружнымъ народомъ. И дѣйствительно, какъ для честныхъ людей долженъ быть мучителенъ выборъ между неподчиненіемъ законамъ дисциплины или убійствомъ согражданъ! Но Парижъ—городъ науки, искусства, промышленности, цивилизаціи не можетъ стать полемъ битвы, о которомъ стабо бы мечтать мужество французскихъ солдатъ. Они доказали это своимъ поведеніемъ, осуждающимъ роль, которая была имъ навязана.

Съ другой стороны, національная гвардія энергично высказалась, какъ и слѣдовало этого ожидать, въ пользу преобразовательнаго движенія, и, навѣрное, полученный результатъ былъ бы достигнутъ безъ кровопролитія, если бы не прямая провокація со стороны министерства, провокація, обнаружившаяся въ умышленно грубомъ выставленіи на показъ войскъ.

Итакъ, члены демократическаго избирательнаго комитета предлагаютъ всѣмъ гражданамъ для подписи слѣдующую петицію:

Принимая во вниманіе:

Что вызовъ арміи для подавленія гражданскихъ волненій есть посягательство на достоинство свободнаго народа и на нравственность войска;

Что въ этомъ заключается нарушеніе порядка и постоянное пограніе свободы;

Что обращеніе къ грубой силѣ составляетъ преступленіе противъ права;

Что несправедливо и варварски заставляютъ людей, имѣющихъ сердце, дѣлать выборъ между обязанностями солдата и гражданина;

Что національная гвардія была учреждена именно для того, чтобы гарантировать спокойствіе въ городѣ и охранять свободу націи;

Что только ей принадлежитъ право отличать революцію отъ простаго возмущенія;

Нижеподписавшіеся граждане требуютъ, чтобы весь народъ былъ включенъ въ національную гвардію;

Требуютъ, чтобы муниципальная гвардія была распущена;

Требуютъ законодательнаго постановленія о томъ, чтобы на будущее время армія не могла быть вызываема для подавленія гражданскихъ волненій.

А. Гинаръ, избиратель, уполномоченный отъ 8-го округа;

Луи-Бланъ, избиратель, уполномоченный отъ 2-го округа;

Давидъ (Анжерскій), избиратель, уполномоченный 11-го округа; членъ Института;

Мартэнъ (изъ Страсбурга), избиратель, уполномоченный отъ 10-го округа, бывший депутатъ;

Дюранъ-Сэнтъ-Аманъ, избиратель, уполномоченный отъ 1-го округа;

Пиа (Феликсъ), избиратель, уполномоченный отъ 8-го округа;

Грейнхезеръ, капитанъ 3-го легіона, уполномоченный отъ 5-го округа;

Ваньэ, капитанъ 4-го легіона, уполномоченный отъ 4-го округа;

Гагеттъ, городской избиратель, уполномоченный отъ 4-го округа;

Рекюръ, капитанъ 8-го легіона, избиратель, уполномоченный отъ 8-го округа;

О. Желлэ, избиратель, уполномоченный отъ 9-го округа;

Шомье, избиратель, уполномоченный отъ 9-го округа;

Л. Мондюи, избиратель, уполномоченный отъ 11-го округа;

М. Гудшо, избиратель, уполномоченный отъ 2 округа;

Барбе, избиратель, уполномоченный отъ 10-го округа;

Лово, капитанъ 7-го легіона, избиратель, уполномоченный отъ 7-го округа;

Дофенъ, капитанъ 7-го легіона, избиратель, уполномоченный отъ 7-го округа;

Дестурбэ, капитанъ 7-го легіона, избиратель, уполномоченный отъ 7-го округа;

Бастидъ (Жюль), избиратель, уполномоченный отъ 7-го округа;

Гованъ, начальникъ 3-го легіона, избиратель, уполномоченный отъ 3-го округа;

Массонъ (Викторъ), избиратель, уполномоченный отъ 11-го округа;

Де-ла-Шатръ, избиратель, уполномоченный отъ 1-го округа;

Серкейлъ, капитанъ 8-го легіона, избиратель, уполномоченный отъ 8-го округа.

VI.

Прокламація Одилона Барро, найденная въ кабинетѣ министра внутреннихъ дѣлъ, 24 февраля 1848 года.

Парижъ, 24 февраля 1848 года.

Граждане Парижа!

Король отрекся отъ престола. Отнынѣ корона, дарованная июльской революціей, вѣнчаетъ голову ребенка, находящагося подъ опекой матери. Охрана ихъ вѣрена чести и мужеству парижскаго населенія. Нѣтъ болѣе причинъ для несогласій между нами. Войскамъ отданъ приказъ вернуться въ казармы; для нашей храброй арміи найдется лучшее дѣло, чѣмъ пролитіе крови въ гибельномъ столкновеніи.

Дорогіе сограждане, отнынѣ порядокъ вѣрнется мужеству и благородію парижскаго населенія и его геройской національной гвардіи; они никогда не измѣняли нашему славному отечеству; они не измѣняютъ ему и при настоящихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ.

Подписаль: Одилонъ Барро.

VII.

Отрывки изъ письма Луи-Блана, адресованнаго къ автору.

... Книга Гарнье-Пажеса содержитъ много невѣрныхъ утвержденій, пропусковъ и ошибочныхъ оцѣнокъ. Между прочимъ, отмѣчаю, что онъ представилъ сцену, происходившую, когда я въ первый разъ предсталъ предъ членами временнаго правительства въ такомъ свѣтѣ, точно моя настойчивость въ принятіи титула

секретаря была вызвана *личнымъ* честолюбіемъ. Я отдаю ему справедливость, думая, что если бы онъ былъ на моемъ мѣстѣ, онъ не былъ бы способенъ дѣйствовать въ такихъ душу возвышающихъ обстоятельствахъ по тѣмъ самымъ мотивамъ, которые онъ, повидимому, приписываетъ мнѣ. Истина же заключается въ томъ,— и если память не измѣняетъ мнѣ,— я говорилъ такъ, что на этотъ счетъ не оставалось никакого сомнѣнія,— что рѣчь шла о вопросѣ чрезвычайной важности, при которомъ не могли быть умѣстными никакіе счеты мелкаго самолюбія и мелочнаго тщеславія. Маррасть, Флоконъ и я были избраны не въ *Палату*, а въ *Ратушу*, мы не были, подобно этимъ господамъ, *депутатами*; рѣчь, стало быть, шла о томъ, разсматривать ли Революцію, какъ *парламентарную* или какъ *народную*. Было чрезвычайно важно съ самаго начала точно опредѣлить характеръ только что завершившагося великаго движенія. Такъ какъ я не предполагаю, чтобы Гарнье-Пажесъ изъ чувства честолюбія и тщеславія отодвигалъ насъ—Марраста, Флокона и меня—на второе мѣсто, то единственной причиной этого могла быть съ его стороны боязнь допустить насъ въ правительство и тѣмъ самымъ отнять у Революціи *парламентарный* характеръ, за который онъ такъ стоитъ. Я же настаивалъ на своемъ въ силу совершенно противоположнаго мотива, желая привѣтствовать въ Революціи чисто демократическое движеніе. Я хотѣлъ заставить признать *революціонное* избирательное право. Отрицать его результаты значило бы отрицать его въ принципѣ, а рабочіе, довѣрившіеся мнѣ, не простили бы мнѣ, если бы я легко къ этому отнесся.

Кромѣ того, высшіе интересы требовали, чтобы Маррасть, Флоконъ и я имѣли рѣшающій голосъ при обсужденіи вопроса о принятіи первыхъ мѣръ: отъ этого могло зависѣть провозглашеніе временнымъ правительствомъ республики. Въ самомъ дѣлѣ, Республика пугала гг. Араго и Дюпонъ де-Лѣра: это было слишкомъ очевидно; Ламартинъ до этихъ поръ слылъ легитимистомъ; прошелъ слухъ о присоединеніи Гарнье-Пажеса къ партіи герцогини Орлеанской; три лишнихъ голоса, поданныхъ за Республику, могли склонить успѣхъ на ея сторону; и, наоборотъ, безъ этихъ трехъ голосовъ рѣшеніе рисковало быть такимъ, что привело бы въ ярость народъ на площадяхъ. Что могло быть тогда? Болѣе всего въ данномъ случаѣ въ расчетъ принимался общественный интересъ; и ставить на мѣсто важныхъ соображеній ничтожныя претензіи, коренящіяся въ гордости отдѣльнаго человѣка, это значитъ умалять значеніе великихъ событій этого времени до совершенно невозможной степени.

Впрочемъ, вы знаете, что титулъ *секретаря* исчезъ въ тотъ же

день, когда онъ въ первый разъ появился въ «Moniteur'ф», и что онъ не помѣшалъ намъ имѣть рѣшающій голосъ въ первыхъ же происходившихъ преніяхъ, что нашъ вотумъ имѣлъ такое рѣшающее значеніе въ общемъ счетѣ, что ему главнымъ образомъ Республика обязана своимъ существованіемъ, и съ утра 25 числа не было больше вопроса о разницѣ въ названіяхъ, которая могла существовать лишь при условіи *утраты революціей своего характера*.

Въ одномъ изъ предыдущихъ писемъ, я спрашивалъ васъ, есть ли у васъ подъ рукой мои «*Историческія разоблаченія*». Теперь же я спрошу васъ, извѣстно ли вамъ, что Кремье написалъ мемуары о Февральской революціи? Эти мемуары, судя по тому, что онъ самъ говорилъ моему брату, подтверждаютъ мой рассказъ.

... Говоря объ *источникахъ*, я ничего не сказалъ вамъ объ *Исторіи Революціи* Ламартина. Но это просто непостижимый романъ, который является тѣмъ болѣе непостижимымъ, что онъ написанъ, я въ этомъ увѣренъ, вполне искренно. Ламартинъ слишкомъ честный человекъ, чтобы имѣть печальную способность обманывать, но онъ обладаетъ способностью обманывать себя (self-deceit, какъ говорятъ англичане), доходящую до чудовищныхъ размѣровъ.

VIII.

Временное правительство назначаетъ г. Сэнтъ-Амана, капитана 1-го легіона, коммандантомъ Тюильрійскаго дворца.

Дано въ Ратушѣ, 24 февраля 1848 года.

Члены временнаго правительства:

Ад. Кремье, Гарнье-Пажесъ, Ледрю-Роллэнъ, Дюпонъ (де-Лёръ).

Полковнику Дюмулану, бывшему флигель-адъютанту Императора, вручается высшее начальствованіе надъ Лувромъ и особый надзоръ за Луврской библіотекой и національнымъ музеемъ. Помощникомъ его назначается г. Феликсъ Бувье.

24 февраля 1848 года.

По порученію временнаго правительства,

Временный министръ народнаго просвѣщенія: Карно, Ламартинъ, Ад. Кремье.

Все, что касается управленія изящными искусствами и музеями, раньше находившагося въ вѣдомствѣ императорскаго двора, теперь составитъ особое отдѣленіе при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ.

Жюри, которому поручается приѣмъ картинъ на ежегодныя выставки, должно быть выборнымъ.

Художники будутъ увѣдомлены объ этомъ ближайшимъ постановленіемъ.

Заль 1848 года будетъ открытъ 15-го марта.

Подписаль: Ледрю-Роллэнъ.

IX.

Прокламація Бланки.

Къ временному правительству.

Съ глубокою скорбью прочли сражающіеся республиканцы прокламацію временнаго правительства, возстанавляющую галльскаго пѣтуха и трехцвѣтное знамя.

Трехцвѣтное знамя, освященное Людовикомъ XVI, прославленное первой Республикой и Имперіей, было обезчещено Людовикомъ-Филиппомъ.

Мы не живемъ къ тому же ни во времена Имперіи, ни во времена первой Республики.

На баррикадахъ 1848 года народъ водрузилъ красное знамя. Пускай не пробуютъ его безчестить.

Оно красно отъ той благородной крови, которая была пролита народомъ и національной гвардіей..

Оно ярко развѣвается надъ Парижемъ, оно должно быть сохранено.

Побѣдоносный народъ не позволитъ спустить своего флага.

X.

Прокламація къ арміи.

Генералы, офицеры и солдаты.

Посягательства власти на права и побѣда Парижскаго населенія привели къ паденію правительства, которому вы присягали. Роковое столкновеніе обагрило кровью столицу. Пролитіе крови въ гражданской войнѣ болѣе всего противно Франціи. Народъ все забываетъ, пожимая руки своихъ братьевъ, держащихъ въ рукахъ шпагу Франціи.

Создано временное правительство; оно вызвано настоятельной необходимостью охраны столицы, возстановленія порядка и подготовленія во Франціи народныхъ учреждений, аналогичныхъ тѣмъ, благодаря которымъ Республика такъ возвысила Францію и ея армію.

Вы отдадите честь, мы не сомнѣваемся, этому знамени родины, снова переданному въ руки той самой власти, которая его первая водрузила. Вы увидите, что новыя и сильныя народныя учрежде-

нія, которыя будутъ выработаны народнымъ собраніемъ, открываютъ арміи поприще самопожертвованія и услугъ, и свободная нація сумѣетъ оцѣнить и вознаградить ихъ лучше, чѣмъ короли.

Въ моментъ, когда происходитъ всеобщее переустройство, необходимо возстановить единеніе арміи съ народомъ.

Клянитесь въ любви къ народу, состоящему изъ вашихъ отцовъ и братьевъ. Клянитесь въ вѣрности новымъ учрежденіямъ, и все, за исключеніемъ вашего мужества и дисциплины, будетъ предано забвенію.

Свобода не потребуетъ отъ васъ другихъ услугъ, кромѣ тѣхъ, которыя доставятъ вамъ радость и гордость предъ своими врагами.

Члены временнаго правительства:

Гарнье-Пажесъ, Ламартинъ.

XI.

Письмо генерала Шангарнье.

Господинъ министръ.

Обращаюсь къ республиканскому правительству съ просьбой утилизировать мою преданность Франціи.

Я прошу назначить меня начальникомъ на границу, которой угрожаетъ наибольшая опасность. Привычка командовать войсками, довѣріе, которое они мнѣ выказываютъ, опытность, основанная на серьезномъ изученіи, страстная любовь къ славлѣ, желаніе и привычка побѣждать, — все это позволяетъ мнѣ выполнить, безъ сомнѣнія, съ успѣхомъ, всѣ тѣ обязанности, которыя могутъ быть на меня возложены.

Въ томъ, что я осмѣливаюсь говорить о себѣ, не ищите выраженія пустого тщеславія, но выраженіе горячаго желанія посвятить всѣ свои силы на служеніе родинѣ.

Шангарнье.

XII.

Письмо принца Людовика-Наполеона Бонапарта.

Господа!

Къ населенію Парижа, уничтожившему своимъ героизмомъ послѣдніе слѣды чужестраннаго нашествія, обращаюсь я изъ изгнанія, чтобы встать подъ знамя Республики, которая только что провозглашена. Желаніе служить моей странѣ только одно и заставляетъ меня увѣдомить членовъ временнаго правительства о своемъ возвращеніи и увѣрить ихъ въ моей преданности тому дѣлу, пред-

ставителями котораго они являются, равно и въ моемъ расположеніи къ нимъ лично. Примите, господа, увѣреніе въ искренности этихъ чувствъ.

Людовикъ-Наполеонъ Бонапартъ.

XIII.

Прокламація и приказъ герцога Омальскаго.

Жители Алжира!

Вѣрный долгу гражданина и солдата, я оставался на своемъ посту до тѣхъ поръ, пока былъ увѣренъ, что своимъ присутствіемъ приношу пользу отечеству.

Положеніе измѣнилось. Генераль Кавеньякъ назначенъ генераль-губернаторомъ Алжира; до его прибытія обязанности генераль-губернатора возложены временно на генерала Шангарнье.

Подчиняясь волѣ народа, я удаляюсь, но изъ далекаго изгнанія всѣ мои помыслы будутъ направлены на пожеланіе процвѣтанія и славы Франціи, которой я хотѣлъ бы служить болѣе продолжительное время.

Алжиръ, 3 марта 1848 года.

Генрихъ Орлеанскій.

Разлучаясь съ арміей, могущей служить образцомъ чести и мужества, и гдѣ я провелъ лучшіе годы своей жизни, я могу лишь пожелать ей новыхъ успѣховъ. Теперь, можетъ быть, новый путь раскрывается для ея доблести, я глубоко увѣренъ, что она славно исполнитъ свой долгъ.

Офицеры, унтеръ-офицеры и солдаты, я надѣялся вмѣстѣ съ вами сражаться въ защиту отечества. Мнѣ отказано въ этой чести; но изъ далекаго изгнанія мое сердце будетъ всюду съ вами, будетъ напоминать вамъ о волѣ народа: оно будетъ вмѣстѣ съ вами радоваться вашимъ успѣхамъ. На славу и счастье Франціи — вотъ на что направлены всѣ мои пожеланія.

Генрихъ Орлеанскій.

XIV.

Адресъ аппретурныхъ рабочихъ. — Выраженіе благодарности временному правительству.

Временному правительству.

Граждане!

Франція кликнетъ, и по ея зову пойдутъ на смерть дѣти: на призывный голосъ своей матери дѣти отвѣчаютъ своей сыновней любовью и симпатіями. Когда граждане видятъ свою родину въ опасности, они спѣшатъ предложить ей свою голову, руки, сердце, состояніе и мужество, такъ какъ именно въ трудныя минуты не-

обходимо быть мужественными и уметь находить спасительные пути.

Мы, рабочіе, набивщики ситца, предлагаемъ вамъ нашу слабую помощь. Желая хоть чѣмъ-нибудь содѣйствовать процвѣтанію вашего благороднаго созданія, мы приносимъ вамъ 2000 франковъ. Насъ печалитъ единственно то, что мы не имѣемъ возможности увеличить во сто разъ наше умѣренное приношеніе, которое мы дѣлаемъ съ радостью.

Чтобы помочь нашей несостоятельности, мы приглашаемъ всѣхъ гражданъ, желающихъ процвѣтанія Республики, торговли, промышленности, довѣрія, порядка и стремящихся къ доставленію рабочему возможности жить трудомъ, приглашаемъ ихъ послѣдовать нашему примѣру и каждому удѣлять на эту помощь сообразно съ его состояніемъ, такъ же, какъ мы въ этомъ случаѣ послѣдовали тѣмъ, которые предшествовали намъ на этомъ спасительномъ пути.

Этимъ способомъ мы успокоимъ трусливыхъ, которые бѣгутъ изъ столицы и Франціи, увозя съ собой капиталы, такъ необходимые отечеству. Пусть успокоятся люди, могущіе оказать содѣйствіе возстановленію кредита и финансовъ, пусть доказательство нашей преданности внушить чувства чести тѣмъ, которые хотѣли бы эмигрировать, что въ нашихъ глазахъ является низкою трусостью! Пусть успокоятся всѣ тѣ, которые вѣрятъ возврату кровавыхъ сценъ, начертанныхъ въ нашей исторіи! Пусть успокоятся! Ни гражданская, ни виѣшняя война не расшатываютъ внутренней жизни нашей дорогой Франціи.

Пусть успокоятся относительно Національнаго собранія, потому что въ немъ не будетъ ни монтаньяровъ, ни жирондистовъ! Да, пусть, наконецъ, они успокоятся и помогутъ дать Европѣ чудное зрѣлище: пусть помогутъ доказать всему міру, что во Франціи во время Революціи не существовало насилія, и что благодаря Революціи совершилась лишь перемѣна въ системѣ; что честность наслѣдовала системѣ подкупа; что верховенство народа и справедливость замѣнили ненавистный деспотизмъ; что сила и порядокъ заступили мѣсто слабости; что единеніе смѣнило касты; что на смѣну тираниннѣ явился великій девизъ: *Свобода, Равенство, Братство*, прогрессъ, цивилизація, счастье для всѣхъ и всѣ для счастья.

Мы пользуемся этимъ случаемъ, чтобы просить временное правительство или Національное собраніе, когда оно соберется, за всѣхъ нашихъ товарищей Франціи, чтобы продолжительность работы для нихъ была опредѣлена 10-ю часами въ день, какъ это существуетъ для насъ. Мы требуемъ этого, такъ какъ въ республиканскомъ девизѣ встрѣчается слово *Равенство*. Если уничтожены привилегіи, является ли справедливымъ существованіе въ на-

шей Республикѣ привилегированныхъ? Наши товарищи въ департаментахъ жалуются на то, что все ихъ время поглощено работой, не касаясь, однако, при этомъ ея тяжести. Они хотѣли бы стать достойными нашей новой эры, развивая свои умственные способности; они заслуживаютъ имѣть, по крайней мѣрѣ, часъ, хоть одинъ только часъ для жизни ума, сердца и души.

Но, говоримъ и нашимъ товарищамъ, вооружимся терпѣніемъ, не будемъ сразу предъявлять слишкомъ много требованій; будемъ требовать постепенно, осмотрительно, въ порядкѣ, справедливымъ и человѣчнымъ путемъ, и мы добьемся своего. Правительство заботится о насъ, ради насъ приносить жертвы: нельзя въ теченіи лишь одного дня сдѣлаться счастливымъ. Мы перенесли много страданій подъ игомъ жестокаго деспотизма; ну что же! потерпимъ еще немного для достиженія свободы. Время жатвы еще не пришло: вспашемъ поле свободы, носѣемъ равенство, и мы соберемъ братство, которое намъ принесетъ непремѣнно умственное и нравственное счастье. Мужайтесь же, мужество, энергія необходимы, чтобы сохранить наши силы. Если нѣкоторые властолюбцы захотѣли бы воспользоваться Революціей ради достиженія своихъ личныхъ цѣлей, мы скажемъ имъ: «слишкомъ поздно», точно такъ же, какъ мы говорили тиранамъ: «довольно! слишкомъ поздно!» Мы создадимъ Республику великую, истинную, сильную въ самомъ обширномъ смыслѣ, такую, каковой она была провозглашена; мы сдѣлаемъ ее достойной нашего вѣка и нашихъ современниковъ. Взоры Европы устремлены на насъ; она считаетъ всѣ наши движенія; она сочувствуетъ нашему освобожденію; мы будемъ примѣромъ для всѣхъ народовъ...

Примите отъ насъ, граждане, члены временнаго правительства, какъ выраженіе нашей Республиканской симпатіи, такъ и нашъ братскій привѣтъ.

Да здравствуетъ временное правительство! Да здравствуетъ Республика!

Прокламація временнаго правительства.

Граждане!

Патріотическія пожертвованія притекаютъ въ Ратушу. Сословія государства соперничаютъ каждодневно въ своей самоотверженности и великодушій. Рабочіе, которые съ трудомъ могутъ прокормить свои семьи, находятъ еще возможность изъ своей скудной заработной платы дѣлать вычеты на гражданскія нужды. Бѣдняки, забывая о своихъ нуждахъ, считаютъ за долгъ и счастье новыя лишенія въ томъ случаѣ, когда дѣло идетъ объ удовлетвореніи нуждъ Республики, нашей общей матери.

Вы даете всему міру великій примѣръ. Ратуша, этотъ народный дворецъ, является молчаливымъ свидѣтелемъ всего происходя-

шаго въ эти дни. Если ваша скромность заставляет скрывать васъ геройскіе поступки, временное правительство должно показать ихъ Франціи и Европѣ, которыя смотрятъ на васъ съ удивленіемъ.

Монархія, сокрушенная вами въ февралѣ, испортила многихъ; но зло не проникло еще въ сердце націи; доказательства этому вы видите ежедневно. Прекрасно сражаться и побѣждать за свободу; но еще лучше воздвигнуть свободу на непоколебимой основѣ безкорыстія и патриотизма, которые не боятся самыхъ мучительныхъ испытаній.

Временное правительство должно объявить объ этомъ во всеуслышаніе: вы — гордость Франціи; Республика, находящая себѣ опору въ такихъ сердцахъ, какъ ваши, можетъ безбоязненно заглядывать въ будущее.

Отъ имени родины, отъ имени Франціи, отъ имени всего человѣчества васъ благодарить временное правительство.

30 марта 1848 года.

XV.

Соображенія объ уничтоженіи ареста за долги и выставленія къ позорному столбу.

Французская республика.

Свобода, Равенство, Справедливость.

Временное правительство Республики.

По докладу министра юстиціи.

Считая взятіе подъ арестъ за долги, этотъ старый остатокъ римскаго законодательства, который низводилъ людей до разряда вещей, — несомнѣстимымъ съ нашимъ новымъ гражданскимъ правомъ;

Считая, что, если права кредиторовъ заслуживаютъ покровительства закона, они должны быть охраняемы только соответствующими разуму и гуманности средствами; что недобросовѣстность и обманъ караются уголовнымъ закономъ; что въ оцѣнкѣ, которая свободу гражданъ приравниваетъ къ денежному обязательству, существуетъ посягательство на человѣческое достоинство,

Постановляетъ:

Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ законъ даетъ право брать подъ арестъ за долги, какъ средство для кредитора добиться уплаты денежнаго долга, эта мѣра не должна быть примѣняема до окончательнаго рѣшенія Національнымъ собраніемъ вопроса о задержаніи за долги.

Дано въ Парижѣ, 9 марта 1848 года.

Члены временнаго правительства:

Дюпонъ (де-Лёръ), Ламартинъ, Маррасть, Гарнье-Пажесъ, Альберъ, Мари, Ледрю-Ролланъ, Флоконъ, Кремье, Луи-Бланъ, Араго,

Главный секретарь временнаго правительства, Паньерръ.

Французская Республика.

Свобода, Равенство, Братство.

Именемъ французскаго народа.

Временное правительство.

По докладу министра юстиціи.

Имѣя въ виду 22 статью уголовного кодекса, такъ формулированную:

«Всякій, приговоренный къ одному изъ наказаній — безсрочной каторгѣ, ссылкѣ на каторгу на опредѣленный срокъ или къ тюремному заключенію, привязывается предъ отбываніемъ наказанія къ позорному столбу на площади; выставляется напоказъ народу въ продолженіе одного часа; надъ головой его привѣшивается ярлыкъ, на которомъ большими и четкими буквами сообщается объ имени, профессіи, мѣстожительствѣ, наказаніи и сущности вины».

Считая, что выставленіе къ позорному столбу унижаетъ навсегда человѣческое достоинство приговореннаго, а чувство позора лишаетъ его возможности себя реабилитировать;

Считая, что это наказаніе отличается страшнымъ неравенствомъ въ томъ отношеніи, что оно едва трогаетъ закоренѣлаго преступника, тогда какъ наноситъ непоправимый ударъ тому, который могъ бы раскаяться;

Считая, наконецъ, что зрѣлище выставленія къ позорному столбу уничтожаетъ чувство жалости и позволяетъ привыкнуть къ преступленію;

Постановляетъ:

Наказаніе чрезъ выставленіе къ позорному столбу уничтожить. Дано въ засѣданіи временнаго правительства,

12-го апрѣля 1848 года.

Члены временнаго правительства: Дюпонъ (де-Лёръ), Ламартинъ, Ледрю-Ролланъ, Гарнье-Пажесъ, Луи-Бланъ, Альберъ, Араго, Флоконъ, Арманъ Маррасть, Кремье, Мари.

Главный секретарь временнаго правительства Паньерръ.

XVI.

Прокламація Эмиля Тома.

Французская республика.

Національная мастерскія. Приказъ рабочимъ центрального бюро національных мастерскихъ.

Временное правительство приноситъ громадныя жертвы, чтобы доставить безработнымъ средства къ существованію. Вы легко можете понять, что правительство принуждено заботиться о дальнѣйшемъ сохраненіи средствъ, если оно намѣрено продолжать помогать вамъ.

Въ зависимости отъ этого съ завтрашней пятницы, 17-го числа этого мѣсяца, поденная выдача безработнымъ вмѣсто прежнихъ 1 фр. 50 сант. будетъ сокращена до 1 фр.

Директоръ долженъ довести до свѣдѣнiя рабочихъ, что они будутъ заняты по меньшей мѣрѣ черезъ день; въ этомъ случаѣ плата имъ будетъ равна 2 фр.

Рабочiе должны понять заботы о нихъ временнаго правительства, и Республика полагается на ихъ благоразумiе и любовь къ родинѣ.

Пусть они поймутъ и узнаютъ, что всѣ нами назначаемыя и распредѣляемыя деньги, это—хлѣбъ бѣдняковъ, ихъ насущный хлѣбъ; пусть рабочiе окажутъ намъ помощь со своей стороны въ распредѣленiи этихъ суммъ тѣмъ, что будутъ допускать въ свои ряды только тѣхъ, которые дѣйствительно имѣютъ право на пособие, потому что они въ немъ нуждаются.

Коммиссаръ Республики, директоръ центрального бюро, Эмиль Тома.

Парижъ, 16 марта 1848 года.

XVII.

Письмо Делессера къ Коссидьеру.

Лондонъ, 29 апрѣля 1848 года.

Господинъ Префектъ!

Я только что узналъ отъ своихъ парижскихъ друзей о той благосклонности, которую Вы выказали по поводу непродолжительнаго пребыванiя г-жи Делессеръ въ Пасси, а также о Вашемъ сожалѣнiи по поводу того, что она не обращалась къ Вамъ. Позвольте мнѣ принести Вамъ свою благодарность.

Спѣшу воспользоваться этимъ случаемъ тѣмъ болѣе, что онъ позволяетъ мнѣ выразить Вамъ, насколько я былъ тронутъ Вашей добротой по отношенiю къ намъ, позволивъ съ такой любезностью вывезти изъ префектуры имущество, лошадей и другiя вещи, принадлежащiя лично намъ — моей женѣ и мнѣ; я счастливъ, г-нъ Префектъ, имѣя возможность выразить Вамъ мою сердечную и искреннюю признательность.

Имѣю честь просить Васъ принять мои увѣренiя въ глубокомъ уваженiи.

Габриэль Делессеръ.